

Гуманитарный университет

**Мультикультуральная современность:
Урал-Россия-Мир
(в рамках проекта «Урал – перекресток культур
и народов: проблема мультикультуральности»)**

**Материалы XII Всероссийской научно-практической
конференции (с международным участием)
Гуманитарного университета
2–3 апреля 2009 года**

Том второй

**Проблемы межкультурного взаимодействия
в праве**

Экономика Урала в мультикультурном мире

**Культурное разнообразие в зеркале медиа:
чьи интересы и что интересно?**

**PR и рекламные коммуникации
в полиэтническом пространстве Урала**

**Образование на Урале
как сфера межкультурного взаимодействия**

**Индустрия одежды Урала:
этнокультурные традиции и современность**

**Управление персоналом в условиях
мультикультурального общества:
риски и возможности взаимодействия**

**Информационные технологии – инструмент
межкультурных коммуникаций**

**Екатеринбург
2009**

УДК 3
ББК 60

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Гуманитарного университета

Редакционная коллегия
д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс
д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
д-р юр. наук, проф. А. П. Семитко
д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек
д-р психол. наук, проф. Е. Б. Перельгина
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
канд. ист. наук, доцент К. И. Зубков
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
канд. филос. наук, доцент С. Е. Корчемкин
канд. пед. наук Л. В. Росновская
канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов
канд. пед. наук И. С. Бусыгина

М 90 Мультикультуральная современность: Урал-Россия-Мир: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) Гуманитарного ун-та, 2–3 апреля 2009 года: Доклады / Редкол.: Л. А. Закс и др.: В 2 т. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2009. – Т. 2. – 828 с.
ISBN 5-7741-0110-8

В сборнике представлены материалы, посвященные анализу правовых, экономических, социально-коммуникативных, образовательных проблем современного мультикультурного мира, России, Урала. Рассмотрено влияние этнокультурных традиций на современность и в сфере индустрии одежды.

Рекомендуется специалистам в области социально-гуманитарных наук, студентам, аспирантам; представителям учреждений культуры, правительственных, общественных, религиозно-конфессиональных, правовых организаций. Всем, интересующимся проблемами межкультурного взаимодействия.

УДК 3
ББК 60

ISBN 5-7741-0110-8

© Сборник. Гуманитарный ун-т, 2009
© Оформление.
Гуманитарный ун-т, 2009

Содержание

Раздел первый Проблемы межкультурного взаимодействия в праве	19
<i>Е. П. Криеф-Семитко</i> Взгляд на русскую самобытность французского юриста, влюбленного в Россию	20
<i>Н. В. Азанова</i> Сравнительно-правовой анализ систем наказаний для несовершеннолетних по законодательству России, Германии, Франции	24
<i>В. С. Валова</i> Межкультурное взаимодействие и право	28
<i>Ю. В. Волкова</i> Проблемы определения статуса транснациональных корпораций	31
<i>Д. Е. Гагаринов</i> Категория противоправности в деликтных обязательствах по римскому праву и современному гражданскому праву	36
<i>С. Я. Гаген</i> Идеал правосудия в Древнем Египте (к вопросу об «абсолютном» в правосознании)	41
<i>С. Я. Гаген</i> Идеал правосудия в Ветхом Завете (к вопросу об «абсолютном» в правосознании)	46
<i>С. И. Глушкова</i> Межкультурное взаимодействие и права человека в современном мире: основные проблемы и тенденции	51
<i>Я. А. Голобокова</i> Некоторые аспекты распространения молодежного экстремизма в России	56
<i>А. В. Головизнин</i> Юридическая природа и система норм права, регулирующих оборот культурных ценностей	61
<i>Ю. А. Грехнёва</i> Межкультурное взаимодействие в Средневековой Руси (историко-правовой аспект)	66
<i>Н. Н. Давыдов</i> Глобализация и человеческая свобода	70

<i>С. А. Денисов</i> Конституционный Суд РФ в конфликте двух правовых культур	73
<i>Л. Г. Егина</i> Формирование правовой культуры школьников – неотъемлемый процесс правового воспитания	78
<i>Ю. И. Жегусов</i> Конфликт культур в праве	83
<i>А. В. Зайков</i> Эмфитевтическое качество спартанской илотии (попытка историко-правового сопоставления)	86
<i>Я. В. Зубова</i> Влияние права на формирование и развитие правовой культуры	93
<i>И. В. Идерева</i> Пути повышения правовой культуры школьников	98
<i>Е. Ю. Калинина</i> Многогранность межкультурного взаимодействия в эпоху глобализации	103
<i>А. Е. Каменева</i> Межкультурное взаимодействие в праве как явление	106
<i>В. А. Камышин</i> К уточнению уголовно-процессуального понятия «стороны»	109
<i>А. А. Карташева</i> Развитие концепций авторского права в романо-германской и англосаксонской правовых системах	112
<i>О. А. Колоткина</i> Активность личности в реализации ее права на безопасность в контексте категории «правовая культура»	115
<i>О. И. Леканов</i> Межкультурное взаимодействие в сфере договорного права	119
<i>В. О. Лобовиков</i> Конституционное право, международное право, естественное право: конституционные суды, международные суды и принципиальная возможность создания естественно-правового суда для разрешения межкультурных конфликтов в сфере права	123
<i>Н. А. Мальцева</i> Обязательства из неосновательного обогащения во французском праве: исторические истоки	127

<i>А. Ю. Маракулин</i> Гражданский кодекс Франции и Свод законов Российской Империи: общее и особенное в регламентации сервитутов	132
<i>А. М. Марков</i> Типология уголовного процесса как элемент межкультурного взаимодействия в праве	136
<i>В. А. Муравский</i> Мультикультурность как свойство права	139
<i>А. А. Нелюбина</i> Проблемы межкультурного взаимодействия на примере института мировых судей	143
<i>А. А. Озеров</i> Виды мониторинга правотворчества	146
<i>А. В. Павлов</i> К вопросу о понятии возмещения «ущерба» в межкультурном взаимодействии в праве	148
<i>В. В. Песнохоров</i> Институт ответственности за вред, причиненный товарами ненадлежащего качества, как элемент межкультурного взаимодействия в праве	150
<i>Л. С. Постоялко</i> Идеологические установки правосознания и состояние мультикультурализма: проблема совместимости	155
<i>М. А. Розбаум</i> Проблема социально-правовой защищенности детей с синдромом Дауна	160
<i>А. Г. Рублев</i> Особенности интеллектуального элемента легкомыслия ...	162
<i>А. П. Семитко</i> Столкновение правовых культур	166
<i>М. Н. Семякин</i> Частное право как явление межкультурного дискурса	173
<i>Е. С. Соколова</i> «Время памяти» в европейских садовых топосах Нового времени: политико-правовой аспект	178
<i>Т. В. Филипповская</i> Межкультурные реалии и право студентов на качественное образование	185
<i>Н. Ю. Чельшева</i> Понятие, природа и развитие категории права публичной собственности в России и зарубежных странах	192

<i>Д. С. Шистеров</i> Коммерческое обозначение в российском гражданском праве и международном частном праве как элемент межкультурного взаимодействия	197
<i>Д. А. Ягофаров, О. А. Колоткина</i> Культура прав человека в современном юридическом дискурсе	201
<i>Д. А. Ягофаров, И. Д. Ягофарова</i> Некоторые аспекты культуры интерпретации соотношения свободы и права	207
Раздел второй Экономика Урала в мультикультурном мире	213
<i>М. Е. Барсукова</i> Рынок труда в условиях мультикультуральности региона: миграционный аспект	214
<i>А. Г. Боровских</i> Инвестиционная стратегия как основа деятельности предприятия	217
<i>О. А. Дурандина</i> Маркетинговый подход к регулированию рынка труда в условиях мультикультурного общества	220
<i>А. В. Кашутин</i> Мировой финансовый кризис, реальные причины и влияние на российскую экономику	224
<i>Е. Б. Мицек</i> Формирование системы показателей эффективности логистических систем	229
<i>С. А. Мицек, Е. Б. Мицек</i> Математическое моделирование инвестиционной активности регионов России	234
<i>К. В. Павлов</i> Инновации и инвестиции интенсивного и экстенсивного типа	236
<i>М. С. Подчиненов</i> Совершенствование структуры российско-китайской торговли как антикризисная мера	243
<i>С. И. Пономарева</i> Перспективы привлечения прямых иностранных инвестиций в Уральский регион	248
<i>О. С. Проскурякова</i> Мировой кризис в отраслевом разрезе	251

<i>О. С. Проскурякова</i> Экономический кризис и Свердловская область	253
<i>О. С. Проскурякова</i> Демографическая ситуация на Дальнем Востоке Российской Федерации	255
<i>Т. Н. Сиротинская</i> Информация и конкурентоспособность субъекта экономической деятельности	257
<i>Р. Р. Чугумбаев</i> Учет ключевых свойств моделей экономики организации в разработке показателей эффективности ее деятельности	261

Раздел третий
**Культурное разнообразие в зеркале медиа:
чьи интересы и что интересно?.....**

<i>А. С. Айнутдинов</i> Изобразительные элементы прессы в аспекте визуальной культуры	268
<i>Н. Л. Антонова</i> Информированность населения о правах в области охраны здоровья: роль СМИ	274
<i>В. Н. Белимов</i> Фактор доверия и влияние СМИ в поле экономики. Майк Блумберг: пять шагов к доверию аудитории	277
<i>Э. М. Думнова</i> Роль массовой коммуникации в процессе межкультурного взаимодействия	281
<i>С. О. Калганова</i> Воспроизведение негативного стереотипа «неполная семья» в газетной периодике как фактор социальной дезинтеграции	285
<i>С. О. Калганова, Е. И. Кузьмина</i> Персонифицированный диалог между Востоком и Западом (на примере ток-шоу «Школа злословия»)	290
<i>Р. В. Краснов</i> Журналистика и культура: зерна от плевел (из опыта региональной прессы)	295
<i>А. С. Магранов</i> Глобализация и процесс информатизации культуры в современном обществе	298
<i>О. Ф. Русакова</i> Медиадискурс глэм-культуры	302

<i>Л. Р. Сабирова</i> Культура в зеркале современных СМИ Татарстана	306
<i>Е. А. Самсонова, О. В. Абросимова, Е. Ю. Юдина</i> Роль телевидения и сети Интернет в жизни молодежи Тульской области	310
<i>Т. В. Черепанова</i> «Телевизионный спорт» как специфический феномен медиаккультуры	315

Раздел четвертый

PR и рекламные коммуникации

в полиэтническом пространстве Урала.....319

<i>Е. В. Андреева, Т. В. Лазарева, В. С. Алешина</i> Бренд Урала как способ продвижения региона	320
<i>Ю. В. Архипова</i> Внешнеполитический имидж современной России: something is wrong	327
<i>А. В. Вдовин</i> Урал театральный: PR будущего	331
<i>Г. Г. Гилев</i> Роль рекламы в процессе инкультурации современного общества	335
<i>А. В. Дроздова, И. С. Мошкина</i> Использование социальных стереотипов в современной рекламной коммуникации	340
<i>И. В. Дьяченко</i> Феномен рекламы кино как социальной коммуникации	342
<i>Е. С. Егорова</i> Гомогенизация культур в рекламном дискурсе: формирование единого общества потребления	346
<i>Л. С. Елуфилова</i> Бренд как совокупность ментальных связей	350
<i>М. Ю. Корнеев</i> Специфика социальной мобильности специалистов в области связей с общественностью в России	352
<i>С. Е. Корчемкин</i> Манипулятивные технологии PR в ходе проведения избирательных кампаний	356
<i>Л. Н. Кошетарова</i> Рекламный образ в межкультурной коммуникации	359
<i>Т. В. Лазарева</i> Необходимость рекламных коммуникаций в полиэтническом пространстве Урала. Истинное состояние рекламной отрасли в регионе	363

<i>А. К. Симонова</i> Полиэтничность Уральского региона как культурное основание и механизм формирования общественного сознания	365
<i>М. В. Удальцова</i> Социальные взаимодействия в полиэтническом социуме и их влияние на PR-коммуникации	370
<i>В. С. Харченко</i> PR как инструмент формирования корпоративной идеологии в спорте	374

Раздел пятый

Образование на Урале как сфера

межкультурного взаимодействия.....379

<i>А. В. Антонова</i> Компетенции как показатель нового качества подготовки специалистов	380
<i>С. В. Архипова</i> Ценностные ориентации учащихся 11-х классов школ г. Екатеринбурга	385
<i>С. И. Базуева</i> Международный академический обмен в Уральском регионе (на примере Удмуртского государственного университета)	390
<i>С. В. Балюк</i> Формирование образа зарубежных стран в процессе обучения	394
<i>М. Б. Буланова</i> Социология образования как учебная дисциплина в гуманитарном вузе (опыт Российского государственного гуманитарного университета)	397
<i>Г. В. Вельтищева</i> Бизнес-образование в контексте взаимодействия с государственными и бизнес-структурами: основные принципы и направления развития	402
<i>А. В. Гаук, С. Рзаева</i> Школа – территория межкультурной коммуникации	406
<i>Л. М. Дормидонтова</i> Государственная политика в области социального образования	409
<i>А. К. Ерохин</i> Компаративные исследования в сфере профессионального высшего образования	412

<i>Ж. В. Жираткова</i> Выпускники вузов на рынке труда: ожидания и противоречия	416
<i>Е. Д. Жукова</i> Российская культура и образование в контексте общеевропейского развития	420
<i>Г. Е. Зборовский</i> Образование как сфера межкультурного взаимодействия	425
<i>С. Ф. Идрисова</i> Образование как фактор элитарности	432
<i>Е. Н. Икингрин, Е. И. Пронина</i> Детское чтение в малых северных городах: социальная диагностика современной ситуации	437
<i>М. Ли</i> Языковые и речевые барьеры в русско-китайской коммуникации в сфере образования	443
<i>Т. Л. Лихачева</i> Применение семантического матричного подхода к моделированию образовательных учреждений в мультикультурных регионах РФ	448
<i>А. А. Лысенко</i> Социальное партнерство и образовательные учреждения Пермского края	453
<i>Н. В. Майорова</i> Управление высшим образованием и межкультурное взаимодействие: опыт КНР	458
<i>А. И. Матвеева</i> Фактор организационной культуры в социальной адаптации молодых специалистов в системе образования	462
<i>Д. Е. Москвин</i> Неформальное и информальное образование в современном образовательном дискурсе	466
<i>И. А. Плохова</i> Доступность высшего образования на Урале и в Ульяновской области: сравнительный анализ	472
<i>Е. П. Пьянзина</i> Из опыта создания системы дистанционного образования в Гуманитарном университете	476
<i>И. В. Родина</i> Профессиональная коммуникативная компетентность как фактор виртуального образовательного пространства	481

<i>О. В. Рыжкова, Е. А. Черненко</i> Музей как ресурс для развития образовательного пространства и туристической привлекательности города	483
<i>А. Г. Сарбаева</i> Научные кадры в Республике Башкортостан: гендерный аспект	487
<i>М. В. Селиверстова</i> Организация аттестации педагогических кадров: теория и опыт	492
<i>Н. Д. Сорокина</i> Образование как средство достижения социального согласия	497
<i>Т. В. Филипповская</i> Отторжение знаний как мультикультурный феномен образования	500
<i>А. И. Фишелева</i> Возможности межкультурного взаимодействия студентов в курсе дисциплин культурологического цикла	505
<i>Т. А. Фугелова</i> Традиции и инновации в подготовке инженерных кадров	508
<i>Ю. С. Хлызова</i> Неформальное обучение	511
<i>Л. В. Хохлова</i> Развитие мышления как стратегия философского образования	515
<i>С. Н. Чечулина</i> Институт образования: роль в создании межкультурного пространства	519
<i>Н. В. Шеляхина</i> Институционализация мультикультурного дискурса в образовательном пространстве Урала	525
<i>Т. Ф. Шитова</i> Социологический анализ культуры взаимодействия субъектов высшей школы	529
<i>Е. А. Шуклина, Е. А. Широкова</i> Балльно-рейтинговая система: проблемы адаптации преподавателей к западным образовательным технологиям	533

Раздел шестой**Индустрия одежды Урала:**

этнокультурные традиции и современность	539
<i>О. А. Бакеркина</i> Изучение региональной культуры – путь к развитию Уральской школы дизайна одежды	540
<i>Т. С. Безденежных</i> Традиционный костюм народов Урала	543
<i>М. С. Виноградова</i> Индустрия молодежной одежды Урала в контексте современности	547
<i>М. Е. Горбунова, К. А. Карлина</i> Уральская школа дизайна: Лариса Селянина	550
<i>Т. В. Захарова</i> Мониторинг рынка современной одежды через призму национальной культуры народностей Урала	554
<i>В. А. Мальцева</i> Народный костюм как источник творчества в современном дизайне одежды	565
<i>Л. В. Мерзиевская</i> Преимственность уральского этнокультурного наследия в современном костюме	568
<i>Ю. Л. Неривенько</i> К вопросу о декорировании традиционного костюма обских угров последней трети XX века (на материале музейных коллекций)	572
<i>Е. М. Пичугова</i> Промышленное искусство и художественные промыслы Урала как элемент этнокультурного наследия региона	576
<i>Л. В. Росновская</i> Этнокультурная компонента подготовки конструкторов-дизайнеров одежды: региональный аспект	581
<i>Т. М. Селивёрстова, М. В. Снегирёва</i> Визуальная коммуникация: уральская этнокультурная традиция и современность	587
<i>Л. В. Степанченко</i> Индустрия одежды Урала в условиях возрождения христианской культуры	592
<i>Н. М. Субботина</i> Этнокультурные традиции и мода	597

Г. Ф. Тажитдинова

Традиционная одежда башкир:
функции, материалы, способы изготовления

Ф. Д. Фахрутдинова
Народный костюм как выражение интеграции культур

Раздел седьмой**Управление персоналом в условиях****мультикультурального общества:**

риски и возможности взаимодействия.....

М. Е. Базунова
Критерии оценки предприимчивости работника

Е. А. Бекелева
Роль корпоративной культуры в повышении
производительности труда персонала турфирм

Р. Ш. Бикметов
Регулирование социальных последствий
ресурсного кризиса

А. А. Бицутина, М. В. Селиверстова
Сбалансированная система показателей как инструмент
измерения эффективности деятельности организации

И. И. Богут
Особенности мотивации персонала
в условиях мультикультурного общества

Ю. А. Борисова
Молодые квалифицированные специалисты
как «группа риска» на региональном рынке труда

И. С. Бусыгина
Социально-коммуникативные аспекты
организационной безопасности

И. С. Бусыгина, Н. В. Евстифеева
Социальный интеллект
как основа профессионального успеха руководителя

А. С. Вартамян
Проблемы трудовой мотивации и стимулирования
труда в мультикультурных организациях

Н. М. Глухенькая
Личность руководителя, менеджера, преподавателя

Э. В. Данилова
Подходы к управлению человеческими ресурсами
в мультикультурных организациях

<i>В. В. Запарий, Е. В. Зайцева</i> Основные тенденции формирования трудовых ресурсов в последней трети XX века	657
<i>А. О. Захарова</i> Управление организационной культурой	662
<i>Т. А. Иванычева</i> Организационная культура предприятия в системе управления персоналом организации	666
<i>Ю. С. Квашнина</i> Корпоративный имидж телеканала	670
<i>Г. Р. Корнова</i> Корпоративный тренинг на предприятии гостеприимства: от индивидуального до стратегического уровня	674
<i>В. П. Лимушин</i> Мультикультуральность как системообразующий фактор управления творческим союзом	678
<i>Н. Н. Мечева</i> Процесс развития культуры есть процесс преодоления трудностей	682
<i>О. В. Полянок</i> Проявление разных видов обмана в деловых отношениях	687
<i>С. А. Поспелова</i> Сложности управления персоналом в организациях малого бизнеса	692
<i>Т. В. Прикуль</i> Особенности трудоустройства персонала в условиях кризиса	695
<i>О. С. Проскуракова</i> Как адаптировать в трудовом коллективе компании другой трудовой коллектив: к постановке проблемы	698
<i>Л. Н. Решетникова</i> Мотивационная стратегия как возможность взаимодействия во внутриорганизационной среде	700
<i>И. В. Сабирова</i> Значение и роль корпоративной одежды в современной организации	703
<i>С. Н. Скокова</i> Риски персонала в сфере труда	707
<i>Л. В. Тарасова</i> Компетентностный подход в развитии менеджеров мультинациональных организаций	712

<i>И. В. Тесленко</i> Бизнес-культура современной России как мультикультурного государства	717
<i>Н. А. Тимошкина</i> Система мотивации и стимулирования как одна из стратегий управления персоналом в организации	722
<i>О. Н. Четкина</i> Социальное управление организаций как механизм снижения рисков	726
<i>М. Ф. Шведова</i> Управление субъектом деятельности как механизм реализации кадровой политики	730
<i>И. Г. Шевелева</i> Особенности трудовой мотивации персонала в условиях мультикультурального общества	733
<i>Е. В. Щанина</i> Competency Assessment: типичные ошибки	736
<i>С. А. Юшкова</i> Категория «социальное управление». Управление персоналом в условиях мультикультурного общества	741

Раздел восьмой
Информационные технологии –
инструмент межкультурных коммуникаций.....

<i>А. В. Агеносов</i> Экспертные системы (ЭС) и представление знаний	746
<i>Е. В. Гарник</i> Общественная организация: от заповедника искусства к информационной среде	753
<i>О. С. Гилязова</i> Виртуальная реальность в современном мире: проблемы специфики и взаимодействия	758
<i>В. Г. Григорьев</i> Использование современных Internet-технологий в качестве инструмента межкультурных коммуникаций	763
<i>М. И. Демиденко, Н. В. Хмелькова</i> Интернет-реклама как инструмент маркетинговых коммуникаций (по материалам студенческого исследования)	768
<i>Г. Л. Емельянов, С. Ф. Молодецкая</i> Информационные технологии на промышленном рынке	771

<i>Е. Д. Завьялова</i>	
Социокогнитивные/интегративные подходы к разработке компьютерных средств обучения иностранным языкам	775
<i>Л. Н. Змий</i>	
СМИ и новые ИКТ: сотрудничество или соперничество? ..	778
<i>Г. Я. Коднер</i>	
Информационные системы и менеджеры	783
<i>В. О. Лобовиков</i>	
Информационные технологии и дискретные математические модели естественного права как системы: конкретный пример (образец и метод) работы естественно-правового суда при разрешении межкультурных конфликтов в сфере права	789
<i>Т. А. Минеева</i>	
Особенности организации информационной системы управления производством по индивидуальным заказам ...	794
<i>Г. В. Панина</i>	
Технологии искусственного интеллекта как средство интенсификации образовательной практики	798
<i>Е. А. Свалов, Г. В. Курляндская</i>	
Некоторые аспекты информационных технологий как инструмента межкультурной коммуникации	803
<i>Н. В. Хмелькова</i>	
Предпринимательство в сфере Интернет-технологий (опыт исследования школьников)	807
<i>Е. А. Шабельникова</i>	
Социальные сети современности: анализ и оценка	810
<i>Т. Ф. Шитова</i>	
Использование механизмов «1С:Предприятие» для автоматизации рабочего места работника учебной части	816
<i>Е. Ю. Щербина, Г. В. Цуба</i>	
Интернет – инструмент межкультурных коммуникаций	819
<i>Д. М. Юланова</i>	
Использование музыкально-компьютерных технологий на уроках в общеобразовательной школе как фактор, влияющий на мотивацию к обучению и развитие личностных качеств школьников	822

Раздел первый

Проблемы межкультурного взаимодействия в праве

Взгляд на русскую самобытность французского юриста, влюбленного в Россию**

Для нас, французских юристов, Россия является миром необычным и увлекательным. Ее своеобразие, на наш взгляд, является продуктом синкретической мультикультурности, который во Франции взяли за обыкновение обозначать выражением «славянская душа» или «русская душа», даже если данное выражение принимается не единодушно. Российское право не является исключением. Действительно, внешне, кажется, все способствует нашему сближению. Между тем, нужно остерегаться слишком доверять внешнему сходству. Правовое сознание и юридическая культура в России на самом деле довольно далеки от тех, что преобладают во Франции. Это, по нашему мнению, объясняется различием в господствующих компонентах российской и французской культур: во Франции определяющей является рациональность, в России – духовность.

Вместе с тем, современные условия, в которых развивается Россия, увлеченность, с которой российская молодежь изучает право, увлеченность российских юристов сравнительным правоведением выступают достаточным основанием для утверждения, что через несколько лет юридическое сознание российского народа и, следовательно, его отношение к праву должны эволюционировать.

Очень справедливо отметил Иеринг: все права в мире были отвоеваны в борьбе, все важные нормы права вначале приходилось вырывать у тех, кто этому противился, и всякое право, право народа или право частного лица, предполагает, что следует постоянно быть готовым его защищать. Право есть не чистая теория, а живая сила¹. Концепция права Иеринга, по нашему мнению, лучше всего

* *Екатерина Павловна Криеф-Семитко* – д-р права, профессор ун-та Париж-Восток, почетный профессор Гуманитарного ун-та и УрГЮА, руководитель Центра сравнительно правоведения Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

** Перевод с французского языка на русский язык Бурковой В. Д.

¹ См.: *Rudolf von Jhering. La lutte pour le droit // Présentation d'Olivier Jouanjan. Dalloz. 2006. P. 1.*

© Е. П. Криеф-Семитко, 2009

позволила бы русским освоить право, ибо право в прямом смысле является культурной, а значит и духовной ценностью. Оно, следовательно, может быть только объектом нескончаемой борьбы, но такой борьбы, которая имеет смысл лишь тогда, когда мы, как и Иеринг, испытываем к праву немного любви².

Ubi societas ibi jus. Именно общественная жизнь порождает потребность в праве³. Назначение права – регуляция социальных отношений⁴. Давать каждому ту долю, что ему причитается. В этом заключается идеал справедливости, который находит свой источник, в частности, в трудах Аристотеля⁵.

По Аристотелю, вся его интеллектуальная конструкция предполагает веру в то, что существует императив в социальных отношениях, который можно выразить математически. Только необходимо его соблюдать и восстанавливать равновесие всякий раз, когда какой-либо беспорядок его нарушит; следить за сохранением пропорций. Это и есть справедливость. Если бы греки не создали эту концепцию, впрочем, спорную, мы бы не обладали идеей права⁶. Необходимо немедленно уточнить, что Аристотель связывает право со справедливостью, с достижением справедливости. Право есть отношение между двумя объектами, реализуемое как раз за их пределами⁷. Эта концепция Аристотеля представляется очень близкой к китайской или японской концепции права. Также она, по видимому, перекликается с концепцией славянофилов при единственном условии замены у последних природы Богом. Следовательно, имеется, как нам кажется, глубокое единство человеческого разума независимо от цивилизации и, более точно, независимо от рассматриваемой культуры⁸.

Тогда на каком основании Россия кажется такой особенной? Вероятно, тот факт, что она располагается одновременно в Европе и Азии, выступает одной из причин ее своеобразия. Признавая един-

² См.: *Jouanjan O. Présentation. Jhering ou l'amour du droit. Préface à l'ouvrage de Jhering "La lutte pour le droit". Dalloz, 2006. P. XXXIII.*

³ См.: *Roland H., Boyer L. Adages du droit français. Litec, 4eme ed. 1999. №454. P. 921.*

⁴ См.: *Cornu G. Droit civil. «Introduction, les personnes, les biens». Paris, 2005. №23.*

⁵ По поводу справедливости и несправедливости см. в частности: *Mazeaud H. J. L. Leçons de droit civil. Tome I. Vol.1. Par F. Chabas. Paris, 1991. № 8; Villey M. Philosophie du droit. Dalloz, 2001. P. 51s.*

⁶ См.: *Villey M. Leçons d'histoire, Dalloz, 2002. P. 28.*

⁷ См.: *Villey M. Leçons d'histoire. P. 29.*

⁸ См. в этом смысле: *David R. Le droit comparé. Droit d'hier, droit de demain. Economica, 1982. P. 29.*

ство человеческого разума, не нужно забывать о разнообразии условий проживания людей, которые зависят от расположения в пространстве и времени, климата, природных катастроф, социального статуса, здоровья и т. д. Все эти факторы неизбежно влияют на возникающую концепцию о естественном порядке вещей, а значит о социальном устройстве и праве. Иначе говоря, человеческий разум есть вместилище естественного порядка вещей, который представляется универсальным, тогда как условия проживания людей порождают различные наполнения внутри данного естественного порядка. Россия, страна евразийская, с множеством культур, по своей сути обречена на вечный внутренний конфликт между двумя полюсами: Западом и Востоком. Однако в наши дни Россия является к тому же продуктом третьей цивилизации, абсолютно искусственной, но реальной: цивилизации советской. Действительно, марксистско-ленинское учение стремилось к созданию совершенно нового человека во всем СССР и его странах-сателлитах, архетипом которого был шахтер из Донбасса Алексей Стаханов.

Но СССР рухнул, и вместе с ним, как во времена распада Римской империи, Советское государство, на обломках которого возникло множество государств, в том числе Российская Федерация. Крушение советской системы, ее норм и власти напрямую привело к увеличению количества нарушений законности, ко все более очевидной криминализации, имеющей тенденцию к развитию. Политика правового вакуума, которая нашла свою легитимность в идее абсолютной свободы, дала повод полагать, что все позволено. Но общество не может переносить такую свободу, так как она не сопряжена ни с идеей братства, ни с идеей равенства. Однако право должно гарантировать свободы и для того, чтобы их реализовать и иметь возможность защитить, они должны вписываться в коллективные отношения, основанные на братстве и равенстве. В этом проявляется в полной мере предназначение понятия публичного порядка⁹. Необходимо еще уточнить, что в противоположность тому, что произошло в момент распада Рима, который также пережил разгул анархии, в России ни один человек не мог отстаивать свои права в ситуации старой юридической системы по той простой причине, что считал ее в своей основе негодной, считал необходимым порвать с ней. На этом основании мы полагаем, что произошедшее в России есть настоящая революция, обратная революции 1917 года. Однако любая революция, в отличие

⁹ См. мою статью: *Вербар К.* Понятие публичного порядка во внутреннем праве России и Франции // Вестник Гуманитарного ун-та. Серия: Право. Научный альманах. Екатеринбург, 2002. № 1 (3). С. 4–22.

от варварских набегов на Рим, имеет прямым следствием немедленное разрушение прошлого, единственным результатом которого является вакуум, в частности вакуум правовой, если не принять вовремя необходимые меры.

В этом убеждены российские демократы. В этом причина многочисленных реформ, но их одних недостаточно. Для того чтобы установить правовое государство в России, необходимо время. Реформы и время являются, таким образом, двумя дополняющими и неразрывными факторами для создания правового государства. Как понять российское право, можно представить, прочитав рассуждения Паскаля по поводу тончайших вещей, едва видимых, которые, «скорее, ощущаешь, нежели видишь», бесконечно трудно заставить их почувствовать тех, кто их сам не ощущает. Это вещи настолько деликатные и настолько многочисленные, что необходимо иметь очень тонкое и очень ясное чувство, чтобы их ощутить и принять справедливое суждение в соответствии с этим ощущением, не имея возможности чаще всего это доказать по приказу, как в геометрии, так как отсутствует, как там, владение основами, а предпринять таковое представляется делом бесконечным. Вещь необходимо видеть целиком, одним взглядом, а не в ходе рассуждений, по крайней мере, до некоторого предела¹⁰. Этот интеллектуальный подход, предложенный Паскалем, может оказаться весьма полезным для того, чтобы решиться разобраться в хитросплетениях русского культурного своеобразия.

Таким образом, с течением времени русская самобытность рассеется, но скажем, как говорил Ё. Нода по поводу Японии, а мы о России, что русский характер «изменится в конце концов, но все же останется»¹¹ русским характером.

¹⁰ *Pascal B.* Pensées. Edition de Michel le Guern, Gallimard, coll. Folio classique, 1977. Série XXII, 466. P. 329.

¹¹ См.: *Noda Y.* Introduction au droit japonais. Dalloz, 1966. P. 200.

Сравнительно-правовой анализ систем наказаний для несовершеннолетних по законодательству России, Германии, Франции

В период экономического кризиса, охватившего весь мир, все большую остроту приобретают проблемы подрастающего поколения. Наиболее зримо это проявляется в преступности несовершеннолетних, которая характеризуется стабильным и неуклонным ростом уже на протяжении нескольких десятилетий. Причины значительного роста преступности в среде несовершеннолетних связаны с существенным изменением ценностной ориентации общества. Желание быть богатым, независимым и влиятельным опирается не на стремление к самосовершенствованию, а на поиски путей его скорейшего удовлетворения любыми средствами, в том числе и преступными. И это при том, что личность несовершеннолетних чаще всего окончательно не сформировалась. При рассмотрении указанной проблемы в качестве одного из ее элементов выступает вопрос об эффективности системы наказаний, применяемых к несовершеннолетним преступникам.

Подростки – это будущие взрослые, они – важная часть социума и оказывают непосредственное влияние на государство. Они будущее нации. Следовательно, система наказаний для несовершеннолетних должна быть особой, более мягкая, учитывающая все факторы, сподвигнувшие лицо на совершение данного преступления, и в то же время эта система должна быть эффективной и реально действующей в условиях современной жизни.

Система уголовных наказаний – это структурно определенная совокупность всех видов уголовных наказаний, перечень которых дается с соблюдением определенной последовательности и ранжированием их по характеру и размерам заложенного в них карательного элемента¹.

Существующая ныне система уголовных наказаний (особенно в отношении несовершеннолетних) в России отличается в опреде-

* **Наталья Викторовна Азанова** – студентка 2-го курса юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ См.: <http://alldocs.ru/>

ленной степени гуманизацией, либерализацией в отношении карательной политики.

Гуманизация уголовно-исполнительной политики позволила в течение 10 лет более чем в два раза сократить число несовершеннолетних, осуждаемых за совершение преступлений к лишению свободы (с 21 587 до 10 256 человек). Существенно уменьшилось и число несовершеннолетних, которым избрана такая мера пресечения, как содержание под стражей (5800). Судами стали выносятся решения о применении наказаний без лишения свободы².

И все-таки проблема правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, остается одной из наиболее острых в российском обществе. Ежегодно подростками совершается более 130 тысяч преступлений, или 7,8 процента от общего числа зарегистрированных преступлений. Около 15 тысяч несовершеннолетних направляются для отбывания наказания в виде лишения свободы в воспитательные колонии³.

УК РФ 1996 г. не предусматривает каких-либо специальных наказаний для несовершеннолетних. Однако их круг ограничивается шестью видами: а) штраф; б) лишение права заниматься определенной деятельностью; в) обязательные работы; г) исправительные работы; д) арест; е) лишение свободы на определенный срок. Таким образом, несовершеннолетним не могут быть назначены смертная казнь и пожизненное лишение свободы. Это относится и к тем случаям, когда лицо достигло восемнадцатилетия к моменту рассмотрения дела судом, но в момент совершения преступления было несовершеннолетним. Кроме того, несовершеннолетним не могут быть назначены такие наказания, как лишение права занимать определенные должности, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части, поскольку подросток, как правило, на момент совершения преступления еще ничего этого не имеет (за исключением курсантов суворовских училищ и некоторых других). Несовершеннолетнему не назначаются также конфискация имущества и ограничение свободы⁴.

Молодежное уголовное право Германии определяется в литературе как специальное уголовное право для юных субъектов, которые на момент совершения деяния находились в критической переходной стадии между детством и зрелостью.

² Преступление и наказание. 2008. № 9. С. 9–10.

³ Там же. С. 9.

⁴ См.: <http://interlaw.dax.ru/>

Последствиями преступления являются: а) воспитательные меры при их недостаточности; б) принудительные средства; в) наказание.

Во время как в уголовном праве для взрослых применяются только такие наказания, как денежный штраф и лишение свободы, в распоряжении судов по делам несовершеннолетних имеется намного больше возможностей наказания подростков за проступки.

В качестве наказания несовершеннолетнему может назначаться лишение свободы и размещение молодого человека в исправительном доме для несовершеннолетних. Минимальный срок наказания составляет шесть месяцев, максимальный – пять лет. Только в случае совершения преступления, за которое по общему уголовному праву может быть назначен срок лишения свободы свыше 10 лет, для несовершеннолетних срок лишения свободы может составить 10 лет⁵.

Лишение свободы сроком до одного года может быть назначено условно, с учетом того, что само осуждение послужило для несовершеннолетнего предупреждением. Условно может быть назначено лишение свободы и на срок до двух лет, с возложением на виновного определенных обязательств, в случае добровольного согласия несовершеннолетнего принять на себя и исполнять указанные обязательства в течение испытательного срока. Несовершеннолетний в течение всего испытательного срока находится под опекой лица, назначенного для оказания помощи условно осужденному. При совершении повторного преступления в период испытательного срока условное осуждение отменяется и выносится постановление о приведении в исполнение наказания, назначенного несовершеннолетнему⁶.

Во Франции вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних регламентированы Ордонансом от 2 февраля 1945 г. «О правонарушениях несовершеннолетних». В статье 122-8 УК Франции лишь указывается, что к несовершеннолетним старше 13 лет, признанным виновными в совершении преступных деяний, применяются меры защиты, помощи, меры по осуществлению надзора и принудительные меры воспитательного характера⁷.

Таким образом, в кодексах России, Германии, Франции использован дифференцированный подход. Другой не менее важный вопрос – это минимальный возраст уголовной ответственности. Проведенный сравнительно-правовой анализ свидетельствует о

⁵ См.: <http://www.law-n-life.ru/>

⁶ Там же.

⁷ См.: *Малиновский А. А.* Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М.: Международные отношения, 2002. С. 69.

том, что единства не наблюдается. Например, Россия и Германия определяют этим возрастом 14 лет, Франция – 13 лет.

И все же, необходимо помнить, что несовершеннолетние преступники, неважно в какой стране проживающие, – это дети, которые преступили закон, но нуждаются в снисхождении.

В. С. Валова*

Межкультурное взаимодействие и право

Взаимодействие между людьми, представляющими различные нации и народности, существует с далекой древности, и никогда это взаимодействие не было простым и легким из-за существенного различия в мировоззрениях.

Если в Древнем мире и Средневековье непонимание между представителями различных наций основывалось на недостаточном объеме знаний друг о друге, откровенной враждебности отдельных наций, стремящихся к завоеванию чужих территорий, различии религиозных и иных обычаев, то в современном мире межкультурное взаимодействие связано с несколько иными проблемами.

Казалось бы, развитие современных средств массовой информации не ограничивает возможности получения знаний об истории, обычаях, современной жизни различных стран и населяющих эти страны людей, что должно было бы упростить общение между нациями, сгладить противоречия между ними, но проблемы взаимопонимания по-прежнему существуют.

Проблемы межкультурного взаимодействия кроются в различии мировоззрения и систем ценностей различных наций и народностей. Каждый человек воспитывается в определенной среде, и с первых дней жизни он получает навыки общения, существующие в конкретном обществе, принадлежностью которого является его семья. Ему объясняют, что хорошо, а что плохо, как он должен вести себя в той или иной ситуации, объясняют, какой он национальности, какова его история, каким его хотят видеть в будущем. Кроме семьи человек общается с другими людьми, которые также оказывают на него определенное влияние. Навыки общения, полученные таким образом, очень устойчивы и сопровождают человека практически всю его жизнь.

Различие в мировоззрениях разных народов может быть очень существенным; что допустимо в одном обществе, может быть совершенно незаконно или аморально в другом. Это находит свое отражение и в различных отраслях права.

* *Вероника Сергеевна Валова* – студентка 4-го курса юридического фа-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

В советском обществе на государственном уровне всем гражданам с детства прививались идеи интернационализма, резко осуждались фашизм, антисемитизм, любые проявления национализма, что позволяло сглаживать существующие противоречия, делать вид, что их попросту нет.

Исторически, у народов Северного Кавказа существовали обычаи, которые в остальной части СССР были неприемлемы, незаконны, аморальны, например, обычай кровной мести, заставляющий каждого из членов определенного семейного клана мстить за нанесенное кому-либо из них тяжкое оскорбление, убийство. И хотя в СССР декларировалось искоренение пережитков местных обычаев, фактически это было далеко от истины, в связи с чем в УК РСФСР, утвержденном ВС РСФСР 27 октября 1960 года, существовала глава 11, предусматривающая уголовную ответственность за преступления, составляющие пережитки местных обычаев.

Несмотря на существовавшую уголовную ответственность, совершенно очевидно, что эти местные обычаи существовали во время СССР и существуют в настоящее время, поскольку у народов Северного Кавказа аморальным считается как раз отказ от кровной мести, как наносящий удар по репутации всей семьи. Поэтому законодатель исключил уголовную ответственность за преступления, составляющие пережитки местных обычаев, и в УК РФ такая глава отсутствует.

Напротив, с развитием общества делаются попытки обобщить опыт всех предыдущих поколений и вывести некие общие ценности, присущие практически всем нациям и народностям, осудить поступки, которые считаются аморальными и незаконными в жизни любого цивилизованного человека. Эти попытки нашли свое отражение в таких правовых актах, как Всеобщая декларация прав человека, Римская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция Содружества независимых государств о правах и основных свободах человека и многих других. Создание этих документов было большим прорывом в развитии цивилизации в целом, заставившим многие государства пересмотреть существующую систему ценностей в сторону защиты прав любого человека и гражданина.

И хотя во многих странах соблюдение прав человека все еще остается декларативным, стремление этих стран показать, что они также ломают сложившиеся стереотипы, очевидно, что отражается в изменениях национального законодательства. Для обеспечения соблюдения прав человека и гражданина создаются специальные органы, например Европейский Суд по правам человека, призванные сверять решения и действия стран, добровольно согласившихся на его юрисдикцию, с международными правовыми

актами, регулирующими права граждан. Создание органов, подобных Европейскому Суду, стало возможным ввиду глобализации всех мировых процессов: экономических, культурных, политических и т. д.

Право играет в этих мировых процессах одну из ключевых ролей. Высокий уровень развития правовой системы позволяет поддерживать баланс между государственными интересами и интересами отдельных наций и народностей, составляющих гражданское общество.

На развитие современного общества огромное влияние оказывают миграционные процессы, когда на территорию, ранее веками заселенную мононацией, прибывают в большом количестве мигранты, мировоззрение которых резко отличается от традиционно принятого в данной стране. Эти процессы вызывают большое количество проблем, недовольство и откровенную неприязнь между местными жителями и мигрантами. Такие проблемы существуют в современной России, они же тревожат и европейские страны. Государства обязаны оперативно решать возникающие проблемы, в том числе и с помощью права.

В современном обществе право должно быть гибким, государство должно чутко реагировать на любые проявления межнациональной розни, при этом соблюдая права как собственных граждан, так и мигрантов, не допуская ущемления законных интересов последних.

Государство должно на законодательном уровне и фактически пресекать любые проявления фашизма, антисемитизма, ксенофобии, расизма, различных форм дискриминации как в отношении граждан, так и неграждан данной страны.

Правоохранительные органы государства должны выявлять и не замалчивать правонарушения на почве межнациональной розни, таким фактам должна даваться обязательная огласка, государство должно культивировать у граждан терпимость к людям других убеждений, вероисповеданий, не должно отдавать предпочтений одним перед другими.

Такое отношение государства и общества будет способствовать нормальному межкультурному взаимодействию, взаимонастройке культур, что в условиях всеобщей мировой глобализации является остро необходимым, так как каждый житель Земли кровно заинтересован в собственном благополучии и благополучии общества.

Ю. В. Волкова*

Проблемы определения статуса транснациональных корпораций

Важнейшим элементом развития международных экономических отношений последней четверти XX века является деятельность многонациональных корпораций. Поэтому в настоящее время актуальной является проблема их правового регулирования.

В специальной юридической литературе наиболее часто встречается следующее определение: транснациональная корпорация – это совокупность объединенных одной экономической целью различных самостоятельных предприятий, находящихся в разных странах и управляемых из единого центра¹. Как отмечает М. М. Богуславский, экономическое единство в ТНК оформляется юридической множественностью, что служит интересам их собственников². В отличие от обычных компаний, стратегия деятельности ТНК разрабатывается головным предприятием, которое координирует деятельность зарубежных отделений.

Транснациональные корпорации – по выработанному в ООН определению – частные, государственные или смешанные предприятия, не зависящие от страны их происхождения и имеющие в двух или более странах структуры, которые функционируют в соответствии с системой принятия решений, позволяющей проводить их согласованную политику и общую стратегию.

В связи с возрастающим экономическим и политическим влиянием ТНК, в научной литературе обсуждается вопрос о необходимости признания за ТНК международной правосубъектности. Зарубежные ученые Н. Макдугал, У. Фридман считают, что корпорации являются субъектами международного права. Российские ученые придерживаются другой точки зрения. В. А. Романов и С. В. Черниченко утверждают, что субъектом международного

* **Юлия Викторовна Волкова** – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного ун-та, специалист по международным отношениям ЗАО «МИАН-Екатеринбург» (г. Екатеринбург).

¹ См.: *Перегудов С. П.* Корпорации, общество, государство. Эволюция отношений / Ин-т мир. эк-ки и междунар. отн. РАН. М.: Наука, 2003.

² Излаг. по: *Шимаи М.* Роль и влияние транснациональных корпораций в глобальных сдвигах в конце XX столетия // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 3.

права может быть только образование, способное участвовать в межгосударственных отношениях. Поскольку компания не обладает качествами, присущими государству, то она не способна участвовать в таких отношениях. По мнению К. А. Бекяшева, в XXI веке, наряду с расширением объема правосубъектности индивидов, будет признана правосубъектность таких коллективных образований, как транснациональные корпорации³. Однако, по нашему мнению, такая постановка вопроса является преждевременной.

Более обоснованной мы считаем концепцию «международного корпоративного права», создаваемого соглашениями корпораций с государствами. Например, британский профессор Б. Ченг предлагает сформировать специальные правовые системы, состоящие из договоров, которые ставятся вне действия национальных норм и рассматриваются как подчиненные международному праву или общим принципам права. Тем не менее, данная концепция пока не получила поддержки у наших ученых. Так, В. А. Романов и С. В. Черниченко считают, что договоры, заключаемые между государствами и компаниями, являются гражданскими сделками, а не межгосударственными соглашениями и относятся к сфере международного частного права. И. И. Лукашук утверждает, что корпорация не может быть изъята из-под действия законов государства. Даже вместе с ним ТНК не в состоянии создать особую правовую систему.

Авторитетный специалист в области международного частного права Г. К. Дмитриева выделяет три уровня правового регулирования деятельности ТНК: внутреннее законодательство, двусторонние и многосторонние соглашения⁴. Мы согласны с таким разграничением и далее проанализируем каждый из уровней.

Внутригосударственное регулирование предполагает подчинение деятельности филиалов и дочерних предприятий ТНК национальному законодательству принимающей страны. В большинстве случаев, это инвестиционное законодательство, направленное на определение правового статуса иностранного вкладчика: физического или юридического лица. Однако наиболее уязвимым моментом в одностороннем регулировании деятельности ТНК является то, что благодаря своей организационной структуре она способна избежать контроля со стороны одного государства. Поэтому для регулирования деятельности ТНК национального законодательства принимающих государств явно недостаточно.

³ Излаг. по: Долгов С. И. Глобализация экономики: новое слово или новое явление. М.: Экономика, 2007.

⁴ Излаг. по: Сонькин Н. Б. Корпорации. М.: Изд-во «Московская высшая языковая школа», 2005.

Между тем на данном уровне возникает и другая проблема. Поскольку отделения ТНК реализуют политику головного предприятия, то необходимо учитывать то влияние, которое оказывает законодательство страны их базирования. Страны базирования обычно регулируют поведение ТНК с помощью национального законодательства о корпорациях, не делая особого различия между ТНК и национальными корпорациями. При этом предпринимаются попытки распространить действие внутреннего законодательства на отделения национальной компании, находящиеся за границей.

Таким образом, проблемами внутригосударственного регулирования деятельности ТНК выступают, во-первых, стремление стран базирования ТНК распространить внутреннее законодательство на зарубежные отделения компаний; во-вторых, недостаточность институтов национального законодательства принимающих государств.

Второй уровень регулирования составляют двусторонние инвестиционные соглашения, которые заключаются между заинтересованными государствами.

В научной литературе дается неоднозначная оценка подобным договорам. Так, Г. К. Дмитриева отмечает тенденцию к унификации содержащихся в них норм, которая подтверждается наличием большого числа соглашений, содержащих часто аналогичные, хотя и не идентичные нормы. Эксперты ООН говорят о подтверждении международного обычая или, по крайней мере, расширяющейся государственной практике, которая в значительной мере содействует развитию международного права в области экономического сотрудничества. Однако есть иная точка зрения. В частности, что наименее развитые страны, нуждающиеся в притоке инвестиций, заключают подобные соглашения непосредственно с ТНК, тем самым предоставляя широкие льготы для иностранного капитала⁵. Этим закрепляется неравенство сторон и подрывается стабильность международных экономических отношений. Тем не менее, практика показывает, что в настоящий момент наиболее распространенным способом регулирования деятельности ТНК является именно заключение договоров между принимающей страной и страной базирования.

Кроме того, следует подчеркнуть, что особая природа ТНК осложняет надзор за ними со стороны отдельных стран или даже групп стран. Поэтому очевидно, что для эффективного регулирования деятельности транснациональных корпораций необходимы совместные действия всех государств.

⁵ См.: Богуславский М. М. Иностранные инвестиции: правовое регулирование. М.: Изд-во БЕК, 2006.

Наконец, третьим уровнем регулирования деятельности ТНК выступают многосторонние международные договоры, которые в зависимости от числа участвующих в них стран могут быть универсальными, региональными и субрегиональными.

Универсальное регулирование предпринимается под эгидой ООН на основании рекомендаций специально созданных органов – Межправительственной Комиссии по ТНК и Центра по ТНК. В 1975 году ими был разработан Кодекс поведения ТНК, положения которого запрещают применять дискриминационные меры в отношении партнера, закрепляют обязанности ТНК содействовать развитию научно-технического потенциала принимающей страны, предоставлять отчеты о своей деятельности, соблюдать требования финансового и налогового характера. Однако Кодекс до сих пор не принят. Основной причиной этому выступали расхождения между позициями основных групп участников переговоров по вопросам определения ТНК; соотношения между обязательствами ТНК и государств; возможности предоставления национального режима филиалам иностранных ТНК; применения т.н. обычного международного права в отношении деятельности ТНК; правил национализации имущества ТНК; юрисдикции при урегулировании споров.

Региональное регулирование деятельности ТНК предпринимается в рамках ЕС (Европейского сообщества), ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития), ЛАЭС (Латиноамериканской экономической системы), СНГ (Содружества Независимых Государств) и ряда других организаций⁶.

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить правовому регулированию деятельности ТНК в рамках СНГ, которое направлено на создание многонациональных компаний как важнейшего компонента интеграции и инвестиционной деятельности. Одной из основных проблем, сдерживающих развитие ТНК в странах Содружества и не решенных на сегодняшний день, является наличие расхождений в национальных законодательствах. Первым нормативно-правовым документом по созданию ТНК в рамках СНГ было «Соглашение о содействии в создании и развитии производственных, коммерческих, кредитно-финансовых и смешанных объединений» от 15 апреля 1994 года, которое послужило основанием для принятия ряда документов о формировании ТНК между правительствами Беларуси, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и России. В марте 1998 года была подписана Кон-

⁶ См.: *Насыров И. Р.* Международная деятельность субъектов: причины, цели и формы // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / Под ред. Р. С. Хакимова. Казань: Изд-во Ин-та истории АНРТ, 2004. С. 315–341.

венция о ТНК, которая констатирует правовые основы сотрудничества стран СНГ в области регулирования создания и деятельности ТНК⁷.

Подытоживая вышесказанное, сделаем выводы. Экономическая мощь ТНК, их влияние на мировую политику предопределило появление концепций о признании за ТНК международной правосубъектности, о необходимости формирования международного права корпораций. Пока данные концепции не стали основополагающими в вопросах регулирования и контроля деятельности ТНК.

В настоящее время их правовое регулирование сводится к двусторонним инвестиционным соглашениям, усугубляющим экономическое неравенство развивающихся государств. Между тем регулирование деятельности ТНК на международном уровне имеет ряд преимуществ перед национальным и региональным регулированием, в первую очередь, из-за международного характера деятельности ТНК. Они действуют согласно нормам частного права, и международная юрисдикция в отношении их может иметь место независимо от их согласия. Однако проблема международного регулирования деятельности ТНК остается нерешенной. Пока не принято каких-либо универсальных правил; существующие нормативные акты носят декларативный характер, поскольку не хватает механизмов реализации. По нашему мнению, наиболее эффективным должен стать именно международный уровень регулирования и контроля деятельности ТНК, и это та проблема, над которой еще предстоит много работать и теоретикам, и практикам.

⁷ См.: СНГ. Конвенция: 6 марта 1998 г.: О транснациональных корпорациях // Содружество: Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1998.

Категория противоправности в деликтных обязательствах по римскому праву и современному гражданскому праву

Межкультурное взаимодействие в праве проявляется при исследовании правовых категорий, в том числе таких, как ответственность, противоправность. Проанализируем сходства и отличия в понимании категории противоправности по римскому праву и современному российскому гражданскому праву. Именно эти 2 правовые системы выбраны для сравнения неслучайно. Римское право – это источник правовой культуры, значение которого было оценено спустя столетия, когда в средневековой Европе начался процесс его повсеместного заимствования (рецепции).

Современное гражданское право также основано на правовых конструкциях, разработанных римскими юристами. Ряд терминов римского права упоминается в Гражданском кодексе Российской Федерации (реституция, универсальное правопреемство, наследственная трансмиссия).

Поэтому интересно проследить, как изменилось понимание одной из дискуссионных в настоящее время правовых категорий – противоправности (как элемента гражданско-правовой ответственности) в обязательствах из причинения вреда в римском праве и современном гражданском праве. Употреблялся ли данный термин римскими юристами? Было ли выработано его абстрактное определение и существенные характеристики? Какие черты в понимании противоправности были позаимствованы современными юристами, что привнесено нового?

Римских юристов интересовали вопросы о том, за какие деяния причинитель вреда должен нести ответственность, в каком виде и размере? Повреждение и уничтожение чужого имущества не вызывали сомнения в своей противоправности и необходимости применения наказания за их совершение.

Другие случаи вовсе не были столь однозначными: например, лошадь от громких звуков вырвалась из упряжи и растоптала овощи, выставленные на продажу; плохо уложенную крышу дома снес-

* *Дмитрий Евгеньевич Гагаринов* – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

ло ветром, что причинило вред соседу; арендатор квартиры из окна выбрасывал мусор и замарал одежду прохожего; один толкнул другого на чайный сервиз, в результате чего он разбился.

1. Термин «противоправность» римскими юристами не употреблялся. Обязательства из причинения вреда они называли деликтом. В зависимости от последствий, связанных с деликтами, они разделялись в римском праве на публичные деликты и частные. Публичными деликтами были те, которые признавались нарушающими интересы государства. Наоборот, частные деликты рассматривались как посягательства только на интересы частных лиц¹. При этом, понимание римскими юристами того, какие деяния опасны для государства, а какие для частных лиц, сильно отличалось от современного, например, кража, присвоение, растрата на всем протяжении римского права считались частными деликтами.

Содержание категории деликт изменялось с течением времени, но по объему он никогда не совпадал с понятием противоправности. Частный деликт по древнему римскому праву – это правонарушение, то есть более широкий термин, включающий в себя противоправность, объективный вред, причинную связь между ними. Вина не являлась обязательным элементом состава правонарушения, так как древнее право при оценке деликта становилось на точку зрения потерпевшего, для которого важен факт нанесенной обиды, а не виновность или невиновность обидчика².

В развитом римском праве понятие частного деликта включало не только противоправность, вред и причинную связь, но и вину. Если вина, то есть умысел или неосторожность, отсутствовали, то деяние не подвергалось каре.

Таким образом, римские юристы не употребляли термин «противоправность», но выработали более широкую правовую категорию – частноправовой деликт, в рамках которого обратили внимание на нарушение норм права как необходимый элемент наступления ответственности.

2. Говоря о правовой категории деликта и незаконном (противоправном) поведении как условии наступления ответственности, римские юристы, тем не менее, не смогли дать их абстрактные определения и сформулировать общий принцип, по которому подлежал бы возмещению имущественный вред, причиненный противоправным действием. Наоборот, деяние признавалось противоправным лишь при существовании соответствующей особой нормы

¹ См.: Римское частное право: Учебник / Под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Перетерского. М.: Юриспруденция, 2000. С. 423.

² См.: *Хвостов В. М.* История римского права. М.: Типография товарищества И. Д. Сытина, 1907. С. 124.

о данном роде деяний, – если оно было отнесено к числу деликтов законом или преторским правом³.

3. Существовал исключительный перечень частноправовых деликтов:

3.1. *Iniuria*. Термин *iniuria* употреблялся и в общем смысле неправомерного действия (то есть всего того, что совершается не по праву), и в специальном смысле личной обиды: а) повреждение конечностей человеческого тела (*membrum ruptum*); б) повреждение внутренней кости (*os fractum*); в) другие личные обиды действием.

3.2. *Furtum*. К *furtum* относились и те деликты, которые в современном праве именуется кражей, и те, которые теперь называются присвоением, растратой.

3.3. *Damnum iniuria datum*. Этот термин употреблялся для обозначения неправомерного уничтожения или повреждения чужих вещей (например, порубка деревьев, поджог хлеба или дома).

Все, что не соответствовало указанному перечню, деликтом не являлось. При этом римские юристы признавали, что деяние может не соответствовать описанным деликтам, но порождать внедоговорные обязательства. Такие правонарушения они называли «квази-деликтами». Например, если из дома, расположенного на людном месте, что-либо вылито или выброшено на общественный проезд, то за вред, причиненный этим, по преторскому эдикту отвечал не тот, кто в этом виноват, а хозяин дома или квартиры, из которой было вылито или выброшено, хотя бы на нем никакой вины не лежало⁴.

Таким образом, римские юристы, не сумев дать абстрактное определение противоправности, довольно подробно разработали частные случаи противоправных деяний, попытавшись классифицировать их (деликты и квази-деликты). Системный анализ этих противоправных деяний позволяет нам выделить существенные характеристики противоправности по римскому праву.

Так, противоправность – это нарушение объективных и субъективных прав участников гражданских правоотношений. Под объективным правом следовало понимать совокупность норм римского права – Законы XII таблиц, нормы преторского права и других источников римского права. Нарушение же субъективных прав состояло в нарушении прав гражданина.

Современное гражданское право существенно продвинулось в понимании категории противоправности.

1. Противоправным, как и в римском праве, признается поведение, если лицо, во-первых, нарушает норму объективного права

³ См.: Римское частное право... С. 423.

⁴ Там же. С. 434.

и, во-вторых, одновременно нарушает субъективное право конкретного лица. Например, неосторожно брошенным металлическим предметом гражданин причинил увечье другому гражданину. В результате были нарушены нормы объективного права о защите жизни и здоровья человека и одновременно субъективное право потерпевшего на здоровье⁵.

Под объективным правом, в отличие от римского права, стали понимать не только совокупность норм права, но и общие начала и смысл гражданского законодательства, принципы морали, правила общежития, которые привлекаются для выявления содержания закона и обеспечения его правильного применения на практике. Закон исходит из презумпции противоправности поведения⁶.

2. Понятие «противоправность» по-прежнему не употребляется в Гражданском кодексе Российской Федерации. При этом, в отличие от законодательства римского периода, в кодексе сформулирован общий принцип, согласно которому возмещению подлежит вред, причиненный неправомерными, противоправными действиями (если законом не установлено исключение). Вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению в случаях, предусмотренных законом (п. 3 ст. 1064 ГК РФ).

3. Сформулировав общие правила возмещения вреда противоправными действиями, наш Гражданский кодекс, в отличие от законодательства римского периода, не перечисляет конкретных составов деликтов, их перечень является открытым.

4. В науке гражданского права и правоприменительной практике стали более четко отграничивать противоправное поведение от правомерного, а также случаи, исключаящие противоправность, – причинение вреда по просьбе или с согласия потерпевшего, в состоянии крайней необходимости, необходимой обороны.

Например, открытие торгового заведения рядом с другим магазином считается осуществлением субъективного права и не является противоправным, хотя и способно подорвать торговлю последнего.

Правонарушения нет, когда интересы человека, охраняемые правом, нарушаются лицом, выполняющим свою служебную обязанность. Например, причинение увечий сотрудниками правоохранительных органов при противодействии незаконной демонстрации, организовавшей погромы, правонарушением не является.

⁵ См.: Гражданское право. Т. II. Полутом 2 / Под ред. д-ра юр. наук, профессора Е. А. Суханова. М.: Изд-во БЕК, 2003. С. 304.

⁶ См.: Иоффе О. С. Избранные труды: В 4 т. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. Т.1: Правонарушение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 312.

Правонарушения нет, когда интересы человека, охраняемые правом вообще от посягательства со стороны других, нарушаются лицом, осуществляющим свое частное право. Если кто-нибудь врывается в мою квартиру помимо моей воли, я могу принять насильственные меры, чтобы удалить его⁷.

5. Изменилось и отношение к оценке общественной опасности противоправных деяний в сторону ужесточения. Так, кража, присвоение, растрата считаются уголовными правонарушениями в отличие от римского права.

Говоря в целом о проблемах межкультурного взаимодействия в праве, следует отметить, что понимание категории противоправности, разработанное римскими юристами, воспринято современным гражданским правом. При этом, в силу недостаточной разработанности правовой категории, она подверглась корректировке, разработан общий принцип возмещения вреда от противоправных действий, а также смежные правовые категории (правомерное поведение, необходимая оборона, крайняя необходимость и другие).

Процесс накопления знаний распространялся, в том числе, в отношении других правовых категорий – вины, причинной связи, вреда. Это поставило перед наукой гражданского права ряд новых вопросов о соотношении данных правовых категорий с противоправностью.

В настоящее время существуют различные подходы к определению категории противоправности, ее правовой природы, соотношению с другими элементами ответственности – виной, вредом. Это свидетельствует, что категория противоправности в обязательствах из причинения вреда является недостаточно исследованной и требует дальнейшего тщательного изучения.

⁷ См.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910. Т. 3–4. Т. 3. С. 326.

С. Я. Гаген*

Идеал правосудия в Древнем Египте (к вопросу об «абсолютном» в правосознании)

В «Постановлении VII Всероссийского съезда судей» отражен идеал правосудия, соответствующий правосознанию современного российского общества. Этот идеал выражен в немногих словах: «Конституционный статус судьи призван гарантировать осуществление правосудия *независимым и беспристрастным* (выделено мною. – С. Г.) судом»¹. Дальнейшие слова поясняют суть идеала правосудия, который можно выразить и более широко – не только как требование независимого и беспристрастного, но и как неподкупного суда.

Эти требования встречаем уже в Древнем Египте. Понятие «беспристрастности» было тесно связано с развитием представлений о суде над мертвыми в загробном мире. Первоначально такой суд над смертной частью души «Ба» (изображалась в качестве птицы с человеческой головой)² ожидал только царей, так как только за ними признавалось обладание бессмертной частью души «Ка» (изображалась в виде сокола). Затем, наряду с царем право на посмертную судьбу получили некоторые вельможи. Далее, примерно в эпоху XI–XII династий (ок. 2025–1794/93 гг. до н. э.), учение о загробном мире демократизируется и бессмертной частью души наделяются уже все подданные египетского царя. Вероятно, именно

* *Сергей Яковлевич Гаген* – канд. юр. наук, канд. ист. наук, доцент кафедры публичного права юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Постановление VII Всероссийского съезда судей «О состоянии судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития и совершенствования» от 04.12.2008. [Режим доступа: http://www.gostobsud.ru/ne_4169921]. Все прочие цитаты документа сделаны с этого ресурса.

² Душа по египетским представлениям делилась на смертную часть «Ба» и бессмертную – «Ка», которой первоначально также наделялись только цари. См.: *Dvornik F.* Early Christian and Byzantine political Philosophy. T. I. P. 7–8.

с этого времени появляется идея о том, что суд в царстве мертвых «беспристрастен», ибо «нет там разницы между бедным и богатым»³.

Таким образом, идея беспристрастного суда связана с идеей посмертного воздаяния. Эта связь является принципиальной. Например, идея «суда над мертвыми» существовала и у древних греков, что показывает гомеровская поэма о путешествии Одиссея в ад. Однако у греков судья мертвых – царь Минос является судьей третейским, разрешающим споры между мертвецами, то есть он не решает вопрос о посмертной судьбе умершего⁴. Идея «суда над мертвыми» в египетском смысле появляется только в диалоге Платона «Горгий»⁵ и является бесспорным заимствованием египетского политико-правового наследия⁶.

Сравнение египетской и древнегреческой правовой идеологии показывает, что идея неподкупного суда первоначально не соединялась с идеей беспристрастного суда. Например, максима «Суди неподкупно» встречается уже в VII в. до н. э. среди изречений древнегреческих мудрецов⁷, однако только во время Платона (427–347 гг. до н. э.) она соединяется с египетской идеей беспристрастного суда.

В Древнем Египте идея «беспристрастности» божественного суда со временем переносится на земной суд, который получает свою «истинность и беспристрастность» от бога. Появляется мысль о том, что законы даны богом Тотом, с ним же отождествлялась идея правосудия. Интересно, что идея истинного суда возникла ранее идеи беспристрастного суда, ибо уже во времена IV династии (время Древнего Царства: ок. 2682–2191 гг. до н. э.) судья носил титул жреца богини Истины (Маат)⁸. Во времена Нового царства (XVIII–XX династии, ок. 1550–1070/69 гг. до н. э. – время освобождения от порабощения гиггосами и строительства мировой египетской державы) появляется обширная литература, утверждающая «истинность» и «беспристрастность» суда как общест-

³ Лурье И. М. Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н. э. Л., 1960. С. 49. В это же время отмечена «демократизация» концепции «Ка», которой наделяются теперь все люди. См.: *Dvornik F. Op. cit.* P. 10.

⁴ Homeros. *Odisseos*. 11, 568. Замечание цит. по: *Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament Stuttgart–Berlin–Köln*, 1933–1979 (Nachdr. 1990). (Далее – TWNT). Bd. III. S. 933. С этой точки зрения, вероятно, несостоятельно предположение Ф. Дворника, что минойская цивилизация заимствовала идею суда в царстве мертвых из Египта. См.: *Dvornik F. Op. cit.* P. 145.

⁵ Pl. *Gorgias*. 526 d.

⁶ TWNT Bd. III. S. 933.

⁷ *Fragmenta philosophorum Graecorum*. Paris, 1860. P. 217.

⁸ «Маат» – космический порядок, установленный богом солнца Ра, за поддержание которого ответствен фараон. См.: *Dvornik F. Op. cit.* P. 13.

венный идеал: «судья беспристрастный, отпускающий противников примиренными, когда судит бедного и богатого. Не плачет пожаловавшийся ему»; «когда ты действуешь как муж кенбета (то есть «суда» в общем смысле. – С. Г.) пусть будут речи твои беспристрастными»; «не бери подношений от сильного, не вреди ради него слабому»⁹.

Итак, «беспристрастность» суда понимается как равенство сторон в суде независимо от их имущественного положения. В этой связи уже в Древнем Египте возникла идея о том, что беспристрастный судья должен быть богатым. Надпись на одной из гробниц гласит: «Я судил тяжущихся беспристрастно, ибо я был богат»¹⁰. Интересно, что и современное «Постановление» занимается этой проблемой: «Особый статус судьи, сопряженный с предъявлением к нему специальных требований и установлением целой системы запретов, ограничений, в том числе в отношении возможности заниматься иной оплачиваемой работой, должен гарантировать такую систему и такой уровень оплаты труда судей, которые бы соответствовали их высокому статусу и ответственности и исключали бы саму возможность сомневаться в неподкупности судьи (выделено мною. – С. Г.)»¹¹.

Разумеется, на практике морально-этические требования «истинного и беспристрастного» суда не исполнялись даже «богатыми» судьями, о чем свидетельствует «указ» фараона XVIII династии Харемхеба, содержащий меры для обеспечения независимого и беспристрастного суда. Эти меры можно условно разделить на две категории.

К первой относятся различные способы морально-нравственного, воспитательного воздействия на судей: 1) тщательный подбор кадров – «Я выискивал людей ... молчаливых, добронравных, умеющих судить сокровенное, внимающих словам Дворца и законам судебного зала»; 2) формирование у кандидатов необходимых

⁹ Лурье И. М. Указ. соч. С. 51.

¹⁰ Там же. С. 52.

¹¹ Постановление VII Всероссийского съезда судей. Москва. 04.12.2008. Заметим, что и в русской народной культуре «богатство являлось способом для возвышения. Внешние его признаки: одежда, порода лошади. Возвысившийся пользовался уважением: к нему идут за советом, при встрече отвешивают глубокий поклон, величают по имени-отчеству. Почет соединяется с общественной должностью». См.: Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенешева. На примере Владимирской губернии. СПб., 1993. С. 89. Цит. по: *Бочаров В. В.* Обычное право собственности и «криминальное государство» в России (опыт юридико-антропологического анализа) // Журнал социологии и социальной антропологии. М., 2004. Т. VIII. № 4. С. 185.

морально-этических качеств – «Я наставил их на путь жизни, я направил их к истине»; 3) подробный инструктаж с разбором возникающих типичных ситуаций – «Мое поучение к ним: Не объедитесь с другими людьми, не берите подношений от другого¹², ибо это не имеет успеха (?) ...»¹³.

Ко второй категории относятся меры, принятые фараоном для обеспечения материальной независимости своих судей и для их устрашения: 1) жалование из казны – «каждый муж из них был при своем жаловании»; 2) судьи были освобождены от налогов – «Что же касается подати серебром, и золотом, и медью, приказало мое величество уничтожить ее, дабы не собирали подати с какого-либо имущества членов кенбетов Верхнего и Нижнего Египта»; 3) введена смертная казнь для продажных судей – «Точно так же всякий князь или жрец, о котором будут услышаны речи: “Он восседает, чтобы судить среди кенбета призванного, чтобы судить, а он творит в нем неправду против истины”, – вменится ему как великое смертное преступление»¹⁴. Все эти меры и ныне применяются для обеспечения беспристрастного и независимого суда, хотя не во всех странах применяется смертная казнь для коррупционеров. Эта общность мер, необходимых для установления идеального правосудия, свидетельствует о том, что в данном случае речь идет об абсолютном идеале, который является общим для многих правовых культур.

В историческом контексте понятно, что «Постановление VII съезда судей» излагает не конкретную программу действий, но «абсолютный идеал»¹⁵, которому не одна тысяча лет и который,

¹² Подношения разрешалось брать только от правой стороны и только по окончании процесса. Категорически запрещались принимать подношения от обеих сторон. См.: *Лурье И. М.* Указ. соч. С. 55. В дореволюционной России «Магарычи за разбирательство допускаются обычаем и считаются справедливыми. “Для тебя трудились, ты и угощай!” – вот взгляд судей на судящихся, сознающих, что получаемое судьями жалование далеко не вознаграждает их труд». См.: Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 68; «Когда правительство Танзании в 70-е гг. XX в. в рамках борьбы с коррупцией запретило подношения судьям, то это вызвало сильный протест именно в народных массах, и власти даже вынуждены были пойти на уступки». См.: *Бочаров В. В.* Обычное право собственности ... С. 185.

¹³ *Лурье И. М.* Указ. соч. С. 54.

¹⁴ Там же.

¹⁵ О данном феномене см.: *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 90: «В отношении к миру условной действительности абсолютный идеал всегда остается требованием; никогда это требование не может быть полностью осуществлено, и поэтому его осуществление может быть выражено только формулой бесконечного развития».

пожалуй, будет постарше коммунистической идеи¹⁶, достичь же его будет не проще, чем построить коммунизм. Разумеется, вместо «божественных догматов» теперь «демократические принципы», которые, правда, критикуются не более, чем «догматы» церкви, а место «божественного закона» заняли «международные принципы и нормы международного права», которые имеют приоритет перед национальным, то есть «человеческим» по средневековой классификации, законодательством.

¹⁶ Первым коммунистом обычно считают Платона (427–347 гг. до н. э.).

Идеал правосудия в Ветхом Завете (к вопросу об «абсолютном» в правосознании)

Идеал правосудия в «Постановлении VII Всероссийского съезда судей» выражен в немногих словах: «Конституционный статус судьи призван гарантировать осуществление правосудия *независимым и беспристрастным* (выделено мною. – С. Г.) судом»¹. Суть идеала правосудия можно выразить и более широко – не только как требование независимого и беспристрастного, но и как неподкупного суда.

Базовые принципы идеала правосудия, а именно требование «неподкупного и беспристрастного суда», встречаются уже в Ветхом Завете, в котором содержится «наиболее общая религиозная санкция государственного правопорядка»², а значит и наиболее полное изображение большинства правовых идеалов государств Нового времени и наследовавших им современных государств.

Для политико-правовой мысли Средних веков и Нового времени вплоть до XVI века был свойствен т. н. «библиократизм», под которым, с одной стороны, понимается желание найти в священных книгах ответы на все насущные вопросы жизни, с другой – желание найти обоснование новым нормативным фактам при конструировании учреждений единых централизованных государств, возникавших в Новое время³. В особенности высоко в Средние века ставился авторитет писанного права, которое рассматривалось как выражение «эссенциальной справедливости Божией», в этой связи считалось, что римское право заимствовано римлянами у древних иудеев. Например, еще в XVI веке большой популярностью

* *Сергей Яковлевич Гаген* – канд. юр. наук, канд. ист. наук, доцент кафедры публичного права юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Постановление VII Всероссийского съезда судей «О состоянии судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития и совершенствования» от 04.12.2008. [Режим доступа: http://www.gostobsud.ru/ne_4169921]. Все прочие цитаты документа сделаны с этого ресурса.

² *Тарановский Ф. В.* Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке. Юрьев, 1911. С. 592.

³ Там же. С. 594.

в странах Европы пользовалась книга «Собрание моисеевых и римских законов» (*Collatio legum Mosaicarum et Romanorum*)⁴. По замечанию Ф. Тарановского, «до XVIII в. правоведение не монополизировало правотворения в руках государственной власти, и нормативные акты свободно черпались отовсюду, где их можно было найти, независимо от внешней обязательности источника, в силу одного лишь внутреннего его авторитета»⁵. Правда, в настоящее время, как заметил еще в 1931 году историк права Т. Тарановский: «Под влиянием правовой идеологии нового государства с его вполне светским законодательством даже историки права забывают о старом делении закона на закон Божий (*lex Dei, lex divina*) и закон человеческий (*lex humana*)»⁶. К этому можно добавить и продолжающуюся ныне деградацию самой истории права как дисциплины, которая в современных юридических вузах не рассматривается в качестве важного предмета, о чем свидетельствует неуклонное сокращение часов, отводимых на ее освоение студентами. Сложившееся положение дел приводит к тому, что даже маститые и прославленные теоретики подают некоторые факты современной юридической жизни либо как нечто новое и ранее вообще не виданное⁷, либо как нечто свойственное исключительной российской юридической действительности в силу ее особой сверхъестественной порочности⁸.

Однако, с точки зрения П. И. Новгородцева, в праве существуют некоторые абсолютные идеалы, которые «в отношении к миру условной действительности» всегда остаются «требованием; никогда это требование не может быть полностью осуществлено, и поэтому его осуществление может быть выражено только формулой бесконечного развития»⁹. Подобным же абсолютным идеалом, с нашей точки зрения, является и идеал правосудия, выраженный в Ветхом Завете.

В Ветхом Завете отражается политическая теория Древнего Египта и Вавилона, согласно которой правосудие является исключительно милостью «царя-спасителя», защищающего свой народ от бедствий и способствующего богатству и процветанию населения¹⁰. Эту милость, в свою очередь, царь получает от бога, так

⁴ См.: *Спекторский Е.* Христианство и культура. Прага, 1925. С. 209.

⁵ *Тарановский Ф. В.* Догматика ... С. 594.

⁶ *Тарановский Т.* Предмет и задача т.н. внешней истории права // Записки Русского научного института в Белграде. 1930. Вып. 1. С. 73.

⁷ *Толкачев В. В.* Методика исследования коррупционных отношений в контексте современной теории права // Государство и право. 2006. № 7. С. 14–20.

⁸ См., например: *Лунев В. В.* Коррупция в России // Государство и право. 2007. № 11. С. 20–27.

⁹ *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 90.

¹⁰ *Dvornik F.* Early Christian and Byzantine political Philosophy. Harvard, 1966. Т. I. P. 302–303.

как, по представлению древних, беспристрастность есть исключительно божественное свойство, которого трудно достичь простым людям. «Септуагинта» – наиболее древний перевод Ветхого Завета на древнегреческий язык (III–I вв. до н.э.) воспроизводит идеал правосудия, близкий к древнеегипетскому. Этот идеал лучше всего выражен в Псалтыри. Псалом 71: «О Соломоне. Боже! Даруй царю Твой суд и сыну царя Твою правду, да судит праведно людей твоих и нищих твоих на суде». «Септуагинта» дает несколько иной текст: «К Соломону. Бог, суд твой дай царю и справедливость твою – сыну царя – судить народ твой по справедливости и нищих твоих *согласно праву* (выделено мною. – С. Г.)»¹¹. Современный перевод Библии не учитывает реалий правосознания древневосточных обществ, понимая требования к богу в современном смысле, чтобы судья не ошибался в суде и судил по справедливости. Требование «Септуагинты» «судить нищих согласно праву» означает предоставить правосудие тем слоям населения, которые раньше вообще не были судимы, то есть, если говорить современным языком, обеспечить равный доступ к правосудию.

При этом «право» в Псалтыри отождествляется с «милостью», хотя некоторые выражения звучат странно для современного читателя: «милость и право буду петь»¹²; «дела рук Его (Господа. – С. Г.) истина и право»¹³. Это ветхозаветное словоупотребление переходит в Новый Завет: «важнейшее в законе – право, милость и вера»¹⁴. Здесь также можно вспомнить неоднократные призывы современных российских властей к гуманизации правосудия, которые содержатся и в последнем «Постановлении VII съезда судей».

Псалтырь в качестве платы за правосудие обещает царю фактически мировое господство: «И поклоняться ему все цари, все народы будут служить ему; ибо он избавит нищего, вопиющего и угнетенного, у которого нет помощника. Будет милосерд к нищему и убогому, и души убогих спасет»¹⁵. «Септуагинта» дает несколько другой текст, который более соответствует древневосточному правовому сознанию: «И поклоняться ему все цари, все язычники (то

¹¹ Septuaginta. Stuttgart, 1935. Ps 72. Здесь и далее перевод с древнегреческого сделан автором. Слово krisis следует переводить не как суд, но как право. См.: TWNT Bd. III. S. 943.

¹² Ps 100, 1. Пс. 100, 1. дает вариант: «милость и суд буду петь».

¹³ Ps 110, 7. Пс. 110, 7. дает вариант: «дела рук Его – истина и суд».

¹⁴ Мф. 23, 23. Перевод из Библии Московской патриархии: «суд, милость и вера» не отражает библейской мысли о том, что право содержится в законе, а суд закон только применяет. В указанном месте фарисеи осуждаются не за то, что не применяют суда, но за «неправый суд».

¹⁵ Пс. 71, 12–13.

есть иудеи. – С. Г.)¹⁶ будут ему (царю Израиля. – С. Г.) служить, потому что он вырвал нищего из рук сильного и трудящегося¹⁷, у которого нет защитника, потому что он спасет нищего и трудящегося и души трудящихся¹⁸ спасет»¹⁹. Что касается мысли о связи «беспристрастного правосудия» с мировым господством, то, как было уже упомянуто выше, идеал правосудия начинает формироваться в политико-правовых сочинениях Древнего Египта именно в эпоху становления мировой египетской державы. Вполне вероятно, что автор Псалтыри связывает внешнеполитический успех Египта с идеалами правосудия, несмотря на то, что египетская действительность с этими идеалами не имела ничего общего.

Идея о спасении душ через правосудие соответствует общей «демократизации» египетской теологии времени Нового Царства, когда на спасение души и беспристрастный божий суд, посредством которого происходит спасение, могли надеяться все слои населения.

Как видим, автор Псалтыри дает царю Израиля весьма дельный и важный совет, по сути целую политическую программу, главная идея которой – распространить правосудие, которое понимается как величайшее благо, равным образом на все категории населения, причем не только на иудеев, но и на покоренные народы.

Одним из базовых политико-правовых принципов Псалтыри является идея о том, что материальное процветание народа не может быть прочным, если люди не придерживаются справедливости в своих делах. Однако их справедливость зависит от справедливости царя, которая должна проявляться в сознательном исполнении монархом функций судьи и законодателя. Успешное исполнение таковых функций невозможно без божьей помощи, так как исключительно бог, древнееврейский Яхве, обладает способностью вдохновить царя придерживаться закона и порядка в отношении своего народа. В книгах Ветхого Завета содержится множество пассажей, которые изображают природные катастрофы,

¹⁶ В Псаломе противопоставляется laos – народ Израиля, иудеи и ethnos – язычники, иудеи.

¹⁷ Penetos – человек, не имеющий никакого дохода, кроме своего труда, тот, кто живет на одну зарплату, упорно работает, но всю жизнь остается бедным. Вряд ли стоит переводить как «убогий», т.к. под «убогим» обычно понимается инвалид, человек с ограниченными физическими и духовными силами. В современном русском языке трудно найти подходящий термин, ибо все названия: «пролетарий», «батрак», «рабочий» – сильно идеологизированны.

¹⁸ Этот термин здесь употреблен в более широком контексте и подразумевает вообще все слои населения и «нищих» и «трудящихся».

¹⁹ Ps. 72, 11–13.

которые рассматриваются как следствия того, что царь нарушил законы, данные Яхве²⁰. Ибо за нарушение этих законов наказанию подвергаются вся династия и весь народ, по принципу объективного вменения.

Наиболее яркий пример в этом отношении дает книга пророка Иереми: «Так говорит Господь: вершите право и справедливость и вырывайте захваченного от руки несправедливого, не притесняйте и не бесчестите оного (пострадавшего. – С. Г.) и пришельца, и сироты, и вдовы, и невинной крови не проливайте на месте сем»²¹. Участь царей и царств, которые не установили у себя правосудие, – пожинать «гроздь гнева» от Бога.

Итак, уже с ветхозаветных времен правосудие в правосознании тесно связано с «великим государственным принципом ответственности властвующих», с основанием легитимности власти на моральных обязанностях правителя перед всеми подданными²².

²⁰ Dvornik F. Early Christian and Byzantine political Philosophy. Т. I. P. 303.

²¹ Ие. 22, 3: «Так говорит Господь: производите суд и правду и спасайте обижаемого от руки притеснителя, не обижайте и не тесните пришельца, сироты и вдовы и невинной крови не проливайте на месте сем». (Подчеркнуты расхождения в переводе. – С. Г.).

²² Е. Спекторский называет эту идею: «великий государственный принцип ответственности властвующих». См.: Христианство и культура. С. 250.

С. И. Глушкова*

Межкультурное взаимодействие и права человека в современном мире: основные проблемы и тенденции

Современный мир, особенно остро в первой четверти XXI века, переживает процессы эволюции правовых систем и правовых концепций, период переосмысления устоявшихся принципов и закономерностей в правовой науке.

Ряд новых и интересных идей и концепций в этой связи прозвучал в докладах участников XXIII Всемирного конгресса Международной ассоциации философии права и социальной философии (август 2007 г., Краков, Польша). Сами названия докладов уже рождают оригинальные идеи и концепты у всех, занимающихся проблемами современного права, правовой культуры и прав человека: «Существует ли понятие права?», «Модели правового рассуждения», «Кто мы? О социальной, культурной и правовой идентичности», «Национализм, мультикультурализм и понятие права» и др.

Среди новых идей и концепций, отражающих новые тенденции развития международной философско-правовой науки и науки прав человека, необходимо отметить следующие, имеющие значение для рассмотрения заявленной в данной статье темы:

1) Так, профессор Гарвардского университета Фред Шауер совершенно справедливо говорит о том, что «важно понимать право, которое мы имеем, но не менее важно понимать, какое право мы хотим иметь», утверждая для каждой системы свое понятие права и существование таким образом не одного универсального понятия права, а в условиях мультикультурализма равнозначных понятий права [Антонов М. В., Поляков А. В. Право и правовые культуры в XXI веке: различие и единство // Правоведение. 2008. № 2. С. 126–129].

2) Профессор Брюссельского университета Марк Ван Хук видит сущность происходящих в праве изменений в формировании новой европейской правовой культуры, признаком которой является конвергенция правовых явлений, которые ранее противопоставля-

* **Светлана Игоревна Глушкова** – д-р полит. наук, доцент, завкафедрой прав человека, замдекана юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

лись друг другу. Это проявляется, по его мнению, «в унификации систем права европейских стран под влиянием правовой практики Евросоюза», в сближении частного и публичного права, в уменьшении различий материального и процессуального права [Антонов М. В., Поляков А. В. Право и правовые культуры в XXI веке... С. 131–132].

3) Рассматривая проблемы формирования правовой теории в условиях мультикультурализма, профессор Токийского университета Такао Кацураги справедливо утверждает: мультикультурализм в западном обществе сегодня не препятствует развитию государств, сформированных по национальному принципу, но требует поиска согласия по поводу конституции в рамках межкультурного диалога. Он критикует традиционный стереотип в теории о необходимой связи между однообразием и единством, с одной стороны, и между многообразием и социальным расколом, с другой стороны, что «привело европейское правоведение к мифу о необходимости формального единства права» [Там же. С. 138–139].

Можно согласиться со многими из этих и других прозвучавших на этом конгрессе (и на других подобных форумах) идей и концепций зарубежных экспертов, которые в целом утверждают необходимость переосмысления в условиях нового межкультурного взаимодействия, глобализации ряда правовых принципов и теорий, расхожих с классическими времен Платона, либо Гоббса, либо других мыслителей, чьи доктрины стали незыблемым фундаментом для многих поколений гуманистов и правоведов.

Если рассматривать практику мультикультурализма, то надо отметить следующие тенденции мировой политики: межкультурное взаимодействие во второй половине XX – начале XXI века развивается под влиянием глобализации международной миграции и, как следствие, под влиянием увеличения фрагментации современного мира [Поленина С. В. Мультикультурализм и права человека в условиях глобализации // Государство и право. 2005. № 5. С. 68]. Подтверждением этого являются распад Югославии, Советского Союза, ряда социалистических государств Восточной Европы, др. В свою очередь, растущая фрагментация мира ведет к фрагментации западных и восточных, национальных культур в целом и правовых культур в частности. В таких условиях культурного, правового и экономического многообразия, в котором живет современный человек, особую актуальность и важность для уважения человеческого достоинства и защиты прав человека приобретает его правовой статус, с одной стороны, и, с другой стороны, имплементация норм международного права в национальном законодательстве конкретной страны.

60-летний юбилей Всеобщей декларации прав человека, отмеченный ООН и многими странами 10 декабря 2008 года, возобновил с новой силой ведущиеся уже давно дискуссии о роли и степени влияния международных стандартов по правам человека, международных организаций по правам человека на отношение к этим правам. Хотя многие из этих документов ратифицированы большинством стран мира, в том числе с преобладающим мусульманским населением, однако при их ратификации рядом стран (Саудовской Аравией, Ливией, Бангладеш и др.) сделаны оговорки. Они связаны с недопустимостью «применения содержащихся в Конвенции норм в случае их расхождения с положениями Корана», что в результате, по мнению ряда экспертов, лишает конвенции (в частности, Конвенцию ООН 1979 г. «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин», Конвенцию ООН 1989 г. «О правах ребенка») смысла, ибо вопреки норме и смыслу конвенций «усиливает деление всех сторон жизни людей на публичную и частную сферы» [Поленина С. В. Мультикультурализм и права человека в условиях глобализации // Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика. М., 2006. С. 227–228]. Ряд исследователей считает, что международные стандарты укрепляют уважение к правам человека (особенно в демократических странах), другие утверждают, что в авторитарных государствах ратификация международных соглашений неэффективна, так как является прикрытием истинного положения дел в сфере прав человека [Немаер Э. Влияют ли международные договоры о правах человека на укрепление уважения к правам человека? // Е. В. Клинова. 2006.04.049. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право: РЖ / РАН. ИНИОН. М., 2006. № 4. С. 194]. При этом Э. Немаер, например, представляет позиции теоретиков прав человека шести ведущих научных школ по вопросу о влиянии на состояние прав человека (неореалистическая школа, институционалисты, представители правовой школы, школа транснационального правового прогресса, либеральная школа, сторонники теории транснациональной системы защиты прав человека): три первых школы делают ставку на государство, на влиятельные страны и мощные государства (такие, как США), которые определяют состояние с правами человека в своих странах и мире в целом. В то же время три последних школы ориентированы на взаимодействие между государствами и национальными правозащитными группами, неправительственными организациями [Там же. С. 195–196].

В этой связи актуальной является проблема рассмотрения равных прав и свобод, равных возможностей человека как основы для межкультурного взаимодействия в современном мире, основы

конструктивного диалога и толерантного отношения между правительственными и неправительственными организациями разных стран, между национальными правозащитными группами на территории одного конкретного государства, между представителями коренного населения и мигрантами, др. в условиях расовых, этнических, классовых и религиозных конфликтов.

Ряд исследователей ставит вопрос о неких пределах прав человека в условиях, с одной стороны, растущего межкультурного многообразия, и, с другой стороны, с учетом необходимости соблюдения региональных (европейских) и международных стандартов по правам человека. Так, Дж. Льюис в статье «Европейский предел прав человека», рассматривая влияние Европейской конвенции по правам человека (далее – Конвенция) на законодательство и судебную практику Соединенного королевства, отмечает, что государства – члены Европейского Союза могут предоставлять своим гражданам и «более щедрые права», нежели гарантированные Конвенцией, но «они не должны быть продуктом интерпретации Конвенции национальными судами, поскольку значение Конвенции одинаково для всех стран, ее признавших. Долг национальных судов состоит в том, чтобы идти в ногу с юриспруденцией Страсбурга по мере того, как она развивается во времени, но «не больше и не меньше»» [Льюис Дж. Европейский предел прав человека // Е. В. Клинова. 2006.04.049. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право: РЖ / РАН. ИНИОН. М., 2006. № 4. С. 173].

При рассмотрении деятельности Европейского суда по правам человека исследователи также прослеживают определенное влияние межкультурного взаимодействия, мультикультурализма в ряде стран на национальное право и прецедентное (и как многие исследователи отмечают, живое) право Совета Европы. Это связано во многом с тем, что в Совет Европы входят исламские государства (Турция, Албания, Азербайджан), а также с ростом числа мусульман в преимущественно христианских странах – членах Совета Европы (Франции, Германии) [Право Совета Европы. На пути к общеевропейскому правовому пространству / Фл. Бенуа-Ромер, К. Клебес. М., 2007. С. 43].

При поступлении в Суд в среднем 44 тыс. жалоб в год (при этом только 2 % подлежат рассмотрению) [Грир С. Европейская конвенция по правам человека: достижения, проблемы и перспективы // Е. В. Клинова. 2006.04.049. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право: РЖ / РАН. ИНИОН. М., 2006. № 4. С. 177] лидерство и первые позиции по числу уже несколько лет неизменно занимают три страны: Россия, Франция и Турция. Так, С. Грир от-

мечает две «особенные странности» как недостатки действия Конвенции: 1) «французский парадокс», связанный с высоким уровнем нарушений во Франции; 2) постоянные злоупотребления в Турции, что стало наиболее серьезными проблемами в применении Конвенции [Грир С. Европейская конвенция по правам человека... С. 177].

Курдский вопрос (о нарушении прав человека в Турции), мальтийский вопрос (об использовании оппозицией итальянских СМИ), кипрский вопрос (о представительстве общин греков-киприотов и турок-киприотов), чеченский вопрос (о нарушениях прав человека в Чечне) – эти и другие вопросы, связанные, в том числе, и с межкультурным взаимодействием в праве, не раз становились основанием для рассмотрения приостановления членства или исключения той или иной страны из Совета Европы [Право Совета Европы. На пути к общеевропейскому правовому пространству. С. 48–52].

В целом, в современном мире сегодня проблемы межкультурного взаимодействия в праве оказывают серьезное влияние на развитие теоретико-правовых исследований, процессы унификации систем права европейских стран в составе Евросоюза и Совета Европы, реформирование национального законодательства многих стран мира, изменение характера и содержания деятельности ряда международных и региональных организаций по защите прав человека.

Некоторые аспекты распространения молодежного экстремизма в России

В российском обществе достаточно сильны тенденции к образованию экстремистских неформальных молодежных объединений. Пропагандируемый этими объединениями экстремизм крайне опасен для психического и нравственного здоровья молодых людей, сама их деятельность – для окружающих. Э. Хобсбаум утверждал, что «националистические движения обычно укореняются, прежде всего, в тех регионах, где модернизация уже достаточно проявила себя, чтобы породить проблемы, но недостаточно продвинулась, чтобы предложить их решения»¹.

По данным МВД, за 11 месяцев 2006 года в России было зарегистрировано 230 преступлений экстремистского характера, что на 85,5 % превышает показатель аналогичного периода предыдущего года. Определенное представление о некоторых характеристиках криминальной обстановки дают результаты опросов общественного мнения, проводившихся Всероссийским центром изучения общественного мнения и маркетинга (ВЦИОМ). Так, по мнению 36 % опрошенных в январе 2006 года, межнациональные отношения в стране стали напряженнее, хотя по сравнению с 2004 годом доля подобных ответов и сократилась на 13 %.

Анонимные опросы позволили выявить наличие стойких антипатий к представителям некоторых национальностей. У большинства опрошенных антипатию вызывают «кавказцы» (20 % ответов) и «чеченцы» (8 %). Также антипатию у россиян вызывают цыгане (3 %), украинцы (2 %), китайцы (2 %), евреи (1 %), таджики (1 %), американцы (1 %). Но эти результаты показывают и некоторое снижение межнациональной напряженности в стране по сравнению с серединой 90-х годов XX века. Большинство опрошенных – 49 % в 2004, 53 % в 2005, 61 % в январе 2006 года разделили мнение о том, что все народы нашей страны должны обладать равными правами и не должны иметь никаких привилегий.

* Яна Анатольевна Голобокова – канд. ист. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Хабаровского пограничного ин-та ФСБ России (г. Хабаровск).

¹ Hobsbawm E. J. Ethnicity and Nationalism in Europe Today // Anthropology Today. 1992. Vol. 8. № 1.

Определенный научный и практический интерес представляет и распределение ответов на вопрос, насколько распространенными в настоящее время являются фашистские взгляды: широко распространенными их назвал 1 % опрошенных. На единичные известные им случаи проявлений фашизма указали 11 % респондентов, однако в возрастной группе 18–24-летних респондентов уже 19 % из них известны подобные факты. Показательно, что, по мнению 12 % опрошенных, опасность фашистских идей весьма велика, а по мнению еще 30 %, – довольно велика. Но в то же время 30 % посчитали, что подобная угроза несерьезна, и еще 19 % заявили, что она вовсе отсутствует. 42 % респондентов все же признали такую опасность реальной, причем в группе молодежи 18–24 лет доля таких ответов также была равна 42 %. Подавляющее большинство – свыше 80 % опрошенных – указали на необходимость противодействия распространению фашистской идеологии. Приводимые данные свидетельствуют об осознании значительной частью населения опасности дальнейшей радикализации настроений в обществе, а также о наличии «социального заказа и наказа» органам власти на более активную информационно-просветительскую деятельность в проблемных группах и регионах, что следует осознать не только работникам правоохранительных органов, и в частности их подразделений по связям с общественностью, но и в первую очередь руководителям СМИ, в том числе региональных.

Динамика общественного мнения в последние годы, особенно в связи с тенденциями изменений в демографической ситуации, указывает на необходимость осуществления информационно-пропагандистского противодействия экстремизму на систематической, комплексной и плановой основе².

В июне 2008 года во ВНИИ МВД прошла пресс-конференция «Общественная опасность экстремизма: теоретическая и практическая оценка», на которой было озвучено, что «увеличивается количество ... граждан, которые в основном используются лидерами экстремистских организации за определенную плату при проведении несанкционированных митингов и собраний. К примеру, в 2007 году на территории страны было проведено 417 несанкционированных протестных акций, за участие в которых к административной ответственности привлечено 1458 человек. Наибольшее их количество отмечено в мегаполисах и крупных областных центрах России (в Москве, Санкт-Петербурге, Нижегородской обла-

² См.: Хлобустов О. М. Некоторые вопросы противодействия политическому экстремизму в России // Проблемы противодействия молодежному экстремизму: Материалы круглого стола (21 декабря 2006 г.) и научно-практического семинара (23 марта 2007 г.). М.: ВНИИ МВД России, 2007. С. 62.

сти и Пермском крае)»³. Таким образом, проблема, связанная с проявлениями молодежного экстремизма, в настоящее время актуальна для большинства субъектов Российской Федерации. Анализ экстремистских проявлений в России обнаруживает общие тенденции к нарастанию и углублению этих процессов. Анализ следственной и судебной практики по уголовным делам экстремистской направленности показывает, что в последние три года в Российской Федерации произошел рост числа данных преступлений. Так, в 2004 году было совершено 130 актов экстремизма, в 2005 году – 152, а в 2006 году таких преступлений зарегистрировано уже 263.

В 2006 году преступления экстремистской направленности были зарегистрированы во всех федеральных округах. Их количество превысило показатель в среднем по стране на 58,25 %. В Центральном федеральном округе в 2006 году зарегистрировано 73 (+102, 8 %), Северо-Западном – 50 (+127 %), Южном – 29 (+81,3 %), Приволжском – 53 (+76,7 %), Уральском – 24 (+20 %), Сибирском 14 (- 22,2 %), Дальневосточном – 2 (0 %), на транспорте – 9 (+80 %) преступлений данного вида.

Самыми распространенными преступлениями, отнесенными законодательством к категории экстремистских, являются убийство, совершенное по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), и возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). В 2006 году их совершено соответственно 18 и 106. За публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности по ст. 280 УК РФ в 2006 году осуждено 10 человек (в 2005 – 6), за создание экстремистских сообществ и по ч. 1 ст. 282-1 УК РФ осуждено 8 человек, за участие в таком сообществе по ч. 2 ст. 282-1 УК РФ – 4 человека (в 2005 г. соответственно 1 и 2 лица)⁴. Жертвами большинства преступлений экстремистской направленности, совершенных по националистическим побуждениям, являются граждане и лица неславянских национальностей.

Еще один очень важный аспект – это пропаганда с помощью средств массовой информации экстремистскими организациями своих идей. Важная составляющая деятельности радикальных организаций, чья политика направлена на попрание достоинства национальных меньшинств, является пропаганда. Появились эффективные и технологичные способы воздействия на массовое со-

знание – цифровое телевидение, система ГИС «Интернет» и др. Однако в настоящее время в России пробиться на телевидение или на радио национал-радикалам практически невозможно. Печатное слово – основной, если не единственный способ для радикалов донести свои идеи до населения. С настоящим распространением компьютерной и копировальной техники издавать листок тиражом в несколько сотен экземпляров может практически любой.

Одними из самых влиятельных национал-радикальных изданий в начале 2000-х годов являются: Газета «Завтра». Тираж ее составляет 100 000 экземпляров еженедельно. «Завтра» рассчитана на разнообразную аудиторию – коммунисты и националисты различных идеологических взглядов. Вот цитата из текста газеты: «Русского крупного капитала, да и мелкого, вовсе не существует. Русский сегодня – без денег, голодранец... В сегодняшней России крупный капитал – еврейский, причем несправедливо нажитый. И у этого капитала есть огромный соблазн установить диктатуру, дабы потеснить капитал мусульманский, но главное – подавить нарастающий протест обобранного коренного народа»⁵; Газета «Дуэль». Тираж – 12 000 экземпляров еженедельно. Издание для «левых националистов». «Дуэль» – основное в России издание, проповедующее мифологию ревизионизма Холокоста; Газета «Наше Отечество». Тираж колеблется от 5500 до 10 000 экземпляров, периодичность – два раза в месяц, ранее – три раза в месяц. Является наглядным представителем антисемитской прессы. Радикальные, развязные антисемитские публикации занимают большую часть печатной площади издания. Выражения, в которых редактор и авторы газеты пишут о евреях, просто шокируют⁶; Газета «Новая система». Тираж – 6000 экземпляров, периодичность – один раз в два-три месяца; Газета «Эра России». Тираж газеты колеблется от 2000 до 5000 экземпляров, периодичность – два раза в месяц. Цитата: «Евреи – это потомки «лысых болотных обезьян»⁷.

Таких изданий немало. Значительно отличается от подобных газет большинство партийных изданий. Поскольку политическая партия по определению стремится распространить свою идеологию на максимально широкие слои населения, в партийных изданиях ксенофобия и отталкивающие материалы, наподобие выше процитированных, занимают меньше печатной площади. Наиболее радикальными партийными изданиями являются газеты Национал-

³ Режим доступа: www.xeno.sova-center.ru

⁴ См.: *Колов А. М.* Актуальные проблемы противодействия экстремизму органами внутренних дел // Проблемы противодействия молодежному экстремизму: Материалы круглого стола (21 декабря 2006 г.) и научно-практического семинара (23 марта 2007 г.). М.: ВНИИ МВД России, 2007. С. 75.

⁵ Завтра. № 30 (453). Июль 2002.

⁶ См.: *Владиславов С.* Пусть слуги оккупационного режима не становятся на пути русских патриотов // Наше Отечество. № 177. Июнь 2002.

⁷ Эра России. № 12 (80). Июнь 2002.

большевистской партии («Лимонка», «Смерч»), Народной национальной партии («Я – Русский», «Ижевская дивизия»), Русского национального единства («Русский порядок», «Русский свет», «Евпаний коловрат»), Национал-патриотического фронта «Память» («Память»), Черной сотни («Черная сотня»), движения «Русское действие» («Правое сопротивление»), Национально-державной партии России («Русский фронт», «Национальная газета») и др.⁸

Внедрение экстремизма в молодежную среду приобретает все большие масштабы и несет опасные последствия для будущего нашей страны, так как подрастающее поколение – это ресурс национальной безопасности и гарант поступательного развития общества. Молодежь в силу природных и социальных особенностей своего возраста способна не только адаптироваться, но и активно воздействовать на позитивные изменения в обществе.

А. В. Головизнин*

Юридическая природа и система норм права, регулирующих оборот культурных ценностей

В настоящее время в теории права нет единства во мнениях относительно системы права. На фоне существования традиционных отраслей права высказываются мнения о появлении новых правовых образований (информационное право, лесное право, образовательное право и т. д.). На страницах юридической литературы обосновывалось существование отрасли «культурного права»¹.

Традиционно в качестве оснований построения системы права рассматривают предмет и метод правового регулирования. В связи с этим можно провести дифференциацию позитивного права на отдельные отрасли, каждая из которых объединяет внутренне связанные между собой нормы². Вместе с тем, будучи внутренне единым и крупным правовым образованием, любая отрасль права подразделяется на отдельные элементы, которые имеют свои определенные задачи и выполняют самостоятельную роль по отношению к регулируемому кругу отношений.

В настоящее время делаются попытки поиска других системообразующих критериев. В частности, по мнению В. Ф. Попондопуло, наряду с предметом правового регулирования, для деления права на подотрасли можно использовать объект и субъект регулируемых отношений³. Однако, очевидно, что и объект и субъект являются элементами регулируемых общественных отношений и их нельзя использовать обособленно от них. Иными словами, и субъект и объект определяют особенности предмета правового регулирования.

* **Алексей Васильевич Головизнин** – канд. юр. наук, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин УрЮИ МВД России (г. Екатеринбург).

¹ См.: Молчанов С. Н. Международно-правовое сотрудничество в области культуры // Московский журнал международного права. С. 110–123.

² См.: Брагинский М. И. О месте гражданского права в системе «право публичное – право частное» // Проблемы современного гражданского права: Сб. ст. М.: Городец, 2000. С. 46.

³ См.: Попондопуло В. Ф. Система общественных отношений и их правовые формы (к вопросу о системе права) // Правоведение. 2002. № 4. С. 88–89.

⁸ Режим доступа: www.Sowa.ru

Сказанное относится и к культурным ценностям, которые, будучи уникальными объектами истории, науки, искусства, религии, служат удовлетворению духовных потребностей человека. Специфика общественных отношений, возникающих по поводу культурных ценностей, обуславливает их специальную правовую регламентацию. Данные общественные отношения неоднородны по своей природе и регулируются нормами различных отраслей права. Однако отношения оборота культурных ценностей, составляющие ядро данных социальных связей и являющиеся имущественно-стоимостными, регулируются нормами гражданского права и в полной мере воспринимают присущие ему приемы и способы правового регулирования. В то же время оборот культурных ценностей отличается от оборота других объектов гражданских прав в связи с их огромной значимостью для общества, что определяет использование, в том числе, публично-правового инструментария для обеспечения их сохранности. Как было отмечено Б. Б. Черпахиным, «применение к определенным жизненным отношениям того или иного способа регулирования зависит не только от содержания этих отношений, но также и от целого ряда других условий, которые, все вместе взятые, заставляют законодателя избрать для данных отношений именно такой, а не иной способ их построения и регулирования»⁴. При выборе способа правового регулирования «речь идет не о том, чтобы отдать предпочтение частноправовому или публично-правовому типу регулирования общественных отношений, входящих в предмет гражданского права, а о том, чтобы частноправовое регулирование оптимально ограничивалось в необходимых случаях публично-правовыми элементами»⁵. Однако использование публично-правовых приемов для регулирования отношений оборота культурных ценностей не влечет за собой трансформации их в целом в публичные отношения: одни из них сохраняют природу частных социальных связей, другие приобретают свойства публичности.

Вместе с тем нельзя утверждать, что все нормы права, определяющие правовой режим культурных ценностей, входят в сис-

⁴ Черпахин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве // Десятый сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского гос. ун-та. Иркутск, 1926. С. 34.

⁵ Гражданское право: Учебник: В 3 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. М.: ТК Велби; Изд-во «Проспект», 2004. С. 21. См. также: Первалов В. Д., Бублик В. А. Современное гражданское право – баланс частного и публичного // Цивилистические записки: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. М.: Статут; Екатеринбург: Институт частного права, 2004. С. 57.

тему гражданского права. Существует огромный массив норм права, составляющих сферу публичного права. В частности, к таковым можно отнести: а) нормы права, регламентирующие международную охрану культурных ценностей, в том числе во время военных конфликтов (международное публичное право), б) нормы права, устанавливающие уголовную ответственность за уничтожение и повреждение культурных ценностей (уголовное право), в) нормы права, регламентирующие осуществление контроля над состоянием культурных ценностей (административное право); г) нормы права, регулирующие порядок вывоза с территории России культурных ценностей (таможенное право), и т. д.

Объединение правовых норм различных по своей юридической природе для регулирования тех или иных сфер жизнедеятельности позволило ряду ученых говорить о существовании вторичных комплексных правовых образований в системе права⁶. Представляется, что нельзя согласиться с подобным мнением, поскольку система права «на иных основаниях, кроме единства предмета и метода, строиться не может в отличие от систематики правовых норм, осуществляемой при помощи самых разнообразных критериев, вплоть до расположения правовых норм в алфавитном порядке»⁷. Сообразно этому «одна и та же норма не может одновременно регулировать два различных вида общественных отношений или заключать в себе два различных метода правового регулирования. Именно поэтому одна и та же норма не может быть одновременно включена в две различные отрасли права»⁸. На самом деле так называемые «комплексные правовые образования» являются комплексными законодательными массивами, сгруппированными законодателем для регулирования разнородных, но функционально

⁶ См.: Толстой Ю. К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 44–45; Алексеев С. С. Предмет советского гражданского права и метод гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: Сб. ст. М.: Статут, 2001. С. 46; Алексеев С. С., Яковлев В. Ф. Гражданское право и современность // Советское государство и право. 1984. № 3. С. 35; Мицкевич А. В. Система права и система законодательства: развитие научных представлений и законотворчества // Проблемы современного гражданского права: Сб. ст. М.: Городец, 2000. С. 25, 42; Первалов В. Д., Бублик В. А. Указ. соч. С. 57; Бельх В. С. О соотношении частного и публичного права в правовом регулировании общественных отношений // Цивилистические записки: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. М.: Статут; Екатеринбург: Институт частного права, 2004. С. 67–69.

⁷ Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1961. С. 355.

⁸ Там же. С. 357.

взаимосвязанных общественных отношений⁹. Безусловно, законодательство о культурных ценностях также следует признать комплексным¹⁰.

Анализ отечественного законодательства о культурных ценностях свидетельствует о существенных недостатках в правовом регулировании оборота культурных ценностей. Положения нормативно-правовых актов о культурных ценностях в настоящее время носят фрагментарный характер, относятся, как правило, лишь к отдельным их видам и разновидностям, не согласуются между собой, не отвечают критериям формальной определенности и не в полной мере охватывают соответствующие социальные связи. Кроме того, они не соответствуют предписаниям Гражданского кодекса Российской Федерации, включая положения тех актов, которые были приняты после вступления в действие ГК.

Существуют пробелы в правовом регулировании оборота отдельных видов культурных ценностей. Сказанное, в частности, относится к обороту движимых культурных ценностей. В настоящее время существует несколько нормативно-правовых актов, определяющих правовой режим культурных ценностей, но они либо посвящены правому регулированию отдельных видов культурных ценностей (музейные ценности), либо касаются лишь отдельных вопросов (ввоз на территорию РФ и вывоз с территории РФ культурных ценностей). Использование в этой области законодательства бывшего СССР и РСФСР не всегда дает желаемый результат, поскольку содержащиеся в нем нормы не подлежат применению по причине их противоречия действующему законодательству. Между тем, оборот движимых культурных ценностей, так же как и недвижимых, требует определенной специфики в правовом регулировании, обусловленной обеспечением сохранности этой части культурного достояния нашей страны.

Все вышезложенное подчеркивает необходимость принятия закона, регулирующего оборот культурных ценностей, который бы устранил существующие в настоящее время пробелы и коллизии, препятствующие формированию цивилизованного рынка культурных ценностей в нашей стране. Представляется целесообразным правовые нормы, определяющие правовой режим культурных цен-

ностей, закрепить в едином комплексном нормативно-правовом акте (федеральном законе), отдельные разделы (главы) которого можно было бы посвятить правовому регулированию отношений оборота культурных ценностей, отношений охраны культурных ценностей и отношений, возникающих в ходе государственного регулирования и контроля оборота культурных ценностей. Указанный федеральный закон предлагается назвать «Об обороте культурных ценностей».

Вследствие принятия данного закона можно отменить разрозненные нормативно-правовые акты, регламентирующие отношения по поводу отдельных видов культурных ценностей, в частности: Об объектах культурного наследия, О вывозе и ввозе культурных ценностей, О музеях и музейном фонде.

⁹ См.: Красавчиков О. А. Система права и система законодательства // Правоведение. 1975. № 2. С. 69–71; Суханов Е. А. О проблемах становления и развития российского частного права // Цивилистические записки: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. М.: Статут; Екатеринбург: Институт частного права, 2004. С. 43; Попондопуло В. Ф. Указ. соч. С. 96.

¹⁰ См.: Сергеев А. П. Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1990. С. 93–99.

Межкультурное взаимодействие в Средневековой Руси (историко-правовой аспект)

Проблема взаимодействия культур всегда являлась одной из ключевых в науке. Межкультурные контакты, как правило, подразумевают влияние взаимодействующих культур друг на друга, которое может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, можно говорить о взаимобогащении культур, с другой, об опасности утраты самобытности и, как следствие, изменения культурной идентичности. В основе существования и развития любой культуры лежат системы ценностей, выступающие базовой основой культуры, а также неразрывно связанные с ними традиции, нормы, правила, стандарты поведения, практики, символы и артефакты. Находясь в неразрывной связи, они формируют единое поле культуры, которое делает социальные взаимодействия понятными, упорядоченными и предсказуемыми и создает условия для формирования идентичности – усвоения и принятия господствующих в данном обществе элементов сознания, вкусов, привычек, норм, ценностей. Тем не менее, развитие единого культурного поля, выход его на качественно новый уровень невозможен без формирования единой «общей идентификационной идеи», которая зачастую не обходится без привлечения внешних источников.

Формирование российской государственности не обошлось без такого рода заимствований. Поток скандинавов, прибывавших и частично оседавших в Восточной Европе, привел в X веке к образованию новой военной элиты Древней Руси. Она принесла с собой собственные культурные традиции и религиозные верования. Непосредственным результатом новой этнокультурной ситуации стало образование дружинной культуры, которая отражала высокий социальный статус ее носителей. Сказания о первых русских князьях, от Рюрика до Владимира, возникли и бытовали в дружинной среде, первоначально состоявшей из скандинавов, затем ставшей полиэтничной и, наконец, к XI веку включавшей по преимуществу славян.

* *Юлия Александровна Грехнёва* – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного ун-та, замдиректора по организационным и правовым вопросам НП «Международный информационный центр» (г. Екатеринбург).

Наиболее полно скандинавские культурные традиции выявляются в сказаниях о князе Олеге: в соотношении его имени и прозвища (Олгъ Вещий (Helgi)), сказаний о взятии им Киева и, особенно, сюжете о его смерти, развернутую параллель которому представляет «Сага об Одде Стреле». Но не менее интересные свидетельства обнаруживают и некоторые другие рассказы о первых русских князьях. Одним из них является повествование о трех местах Ольги древлянам (в «Повести временных лет» под 945 г.), пронизанное архаическими и фольклорными мотивами.

Принятие христианства на Руси стало существенной вехой в формировании единого культурного поля. Византия, как оплот христианской веры, выступила для Руси своеобразным интеллектуальным спонсором, мультиплицировавшим достижения христианской культуры. Каменное церковное строительство в Древней Руси началось в X веке после принятия христианства. Свидетельства Киево-Печерского Патерика сообщают о факте призвания греков для постройки соборной Успенской церкви. Известно, что греческие мастера принимали участие и в строительстве Святой Софии. Обращение к ним было следствием принятия христианства из Византии, а также тем, что идея преемственности Царств – от Иерусалима через Константинополь в Киев – проводилась уже первыми митрополитами Киевскими. Несмотря на то, что греческие мастера принесли с собой византийскую метрическую систему, уже в первых каменных памятниках Древней Руси, например в Десятинной церкви, в Святой Софии, византийская система мер была трансформирована и дополнена древнерусскими мерами. Метрические соотношения, заложенные в пропорциях церкви Успения Киево-Печерской Лавры, несут в себе древнейшую числовую традицию, корни которой уходят в пифагорейство и культуру Ближнего Востока. Пропорциональная система церкви Успения стала сакральной мерой для богородичных соборов Древней Руси. Таким образом, древнерусское зодчество X века отразило сосуществование византийской и древнерусской метрических систем. И по сути явилось свидетельством формирования новой культурной среды, которая формировала не только условия развития новых знаний, но и нового мировоззрения. В начале XII века это выразилось в попытке осмысления восточнославянской общности, объединившейся под единым этнонимом «Русь», которому была посвящена значительная часть «Повести временных лет».

Формирование древнерусского права также не миновало инокультурные влияния. Тот факт, что Русская правда как важнейший источник древнего права до сегодняшнего дня является объектом дискуссий в части способов ее составления, источниках, которыми пользовались составители, о системе и общем характере ее со-

держания, подтверждает неоднозначность культурной среды ее происхождения. Помимо неоднозначности в части использования юридической техники и правоприменения Русской Правды, мнения об источниках Правды также расходятся. Такие западные исследователи, как Струбе-де-Пьермонт и Шлецер, в свое время обратили внимание на сходство постановлений Правды с нормами датского и шведского права и отсюда заключили, что содержание Правды заимствовано из северных законов, принесенных к нам варягами; Эверс, доказав, что сборники скандинавского права похоже Правды, полагал, также основываясь на замеченных им сходствах, что источниками Правды послужили варварские законы салических и рипуарских франков. В настоящее время никто этих взглядов не разделяет. Сравнительное изучение права указало сходные юридические институты у таких народов, которые вели совершенно изолированную жизнь и не могли ничего один у другого позаимствовать. Сходство юридических институтов находит свое объяснение в одинаковых условиях быта, переживаемых различными народами на соответствующих ступенях развития.

Наиболее распроданным научным мнением является, что Русская Правда возникла на почве местных, национальных источников, но далеко не исключительно. Первым по объему и важности источником является обычное право. Такие институты, как месть, выкуп, суд послухов, холопство, устранение сестер от наследства и т. п., у всех народов возникают обычным путем и не могут быть заимствованы или созданы творческой деятельностью законодателя – это самые древние институты обычного права. Вторым источником, сравнительно скудным, служили княжеские уставы. Однако этот вывод можно сделать только на основании прямых указаний самой Правды. Поклон или покон вирный назван уроком Ярослава; ему же приписано постановление об убийстве холопа за нанесение удара свободному мужу. Совместной деятельности Ярославичей приписывается возвышение виры за убийство огнищанина и княжого подъездного, отмена убиения за голову и введение выкупов, а также замена устава Ярослава об убийстве холопа денежным штрафом. Наконец, постановление о процентах названо уставом Владимира Мономаха. Других указаний на уставную деятельность князей в Русской Правде нет. Третий источник Правды составляли судебные решения. Некоторые из них занесены в Правду во всей их конкретной форме; например, за убийство старого конюха у стада назначена вира в 80 гривен, «яко уставил Изяслав в своем конюсе, его же убил Дорогобудьцы». Другие сохранили только некоторые подробности судебного случая; так, в статьях о краже скота упоминается в одном случае о 18 ворах, в другом о 10, которые «одину овцу украл». Наконец, четвертым

источником было византийское право, которое пришло вместе с принятием христианства и, несомненно, не только применялось в церковных судах, но влияло на практику и судов гражданских. Решения судов на основании норм византийского права, приспособленных к условиям древнерусского быта, также заносились в Правду. Статьи Правды о самовольном пользовании чужим конем, об убийстве вора на месте преступления почти буквально заимствованы из соответствующих правил Закона Судного людям. Постановления о наследстве, статьи об опеке очень напоминают правила Эклоги. Они не тождественны, но, может быть, именно потому, что взяты составителем не прямо из Эклоги, а из судебной практики, которая могла и отступать от буквального текста византийских норм.

Таким образом, формирование единого культурного поля русской государственности, в том числе, в части развития русской правовой культуры, связано с влиянием трех основных аспектов межкультурного взаимодействия Средневековой Руси: формированием военной элиты, экспортированной из скандинавских стран, принятием христианства от Византии и сложившимися национальными культурно-историческими ценностями, возникшими на этапе перехода от племенных форм управления к государственным.

Глобализация и человеческая свобода

Сегодня в средствах массовой информации и других источниках достаточно часто можно встретить рассуждения о своеобразном переходе всего человечества. Этот переход главным образом детерминируется сменой материальных ценностей духовными. Сущность такого перехода находит свое логичное отражение в различных высказываниях известных мыслителей. Например: «Мир не меняется, меняемся мы» (Торье) или «Не плачь из-за того, что мир меняется; плакать нужно, если он обретет стабильность и перестанет меняться» (Бриан)¹. Так что вопрос перемен стал актуальным не только сегодня. Одновременно с этим, например, в Древнем Китае перемены рассматривались как своеобразное проклятие: «Не дай бог жить во время перемен»².

Ни для кого не секрет, что на сегодняшний день один из самых актуальных вопросов (безусловно, касающийся изменений и перемен всего мира) – это глобализация. Достаточно зайти в любой книжный магазин, чтобы увидеть, как много трудов посвящено данной проблеме; причем очень часто уже название книги говорит о том, как авторы относятся к вопросам развития глобального капитализма и всемирного объединения: может присутствовать слово «антиглобализм», а может быть и «Глобализация: путь к спасению». Разумеется, что возможны и иные варианты. К слову, велико было мое удивление, когда в библиотеке из десяти полученных книг о глобализации восемь в названии содержали антиглобалистские призывы. В данных тезисах хотелось бы высказать свое отношение к предложенному феномену, а также рассмотреть, каким образом глобализация связана со свободой каждого человека.

Глобализация, всеобъемлемость, глобальность в сущности определяются единым направлением развития, единой целью и всеобщностью человечества. Уже здесь наглядно видны следующие проблемы: «Вместо общего движения всех в одном направлении на основе общности интересов и единых стандартов, реали-

* **Николай Николаевич Давыдов** – студент 3-го курса специальности «Гражданское право» юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Цит. по: Янин И. Т. Энциклопедия мудрых мыслей. М., 2003. С. 153.

² Цит. по: Васильев Л. С. История Востока: В 2 т. М., 1994.

зуется агрессивная стратегия прорыва одних на “костях” других»³. Если сравнивать мировые человеческие культуры, то можно заметить отсталость и даже ущербность одних культур по сравнению с другими. Немаловажным является и то, что люди очень *разные*. Хотя это и банальная фраза, однако в ней содержится, на мой взгляд, главная сущность различного рода объединений. Представьте себе, как союз заключают двое людей, или трое, а может быть и четверо. Вроде бы понятно и просто. Но с увеличением числа «объединяющихся» такая арифметическая прогрессия все больше начинает смущать. А теперь представьте, что эти люди – приверженцы разного рода религий, различной этнической принадлежности, и наконец, элементарно имеют неравный материальный доход. Что тогда? Очевидно, что объединение таких людей начинает подвергаться сомнению. Стоит заметить, что XX век «подарил» XXI веку целый «букет» различного рода катаклизмов. Например, последствия двух мировых войн; проблемы, связанные с международным терроризмом; негативная экологическая обстановка. И вот сейчас встает вопрос о *человеческой свободе*. Волей не волей, все-таки одни люди довлеют над другими, а следовательно, логично будет сказать, что во время процессов глобализации человеческая свобода все больше будет ущемляться. Думаю, что данный тезис можно уверенно назвать аксиомой. Как было замечено в начале статьи, глобализация предполагает *единый* вектор развития. Это значит, что людей ущемляют, ставят в рамки, в каком-то смысле лишают свободы. После этого сложно представить себе глобализацию в “чистом” виде. Вернее, представить ее можно, однако последствия для обычных людей могут стать катастрофическими. Может показаться, что глобализация есть крайне негативный феномен сегодняшней повседневности, но это будет очень однобоко.

Хотелось бы привести определение, которое, на мой взгляд, представляет глобализацию как положительную тенденцию: «Глобализация – это то, что свойственно, полезно и принадлежит всем, не требуя ни от кого отказа от своей индивидуальности и своеобразия»⁴. Именно в таких условиях, наверно, возможно положительное сотрудничество. Не стоит также забывать о том, что глобализация – это мощный экономический инструмент. Ярким тому подтверждением является Евросоюз. Возможность торговли, единая валюта, а также различные сов-

³ Азроянц Э. А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? М., 2002. С. 331.

⁴ Азроянц Э. А. Там же. С. 339.

местные программы позволяют странам ЕС достигать весьма положительных результатов.

Необходимо сказать о глобализации и в элементарном человеческом представлении. Начинать всегда полезно с самого себя: «Только в глубине самого себя человек может найти настоящим образом глубину времен, потому что глубина времен не есть что-то внешнее, чуждое человеку, извне ему данное, извне ему навязанное, глубина времен есть глубочайшие сокровенные пласты внутри самого человека, пласты лишь прикрытые, лишь отнесенные узостью сознания на второй или третий план» (Н. А. Бердяев)⁵. Так и глобализация – это феномен, который начинает зарождаться и развиваться внутри человека, в глубине его духовного мира, в идеях построения общества и государства. И ведь мысль эта – далеко не новость. В книге В. Л. Иноземцева «Расколота цивилизация» приводятся слова монаха Средних веков (!), которые, на мой взгляд, должны стать заповедью тех, кто сегодня руководит процессами глобализации и является их участником:

«В XI веке католический монах оставил в книге, дошедшей до наших дней, запись, которая может и должна стать уроком для будущих поколений. “Когда я был подростком, – писал он, – я своими порой нерациональными усилиями стремился изменить весь мир; когда я стал юношей, я не жалел сил, чтобы изменить свой город; повзрослев, я пытался сделать лучше свою семью; когда же я состарился, мне оставалось лишь совершенствовать самого себя, ощущая, что я не достиг ничего из достигнутого. Тогда я осознал, что изменив самого себя в ранние годы, я тем самым изменил бы и свою семью; та, став лучше, сделала бы совершеннее и город, в котором мы жили, а это в свою очередь, подняло и весь мир на новую ступень чистоты и совершенства”»⁶.

В целом, глобализацию можно считать положительной тенденцией, ее можно критиковать, а можно просто принять этот стремительно набирающий обороты процесс как данность. Однако самая первая глобализация, которая должна произойти сегодня, – это *глобализация сознания*. Лишь тогда страны мира будут действительно объединяться и сотрудничать, не ущемляя при этом человеческой свободы.

⁵ Цит. по: Малахов В. П. История политических и правовых учений. М., 2000. С. 3.

⁶ Иноземцев В. Л. Расколота цивилизация. М., 1999. С. 618.

С. А. Денисов*

Конституционный Суд РФ в конфликте двух правовых культур

Автор выделяет две основные правовые культуры, борющиеся в современном мире за выживание. Первая, самая древняя – административная правовая культура. Ее суть в том, что члены общества рассматривают государство (его бюрократию) как основной регулятор общественных отношений. Правотворческая функция передается не демократическому государству. Эту правовую культуру можно назвать суперэтатистской. Другая правовая культура, гражданская, родилась в странах Запада (поэтому часто ее называют западной). Она возникла вследствие того, что класс частных собственников сумел встать над государством, подчинить бюрократию своей воле. Возникшее гражданское общество само творит право и закрепляет его в различных источниках (парламенте, суде). Естественно, право здесь выражает интересы общества, его членов и ограничивает полномочия должностных лиц, государства.

Россия традиционно имела административную правовую культуру. Гражданское общество было слабым и пассивным. Вся правовая жизнь страны направлялась классом управленцев, составляющим государственный аппарат. Сегодня в Россию «вброшены семена» гражданской правовой культуры. В 1993 году Б. Н. Ельцин октроировал Конституцию, отражающую западные ценности. Класс управленцев, для сохранения своей власти, вынужден признать права частных собственников и допустить закрепление в праве элементов рыночных отношений.

Конституционный Суд РФ является типичным продуктом соединения двух правовых культур. С одной стороны, он вынужден придавать конституционный вид политической власти класса управленцев, поддерживать отношения патернализма между государством и обществом. С другой стороны, своими решениями он защищает предпринимателей от чрезмерного давления бюрократии, встает на защиту личных прав человека.

* *Сергей Алексеевич Денисов* – канд. юр. наук, доцент кафедры публичного права юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

1. Обеспечение политического господства класса управленцев.

Сохранение административного характера государства обычно связано с обеспечением единоличной власти правителя. В сентябре 1993 года Конституционный Суд РФ принял решение, направленное против государственного переворота, совершенного Президентом РФ. Он нашел основания для отрешения Б. Н. Ельцина от должности Президента РФ. Вследствие этого работа Суда была приостановлена главой государства. Возникла угроза его роспуска. Это стало хорошим уроком для судей. В последующих своих решениях по конфликтным ситуациям они, как правило, принимали сторону главы государства. Отвергая принцип правового государства, Суд в своем Постановлении от 31 июля 1995 года признал, что Президент РФ не связан нормами Конституции РФ и законами. Он может присваивать себе новые полномочия, которые не перечислены в тексте Конституции, но их можно вывести из нее, ссылаясь на цели, которые должен реализовать глава государства. Принцип целесообразности поставлен выше принципа законности. Это решение открыло дорогу безмерному расширению полномочий Администрации Президента, действующей от имени главы государства. Поэтому иногда ее называют новым ЦК КПСС или канцелярией его императорского величества.

В Постановлении от 30 апреля 1996 года № 11-П Конституционный Суд признал право Президента РФ осуществлять законотворческие функции, грубо нарушая принцип разделения властей. Это до сих пор позволяет главе государства посредством своих указов разделять страну на федеральные округа и формировать в них не конституционные органы власти, которые подменяют собой органы власти в субъектах Федерации. Указное право определяет порядок осуществления кадровой политики Президента РФ, в частности порядок назначения глав регионов. В Постановлении от 22 апреля 1996 года № 10-П Суд признал судебные полномочия главы государства. Он посчитал, что Президент РФ имеет право осуществлять надзор за соблюдением процедуры принятия законов в палатах Федерального Собрания и если она нарушается, отказывать в подписи принятому закону, направляя его в Федеральное Собрание на новое рассмотрение.

Конституционный Суд, как мог, оказывал помощь Президенту РФ в восстановлении традиционного для России имперского государственного устройства с централизованным управлением страной. В Постановлении от 21 декабря 2005 года № 13-П он признал вполне конституционным лишение населения регионов права избирать главу региона и передачу права назначения его Президенту РФ при формальном участии представительных органов региона. В этом же постановлении Суд признал конституционным детальное

регулирование в федеральном законе правил формирования органов власти регионов и установление системы этих органов. Он полностью проигнорировал положения Ч. 1 ст. 77 Конституции РФ, где сказано, что эти вопросы относятся к предмету ведения субъекта Федерации. Суд отказался признать даже ограниченный суверенитет субъектов Федерации (Постановление КС РФ от 7 июня 2000 года № 10-П), несмотря на то, что Конституция РФ говорит о них, как о государствах (ч. 2 ст. 5 и ст. 73). Постановление от 21 декабря 2005 года значительно подорвало авторитет самого Конституционного Суда в глазах демократической общественности, так как Суду, для того чтобы не вступить в конфликт с Президентом, пришлось отказаться от своего собственного решения, зафиксированного в Постановлении от 18 января 1998 года. В последнем он ясно выразил мысль, что участие законодательного (представительного) органа субъекта Федерации в назначении (выборах) на должность главы региона не конституционно.

2. Поддержание патерналистских отношений между обществом и государством.

До трети решений Конституционного Суда касается разрешения жалоб граждан, касающихся их социальных прав. Ссылаясь на конституционную декларацию о том, что Россия является социальным государством, Суд требует от органов власти страны исполнять свои патерналистские функции с целью поддержания доверия населения к государству. Недемократическое государство не может стать социальным. Оно может стать только патерналистским. Так, Конституционный Суд пытался заставить государство исполнять принятые им на себя обязанности, закрепленные в законах. Он признал, что закон о бюджете не может отменять действие других законов путем отказа выделения средств на их реализацию (Постановление КС РФ от 23 апреля 2004 года № 9-П).

3. Защита личных прав человека.

Как известно, человек часто оказывается беззащитным перед произволом государственных чиновников, попадая в сферу уголовного преследования. Федеральное Собрание долгое время отказывалось вводить в уголовный процесс нормы, закрепленные в Конституции РФ. Конституционный Суд в Постановлении от 14 марта 2002 года № 6-П принудил законодателя ввести в Уголовно-процессуальный кодекс нормы, обеспечивающие задержание и арест граждан только по решению суда. Для российского законодателя, представляющего в первую очередь класс управленцев, характерно стремление облегчить работу дознавателя, следователя, суда. Это может делаться в ущерб интересам сторон уголовного процесса. Конституционный Суд своими решениями восстанавливает права граждан. Например, в своем Определении от 6 июля 2000 года.

Суд признал право лиц, чьи права и свободы затрагиваются решением об отказе в возбуждении уголовного дела, на доступ к материалам, на основании которых было вынесено это решение. Конституционный Суд признал неконституционной норму УПК РФ, позволяющую суду надзорной инстанции рассмотреть дело без ознакомления потерпевшего с протестом, без извещения потерпевшего о времени и месте судебного заседания и без обеспечения потерпевшему права довести до суда свою позицию по имеющим к нему отношения доводам протеста (Постановление КС РФ от 14 февраля 2000 года).

Административное государство стремится разрешать споры о праве в административном порядке, минуя судебную инстанцию. В Постановлении от 24 мая 2007 года № 7-П Конституционный Суд РФ выразил правовую позицию, которая заключается в том, что гражданам не может быть отказано в выплате социального пособия при утрате кормильца, если не доказано в суде, что гражданин умышленно совершил правонарушение, которое привело к его смерти. Решения правоохранительных органов о том, что гражданин погиб по причине совершения им преступления, недостаточно.

4. Защита экономических прав предпринимателей.

Административное государство пытается ограничить права предпринимателей, поставить их под свой жесткий контроль, отнять у них произведенные ими блага. Услужливая интеллигенция выдвинула теорию, согласно которой на объединения граждан не распространяются права человека, закрепленные в Конституции РФ. Конституционному Суду РФ пришлось разъяснить, что нормы Конституции РФ, обращенные к гражданам, в такой же степени обращены и к объединениям граждан. Объединения граждан, в том числе юридические лица, являются субъектами конституционных прав и свобод (Постановление КС РФ от 24 октября 1996 года № 17-П).

Любимой у российской бюрократии является Ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, позволяющая классу управленцев ограничивать права человека и гражданина, ссылаясь на общественные потребности. Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию, гласящую, что указанное ограничение прав и свобод должно быть соразмерно значимости достигаемых общественных целей (Постановление КС РФ от 1 февраля 2005 года № 1-П).

Конституционный Суд вынужден был напоминать российской бюрократии, что новые налоги могут быть введены только федеральными законами. Он пытался пресечь введение косвенным путем дополнительных налогов на предпринимателей: через введения различных марок учетной информации, сертификации продукции и т. д. В Постановлении от 23 декабря 1999 года Конституционный

Суд РФ сформулировал требование к государству не провоцировать частных лиц на нарушение закона путем установления чрезмерно высоких налогов и сборов.

Конституционный Суд РФ является типичным органом переходного периода от одной правовой культуры к другой. Его политика отчасти направлена на консервацию и даже на восстановление административной правовой системы, а отчасти содержит в себе черты либерализма.

Формирование правовой культуры школьников – неотъемлемый процесс правового воспитания

Модернизация российского образования актуализировала проблемы правовоспитательного процесса в общеобразовательных учреждениях (лицеях, гимназиях, школах), который является одним из важнейших факторов гуманизации общественных отношений, формирования новых жизненных установок личности.

Сегодня важно говорить о правовой культуре всех участников образовательного процесса, но прежде всего школьников, которая выражается в единстве правовых знаний, адекватно отражающих правовую действительность, эмоционального социально полезного отношения к правовым явлениям и правомерного поведения. Ядром правовой культуры является развитое правосознание как ее необходимый активный элемент, через который проявляется воздействие человека на общество.

Суть правовой культуры школьника заключается в образе его мышления и поведении, основанном на признании и познании общечеловеческих ценностей права, требований законности и режима правопорядка, в соответствии с которым осуществляется воспитательная деятельность, правореализующая и социальная практика.

Правовая культура школьников предполагает не только знание юридических норм, но и соответствующее поведение, а, следовательно, правовое воспитание должно включать в себя не только усвоение определенного объема информации, но и формирование навыков правового поведения, соответствующих ценностных ориентаций, создание правовой атмосферы в школе.

Механизм формирования правовой культуры школьников, по нашему мнению, состоит из четырех базовых элементов:

- формирования сознательного правового поведения;
- включения школьника в активную деятельность учреждения через создание правового пространства;
- формирования личности школьника, обладающей качествами гражданина российского государства;

* Людмила Георгиевна Егина – начальник отдела Департамента образования и науки Кемеровской области (г. Кемерово).

- воспитания школьника в духе уважения прав и законных интересов человека.

Отсутствие внимания к правовому воспитанию школьников не способствует искоренению или хотя бы уменьшению распространяемого в нашем обществе правового нигилизма, сущность которого – в негативном, неуважительном отношении к праву, закону, законности, нормативному порядку, а также в юридическом невежестве и правовой невоспитанности.

Проявление нигилизма в отношении социальной ценности права – специфическая черта российской ментальности. Правовые ценности в российском обществе не воспринимались и, как показывает практика, сложно воспринимаются в настоящее время в качестве необходимых для его существования. Напротив, нередкое нарушение правовых предписаний, скрытое, а порой откровенное попрание права, непонимание и нежелание понять фундаментальные ценности правового бытия – все это проявление правового нигилизма¹.

Анализ деятельности учреждений общего образования в Российской Федерации, проведенный на основании приказов, методических писем Министерства образования и науки Российской Федерации, Федеральной службы по контролю и надзору в сфере образования и науки по вопросам нарушения действующего законодательства в сфере образования, свидетельствует о проявлении правового нигилизма всеми участниками образовательного процесса, в том числе и школьниками, в системе общего образования.

Как показывают итоги исследования, проведенного Департаментом образования и науки Кемеровской области и Центром социологии Кузбасского РИПКиПРО, 70 % опрошенных учителей пользуются авторитарными методами воспитания и не знают их правовых последствий.

В общеобразовательных учреждениях правовой нигилизм выражается в следующих формах:

- прямое нарушение действующего законодательства Российской Федерации и субъектов РФ в сфере образования (конкурсный прием в 1 и 10 классы, привлечение школьников к труду, перевод их из класса в класс без согласия обучающихся и их родителей и пр.);
- неисполнение юридических предписаний (участники образовательного процесса не соотносят свое поведение с требованиями правовых норм);
- издание противоречивых, взаимоисключающих нормативных правовых актов;
- несоблюдение прав участников образовательного процесса.

¹ См.: Байниязов Р. С. Правосознание и русский правовой менталитет // Правоведение. 2000. № 2. С. 31–40.

Форма борьбы с правовым нигилизмом – это установление в учреждениях общего образования системы правоотношений между всеми участниками образовательного процесса. Правоотношения – это общественные отношения, урегулированные нормами права. Это особая связь участников образовательного процесса, которая состоит в том, что стороны, вступившие в отношения, наделяются правами, обязанностями, ответственностью.

Вовлечение школьника и его родителей (законных представителей) в особую область отношения со школой – область права – необходимо понимать как обновление содержания образования. И это не просто исполнение законов, инструкций, положений, правил, а формирование правового пространства школы – общих для всех правил, основанных на ценностях права.

Актуальность развития правового воспитания в общеобразовательных учреждениях определяется особой доминирующей ролью правовой культуры в процессе социализации личности. В современном обществе правовая культура выступает важнейшим компонентом общей культуры человека.

В то же время нельзя не отметить, что правовая культура человека учитывает уровень правовых знаний индивида, отношение его к правовой ценности, к закону, уровень правовой установки на соблюдение юридических предписаний. О правовой культуре личности можно судить по ее поведению в правовой сфере².

Правовая культура школьника – это часть его общей культуры, совокупность соответствующих правовых знаний, умений, навыков и ценностных ориентаций, осознание социальной ценности права как формы культуры, выполнение норм права, форма правового развития, обеспечивающая его правомерную деятельность. В правовой культуре школьника аккумулируются разносторонние знания действительности, ее история и перспективы развития.

Выпускник общеобразовательного учреждения должен обладать такими качествами, как уважение закона, прав своих и чужих, толерантность, убежденность в неразрывности прав и обязанностей, умение ориентироваться в правовом поле.

Известно, что в культуре человека преобладают три компонента: интеллектуальный (когнитивный); практический (поведенческий); аффективный (ценностно-смысловой)³.

² См.: Теория государства и права: Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М.: НОРМА-ИНФРА*М., 1998. С. 334.

³ См.: Габдулхаков В. Ф. О технологии формирования толерантной личности // Мир образования – образование в мире. Научно-методический журнал. № 1(13). 2004. С. 64.

Мы считаем, что правовая культура школьников характеризуется также наличием интеллектуальной, практической и аффективной (эмоционально-психологической) составляющих.

Формирование интеллектуального компонента правовой культуры школьников осуществляется, прежде всего, на основе освоения знаний о системе права, действующего законодательства, правовых предписаний, закрепленных в нормативных правовых документах общеобразовательного учреждения.

Формирование практического (поведенческого) компонента правовой культуры школьников осуществляется в правовом пространстве школы, где применяются полученные правовые знания, где формируется правовая социализация детей: они на практике используют свои права, соблюдают права других участников образовательного процесса, а также защищают свои права и законные интересы в случае их нарушения. В этом случае мы рассматриваем правовую культуру через призму становления личности, которая начинает осознавать, а затем требовать и создавать правовые способы защиты своей зарождающейся свободы и автономии⁴.

Формирование эмоционально-психологического компонента правовой культуры школьников осуществляется на основе уважения к праву, развития правового сознания, установки на правомерное поведение, отрицательного отношения к нарушению правовых норм, прав человека, преодоления правового нигилизма.

В зависимости от полноты формирования правосознания школьников мы предлагаем выделять три уровня правовой культуры: высокий, средний, низкий.

Высокий уровень правовой культуры школьника проявляется в правомерном поведении, знании и соблюдении прав человека как в школе, так и за ее пределами, активном участии в социально-правовой деятельности.

Средний уровень правовой культуры школьника характеризуется устойчивым правомерным поведением, но не участием в социально-правовой деятельности. Обучающиеся этого уровня знают свои права и обязанности, правила поведения в школе и соблюдают их.

Для низкого уровня правовой культуры школьников свойственен неустойчивый тип правового поведения, со слабым знанием норм морали и права. Обучающиеся этого уровня часто нарушают правовые нормы, права других школьников.

Как показывают результаты нашего исследования, для большей группы школьников (более 85 %) наиболее характерны средний и низкий уровень правовой культуры. Это свидетельствует об ос-

⁴ См.: Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс: Дис. ... д-ра юр. наук. Екатеринбург, 1996. С. 13.

трой необходимости активизации правового воспитания в школе, систематической и плановой работы по повышению правовой культуры школьников на всех ступенях общего образования. При этом основным вопросом является не только расширение правовых знаний обучающихся, но и культивирование правовых ценностей, выработка основ правовой культуры, навыков правомерного поведения, активной социально-правовой деятельности.

Формированию правовой культуры всех участников образовательного процесса в общеобразовательных учреждениях, в том числе и школьников, в настоящее время служит и Общественная межрегиональная целевая программа правового воспитания детей, подростков и молодежи России на 2006–2010 годы, предложенная межрегиональной детской общественной организацией «Юный друг закона» и одобренная профильными комитетами Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Управлением по правам ребенка Apparата Уполномоченного по правам человека в РФ и др.

Предлагаемые Программой мероприятия направлены на ознакомление детей, подростков и молодежи, в том числе школьного возраста, с положениями основных российских законов, воспитание у молодого поколения уважения к закону, формирование уверенности в том, что права молодых людей могут быть надежно защищены, укрепление авторитета правоохранительных органов.

Указанные меры основаны на сохранении существовавших ранее традиций правового воспитания, предусматривают расширение участия в этой работе общественных формирований, использование сильных сторон сложившейся за последние годы в России системы профессионального юридического образования. Предлагаемые меры носят системный характер, их реализация будет проходить поэтапно, создавая молодым людям условия для повышения привлекательности правовых знаний, обеспечения их поведения, отвечающего интересам личности, общества, государства. Кроме этого, предлагаемые мероприятия призваны сформировать устойчивое положительное мнение о законе и правоохранительной деятельности.

Основной целью Программы является определение места и роли правового воспитания детей, подростков и молодежи как важнейшего направления общественной деятельности по воспитанию законопослушного гражданина России, а основным критерием результативности – формирование правовой культуры молодого поколения.

Ю. И. Жегусов*

Конфликт культур в праве

Распад СССР и последовавшие за ним радикальные реформы по преобразованию общественных отношений без учета специфики социальной сферы, менталитета населения, исторически сложившихся особенностей культуры и модели взаимодействия неизбежно привели российское общество к обвальным процессам криминализации широких слоев населения, разных сфер общественной жизни и структур власти. Инициированная элитой идея «возвращения на столбовую дорожку цивилизации», попытки механического переноса чужого опыта на российскую почву, всеобщий отказ от традиционных ценностей, нигилистическое отрицание самой допустимости положительного и ценного в отечественной истории, особенно советского периода, породили кризис и конфликт социокультурных норм в обществе. Среднему россиянину стало крайне затруднительным различение целого комплекса социальных норм и явлений: нравственного от аморального, законного от преступного, позитивного от негативного.

На фоне социальной аномии массовое сознание во многом утратило способность рационально-критического отношения к социальной действительности. Население страны находится в социальном безвременье, балансирует между противостоящими нормами и ценностями. Снизилась эффективность правовых норм. Основным мотивом правового поведения большинства в аномичном обществе выступает личная выгода, прагматические расчеты, а не внутренние убеждения в сфере социально-правовых отношений.

По нашему мнению, на снижение эффективности правовых норм повлиял конфликт старых традиционных и новых внедряемых «сверху» норм и ценностей. В связи с этим мы попытаемся проанализировать этот процесс с позиций теории конфликта культур Т. Селлина¹. Она исходит из положения о том, что конфликт между кодексами двух или нескольких разных культур приводит к нарушению правовых норм, обычаев и правил. Конфликт между нор-

* **Юрий Иннокентьевич Жегусов** – канд. социол. наук, научный сотрудник Ин-та гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск).

¹ *Селлин Т.* Конфликт норм поведения // Социология преступности. М., 1966. С. 282.

мами поведения возникает в том случае, когда поведение личности в определенной ситуации одновременно регулируется нормами, расходящимися между собой по своему содержанию. Если Т. Селлин анализировал конфликт культур в отношении этнических групп в локальном масштабе в городах США, то конфликт культур в современной России более масштабен. Здесь происходит конфликт между либеральной западной и традиционной российской культурами. Попытка радикального внедрения норм и ценностей в таком виде, как они сложились на протестантском Западе, в многонациональной стране с культурой, основанной на православной и мусульманской традициях, обладает определенным криминогенным потенциалом.

Так, культурологи разграничивают культуру, ориентированную на материальное потребление, и культуру, ориентированную на духовное развитие. В любой культуре эти два подтипа гармонично уживаются. Однако удельный вес каждого из этих элементов различный. Западная культурная интервенция резко увеличила долю того элемента культуры, где она ориентирована на материальное потребление, обеспечение состояния («легкое счастье», «кайф»), в ущерб культуре, ориентированной на обеспечение деятельности, способной вызвать у человека ощущение глубокой и стойкой удовлетворенности («трудное счастье»). «Легкое счастье» (в таких культурах обычно богатство и счастье – понятия равнозначные) является идеалом криминальных типов, а стремление к нему – повод абсолютного большинства корыстных и корыстно-насильственных преступлений. Соответственно, гипертрофирование материальных элементов культуры не может не вызывать роста преступности². Атомизация общества, его переход к экономике «дикого рынка» вызвал резкую смену ценностных ориентаций, выражающихся прежде всего в росте приоритета крайнего индивидуализма и материального обогащения.

Конфликт культур происходит и в правовой сфере. По мнению С. Г. Кара-Мурзы, главное внешнее отличие правовых систем западного и традиционного российского (советского) общества состоит в степени формализации норм права, их представления в виде законов и кодексов. За ним стоит соотношение между правом и этикой. В любом обществе система права базируется на господствующей морали, на представлениях о допустимом и запретном. В отличие от традиционного общества, в западном все это формализовано в большей степени, поскольку в нем устранена единая этика. В западном обществе контроль общей этики заменяется

² См.: *Иниаков С. М.* Культура и ее воздействие на преступность // Преступность и культура. М., 1999. С. 10.

контролем закона. В традиционном обществе обыденное право существует в виде норм, запретов и преданий. Эти нормы выражены на языке традиций, передаваемых без посредников от поколения к поколению. В России право ассоциируется с правдой – сводом базовых этических норм. Эти нормы до такой степени сливаются с правовыми, что большинство людей в обыденной жизни не делают между ними различия³. Например, Н. Г. Багдасарьян считает, что «российская ментальность скорее ориентирована на *правдосудие*, чем на *правосудие*. Западная модель нормативно-правовой системы способна функционировать только при наличии глубоко индивидуалистического гражданского общества, регулятором жизни которого и выступает закон, а применение его строго формализовано и деперсонализировано. В России высший ориентир в регулировании отношений между людьми – это правда и справедливость, а высший судья – совесть»⁴.

Таким образом, конфликт новых и традиционных правовых культур predetermined кризис правосознания общества, который стал причиной роста преступности в постперестроечный период. Попытка внедрения несовместимых с российской действительностью западных социальных норм и ценностей также явились причиной кризиса национальной правовой системы и снижения эффективности правовых норм.

³ См.: *Кара-Мурза С. Г.* Истмат и проблема Восток – Запад. М., 2002. С. 68–69.

⁴ *Багдасарьян Н. Г.* Мораль и право как феномены культуры // Культурология. М., 2004. С. 175–176.

Эмфитевтическое качество спартанской илотии (попытка историко-правового сопоставления)

Изучение правовой истории любого древнегреческого полиса неизбежно сталкивается с ключевой проблемой, которую можно сформулировать с помощью следующих вопросов: во-первых, каким образом мы можем структурировать наши знания о предмете (древнегреческом праве), и, во-вторых, какими специальными терминами, правовыми понятиями и юридическими доктринами мы можем пользоваться для этой цели, не впадая, с одной стороны, в откровенную модернизацию и, с другой, оставаясь на почве профессионального историко-юридического исследования?

Наиболее правильным было бы воспользоваться специальным юридическим инструментарием самих древних греков. Однако решение этой задачи, как показывает современный опыт изучения древнегреческого права, оказывается весьма непростой задачей¹. Дело в том, что греческая цивилизация – во всяком случае, до римского периода – не знала профессиональных юристов, занимающихся изучением и анализом жизненных ситуаций в рамках широкой системы специальных правовых представлений – греческая античность не знала юриспруденции как таковой. Даже афиняне с их любовью к сутяжничеству (не говоря уже о спартанцах) просто не имели разветвленных и разработанных в рамках особых школ профессиональных юридических понятий и доктрин. Поэтому, между прочим, язык тех греческих авторов, которые напрямую касались правовой сферы, – в частности, язык аттических ораторов, от которых сохранился большой корпус судебных речей, – носит в высшей степени *нетерминологический* характер. Право за достаточной редкостью – хотя и, безусловно, интересными – исключениями не было предметом рефлексии греческих мыслителей. Другими словами, для адекватного описания интересующих нас пра-

* *Андрей Викторович Зайков* – канд. ист. наук, доцент юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург).

¹ Обсуждение данной проблемы см. в разделе «Метод» в монографии С. Тодда: *S. C. Todd. The Shape of Athenian Law. Oxford: Clarendon Press, 1995* (особенно с. 14–17).

вовых явлений и структур того или иного древнегреческого общества зачастую оказывается весьма затруднительным использовать соответствующий юридический инструментарий самих греков просто за неразвитостью такового.

В свете вышесказанного есть все основания при исследовании некоторых экономико-правовых феноменов, характерных для разных греческих государств, прибегать в более широких пределах, нежели это делается до сих пор, к помощи того институционального² опыта в правовой сфере, который накапливался греко-римским миром вплоть до эпохи Юстиниана и который наглядным образом воплотился, с одной стороны, в сочинениях классических римских юристов, а с другой – в ранневизантийском законодательстве.

Конечно, различные элементы римского юридического языка³ формировались в различных конкретно-исторических условиях, а правовое мышление римлян в основе своей являлось весьма казуистичным. Тем не менее римская юридическая «система координат» обладает богатым инструментальным потенциалом, доступным для успешного использования при анализе или, по крайней мере, при описании многих экономических и правовых явлений, характерных для иных, не римских социумов. Это верно, конечно, лишь в том случае, если общество, к исследованию которого применяется римский юридический инструментарий, обладает более или менее развитой правовой системой, уже отделившейся от сферы сакрального. Хозяйственная жизнь такого социума также должна преодолеть известный примитивный уровень. Другими словами, указанный метод можно применять лишь к обществу, межличностные и межгрупповые отношения в котором достигли такого уровня сложности и многообразия, что возникающие по их поводу конфликты решаются уже не с помощью простейших культовых предписаний, а с помощью судебной власти, принимающей решения на основе более или менее широкого комплекса специализированных правовых норм.

Известный «вневременной» характер римской «системе координат» во многом придала рецепция римского права – один из определяющих культурных процессов Западной цивилизации, начавшийся на закате античности и продолжающийся до сих пор. Если современный историк, находящийся в рамках европейской традиции, пытается мыслить *юридически*, это с неизбежностью означает, что он пытается мыслить *«по-римски»* (это верно даже

² В учебном и научном смысле этого слова (от лат. «institutiones» в смысле «наставления», «элементарный учебник»).

³ В данном случае выражение «юридический язык» следует понимать в широком смысле слова, не сводя его к одному лишь вокабулярию.

в отношении исследователей, занимающихся англо-саксонской правовой историей). Что касается использования указанной «системы координат» при изучении права древних греков, то оно тем более оправданно, поскольку большинство римских концепций и доктрин испытало на себе явное или скрытое влияние со стороны греческой философии, а многие римские юридические понятия были прямо заимствованы из греческого языка.

Одним из феноменов древнегреческого мира, для более полного понимания которого, по нашему мнению, можно было бы обратиться к институтам римского права, является спартанская *илотия* – система взаимоотношений между *спартиатами* (полноправными гражданами спартанского полиса) и *илотами* (зависимым сельскохозяйственным населением этого государства), обрабатывавшими надель (т. н. *клеры*) спартиатов и отдававшими последним фиксированную часть собранного урожая. Проблема клеров – изначально равных участков земли, распределенных между спартиатами, – как и проблема отношений между обладателями этих участков и обрабатывавшими их илотами, всегда привлекала (и продолжает привлекать) внимание и исследователей конкретных эллинических реалий, и ученых, склонных к широким теоретическим обобщениям. С завидной регулярностью предпринимаются попытки объяснить не только исторические корни илотии, но и установить суть тех особенных черт данного института в социально-экономической и правовой сфере, которые резко отличают его от классического греческого рабства. То обстоятельство, что такие постоянно возобновляющиеся попытки зачастую приводят к весьма различным выводам, объясняется, по нашему убеждению, не только недостатком источников, но и тем обстоятельством, что чаще всего современные исследователи сосредотачивают внимание [1] на политических аспектах рассматриваемого феномена, [2] на режиме спартиатского обладания землей, а также [3] на характере илотской зависимости. Вопрос об отношении илота к обрабатываемому им земельному участку в аспекте вещного права чаще всего просто игнорируется⁴. Проблема усугубляется указанным выше обстоятельством – у историков нет устоявшегося терминологического аппарата, с помощью которого можно было бы адекватным и убедительным образом описать интересующее нас конкретно-историческое явление. Именно в этой связи плодотворной выглядит перспектива сравнительного анализа. В част-

⁴ Исключением являются работы английского исследователя С. Ходкинсона. См., например, его монографию: *Hodkinson S. Property and Wealth in Classical Sparta*. Swansea, 2000 (особенно глава 4 – «Илотия и эксплуатация спартанской территории»).

ности, мы предлагаем взглянуть на проблему отношения илотского домохозяйства к культивируемому им участку земли через призму хорошо известного римскому праву института *эмфитевзиса*.

Ниже дано краткое описание римского эмфитевтического права с акцентом на те его черты, которые обнаруживают сходство с известными нам элементами спартанской системы поземельных отношений. Затем этот материал представлен в виде сравнительной таблицы. При этом следует понимать, что полноценный компаративистский анализ в данном случае затруднен в силу несоответствия сравниваемых объектов с точки зрения степени их изученности: если эмфитевзис хорошо зафиксирован в источниках (в том числе в императорском законодательстве V и VI вв. н. э.), то илотия остается крайне сложной для изучения темой как раз из-за недостатка надежных свидетельств об этом явлении⁵.

В позднем римском праве эмфитевзис (*emphyteusis*) – это вещное, отчуждаемое и наследуемое право пользования чужой сельскохозяйственной землей с присвоением плодов с обязанностью обрабатывать и не ухудшать имения и регулярно выплачивать установленный оброк (эмфитевтическую плату). Объектами эмфитевзиса могли быть государственные земли (*ager vectigalis*), земли императора (*ager fiscalis*), муниципальные земли (*ager municipalis*); земли жреческих коллегий (*ager sacerdotales*); частные земли (*ager emphyteutici*). Субъектами эмфитевзиса являлись: с одной стороны – собственник земли, с другой – *эмфитевта* (лицо, управомоченное на пользование земельным именованием и присвоение плодов).

Данное отношение могло возникнуть несколькими способами.

1. По договору. Вопрос о том, является ли эмфитевтический договор вариантом аренды, или это вариант купли-продажи, имел важное практическое значение: в неурожайный год арендатор по общим правилам мог требовать отмены арендной платы (*remissio mercedis*), в договоре купли-продажи это невозможно. Император Зенон (476–484 гг.) решил данную проблему в том смысле, что эмфитевзис – это контракт «своего рода» (*sui generis*) – ни аренда, ни купля-продажа, а «третье право» (*jus tertium*), при этом было постановлено, что в неурожайные годы плата за пользование зем-

⁵ Поскольку данная статья носит предварительный характер и публикуется в сборнике тезисов конференции, мы вынуждены убрать все ссылки на древние источники, а из литературы оставить только указание на несколько основательных работ, в которых можно найти подробное описание римского эмфитевтического права: *Барон Ю. Система римского гражданского права* / Пер. Л. Петражицкого. СПб., 1908–1910. §§ 176–182; *Хвос-тов В. М. Система римского права*. М., 1996. § 38; *Bove L. Ricerche sugli agri vectigales*. Napoli, 1960.

лей аннулирована быть не может (см.: Кодекс Юстиниана. IV. 66. 1). Для установления эmfитевзиса не требовалось никакого формализованного акта (за некоторыми исключениями). Сведения об эmfитевтическом договоре регистрировались в кадастровой книге.

2. Эmfитевзис мог быть установлен судебным решением (при разделе общей собственности).

3. Эmfитевзис мог быть установлен по завещательному отказу (легату).

4. Эmfитевзис мог быть установлен по давности.

Основные права эmfитевты: право на полное и исключительное пользование чужой вещью; право на все плоды и приращения; право на изменение хозяйственной характеристики вещи, но без ее ухудшения; право обременять вещь как реальными (сервитуты), так и обязательственными повинностями (залог); право отчуждать эmfитевзис; право передавать эmfитевзис по наследству.

Обязанности и ответственность эmfитевты: возделывать землю и не приводить ее в худшее состояние (при этом эmfитевта обязан обрабатывать землю и тогда, когда уже не желает этого, во всяком случае до момента юридического прекращения эmfитевзиса); выплачивать все публичные налоги и исполнять все повинности, лежащие на земле; уплачивать собственнику ежегодную плату в назначенные сроки; эта плата прямо не зависит от доходности вещи; это скорее знак признания чужой собственности, поэтому ее размер небольшой; при этом эmfитевта (в отличие от арендатора) не мог требовать снижения платы, например, в случае неурожая; вообще, размер эmfитевтической платы не мог быть изменен односторонне; при отчуждении своего права эmfитевта должен уведомить собственника и ждать два месяца его согласия; за согласие собственник получал 2 % цены сделки; собственник, однако, имел право преимущественной покупки (*jus protimeseos*).

Защита сторон осуществлялась следующим образом. Эmfитевта имел все владельческие интердикты. Также он мог защищать свое право в судебном порядке с помощью вещного иска *actio vectigalis*, в котором ответчиком выступало любое лицо, нарушившее эmfитевзис (в том числе собственник вещи); истец должен был доказать существование своего права и факт его нарушения. Собственник в случае неисполнения эmfитевтой своих обязанностей имел против него свой собственный специальный иск.

Помимо тех ситуаций, которые всегда приводят к прекращению вещных прав (гибель вещи, захват ее неприятелем и т. п.) и прав на чужие вещи (*confusio, consolidatio*), эmfитевзис заканчивался в результате следующих особых обстоятельств: изгнание эmfитевты собственником в случае нарушения первым своих обязанностей (неуплата оброка, ухудшение земли или оставление ее без

обработки и др.); смерть эmfитевты без наследника; давностное осуществление собственником действий, составляющих содержание прав эmfитевты. Во всех этих случаях хозяин земли получал ее в свое полное распоряжение, поскольку его собственность с этого момента освобождалась от обременения эmfитевзисом.

Сравнение римского эmfитевзиса и спартанской илотии

Позиции для сравнения	Римский эmfитевзис	Спартанская илотия
Объект правоотношений	Сельскохозяйственные земли (государственные; императорские; муниципальные; жреческих коллегий; частные)	Земли спартиатской общины (возможно, <i>politike chora</i>), поделенные на клеры между спартиатскими семьями
Субъекты правоотношений	Собственник земли - эmfитевта	Хозяин клера - илот
Установление правоотношений	1) эmfитевтический договор; 2) судебное решение о разделе общей собственности; 3) завещательный отказ; 4) давность	Неизвестно (проблема остается дискуссионной)
Права земледельца	1) полное и исключительное право пользования землей; 2) право на плоды; 3) право изменять хоз. характеристики земельного участка без его ухудшения; 4) право обременять эmfитевзис повинностями; 5) право отчуждения эmfитевзиса; 6) право передавать по наследству	1) право пользования клером; 2) право на плоды; 3) (?) илот сам определял, как ему вести хозяйство на клере; 4) неизвестно; 5) неизвестно; 6) вероятно, право пользоваться клером переходило к наследникам илота
Обязанности земледельца	1) обрабатывать землю (даже если этого не желает); 2) нести все публичные налоги и повинности, связанные с землей; 3) уплачивать собственнику земли ежегодную строго установленную плату, которая не подвержена частым изменениям; 4) при желании продать эmfитевзис уведомлять собственника и ждать его решения	1) обрабатывать землю (даже если этого не желает); 2) публичные повинности (напр., принимать участие в военных походах); 3) уплачивать хозяину строго установленную апофору, за повышение которой на хозяина налагается религиозная санкция; 4) неизвестно
Защита земледельца	1) административная защита: владельческие интердикты; 2) судебная защита: вещные иски против любого лица, нарушающего эmfитевзис (включая собственника)	1) неизвестно; 2) неизвестно; 3) сакральная защита: проклятие хозяину клера за превышение апофоры

Окончание табл. см. на след. стр.

Прекращение правоотношения	1) обычные причины прекращения вещных прав (гибель вещи и т. п.); 2) обычные причины прекращения прав на чужие вещи (confusio, consolidatio); 3) изгнание эмпитевты в силу невыполнения им своих обязанностей; 4) смерть эмпитевты без наследника 5) давностное выполнение собственником действий, составляющих содержание эмпитевзиса	1) захват земли неприятелем; 2) неизвестно; 3) неизвестно; 4) неизвестно; 5) неизвестно

Данная таблица наглядно демонстрирует, что многие важные элементы в спартанской системе землепользования по сути своей очень близки римскому эмпитевтическому праву. Во всяком случае, характер связи илота с обрабатываемым им земельным участком вполне может быть описан в понятиях *вещного права*, а именно с помощью концепции *прав на чужие вещи*. Это отнюдь не означает, что мы склонны определять спартанских илотов как свободных арендаторов, имевших право на наследуемую аренду или эмпитевзис. Илотия и эмпитевзис *исторически*, конечно же, совершенно разные институты, но, по нашему убеждению, они близки *типологически* – оба относятся к одному типу зависимого труда.

Влияние права на формирование и развитие правовой культуры

Формирование правового сознания и правовой культуры занимает одно из ключевых мест в механизме правового регулирования общественных отношений, является составным элементом проведения в стране правовой реформы, которая сопровождается бурным развитием национального законодательства.

Право относится к числу фундаментальных ценностей мировой культуры, выработанных человечеством в ходе его развития. Ценностные свойства права обусловлены его значением как особой формы общественных отношений, его местом и задачами в социальной системе общества. Концептуальный подход к праву как элементу культуры и цивилизации позволяет характеризовать истоки, значимость и социальную ценность права в широком, общесоциологическом плане. Как глубинный элемент культуры, право не только вбирает в себя ее ценности, но и реализует основополагающие требования и достижения цивилизации [См.: 1. С. 126], обеспечивая тем самым сохранение, а в известной мере и преумножение потенциала материальных, социальных и духовных богатств общества.

С помощью права обеспечивается достижение многообразия целей социального бытия: воспроизводство материальных благ, утверждение социальных ценностей, определение границ свободы, закрепление правовых основ власти, охрана естественных условий обитания, обеспечение всеобщего устойчивого правопорядка. Воплощая целый мир отношений – от главных, глубинных пластов жизни до самых житейских, – право тем самым объективизирует и реализует в законах требования культуры, социального прогресса, цивилизации в целом [См.: 2. С. 57–58].

Право есть исторически обусловленная мера человеческой свободы, сложившаяся для того, чтобы поддерживать динамическое равновесие между интересами личности и общества. Известно, в процессе жизнедеятельности общество вырабатывает систему правил общественно необходимого, возможного или желаемого.

* Яна Валерьевна Зубова – канд. социол. наук, доцент филиала Ухтинского государственного технического университета (г. Усинск).

мого социального поведения, а тем самым и критерии правомерного, неправомерного или несправедливого поведения. Через нравственность, традиции вырабатывается и нормативно закрепляется справедливость, в рамках которой гармонизируются интересы личности и общества.

Право – регулятор отношений между людьми, который исходит от государства и охраняется от нарушений, наряду с воспитанием и убеждением, такой свойственной только праву мерой, как возможность государственного принуждения. Эта взаимосвязь проявляется в различных правовых явлениях, в том числе в правотворчестве, правоприменении, правовом регулировании, юридической ответственности. С другой стороны, с помощью права закрепляется соответствующий данному обществу государственный строй, права и свободы человека и гражданина, формы правления, национально-государственного и административно-территориального устройства, политический режим; формируется механизм (аппарат) государства, определяется правовой статус государственных органов, осуществляется их деятельность по выполнению задач и функций государства [См.: 3. С. 40].

Известны кантовские положения о праве как сфере свободы; в обеспечении внешней автономии личности Кант видел основную цель в назначении права. Ценность права – это способность служить средством для удовлетворения справедливых потребностей и интересов общества и отдельных его членов. Ценность права, по мнению Лазарева В. П., выражается в том, что [См.: 4. С. 169–170]:

право – это средство организации управления обществом, оно придает действиям людей согласованность; реализация правовых норм приводит к упорядоченности общественных отношений; право – необходимое условие жизни и развития современного общества;

право – это действенное средство защиты существующего общественного строя, правовые нормы устанавливают меры ответственности (уголовной, административной, иной) за общественно опасные и вредные для общества деяния;

право – это средство обновления общества, фактор прогресса; оно развивает те общественные отношения, в которых общество заинтересовано; крайне важно значение права как инструмента перехода к новым экономическим и политическим отношениям, решения глобальных проблем современности;

право – выразитель справедливости; по своему назначению оно противостоит несправедливости, что подчеркивает многие правовые понятия (право – правое дело, юстиция в переводе с латинского означает справедливость);

право определяет меру свободы личности в обществе; право и свобода личности неотделимы друг от друга, поскольку право,

определяя масштаб границы свободы, помогает индивиду их осознавать; конкретизируя два последних момента, можно говорить о том, что право является средством утверждения нравственных начал в общественной жизни, средством воспитания населения, средством формирования правовой культуры.

С помощью права обеспечивается достижение многообразия целей социального бытия: воспроизводство материальных благ, утверждение социальных ценностей, определение границ свободы, закрепление правовых основ власти, охрана естественных условий обитания, обеспечение всеобщего устойчивого правопорядка.

Обычаи, нравы, законы являются разновидностью культурных норм и образуют нормативную систему культуры. Она предписывает членам общества, что надо делать, каким образом и в каких ситуациях следует поступать так, а не иначе [См.: 3].

Право сыграло незначительную роль в духовном и культурном развитии русской интеллигенции, состоящей из людей, которые ни индивидуально, ни социально не были воспитаны (не говоря о простолудинах). По мнению Б. А. Кистяковского, «русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в большом загоне». Не могло быть и речи о формировании прочного правосознания и правовой культуры. В связи с этим выдающиеся русские мыслители XIX века предлагали развить правовую сознательность посредством разработки правовых идей в литературе. Можно заметить, что в идейном развитии нашей интеллигенции не участвовала ни одна правовая идея, так как она не была отражена в литературе. Что касается других стран, то у англичан, к примеру, были в соответствующую эпоху, с одной стороны, трактаты Гоббса «О гражданине» и о государстве – «Левиафан» и Фильмера «Патриарх», а с другой – сочинения Мильтона в защиту свободы слова и печати, памфлеты Лильборна и правовые идеи уравнивателей – «левеллеров». В немецком духовном развитии правовые идеи сыграли большую роль. Здесь к концу XVII столетия создалась многовековая традиция благодаря Альгузию, Пуфендорфу, Томазию. Право признавалось неотъемлемой частью культуры. Именно культура является мерой свободы, включает в себя и духовно-нравственные общечеловеческие ценности, и национальное самосознание, и конкретные меры поведения. Культура, выраженная в законах, и есть право. Право есть Минимум Общего Блага. Общее благо – мера Свободы (Аристотель, Платон) [См.: 5. С. 46].

Культура оказывает решающее воздействие на формирование личности человека, без ее влияния невозможно не только его гармоническое развитие, но и полноценное включение в общественный процесс, созидательную деятельность на благо государства и общества.

Н. А. Бердяев, связывая стиль русской жизни с особенностями души человека, писал: «Россия – самая безгосударственная, самая анархичная страна в мире... Русский народ как-будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве... Россия – страна бытовой свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами... Русский человек с большой легкостью духа преодолевает всякую буржуазность, уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни... Здесь тайна русского духа. Дух этот устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем: к абсолютной свободе и абсолютной любви» [6. С. 25].

Создание истинно гражданского общества, обеспечение приоритета прав и свобод человека остаются сегодня наиболее значимыми для России, ибо без них невозможна демократическая государственность. На пути к правовой государственности необходимо укрепление государственной власти и утверждение господства права. Все общеобязательные акты (Конституция, законы, подзаконные акты) должны быть правовыми и по форме, и по процедуре принятия, и в действии. Для этого как основа, и как условие прежде всего, необходима высокая правовая культура в обществе. Понятие правовой культуры связано с «качественным состоянием» жизни общества, где при совершенстве правовых актов деятельность, сознание и развитие личности подчинены общим нормам и в то же время свободны. Об уровне правовой культуры любого социума можно судить на основании степени развития всей системы правовых текстов данного общества, в которых концентрируется прежде всего нормативно-правовое богатство юридической системы, отражается социально-правовая ситуация, выражающая сущность и формы проявления общественных отношений современного этапа исторического процесса. Однако мы постоянно сталкиваемся с низким уровнем правовой культуры, а нередко и с отсутствием ее во всех сферах общественной жизни. Сегодня все чаще наблюдается либо безразличное отношение к праву, либо неверие и даже полное отрицание его ценностей, потребностей в нем. Такое состояние правовой культуры – это историческая проблема российского государства. Каковы же основные причины такого состояния общества?

Нельзя не согласиться с мыслью, что право будет уважаемо народом только тогда, когда оно будет уважаемо властью. Правовая культура российских чиновников деформирована не меньше, чем у обывателей. Ярким примером этого является то, что власть отказалась от идеологии, от молодежных организаций, от стремления удовлетворить потребности человека и личности, злоупотре-

требляет правом, не контролирует исполнение своих законов – главный признак бессилия власти [См.: 3. С. 67].

Все это поднимает проблему правового воспитания как одного из важнейших способов сформировать и поднять правовую культуру, а следовательно, и правовое сознание на принципиально новый уровень и придает ей статус первостепенной и наиболее важной государственной проблемы. Сегодня высшей ценностью государственной политики должен быть человек, его права и свободы. Государство, его органы, общественные объединения, то есть все социальные институты должны играть служебную по отношению к личности роль, быть ответственны перед ней.

Литература

1. *Нерсесянц В. С.* Философия права: Учебник для вузов. – М.: Норма, 1997.
2. *Алексеев С. С.* Теория права. – М.: Бек, 1994.
3. *Зубова Я. В.* Правовое образование в аксиологическом осмыслении: Монография. – Майкоп: ООО «Аякс», 2007.
4. *Лазарев В. В.* Теория государства и права. – М.: Спарк, 1998.
5. *Букреев В. И., Римская И. Н.* Этика права. – М.: Юрайт, 2000.
6. *Бердяев Н. А.* Судьба России: [Репринтное воспроизведение издания 1918 г.]. – М., 1990.

Пути повышения правовой культуры школьников

В настоящее время российское общество переживает перестройку общественной жизни, осмысление ее социокультурных предпосылок и последствий составляет одну из основ перехода к новому состоянию жизнедеятельности. Это объясняется рядом известных фактов. Россия провозглашена правовым государством, в рамках осуществляемой правовой реформы происходит демократическое обновление законодательства на принципах верховенства права. Права и свободы человека и гражданина утверждаются как высшая ценность в обществе, усиливается роль суда как независимого гаранта соблюдения прав человека. Укрепляется отношение граждан к праву как механизму бесконфликтной реализации своих интересов в обществе. Право приобретает конкретные черты и практическое значение для каждого. Социологические опросы свидетельствуют об устойчивом интересе молодежи к правовым знаниям, который основан на понимании их непосредственной значимости, применимости, полезности в реальной жизни.

Однако по мере объявления законодательства и накопления соответствующей правоприменительной практики становится все более явным разрыв между новым демократическим законодательством и низким уровнем правосознания населения. В первую очередь, конечно, это относится к людям старшего поколения, выросшим в условиях преобладания политической целесообразности над правом. Но вместе с тем, доля подростков, ориентированных на ведение законопослушного образа жизни, обладающих устойчивой морально-нравственной позицией, с каждым годом становится все меньше¹. Весьма низка правовая подготовка молодежи в вопросах прав человека, гражданского права, избирательного права. Значительная часть учащихся относится к праву только как средству решения личных и общественных проблем при возникновении конфликтов правового характера, тогда как правовая культура подразумевает изучение и впоследствии положительное

* *Ирина Валерьевна Идерова* – помощник депутата Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (г. Югорск).

¹ См.: *Кожемьяков А. В.* Предупреждение подростковой преступности // Право и государство. 2008. № 3.

отношение к праву как инструменту регулирования отношений, постоянно складывающихся в повседневной жизни – имущественных, трудовых, семейных и др.

Этот тревожный факт ставит проблему формирования правового сознания и правовой культуры в ранг приоритетов государственной политики. Как сказал в Послании Федеральному Собранию РФ Президент РФ Д. А. Медведев (5 ноября 2008 г.): «Хотел бы привести слова Петра Столыпина, который говорил: “Прежде всего, надлежит создать гражданина, и когда задача эта будет осуществлена – гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность. А у нас обыкновенно проповедают наоборот”».

Необходима серьезная и систематическая работа по правовому образованию молодого поколения. Переход к правовому государству невозможен без одновременного формирования у населения соответствующих правовых знаний и правосознания, которые в свою очередь зависят от правовой культуры.

Правовое образование школьников является актуальной задачей всего российского общества, и в первую очередь государства, его молодежной политики. В связи с этим перед обществом и системой образования стоит задача помочь учащимся пережить сложное время с минимальными потерями, адаптироваться в современных условиях, научиться жить в демократическом обществе, строя свои отношения с государством, социумом на основе норм, отражающих права и свободы человека.

Существенным фактором, влияющим на развитие правового сознания граждан, служит система организованного правового обучения и воспитания, представляющего собой сложный, противоречивый процесс.

Правовое образование – многогранное понятие, которое включает в себя правовое воспитание, правовое обучение и правовое развитие.

Воспитание человека в духе уважения к праву должно являться первоочередной задачей каждого государства.

К сожалению, одна из самых тревожных тенденций современного российского общества – распространение противоправных настроений, особенно в подростковой среде. Это выражается в неуважении к закону, правовом нигилизме, в привычке и даже апологии насилия и т. д. В этой связи чрезвычайно важной является задача развития правовой культуры личности. Она связывается преимущественно с распространением правовых знаний, что, безусловно, очень важно².

² См.: *Шанко И. В.* Социокультурные основы российского правосознания // Материалы регион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1999.

Между тем, как и культура вообще, правовая культура не может быть сведена к знаниям, она вырастает из повседневной практической жизни людей, из реальной практики взаимоотношений человека с другими людьми и государством. Организуя свою повседневную жизнь, люди структурируют свои отношения с окружающей социальной средой, устанавливают институциональный порядок, вследствие чего формируются общепринятые представления как нечто очевидное, само собой разумеющееся. Одних правовых знаний и умений их применять недостаточно для покорения вершины правовой культуры. Следующая ступень – правовые чувства, и прежде всего – чувства ответственности, справедливости, уважения к праву. Если не воспитаны положительные чувства, отношения, сами по себе правовые знания, умения в нравственном отношении могут быть нейтральными. Благодаря правовым чувствам право приобретает для конкретного человека ценность. Человек, чувственно положительно относящийся к праву, по меньшей мере, не станет правонарушителем, а это уже очень значимо в масштабах всего государства.

Вообще, о правовой культуре говорят и пишут достаточно давно, но в разные времена по-разному. В советский период истории нашей страны праву обучали идеологизированно. Гражданин страны был за партию, страну и народ. Сейчас мы подчеркиваем, в первую очередь, значимость знания своих прав, свобод, обязанность и умения их защитить.

Правовая культура является сферой общечеловеческой культуры, и подобно тому, как общенациональная культура придает целостность и интегрированность общественной жизни в целом, правовая культура диктует каждой личности принципы правового поведения, а обществу – систему правовых ценностей, идеалы, правовые нормы, обеспечивающие единство и взаимопонимание правовых институтов и организаций.

Необходимость повышения уровня правового образования граждан в современных условиях вызвана возросшим значением роли права и требованием законности в совершенствовании правовой основы государственной и общественной жизни общества.

Потребность в повышении правовой культуры почувствовали и отдельные регионы Российской Федерации, которые на уровне субъекта или муниципальных образований создают центры, университеты правовой культуры (Липецкая область, республика Якутия (Саха)), также принимаются целевые программы, положения по повышению правовой культуры молодежи и общества в целом (г. Нижневартовск Ханты-Мансийского автономного округа – Югры).

Проведенное исследование уровня правовой культуры школьников Советского района и города Югорска Ханты-Мансийского

автономного округа – Югры показало наличие потребности у школьников в правовых знаниях о том, какими правами они обладают, как можно оказать правовую помощь близким. Часть правонарушений совершается из-за незнания правового запрета в целом, либо незнания меры ответственности, которая ожидает нарушителя. Восполнить данный пробел при правильной организации обучения праву не составляет труда.

Зачастую школьники, особенно младшие, в своей повседневной жизни руководствуются нравственными правилами, нормами этикета. Это вообще свойственно для российского менталитета.

Из глубины веков идет неразрывная связь права и морали, религии. И правовая культура на сегодняшний день – часть общей культуры человека. Процесс окультуривания должен быть постепенным, всесторонним и динамичным в течение всей жизни человека. Но зачатки этого процесса должны быть заложены ребенку в школьном возрасте, а еще эффективнее, если в дошкольном, когда ребенку впервые прививаются общие социально значимые образцы поведения в обществе.

В ходе правового образования на всех ступенях школьник будет развивать уровень своей правовой культуры, которая включает в себя не только юридические знания, но и правовые ценности, которые отражают качественное состояние правовых явлений и процессов. Что касается правовой культуры общества в целом, то необходимыми элементами, помимо правосознания общества, также следует отметить уровень совершенства законодательства, юридической практики, правового развития личности и прочего, что прогрессивно влияет на формирование всех сфер жизнедеятельности общества.

Говоря о качестве действующего законодательства и юридической практики, еще раз отметим, что создается это законодательство и практика людьми и от того, насколько юридически грамотны и развиты правокультурно наши законодатели, зависит качество законов, по которым живет общество. Ведь, имея блестящие юридические знания, но не обладая достаточным уровнем правового сознания, можно принимать законы в интересах только определенных слоев населения.

И эта проблема сегодня звучит даже из уст школьников. Многие из них уже убеждены, что право – не регулятор общественных отношений, а только лишь средство взимания налогов, штрафов и метод ограничений свобод граждан. С этим стереотипом и должно бороться правовое образование, призванное формировать позитивное отношение к праву, государству и связанным с ними государственно-правовых явлений.

Учитывая вышесказанное, можно констатировать, что формируется правовая культура школьников под воздействием многих субъективных и объективных факторов реальной действительности. Это достаточно многоаспектный, динамичный и противоречивый процесс, который должен быть под сознательным контролем со стороны самой личности, школы, родителей и в целом государства. Все указанные субъекты с помощью доступных им средств способны воздействовать на процесс формирования правовой культуры учащихся. Особенно школа, как универсальный институт социализации личности, призвана решать посредством правового образования задачу поступательного повышения уровня правосознания учеников. И от того, насколько правильно будет построен данный процесс, зависит развитие личности, общества и государства в целом.

Е. Ю. Калинина*

Многогранность межкультурного взаимодействия в эпоху глобализации

Современный западный мир определяет себя как свободное демократическое толерантное мультикультурное общество, в котором объединены на добровольной основе разноплановые государства. Отличительной особенностью этого объединения является множественность культур, религий, политических взглядов. Свобода быть таким, какой ты есть, и жить в мире рядом с миллионами других людей, уважая их отличия, является основой для современного глобального мира. Постхристианская Европа переживает в этом смысле определенный кризис миропонимания, поскольку исторически Европа складывалась как совокупность национальных государств, базисом культуры которых было христианство. В то же время ряд регионов Европы развивался как совокупность различных культур и религий. Путь развития этих регионов был противоречивым: с одной стороны, необходимость жить вместе порождала конфликтные ситуации, с другой же, культуры взаимообогащались в непрерывном контакте, порождая новые культурные тенденции. Ярким примером такого развития является Россия. Здесь рядом сосуществуют самобытные культурные группы, с одной стороны, порождая феномен «пограничной» культуры, то есть нечто новое, с другой стороны, эволюционируя, сохраняя свои национальные особенности и традиции.

Взаимопроникновение культур в эпоху глобализации сопровождается неизбежными конфликтными ситуациями, трудностью привыкания, взаимопонимания. Терпимое отношение к иному миропониманию, взглядам, идеям и необходимость сосуществования в одном обществе ведет к интеллектуальному и духовному совершенствованию. Такой новой формой сосуществования явилась толерантность. Основной целью толерантного взаимоотношения можно назвать недопущение конфликтной ситуации и умение разрешать ее. Инструментом установления толерантных отношений между представителями разных национальностей, культур, этносов современное мировое сообщество считает мультикультурализм.

* *Елена Юрьевна Калинина* – доцент кафедры теории права и гражданского-правового образования юридического ф-та Российского государственного педагогического ун-та им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Однако стоит заметить, что это явление вызывает огромное количество вопросов со стороны специалистов. С одной стороны, не подвергается сомнению тот факт, что в законодательстве и в повседневном общении непреложной истиной должен стать тезис о полном равноправии представителей любых национальностей в конкретном государстве, особенно, если эти люди являются гражданами указанного государства. Это положение закрепляется в законодательстве России и других стран в виде нормы Конституции о недопущении дискриминации по любому признаку. Такое законодательное закрепление позволяет установить санкцию за нарушение указанной нормы. С другой стороны, если мультикультурализм понимается как полное и безусловное равенство всех национальностей, а следовательно, их отдельных представителей, то это вызывает проблему его реализации. Причем необходимо отметить абсурдную, казалось бы, ситуацию: полное равенство не соответствует ментальности как представителей национального большинства (что обычно является материалом для обсуждения в рамках проблемы «толерантность-интолерантность»), так и того самого дискриминируемого меньшинства. Таким образом, прекрасно оформленная законодательно, ситуация заходит в тупик. Дело в том, что при явном и простом, казалось бы, стремлении к равенству прав стороны (как большинство, так и меньшинство) продолжают отстаивать сегодня... право на идентичность, то есть на «инаковость». Тем самым, хорошо сформулированная, казалось бы, норма права не может правильно функционировать. Тем более сложная ситуация складывается при ее нарушении.

Примеров такой ситуации можно привести много, а вывод напрашивается один: необходимо признать новый вызов эпохи глобализации, который заключается в том, что глобальной мировой интеграции неизбежно сопутствуют дезинтеграционные тенденции. Стремление жить в мире без границ и с полнотью одинаковым (равным) статусом любой национальности сочетается со стремлением к национальной и культурной самоидентификации, пониманию своего места в этом мире через свою национальную и культурную принадлежность.

Следовательно, совершенствование законодательства предполагает, прежде всего, осознание этого факта. Следующим этапом должно стать принятие законов, которые учитывали бы не только полное и безусловное равенство прав граждан, но и их групповые особенности. Это должно реализоваться путем принятия ряда законов и подзаконных нормативно-правовых актов, которые бы детализировали эти общие положения о равенстве прав и обязанностей, недопущении дискриминации по какому-либо признаку, причем,

возможно, путем установления именно исключений, дополнительных возможностей и так далее.

Особенно ситуация осложняется, если речь идет не о представителях тех культурных групп, которые проживают на определенной территории исторически, а о мигрантах. Города-мегаполисы сегодня представляют собой мультикультурные общества, и в первую очередь благодаря растущему потоку миграции, что соответствует современной мировой ситуации. Особенно серьезную проблему это представляет на фоне депопуляции населения крупных городов, где смертность серьезно превышает рождаемость. Примером такой ситуации может служить Санкт-Петербург, где проблема толерантного взаимоотношения между различными социальными группами в последнее время стала одной из самых популярных. Причем эта ситуация характеризуется недоверием и неблагоприятным отношением не только по отношению большинства к меньшинству, но и наоборот. Впрочем, это соответствует и общеевропейской тенденции.

Представляется, что это может быть связано именно с тем, что все группы населения (большинство и меньшинство, маргинальные группы, мигранты и т. д.) в современной обстановке стремятся к идентичности и признанию именно своих особенностей. При этом никакая из групп не проявляет стремления к тому, чтобы, напротив, отказаться от своих особенностей в пользу толерантности, мультикультурализма и иных декларируемых государством и обществом в целом (но не его группами) ценностей. Более того, если это предлагает группа большинства, то остальные группы считают это дискриминацией и попыткой ассимиляции и потому активно сопротивляются. Вхождение новых культур в сложившиеся и устоявшиеся культурные стереотипы порождает серьезные конфликты, в том числе национальные, потому что толерантность как восприятие чужих идей для многих означает отказ от своих собственных, а то и вовсе лишение веры, а ведь человек не может существовать без системы ценностей.

Однако даже при столкновении разных национальных культур всегда есть нечто наднациональное, что может заложить основу для мирного или даже дружеского взаимодействия. Кроме того, самое ценное из национальной культуры всегда будет иметь ценность для другой культуры. Так истинно национальное становится интернациональным.

Каждая социальная группа современного государства, которое участвует сегодня в процессе глобализации, должна привнести свои культурные ценности, которые в совокупности должны сформировать новую наднациональную, надгрупповую культуру толерантности и мультикультурализма.

Межкультурное взаимодействие в праве как явление

Понятие «право» – основная категория правоведения. От него зависят другие правовые категории и отраслевые понятия юридических наук. Термин «право» имеет не только научное значение, но и практический смысл. Его толкование влияет на законодательную деятельность и ориентацию юридической литературы.

От понятия этой основной категории правоведения зависят интересы людей, они влияют на подход людей к праву. Право в различных обществах и конкретных случаях проявляет себя по-разному. На понятие права влияют не только научные исследования, но и обстановка в той или иной стране. В современной юридической науке термин «право» используется в нескольких значениях.

Во-первых, правом называют социально-правовые притязания людей, например право человека на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность и т. п. Эти притязания обусловлены природой человека и общества и считаются естественными правами.

Во-вторых, под правом понимается система юридических норм. Это – право в объективном смысле, ибо нормы права создаются и действуют независимо от воли отдельных лиц. Данный смысл вкладывается в термин «право» в словосочетаниях «российское право», «трудовое право», «изобретательское право», «международное право» и т. д. Термин «право» в подобных случаях не имеет множественного числа.

В-третьих, названным термином обозначают официально признанные возможности, которыми располагает физическое или юридическое лицо, организация. Так, граждане имеют право на труд, отдых, охрану здоровья, имущество и т. д., организации располагают правами на имущество, на деятельность в определенной сфере государственной и общественной жизни и т. п. Во всех этих случаях речь идет о праве в субъективном смысле, то есть о праве, принадлежащем отдельному лицу – субъекту права.

В-четвертых, термин «право» используется для обозначения системы всех правовых явлений, включая естественное право, пра-

* *Александра Евгеньевна Каменева* – студентка 3-го курса юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

во в объективном и субъективном смысле. Здесь его синонимом выступает термин «правовая система». Например, существуют такие правовые системы, как англосаксонское право, романо-германское право, национальные правовые системы и т. д.

В современном мире очевидно возрастание роли права, превращение его в важный фактор человеческой жизни, развития современного общества. Этот процесс невозможен без участия людей, готовых и умеющих работать в условиях стремительно изменяющегося мира. Одной из наиболее ярких особенностей развития современного отечественного права является его демократический, открытый характер. Для решения задач развития в правовой сфере все активнее устанавливаются разнообразные связи с различными правовыми институтами как внутри страны, так и за рубежом. Таким образом, межкультурное взаимодействие является одним из основополагающих факторов развития российского права. Это обусловлено расширением международных контактов современного российского законодательства, предполагающим применение различных современных мер и норм в контексте межкультурного взаимодействия.

Само по себе понятие «право» находится на стыке, на грани. Оно возникает повсюду, порой даже в таких ситуациях, когда само по себе его присутствие уже кажется диким. Например, в случае соотношения таких понятий, как талант и право быть талантливым.

Межкультурное взаимодействие понимается сегодня как соприкосновение и влияние, воздействие специалистов, принадлежащих к разным культурам, друг на друга в профессиональной деятельности в социальных системах. Основами межкультурного взаимодействия являются: речь и речевая культура; культура общения; информационная культура; стиль, культура поведения в условиях профессиональной деятельности; культура творчества; профессиональная культура; культура труда и быта; культура самореализации; культура потребления; нравственная культура; правовая культура; политическая культура; этическая культура; научно-техническая культура; культура управления (принятия решения, решений конфликтов, культура риска и т. д.).

На мой взгляд, существует несколько путей подготовки к межкультурному взаимодействию в праве. Обозначим некоторые из них:

1. Изучение правовой этики и делового этикета разных стран, которое не только способствует, но и необходимо для установления успешных деловых связей с представителями других правовых культур. Примеры: правовая этика и деловой этикет США, Великобритании, других стран.

2. Международные проекты как наиболее перспективное направление развития деловых связей правовых систем; финанси-

руются международными и национальными правительственными и неправительственными организациями, обычно обеспечивают консультативную помощь со стороны зарубежных партнеров в реализации конкретных программ реформирования системы законодательства, которая выражается в проведении семинаров и конференций с участием представителей зарубежных государств.

3. Терминологическая подготовка для достижения взаимопонимания с представителями других культур (недостаточно выучить английский язык по школьной программе, чтобы успешно провести переговоры в области права, необходимо знание и понимание профессиональной терминологии).

Но в большинстве своем взаимодействие в праве происходит путем, скорее, негласным, специальные программы не проводятся. Процесс происходит сам собой – путем смешивания норм различных правовых институтов. На мой взгляд, международные конференции и семинары, посвященные развитию межкультурного взаимодействия, необходимо проводить систематически. Нужно обратить на это явление больше внимания. Различного рода проекты и подготовки (в том числе терминологическая) должны быть подчинены одной цели – созданию единой теории и практики достижения согласия в области межкультурного взаимодействия. Лишь в этом случае мы сможем наиболее четко прослеживать «соприкосновение» разных культур и норм в праве, а также сможем этот процесс контролировать.

В. А. Камышин*

К уточнению уголовно-процессуального понятия «стороны»

Философские диалектические законы единства и борьбы противоположностей относятся и к процессуальным категориям, таким как «обвинение» и «защита»¹, что позволяет называть их парными категориями. «Обвинение» и «защита» вырастают из единого основания и существуют как взаимообусловленная система. Обвинение как элемент системы не может быть без защиты, и наоборот, они всегда существуют вместе.

Обвинение всегда первично, поскольку формируется от имени государства и проходит этапы от обнаружения признаков преступления до формирования достаточной совокупности улик. Однако с противоположной стороны всегда выступает защита, даже если по объему ее совсем немного. Например, когда подозреваемый и обвиняемый вправе молчать, используя свидетельский иммунитет, выдвигать свою версию происшедшего, заявлять ходатайства и пр. При этом в основе всех изменений в системе «обвинение-защита» выступает взаимодействие, которое можно представить в виде двух сообщающихся сосудов. Увеличение объема жидкости (прав и возможностей) в одном сосуде приводит к ее уменьшению в другом, и наоборот. Названное явление А. П. Шептулин характеризует следующим образом: «Каждая сторона взаимодействия действует на другую сторону и в то же время оказывает сопротивление (противодействие) ее воздействию. Налицо отношения, члены которого, являясь относительно устойчивыми реальностями, обладающими противоположными тенденциями, ведут между собой борьбу. Исключая друг друга, они находятся в органичной взаимосвязи, составляют единство противоположностей»².

* **Владимир Анатольевич Камышин** – канд. юр. наук, доцент Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ По справедливому замечанию Т. Г. Бородиновой и И. Ф. Демидовой, «обвинение» и «защита» являются понятиями первичными и невыводимыми из иных определений. Они обладают высокой степенью общности, которая фиксирует базовые знания об основных свойствах и связях уголовного процесса. См.: Обвинение и защита: проблема равных возможностей // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 35–43.

² Шептулин А. П. Диалектический метод познания. М.: Изд-во политической литературы, 1983. С. 202–203.

В уголовно-процессуальном законодательстве участники, выполняющие функцию обвинения (следователь, дознаватель, орган дознания и прокурор), а также субъекты, осуществляющие защиту от обвинения (защитник, подозреваемый, обвиняемый), именуются «сторонами» (п. 45 ч. 1 ст. 5 УПК РФ). В таком значении термин «сторона» используется в законе более 200 раз.

Возникает вопрос. Означает ли противопоставление обвинения и защиты и противоположность их интересов обязательному наличию сторон?

Ответ может быть только один. Нет! Стороны – это не столько противоположность позиций и появление какого-либо участника (участников) уголовного процесса, сколько особое явление.

Под стороной в уголовном судопроизводстве следует понимать комплексный правовой феномен, который характеризуется совокупностью необходимых свойств:

- 1) противоположностью интересов участников;
- 2) наличием формального равенства противодействующих субъектов;
- 3) единством (однозначностью) факта противостояния;
- 4) применением в качестве средства «борьбы» судебных доказательств;
- 5) наличием арбитра при разрешении спора, которым всегда выступает суд.

Названные признаки присущи состязательному уголовному судопроизводству, где основной фигурой выступает независимый арбитр – судья. Если нет судьи, то нет и состязательности, а значит, нет и сторон.

В розыском уголовном процессе есть участники с диаметрально противоположными интересами, но их нельзя именовать «сторонами». Понятие «сторона» порождается состязательностью и имеет право на существование исключительно в состязательной форме производства. Именно здесь, в состязании, происходит накопление необходимых и достаточных свойств. Говоря языком философии, количество переходит в качество, и реализуется главное условие сторон – их полное равенство по получению, предоставлению и использованию доказательств с целью обоснования собственной позиции. Однако следует помнить, что и при отсутствии сторон функция обвинения и функция защиты остаются.

Таким образом, наличие соответствующих субъектов, прокурора и адвоката, появление защитника в уголовном деле совсем не означает появления сторон. Налицо логическая ошибка – отождествление участников со сторонами, когда делается вывод: «Субъект преследования и адвокат защиты – это и есть стороны».

Разновидностью указанной позиции является точка зрения, согласно которой расширение полномочий защиты, после принятия

нового уголовно-процессуального кодекса, является безусловным признаком появления стороны защиты уже на предварительном расследовании.

В количественном плане такая постановка вопроса не вызывает сомнений. Юристы правы, когда говорят, что следователю и дознавателю всегда противодействует адвокат обвиняемого, поскольку у них разные цели и позиции по делу. Однако это совсем не означает появления стороны, ибо иные обязательные свойства (равенство, использование доказательств, наличие арбитра) отсутствуют. Появление адвоката на ранних этапах производства и расширение его прав указывает лишь на то, что в предварительном расследовании у субъектов обвинения полномочий стало немного меньше, а у защиты немного больше.

В судебных стадиях законодатель предусмотрел для защиты еще больше возможностей в сравнении с досудебными инстанциями. Но, несмотря на присутствие независимого арбитра – судьи, и здесь преждевременно говорить о наличии сторон, поскольку уравнивания прав и возможностей не произошло. Неравенство и перевес позиции обвинения проявляется во многом. Как и ранее, сегодня перед судом находится только обвинительное заключение и материалы исключительно обвинительного характера, которые и служат предметом изучения судебного следствия. Отечественный уголовный процесс не смог наполнить необходимым содержанием понятие «сторона», что в свою очередь указывает на декларативность утверждения о состязательной форме процесса.

Выводы:

1. Обвинение и защита – это элементы взаимообусловленной системы уголовного процесса, где одно не может существовать без другого и где всегда первично обвинение.

2. Участники обвинения и участники защиты всегда находятся в противоборстве.

3. Сторона – это комплексный правовой феномен, который характеризуется: противоположностью интересов участников; равенством возможностей; правом использовать судебные доказательства в обоснование своей позиции; единством предмета спора; наличием независимого арбитра-судьи.

4. Ошибочно отождествлять стороны и само наличие субъектов с противоположными функциями: обвинения и защиты. Расширение права на защиту нельзя толковать как появление сторон.

5. Участники получают право именоваться «сторонами» только в состязательном уголовном процессе, где их права и возможности уравниваются.

5. В современном уголовном процессе России законодатель не смог реализовать равенство противодействующих субъектов, поэтому стороны отсутствуют (как в досудебном, так и в судебном производстве).

Развитие концепций авторского права в романо-германской и англосаксонской правовых системах

После того, как в XVIII веке охрана литературных произведений впервые стала признаваться не привилегией, даруемой сувереном, а правом, основанным на законе, возникают две концепции авторского права в рамках англосаксонской и романо-германской правовых систем.

К. Гессе считает, что разница подходов обусловлена напряжением между утилитарной и естественно-правовой юридическими доктринами¹. Объективистская утилитарная доктрина говорит об отсутствии естественной собственности на идеи, манифестирует общественное благо. Субъективистская доктрина признает естественное и вечное право собственности на идеи, святость индивидуальности должна быть ведущим принципом любого законодателя.

Обратимся к различиям между правовыми системами. В-первых, в большинстве стран романо-германской правовой системы используется не английское слово «copyright» (право на изготовление копий), а термин «авторское право» – le droit d'auteur (фр.), das Urheberrecht (нем.). Во-вторых, в англосаксонской системе во главу угла ставится изготовление с разрешения автора экземпляров книги, картины, фильма. Романо-германская система делает упор на личность создателя и его права. В-третьих, охрана по англосаксонской системе распространяется на произведение, принадлежащее юридическому лицу. Охрана же по романо-германской системе не распространяется на юридические лица, так как ее смысл в том, что произведения неразрывно связаны с автором как физическим лицом.

Минков А. М. пишет: «в центре регулирования континентальных [романо-германских] авторско-правовых систем находится за-

* Анна Александровна Карташева – аспирант, философский ф-т УрГУ им. А. М. Горького, редактор изд-ва «Академический проект» (г. Москва).

¹ Hesse C. The rise of intellectual property, 700 b. c.– a. d. 2000: an idea in the balance. Daedalus Spring, 2002. [http://www.amacad.org/publications/spring 2002/hesse.pdf].

щита создателя произведения, в то время как англосаксонская система авторского права нацелена на охрану произведения как такового»². Таким образом, мы можем признать, что англосаксонская система авторского права близка по духу утилитаристской юридической доктрине, а континентальная – доктрине, основанной на теории естественных прав.

В странах англосаксонской правовой системы (Великобритания и США) авторам была предоставлена лишь ограниченная имущественная защита. Целью законов признавалась, прежде всего, защита имущественных прав создателей и издателей, которые приобретали права у первого создателя либо у его правопреемников. Автор признается как индивидуальность с особыми правами, но общественное благо диктует ограничения этих прав.

Совсем иная ситуация в континентальной Европе, законодательство которой опирается на традицию естественного права. Произведение признавалось принадлежащим автору в силу факта его создания. Внимание акцентировалось на идее распространения охраны не только на имущественные, но и на личные неимущественные права авторов. Именно во Франции возникла дуалистическая концепция авторского права (моральные и имущественные права).

Важной особенностью романо-германской правовой системы являются «моральные права» (сегодня называются личными неимущественными). Их становлению способствовали воззрения И. Канта, который трактовал авторское право не просто как форму собственности, обеспечивающую экономическую выгоду. Кант признал литературное или иное творческое произведение продолжением и отражением личности автора³. Таким образом, автор наделен естественным правом защиты своего произведения не просто как разновидности товара, а как неотъемлемой части своей личности.

Сегодня можно говорить о моральных правах создателей и в Америке. Ш. Вайдханатан, говоря о проблемах современного авторского права и путях их решения, упоминает судебное решение по делу группы английских комиков Монти Пайтон⁴, как яркий пример того, как моральные права появляются и в американском законодательстве. Права на выступление Монти Пайтон принадлежали

² Минков А. М. Международная охрана интеллектуальной собственности. СПб., 2001. С. 45.

³ См.: Дюма Р. Литературная и художественная собственность. Авторское право Франции. М., 1989. С. 6–18.

⁴ McLaren Carrie. Copyrights and Copywrongs. Interview with Siva Vaidyanathan // Stay Free! № 20 [http://www.ibiblio.org/pub/electronic-publications/stay-free/archives/20/siva_vaidyanathan.html].

медийной корпорации, которая, внося некоторые изменения в готовый фильм, выпустила в эфир уже измененную версию. Монт Пайтон обратился в суд и выиграл дело.

Сегодня намечилось сближение между разными теориями интеллектуальной собственности, вызванное влиянием международных правовых актов и общей тенденцией к сближению континентальной и англо-американской правовых систем. Многие исследователи считают, что естественно-правовая доктрина усиливает свое влияние на авторское право. Об этом говорит увеличение срока охраны произведения до 50 (в некоторых странах до 70) лет после смерти автора.

Итак, в рамках англосаксонской и романо-германской правовых систем возникают две концепции авторского права: англо-американская стоит на стороне общества, обеспечивая защиту произведения как такового; континентальная система стоит на стороне автора. Не лишена смысла параллель между континентальной правовой системой в отношении интеллектуальной собственности и теорией естественных прав, а также между англо-американской системой и утилитаризмом.

О. А. Колоткина*

Активность личности в реализации ее права на безопасность в контексте категории «правовая культура»

Реалии бытия и функционирования современного российского государства, идущего по демократическому пути развития, свидетельствуют, что проблема осуществления прав и свобод личности выступает в качестве одного из важнейших приоритетов реализации государственной правовой политики¹. Право личности на безопасность, при явном отсутствии нормативного закрепления в действующем российском законодательстве, является одним из фундаментальных прав человека, реализация которого зачастую ставится в зависимость от определенного уровня правовой культуры, правосознания самой личности и, как следствие этого, во многих случаях недостаточной ее правовой активности в достижении такого блага, как безопасность. В то же время, реализация личностью своего права на безопасность зависит и от понимания, оценки ею потенциально опасного состояния, характера угроз полноте реализации ее жизненно важных интересов, осознания необходимости и возможности нахождения в более безопасных для своей жизнедеятельности условиях, а порой и желания находиться в состоянии опасности (увлечение человека экстремальными видами спорта и др.), и т. д.

Само право личности на безопасность предлагается рассматривать в качестве основного, фундаментального права, представляющего собой, во-первых, меру возможного поведения личности в ситуациях, характеризующихся наличием разностепенных угроз; во-вторых, обязанность государства по созданию условий для реализации личностью своих прав и свобод, полноценного развития ее посредством прогнозирования, предупреждения, минимизации, устранения угроз (процесс управления рисками), которые могут

* *Оксана Анатольевна Колоткина* – аспирант Гуманитарного ун-та, ст. преподаватель кафедры теории и истории государства, конституционного и международного права Уральского ин-та коммерции и права (г. Екатеринбург).

¹ См.: *Рыбаков О. Ю.* Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 7.

причинить вред жизненно важным интересам личности либо препятствовать полноте их реализации.

Реализация прав и свобод, в широком понимании, представляет собой один из факторов, обеспечивающих политическую активность, стимулирующих гражданскую инициативу и повышающих социальную ответственность личности². В узком смысле, реализация прав представляет собой регламентированный нормами права процесс, обеспечивающий каждому лицу те материальные или духовные блага, которые лежат в основе его прав и свобод³. На процесс реализации права на безопасность оказывает влияние уровень социализации личности, ее правовой культуры, правосознания, что обуславливает степень необходимой активности волеизъявления в отношении реализации своих прав и законных интересов, в том числе и права на безопасность.

Правовая культура представляет собой часть общей культуры, в то же время занимая самостоятельное, обособленное место в социокультурном пространстве. По своему содержанию правовая культура является достаточно емким понятием, включающим в себя такие элементы, как уровни правосознания, законность, совершенство законодательства и юридическую практику⁴. В целом, в литературе можно встретить и указание на иные ее составляющие, к которым относят: право; правовые отношения; законность и правопорядок; правомерную деятельность субъектов; юридическую науку, юридические акты; государственно-правовые институты⁵. Одним из ключевых элементов правовой культуры является *правосознание*. Во многих случаях личность свободна в осуществлении своих прав и свобод (права на образование, труд, отдых и т. д.), однако право на безопасность отличается тем, что реализация его связана в большей степени с деятельностью государства, направленной на создание безопасных условий существования и развития личности. В этой связи особо остро стоит вопрос о взаимодействии воли личности с волей обязанного субъекта. Воля личности может быть направлена на то, чтобы побудить государ-

² См.: Орлова О. В. Социально-правовой механизм реализации и защиты прав и свобод личности в гражданском обществе // Государство и право. 2008. № 7. С. 71.

³ См.: Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности / Н. В. Витрук. М.: Норма, 2008. С. 337.

⁴ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 214–215.

⁵ См., например: Иванников И. А. Концепция правовой культуры // Правоведение. 1998. № 3; Павленко Е. М. Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России: Монография. М.: Права человека, 2008 и др.

ственные органы воплотить в жизнь приоритетные интересы личности в сфере обеспечения безопасности. Для этого человек должен обладать определенным уровнем правосознания, что позволит личности иметь способность и возможность подчинять своей воле и своим интересам государственные органы, которые в свою очередь должны выстроить такую «матрицу» взаимоотношений личности и государства, в которой основной акцент будет сделан на гармонизацию интересов личности, общества и государства в сфере обеспечения безопасности (такая модель поведения личности, как правило, встречается в государствах, где на должном уровне функционирует сильное гражданское общество свободных индивидов и их организаций). Для нахождения подобного рода компромисса интересов человека, общества и государства в сфере обеспечения безопасности, на наш взгляд, необходимо активизировать участие самого человека в механизме обеспечения его права на безопасность. В настоящее время большинство наших граждан обладает *патерналистским правосознанием*, для которого характерна надежда на заботливого правителя, «отеческую» заботу со стороны государства⁶. Таким образом, российские граждане, обладая в общей массе инфантильно-патерналистским правосознанием, ожидают от государства (преимущественно от Президента РФ) конкретных действий, направленных на обеспечение их безопасности во всех сферах, исключая фактически собственное участие в данном процессе. Усугубляет положение и общая правовая неграмотность большинства российских граждан, которые в случае конфликтных ситуаций с обществом, государством, их институтами действуют в отрыве от правовых знаний, руководствуясь иными соображениями, а вне конфликта ждут от государства постоянного содействия в реализации предоставленных им прав, в том числе и права на безопасность.

Именно правосознание выступает в качестве важнейшего фактора правового поведения различных субъектов, их правовой активности, а также в целом условием развития гражданского общества и всей правовой системы. Дееспособность гражданского общества, как и сила государства, может возникнуть только из активистского правосознания граждан, избавившихся полностью и навсегда от патерналистского правосознания⁷. Только в этом случае будет происходить переориентирование деятельности государства с патерналистского подхода на персонцентристский, где личность отличается особой автономией, которая сводится к ее непо-

⁶ См.: Затонский В. А. Эффективная государственность / Под ред. А. В. Малько. М.: Юрист, 2006. С. 155.

⁷ Там же. С. 153.

допечности государству⁸, а признанные права и свободы человека будут являться такой высшей ценностью, которая позволяла бы ограничивать произвол и всевластие государства. При этом государство не должно снимать с себя обязанности по охране и защите прав и свобод человека, так как большинство из них, не исключением является и право личности на безопасность, не могут быть полноценно осуществлены без силы (участия) государства (речь идет, в первую очередь, о гарантировании этих прав, охране и защите).

Таким образом, необходимо повышать сплоченность общества, гражданское доверие к собственным духовно-культурным ценностям, что в конечном итоге позволит активизировать роль самого человека в механизме как реализации, так и защиты его права на безопасность, а значит, государство должно будет находить реальный компромисс между интересами личности, общества и государства в сфере обеспечения национальной безопасности, считаясь с мнением гражданского общества.

⁸ См.: Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002. С. 263.

О. И. Леканов*

Межкультурное взаимодействие в сфере договорного права

Говоря о праве гражданском, следует указать, что в его предмет входят три основные группы отношений: отношение собственности в статике, в динамике и отношения, содержанием которых является сама деятельность субъектов связи.

Любой человеческой культуре, поскольку правовая культура является ее частью, свойственно право собственности на вещи – статика отношений собственности. Однако это также предполагает и договорные отношения постольку, поскольку существует имманентная социуму (а человек может быть таковым лишь в социуме) необходимость обмена, распределения собственности. Обмен, распределение – как действия человека или социума (по отношению к своему члену либо к другому социуму) – предполагает в самом себе волю соответствующего субъекта на его совершение, и прежде всего волю собственника на распоряжение вещью (разрыв правовой связи между лицом и вещью). Вместе с тем следует принимать во внимание и волю приобретателя вещи, направленную на создание такой связи между собой и вещью. Такая разнонаправленность воли, ведущая, однако, к одинаковому результату – передачи вещи от одного лица другому, установлению новой правовой связи, заключает в себе смысл и предел договора.

Сходным образом, обусловленные различиями людей и необходимостью коммуникации, обстоят дела и применительно к действиям лиц – работам и услугам. И здесь соединение воли имеет решающее значение – в ином случае связь является субординационной и протекает в иных формах, что обуславливает и иные правовые механизмы.

Несомненно, что в различных культурах правовая форма, придаваемая такому соединению воли, конкретные условия совершения этого акта, а также последствия (конкретные права и обязанности), им влекомые, – различны. Одинаковы только два момента – единение воли и передача вещи в хозяйственное господство от одного лица другому (совершение определенного единением воли действия).

* **Олег Иванович Леканов** – аспирант кафедры частного права Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Далее, поскольку лица связали себя словом совершить определенное действие, возложили на себя эту, прежде всего, моральную (что ярко видно из последствий неисполнения такого обещания в Китае до XX в.) обязанность, прекращение ее возможно только в соответствии с волей обязавшегося (но не действии его собственной воли). Вместе с тем, поскольку человек существует в социуме, персонцентрическое и социцентрическое начала могут находиться в разных отношениях, однако не приходится отрицать истины того, что социум имеет возможность (применительно к любой культуре, поскольку это имманентно социуму) прекратить социальную связь индивидуальных лиц. Но индивидуальные лица ни применительно к друг другу (коль скоро они равны), ни применительно к социуму (если социум выступает в качестве носителя власти) не могут прекратить своей обязанности. Но всегда могут прекратить обязанность другого при исполнении собственной, что коренится в волевой сущности обязательства.

Однако данные утверждения имеют универсальное значение только в такой, наиболее общей, абстрактной форме. Но в этом случае очевидно, что они применимы к природе, но не к истории. В каждой культуре, и даже в каждом государстве, причастном к данной культуре, как сама социальная связь, так и порождаемая ею правовая форма являются уникальными по отношению к иным. Договорное право, опосредующее экономические связи, не только детерминируется этими последними, но и, в свою очередь, детерминирует их. Таким образом, даже наиболее космополитичная отрасль права – гражданское – не может быть просто «вырвана» из правовой системы данной культуры и даже данного государства, поскольку не только связана с иным массивом норм, но и с традицией их реализации, а также всеми теми обычаями, правосознанием, в системе которых она действует. Это, в свою очередь, означает уникальность, фактичность как процедур заключения договоров, так и оснований и процедур прекращения возникших из них обязательств.

В этой связи с точки зрения межкультурного взаимодействия, в том числе и в сфере права, следует указать следующее.

Пока еще право не разорвано с породившим его фактическим отношением (не «очищено» от иных норм и их влияния, не абстрагировано от всех частных, свойственных именно данной культуре или даже «части» ее) – оно предопределяется не закономерностью (или необходимо признать за правом трансцендентальность, что не верно и не соответствует факту). Оно, используя термины О. Шпенглера, живое, оно не предмет познания, оно предмет чувства – справедливости. Когда рассудок начинает расчленять право и породившую его социальную связь, абстрагировать правило от тех условий, которые его породили, редуцировать решение до нормы, –

мы можем говорить о смене культуры, о качественном изменении сознания. Но, вместе с тем, ни одна из конкретных форм не может полностью игнорировать лежащее в ее основании социальное отношение. Вместе с тем предел такого «очищения» – человек. В чем и заключается стремление к персонцентризму. Принятие необходимости такой абстрагированности права позволит отыскать в самых различных конкретных формах, посредующих возникновение, прекращение обязательств, в том числе и в нормах, устанавливающих тот или иной факт в качестве связующего звена, через которое и реализуются нормы о возникновении и прекращении обязательства, общее, единое для любой человеческой культуры. На тождественности такого рода, на такой схожести должно пониматься стремление всего человечества к коммуникации, поскольку обмен, посредуемый договорными обязательствами, является также и способом коммуникации людей различных культур.

Данный конкретный социум настолько способен к взаимодействию на «одном языке» с другим, насколько он персонцентричен. Наоборот, чем более социум социцентричен, тем менее он способен к «общению», к пониманию другого на языке права. Связано это с тем, что социцентричность социума необходимо обрекает его на «самость», на уникальность – тем самым он более историчен, фактичен и неповторим. Соответственно его язык права также историчен и неповторим, что создает барьер на пути его взаимодействия с другим социумом. Примерами такого «неудачного» опыта являются, в частности, попытки привнесения американского института разделенной собственности в российское право. Наоборот, чем более социум персонцентричен, тем этот барьер менее ощущаем. В самом деле, человек вне социума не может быть историчен, он внекультурен и не является ни уникальным, ни неповторимым, ни фактическим человеком. Он находится вне культуры, он восприимчив, он открыт для любой формы – это не угрожает задеть его самость просто потому, что в смысле культуры этой самости просто нет. Ярким тому примером служит универсальная (и даже тотальная) концепция «естественных прав».

Это означает «очищение» экономических отношений от всего исторического, подчинение связи только и исключительно закономерностям самой связи, экономики, но не традиции, судьбе. Таким образом, в социальной связи происходит различение собственно экономического (универсального, тотального) от культурного (исторического, единичного) и, как следствие, очищение правовой нормы от «неюридического содержания» – то, что С. С. Алексеев называет «отдифференциацией правовой нормы от иных норм». В этой отдифференциации утрачивается собственно культурное, она становится «косной», не подвластной судьбе, но подчиненной универсальной «мертвой» закономерности природы, но не истории. Та-

ким образом, «очищение» правовой нормы, языка права от религии, морали, единично-присущему – социальному – до нормы универсальной, что единственно возможно в условиях «персонификации» социума и права. Основанием права становится не социум с его историчностью, уникальностью и неповторимостью судьбы, но персона, индивид, человек с его внеисторичностью («экономичностью»), типичностью и универсальностью. Это весьма рельефно проступает сегодня, в период глобальной миграции, глобальной информатизации, глобальной экономики, глобального взаимодействия.

Таким образом, то, что в традиции материалистической диалектики именовали базисом – социальное экономическое отношение, позволительно рассматривать в качестве ставшего, подчиненного закономерности. Однако надстройка, форма, право – это факт, становление, лишь в Новое время (что для права позволительно, поскольку собственно наука права сформировалась не раньше XIX века) ставшее предметом науки и, в этом смысле, закончившее, переставшее твориться жизнью, но творящееся теперь наукой. Из права-истории право стало правом природы, «академическим» правом. Право стало подвластно закономерности, систематике, но при этом перестало быть фактом (что не изменяет детерминированности его, безусловно не тотальной, экономическими отношениями). Следовательно, в этом смысле, право получило возможность стать правом универсальным, тотальным и всеобщим. Поэтому возникновение и прекращение обязательств, в той мере, в которой они не зависимы от отношения персонцентризма и социцентризма данной правовой системы, также универсальны и замкнуты на идее соответствия теперь уже «чистой» воли. Здесь же следует отметить, что абстрагирование права от породившего его отношения, применительно к воле, несомненно приведет к ее абстрагированию от «живого», фактического индивида к воле «чистой», воле – не как величине, но воле как функции, и здесь – воле формальной в противовес воле содержательной, а значит – фактической.

В заключение следует отметить, что с точки зрения межкультурного взаимодействия неизбежно происходит «отрыв» отдельных элементов от той системы, что их породила и в которой они существовали. Формальные рецепты, таким образом, не означают механического перенесения конкретных элементов их одной культуры в другую. Привнесенный элемент рецепиент наполняет новым содержанием, изменяя его порой настолько, что при внешней схожести рецепированный элемент принципиально отличается от «родителя». Таким образом, взаимодействие культур, в том числе и в сфере права, означает создание новой правовой культуры, возникающей на стыке взаимодействующих. Основанием для такого «созидания» является человек; в сфере договорного права – его «естественная» воля, не находящаяся под влиянием культуры.

В. О. Лобовиков*

Конституционное право, международное право, естественное право: конституционные суды, международные суды и принципиальная возможность создания естественно-правового суда для разрешения межкультурных конфликтов в сфере права

Конституционные суды работают на основе *позитивного* конституционного права. Их деятельность не выходит за рамки права *позитивного*. Они проверяют те или иные фрагменты системы позитивного права на соответствие конституции, то есть эти суды сравнивают позитивное право с позитивным правом: вся их деятельность замкнута внутри системы *позитивного* права. А что если сама конституция той или иной страны в какой-то своей части дефективна, в том смысле, что не соответствует праву естественному и, поэтому, порождает серьезные проблемы на уровне межкультурного взаимодействия? Компетентен ли конституционный суд для разрешения и даже для постановки такого рода вопросов? Нет, это находится за пределами его компетенции. Конституционный суд не уполномочен проверять нормы позитивного права вообще, и конституцию в особенности, на соответствие или несоответствие системе права естественного (даже в том случае, когда существование системы естественного права юристами не отрицается).

Согласно доминирующей в наше время философии юридического позитивизма, если само существование международного права все-таки признается, то особо подчеркивается, что международные суды работают на основе *позитивного* международного права. Их деятельность не выходит за рамки права *позитивного*. Они проверяют те или иные международные взаимодействия на соответствие *позитивному* международному праву. А что если

* **Владимир Олегович Лобовиков** – д-р филос. наук, профессор, гл. научный сотрудник отдела права Ин-та философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

сама система международных договоров в какой-то своей части дефективна, в том смысле, что не соответствует праву естественному и, поэтому, порождает серьезные проблемы на уровне межкультурного взаимодействия? Компетентен ли некий международный суд для разрешения и даже для постановки такого рода вопросов? Нет, согласно доминирующей точке зрения, это находится за пределами его компетенции. Международный суд не уполномочен проверять нормы позитивного права и, в частности, конституции каких бы то ни было стран на соответствие или несоответствие системе права естественного (даже в том случае, когда существование системы естественного права юристами не отрицается).

Но в таком случае, если рассуждать абстрактно-теоретически, допуская, что существование системы естественного права юристами не отрицается, вполне логично предположить, что решением указанного круга вопросов должны заниматься суды, уполномоченные проверять нормы позитивного права и, в частности, конституции (каких бы то ни было стран) на соответствие или несоответствие системе права естественного. Существуют ли такие суды где-нибудь в наше время? Насколько мне известно, нет. Существовали ли такие суды где-нибудь раньше? Насколько мне известно, тоже нет. Была, правда, попытка выдать за естественно-правовой суд то, чем занималась инквизиция, но эта попытка оказалась неудачной в принципе, так как собственно естественное право – система вечных универсальных ценностей всех возможных разумных существ – подменялась *позитивным* правом церкви. (Что неизбежно порождало кровавые межкультурные конфликты.) Но в таком случае закономерно возникают вопросы. Если естественно-правовых судов в собственном смысле слова раньше не было нигде (и сейчас нет), то почему? И могут ли они появиться в будущем, то есть возможно ли их существование в принципе? Если допущение о существовании системы естественного права юристами принимается, и (пришедшее к нам от римского права) требование соответствия позитивного права естественному праву юристами также принимается, то ответ очевиден.

В принципе, *институт* естественно-правового суда может и даже должен быть создан. Он *необходим* для обеспечения (и контроля) *адекватности* законодательной деятельности: имеется в виду ее адекватность (соответствие) системе естественного права. Ответ на вопрос «Как (на основании чего) может и должен естественно-правовой суд работать (и каким методом)?» тесно связан с ответом на вопрос «Почему до сих пор такого суда люди нигде не создали (и даже речи о его создании всерьез никто не вел)?». Всерьез о создании института естественно-правового суда речи до сих пор не было, на мой взгляд, потому, что до сих пор

никто внятно не мог ответить на вопрос «Как (на основании чего) может и должен естественно-правовой суд работать (и каким методом)?». Ответ «Естественно-правовой суд работает (и принимает решения) на основании системы естественного права» не принимался всерьез, так как юристы распались на две группы. Первая (позитивисты) явно провозглашала (или тайно, но твердо верила), что системы естественного права нет и быть не может в принципе, следовательно, деятельность обсуждаемого гипотетического суда беспредметна (представляет собой вредную утопию). Вторая группа юристов – юснатуралисты, то есть сторонники юснатурализма (*jusnaturalism*) – явно провозглашала (или тайно, но твердо верила), что система естественного права существует, и любое позитивное право должно быть в гармонии (соответствии) с ней. Но эти юристы не могли привести (организовать) естественное право в систему, которой могут пользоваться все люди, в частности судьи (для разрешения межкультурных проблем). Юснатуралисты прошлого не смогли ничего вразумительного предпринять в связи с бесспорными фактами: во-первых, *объективного изменения конкретных (классово-исторического) содержания поступков и условий их совершения*; во-вторых, *объективной относительно морально-правовых оценок конкретного (классово-исторического) содержания поступков и условий их совершения*.

Отсутствие интеллектуально респектабельной реакции юснатуралистов на указанный им обширный эмпирический материал, не вызывающий сомнений, привел к тому, что все благие намерения и разговоры философствующих юристов-интеллектуалов о якобы возрожденном (на стыке XIX и XX веков) естественном праве оказались пустым звуком, не имевшим серьезных последствий ни в теории, ни на практике. Противоречащие естественному праву кровавые социалистические революции и прочие межкультурные конфликты XX века предотвратить не удалось. Да и само естественное право как таковое было попорно и предано забвению даже на уровне теории. Однако в движении философствующих юристов-интеллектуалов (на стыке XIX и XX веков) за возрождение естественного права проявилась и была особо подчеркнута (например, в трудах Р. Штаммлера) важная деталь: во-первых, естественное право есть право с *переменным содержанием* (деятельности). И, следовательно, во-вторых, естественное право есть *форма* деятельности, *отвлеченная от ее конкретного исторического содержания*. В такой интерпретации юснатурализм представляет собой некую *формальную* юриспруденцию поведения, аналогичную *формальной* логике мышления. Обе дисциплины дают некие предельно точные (и общие) формулировки правил (канонов формы) адекватной деятельности, которые должны соблюдаться всеми

(разумными существами) и являются вполне проверяемыми. Проверкой их соблюдения в случае *формальной* юриспруденции юснатурализма и должен заниматься естественно-правовой суд.

Но как (каким методом) может и должна осуществляться такая проверка? На мой взгляд, методом такой проверки является дискретная математика. В язык естественно-правовой доктрины необходимо включить специальные средства для адекватного выражения морально-правовых ценностных *переменных* и морально-правовых ценностных *функций* в строго математическом значении слов «переменная» и «функция». Система естественного права есть система вечных универсальных ценностей, а ценности суть ценностные функции от некоторого числа ценностных переменных. Естественный язык (любой) для адекватного определения и систематического обсуждения в самом общем виде ценностных функций, не являющихся константами, почти непригоден: его использование для этих целей неэффективно. Для успешной работы естественно-правового суда необходимо адекватное математическое моделирование подсудных ситуаций, предполагающее систематическое использование искусственных языков и методов дискретной математики. Очевидно, что профессиональная культура и подготовка (образование) компетентных членов такого гипотетического суда существенно отличается от той, которой обладают, согласно старому государственному стандарту, типичные судьи нашего времени. Перспектива «цифрового раскола» (digital divide) между юристами в данном конкретном отношении очевидна, но в наше время новый государственный стандарт подготовки правоведов дает возможность молодому поколению юристов приспособиться к новой реальности – освоить информационно-правовые технологии с помощью современных курсов символической логики, информатики и математики, ориентированных на приложение к праву.

Н. А. Мальцева*

Обязательства из неосновательного обогащения во французском праве: исторические истоки

Вопрос об исторической правовой основе иска de in rem verso (иска из неосновательного обогащения) является одним из наиболее дискуссионных вопросов истории французского права. Был ли известен римскому праву общий принцип недопустимости неосновательного обогащения? Какие римские институты оказали влияние на современную французскую конструкцию l'enrichissement sans cause (неосновательное обогащение) и в какой степени?

Римскому юристу Помпонию принадлежит следующая знаменитая сентенция: «Согласно природе справедливо, чтобы никто не обогащался в ущерб другому лицу» – *jurae naturae aequum est, neminem cum alterius detrimento et injuria locupletiorum fieri* (*Variae lectiones*, кн. IX; эта фраза, ставшая классической, впоследствии была включенная в Дигесты Юстиниана)¹. Вопрос о ее правовом смысле по сей день вызывает многочисленные научные споры. Являлась ли данная фраза принципом, пронизывающим все римское право и санкционирующим все возможные выгоды, несправедливо полученные в ущерб другому лицу? Или это было нечто иное – выражение «юридических предпочтений», своего рода лишенное практического значения утверждение «принципа высшей справедливости»?

Утвердительный ответ на вопрос о квалификации высказывания Помпония в качестве нормы права, санкционирующей все формы неосновательного обогащения, позволил бы утверждать, что современная теория обязательств из неосновательного обогащения уже существовала в римском праве и была просто заимствована французским законодателем. Тем не менее, большинство исследователей дают отрицательный ответ на данный вопрос.

Согласно Савиньи (Savigny), слишком широкий, общий характер данного высказывания делает невозможным его непосредственное применение для разрешения конкретных юридических споров².

* **Наталья Алексеевна Мальцева** – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного ун-та (Франция, г. Париж).

¹ DJ. XII. VI. 14.

² *Savigny F. C. System des heutigen Romischen Rechts*, T. V. 1841. P. 451.

Другие авторы, к примеру, Марсель Мозау (Marcel Mosoiu)³, отмечают, что для того, чтобы иметь возможность оценить значение данного принципа, нам нужно было бы знать конкретные обстоятельства, при которых он был сформулирован Помпонием. Лишь один текст, дошедший до наших дней, содержит данный постулат. Известно, что римские юристы уделяли больше внимания поиску справедливых решений для конкретных юридических споров, нежели созданию цельных правовых теорий. Это позволяет утверждать, что обсуждаемая сентенция («согласно природе справедливо, чтобы никто не обогащался в ущерб другому лицу») служила, скорее, для разрешения конкретного практического случая, а отнюдь не являлась правилом общего значения.

Енри, Леон и Жан Мазо (Henri, Leon et Jean Mazeaud), Франсуа Шаба (Francois Chabas) отмечают, что эта сентенция носила *моральный характер* и не носила характер нормы права⁴.

Однако нам хотелось бы подчеркнуть, что даже если данный принцип не имел универсального значения в римском праве, он все же существовал как некая идея справедливости в сфере имущественных отношений между людьми. Об этом свидетельствует тот факт, что римскому праву было известно большое количество юридических способов защиты лица, в ущерб которому кто-то неосновательно обогатился. По выражению Герота (Gerota), эти способы представляли собой «целую мозаику, состоящую из многочисленных разнородных, абсолютно не связанных между собой правовых средств, одобренных римским правом постепенно, незаметно, при отсутствии какого-либо метода»⁵ (можно назвать следующие институты: *in integrum restitutio*, иски *in factum* или иски *fictices, utilis*, виндикация, *actio rerum amotorum* и т. д.). Но при этом лишь два вида римских исков оказали *непосредственное* влияние на формирование французской теории обязательств из неосновательного обогащения – *condictiones* и *actio de in rem verso utilis*.

Начнем с *condictiones*. «Сабин одобрил для всех случаев мнение древних, считавших, что оказавшееся у кого-либо в силу неправомерного основания может быть истребовано путем кондикции; такого мнения придерживается и Цельс»⁶. Действительно, уже в доклассический период различали *condictio certae pecuniae* (иск о возврате определенной денежной суммы), *condictio certae rei* (иск о возврате определенной вещи) и *condictio incerti* (иск о возврате

³ Mosoiu M. De l'entichissement injuste. Étude de droit compare: thèse pour le doctorat. Paris, 1932. P. 21–22.

⁴ Mazeaud H., L. et J., Chabas F. Leçons de droit civil. Les obligations. T. II. Vol. 1. 8e ed., 1991. P. 693.

⁵ Gerota D. D. La théorie de l'enrichissement sans cause dans le Code civil allemande: thèse. Paris, 1925. P. 41.

⁶ D. XII. 5. 6.

другого – не определенного – обогащения), появление которой относят к классическому периоду⁷. Кондикции классифицировались не по *causa* (дело в том, что формула любой кондикции носила абстрактный характер), а по их объекту. Лишь в ходе дальнейшего развития римского права кондикция стала терять свой абстрактный характер. Юстиниан, преобразовав старую систему римских *condictiones*, закрепил в XII и XIII кн. Дигест новую классификацию, теперь построенную именно на *causa*.

Не останавливаясь подробно на отдельных видах *condictiones*, мы отметим три важных момента.

Во-первых, кондикции имели как договорную, так и внедоговорную природу. По этому подводу существует две теории. Некоторые авторы, такие как Пферш (Pfersche)⁸ и Савиньи (Savigny)⁹, считают, что истоки римского института *condictiones* лежат в *mutuum* (договор займа), правила которого распространили свое действие на случаи *datio ob causam*, уплату недолжного, а также на литеральные и вербальные контракты, где обогатившийся был обязан *ex mutuo* (как если бы он был связан договором займа) вернуть свое неосновательное обогащение. Во всех этих случаях речь шла о том, чтобы дать собственнику, утратившему возможность виндигировать, субсидиарное средство для возврата имущества (*condictio*).

Важно отметить, что на сегодняшний день рассмотренная теория утратила свою актуальность¹⁰. Ей была противопоставлена иная, согласно которой основанием кондикции является принцип справедливости, обязывающий вернуть то, чем лицо обладает без оснований и в ущерб другому лицу¹¹. Обязательство вернуть то, что было получено по *mutuum* (займу) является *лишь одним из случаев* применения данного иска. Идея о том, что необходимо вернуть все *habere sine causa* применяется в равной степени как к договорным отношениям, так и к случаям, когда имущество перешло из одной собственности в другую при отсутствии какого бы то ни было соглашения (например, *condictio furtiva* – иск о возврате того, что получено посредством кражи).

Во-вторых, кондикции применялись исключительно в случае прямого обогащения одного лица за счет другого, то есть без посредничества третьих лиц и их имущества¹².

⁷ См.: Хвостов В. М. Система римского права: Учебник. М., 1996. С. 76.

⁸ Pfersche E. Die Bereicherungsklage. Vienne, 1883. P. 22–24.

⁹ Savigny F. C. Traité de Droit romain / Trad. Guenoux. 1851–1855. P. 513–617.

¹⁰ См.: Girard P. F. Manuel élémentaire de Droit romain. Paris, 1924. P. 647.

¹¹ См.: Girard P. F. Manuel élémentaire de Droit romain. Paris. 1924. P. 647; Pernice. Marcus Antistius Labeo, Romisches Privatrecht 2. ten Jahrhundert der Kaiserzeit. 1892. III. 1. 211.

¹² D. XII. 6. 49; D. XII. 1. 32 и т. д.

И в-третьих, обстоятельства неосновательного обогащения определяли выбор конкретной *condictio*, подлежащей применению, иными словами, каждая кондикция санкционировала лишь отдельный вид неосновательного обогащения. Большинство авторов отрицают существование единого иска (как могло показаться при анализе *condictio sine causa* или *condictio ex iniusta causa*)¹³. Действительно, несмотря на то, что римскому праву было известно большое количество юридических способов защиты лица, в ущерб которому кто-то неосновательно обогатился, многочисленные случаи такого обогащения продолжали существовать в силу отсутствия общего иска.

Происхождение *actio de in rem verso* тесно связано с институтом римской семьи. Согласно римскому праву *pater familias* мог стать кредитором посредством иных членов семьи, находящихся под его властью, то есть мог обогащаться за счет договоров, заключенных его *filius familias* (подвластным сыном) или рабом. При этом превратиться в должника таким же способом он не мог. В целях разрешения сложившегося противоречия между потребностями текущей жизни и существующими принципами права претор ввел новое процессуальное средство, позволяющее третьим лицам – кредиторам – действовать в судебном порядке против *pater familias*, если он неосновательно обогатился благодаря контракту, заключенному членом его семьи или его рабом. Данное процессуальное средство, введенное претором ближе к концу Республики, получило название *actiones adjectitiae qualitatis* (иски с дополнительным назначением). В действительности, это была лишь своеобразная процессуальная «техника», позволяющая возбудить иск из договора таким способом, чтобы в интенции (содержательная часть формулы, содержащая требование истца) было указано лицо, находящееся под властью домовладыки (*in potestate*), тогда как кондеманация (часть формулы с формулировкой приговора) содержала имя *pater familias*. Иски, которые могли быть поданы таким способом, делились на две группы.

Первую группу составляли иски, проистекающие из идеи представительства (*exercitoria*, *institoria* и *actio quod jussu*). Однако наибольший интерес для нашего анализа представляет вторая группа исков, основанных на идее неосновательного обогащения: *actio de peculio* и *actio de in rem verso*. *Pater familias* в силу совершенных его сыновьями или рабами сделок извлекал для себя выгоду в

¹³ См.: *Mosoiu M.* De l'entichissement injuste. Étude de droit comparé: thèse pour le doctorat. Paris, 1932. P. 27; *Possa M.* Étude de la jurisprudence et développement de la théorie l'enrichissement sans cause: thèse pour le doctorat. Paris, 1916. P. 19.

ущерб третьим лицам. В этом случае не требовалось условие о том, чтобы подвластное лицо действовало по приказу господина (*ex jussu domini*) либо руководствовалось намерением вести его дела¹⁴.

Постепенно преторский иск *de in rem verso* распространил свое действие и на иные ситуации, в частности, на случаи, когда лицо своего права (*persona sui juris*) неосновательно обогатилось за счет договора, заключенного другим лицом своего права. Речь уже шла об иске *de in rem verso utilis* – иске, санкционирующем косвенное обогащение в конкретных практических ситуациях при отсутствии возможности предъявить иск из договора¹⁵. При этом отметим, что в эпоху юстиниановской кодификации *actio de peculio* уже утратил свое практическое значение и постепенно был забыт.

Итак, римское право, закрепляя многочисленные правовые средства, санкционирующие отдельные случаи неосновательного обогащения, не выработало *общего правила* о недопустимости неосновательного обогащения. Лишь значительно позже, в частности в рамках французского права, идея принципиальной недопустимости неосновательного обогащения за счет другого лица стала самостоятельным источником обязательств.

Итак, можем ли мы говорить о рецепции римского права во Франции в части института обязательств из неосновательного обогащения? На наш взгляд, современный французский иск *de in rem verso* обладает всеми основными чертами римского *actio de in rem verso utilis*. В число условий для предъявления французского иска из неосновательного обогащения входят два обязательных требования: (1) наличие обогащения одного лица и, как следствие, обеднения другого лица, при этом взаимосвязь между ними может носить как прямой, так и косвенный характер¹⁶, а также (2) отсутствие у потерпевшего иных средств защиты, вытекающих из контракта, деликта, квази-деликта или иных квази-контрактов (субсидиарный характер иска)¹⁷.

Институт обязательств из неосновательного обогащения прошел долгий путь развития в рамках французского права, его правовому закреплению предшествовала целая серия теорий, концепций, научных споров, в ходе которых римские правовые конструкции всегда оставались моделью правового регулирования. Из целого арсенала римских исков, санкционирующих различные случаи неосновательного обогащения, французское право выбрало *actio de in rem verso utilis* – иск, который в наибольшей степени отвечает французскому пониманию принципа справедливости.

¹⁴ D. XV. 3. 10. 10.

¹⁵ D. XVII. 2. 82.

¹⁶ Req. 4 février 1901, S. 1902. 1. 229.

¹⁷ Req. 12 mai 1914, S. 1918, 1, 41 и Req. 2 mars 1915, D. 1920, 1 102.

Гражданский кодекс Франции и Свод законов Российской Империи: общее и особенное в регламентации сервитутов

Сервитуты являются одним из интереснейших правовых институтов, известных на протяжении многих веков, но тем не менее остающихся не до конца выясненных с точки зрения сущностных и содержательных характеристик. Естественно, что сервитуты были и остаются известными как французскому, так и российскому праву, хотя в недавний период правового развития России советская юридическая доктрина отрицала наличие сервитутов в социалистическом праве в связи с провозглашением отказа от частной собственности и даже от деления вещей на движимые и недвижимые.

Показательно, что при сравнении законодательных норм о сервитутах России XIX века с зарубежным законодательством мы обнаружим явное количественное несоответствие. Например, во французском кодексе более ста статей посвящены сервитутам, в то время как российский Свод законов содержит их в несколько раз меньше, хотя опыт Франции был, безусловно, известен и оказал влияние на содержание российского законодательства.

Попытки соединить в российском законодательстве и национальные традиции, и зарубежный опыт привели к определенным противоречиям. Одной из сложных проблем, обсуждавшихся дореволюционными цивилистами, являлось соотношение прав участия и сервитутов (угодий). Первые подразделялись на право участия общего, то есть оно возникает для всех субъектов, и право участия частного, которое возникает в пользу определенного лица. Это признавалось прямым заимствованием из ФГК деления на публичные и частные сервитуты. Однако не было единой позиции по этому вопросу. Часть ученых ставили знак равенства между этими понятиями, другие видели в правах участия не сервитуты, а законные ограничения прав собственника в отношении соседей либо неопределенного круга лиц, третьи занимали промежуточную позицию. Особое распространение получила вторая точка зрения, поскольку,

* Александр Юрьевич Маракулин – ст. преподаватель кафедры частного права юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

по мнению ее сторонников, собственник земельного участка не может использовать в своем интересе имущество соседа, а лишь получает законную возможность защищать свой интерес от посягательства другого лица.

Если провести сравнение российского и французского законодательства, то мы обнаружим, что в последнем ограничения, подобные праву участия частного, прямо определены как сервитуты, и нормы кодекса помещены в соответствующий раздел [См.: 1]. При этом, видимо, необходимо учитывать, что классификация сервитутов наряду с иными основаниями предполагает их деление на положительные, предполагающие именно использование чужой вещи, и отрицательные, позволяющие требовать от собственника обремененного участка воздержаться от каких-то действий. Предложение учитывать при разграничении права участия частного и сервитута разные основания их установления, а именно закон и договор, также не учитывает деление сервитутов на легальные и договорные.

В последующем, при разработке нового Ветчинного устава на рубеже XIX–XX веков была предложена конструкция права участия частного, по которой соседи могли договориться об отмене ограничений по закону в пользу одного из них, что рассматривалось именно как сервитут. Однако в связи с революцией 1917 года этот документ так и не вступил в силу.

Право участия общего также не рассматривалось некоторыми как сервитут, хотя в этом случае обладатели данного права могли пользоваться чужой землей для проезда или в силу установленного положения о бечевнике при водном сообщении. При этом, если французский кодекс определяет обязанности собственника земли, по которой проходит дорога, ее ремонт как сервитут, в России это рассматривалось как особая повинность, не носящая частноправовой характер. Конечно, в такой ситуации мы сталкиваемся с властными установлениями, но это не отменяет гражданско-правовую сущность отношений. Кроме того, неизбежно возникает проблема, связанная с характеристикой законодательной техники. Либо нужно признать, что цивилистическая наука в конкретный термин вкладывает разное содержание, либо считать, что законодатель смешал в одном понятии совершенно разные правовые явления.

При сравнении сервитутов в российском и французском праве необходимо сопоставить основания возникновения и прекращения сервитута. В обеих странах одинаково признавалось возникновение прав в силу закона и в силу договора. При этом в России строго требовалось нотариальное оформление соглашения об обременении земельных участков. По-разному решался в законодательстве вопрос о приобретательной давности. Во Франции истечение 30 лет

позволяло говорить о возникновении сервитута, но лишь в том случае, если он был непрерывным и явным, в то время как в России срок почти не учитывался. Заинтересованное лицо могло ссылаться на то, что сервитут существует с незапамятных времен, приводя в доказательство не свидетельские показания, а только официальные документы. Возникновение новых по давности не допускалось за исключением случаев, предусмотренных для отдельных территорий, где устанавливался 10-летний срок относительно водных сервитутов. Также во Франции сервитут мог устанавливаться по отцовскому распоряжению, если он разделил свое имущество, в России же подобное не предусматривалось.

Основанием для прекращения сервитута являлись гибель вещи, совпадение в одном лице собственника господствующего и служащего участка, истечение срока давности, смерть лица при личных сервитутах. Однако ФГК допускает восстановление сервитута, если появляется возможность вновь использовать право, кроме тех случаев, когда срок истек. По поводу срока давности постановления российского и французского законодательства различались. В России сервитуарий терял свое право, если не пользовался им в течение 10 лет, а во Франции срок устанавливался в 30 лет. Кроме того, ФГК определяет, что если правом пользуется несколько лиц, то действия хотя бы одного погашают срок для всех остальных. Также если хотя бы один из сервитуариев является несовершеннолетним, срок не действует и в отношении него, и в отношении других. В России дополнительными основаниями являлись соглашение соседей или оформленный отказ от сервитута, а также прекращение права въезда в казенные леса путем выдела лесного участка.

Интересно расхождение в законодательстве при определении разновидностей сервитутов. В России в большей степени перечисляются отдельные виды, при чем сохранилось упоминание о специфических, нетрадиционных сервитутах: бортные ухажья, бобровые гоны, звериная охота и рыбная ловля, а во Франции наряду с этим установлено деление на городские и сельские, явные и неявные, непрерывные и осуществляемые с перерывами. Кроме того, во Франции в отдельный титул выделены положения об узуфрукте, пользовании и проживании. В России аналогом узуфрукта являлось пользование или пожизненное владение, но нормы о нем носили разрозненный характер, а пожизненное проживание вообще не упоминалось в законе, хотя и имело распространение на практике.

Еще одной особенностью российского права является проблема платы сервитуария за пользование чужим имуществом. В Своде законов такое положение отсутствовало, но зато в проекте Вотчинного устава, который так и не вступил в силу, предусмат-

ривалась возможность взимания вознаграждения [См.: 2]. Французский Кодекс также содержит нормы о выплатах, но лишь в тех случаях, когда собственнику служащего участка причинялся ущерб. Положения о соразмерной плате за пользование участком земли закреплено и в ныне действующем Гражданском кодексе РФ (Ст. 274). Но в подобном случае сервитут, по сути, приобретает обязательственный, а не вещный характер.

Подводя итог, можно сказать, что в России нормативные положения о сервитутах не получили достаточной проработки, хотя и заимствовался зарубежный опыт. Неизбежный отпечаток накладывали национальные традиции и конкретно-исторические особенности.

Литература

1. Гражданский кодекс Франции. Ст. 640.
2. Проект Вотчинного Устава с пояснительной к нему запискою. СПб., 1893. С. 175.

Типология уголовного процесса как элемент межкультурного взаимодействия в праве

Процесс взаимовлияния и взаимопроникновения национальных правовых систем носит естественный и неизбежный характер. Он является следствием культурного диалога, который страны мира вели и ведут в ходе исторического развития. Этот процесс в юридической науке может происходить как стихийно, так и организованно в рамках политики правовой интеграции. Причины осуществления данной политики: необходимость обеспечения опережающего развития своей собственной страны, соответствие требованиям «глобального» мира, сотрудничество с другими государствами для решения сходных или общих проблем. Перед государством встает задача модернизации собственной правовой системы и выбора соответствующего способа.

История знает два таких способа: заимствование отдельных элементов другой правовой системы (фрагментарная юридическая аккультурация) и заимствование идеи права (тотальная юридическая аккультурация). В первом случае подразумевается межкультурное взаимодействие, сопровождающееся заимствованием и адаптацией правовых образцов других стран. Во втором – коренная ломка составляющих правовой жизни общества в целом, способствующая либо обогащению, либо разрушению. Последнее происходит при отторжении национального права, но и неприживании чужого.

Российское государство несколько раз на протяжении своего многовекового развития использовало рецепцию для модернизации права. В конце XX века Россия в очередной раз оказалась перед необходимостью реформирования национальной правовой системы с учетом западного правового опыта и постсоциалистической модернизации. На данный момент условия реформ принципиально иные. Международное право все больше превращается в инструмент глобализации, транснациональные интересы выходят на

* *Александр Михайлович Марков* – аспирант кафедры частного права Гуманитарного ун-та, юрист ООО «ИнФин–Аудит» (г. Екатеринбург).

передний план, и правовая политика ведущих стран становится все более интернациональной.

Правовая система любой страны есть результат ее исторического развития, своего рода культурно-исторический феномен. Необходимо учитывать не только правовое прошлое, но и настоящее, относится к нему как к правовому наследию, в том числе с учетом западного опыта и специфики национального менталитета.

В указанном контексте представляется важным сравнение типологии российского уголовного процесса с процессами ведущих западных стран.

Уголовное судопроизводство в Англии, Франции, Германии и России представляет конкретное состояние действующей правовой системы, сложившееся в результате длительной историко-правовой эволюции. Традиционно в качестве типичных сходств и различий выделяются: наличие или отсутствие кодификации, целеполагание (цель и задачи), господство закона над прецедентом или прецедента над законом, использование следственного или состязательного метода, преобладание публично-правовых или частноправовых интересов.

Уголовное судопроизводство Германии и Франции относят к континентально-правовому (романо-германскому типу); уголовный процесс США и Англии и Уэльса – к англосаксонскому (англо-американскому) типу. Российское уголовное судопроизводство всегда рассматривалось как относящееся к романо-германскому типу.

По своему типу уголовный процесс России близок к французскому и германскому. Еще в 1864 году, после судебной реформы, российский уголовный процесс сформировался под влиянием того, что существовал в странах континентальной Европы, где большое влияние имело французское уголовно-процессуальное право образца Кодекса уголовного расследования 1808 года, утвержденного Наполеоном I. Особенности современного уголовного процесса Франции являются: наличие кодифицированного закона (УПК Франции 1958 г.), опирающегося на конституционные нормы; предварительное расследование, сохранившее свою следственно-розыскную природу, в то время как в судебном разбирательстве более сильна состязательность; формализованное предварительное производство, состоящее из трех частей: дознание, возбуждение уголовного преследования и предварительное следствие; разделение органов предварительного следствия на органы первой инстанции (следственные судьи, осуществляющие свою деятельность единолично) и второй инстанции (следственные камеры, осуществляющие деятельность коллегиально); значительные дискреционные полномочия у председательствующих в судебном заседании; отделение судебного следствия и прения сторон друг от друга; существование

кассации как формы пересмотра судебных решений по вопросам права и ревизии как возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам; наличие у упрощенного производства форм немедленного привода (доставления нарушителя в суд сразу для разбирательства дела) или непосредственного вызова в суд (вызов на судебное разбирательство без предварительного расследования).

Особенностями германского (немецкого) уголовного процесса являются: основной источник (УПК 1877 г.); существование формального предварительного расследования, без четкого деления его на этапы, без предварительного следствия и судебного следователя; осуществление судебного контроля на предварительном расследовании; широкое использование суда шэффенов (народных заседателей, решающих вопросы совместно с профессиональным судьей); выделение предания суду в самостоятельную стадию судебного производства; осуществление упрощенного производства в форме судебного приказа о наказании. Как и для французского, характерны значительные дискреционные полномочия председателя судебного заседания и наличие кассации.

Также нельзя не отметить наличие у российского уголовного процесса некоторых черт, напоминающих о влиянии англо-американского судопроизводства, например введение суда присяжных, ограничение следственной активности профессионального судьи, увеличение процессуальных возможностей сторон и ряд других изменений.

В УПК РФ судопроизводство заявлено как состязательное. Однако тип нынешнего российского уголовного процесса можно определить как публично-следственный, хотя он испытывает на себе заметное влияние отдельных розыскных и частно-состязательных признаков. Для современного российского уголовного процесса характерны: сохранение следственно-розыскной природы предварительного расследования, объединение в руках следователя (дознателя), прокурора процессуальных функций обвинения, защиты и принятия решения; предоставление гарантий обвиняемому (подозреваемому) по защите своих прав и интересов, заметное возрастание роли защитника, связанное с широким судебным контролем над органами предварительного контроля, судом присяжных, правилами недопустимости доказательств, предоставлением роли их самостоятельного собирания, что дает основания для именованного судопроизводства как следственного.

В. А. Муравский*

Мультикультурность как свойство права

Мультикультурность является основным свойством права, последнее можно назвать монокультурным феноменом только для определенных, ограниченных (учебных, политических, идеологических, прикладных) целей. Мультикультурность есть такой же существенный признак права, как и его общеобязательность, то и другое – различные стороны права, выражающие его неоднородность и многогранный характер. И естественно, что они проявляются при применении различных методов исследования правовой материи.

Мультикультурность права заключается в его неоднородности, правовая система любого государства включает в себя чужеродные по происхождению и содержанию правовые явления – нормы права. Чужеродность не распространяется на формы (источники) права, которые относятся к числу органических элементов правовой системы государства, благодаря чему, собственно, право и получает мультикультурный характер, в противном случае мы бы просто имели дело с мультикультурностью социума, но не его права.

С одной стороны, право принадлежит к числу монокультурных явлений, основной целью права является обеспечение универсального, публичного порядка отношений, абстрагирующегося от экономических, социальных, племенных, религиозных и иных интересов. Если в праве фиксируются какие-либо привилегии определенных классов и социальных групп, то они носят общеобязательный характер и должны обеспечиваться всеми членами общества. Лучшим средством выражения универсальности права является нормативно-правовой акт, облеченный в письменную форму.

Мультикультурность привносится в право в процессе применения закона и обнаруживается при изучении феномена актуального, то есть фактического, реального права. Представление об актуальном праве дает возможность отказаться от фикций, как явлений, которые не существуют в реальных отношениях, но представлены в виде правовых конструкций, и в первую очередь от фикции государства. В конкретных правоотношениях участвуют только люди, независимо от того, выступают они в качестве част-

* **Виктор Андреевич Муравский** – канд. юр. наук, доцент Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

ных лиц или представителей каких-либо общностей. При определенных обстоятельствах, которые возникают не так уж и редко, поведение людей как субъектов правоотношений определяется главным образом разделяемыми ими ценностями, а культура, как гласит наиболее часто употребляемое ее определение, и есть совокупность фундаментальных материальных и духовных ценностей, выступающих в качестве средства индивидуальной и групповой идентификации людей¹. Можно сказать, что мультикультурность права выражает автономию личности, своеобразие и уникальность каждого человека, его право на свободу в рамках социума. Поэтому нельзя назвать ни одного государства, в котором актуальное право было бы лишено признака мультикультурности.

Разумеется, мультикультурность как сосуществование юридических норм, закрепляющих чужеродные ценности, может возникать и в позитивном праве, то есть в содержании нормативно-правовых актов, например, из-за принятия неконституционных законов, либо вследствие несоответствия законодательства субъектов Федерации федеративным нормам, либо благодаря правотворчеству корпораций или органов местного самоуправления, не учитывающему нормы закона. Эти проявления мультикультурного характера права не рассматриваются в данной статье, поскольку носят случайный характер, они созданы субъектами правотворческой деятельности и не выражают существенных свойств права, они субъективны, так как представляют собой нарушение основных принципов права и преодолеваются при помощи средств конституционного или судебного контроля. Но если же вследствие сопротивления социальных групп этого не происходит, то мультикультурный характер права становится элементом правоприменительной практики и его существенным признаком.

Исторически первым проявлением мультикультурного характера права было изъятие этнических групп из правопорядка государства. Например, в Древнем Риме в архаический период развития частного права, в силу национального характера римского права, оно не распространялось на иностранцев (пеллегринов), которые вынуждены были в своих общинах жить по национальному праву. В Спарте ретра Ликурга устанавливала нормы поведения главным образом для представителей высшего сословия полноправных спартиатов, и потому неполноправные илоты и периэки были собственниками имущества, занимались ремеслом и торговлей, заключали браки по своему праву. Помимо вышеуказанного типа

¹ См.: Волкова Т. П. Философская концепция Другого в контексте формирования мультикультурного общества // Вестник МГТУ. Т. 11. 2008. № 1. С. 85.

мультикультурности права (существование чужеродной части в целом) в истории права встречается и другой – сосуществование разнородных частей целого. Так, во Франкском государстве после утверждения Салического закона (*Lex Salica*) сосуществовало несколько правовых подсистем: римско-галльская, франкская и созданная представителями других германских племен.

В средневековых государствах мультикультурность становится основным принципом права и придает ему партикулярный характер. В странах Западной Европы представители каждого сословия (а число их было весьма значительным, всего, в зависимости от рода занятий, места жительства, отношения к религии и к дворцовой службе, состояния в браке, обладания замком и т. д., насчитывалось до 12 сословий) должны были существовать в соответствии с внутрисословными нормами, имеющими юридический характер и создаваемыми по большей части не централизованно, а в процессе внутри- и межсословного общения.

В Новое и новейшее время в связи с формированием наций, признанием равноправия индивидов и повышением роли закона, особенно в странах континентальной системы права, значительно ограничивается круг условий, способствующих проявлению мультикультурного характера права, но это отнюдь не означает, что право утрачивает данное свойство. Мультикультурность права сохраняется в тех государствах, в которых существует разрыв между уровнем культуры общества в целом и отдельных этнических групп. Это обстоятельство в настоящее время нашло признание на международно-правовом уровне. Статья 8 Конвенции о коренных и ведущих племенной образ жизни народах в независимых странах от 7 июня 1989 года закрепляет право коренных народов сохранять собственные обычаи и институты, если они не противоречат основным правам человека. Статья 9 этой Конвенции подчеркивает, что при рассмотрении правонарушений, совершаемых представителями соответствующих народов, проявляется уважение к методам, традиционно практикуемым соответствующими народами, при рассмотрении уголовных дел судами и органами государства принимаются во внимание обычаи этих народов.

Кроме того, феномен мультикультурности права в значительной мере обуславливается наличием в развитых странах этнических сообществ иммигрантов, где существование общинного субправа или его фрагментов обусловлено, помимо прочего, и религиозными различиями. Мультикультурный характер право приобретает из-за особого отношения к закону членов асоциальных или профессиональных групп. Так, вследствие сплоченности мафиозных образований (профессиональных преступных группировок) или чиновников игнорируются нормы закона и создаются особые правовые зоны,

в которых не действует официальное право. В настоящее время возможно и существование регионального права. Если в России в целом на законодательном уровне не урегулирован вопрос о преподавании в школах основ религиозного мировоззрения, то в Чеченской республике в 5–11 классах осуществляется преподавание ислама.

Право приобретает мультикультуральный характер вследствие того, что происходят изменения как содержания, так и формы права. Изменение содержания права заключается в том, что происходит модификация или отмена нормы закона благодаря появлению подсистемы права или отдельных правовых норм. Может происходить и изъятие членов определенной, например, преступной, группы из сферы действия правовых норм. Их взаимоотношения становятся непроницаемыми для права государства, но регулируются нормами, которые никем не признаны в качестве правовых (феномен «черной дыры»). Изменения формы права сводятся к тому, что при появлении групповых юридических норм актуального права создается новый, до сих пор не существовавший источник права – правовой обычай или обычай применения закона. Однако его новизна не имеет культурологического значения, ибо он соответствует требованиям, предъявляемым в данном обществе к источникам права, и в этом отношении ничем от них не отличается.

Создаваемые социальной группой нормы, выражающие чужеродные ценности, становятся правовыми только потому, что они признаются государством. Это признание осуществляется двумя способами – явным и молчаливым. Явно выраженное признание происходит посредством нормативно-правового (внутригосударственного или международного) или индивидуально-правового (судебного решения) акта. Молчаливое признание является подразумеваемым и существует благодаря тому, что органы государства допускают существование в сфере права неофициальных норм социальной группы, выражающих иные ценности.

А. А. Нелюбина*

Проблемы межкультурного взаимодействия на примере института мировых судей

Мировая юстиция появлялась в истории отечественного государства и права дважды: в 1864 и в 1996 годах. (Последняя дата связана с принятием Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», статья 28 которого на законодательном уровне предусмотрела учреждение мировых судей в судебной системе России.)

Начиная с 1864 года и в последующие годы, вплоть до 1917, была создана уникальная модель мировых судебных учреждений, представлявшая собой относительно обособленную систему местных судов. При ее формировании – и это общеизвестно – учитывался опыт организации и деятельности мировых судов в европейских государствах.

Современный нам период становления мировой юстиции еще не завершен. На данный момент последней попыткой оптимизации деятельности мировых судей следует считать внесение в 2008 году изменений в гражданское процессуальное законодательство в части подсудности гражданских дел мировым судьям.

При воссоздании института мировых судей достаточно четко прослеживается внешняя историческая преемственность. Однако, в сущности, мировые судьи Российской Федерации имеют мало общего с мировыми судебными учреждениями Российской Империи.

Мировые судьи дореволюционного периода, во-первых, были выборными. По общему правилу, имевшему, правда, множество исключений, выборы мировых судей осуществлялись земскими собраниями и городскими думами. Во-вторых, в их деятельности имелась выраженная направленность на примирение сторон, обеспеченная соответствующими процессуальными процедурами. Так, мировой судья, согласно уставу гражданского судопроизводства, мог перейти к рассмотрению дела по существу, только если считал, что все возможности для примирения сторон исчерпаны. Более того, при рассмотрении дел мировой судья мог руководст-

* *Анна Александровна Нелюбина* – канд. юр. наук, доцент кафедры прокурорской деятельности УрГЮА (г. Екатеринбург).

воваться местными обычаями, однако это правило фактически ограничивалось апелляционным, а главным образом кассационным производством, поскольку вышестоящие судебные инстанции основывали свои акты на положениях закона. В-третьих, у мировых судей существовали особые упрощенные и сокращенные процедуры рассмотрения дел по сравнению с процессуальными правилами, действующими для общих судебных мест.

Названные особенности, конечно, не являются исчерпывающими, но представляются наиболее значимыми, предопределившими сущность мировой юстиции России второй половины XIX – начала XX веков. Аналогичные признаки в той или иной степени присущи и мировым судам зарубежных государств. Между тем, ни один из них не свойствен мировым судьям современной России, которых по этой причине правильнее относить к участковым, а не мировым судьям.

Что касается вопроса о необходимости заимствования указанных особенностей, то, думается, российское общество наиболее остро нуждается не в выборном судье – примирителе, а в наличии упрощенной процессуальной формы (для более оперативного и менее затратного по сравнению с общим порядком) рассмотрения несложных судебных дел. Именно такой признак, как наличие специальных упрощенных правил судопроизводства, на сегодняшний день является, на наш взгляд, критерием отграничения мировой юстиции от других типов местных судов.

Однако таких специальных правил рассмотрения судебных дел мировыми судьями законом не предусмотрено. В гражданском процессе существует институт судебного приказа, но сфера его применения ограничена статьей 122 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, где закреплен закрытый перечень требований, по которым может быть выдан судебный приказ.

Между тем необходимость упрощения судопроизводства у мировых судей, очевидно, осознавалась законодателями, о чем свидетельствует пункт 1 статьи 154 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, сокращающий срок рассмотрения и разрешения гражданских дел мировыми судьями с двух месяцев, принятых в других судах общей юрисдикции, до одного.

Поэтому следующим шагом к совершенствованию деятельности мировых судей должно быть введение процессуальных средств, обеспечивающих соблюдение столь коротких сроков рассмотрения и разрешения гражданских дел. К таким процессуальным средствам можно отнести сокращение стадий судопроизводства или отдельных процессуальных действий, совершаемых участниками судопроизводства. Например, можно наделить мирового судью правом переходить сразу же к рассмотрению дела по су-

ществу при условии явки сторон в суд на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Кроме того, по несложным гражданским делам допустимо вынесение решения без описательно-мотивировочной части с согласия сторон и при отсутствии их обращений в вышестоящие суды о пересмотре или отмене указанного решения.

Для соблюдения процессуальных сроков необходимо осуществление и организационных мер, направленных на обеспечение своевременной доставки судебных извещений и на повышение ответственности участников судопроизводства за неявку в суд и злоупотребление процессуальными правами.

При этом следует высказаться против восстановления в прежнем (дореволюционном) объеме примирительной функции мировой юстиции. Представляется, что для решения задачи скорого и справедливого рассмотрения дел достаточно имеющихся в действующем законодательстве мер. Имеется в виду закрепление в статье 148 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации примирения сторон в качестве одной из задач подготовки гражданского дела к судебному разбирательству.

Таким образом, можно сделать вывод, что заимствование института мировых судей как из собственного исторического, так и зарубежного опыта, к сожалению, проводится лишь по внешним признакам (территориальное приближение к населению, участковый принцип организации, наименование звена судебной системы, попытка вычлнить простые судебные дела по количественным, таким как цена иска, а не по качественным критериям). При этом наиболее яркие и значимые функциональные особенности (упрощенная процессуальная форма) остаются без должного внимания и не получают востребованного обществом уровня развития в действующем законодательстве.

Виды мониторинга правотворчества

Мониторинг правотворчества в Российской Федерации – достаточно многообразное правовое явление, требующее проведения подробной классификации. Так, Ю. А. Тихомиров выделял следующие виды мониторинга: комплексный и отраслевой мониторинг; мониторинг федеральный, региональный, муниципальный; постоянный, временный, чрезвычайный мониторинг¹. Подобного подхода к классификации, очевидно, придерживается и О. Ю. Еремина².

Классификацию целесообразно проводить по различным основаниям. Первое и достаточно важное основание – это разграничение по уровням, на которых осуществляется мониторинг, которыми мы и ограничимся в данной работе. Конституционное закрепление принципа федерализма, а также принципов организации местного самоуправления вызвало рост регионального и муниципального законодательства и процесса правотворчества. Развитие правотворчества на разных уровнях способствовало появлению большого количества проблем, включая противоречия в регулировании, возникновение пробелов и фрагментарности. Таким образом, исследуя мониторинг по уровням, можно выделить следующие его виды:

- **Федеральный**, осуществляемый на федеральном уровне. Особо важен, поскольку именно на федеральном уровне происходит основная работа по систематизации полученных данных, по разработке и принятию управленческих решений, по контролю над выполнением поставленных задач. Сложность представляет огромный массив нормативных актов.

- **Региональный**, осуществляемый на уровне субъектов федерации. На данный момент, в результате длительного развития регионального нормотворчества в отрыве от федерального, имеется большое количество противоречащих друг другу законов. Нередко

* *Александр Андреевич Озеров* – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного ун-та, начальник юридического отдела ООО «ПСВ» (г. Екатеринбург).

¹ *Тихомиров Ю. А.* О мониторинге закона // Президентский контроль. 2004. № 8. С. 27–33; *Он же.* Вводить мониторинг права // Право и экономика. 2004. № 3. С. 3–6.

² *Еремина О. Ю.* О правовом мониторинге // Журнал российского права. 2006. № 3.

они не просто противоречат законам своего или более высокого уровня, но и являются незаконными, принятыми с выходом за пределы полномочий региональной законотворческой ветви власти, например: введение межрегиональных барьеров на ввоз или вывоз товаров; введение межрегиональных барьеров на перемещение рабочей силы; введение не предусмотренных федеральным законодательством (Налоговым кодексом РФ) региональных и местных налогов и сборов; незаконное регулирование цен и торговых надбавок.

- **Муниципальный**, осуществляемый органами местного самоуправления³. Одной из основных проблем здесь является частое отсутствие квалифицированных работников. Нередки ситуации, когда в небольших муниципальных образованиях не только нет юридически образованных должностных лиц, но и фактически отсутствует какое-либо представление о технике принятия нормативных актов. Также нередко отсутствуют работники, имеющие иное образование, которое необходимо для принятия мотивированного нормативного акта. Результатом является спонтанное нормотворчество, нагромождение недействующих актов, противоречие нормативным актам на более высоком уровне. Эти виды мониторинга имеют существенные различия не только в технологии организации и проведения, но и с точки зрения представления и распространения результатов, способов принятия и реализации управленческих решений по их результатам.

Подобной классификации придерживается и Я. Е. Наконечный⁴, дополнительно к указанным видам он добавляет корпоративный мониторинг. Предполагается, что данный вид мониторинга, скорее, относится к системе органов исполнительной власти. Тем не менее, данная точка зрения имеет право на существование.

Следует отметить в заключение, что рассмотрение видов мониторинга – это один из важнейших вопросов в теории права, так как он выводит непосредственно на методы, средства и инструментарий мониторинговой деятельности, приводящие в итоге к совершенствованию как правотворческой, так и правореализационной деятельности.

³ См. подробнее мою статью: *Озеров А. А.* Мониторинг в правотворчестве // Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках: Материалы X научно-практической конференции Гуманитарного университета. Екатеринбург, 2007. С. 208.

⁴ *Наконечный Я. Е.* Мониторинг в правотворчестве (проблемы теории и практики): Автореферат дис. ... канд. юр. наук. 2008. С. 15.

К вопросу о понятии возмещения «ущерба» в межкультурном взаимодействии в праве

Вопрос о возмещении ущерба всегда был актуальным в практическом аспекте и вызывал подчас самые дискуссионные полемики в его теоретическом толковании.

Ни для кого не секрет, что такой принцип, как соразмерность возмещения ущерба, в большей степени соотносится с идеей справедливости, которая обычно используется в двух различных значениях: 1) Последовательное осуществление действующего права и борьба против всякого произвольного нарушения права; 2) Идеальный элемент всякого права, «идея», которой служат.

Принцип полного возмещения ущерба является стержневым, и его отражение в действующем российском законодательстве является индикатором интеграционных процессов (на примере части 4 ГК РФ касательно товарных знаков и восстановительного принципа компенсации убытков). Данный принцип можно проследить в ретроспективе. Появление права в Риме во многом обусловило правовое сознание людей касательно того, кому, сколько и за что возмещать. На начальной ступени превалировало «право сильного». Поэтому основной аспект хочется сделать на постреволюционное законодательство. Необходимо отметить, что еще в ГК РСФСР 1922 г. такой принцип имел место. Так, в ст. 403, 404 ГК РСФСР указывалось об ответственности за причиненный вред. В этом смысле закон того времени имел в виду возмещение всех причиненных убытков, возмещение вреда в полном объеме.

Дальнейшее развитие принцип полного возмещения вреда получил в Основах гражданского законодательства. Так, в ст. 88 написано, что вред, причиненный личности (имуществу), подлежит возмещению в полном объеме. Именно развитие данный принцип здесь получил в связи с исключением дополнительного возмещения вреда (связанного с пенсионным обеспечением и возмещением вреда за утрату трудоспособности).

* *Артём Валерьевич Павлов* – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Что характерно, правила возмещения вреда того периода были связаны с четким перечнем оснований для его возмещения (например, увечье на рабочем месте; увечье несовершеннолетних и т. д.).

Таким образом, полное возмещение вреда на тот период – это восстановление того состояния, которое имело или могло иметь лицо, если бы вред не был причинен. Представляется, что понятия «вред» и «ущерб» на тот период не были должным образом разграничены, так как вред признавался лишь имущественного характера или от увечий.

Очевидно, что отсутствие детальной теоретической разработки понятий «ущерб», «вред» сказалось на кодификации закона.

Современное гражданское законодательство оперирует понятиями убытки (как способ защиты гражданских прав) и вред (как основание возникновения обязательства). Необходимо их разграничить.

В словаре русского языка С. И. Ожегова даны следующие определения: «Убытки – это потеря, ущерб, урон. Убытки можно терпеть или нести. Возместить убытки. Продать без убытка. Быть в убытке. Себе в убыток; ущерб – это потеря, убыток, урон». Ущерб также сочетается с глаголами причинить, нанести, терпеть (например, курить в ущерб здоровью, действовать в ущерб другим). Такая терминологическая пестрота говорит о том, что обеим категориям присущи понятия «потеря» и «урон».

Для определения понятия «вред» в словаре также используется термин «ущерб».

«Вред – это ущерб, порча. Причинить вред. Вред здоровью. Ни вреда, ни пользы. Действовать во вред делу, во вред себе». Категория «вред» определяется не через категорию «убытки», а через категорию «ущерба». В юридической литературе по этому вопросу высказаны различные точки зрения.

В Германском гражданском уложении четко перечислены основания по возмещению ущерба (убытков) и по возмещению вреда. Да, в ГК РФ тоже закреплена, тоже предусмотрена ответственность за причинение вреда, но у нас возмещение имеет целью восстановление предшествующего состояния, а в ст. 249 ГГУ – еще и возмещение, помимо предшествовавшего состояния, соответствующей денежной суммы (компенсационный принцип).

Таким образом, экономико-правовой аспект понятий «ущерб», «убытки», «вред» является дискуссионным в национальном праве, при проведении сравнительно-правовых исследований.

Институт ответственности за вред, причиненный товарами ненадлежащего качества, как элемент межкультурного взаимодействия в праве

С древнейших времен общество и законодатель были заинтересованы в справедливом разрешении конфликта, возникшего между сторонами обязательства (будь то деликтные обязательства или обязательства из договора). Данный спор берет начало в римском праве, в дальнейшем получил свое освещение как в романо-германской правовой системе, так и в англосаксонской. Вопрос ответственности за вред, причиненный товаром ненадлежащего качества, частично освещался древнеримскими юристами (ответственность за проданную вещь), после чего, с формированием двух основных правовых систем, данный вопрос получил новое, несколько отличное толкование. В том числе это обусловлено различиями культур, которые пришли к практически идентичному результату разными путями. Рассмотрим межкультурное взаимодействие в праве на примере ответственности за вред, причиненный товарами ненадлежащего качества. Проследим развитие данного института, его эволюцию. Что может в полной мере выразить его значимость как структурного элемента межкультурного взаимодействия в праве, обусловленную необходимостью восприятия межкультурного опыта для создания благоприятной почвы для решения проблем.

В римском праве данный вопрос освещен наиболее ярко, на примере ответственности продавца за недостатки проданной вещи. Ответственность продавца за надлежащее качество проданной вещи развивалась постепенно, причем наряду с правилами, которые регулировали этот вопрос в отношении общегражданских договоров купли-продажи, в римском праве сложилась еще особая дополнительная система норм, определявших ответственность продавца за пороки и недостатки рабов и скота, продававшихся на рынках.

По законам XII таблиц достаточно было предоставить вещь не с такими качествами, какие были прямо обещаны, чтобы про-

* **Василий Викторович Песнохоров** – аспирант Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

давец понес штрафную ответственность в двойном размере. Если же вещь имела обещанные при продаже свойства, продавец считался исполнившим свою обязанность. Этот принцип ответственности лишь за то, что было прямо обещано, весьма характерен для цивильного римского права в течение ряда столетий.

Расширение ответственности продавца за недостатки вещи произошло в практике курульных эдилов, регулировавших торговлю на рынках и базарах, и лишь в классическую эпоху из основной области применения эдикта курульных эдилов (торговля на рынках и базарах) расширенная ответственность была распространена и на общегражданские договоры продажи.

По цивильному праву продавец отвечает за свои заявления и обещания. Эти два понятия разграничиваются в источниках так: простое заявление, когда имеется только простой разговор (но имевший серьезное значение); прямое обещание, оформлявшееся иногда в форме стипуляции. Но ответственность продавца имела место только при условии, если заявления и обещания делались с целью установления ответственности, но не были простым расхваливанием товара, с которым нельзя связывать принятие продавцом на себя ответственности (в целях простой рекомендации продаваемой вещи).

Таким образом, по цивильному праву продавец несет ответственность перед покупателем, если он прямо обещал, что вещь имеет такие-то положительные качества, а их не оказалось, или что вещь не страдает такими-то недостатками, а они имеются в вещи.

Древнеримское право отождествляет понятия продавец и производитель, подразумевая одно и то же лицо, это некоторым образом размывает границы об ответственном за некачественный товар.

Следует сказать и о положении вещей в области ответственности за вред в римском праве, что, хотя теоретических положений о защите покупателя (потребителя) из римских текстов можно извлечь немного, римские источники богаты казусами, свидетельствующими о внимании римских юристов к этой проблеме.

Несколько иначе регулируется вопрос в странах англосаксонской и романо-германской правовых систем.

Традиционно в англо-американском праве регулирование этого вида ответственности строилось на нормах договорного права о прямых и подразумеваемых гарантиях. Для новой доктрины ответственности была характерна устойчивая тенденция к отказу от одного из основных принципов договорного права, а именно принципа «договорной связи», применение которого резко ограничивало возможности защиты интересов потребителя недоброкачественной продукции, поскольку исключалось предъявление иска о возме-

щении ущерба непосредственно к производителю продукции, которой причинен вред.

Причины, скорее всего, заключаются в том, что этот подход был истолкован не только как принцип, подчеркивающий замкнутый характер договорных отношений, но и был неправильно понят как исключающий ответственность производителя или продавца перед непосредственным потребителем или пользователем за ущерб, причиненный отсутствием должной заботливости производителя о своей продукции. Но в разное время высказывались и другие мнения. Среди них можно упомянуть и такое: американские суды проводили политику, направленную на обеспечение интересов предпринимателей, охраняя их от расходов, которые могли бы возникнуть в связи с предъявлением к ним исков и возмещением убытков.

Первые атаки на принцип «договорной связи», препятствовавший осуществлению права потерпевшего потребителя обратиться к производителю продукции с требованием о возмещении ущерба в случаях, когда между ними был посредник или потерпевший не являлся потребителем в узком смысле (то есть сам не приобрел вещь), имели место в судебной практике не в отношении отдельного вида юридических отношений, а были связаны с особым видом товара – пищевыми продуктами. Как отмечали многие авторы, здесь решающую роль играли соображения «публичного порядка» об охране жизни и здоровья, и суды не слишком заботились о правовой аргументации, которая нейтрализовала бы действие принципа «договорной связи».

Согласно выработанным принципам, потребитель, понесший ущерб в связи с использованием недоброкачественного товара, который не соответствовал заявлениям, сделанным в рекламе, мог предъявить прямой иск к производителю. Оценивая значение этого решения, видный американский судья Кардозо высказал мысль, которая впоследствии нашла широкое признание в юридических кругах, что этим решением отвергалась идея об исключительно договорном происхождении обязанности не допускать причинение вреда жизни и здоровью, когда последствия небрежности в производстве продукции могли быть предвидены. В результате широкого распространения в судебной практике данного подхода возможности привлечения производителя к ответственности за вред, причиненный его некачественной продукцией конечному потребителю, значительно расширились (можно отметить это как позитивную динамику). Однако эффективность защиты, построенной на деликтной основе, несколько снижалась для потерпевшего, так как он (потребитель) должен был доказать, что причиной нанесенного ущерба была небрежность, допущенная производителем в процессе изготовления товара. Доминировавшая тенденция к расширению

ответственности производителя стимулировала развитие в судебной практике принципов, облегчавших защиту интересов потерпевшего потребителя.

Также, судебная практика США, выбрав путь наделения ответственности за нарушение гарантии чертами деликтного обязательства, создала некую гибридную конструкцию, которая на практике давала возможность пользоваться в зависимости от конкретной ситуации наиболее удобными для регулирования моментами как одной, так и другой трактовки ответственности за недоброкачественную продукцию, это обусловлено различными по содержанию прецедентами в разных штатах, имеющих различное законодательство. К середине 60-х годов в судебной практике сложилась такая система регулирования ответственности производителя за недоброкачественную продукцию, которая стала квалифицироваться в качестве разновидности абсолютной деликтной ответственности. Важным событием в закреплении такого подхода было второе издание свода деликтного права США, который касался ответственности продавца за ущерб, причиненный продукцией ее пользователю или потребителю.

В английском праве установление ответственности за ущерб от дефектной продукции с самого начала строилось либо на принципах договорного права, либо на деликтных началах. Следует отметить, что, хотя судебные решения по искам к производителю о возмещении причиненного его продукцией ущерба были известны в Англии задолго до широкого распространения и утверждения «ответственности за продукцию» в США, развитие английского права в этой области до последнего времени было едва заметным. В большинстве других западноевропейских стран отражение таких проблем происходило в рамках сложившихся правовых конструкций. Например, в романо-германской правовой системе концепция ответственности производителя развивалась путем расширения применения довольно общих статей Гражданского кодекса о деликтной ответственности. Ответственность за дефекты товаров включает в себя прежде всего относящиеся к договорной и деликтной ответственности. Тот, кто умышленно или по неосторожности противоправно лишил человека жизни, причинил ему телесные повреждения или расстройство здоровья, лишил его свободы, права собственности или других прав, обязан возместить причиненный этим ущерб; та же обязанность наступает для того, кто нарушил закон, защищающий личную безопасность другого лица. Если по смыслу закона возможно его невиновное нарушение, то обязанность по возмещению вреда наступает только при наличии вины. Из содержания приведенных положений видно, что они направлены на возмещение определенных видов ущерба и основанием

для ответственности является виновное поведение причинителя ущерба.

В связи с развитием ответственности производителя за дефекты продукции сфера применения этих норм была значительно расширена судебной практикой, в частности путем перенесения в случае использования деликтного основания ответственности бремени доказывания с потерпевшего на ответчика, а также широким толкованием объема ответственности производителя продукции за ее качество, включая его ответственность за конструкционные решения, используемые технологию и материалы.

Данный институт, будучи отраженным в законодательстве разных стран, является не чем иным, как элементом межкультурного правового взаимодействия.

*Л. С. Постоляко**

Идеологические установки правосознания и состояние мультикультурализма: проблема совместимости

Идеологические установки правосознания можно считать уровнем юридического мировоззрения, а последнее – рассматривать как ценностную основу правовой культуры, соотносящей собственные ценности с нравственными, религиозными, политическими смыслами, представлениями об общественном идеале. Таким образом, названные установки – это в то же время форма связи правового мышления с политической культурой и личности, и конкретного общества.

Состояние мультикультурализма – динамичное сосуществование множества культур в едином «полисном» пространстве. Это процесс, описание которого предполагает наличие пересекающихся координатных осей. Горизонтальный срез обнаруживает национально-этнические (включая религиозно-конфессиональные), образовательно-профессиональные (в том числе по признаку рода занятий и характера деятельности) основания культурной специфики. Вертикальный срез содержит культурно-возрастные критерии («постсоветская молодежь» и т. п.). На пересечении названных осей появляются характеристики сродни привычному выражению «писатель-шестидесятник».

Мультикультурализм – ныне состояние глобальное, то есть имеющее планетарный масштаб. В этом смысле Урал принадлежит к числу регионов, представляющих уменьшенную модель мира как «мегаполиса». Парадокс и проблема видятся в том, что такая «модель» есть внутренняя часть государственной организованной нации, культурно-этническую основу которой составляют русские. А, как известно, любой регион испытывает на себе последствия осуществления единой государственной политики (П. «е» ст. 71 Конституции РФ).

В настоящее время в российском обществе противоречиво сосуществуют две главные идеологические установки, а именно

* *Лариса Станиславовна Постоляко* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социологии УрГЮА (г. Екатеринбург).

либерализм и национал-консерватизм. Конституция РФ, не признав необходимости официальной государственной идеологии (Ст. 28, 29, 44), по духу и смыслу является либеральной. Основные принципы либеральной идеологии: рынок как основа экономического роста и общественного прогресса в целом; свобода труда, экономическая инициатива и предпринимательство; значительная социальная дифференциация и мобильность; развитые институты гражданского общества; многопартийность; светское демократическое государство, основанное на доктрине «правления права» (включая принцип разделения властей); взаимная ответственность государства и гражданина; культурный и мировоззренческий плюрализм; *индивидуальная* личность как «бенефициант» (А. А. Пропп) прав и свобод человека. Под индивидуальностью здесь понимается характеристика отдельного человека как субъекта развития социальности, реализующего созидательно-индивидуалистическую поведенческую ориентацию и частный интерес. Либерализм предполагает также либертарно-юридическую, в духе И. Канта трактуемую солидарность (сограждане солидарны в признании обращенного к каждому из них требования, гласящего: «Разрешить другим все то, что ты разрешаешь себе»).

В течение последних лет эти идеи подверглись в России основательной критике. Доводы противников таковы: либеральные лозунги маскируют неподконтрольность деятельности прозападных олигархических структур российскому гражданскому обществу, потерю экономической и политической самостоятельности России. От практики либерализма проигрывают слои населения, нуждающиеся в государственном патернализме (дети, инвалиды, маргиналы и т. п.); сообщество, воспринявшее либеральные идеи, не способно к самоограничению и признанию «пределов роста»; либерализм характеризуется лишь формальным провозглашением гуманистических ценностей, абстрактным универсализмом и космополитизмом. Порой делается радикальный вывод о том, что либеральный дискурс в России при отсутствии наднациональной государственной идеи закономерно ведет к распаду государства, в результате чего власть в целях сохранения страны и поддержания социальной стабильности вынуждена осуществлять интеграцию внеправовыми, в том числе открыто силовыми, методами (Т. П. Вязовик).

В качестве панацеи от названных бед предлагается идеология национал-консерватизма. Кредо последнего: защита традиционных ценностей, их иерархии, уважение к основным общественным институтам (семье, религии, общине, государственной власти), требованиям дисциплины и морали. Консерватизм преподносится как сугубо национальное явление. Ценность этой идеологии связыва-

ется с формированием установки на реальное осуществление конкретных исторических задач, действительное (а не декларативное) признание и отстаивание права человека на достойное существование. Идеология российского консерватизма основывается на следующих принципах: значительная роль государства в регулировании экономических и культурных процессов; патерналистская трактовка прав и свобод человека; державность – признание высшего авторитета государственной власти, приоритета государства как стабилизирующей, жизнеобеспечивающей силы; патриотизм – самоотверженное служение государству и народу; народ как «соборная» (коллективная) личность; неприятие отвлеченной идеи демократии, решение исторических задач силой «народного духа» (Н. А. Бердяев), религиозный источник этой силы; православие как истинная религия, православная трактовка солидарности как «взаимной любви всех во Христе» (П. И. Новгородцев). Идеология национал-консерватизма, однако, редко прямо указывает на сомнительные (с точки зрения их конструктивности) смысловые аспекты и следствия сформулированных принципов. Я назову лишь некоторые из них.

У П. И. Новгородцева (!) читаем: «Все, живущие в России, ... под сенью русского государства, и могут, и должны объединяться ... одним высшим началом..., а именно – преданностью русской культуре и русскому народу. ... Это ... приобщение... к единству и общению не только формально-юридическому, но и духовному»¹. Так мыслитель-неолиберал дает начало легитимации и возрождению имперской идеи (единого Блага, всеобщей предустановленной гармонии, которые гарантирует «народ-богоносец»). Имперское мировоззрение игнорирует самоценность инаковости, аннулирует культурные различия, делая их недействительными в свете основной идеи. Империя допускает лишь «вынужденную солидарность» (И. А. Исаев), препятствует формированию «народной личности». Исходя из смысла имперской идеи сохранение государственной целостности приоритетно по отношению к праву народов на самоопределение, ибо «исторические национальности» не могут иметь равных прав (Н. А. Бердяев). И либеральный национализм может стать источником имперских устремлений, «будто форма политической жизни и культура одной, пусть и старейшей, демократии является примером для всех обществ»².

Государственная поддержка одной религии (конфессии) под видом возрождения национальных святынь таит в себе опасность.

¹ Новгородцев П. И. Восстановление святынь // П. И. Новгородцев. Сочинения. М., 1995. С. 438.

² Хабермас Ю. После 11 сентября // Ю. Хабермас. Расколотый Запад. М., 2008. С. 37.

Как пишет Ю. Хабермас, религиозная «ортодоксия превращается в фундаменталистскую, если пастыри и представители истинной веры игнорируют эпистемическую ситуацию мировоззренчески плюралистического общества». Профилактика религиозного фундаментализма – это «рефлексия над религией, позволяющая ей учиться видеть себя глазами другого... Только этот когнитивный сдвиг и сделал возможным религиозную терпимость, позволил отделить религию от мировоззренчески нейтральной силы государства»³.

Авторитарный патернализм трактует существование культурных меньшинств не в терминах прав, а в смысле «дара», «привилегии», «благодейния свыше» (со стороны государства и доминирующей культуры). Так идея равенства подменяется идеей терпимости, а любая терпимость, как известно, имеет пределы (устанавливаемые нередко произвольно и в одностороннем порядке).

Традиция – «медаль» с двумя сторонами. Невозможно добиться консервации лишь одной из них. Распространение национал-консерватизма в России чревато разрушением и без того непрочной правовой культуры. Традиционное сознание отдает предпочтение содержательным ценностям и недооценивает формальные, важнейшая из которых – право (Б. Кистяковский). Правосознание при этом легко растворяется в морали и политике. Не случайно «даже на суд присяжных у нас существовало только две точки зрения: или политическая, или общегуманитарная», а борьба за «новое право» на деле означала лишь борьбу за «известный политический идеал»⁴.

К национальным российским святыням сторонники консерватизма, вероятно, отнесут и фетишизацию регламентирующих, внешне-дисциплинирующих, принудительных аспектов права. Это – лишь свидетельство того, что «правосознание... находится на стадии развития, соответствующей формам полицейской государственности». Консерваторы, превознося народную мудрость и созидательность, забывают о том, что «наше общественное сознание никогда не выдвигало идеала *правовой личности*»⁵.

Искомая стабильность в мультикультурном социуме не может быть гарантирована ни консервацией сомнительных традиций, ни провозглашением формального равенства культур и «правлением права». Как замечает Ю. Хабермас, «в *международном* общении среда права, обуздывающего насилие, играет сравнительно незначительную роль. А в *межкультурных* отношениях право в лучшем случае создает институциональные рамки для формальных попы-

³ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 15, 16.

⁴ Кистяковский Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Свердловск, 1991. С. 142, 145.

⁵ Там же. С. 137, 126.

ток понимания»⁶. Отчасти прав и Т. П. Вязовик, считающий, что «консерватизм может сыграть стабилизирующую роль в том случае, если будет актуализировать культуру в целом, а не отдельные ее элементы, выгодные тем или иным властным элитам»⁷. Мировоззренчески нейтральные властные структуры должны направить усилия на организационное обеспечение отнюдь не принятия всеми (или большинством) известных идеологических установок, а *процесса повседневного доверительного межкультурного диалога*. Насилие, по Ю. Хабермасу, начинается с нарушения коммуникации. «Усилия понять могут быть успешными лишь в том случае, если они предпринимаются в ситуации симметричных условий для *взаимного* признания и освоения перспектив... Если не сложилась структура коммуникативной ситуации, свободной от искажений и латентного присутствия власти, результаты коммуникативного процесса всегда вызывают подозрение»⁸. Эффективность использования правовых механизмов, успехи «патриотического воспитания» в ситуации мультикультуризма напрямую зависят от формирования адекватной структуры коммуникации. В условиях нынешней России, как и в современном мире вообще, понимание является основой правовых форм общения, а не наоборот.

⁶ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 21.

⁷ Вязовик Т. П. Российский консерватизм как фактор социокультурной и политической стабилизации // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. М., 2005. Т. 5. С. 590.

⁸ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 23.

Проблема социально-правовой защищенности детей с синдромом Дауна

Каждый имеет право на жизнь. Так гласит ст. 20 Конституции Российской Федерации. А также, в соответствии со ст. 38, 39 Конституции Российской Федерации, п. 2 ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации, каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье. Ребенок имеет право на воспитание своими родителями, обеспечение его интересов, всестороннее развитие. Материнство и детство, семья в целом находятся под защитой государства.

Согласно п. 1 ст. 56 Семейного кодекса Российской Федерации несовершеннолетний имеет право на защиту своих прав и законных интересов. Дополнительно каждый имеет право на образование (ст. 43 Конституции Российской Федерации, Федеральный закон «Об образовании»). Родители являются первыми педагогами. Они обязаны заложить основы физического, нравственного, интеллектуального развития личности ребенка в раннем возрасте. Органы местного самоуправления организуют и координируют методическую, диагностическую помощь семьям, воспитывающим детей дошкольного возраста на дому.

Таковыми же правами обладают и дети с ограниченными возможностями, а в частности дети с синдромом Дауна.

Синдром Дауна – не приговор, а генетическая особенность. Такие люди могут и должны жить как полноценные члены общества. Это утверждение уже привычно для Европы. Но не для России. 80 % родителей отказываются забирать из роддома детей, у которых выявлен синдром Дауна. Так, в 2007 году в Свердловской области таких детей родилось 78, в семьях воспитываются 7 человек.

В нашей стране жизнь людей с синдромом Дауна до сих пор окружена массой заблуждений и предрассудков. Их считают глубоко отсталыми, необучаемыми, агрессивными. Они не рассматриваются как личности. На самом же деле дети с синдромом Дауна обладают уникальной индивидуальностью, и тех из них, которые

* *Марина Александровна Розбаум* – студентка 5-го курса кафедры социальной работы и социальной педагогики социального ин-та РГППУ (г. Екатеринбург).

живут в семьях, погружены в атмосферу любви со стороны родственников, получают необходимое образование, медицинское обслуживание.

Порядок воспитания и обучения детей-инвалидов на дому определяется в Постановлении Правительства Российской Федерации № 861 от 18.06.1996 г. «Об утверждении порядка воспитания и обучения детей-инвалидов на дому и в негосударственных образовательных учреждениях». Образовательные учреждения совместно с органами социальной защиты населения и органами здравоохранения должны обеспечивать образование детей-инвалидов, создавать дополнительные специальные дошкольные, школьные учреждения. Основной федеральный закон, которым руководствуются родители детей с синдромом Дауна, – «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 1995 г. Данный Федеральный закон определяет государственную политику в области социальной защиты в Российской Федерации, целью которой является обеспечения инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, а также в соответствии с общепризнанными нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Инвалидам и семьям, имеющим детей-инвалидов, предоставляется скидка не ниже 50 % на оплату жилого помещения и оплату коммунальных услуг. Также в соответствии со ст. 17 Федерального закона «О социальной защите инвалидов» инвалиды и семьи, имеющие детей-инвалидов, принимаются на учет и обеспечиваются жилыми помещениями в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации. В соответствии со ст. 93 Трудового кодекса Российской Федерации по просьбе работника, имеющего ребенка-инвалида до 18 лет, работодатель обязан установить ему неполный рабочий день.

К сожалению, перечисленная нормативно-правовая база не находит должной реализации на практике. Семьи, воспитывающие детей с синдромом Дауна, постоянно сталкиваются с несоблюдением, нарушением реализации прав, а главное, с дискриминацией со стороны окружающих. С подобным брезгливым, иногда равнодушным отношением семьям приходится жить, сопротивляясь и надеясь на лучшее.

Особенности интеллектуального элемента легкомыслия

Поскольку легкомыслие, как правило, связано с осознанным нарушением определенных правил предосторожности, установленных для предотвращения вреда, осознанность поведения делает этот вид неосторожной вины более опасным по сравнению с небрежностью. Лицо, действующее легкомысленно, всегда сознает отрицательное значение возможных последствий и именно поэтому возлагает на определенные обстоятельства надежду на их предотвращение. Следовательно, при легкомыслии виновный сознает потенциальную общественную опасность своего действия или бездействия, полагая, что если подобное поведение и приведет к опасным последствиям, то уж в данном конкретном случае их не будет.

Интеллектуальный элемент легкомыслия заключается в предвидении виновным возможности наступления общественно опасных последствий. Предвидением возможности наступления общественно опасных последствий своего действия (бездействия) легкомыслие сходно с такой формой вины, как умысел, и одновременно по этому же признаку отличается от небрежности. Предвидение при легкомыслии имеет определенные особенности. Лицо предвидит, что совершаемые им действия (бездействие) в подобных случаях в аналогичной обстановке могут вызвать вредные последствия, но самонадеянно полагает, что в данном конкретном случае эти вредные последствия не наступят.

Таким образом, при легкомыслии лицо, сознавая абстрактно общественно опасный характер своего поведения, предвидит возможность наступления вредных последствий вообще, в подобных случаях, но считает, что в данных конкретных условиях реальность их наступления маловероятна или даже невозможна¹. Однако это не означает, что виновный не предвидит возможность, хотя и менее определенную, наступления вредных последствий в данном кон-

* *Андрей Геннадьевич Рублев* – канд. юр. наук, преподаватель кафедры публичного права Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Такая точка зрения была высказана в уголовно-правовой литературе и раньше: см., например: Советское уголовное право. Общая часть / Под ред. Г. А. Кригера. М., 1988. С. 136.

кретном случае. Таким образом, предвидение при легкомыслии отличается от предвидения при умысле (чаще всего косвенном) меньшей степенью определенности: если при косвенном умысле виновный предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий, то при легкомыслии эта возможность предвидится как абстрактная, при данных конкретных обстоятельствах, по мнению виновного, невозможная.

Некоторые авторы характеризуют интеллектуальный момент при легкомыслии – разновидности неосторожной формы вины – как осознание лицом общественно опасного характера своих действий, то есть точно так, как закон характеризует интеллектуальную сторону умысла, как прямого, так и непрямого. Практически это может привести (и нередко приводит) к устранению границ между принципиально разными формами вины и признанию наличия косвенного умысла там, где фактически имела место неосторожность в виде легкомыслия.

В действительности же, легкомыслие отличается от косвенного умысла двумя моментами интеллектуальной стороны психической деятельности² – как характером предвидения, так и состоянием осознания.

При косвенном умысле лицо предусматривает, как и при легкомыслии, возможность наступления вредных последствий, но, как было отмечено, с большей вероятностью и сознательно допускает их наступление. Эти обстоятельства и лежат в основе наличия у субъекта в момент совершения действия осознания его общественно опасного преступного характера. При этом, как правильно подчеркивается в литературе, косвенный умысел предусматривает наличие осознания общественно опасного характера, когда «лицо знает определенные фактические обстоятельства и понимает их уголовно-правовое значение. А именно: лицо знает, что его действия направлены против определенного объекта и способны повлечь ему указанный в соответствующем составе преступления вред и что отсутствуют любые существенные препятствия, которые способны не допустить наступления данного вреда»³.

При легкомыслии и степень вероятности наступления вредных последствий значительно меньше, чем при косвенном умысле, на-

² При косвенном умысле виновный предвидит реальную, то есть для данного конкретного случая, возможность наступления общественно опасных последствий, а при легкомыслии эта возможность предвидится как абстрактная: субъект предвидит, что подобного рода действия вообще могут повлечь общественно опасные последствия, но полагается, что в данном конкретном случае они не наступят.

³ *Кригер Г.* Разграничение умысла и преступной самонадеянности // Сов. юстиция. 1980. № 17. С. 14.

пример, в сфере безопасности дорожного движения водитель рассчитывает на их отвлечение, полагаясь на целый ряд реально существующих субъективных и объективных факторов, способных, по его мысли, не допустить наступления вредных последствий.

Это и дает основание многим авторам прийти к выводу, что при легкомыслии у лица отсутствует осознание общественно опасного характера своих действий. Так, А. Баунов писал по этому вопросу: «В типичных случаях неосторожной вины в виде преступной самоуверенности (легкомыслия) отсутствует осознание общественно опасного характера действий (бездействия), которые совершаются, поскольку, в силу наличия расчета на устранение общественно опасных последствий и уверенности лица относительно их устранения, действие (бездействие), которое фактически вызывает последствия, не может осознаваться опасной для общества тогда, когда оно было еще не совершено»⁴.

Аналогичную позицию занимал и П. С. Дагель, который удачно дополняет аргументацию по защите концепции, а именно: «...предвиденье общественно опасных последствий при самоуверенности (легкомыслии) не равнозначно осознанию общественной опасности действия, которое совершается, поскольку оно нейтрализуется уверенностью в ненаступлении этих последствий...»⁵.

Позиция, где виновное лицо при легкомыслии не осознает общественно опасный характер своих действий, была сформулирована П. С. Дагелем, который писал: «Поскольку основным признаком неосторожности, который отличает ее как от умысла, так и от невиновного совершения общественно опасного действия, есть отсутствие осознания общественно опасного характера действия, которое совершается при наличии обязанности и возможности такого осознания». Мы придерживаемся этой точки зрения и предлагаем изменить формулу преступной неосторожности.

В статье 26 УК РФ, определяя легкомыслие как вид неосторожности, законодатель подчеркивает самонадеянный расчет субъекта на предотвращение общественно опасных последствий. Согласно словарям русского языка, «самонадеянный» означает «чрезмерно уверенный в самом себе, выражающий пренебрежение к другим»⁶. Исходя из этого, можно сделать вывод, что субъект рассчитывает при легкомыслии только на себя. Это возможно, когда

⁴ Баунов А. Ограничение косвенного умысла от преступной самонадеянности // Сов. юстиция. 1970. № 5. С. 6.

⁵ Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 130.

⁶ Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. М., 1998. С. 607.

он рассчитывает на свое профессиональное мастерство, опыт, навыки, физические данные и пр.

Однако при легкомыслии он может рассчитывать не только на себя, но и на действия других лиц. Например, водитель вопреки правилам дорожного движения не пропускает на перекрестке пешеходов, рассчитывая, что сам пешеход, как лицо заинтересованное, сумеет проскочить или увернуться от автомашины.

Расчет при легкомыслии может также касаться естественных сил природы (например, виновный полагает, что начавшийся дождь затушит разведенный в лесу костер); обстановки (например, выбрасывая ночью из окна тяжелый предмет, субъект полагает, что в это время около дома, там, где и днем-то не бывает людей, это вполне безопасно); орудий и средств совершения преступления (например, полагая, что ружье неисправно, виновный нажал на курок и ранил своего товарища); и т. п. Учитывая это, представляется более точным исключить при определении легкомыслия слово «самонадеянно», оставив лишь слова «без достаточных на то оснований»⁷, как удачно предложено И. М. Тяжковой. Однако при этом замена слова «самонадеянно» термином «необоснованно», «недобросовестно» будет только дублировать слова «без достаточных оснований», следовательно, необходимо исключить слово «самонадеянно» без какой-либо замены при определении легкомыслия. Тогда определение преступного легкомыслия могло бы выглядеть так:

«Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо осознавало общественную опасность своего деяния (действия или бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, но без достаточных к тому оснований рассчитывало на предотвращение этих последствий».

⁷ Тяжкова И. М. Ответственность за неосторожные преступления, совершенные при использовании источников повышенной опасности: Дис. ... д-ра юр. наук / МГУ. М., 2003. С. 48.

А. П. Семитко*

Столкновение правовых культур

Глобализация приводит к смешению культур и цивилизаций на одном географическом пространстве, каковым теперь становится вся планета. Правда, где-то пока затишье в плане культурного взаимодействия различных цивилизаций, а где-то наблюдается определенная активизация указанных процессов – здесь то и можно попытаться увидеть модели и схемы дальнейшего развития человечества, свидетелями которых станут наши будущие поколения. Предсказанное Хантингтоном столкновение цивилизаций разворачивается на всех «фронтах», в том числе и, наверное, в первую очередь в лоне культурного взаимодействия различных народов. Рассмотрим очень кратко лишь юридическую составляющую культуры – правовую культуру, которую, разумеется, невозможно четко вычленивать из общего культурного «тела».

В 60-е годы культурологи стали увлекаться подсчетом количества существующих определений культуры. Начали с двух-трех сотен дефиниций, которые уже были к тому времени в научной литературе, и быстро дошли до полутысячи; где-то мелькнули цифры на одну-две сотни больше последней цифры, пока, наконец-то, не поняли бессмысленность и бесперспективность этого занятия. Дело в том, что понятие «культура» – одно из фундаментальных, базовых в науках о культуре, о духе, и оно вмещает в себя в свернутом виде весь социальный и духовный мир. Поэтому понятно, что определить все это в одной краткой или даже не краткой дефиниции невозможно (разумеется, это не означает необходимости прекращения попыток определения предельных понятий). Культура – это сверх сложное и даже таинственное понятие, едва поддающееся пониманию и рационализации. В нем заложена неисчерпаемая тайна, к постижению которой мы едва-едва подступаем. И здесь, как говорил поэт М. Волошин, «мысль замирает пред вечною тайной». Поэтому, обозначив задачу определения понятия «культура» и вслед за ней понятия «правовая культура» как задачу, требующую специальных методологических усилий и особого теоретического внимания (соответственно и громадного печатного пространства), сосредоточимся лишь на некоторых ее признаках,

* *Алексей Павлович Семитко* – д-р юр. наук, профессор, декан юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург), приглашенный профессор университетов Париж-Х, Париж-ХП, Клермон-1 (Франция, г. Париж).

свойствах и порой даже внешних проявлениях. Констатируя при этом значительные отличия одних культур от других по интересующим нас параметрам, попытаемся понять, неизбежны ли их столкновения, насколько операциональны и эффективны имеющиеся теоретические представления о культуре, к каким практическим мероприятиям приводят они правительства различных стран.

В разных культурах существуют подчас весьма различные ценности и приоритеты. Можно ли совместить их без того, чтобы обязательно страдала и разрушалась какая-нибудь одна из взаимодействующих культур, или, точно по С. Хантингтону, неизбежно их столкновение и поглощение («проглатывание», уничтожение) одной культурой другой? Действительно ли можно всерьез полагать, что на одном географическом пространстве совместимы, например, европейская и мусульманская концепция прав человека (или, более конкретно, прав женщин)? Либо одна из них неизбежно должна уступить место другой. Не приведет ли их объединение к конструктам наподобие понятий «жареный снег» или «мокрый огонь»? Насколько жизнеспособны окажутся такие образования, если их попытаться хотя бы на некоторое мгновение воспроизвести в реальной жизни?

Одно из недавних судебных дел, рассмотренное во Франции сначала судом первой инстанции (1 апреля 2008 г.), а затем апелляционным судом (ноябрь 2008 г.), вызвало широкую национальную дискуссию в этой стране. Оно показало столкновение различных правопорядков, различных правовых культур, существующих реально в одном территориально-правовом пространстве. Господин Х. обратился в суд г. Лилля (Франция) с иском о признании его брака с госпожой Х. недействительным на том основании, что его супруга не обладает важным для него признаком девственности, что он, по его словам, и установил в первый же вечер после регистрации брака. Хотя при организации данного брака родители будущей супруги (ее мнение при решении брачных вопросов в соответствии с мусульманской традицией никого не интересует) представили ее ему как соответствующую по данному признаку всем культурным мусульманским обычаям (скажу сразу, что в исламе нет разграничения на право и мораль, поэтому там почти все культурное есть одновременно и правокультурное). Статья 180 ГК Франции (Кодекс Наполеона, как его стали называть вскоре после его принятия в 1804 г.) устанавливает, что «если имело место заблуждение относительно личности или основных качеств личности, другой супруг вправе требовать признания брака недействительным». Формально, в первом приближении к юридическому анализу данной проблемы возникает вопрос о том, является ли признак девственности основным, или «существенным» (можно переводить и дан-

ным словом французское «*essentiel*»), используемое в тексте закона на языке оригинала), качеством личности, позволяющим привести в действие положение части 2 ст. 180 ГК Франции. Французская судебная практика считала таковыми до сих пор лишь качества, препятствующие созданию полноценной семьи, возможности рождения детей (наличие соответствующего здоровья супругов и т. д.)¹. Указанный спор возник впервые и готовых ответов у суда не было. Осложняющим фактором было, прежде всего, то, что супруги являются представителями мусульманской общины Франции, которая пытается сохранить в своей повседневной жизни на территории Европы многие культурные особенности, характерные для исламских сообществ. Формально закон дает право супругам самим определять, какие качества личности являются существенными, основными и затем убеждать в этом суд, требуя от него признания своего подхода к данному культурному понятию соответствующему законодательному предписанию. Но «суверенитет» личности в данном случае ограничен понятием публичного порядка, фундаментальными принципами европейской правовой системы. При этом у европейца, в европейской правовой культуре эти принципы существуют интегрально, в нерасчлененном виде. И поэтому те качества, которые могут считаться в этой культуре существенными, попадают в общий культурный контекст, взаимодействуют с целостной системой иных правовых принципов.

Для мусульманской же культуры данное понятие существенных качеств встроено в другой культурный и юридический контекст. И поэтому, прочтя буквально ст. 180 ГК Франции, господин Х. имел все, с его точки зрения, основания требовать признания его брака недействительным по причине введения его в заблуждение по вопросу, являющемуся для него существенным. Суд первой инстанции согласился с заявителем, признав признак «девственности» существенным, а обман, с ним связанный, достаточным основанием для признания брака недействительным.

Оговорюсь, что современное французское право является достаточно либеральным по вопросу о разводе супругов по требованию одной или обеих сторон. Поэтому истцу не представляло никакого труда получить положительное решение, обратившись в суд с иском о расторжении брака. Однако наш герой – господин Х., – полагая, что его честь и достоинство были вероломно попорчены неискренностью другой стороны, настаивал именно на признании брака недействительным. В связи с указанными тонкими юриди-

¹ Французский гражданский кодекс: учебно-практический комментарий / Пер. с французского Ю. Гонгалло, А. Грядова, К. Криеф-Семитко и др. М.: Проспект, 2008. С. 96.

ческими отличиями и культурным контекстом, в который они были помещены, разгорелась острая национальная дискуссия. Практически все печатные издания, телевидение, Интернет-издания и другие средства массовой информации обсуждали сложившуюся ситуацию. Бурный скандал разгорелся в парламенте, на одном из заседаний которого Рашида Дати, на тот момент министр юстиции, очень резко выступила против требований депутатов от социалистической партии о пересмотре указанного дела в вышестоящей судебной инстанции. Она исходила, по-видимому, из того, что распространенные в определенных культурных общинах Франции насильственные или «организованные» браки, когда за женщину решение принимают ее родственники, приводят к тому, что свобода женщины ограничивается таким образом пожизненно и самым фундаментальным образом; принуждение бывшей пары к совместному общежитию (в результате отмены решения суда о признании брака недействительным) после таких пертурбаций приведет к еще более незавидному положению супруги и т. д., и т. п. Правда, в дальнейшем ее ведомство все-таки возбудило производство в апелляционной инстанции и решение суда первой инстанции было отменено – брак был признан существующей юридической реальностью. Предполагается, что господин Х. не имеет оснований для признания брака недействительным, но, разумеется, может требовать «просто» расторжения брака со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Какие правокультурные основания обсуждались в ходе упомянутой уже национальной дискуссии по этому вопросу. Прежде всего, закрепленные во Французской Конституции принципы свободы и равенства, нарушенные решением суда первой инстанции (поскольку в мусульманском праве нет указанных принципов в отношениях между мужчиной и женщиной, как бы исламские правоведы не пытались утверждать обратное). Возьмем принцип равенства. Если мужская физиология не предусматривает возможности подтверждения или отрицания его «девственности», то цивилизованное право, если оно признает принцип равенства, не может предъявлять такие требования женщине. Этот признак не только не существенный (важный или не очень важный) – он просто не существует для права и уходит в сферу морали. Указанные две сферы – право и мораль – достаточно четко различаются в европейской культуре.

В этой культуре существуют и иные юридические ценности. Скажем, принцип «никто не может быть судьей в своем собственном деле». У господина Х. нет, и в той ситуации, как она сложилась, не может быть, никаких доказательств для своих утверждений по поводу девственности его супруги. Здесь же европейский суд берет

на вооружение мусульманскую процессуальную доктрину, в соответствии с которой показания мужчины более значимы, чем показания женщины: муж вдруг выступил судьей в своем собственном деле и его утверждения не подвергаются сомнению. Провергнуть утверждение женщины о том, что она обладала признаком девственности до первой брачной ночи, нет никаких юридических и в случае ее несогласия на экспертизу никаких иных инструментов. Кроме того, из специальной медицинской литературы известно, что в некоторых случаях разрыв девственной плевы происходит без обычных видимых и иных признаков. Если для супруга этот вопрос существенен, то он мог бы настаивать на предварительном проведении соответствующей медицинской экспертизы (при согласии на нее будущей супруги, хотя в мусульманской культуре согласие на брак вопреки некоторым предписаниям Сунны никого не интересует, и, видимо, также насильственно можно добиться от женщины проведения соответствующей экспертизы), которая могла бы сделать интересующее стороны заключение.

В любом случае все эти вопросы не могут входить в правовую сферу с точки зрения европейской правовой культуры, так как она базируется на принципе равенства. В этой же культуре есть еще такая ценность, как свобода, и поэтому женщина обладает определенной свободой и не может рассматриваться правом как нечто похожее на собственность своего будущего мужа, что бы заставляло ее ожидать свой будущий брак с массой определенных ограничений, отсутствующих у мужчины.

Ссылка на неискренность в вопросе о девственности для цивилизованного права имеет такое же значение (точнее, не имеет никакого значения), как ссылка на то, что женщина до вступления в брак утверждала (самым обманчивым образом), что ей нравится венская классика, а когда вышла замуж, то фактически оказалось, что она слушает лишь современную музыку. Разные вкусы – это повод для бракоразводного процесса, но никак не для признания его недействительным.

Фактически современные европейские суды сталкиваются с проблемой разных культурных оснований в тех или иных случаях и оказываются перед неразрешимыми порой противоречиями. Если опираться на распространенный еще на Западе лозунг мультикультурализма, то надо принимать в расчет культурные особенности спорящих сторон. Но не редко оказывается, что эти особенности разрушают саму европейскую правовую культуру. Так, в Германии судья отказал в иске о расторжении брака женщине исламского вероисповедания, не признав достаточным основанием ее ссылки на то, что муж (тоже мусульманин) ее избивает. Поскольку Коран разрешает мужу воспитывать женщину, нанося ей при необходи-

мости побои, то, основываясь на идеологии мультикультурализма – учета культурных различий, – женщина не может требовать развода в подобных случаях. Насильственные браки на территории Европы в среде исламской культуры, превращение девочек в инвалидов путем распространения в той же среде практики ампутации у них клитора (чтобы женщина не испытывала никакого влечения к противоположному полу и оставалась тем самым верной своему будущему мужу), убийства чести (когда женщина не соглашается с насильственной ее выдачей родственниками замуж и сама выбирает себе мужа, то это расценивается как распутство, наносящее глубокое оскорбление семье, смыть которое можно лишь убийством ослушницы своими ближайшими родственниками) и т. д., и т. п. Все это очень долго проходило, а в чем-то и по сей день проходит по ведомству «мультикультурализма», «учета культурных различий», а на деле представляет из себя отступление от принципа приоритетной защиты прав человека и, как результат, разрушение европейской правовой культуры в частности и всей европейской культуры вообще.

Ученые-культурологи, прожившие некоторое время в среде аборигенов, находящихся на уровне первобытного строя, и впервые на этом основании заявившие о том, что нет культуры выше или ниже, хуже или лучше, были слишком самонадеянными, а попросту они глубоко и серьезно ошиблись. Они и не могли не ошибаться, так как у них не было никаких методологических средств постижения тайны другой культуры. Описание некоторых внешних событий аборигенской жизни с какими-то гипотезами по этому поводу вряд ли способно заглянуть глубоко в душу указанной культуры. Наши этнографы ведь не могли прожить две жизни – каково-нибудь аборигена-интеллектуала и интеллектуала-европейца и потом сравнить эти принципиально различные культуры изнутри. Самое большее, что можно было сделать в той ситуации, – это построить более или менее правдоподобные гипотезы, вымыслы или мифы по поводу изучаемых культур и продолжать наблюдать их развитие не одно десятилетие и не один век. Утверждение о том, что нельзя делить культуру на варварскую и цивилизованную, противоречит здравому смыслу и существующей практике, оно просто абсурдно! Что разве культура инквизиции не лучше нашей культуры, она равноценная нашей? Мне кажется, что современная европейская культура лучше и гораздо цивилизованнее той, которая была на этой территории полтысячелетия назад, или лучше и гораздо цивилизованнее современной, но находящейся на соответствующей – 500 лет назад – стадии развития. Пожив некоторое время в среде аборигенов, синстадиальных первобытному обществу, наши этнографы возомнили, что разгадали все тайны культуры

вообще, ну а уж культуры-то аборигенской в частности и тем более. Им показалось, что они вправе диктовать свою теоретическую волю политикам, которые строят отношения с различными культурными мирами. К сожалению, теоретические воззрения культурных этнографов проникли глубоко и в обыденное сознание (анекдот с удивляющимся аборигеном по поводу того, почему во время войны европейцы убивают, но не съедают своих врагов – вот это для него есть настоящее варварство). Называть какие-то факты – жестокости, войны и прочее, – имеющие место в разных культурах, и на этом основании признавать их равноценными – глубоко ошибочно, ибо одна культура глубоко скорбит и осуждает эти факты, а другая делает из них доблести. Не видеть в этом фундаментального отличия соответствующих культур ошибочно. При этом факт деления культур на варварские и цивилизованные есть факт относительный, что подтверждает само его существование, и, с другой стороны, культуры, резко отличающиеся друг от друга, считают друг друга одинаково нецивилизованными. Например, представители мусульманской культуры совершенно искренне считают тот уровень свободы, который имеет европейская женщина, – варварским, низменным и распутным. Так ведь оно так и есть на самом деле, если смотреть на европейскую культуру глазами культуры, застывшей в своем развитии как минимум на полтысячелетия (это вытекает из особенностей источников мусульманского права). К чему приводит очередная европейская мультикультуральная политкорректность – не называть отдельные варварские обычаи варварскими? К уничтожению самой европейской культуры. Разве не являются варварскими те положения различных культур, которые, например, унижают человеческое достоинство женщины и ставят ее в подчиненное положение перед мужчиной, превращая ее в объект и вещь для последнего? Мы должны защищать и оберегать наши ценности от тех ценностей, которые мы не принимаем и не признаем. Если же называть их также цивилизованными и культурными, то зачем же тогда от них обороняться (это – горькие последствия ошибочных теоретических выводов некоторых культурных этнографов и антропологов)? Боюсь, что в настоящий момент это, может быть, уже слишком поздно, так как мультикультурализм пустил очень глубоко свои ядовитые корни и остановить разрушение европейской правовой культуры в длительной перспективе вряд ли удастся. Нужно проводить мудрую политику в России, чтобы не повторить указанных ошибок, но только дай нам Бог не впасть в другие крайности, которые называются этническим экстремизмом и русским фашизмом. Нужно признавать и защищать все ценности и идеи прав человека, закрепленные в нашей Конституции, но необходимо защищаться от тех культурных особенностей других цивилизаций, которые нарушают наши законы.

М. Н. Семякин*

Частное право как явление межкультурного дискурса

Кроме сугубо юридического аспекта частное право может быть охарактеризовано также в качестве явления культуры – результата аккумуляции на протяжении длительного времени и выражения социального, духовного и иного богатства человечества. Очень важным и недостаточно исследованным аспектом частного права является изучение его как явления межкультурного взаимодействия, межкультурного дискурса.

Частное право с этих позиций «раскрывает свои достоинства как общекультурная ценность»¹ – явление межкультурного взаимодействия. Методологически правильным представляется подход, используемый А. П. Семитко, к исследованию правовой культуры, когда он вопросы «о происхождении и становлении права и правовой культуры» связывает с анализом не только путей формирования правового механизма защиты личности, ее достоинства и свободы, личной (частной) собственности, но и «практически всех сторон человеческого общества и культуры»².

За основу, отправной методологический пункт в исследовании частноправовой культуры следует взять личность, персону, исходя из заветов древних мыслителей, в частности Протагора, о том, что человек есть мера всех вещей. Прогресс частноправовой культуры оказывается возможным только в результате расширения объема прав и свобод человека, обеспечения должного уровня их охраны и защиты. Известный дореволюционный цивилист, историк и философ гражданского права И. А. Покровский часто подчеркивал связь категорий частного права и общечеловеческой культуры. Говоря о жесткой централизации управления экономикой, он, в частности, предупреждал, что «предлагаемый централизованный строй характеризуется как новое “грядущее рабство”, которое неминуемо повлечет за собой полную гибель культуры и возвращение к варварству»³.

* *Михаил Николаевич Семякин* – д-р юр. наук, профессор, завкафедрой частного права Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ *Алексеев С. С.* Частное право. М.: Статут, 1999. С. 76.

² *Семитко А. П.* Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996. С. 82.

³ *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001. С. 46–47.

На это обстоятельство обратил внимание также С. С. Алексеев: «Если достаточно развитое частное право может быть охарактеризовано в качестве элемента общей культуры человечества, то явление обратного порядка – неразвитое, ущербное в данном обществе частное право, и тем более частное право, “изгоняемое” властью из общественной жизни, представляет собой свидетельство низкого уровня культуры. Если угодно – свидетельство своего рода *антикультуры*, несовершенства, пожалуй, даже (как это произошло в советском обществе) порочности социальной системы, которая оборачивается крупными бедами для людей»⁴. Вот почему, как отмечается в литературе, «лишение собственности или ограничение на владение ею деформирует... человека. Делает его агрессивным, завистливым и вороватым»⁵.

Вместе с тем частное право представляет собой явление культуры и в более узкой сфере – «непосредственно в юридической области»⁶. Оно – важнейший источник правовой культуры, где формируются очень многие правовые категории и конструкции, которые затем используются в целом ряде иных отраслей права; оказывает мощное влияние на правосознание человека; обуславливает его поведение в повседневной жизни; и т. д.

Как свидетельствует история права, на протяжении многих веков правовые системы Древнего мира характеризовались примитивностью, аморфностью своего содержания, когда правовые установления не распределялись по сферам и выражались в юридических документах и практике как нечто трудноразличимое. И лишь тогда, когда в национальных правовых системах произошло структурное и понятийное обособление частного и публичного права, – как это особо впечатляюще имело место в Древнем Риме, – исторически начался в достаточно интенсивной форме правовой прогресс. Именно с той поры, когда правовые институты четко «выкристаллизовались», правовые потенциалы, и в особенности частного права, смогли проявить себя в полную меру не только с сугубо юридической стороны, но и как явления культуры.

Отсюда – один из важных моментов в истории правового прогресса и культуры заключается в том, что с указанной поры они стали реализовываться по двум различным, хотя и тесно связанным, культурно-правовым сферам – публичному и частному праву. При известной общности правового прогресса и культуры в сфере публичного и частного права все же их основные тенденции и ценности изначально формируются и реализуются отдельно по двум указанным фундаментальным сферам⁷.

⁴ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 78.

⁵ Дольник В. Непослушное дитя биосферы. М., 1994. С. 53.

⁶ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 78.

⁷ Там же. С. 80.

Требует отдельного обсуждения и такая важная проблема, как выяснение природы частноправовой культуры: носит ли она сугубо национальный характер или представляет собой универсальное, интернациональное («наднациональное») явление. В этой связи И. А. Покровский замечал, что «исторические корни современного гражданского права Европы уходят далеко вглубь времен. Всемирно-историческая преемственность имеет место в области права в такой же степени, как и в области культуры вообще: право является лишь одним из элементов этой общечеловеческой культуры»⁸.

Действительно, с этой точки зрения принятые и действующие в XIX–XX веках гражданские законы с достаточной убедительностью отражают «связь времен и культур». Гражданский кодекс Франции, Германское гражданское уложение, современный Гражданский кодекс Российской Федерации, как и гражданские законы ряда других стран, – это прямые преемники одного из великих шедевров правовой культуры Античности – римского частного права, его юридического богатства, выраженного в уникальных, во многом не превзойденных на сегодняшний день категориях и правовых конструкциях, математически отточенных формулах и четких классификациях.

Важно отметить и то, что гражданские законы стали воспримателями таких достижений культуры, которые «обогащены разумом». Древнеримские юридические категории, конструкции и формулы после периода расцвета древнеримской правовой культуры во II–III веках стали предметом интеллектуальной обработки, раскрывшей их значение «писаного разума» в более позднее время – в юстиниановой систематике (VI в. н. э.), а затем, значительно позднее, – в проработках глоссаторов и постглоссаторов, приведших к формированию нового культурно-правового шедевра – «права университетов» средневековой Европы⁹.

В этой связи невозможно согласиться с мнением О. Шпенглера, который, характеризуя римское частное право, говорит о необходимости «знания античного права, причем *не* как образца значимых ныне понятий, но как блестящего примера права из чисто *практической* жизни эпохи»¹⁰. Римское частное право – это не только блестящий пример «из чисто практической жизни эпохи», но и выдающийся исторически уникальный образец кристаллизации «чистой мысли», «писаного разума», воплощенных в системе, логике права, в его понятийном аппарате, юридических конструкциях.

⁸ Покровский И. А. Указ. соч. С. 49.

⁹ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 77.

¹⁰ Шпенглер О. Закат Европы: Очерки мифологии мировой истории: В 2 т. М.: Мысль, 1998. Т. 2. С. 86.

Отмеченные моменты, думается, выражают одну из существенных особенностей права, его значение для цивилизации как общекультурной ценности. «Право, и в первую очередь частное право, как справедливо подчеркивает С. С. Алексеев, олицетворяет и поддерживает целостность и единство человеческой цивилизации во времени. Оно в этом отношении – именно тот механизм культуры, который обеспечивает череду сменяющихся эпох и национальных культур непрерывность, преемственность в регулировании экономических, личных неимущественных отношений, то есть – во всем том, что выражает ценность права как механизма непрерывного воспроизводства социальной системы, причем не только «данной» (исторически определенной, национальной), но и в принципе самой по себе общественной организации как таковой – способа существования любого человеческого общества»¹¹.

Вместе с тем наряду с универсальными («наднациональными») чертами в правовой культуре, в ней воплощаются и специфически национальные свойства, отражающие те или иные исторические, культурные, национальные и иные особенности конкретного народа. Примечательно в этом смысле замечание Ф. Энгельса, который, говоря об универсальном (всеобщем) влиянии экономики на правовые формы и институты, подчеркнул: «... но только с этой точки зрения трудно было бы доказать, что абсолютная свобода завещаний в Англии и сильное ее ограничение во Франции объясняются во всех частностях только экономическими причинами»¹².

Представляется необходимым обратить внимание и еще на один момент при характеристике частного права как явления культурологического дискурса. Частноправовая сфера явилась той исторически исходной, первичной социальной областью, которая возникла не по государственно-властному велению, а сформировалась естественным путем как результат длительного развития имущественных отношений и иных отношений между людьми при переходе их от первобытнообщинного состояния к цивилизации. Те факторы, которые связаны с разумом, творческой деятельностью человека, его культурой, обусловили появление частноправовых установлений, равных между собой субъектов имущественных отношений, свободных определять свою волю и поведение. Поэтому неслучайно очень многие основные юридические категории и конструкции выработаны именно в результате развития частноправовой культуры и затем использовались в иных сферах.

Происходящие сегодня в нашем обществе изменения в правовом, в особенности частноправовом, регулировании носят дос-

таточно серьезный характер. Включение этих процессов в контекст развития мирового правопорядка позволит проверить адекватность и «правильность» частноправового развития в нашей стране и на этой основе более четко определить пути и критерии, ценности и цели совершенствования частного права в России. Все это позволит приблизиться к разрешению основной проблемы: откуда и куда идет развитие российской частноправовой культуры, есть ли у нее свои собственные (национальные) критерии и ориентиры, или она идет в русле интернационального («наднационального») прогресса; каковы смысл и цель происходящих в настоящее время частноправовых изменений.

¹¹ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 77.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 418.

«Время памяти» в европейских садовых топосах Нового времени: политико-правовой аспект

Исследование семантики садово-паркового искусства имеет солидную научную традицию как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Превращая сад в объект отражения «ментального климата» Прошлого, историки садовых стилей обычно придают приоритетное значение анализу социо-культурных аспектов тех семантических представлений, которые могли возникнуть в эстетическом мышлении посетителей старинных садов иного исторического времени при желании «прочитать» аллегорическую символику «зеленой архитектуры»¹.

Значительно меньше внимания уделяется в истории садов вопросу о специфике идеологического воздействия садовых топосов на людей Другой эпохи, которые, подобно живущим сегодня, неизбежно должны были идентифицировать себя не только с определенной социальной средой, но и в качестве носителей особых культурных архетипов, сформированных под воздействием архитектоники политико-правового пространства, вписанного в контекст частной жизни человека Прошлого.

Обращение к изучению типологии политических топосов садово-паркового искусства представляет интерес и для историко-правовой науки, которая в силу своей традиционной приверженности к формально-юридическому методу пока недостаточно мобильно реагирует на тенденцию к расширению и обновлению методологического инструментария гуманитарных дисциплин. Задача осмысления темпорального контекста истории идей носит актуальный характер применительно к исследованиям историков-юристов, позволяя определить эвристический потенциал ряда теоретических концептов прошлого, неоднократно использованных на официальном уровне европейскими государствами Нового времени для разработки механизма социальной трансляции тех стереотипов политической культуры, которые можно рассматривать в качестве идеологических приоритетов для конструирования политико-правовых

* Елена Станиславовна Соколова – канд. юр. наук, доцент кафедры истории государства и права УрГЮА (г. Екатеринбург).

мифов о легитимных пределах и сущности институтов власти в ее взаимодействии с личностью.

Расширение границ методологической свободы историков права и государства диктуется необходимостью воссоздания специфики семантических систем, составляющих неотъемлемую часть духовной атмосферы, отражающей специфику становления и функционирования государственно-правовых институтов Нового времени, нередко аккумулирующих в себе на качественно новом уровне репрезентацию предшествующего историко-политического опыта. Историк государства и права не должен отказываться от задачи проникновения в специфику аллегорических представлений о природе и сущности власти, с помощью которых моделировались политические сценарии, закрепляющие в сознании различных социальных категорий миф о легитимном характере «эпической дистанции», отделяющей властную элиту от остального социума. Научная перспективность обозначенного исследовательского курса заключается, прежде всего, в том, что история государства и права постепенно будет утрачивать свойственную ей инскрипционность, ориентируясь на поиск соотношения между официальной правовой парадигмой и уровнем политической культуры общества, специфика которого в значительной мере зависит от мемориальных тенденций, спровоцированных как событиями истории, так и способами их идеологической интерпретации, использованными государством, всегда выступающим в качестве непрерывно функционирующего института формирования коллективной памяти.

Понимание сада как особого зашифрованного текста восходит своими корнями к античной культуре и связано, прежде всего, с философским представлением о взаимосвязи человеческого мира и макрокосма. В античных трактатах встречается немало упоминаний о благотворном воздействии деревенской глуши на мысли и чувства тех, кто ищет чужой мудрости, «стремясь к лучшему и убегая от худшего» в умении мыслить «надлежащим образом». Уединение в частной вилле создавало для античных интеллектуалов иллюзию общения с Вселенной. Оставаясь «наедине с собой», человек учился «жить согласно своей природе», постепенно узнавая божественное в проявлениях земного круговорота вещей².

Классический облик античного сада, концентрирующего в себе места и образы памяти, был перенесен в западноевропейскую культуру периода Ренессанса. По мнению Лоренцо Медичи, «выдающиеся мужи древности» имели все основания превращать свои библиотеки и сады в своеобразные театры памяти, облагораживая их произведениями искусства, прославляющими деяния тех, кто прежде блистал славой и мудростью³.

Существенной особенностью садов Возрождения являлась их насыщенность символикой, отражающей особый тип отношения личности к политическому пространству, построенный на провозглашении равнозначной ценности утонченной саморефлексии мудреца-отшельника и активного участия «человека совершенного» в государственной деятельности, направленной на создание общего блага. Синтез частных и публичных аспектов, характеризующий семиотику садов Ренессанса, хорошо прослеживается на примере виллы кардинала Ипполитто д'Эсте в Тиволи, спроектированной в 1550 году известным знатоком античности Пирро Лигорио. В основу иконографии, использованной в декоративном оформлении дворца и окружающих его садов, была положена идея прославления личности и деяний ее заказчика. В декоре внутренних дворцовых интерьеров преобладают мотивы античного мифа о похищении Гераклом чудесных яблок из сада Гесперид, обладание которыми было связано с даром вечной молодости. Орлы д'Эсте и по сей день украшают знаменитую аллею ста фонтанов, горделивые струи которых радужно переливаются в свете тибуртинского солнца, знаменуя триумф преображения природы, поставленной на службу человеку и прославляющей его непреходящую доблесть⁴. Указанная тенденция, основанная на использовании классических мотивов в оформлении декора, стала доминирующей чертой архитектурно-садовой концепции Нового времени, которая формировалась на фоне постепенной смены культурно-эстетической парадигмы и политических стереотипов.

Семиотическая универсальность Ренессанса оказалась весьма созвучной «монархическому» компоненту дворцово-парковых ансамблей периода абсолютизма, космология которых строилась на сочетании идиллических мотивов с комплексом рациональных представлений о легитимном характере суверенной королевской власти, обладающей постоянством функций и социально-политической независимостью в действиях. Версаль воплотил в себе новую модель Вселенной, сконструированную в духе французского рационализма, где главенствует Король-Солнце, подчиняющий себе как земной мир, так и небеса. Моделируя сакральное пространство «очарованного острова», расположенного в прозрачной дымке плена и окруженного боскетами, фонтанами и парадными партерами, посвященными сюжетам античной мифологии, создатели Версаля, очевидно, стремились к формированию особого микрокосма, способного соперничать с «Градом Божьим» и демонстрирующего безграничные возможности королевской власти в обустройстве земного рая⁵.

Аналогичная модель садово-парковой идеологии оказалась весьма востребованной и в Восточной Европе, слабо знакомой с

античными реминисценциями в культуре западного Ренессанса, но готовой к поверхностному синтезу традиций барокко и классицизма, который являлся неизбежным последствием постепенного укрепления экономических и культурных контактов России рубежа XVII–XVIII вв. с Голландией, Англией и странами североευропейского региона. Уже в манифесте от 16 апреля 1702 года о приглашении иностранцев в Россию Петр I открыто провозгласил достижение «общего блага» приоритетным направлением государственной политики, реализация которого невозможна без обеспечения внешней безопасности страны и усвоения социокультурного опыта европейской цивилизации⁶. Перспектива повышения международного статуса Российской державы после успешного завершения первого этапа Северной войны предопределила курс Петра I на открытую подражательность его многочисленных инициатив социально-политической направленности, что неизбежно вело к закреплению данной тенденции в сфере культурного пространства.

Использование новых для России многокультурных политических кодов, направленных на формирование абсолютистской модели отношений подданства, является ведущей чертой концепции Летнего сада, расположенного вокруг царской резиденции, предназначенной для проведения ассамблей в теплое время года. Подчиняя организацию садового пространства дидактическим принципам воспитания и наставления, Петр I позаботился о создании знаковых аллегорий ренессансного типа на основе мифологических сюжетов, прочно вошедших в культуру Нового времени через эстетику маньеризма и барокко. Просветительский характер Летнего сада потребовал от его создателей решительного разрыва с некоторыми традиционными художественными концептами средневекового православия, отрицавшего искусство объемной скульптуры как чрезмерно мирское и языческое. Реформируя московскую старину, Петр I придавал огромное значение развитию навыка «новых» европейцев к восприятию семиотической смысла аллегорий и символов, включенных в текстологическую структуру Летнего сада.

Знакомая с искусством скульптурного декора западноевропейских садов, Петр I дал в 1716 году распоряжение С. Рагузинскому переслать из Венеции «Роспись, каковы статуи употребляют в наилучших садах царских, королевских и протчих господ великих». Регламентация соответствующих канонов, судя по донесению русского посланника, отличалась к началу XVIII столетия сложной знаковой системой, которая строилась на сочетании семантики мифологических образов, символов и эмблем, подчиненных решению композиционных, стилистических и мировоззренческих задач. Рагузинский информировал царя о том, что в хорошо устроенном регулярном саду знатного вельможи королевского происхождения по-

лагается иметь изваяния греко-римских богов, прославляющих политические добродетели в соответствии с сюжетами самых известных античных авторов. В этот же перечень он рекомендовал включить 12 статуй «в манере эгипетской», олицетворяющих «знаки небесные» на основе эллинистических представлений о богах-планетах. Использование данного топоса было характерной чертой семантики версальских садов, тесно связанной с культом Аполлона-Феба, в образе которого прославлялась божественная сущность Короля-Солнце. По совету того же Рагузинского Петр I заказал «наилучшим мастерам венецким» 24 статуи, изображающие «12 главных царей римских и 12 цесаревен», что вполне соответствовало имперским притязаниям российской короны⁷.

Неофициально посетив Францию в 1717 году, Петр I не остался равнодушным к политической программе, воплощенной в эстетике королевских садов. Планируя перенести значительную часть публичных мероприятий на широкие просторы Невы для придания им большей масштабности, царь придавал исключительное значение визуально-зрелищным возможностям природного ландшафта. Находясь под явным впечатлением от размаха версальской резиденции, Петр I частично даже использовал планировку королевских садов при разбивке Летнего сада. Судя по описаниям современников, его южная сторона была отведена под строительство оранжереи, а широкая гладь Невы превратилась в аналог Северного партера⁸.

Топографическая роль Невы напоминала концепцию версальского Большого канала, где при Людовике XIV проходили многолюдные морские празднества стилизованного характера и скользили по водной глади уменьшенные модели лодок и кораблей, доставленные по приказу короля в 1669 году. По указу от 12 апреля 1718 года был разработан особый регламент царского катания по Неве. Преследуя цель «лучшего обучения и искусства по водам и смелости в плавании», царь распорядился раздать в пользование жителей столицы парусные и гребные суда из казны. Отказ от участия в царской прогулке считался нарушением воли государя и наказывался денежным штрафом. Прогулка начиналась от Летнего дворца в «вертограде царском» при любой погоде и завершалась после полуночи «под звуки прекрасных ноктюрнов», сопровождаемая порою несчастными случаями⁹. В интерпретации Петра I игровой компонент версальских садов, насыщенный французским изяществом и изысканностью, был превращен в прямолинейную и грубую демонстрацию исполинской силы самодержавия, играющего судьбами подданных, вынужденных перестраивать свой быт и образ мышления в соответствии с новой политической реальностью. Тем не менее, внешняя аура российской садовой символики быстро

приближалась к западноевропейским образцам аллегорических текстов садового декора, эстетизирующих идею абсолютности суверенной власти в политическом сознании подданных.

Рассмотренные выше общие принципы организации микромоделей политического пространства, выстроенные на основе сакрализации мотивов античной мифологии, осуществленной в контексте рационалистических идеологем Нового времени и синтезированной в садовых топосах официальных и частных резиденций, не исчерпываются приведенными примерами. Многокультурность и концептуальное разнообразие мнемонических кодов, использованных творцами садов Нового времени в качестве исходного материала для формирования мест и образов памяти, предоставляют широкие возможности для дальнейшей разработки исследовательской стратегии осмысления обозначенной проблемы в ее политико-правовом аспекте. В качестве одного из приоритетных направлений изучения официальной символики садовых топосов могло бы стать дальнейшее выявление их национальной специфики, наличие которой ни в малейшей степени не противоречит высказанному автором тезису о цивилизационном единстве их сущностной основы, объединяющей сакральное и профанное в целях поиска универсального политического абсолюта.

¹ См., например: *Hadfield M.* Gardening in Britain. London, 1960; *Вергунов А. П., Горохов В. А.* Русские сады и парки. М., 1988; *Лихачев Д. С.* Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. СПб., 1991; *Свирида И. И.* Сады Века философов в Польше. М., 1994; *Pinto J. A.* Hadrian's Villa and Its Legacy. New Haven; London, 1995; *Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2003.

² Сенека Луций Анней Младший. Нравственные письма к Луциллию. Письмо XLI // Сенека. Марк Аврелий. Наедине с собой. Симферополь. 1998. С. 79.

³ *Браччолони П.* О благородстве // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 208. Лоренцо Медичи (1395–1440) – брат Козимо Медичи Старшего, с именем которого связано начало политического возвышения торгово-банковского дома Медичи во Флоренции.

⁴ *Тучков И. И.* Genius Loci: вилла д'Эсте в Тиволи // Искусство и культура Италии эпохи Возрождения и Просвещения. М., 1997. С. 177–190; *Giagnoli R.* Тиволи. Вилла Адриана. Вилла д'Эсте. Вилла Грегориана. Tivoli, 2007. P. 49–53.

⁵ *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. I. С. 31–39; *Ленотр Ж.* Повседневная жизнь Версаля при королях. М., 2003. С. 22–29 и далее; *Уз С., Соль Б.* Versailles. Ваша прогулка по Версалю. Versailles, 2004. С. 14–17; *Свирида И. И.* Версаль в русской культуре: между реальностью и мифом // Россия и Франция XVIII–XX века. М., 2006. С. 5–41.

⁶ Манифест о вызове иностранцев в Россию. 16 апреля 1702 года // Законодательство Петра I. М., 1997 С. 535–536.

⁷ Цит. по: Малиновский К. М. Скульптура Летнего сада // Записки Якоба Штелины об изящных искусствах в России. М., 1990. Т. 2. С. 184–185.

⁸ Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. [Репринт 1914 г.]. М., 1990. С. 631–633; См. топографическое описание садов Версаля в кн.: Уг С., Соль Б. Указ соч. С. 114–156.

⁹ Князьков С. Указ. соч. С. 637–638; Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993. С. 176–181.

Т. В. Филипповская*

Межкультурные реалии и право студентов на качественное образование

Было бы абсурдным оспаривать право студента на получение качественного образования. Проблема здесь проявляется на уровне представлений о сути и условиях, обеспечивающих качественное образование студентов – будущих юристов, а также о перспективах использования зарубежного опыта в нашей, по сути своей достаточно консервативной, педагогической практике.

Особую значимость приобретает здесь межкультурный опыт организации самостоятельной работы студентов (СРС). Известно, что не всякое учение является учебной деятельностью. Так, по мнению А. К. Марковой, учение тогда становится учебной деятельностью, когда учащийся овладевает не только знаниями, но и способами их приобретения, если эти способы не даны в готовом виде, а самостоятельно строятся, осваиваются, разрабатываются учеником, если в процессе реализации способов работы со знаниями реализуются способы работы с самим собой, то есть приемы самоконтроля и самооценки¹.

Что же мешает эффективному внедрению СРС?

Первым барьером, с нашей точки зрения, являются реальные структура и объем, а также информированность студентов о сути и значимости самостоятельной работы. Анализ 102 эссе студентов 1–5 курсов, обучающихся в государственном и негосударственном вузах по социально-гуманитарным дисциплинам (и в том числе юриспруденции), позволил выявить ряд общих для многих вузов тенденций.

Студенты высоко оценивают роль самостоятельной работы в получении качественного образования. Считают, что в современных условиях целесообразно уменьшить объем часов на лекционные занятия, заменив их активными семинарами, на которых студент сможет не только осваивать теоретический материал, но и учиться формулировать, отстаивать свое мнение, связывать тео-

* **Татьяна Владимировна Филипповская** – канд. пед. наук, доцент кафедры социологии и социальной психологии УрГЭУ (г. Екатеринбург).

¹ См.: Маркова А. К., Матис Т. А., Орлов А. Б. Формирование мотивации учения. М.: Просвещение, 1990. С. 34.

ретические концепции с практикой их реализации, искать пути выхода из нормотворческих коллизий.

Обобщение мнения экспертов – преподавателей (в этой роли выступили 10 педагогов, работающих со студентами, писавшими эссе) позволило сделать вывод, что действующая в вузах система организации обучения в недостаточной мере способствует формированию у студентов навыков эффективной самостоятельной работы. При этом под понятием «эффективная самостоятельная работа» все преподаватели подразумевали разные практики. Одни считают, что качественным образованием в вузе для студентов-юристов становится в результате выполнения курсовых, дипломных работ. Другие доминантными видят занятия на факультативах, участие в деловых играх, когда студент должен применять на практике востребованные в будущей профессиональной деятельности компетенции: ораторского мастерства, работы с большими массивами информации, аргументации, ведения дискуссии в рамках цивилизованной деловой коммуникации и т. д.

Но, как выяснилось, и студенты, и преподаватели-эксперты по-разному оценивают удельный вес различных видов самостоятельной работы в формировании массива качественных знаний, умений и навыков будущего юриста. Да и сам перечень используемых форм и видов самостоятельной работы, с нашей точки зрения, представлен весьма традиционно. Здесь есть написание рефератов, курсовых работ, выполнение домашних заданий в форме конспекта, участие в конференциях и олимпиадах, деловых играх, поиск информации в системе Интернет. Однако студенты более прагматично оценивают значимость используемых видов и форм СРС. Для них написание рефератов и подготовка выступлений на семинарах с использованием системы Интернет представляется более значимым, чем для преподавателей. Большинство не имеет представления о перспективах саморазвития в процессе подготовки публикаций, личного участия в олимпиадах, конкурсах, научных исследованиях факультетов и кафедр. Более того, о направлениях научных исследований факультетов практически не информирован никто. А о направлениях научной деятельности педагогов у студентов весьма приблизительное представление. И оно конкретизируется только тогда, когда сам преподаватель рассказывает об этом на занятиях. Более того, по отзывам студентов, им хотелось бы знать о научной деятельности преподавателей больше, но такой информацией они практически не располагают.

Исходя из этого, можно представить второй барьер, мешающий активизации внедрения СРС. Он заключается в неготовности многих российских преподавателей к применению активно используемых педагогических практик

зарубежных коллег. Дело в том, что формы и методы СРС ограничены традиционными в течение многих десятилетий вузовскими практиками. Отсутствует то, что придает особую значимость самостоятельной студенческой работе: современный педагогический подход, осознанно направленный на формирование значимых в современном мире компетенций, связанных с развитием навыков анализа, синтеза, оценки и креативного потенциала будущих выпускников вуза.

Для многих преподавателей показателем эффективности СРС является объем конспекта, причем подготовленного студентом в рукописном варианте. Практически не используется такая форма заданий, как «самостоятельное составление задач, формулировка вопросов» (технология реципрокного обучения), «анализ практических ситуаций из личных повседневных и хозяйственных практик реально действующих субъектов», «презентации в режиме Power Point на семинарах». Практически нет заданий, связанных с поиском и переводом текстов из иностранных источников (за пределами программы курса изучения иностранного языка), поиском ошибочных, с точки зрения студента, положений в теоретических концепциях, противоречий теории и практики в деятельности конкретно существующих предприятий, нестандартных решений актуальных практических проблем, подготовкой к дебатам и их модификациям, и т. д.

Незначителен объем освоенных студентами заданий, носящих открыто проблемный характер («Выскажите свое мнение по..., Произошло то-то и то-то, как вы поступите и почему? Укажите «за» и «против» при выборе решения ... Дайте 10 аргументов в защиту тезиса:..., опровергающего тезис:...»). Практически не используется такой массив, как анализ и оценка с современных позиций выполненных предшествующими поколениями студентов, изучающих какой-то курс (например, за 3–5 лет), самостоятельных работ. Это – серьезное направление организации самостоятельной работы студента из опыта зарубежных коллег.

И здесь неизбежно указание на третий мотивационный барьер: отсутствие объективного регламента трудозатрат как студента, так и преподавателя для работы в инновационных условиях, связанных потребностью реализовать межкультурные реалии в практике обучения студентов. Если в планировании СРС внесен некоторый регламент, то трудозатраты преподавателя на реализацию инноваций и, главное, их дидактическую подготовку остаются нелегитимизированными. Причем с регламентом организации самостоятельной работы студентов преподаватели государственного вуза, пусть условно, но знакомы. Для преподавателей негосударственного вуза эта информация оказалась неизвестной совсем. Пример регламента представлен в таблице.

№	Виды учебных (аудиторных) работ	Коэффициент удельных затрат времени на самостоятельную работу (на 1 час аудиторной работы)
1	Лекции	0,1-0,25
2	Упражнения (практические занятия) с домашними заданиями	0,3-0,7 (с учетом выполнения домашних заданий)
3	Упражнения (практические занятия) без домашних заданий	0,2-0,4
4	Семинарские занятия	0,2-0,6 (без учета конспект. лит. источ.)
5	Лабораторные работы (с оформлением отчета в ходе аудиторных занятий)	0,15-0,25
6	Лабораторные работы (с оформлением отчета дома)	0,3-0,5
7	Подготовка к зачету	0,1-0,2
8	Написание эссе по проблемным вопросам курса, написание рефератов, аннотирование монографий и статей в периодической печати	1 час на каждую страницу текста А4 (примерно 1850 знаков, включая таблицы, схемы и рисунки)
9	Подготовка конспекта литературных источников	0,2 часа на каждую страницу
10	Подготовка к контрольной работе или коллоквиуму, иной контрольной точке, проводимой в том числе по балльно-рейтинговой системе	2 часа на каждую контрольную точку
11	Перевод иностранного текста	0,6 часа на 1000 знаков

Востребованная студентами и временем, практикуемая зарубежными коллегами в организации учебного процесса, собственно процедура частичной замены фронтальных лекций и семинаров на различные формы самостоятельной работы потребует реальной перестройки процесса педагогической деятельности. А для этого придется произвести перерасчет временных затрат на работу не только с каждым студентом (при персональном консультировании), но и с каждой подгруппой 4–6 человек, на которые неизбежно придется разбить коллективы студенческих групп для выполнения «командных» заданий СРС.

Например, трудозатраты зарубежных коллег, прежде всего, в расчете учебной нагрузки регламентируются следующим образом². Здесь у членов факультета, работающих полный день, нет четкого расписания по количеству часов. Но они должны исполнять следующие обязанности:

1. Преподаватель низшего ранга (инструктор) должен проводить 15 кредитов за семестр («кредит» – зачетная единица в вы-

² Режим доступа: <http://www.ndu.edu.lb/administration/VP/faculty/workload.htm>

сшем учебном заведении; как правило, количество кредитов за курс равно количеству аудиторных занятий в неделю в течение семестра: 1 аудиторное занятие в неделю – 1 «кредит» за курс, 2 аудиторных занятия – 2 «кредита», и т. д.) и работать в офисе как минимум один час за три семестровых кредита в неделю.

2. Преподаватель (лектор) обязан проводить 12 кредитов за семестр и как минимум один час работать в офисе за каждые три кредита своей преподавательской нагрузки. В дополнение он должен активно проявлять себя в сфере своей специализации и участвовать в жизни университета.

3. Старший преподаватель обязан проводить 12 кредитов за семестр и как минимум один час работать в офисе за каждые три кредита своей преподавательской нагрузки. В дополнение, он так же как и преподаватель, должен активно проявлять себя в сфере своей специализации и участвовать в жизни университета.

4. Доцент обязан проводить 12 кредитов за семестр и 9 за второй семестр текущего года, адъюнкт-профессор (доцент) обязан проводить 9 кредитов за семестр, профессор обязан проводить 9 кредитов за семестр и 6 за второй семестр текущего года. Все они должны как минимум один час работать в офисе за каждые три кредита своей преподавательской нагрузки. В дополнение обязаны активно проявлять себя в сфере своей специализации, включая исследования и публикации, а также принимать активное участие в жизни университета.

По утвержденному регламенту, любому преподавателю на факультете, не занимающему административную должность и не находящемуся в отпуске, может быть назначено от одного до пяти дополнительных кредитов в семестр, с учетом того, что эти занятия не отразятся негативно на его основной деятельности. Количество сверхурочных кредитов преподавателям, уже имеющим полную университетскую занятость, не должно превышать 1% от общего количества кредитов. Преподаватель зарубежного университета имеет право на исследовательское время взамен 3-х семестровых кредитов с сохранением обычного оклада. Это время может быть предоставлено только ректором по причинам важности и уникальности исследовательского проекта, который должен быть одобрен исследовательским комитетом. По окончании семестра преподаватель должен предоставить письменный отчет со всеми прилагающимися документами, касающимися прогресса в исследовательской работе. В случае получения одобрения со стороны коллег, преподаватель имеет право продлить исследовательское время еще на один семестр, но не более. В случае продления исследовательского времени более чем на два семестра, преподаватель должен снова подать заявление на обычных основаниях.

Мы же пока отмечаем, что подготовка студентов-юристов весьма специфична. И регламент, общий для большинства коллег, преподающих социально-гуманитарные дисциплины, здесь не всегда можно реализовать. Об этом аргументированно говорит Т. В. Свистунова³. Автор отмечает, что нельзя не видеть, что нормы времени, установленные как министерством, так и вузом на отдельные виды работы преподавателя, ведущего юридические дисциплины, явно занижены по сравнению с теми неизбежными затратами времени, которые будут, если работу делать качественно. К таким видам работ Т. В. Свистунова относит следующие:

1. Подготовка к лекционным занятиям. Специальность «Юриспруденция» относится к числу тех, которые информационно перегружены. Идет сплошной поток законодательных актов, по одним и тем же вопросам в короткое время один закон сменяется другим, активно вносятся изменения и дополнения в действующие законы. Издают свои нормативные акты Президент и Правительство. Активно занимаются нормотворчеством министерства и ведомства. Новизна нормативных актов, нередко существующие в них пробелы, порой и противоречия между ними порождают проблемы в правоприменении. Преподаватель должен овладеть информацией о правоприменительной практике, и прежде всего судебной, использовать ее в лекциях. При таком объеме информации фактические затраты времени на подготовку по всем видам лекций будут несоизмеримы по сравнению с нормативными. Подготовка качественных лекций по юридическим дисциплинам в настоящее время возможна в большей мере за счет личного времени преподавателя, что нельзя оценить как оптимальную форму организации труда преподавателей со стороны управляющей системы.

2. Руководство курсовыми работами студентов специальности «Юриспруденция». Норма времени ограничена 1,5–2 часами. Такая норма времени на руководство курсовой работой по юридическим дисциплинам не дает возможности преподавателю обеспечить качественное руководство.

Действительно, требования к курсовой работе студента-юриста направлены на формирование и развитие умений и навыков научной работы, толкования правовых норм, поиска информации, ее анализа и обобщения в правоприменительной практике, юридического мышления, обработку юридического стиля изложения, само-

³ Свистунова Т. В. Некоторые аспекты обеспечения качества подготовки студентов специальности «Юриспруденция» // Юридическое образование, наука, практика: Взаимодействие и перспективы: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003. С. 66–72.

стоятельности и творчества студента. Студент нуждается в систематической помощи руководителя. Это не только неоднократные встречи, но и проверка, оценка всех видов студенческих работ при написании курсовой. Сюда входят проверка и оценка объема источников, структуры работы, проверка черновики, как по частям, так и в целом, и др. В результате на практике преподаватель, качественно исполняющий свои обязанности, затрачивает на фактическое руководство каждой курсовой работой не менее 8–12 часов, и уже, как правило, за счет своего свободного времени. То же касается и подготовки совместных со студентом научных публикаций, студенческих выступлений на олимпиадах и конкурсах и пр.

Качество обучения здесь вступает в прямую корреляцию с желанием и возможностью преподавателя тратить свое свободное время безвозмездно. И здесь параллельно встает задача изменения подхода к распределению аудиторного фонда в вузах, технологического обеспечения рабочего места каждого преподавателя и т. д. Кроме этого, актуализируется задача разработки мотивирующих тарифов оплаты труда практиков, ценность учебных контактов с которыми возрастает вне зависимости от их «остепенности», и многое другое. Только преодоление указанных нами барьеров позволит отойти от традиционных форм СРС и начать реальное обновление сути и результатов педагогического процесса обучения студентов-юристов в вузе.

Понятие, природа и развитие категории права публичной собственности в России и зарубежных странах

Институту права публичной собственности в юридической науке всегда уделялось большое внимание. В правовых системах европейских государств XIX века, в том числе в России, были предложены теоретические подходы к определению данного понятия, которые соответствовали историческим тенденциям развития формирующегося капиталистического общества. В советский период созданная учеными теория права государственной социалистической собственности соответствовала административно-командной экономической системе и на протяжении всего существования советского государства применялась на практике. Однако с переходом к рыночной экономике эта теория не нашла своего отражения в современном законодательстве, что обусловило новый интерес к указанной проблематике. В настоящее время правовой институт отношений публичной собственности еще недостаточно регламентирован законодателем, поэтому цивилистические исследования в данном направлении сохраняют свою актуальность.

Законодательство стран континентальной Европы о праве собственности имеет единый исторический источник – римское частное право, в котором в качестве самостоятельного объекта правоотношений выступали так называемые публичные вещи, составляющие предмет общего обладания (*res publicae*), правовой режим данных объектов определялся нормами публичного права. Для обозначения вещей, принадлежащих частному лицу, применялась категория *res privatae*. В зависимости от своего назначения объекты *res publicae* распадались на несколько категорий:

- вещи, находящиеся в общественном (публичном) пользовании, которые эксплуатируются всеми членами общества (реки, порты, дороги, театры и т. п.);

* **Наталья Юрьевна Чельшева** – канд. юр. наук, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин УрЮИ МВД России (г. Нижний Тагил).

- вещи, служащие специфическим целям государства и изъятые из непосредственного пользования граждан (казна, военное снаряжение и т. п.);

- вещи, являющиеся объектом коммерческой деятельности государства (земля)¹.

Вещи первой категории, предназначенные для постоянного общего пользования, не были включены в гражданский оборот. Оборота вещей последующих категорий, предназначенных для постоянного расходования на общественные нужды, был регламентирован нормами гражданского права².

Данный механизм, разработанный древнеримскими юристами, явился прообразом современной концепции права публичной собственности, применяемой в европейском праве. В зависимости от значимости объекта для общества в действующем законодательстве Испании, Португалии, Франции М. И. Кулагин выделял две формы реализации права собственности публично-правового образования³. К первой форме реализации относятся правоотношения публичной собственности, объектом которых выступает имущество, признаваемое законодателем «национальным достоянием». Объекты национального достояния принадлежат на праве собственности исключительно государству, не подлежат отчуждению, не могут быть предметом гражданского оборота. Обычно к данной категории отнесены территориальные воды, морские берега, ценные полезные ископаемые и т. п. По общему правилу, объекты национального достояния могут быть использованы только на общее благо, что чаще всего отражено в нормах конституционного права.

Ко второй форме реализации относятся правоотношения публичной собственности, объектом которых является оборотоспособное имущество, правовой режим которого закреплен в нормах гражданского права без учета специфики правового статуса публичного собственника.

В дореволюционной русской правовой доктрине многие исследователи предлагали дифференцировать объекты права собственности государства в зависимости от их назначения на две категории. Г. Ф. Шершеневич предлагал разделять все государственное имущество на казенные вещи и вещи общественные. В отношении

¹ См.: *Дождев Д. Р.* Римское частное право: учебник для вузов. М.: Инфра-М-Норма, 1996. С. 305.

² См.: *Муромцев С. А.* Гражданское право Древнего Рима. М.: Статут, 2003. С. 597.

³ *Кулагин М. И.* Предпринимательство и право: опыт Запада // М. И. Кулагин. Избранные труды по акционерному и торговому праву. 2-е изд., испр. М.: Статут (Классика российской цивилистики), 2004. С. 272.

казенных вещей государство приравнивается к частному лицу и вправе исключить иных лиц от пользования ими (земли, крепости, военные орудия). Общественные вещи, хотя и принадлежат государству, но предоставлены в общее пользование всех граждан ввиду значительного культурного интереса, который они представляют (дороги, реки, музеи)⁴.

Другого мнения придерживался В. И. Синайский, писавший, что отдельные объекты государственного имущества (дороги, площади) по своему назначению могут служить непосредственно общественно полезным целям, в связи с чем в отношении них законом устанавливаются некоторые ограничения «в интересах общего пользования», но при этом данные объекты не составляют особого вида объектов права государственной собственности⁵.

Центральное место в научных дискуссиях советского периода занимал анализ экономической природы собственности государства, основополагающим сущностным признаком которой признавалось отношение коллектива советских граждан к государственному имуществу как к своему⁶. Однако уже тогда данный подход в науке оценивался критически. С. М. Корнеев считал, что в социально-экономическом смысле собственником государственной (общенародной) собственности является народ, но субъектом права государственной собственности является государство⁷. Б. Б. Черепяхин писал, что понятие «достояние республики» не должно быть отождествляемо с государственной собственностью. Данный термин отмечает лишь общегосударственное значение подобного рода объектов и обусловленное им установление государственного надзора за их использованием⁸.

Пережив на отечественном историческом опыте отрицательные стороны социалистического строя, нельзя забывать и о его некоторых положительных факторах. Как отмечает М. В. Власова, в социалистический период собственность являлась всенародным достоянием – то есть общим достоянием всего народа, а государство как представитель народа выступало в роли управляющего

⁴ Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. С. 148.

⁵ Синайский В. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. С. 138.

⁶ См., например: Васильев Ю. С. Право государственной социалистической собственности. М., 1984. С. 18–19.

⁷ Корнеев С. М. Право государственной социалистической собственности в СССР. М., 1964. С. 89–95.

⁸ Черепяхин Б. Б. Первоначальные способы приобретения собственности по действующему праву // Б. Б. Черепяхин. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 76–77.

этим достоянием⁹. Как выразитель интересов социалистического общества, государство было заинтересовано в поддержании статуса великой державы. Тридцатые годы XX века ознаменовались для СССР строительством новых предприятий, становлением новых отраслей индустрии. По справедливому замечанию М. В. Власовой, негативная сущность современной российской приватизации заключается в том, что в ее процессе в собственность отдельных лиц переходит то, что раньше было собственностью всего советского народа, а не советского государства как самостоятельного обособленного от общества субъекта гражданско-правовых отношений.

В настоящее время Е. А. Суханов утверждает, что участниками публичной собственности как экономической категории являются все члены общества как «совладельцы» (в экономическом смысле) материальных благ. В правовых отношениях, напротив, имущество государства всегда обособленно от имущества иных лиц¹⁰. Как справедливо отмечает В. Г. Голубцов, имущество, отнесенное законодателем к объектам исключительной государственной собственности, имеет особый правовой статус, правомочия государства относительно этого имущества имеют специальный характер, но в то же время это должны быть конструкции, известные гражданскому праву¹¹.

По указанию Конституционного Суда РФ, в федеральном законодательстве термин «достояние» применяется преимущественно в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть важность и уникальность определенных объектов (природных ресурсов, культурных, исторических, археологических ценностей, животного мира, информационных ресурсов) и тем самым установить для собственника дополнительные ограничения в интересах общества. При этом собственниками данных объектов могут быть как публично-правовые образования, так и физические и юридические лица. Народ в качестве субъекта права собственности выступать не может. В то же время, согласно ч. 1 ст. 9 Конституции РФ, народ может быть субъектом общественных отношений, в которых тот или иной объект объявляется как его достояние, как основа его жизни и

⁹ Власова М. В. Право собственности и социальная справедливость в процессе развития российской государственности // История государства и права. 2002. № 1. С. 55.

¹⁰ Суханов Е. А. Лекции о праве собственности. М., 1991. С. 62.

¹¹ Голубцов В. Г. Сочетание публичных и частных начал в регулировании вещных отношений с участием государства. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 136.

деятельности¹². Из сказанного следует, что обязательным исходным условием для приобретения права собственности, как и любого другого субъективного права, является наличие гражданской правосубъектности. Народ, общество, гражданское население и иная подобная структурированная совокупность частных лиц, проживающих на определенной территории, не является субъектом гражданского права, а следовательно, юридически не может быть собственником. Таким образом, общественные отношения национального достояния, участником которых признается народ в целом, не являются правовыми.

При этом следует отметить, что многие авторы предлагают закрепить в законодательстве России участие народа в решении вопросов относительно публичного имущества (например, приватизация предприятий энергетической отрасли, отрасли народного хозяйства) в виде референдумов, опросов, собраний и иных форм совместного волеизъявления¹³. Данные предложения носят справедливый характер. До настоящего времени в России отсутствует правовой механизм определения юридической судьбы социально-значимых объектов, обеспечивающий защиту интересов как общества в целом, так и его отдельных членов. Кроме этого, в законодательстве отсутствуют критерии, согласно которым тот или иной объект следует признать общественным достоянием, что зачастую позволяет изымать из общественного пользования и передавать в собственность частных лиц, а также менять назначение таких объектов, которые по своей социально-экономической сущности должны являться объектами исключительно права публичной собственности.

¹² См.: Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ В. О. Лучина к Постановлению Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции республики Алтай и Федерального Закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.

¹³ См.: Морозова Л. А. «Государство и собственность (Проблемы межотраслевого института)» // Государство и право. 1996. № 12. С. 20–21; Камалов О. А. Гражданская правосубъектность муниципальных образований: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2002. С. 14.

Д. С. Шистеров*

Коммерческое обозначение в российском гражданском праве и международном частном праве как элемент межкультурного взаимодействия

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы и открывают возможность прямого действия и применения правил международного договора к соответствующим общественным отношениям. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Участие РФ наравне с другими странами в международных договорах, конвенциях и организациях для достижения лучших результатов в решении наиболее важных вопросов для государств и мирового сообщества в целом является одним из примеров межкультурного взаимодействия в праве.

В СССР, а затем в России термин «коммерческое обозначение» был известен из статьи 2 (VIII) Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности, от 14 июня 1967 года (далее – Конвенция, учреждающая ВОИС), где в качестве объекта интеллектуальной собственности наряду с фирменным наименованием (*nom commercial, trade name*) указано коммерческое обозначение (*denomination commercial, commercial name*)¹.

В настоящее время в РФ институт коммерческого обозначения регулируется нормами ч. IV ГК РФ, которая вступила в силу с 01.01.2008 г. Само понятие коммерческого обозначения в нормах Ч. IV ГК РФ не раскрыто, а указаны только признаки, которым данный институт должен соответствовать.

Важным следует отметить, что с вступлением в силу ч. IV ГК РФ произошел ряд изменений, касающихся использования тер-

* **Дмитрий Сергеевич Шистеров** – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ См.: Еременко В. И. Правовое регулирование коммерческих обозначений в соответствии с частью четвертой ГК РФ // Законодательство и экономика. 2008. № 4. С. 5–10.

мина «коммерческое обозначение», а именно в п. 2 ст. 132 ГК РФ, содержащей основные признаки предприятия как объекта прав. В данной статье слова «фирменное наименование» заменены словами «коммерческое обозначение». Также в новой ст. 559 ГК РФ, нормах которой регулируется договор продажи предприятия, термин «фирменное наименование» отсутствует.

На мой взгляд, данные изменения носят положительный характер, поскольку фирменное наименование не входит в состав имущества предприятия как объекта гражданских прав и, следовательно, не может быть отчуждено.

Исходя из вышесказанного можно сделать следующий вывод: участие РФ, в частности, в указанной международной конвенции повлекло возникновение в правовой системе нового элемента – «коммерческое обозначение». Что указывает на положительное развитие внутренней правовой системы и соответствие ее нормам международного права.

В современном международном частном праве объекты авторского и патентного права стали объединяться в одну общую группу, получившую наименование «интеллектуальная собственность». Это связано с заключением Стокгольмской конвенции 1967 года, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС). Согласно ст. 2 Конвенции интеллектуальная собственность включает права, относящиеся, в том числе, к фирменным наименованиям, коммерческим обозначениям; защите против недобросовестной конкуренции, а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях². За рубежом институт коммерческого обозначения развивался как дополнение к институту фирменного наименования.

Если фирменное наименование было отражено в универсальном международном договоре еще в конце XIX в. (Ст. 1, 8, 9 Парижской конвенции), то упоминание о коммерческом обозначении появилось в Конвенции, учреждающей ВОИС, в 1967 году, и только лишь в статье 2 (VIII).

В законодательстве и судебной практике государств с развитым правопорядком коммерческое обозначение известно под различными названиями: например, вывеска (в Испании, Италии, Португалии, Франции), вымышленное или официальное наименование (в США), вторичный символ (в Финляндии, Швеции).

Если в отношении фирменных наименований в отдельных странах приняты специальные законы, то в сфере правовой охраны ком-

² См.: *Богуславский М. М.* Международное частное право: Учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005.

мерческих обозначений такие законы отсутствуют. Основная особенность коммерческих обозначений заключается в том, что они не подлежат регистрации и территориальная сфера их действия ограничена местом нахождения торгового предприятия, то есть они имеют локальный характер, дополнительное к фирменному наименованию значение³.

В настоящее время большинство промышленно развитых стран располагает национальными законами о товарных знаках. Так, в Германии действует Закон о товарных знаках 1994 года, устанавливающий правовую охрану для всех обозначений, которые могут быть представлены в виде букв, чисел, слов, имен, рисунков, звуков, трехмерных изображений форм товаров или цветовой гаммы и которые позволяют отличить товары одного производителя от товаров других производителей. Законом также регулируются вопросы правовой охраны незарегистрированных товарных знаков и фирменных наименований, названий публикаций и географических наименований.

Во Франции действует Закон о Кодексе интеллектуальной собственности Франции 1994 года (Т. VII: Товарные знаки, знаки обслуживания и другие отличительные обозначения), согласно которому правовая охрана предоставляется различным наименованиям (слова, комбинации слов, имена, географические названия, псевдонимы, буквы, цифры, аббревиатуры), слышимым обозначениям (звуки, музыкальные фразы), изобразительным обозначениям (рисунки, ярлыки, этикетки, печати, кромки, клейма, рельефы, голограммы, девизы, собирательные образы; форма, в особенности форма предмета или его упаковка, либо форма, позволяющая отличать услуги; расположение, комбинация или оттенки цветов).

В Великобритании действует Закон о товарных знаках 1994 года, пришедший на смену Закону 1938 года, в США – Закон о товарных знаках 1995 года, в Швейцарии – Закон о товарных знаках 1993 года⁴.

Подводя итог, отмечу, что в международном частном праве, на примере рассмотренных стран, термин «коммерческое обозначение» также является новым, его понятие не закреплено в законах.

В современной отечественной цивилистике существует мнение об ошибочности употребления в русском тексте Конвенции тер-

³ См.: *Еременко В. И.* Правовое регулирование коммерческих обозначений в соответствии с частью четвертой ГК РФ // Законодательство и экономика. 2008. № 4. С. 5–10.

⁴ См.: *Городов О. А.* Право на средства индивидуализации: товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, фирменные наименования, коммерческие обозначения. М.: Волтерс Клувер, 2006.

мина «фирменное наименование». Дело в том, что словосочетания «*le nom commercial*» (фр.) и «*trade name*» (англ.) из французской и английской версий Конвенции соответственно означают в законодательстве соответствующих зарубежных стран не что иное, как средство индивидуализации бизнеса (предприятия), то есть никак не фирменное наименование, а коммерческое обозначение, каким в настоящее время его знает отечественный законодатель⁵.

В другом краеугольном международном договоре – Стокгольмской конвенции об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности 1967 года – используются понятия «*noms commerciaux et dénominations commerciales*» (фр.) и «*commercial names and designations*» (англ.), которые переведены на русский язык как «фирменные наименования и коммерческие обозначения». Однако заметим, что в Стокгольмской конвенции, так же как и в Парижской, не упоминаются понимаемые во французском, английском и американском праве как аналог нашего фирменного наименования термины «*dénomination sociale*», «*company's name*» или «*corporate name*». То есть нормы Конвенции имеют предмет своего внимания только коммерческие обозначения, что опять же ставит вопрос о правильности употребления в российском тексте Конвенции понятия «фирменное наименование»⁶.

Таким образом, категория «коммерческое обозначение», упоминаясь в законодательствах различных стран, выступает как элемент межкультурного правового взаимодействия государств, что оказывает влияние на формирование законодательств, развитие правовых систем государств.

⁵ См.: *Шишкин Д. А.* Соотношения фирменного наименования и коммерческого обозначения // Российская юстиция. 2008. № 6. С. 5–8.

⁶ Там же.

Д. А. Ягофаров*, О. А. Колоткина**

Культура прав человека в современном юридическом дискурсе

Обсуждение всякой научной или практически значимой темы в идеале должно быть (служить) примером дискуссионной (дискурсивной) культуры, исключающей, по меньшей мере, использование принципа «сам такой». Это может быть, и даже должно быть отнесено к обсуждению многочисленных граней правозащитной проблематики в современный период. Обратим внимание лишь на две органически взаимосвязанные между собой грани, имеющие, на наш взгляд, исключительно важное значение как для осмысления и обсуждения самой проблематики, так и (что особенно существенно) для выработки научно-практических рекомендаций по корректировке (если не решительному изменению) стратегии и тактики, да и в целом *культуры правозащитного движения* в современных условиях.

Во-первых, речь идет о необходимости повышения степени научности обсуждения различных социально-практических проблем правозащитной проблематики. Это имеет особое значение для правозащитного дискурса в рамках более широкого дискурсивного поля – юридического. Становится, а точнее, уже стало понятным для всех, в том числе и – подчеркнем – для самих правозащитников, что что-то в этом дискурсе следует поменять. Достаточно привести в качестве если не аргумента, то примера, слова Д. Драгунского, высказанные им в статье «Большой правозащитный софизм» в одном из знаковых для каждого представителя правозащитного движения изданий: «Права человека – это отнюдь не универсальная ценность. Именно в качестве универсальной ценности они наиболее уязвимы» [Неприкосновенный запас. 2006. № 1 (045). С. 026]. Иными словами, приходит (а на наш взгляд, уже пришло) время, когда дискурс о правах человека должен приобрести действительно научный облик, превратиться из досужих многочисленных и мало к

* *Дамир Асхатович Ягофаров* – канд. юр. наук, доцент кафедры теории государства и права УрГЮА (г. Екатеринбург).

** *Оксана Анатольевна Колоткина* – аспирант Гуманитарного ун-та, ст. преподаватель кафедры теории государства и права, конституционного и международного права Уральского ин-та коммерции и права (г. Екатеринбург).

чему и кого (в том числе власть) обязывающих дискуссий в нормальный и результативный профессиональный дискурс. Пространство подлинно профессионального и, тем самым, культурно обоснованного юридического дискурса и может и должно дать такие возможности.

Во-вторых, существующая дискурсивная практика правозащитной тематики достигла того клишированного, стереотипного уровня, когда ни слова, ни личности самих правозащитников (либо тех, кто носит тогу правозащитника) уже не вызывают у людей не то чтобы душевного (и духовного) волнения, как это было еще в недавнем прошлом, не то чтобы они служили стимулом к проявлению какой-то особой социально-политической и правовой активности гражданами (не говорим уже здесь о массах), для которых в общем-то и живут, и «работают» правозащитники, но все чаще они не вызывают к себе хотя бы минимальное доверие. Правозащитные клише и штампы («жертвы репрессий», «тоталитарный режим», «беззаконие», а то и «коммуняки...») стали едва ли не основным, в сущности, рекламным (PR-овским) средством пропаганды собственной востребованности. Но и здесь мы встречаемся с ситуацией, когда эти штампы лишней раз демонстрируют либо полную юридическую неподготовленность адептов «классического» правозащитного движения, либо лукавую (умышленную или неосторожную) односторонность в использовании правового инструментария в своей аргументации. Как точно подметил А. Верховский в статье «Российские правозащитники и тема угрозы безопасности» [С. 005–012 в уже упомянутом источнике], «правозащитники традиционно усматривают свою задачу в защите человека от незаконных репрессий и иных злоупотреблений со стороны государства, а не от любого зла» [С. 005]. Это с одной стороны. С другой стороны, для правозащитников, демонстрирующих «чистоту» своих помыслов, важно поддержать политические (чаще и прежде всего), моральные, религиозные взгляды жертв государственных репрессий. И снова прав А. Верховский: «Нужно снова и снова объяснять, что защита жертв нарушения прав человека обусловлена защитой самих этих прав, а не поддержкой взглядов жертв» [Там же. С. 006]. И действительно, как часто здесь мы встречаемся уже не просто с юридической некомпетентностью, но хуже – с преднамеренным (бывают, конечно, и ситуации заблуждения) искажением подлинного смысла правозащитной миссии.

Остановимся на этих двух моментах подробнее. Однако это требует хотя бы краткого обращения к теме дискурса вообще и юридического дискурса в частности.

Категория «дискурс» – современный и достаточно быстро и широко распространяющийся инструмент философского и научного

познания. Сравнительно молодая биография дискурса во многом объясняет и многозначность этого термина, и отсутствие, тем самым, единого, общего и удовлетворяющего притязаниям различных наук определения понятия данного познавательного инструментария. Это относится и к тому, что принято обозначать как «юридический дискурс».

Жанр юридического дискурса может быть интерпретирован как текст права в динамике, то есть в процессе его толкования (уяснения и разъяснения). Это позволяет говорить о том, что такой дискурс является интегральным, поскольку включает в себя дискурсы *различных институтов*, определенным образом реагирующих на социальную ситуацию, и тем самым конструирующим данную проблему. Это находит свое отражение в инструментализации разнообразных юридических категорий, выражающих собой актуальные в бытийном отношении социально-значимые проблемы («норма», «закон», «преступление», «вина» и т. д.). К числу таких категорий, выражающих специфику политико-правового, морального, психологического и иных дискурсивных пространств, относится и категория «права человека».

Содержание дискурса прав человека как сегментарного по отношению к юридическому дискурсу – сложное, многоаспектное, многослойное. Дискурсивными *привязками* могут выступать самые разнообразные смысловые орбиты, в пределах которых ведутся суждения, – от аргументации дискурсивных позиций относительно генезиса естественно-правовых представлений о сущности и природе прав человека до юридического содержания самих этих прав, характеристики соотношения понятий «права человека» и «субъективное право» и др. Каждый такого рода смысловой пласт обеспечивает возможность просто вести дискурсивный диа(поли)лог с другими участниками дискурса. Главное здесь – демонстрация своего представления относительно дискурсивного предмета без императивного навязывания такого представления. При этом следует учитывать, что подобная демонстрация предполагает хотя бы поверхностное (идеально – глубокое) знакомство с соответствующими социально-культурными практиками.

Определение смысловых сегментов проблематики прав человека в рамках современного юридического дискурса отражает социальную остроту (актуальность) этих сегментов. Подходы здесь могут быть разными, обычно формально правильными, но очень часто стереотипными, клишированными, хрестоматийными... Именно в этом плане было бы обоснованным и своевременным обратиться к юридико-дискурсивной характеристике *права личности на безопасность* – права, более чем когда и со всей очевидностью нуждающегося в наше время в несомненной актуали-

зации. По нашему убеждению, в настоящее время исключительно важными и своевременными привязками к обсуждению правозащитной темы в рамках юридического дискурса (в первую очередь в теоретико-правовом и конституционно-правовом его срезах) можно признать положения (позиции), которые могут быть сведены к следующему.

- Право личности на безопасность следует признать универсальным, фундаментальным правом, таким правовым институтом, который должен получить конституционное закрепление, особое государственно-общественное признание и эффективное юридическое обеспечение.

Как это ни покажется удивительным, но в нашей Конституции практически отсутствует норма, специально посвященная защите безопасности личности. В сущности, даже само право личности на безопасность оказывается «вне закона (Основного)». И это в эпоху глобализации, которая, как отмечалось, проникает – тотально проникает! – во все поры мирового сообщества. И здесь весьма кстати будет привести небольшую, но очень важную в поле настоящего дискурса выдержку из лекции одного из основателей движения «Новых правых», современного французского философа Алена де Бенуа, прочитанной им на социологическом факультете МГУ 24 ноября 2008 года. Говоря о глобализации, философ выделяет пять ее главных признаков-явлений-процессов:

- индивидуализация как процесс, противоположный некой общности и единению, в котором на первое место выходит индивидуум;
- процесс массификации, означающий стирание различий в культурном плане и принятие всеми стандартизированного образа жизни;
- процесс десакрализации, то есть отказ от фундаментальных метафизических систем в пользу чисто научного толкования мира;
- рационализация образа жизни и доминирование «инструментального разума»;
- универсализация, то есть распространение в планетарном масштабе одних и тех же ценностей и систем мышления.

Главное в глобализации, говорит Бенуа, что все сводится к экономическим ценностям, а сам человек сводится к определению «производитель-потребитель».

Очевидно, что каждый пункт можно охарактеризовать с точки зрения посягательства его на безопасность и человека и общества в целом. Но это ли не опасность, которой человечество, человек как таковой не могут не сопротивляться, не могут допустить попадания в железные тиски информационного – постиндустриального – общества, когда приходится возвращаться в эпоху неолитической революции?

- Право личности на безопасность – это не только право на безопасные условия труда (Ч. 3 ст. 37 Конституции РФ). Это и не заявление (в сущности, мимоходом), что в целях безопасности граждан их права и свободы могут быть ограничены федеральным законом (Ч. 1 ст. 56). И тема, и само право человека (личности) на безопасность должны быть заявлены безусловно, громко и четко, ибо безопасность есть то, что может служить в наше время средством *гармонизации интересов* всех главных, но не противостоящих, а взаимодополняющих и взаимно обеспечивающих друг друга субъектов социума – *человека, государства, общества*. Именно право личности на безопасность в современных условиях глобализации является универсальным фундаментальным правом, аккумулирующим в себе иные права и свободы. При этом, разумеется, и саму безопасность личности, и право ее (личности) на безопасность следует рассматривать в широком смысле, а не только и даже не столько как безопасность от посягательств государства на жизнь, свободу, неприкосновенность и т. д. данной личности. Речь идет уже о безопасности, которая может и даже должна быть ограничена в интересах не только отдельно взятого индивида, а в интересах общества и того же государства. Более того, забывается то обстоятельство, что безопасность личность может эффективно обеспечить государство (и, тем самым, общество), если они сами находятся (могут и умеют обеспечить) в безопасности от самого разного вида опасностей и угроз – от международного характера до национальных, внутригосударственных. Казалось бы, это банально, но пока еще сохраняются стереотипы (и, признаться, во многом справедливые с прагматической, рационалистической точки зрения), что безопасность личности всегда оказывается вторичной по отношению к общественной и тем более государственной безопасности. Но ведь именно в этом и состоит научная и практическая проблема, которую сегодня нужно решать, но не ором, а на медиативном (примиренческом, согласительном) уровне. Однако «рафинированные» правозащитники (авторы просят извинить за данный термин, но он все же очень точен) на этой струне нередко пытаются сыграть симфонию неприятия всего государственно-общественно-коллективного. Верно заметил С. Смирнов, что «бескомпромиссный правозащитник, который отстаивает свою идеальную конструкцию, не учитывает чужие мнения и не пытается анализировать проблему с точки зрения поиска решения-баланса, превращается в трибуна-индивидуалиста. Он постепенно переходит от защиты прав людей к защите своего представления о том, как жить этим людям. Такой «миссионер» лишается понимания, а значит, автоматически, поддержки общества [Указ ист. С. 018]. Схожая ситуация, когда такой правозащитник начинает указывать

государству, как надо действовать в той или иной ситуации, особенно ситуации, связанной с состоянием и обеспечением безопасности в той или иной области.

• И понятие права личности на безопасность, и сама категория «безопасность» занимают в юридическом дискурсе свое особое место. О конституционных аспектах уже было сказано. В продолжение этой темы мы можем утверждать, что наступает время (или даже уже наступило), когда на конституционном уровне уже пора придать праву на безопасность особый социально-правовой статус, что потребует внесения в Конституцию соответствующих поправок и дополнений. Политические и юридические возможности для этого сегодня уже имеются.

• Еще один аспект юридического осмысления проблематики права личности на безопасность связан с характеристикой особого вида правоотношений, складывающихся в сфере безопасности, субъективного права как элемента содержания таких правоотношений, специфики структуры данного субъективного права, юридических механизмов обеспечения права личности на безопасность, правовой характеристикой различного рода опасностей, угроз и рисков, которые неизменно возникают перед самой личностью и субъектами нормотворческой, правоприменительной и иных видов правовой деятельности.

Как можно видеть, в настоящее время «классическая» правозащитная идеология, соответствующие ей риторика и практика уже не в состоянии разрешить громадный массив проблем, возникающих в этой области. Здесь востребован уже потенциал современной правовой науки, без чего правозащитная проблематика в целом и в особенности проблемы содержания и обеспечения права личности на безопасность останутся на нынешнем малоэффективном уровне.

Д. А. Ягофаров*, И. Д. Ягофарова**

Некоторые аспекты культуры интерпретации соотношения свободы и права

Многогранность и значимость культуры понимания и толкования соотношения и взаимодействия феноменов свободы и права закономерно ведут к расширению круга исследовательских задач в плане разновекторности рассмотрения соотношения соответствующих понятий. Выделим и обратим внимание лишь на два методологических вектора такого анализа такого отношения.

1. Обращение уже в самом общем плане к зарубежной и отечественной политико-правовой мысли прошлого и современности дает немало обоснованных поводов для того общего суждения, что весь ход познания природы, сущности, структурно-динамических и иных характеристик права как социального регулятора так или иначе, но всегда детерминирован познанием и оценкой феномена человеческой свободы. То, что понимание права в разные эпохи зиждилось на попытках поиска его природы не только в свободе человека, но и в феноменах справедливости, равенства, культуры, гуманизма, морали и иных социальных ценностях и т. д., не только не умаляет, но, напротив, повышает значимость раскрытия сущности права именно через свободу. Как заметил Гегель, «всемирная история есть необходимое только из понятия свободы духа, развитие моментов разума, и тем самым самосознания и свободы духа...»¹. Другими словами, прогресс человечества есть прогресс в культуре осознания своей свободы, прежде всего духовной, как объективной необходимости. Иное дело, что развитие научных представлений, прежде всего философских и политических учений, о свободе как части философии природы, духа и действия человека в каждый исторический период связано с его особенностями, нрав-

* *Дамир Асхатович Ягофаров* – канд. юр. наук, доцент кафедры теории государства и права УрГЮА (г. Екатеринбург).

** *Инара Дамировна Ягофарова* – канд. юр. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства, конституционного и международного права Уральского ин-та коммерции и права (г. Екатеринбург).

¹ *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М., 1990. С. 370.

ственным состоянием общества, его мышлением². И в этом смысле категория «свобода» действительно аккумулирует в себе все иные социальные ценности – справедливость, равенство, право, мораль, обычаи и т. д., определяя одновременно их существенные характеристики и параметры социального и психологического свойства.

Помня гегелевское замечание, можно видеть, что развитие человечества сопровождалось постепенной «привязкой» свободы к различным факторам сознания и бытия общества – к силе, принуждению, власти, духу, поведению, – всему тому, что опосредует духовную и материальную, коллективную и индивидуальную жизнь людей.

Такая «привязка» приобрела особые черты в соотношении свободы и права. Специфика отношения «право – свобода», представляя собой с точки зрения формальной логики много-многозначное соответствие³, состоит в том, что оно значительно богаче смысловыми дискурсами, чем понятийные дихотомические пары «право – неправое» и «свобода – несвобода». Как право может быть познано в своем сущностном отношении посредством обращения к свободе, для упорядочения (то есть ограничения в различных измерениях) которой оно (право) и существует, так и познание свободы как таковой объективно невозможно без учета и возможности, и необходимости ее ограничения различными социальными регуляторами.

Множество и разнообразие мер (средств и способов) ограничения свободы обуславливают возможность и необходимость их классификации по самым различным основаниям в зависимости от: природы их происхождения (естественные, искусственные, смешанные); природы социальных норм, выступающих ограничителями свободы (обычаи, традиции, нравственные, религиозные, политические, правовые нормы; особое место здесь занимают технические, экономические, экологические нормы и нормативы); срока действия ограничения (срочные (временные), бессрочные (постоянные или длительного действия)); степени «жесткости» ограничения (жесткие, гибкие); характера ограничения (прямые, опосредованные); субъектов выработки и применения ограничительных мер (общественные и/или государственные институты, институты международного сообщества, должностные лица, вообще любые властители и т. д.); форм и средств выражения и реализации (обязанности, дозволения, запреты, требования, условия и т. п.) и др. Среди всех существующих мер ограничения свободы одним из основных ограничителей является право.

² См.: Баглай М. В. Дорога к свободе. М., 1994. С. 8, 9.

³ См.: Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 353.

История философской и правовой мысли содержит значительное количество предположений, суждений, теорий соотношений права и свободы. Обобщая имеющийся материал, во-первых, обращаем внимание, что в контексте соотношения права и свободы связующим элементом между ними выступает категория «мера», и, во-вторых, можно сформулировать два основных смысловых среза соотношения категорий «право», «свобода» и «мера»:

1) право есть мера свободы (мера в данном случае понимается в ее абстрактном измерении (С. С. Алексеев⁴, В. П. Малахов⁵);

2) право как специфическая социально-нормативная система, содержащая в себе множество разнообразных средств и способов (мер), с помощью которых осуществляется объективно обусловленное и необходимое нормативное ограничение свободы правового поведения различных субъектов правовых отношений (А. Ф. Черданцев⁶, Д. И. Дедов⁷).

Большинство представителей обоих подходов солидарны относительно того, что ограничения свободы правом существуют, с одной стороны, объективно, с другой – они необходимы по различным причинам; различие между ними состоит лишь в методологических и ценностных подходах к категориям «право» и «свобода» и их соотношению.

2. Другой методологический подход к анализу соотношения категорий права и свободы недостаточно отчетливо отражен в современной литературе. Между тем, на наш взгляд, значимость его исключительно велика, поскольку он связан с одним из аспектов понимания свободы в контексте соотношения ее с равенством, трактуемым как выражением социальной справедливости. То, что в поле демократической институционализации современного социума это обстоятельство приобретает, и не только для нашей страны, особое звучание, более чем очевидно, хотя об этом «не принято», надо полагать, до поры до времени, активно дискутировать, по крайней мере в языке официальной политики и правовой практики.

На этот момент обратил внимание весьма удачно и, на наш взгляд, достаточно своевременно известный исследователь политико-правовых и философских проблем прошлого и современности И. А. Исаев в своей последней работе «Господство. Очерки поли-

⁴ Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 22.

⁵ Малахов В. П. Философия права. Екатеринбург, 2002. С. 179.

⁶ Мудрость юриспруденции (Краткая латинская фразеология) / Сост. и комм. А. Ф. Черданцев. Екатеринбург, 1996. С. 40.

⁷ Дедов Д. И. Соразмерность ограничения свободы предпринимательства. М., 2002. С. 151.

тической философии». Рассматривая соотношение равенства и свободы, он, прослеживая генезис становления этих категорий в трудах Аристотеля, А. де Токвиля, Р. Арона, Ш. Монтескье и других столпов политико-правового либерализма, обна-руживает не только и не столько противопоставление равенства и свободы, сколько, особенно в условиях демократически организованного общества, *активное противостояние* равенства и свободы («равенство против свободы»⁸). Не вдаваясь во всю эту интереснейшую и сложную политико-философскую и философско-правовую проблематику, обратим внимание только на ту сторону, о которой нередко предпочитают не говорить (или, по крайней мере, молчат) приверженцы нелиберального толка. Дело в том, что свобода, трактуемая как справедливость, выраженная в социальном равенстве, имеющем правовую (законодательную, главным образом) форму своего реального бытия, проявляется не только в том, что она (свобода) соотносится с сознанием и волей «просто» граждан («простых людей»), как принято выражаться в языке не только бытовой, но официальной политической риторики). Нужно иметь в виду, и на этот момент верно указывает И. А. Исаев, что при демократическом правлении свобода требует, чтобы, с одной стороны, народом как можно меньше действий осуществлялось по приказанию власти, а с другой, – чтобы никакое лицо (группа лиц) не располагало бы правом и возможностью приказывать другим исходя из ощущения своего превосходства над другими субъектами⁹. Трудно возразить, казалось бы, против такой постановки вопроса: действительно, носители власти не могут, не должны использовать свою свободу как инструмент реализации своего «законного права» на выработку и контроль (надзор) своих властных решений. Однако, мы добавили бы, что при том же демократическом устройении жизни социума и властереализации, мягко говоря, нецелесообразно исходить из принципа, что свобода волеизъявления может и должна быть присуща только подвластным, рядовым гражданам, поскольку именно эти свободные граждане в своей совокупности и образуют, следуя преобладающей пока трактовке, гражданское общество. Другими словами, лишая ощущения свободы и самого факта свободного волеизъявления в соответствии со своими ощущениями, социально или личностно значимыми интересами и целями (задачами) своего внешнего активного волеизъявления обладателя и/или носителя властных полномочий, будет, и с точки зрения социальной справедливости, и с позиций правового (нормативного) равенства, не-

⁸ Исаев И. А. Господство. Очерки политической философии. М.: НОРМА, 2008. С. 142 и след.

⁹ Там же. С. 143.

рационально, если вообще можно так говорить. Иначе говоря, идеально организованная система демократического правления и может и обязана найти оптимальные средства и способы обеспечения баланса распределения свободы и ее правовых форм (прежде всего, в виде соответствующих наборов субъективных прав и юридических обязанностей) объективации среди различных субъектов. То, что среди такого инструментария особое место должны занять контрольно-надзорные средства и методы, используемые по обе стороны оптимума, вряд ли нужно дополнительно аргументировать. Но, во всяком случае, перекосы в ту или иную сторону в таком соотношении от состояния гармонии (оптимальной меры соотношения) рано или поздно приведут к социальному бифуркационному эффекту, последствия которого невозможно предсказать.

Раздел второй

**Экономика Урала
в мультикультурном мире**

Рынок труда в условиях мультикультуральности региона: миграционный аспект

Мультикультуральность характерна для современного общества в условиях глобализации экономических систем. По этой причине, полагаем, необходимо не только принимать это явление как данность, но способствовать эффективному взаимодействию культур и народов для достижения социально-экономического эффекта в развитии региона.

Кросскультурные взаимодействия имеют не только негативный оттенок, проявляющийся в форме взаимной агрессии, межэтнических конфликтов и других социально неблагоприятных явлений. Гораздо большую пользу приносят положительные стороны данного процесса. Так, именно в процессе межкультурного взаимодействия возможна выработка новых способов ведения хозяйства. Обмен опытом зачастую обогащает культуры.

Остановимся на миграционных тенденциях, характерных для рынка труда, подчеркнув значимость межкультурного взаимодействия в ходе выполнения трудовых обязательств.

В этом направлении предлагаем ввести систему распределения вакансий на рынке труда следующим образом: распределять трудовых мигрантов по отраслям в зависимости от качества выполняемой работы с учетом культурных особенностей. Замечено, что в процессе трудовой деятельности наличие определенных национальных особенностей позволяет более эффективно справляться с поставленными задачами. Например, если бригада рабочих из Киргизии успешно справляется с работами по монтажу путей, то закрепить за ними этот сегмент рынка труда и предоставлять им прерогативное право на занятие этим видом деятельности в последующий период. Аналогично – с гастарбайтерами из других регионов, в случае, если наметилась тенденция к эффективному выполнению той или иной услуги или формы трудовой деятельности у определенной социальной группы, определяемой по разным критериям (половозрастной состав, национальная принадлежность, на-

* *Мария Евгеньевна Барсукова* – аспирант Байкальского государственного ун-та экономики и права (г. Иркутск).

личие членства в определенных некоммерческих и иных организациях, занимающихся отдельным видом деятельности и т. д.).

Такого рода оценку предлагается проводить в ходе подачи заявок от работодателей и проведения тестов на предрасположенность к тому или иному виду занятости. В некоторой степени подобные портфолио трудовых мигрантов позволят облегчить задачу по распределению участков работы на рынке труда. Таким образом, предлагается развивать не только профессиональных и высококвалифицированных сотрудников, но и тех лиц, которые предрасположены к осуществлению того или иного вида работ в силу своих трудовых навыков, личностных качеств, индивидуальных особенностей и интересов. Такой подход к трудовой деятельности позволит значительно расширить степень применения знаний, умений, навыков и элементов творчества в процессе развития рынка труда.

Здесь же можно говорить о возникновении креативности при перепрофилировании с выполнения одного вида деятельности на другой. Так, при смене места работы индивид становится более крепким в психологическом смысле, осознает, что переход из одной сферы деятельности в другую идет на пользу его персональному развитию, а соответственно и карьерному росту не только в рамках отдельной профессии, но в более широком плане. Рынок труда в этом случае выигрывает, поскольку основной его элемент – кадровый потенциал – становится сильным, конкурентоспособным, а значит качественным товаром. Такого рода предложение актуально для трудовых мигрантов вообще, поскольку любой индивид вне зависимости от того, гастарбайтер он или местный соискатель, в любом случае подвержен психологическим воздействиям.

Еще одним звеном экономической эффективности может послужить психологическая составляющая эмоционального настроения трудового мигранта в условиях мультикультуральности, зависящая от следующих факторов:

- отношения со стороны местного населения;
- поддержки друзей и знакомых, родственников;
- психологической атмосферы на работе, отношений с коллегами.

Небезызвестен тот факт, что от настроения работника зависит его работоспособность, а значит поддерживать его на должном уровне – задача не только отдельно взятого работника или коллектива, но каждого из жителей местного сообщества.

Гуманизм по отношению друг к другу, гостеприимное отношение к трудовым мигрантам – все это создает благоприятный климат не только в сфере человеческого общения, но способствует повышению качества выполняемой работы, а значит является оче-

редным шагом на пути к повышению экономической эффективности от использования труда работников-, как достаточно сложное явление, требует особой внимательности, поскольку от того, насколько грамотно применится этот феномен на рынке труда, зависит получение того или иного результата.

Трудовая миграция обычно обусловлена неравномерным размещением трудовых ресурсов по континентам, регионам, странам, образованием излишней рабочей силы в результате несбалансированности в некоторых из них рабочей силы с наличием рабочих мест, а также стремлением людей выполнять более легкую и гигиеническую работу, получать более высокую заработную плату, извлекать прибыль и т. д.

В странах с рыночной экономикой интенсивность миграционных процессов отражает уровень социально-экономического развития страны и региона, кроме того, Конституцией Российской Федерации провозглашен принцип свободного перемещения граждан. Необходимо добиться того, чтобы миграционные процессы в Российской Федерации стали позитивным фактором, способствующим развитию экономики, улучшению демографической ситуации и обеспечению безопасности страны. Поскольку возможности по оказанию помощи мигрантам ограничены, следует сосредоточить усилия государства на устранении препятствий для самообустройства мигрантов, на всемерной поддержке их инициативы и самостоятельности.

За последние годы в Российской Федерации усилилась экономическая, трудовая миграция. Россия в целом заинтересована в этой миграции, поскольку существует явная демографическая тенденция к снижению численности населения и миграция в какой-то мере восполняет постоянные потери населения.

На данном этапе развития экономических отношений важно не только принимать мигрантов как неотъемлемый элемент развития рынка труда, но осознанно привлекать и способствовать их адаптации. Мультикультуральное сообщество в этом смысле способно значительно облегчить поставленные задачи.

А. Г. Боровских*

Инвестиционная стратегия как основа деятельности предприятия

Инвестиции являются необходимым фактором развития страны, региона, предприятия. Однако сами по себе инвестиции не являются достаточным фактором успешного развития. Важно, как прогнозируются и планируются инвестиции, как организуется инвестиционный процесс, куда территориально направляются инвестиции, на какие цели и во что вкладываются, кто является инвестором и кто реализует проект [См.: 1].

Поэтому успешность инвестиционных решений зависит не столько от тщательности проработки их деталей на уровне конкретных проектов и программ, сколько от генеральной линии инвестиционной деятельности, вычерченной с учетом значимых факторов, влияющих на достижение конечной цели и решение поставленных задач. В этом случае возникает уверенность, что ограниченные ресурсы не будут растрочены впустую при отсутствии координации их использования. Речь идет о стратегии инвестирования.

Успешное развитие предприятия невозможно без грамотно разработанной инвестиционной стратегии. Она определяет приоритеты инвестиционной деятельности, характер формирования инвестиционных ресурсов и последовательность достижения долгосрочных инвестиционных целей, обеспечивающих общее развитие компании.

Инвестиционная стратегия компании представляет собой систему долгосрочных целей инвестиционной деятельности организации, определяемых общими задачами ее развития и инвестиционной идеологией, а также выбор наиболее эффективных путей их достижения. Таким образом, инвестиционную стратегию можно определить и как генеральное направление инвестиционной деятельности, следование которому в долгосрочной перспективе должно привести к достижению инвестиционных целей и получению ожидаемого инвестиционного эффекта [См.: 3].

Необходимость разработки инвестиционной стратегии предприятия определяется изменениями условий внешней и внутренней среды. Эффективно управлять инвестициями возможно только при

* *Анна Григорьевна Боровских* – финансовый менеджер ООО «Трест СКМ» (г. Екатеринбург).

наличии инвестиционной стратегии, адаптированной к возможным изменениям факторов внешней инвестиционной среды, иначе инвестиционные решения отдельных подразделений предприятия могут противоречить друг другу, что будет снижать эффективность деятельности [См.: 2].

Актуальность инвестиционной стратегии можно проиллюстрировать перечислением тех задач, которые данная стратегия решает в рамках обеспечения эффективного развития организации:

- обеспечивает механизм реализации долгосрочных общих и инвестиционных целей предстоящего экономического и социального развития компании в целом и отдельных ее структурных единиц;
- позволяет реально оценивать инвестиционные возможности компании в процессе изменения факторов внешней среды и осуществлять активное маневрирование инвестиционными ресурсами;
- предусматривает возможные вариации развития неконтролируемых факторов внешней инвестиционной среды и позволяет свести к минимуму их негативные последствия;
- обеспечивает четкую взаимосвязь стратегического, текущего и оперативного управления инвестиционной деятельностью;
- формулирует значение основных критериев оценки и выбора реальных инвестиционных проектов и финансовых инструментов инвестирования [См.: 3].

Таким образом, разработка инвестиционной стратегии представляет собой обширный творческий процесс, включающий постановку целей инвестиционной деятельности, определение ее приоритетных направлений и форм, оптимизацию структуры формируемых инвестиционных ресурсов и их распределения, выработку инвестиционной политики по наиболее важным аспектам инвестиционной деятельности, поддержание взаимоотношений с внешней инвестиционной средой [См.: 4].

Процесс разработки инвестиционной стратегии предприятия складывается из следующих этапов:

- 1) определение общего периода формирования инвестиционной стратегии;
- 2) формирование стратегических целей инвестиционной деятельности;
- 3) обоснование стратегических направлений и форм инвестиционной деятельности;
- 4) определение стратегических направлений формирования инвестиционных ресурсов;
- 5) оценка результативности разработанной инвестиционной стратегии.

Разработанная инвестиционная стратегия предприятия является первым этапом процесса стратегического управления инвестиционной деятельностью предприятия. Такая стратегия ложится в основу тактического (текущего) управления инвестиционной деятельностью путем формирования инвестиционного портфеля предприятия. В свою очередь тактическое управление является базой оперативного управления инвестиционной деятельностью путем реализации отдельных реальных инвестиционных проектов и реструктуризации портфеля финансовых инструментов [См.: 3].

Таким образом, рассмотренные теоретические аспекты являются базой для формирования инвестиционной стратегии конкретного предприятия, с учетом специфики его деятельности, сильных и слабых сторон, а также возможностей и угроз внешнего окружения.

Литература

1. *Корчагин Ю. А.* Инвестиционная стратегия. – Ростов н/Д: Феникс, 2006.
2. *Лахметкина Н. И.* Инвестиционная стратегия предприятия. – М.: Кнорус, 2007.
3. *Мецгер А. А.* Инвестиционная стратегия. – Екатеринбург, 2007.
4. *Шкодинский С. В.* Инвестиционная стратегия. – М.: Экзамен, 2008.

Маркетинговый подход к регулированию рынка труда в условиях мультикультурного общества

Потребность в изменении методов и форм работы по оказанию социально значимых услуг населению, включая профессиональное обучение и трудоустройство, объясняет обращение к маркетинговым технологиям в условиях общественных трансформаций в современной России.

В контексте реформы социальной сферы разработка и применение маркетинга направлены на более полное и эффективное обеспечение потребностей граждан той или иной территории в образовании, социальном и пенсионном обеспечении, трудоустройстве, управлении конкретным муниципальным образованием, обеспечении личной безопасности и защиты личных имущественных и немущественных прав, реализации и развитии гражданских прав и свобод, научном знании, сохранении и укреплении здоровья, саморазвитии и других ценностях, имеющих общественное значение.

Важнейшим сегментом общего муниципального рынка выступает рынок труда, который рассматривается как система отношений, складывающихся между работодателем и наемным работником по поводу спроса и предложения рабочей силы и ее воспроизводства, обеспечивающих процесс непрерывного общественного развития. На муниципальном уровне роль маркетинга в системе управления рынком труда заключается в поддержании соответствия спроса и предложения рабочей силы в конкретных условиях территории (муниципального образования), то есть в решении следующих задач: 1) оперативное изучение и анализ конъюнктуры спроса на рабочую силу и предложение рабочих мест для формирования трудового потенциала, соответствующего по своим количественным и качественным характеристикам требованиям муниципального хозяйства, региона с учетом менталитета населения; 2) обеспечение территории необходимыми кадрами из различных источников, в том числе и за счет межмуниципального (межрегионального) перераспределения; 3) выявление ориентации населения

* *Ольга Аркадьевна Дурандина* – канд. экон. наук, завотделением экономики Уральского ин-та практической психологии (г. Екатеринбург).

при выборе сферы занятости и места работы; 4) обеспечение эффективной и динамичной занятости населения (обучение, переобучение, трудоустройство высвобождаемых работников и незанятых граждан, нуждающихся в трудоустройстве).

Важно отметить, что регулирование занятости в направлении сбалансированности спроса и предложения рабочей силы и предупреждения массовой безработицы предполагает два достаточно самостоятельных направления деятельности местных органов власти: воздействие на спрос рабочей силы и ее предложение. Таким образом, исходным условием регулирования занятости является организация и проведение маркетинга муниципального рынка труда, поскольку именно в этом направлении формируются основные комплексы мер по улучшению общей ситуации в сфере обеспечения занятости населения конкретного муниципального образования и, как следствие, укрепления трудовых основ формирования доходов населения. Важным фактором занятости также должна стать способность городской (муниципальной) службы занятости населения формировать структуру учебной сети, которая в состоянии обработать имеющиеся трудовые потоки. Для этого требуется создание системы профессиональной подготовки и переподготовки незанятых граждан, как в учебных заведениях, так и на предприятиях, в учреждениях и организациях.

Для реализации положений политики властей на муниципальном уровне необходимо проведение следующих маркетинговых мероприятий: 1) изучение тенденций развития отраслей, представленных в муниципальном образовании своими хозяйствующими субъектами; 2) формирование условий для развития инфраструктуры цивилизованного муниципального рынка труда, включая наличие следующих необходимых субъектов: продавцов и покупателей рабочей силы, посредников (муниципальные центры занятости, агентства по найму персонала, миграционные службы, профессиональные учебные заведения и т. д.); 3) проведение мониторинга трудовых ресурсов на соотношение спроса и предложения рабочей силы; 4) выявление и формирование условий для поддержания соответствия спроса и предложения рабочей силы в конкретных условиях муниципальных образований; 5) формирование условий для притока квалифицированной рабочей силы в соответствии с имеющимся на нее спросом; 6) разрабатывать маркетинговые планы и программы по развитию рынка труда и т. д.

Следует учитывать, что рынок труда напрямую связан с рынком образовательных услуг, так как любое образовательное учреждение так или иначе выходит на рынок рабочей силы. Однако влияние рынка труда на профессиональное образование не структурировано; пока не сложились механизмы трансформации ситуа-

ции на рынке труда в формирование образовательных программ, что связано с переходным состоянием данного рынка. Это приводит к появлению диспропорций между структурой подготовки кадров и структурой спроса на них. Поэтому одним из условий устойчивого состояния развития регионального рынка труда являются исследование возможного спроса на содержание, процесс и результаты деятельности образовательных учреждений, то есть маркетинговые исследования.

Наряду с этим чрезмерная коммерциализация профессионального образования способна привести к зависимости всей системы высшего образования от платежеспособного спроса населения, что ограничивает его доступность, дестабилизирует развитие. Сейчас спрос на образовательные услуги отражает в основном интересы платежеспособного населения, однако он не способен учитывать необходимую избыточность системы образования по отношению к сиюминутным запросам рынка. Рынок в принципе не способен формировать будущий спрос на профессиональное образование вследствие ограниченности занимаемого им экономического пространства и решаемых им задач. Устойчивый интерес к услугам учреждений высшего профессионального образования без учета предложений на рынке труда объясняется, на наш взгляд тем, что у россиян сложился социальный стереотип ценности высшего образования как залога стабильного социального положения гражданина в обществе.

С другой стороны, проблема инвестирования в человеческий капитал напрямую связана с нечетким определением результатов при получении образовательной услуги, а также временной задержкой между вложением средств и получением отдачи. Все это создает инвестиционный риск, так как профессиональная подготовка слабо ориентирована на структуру спроса на рынке труда. Низкий уровень информированности абитуриентов, студентов и выпускников о состоянии и динамике рынка труда, о спросе на конкретные специальности, а также воздействие мотива «престижности», сиюминутных предпочтений при выборе специальности и возможностей трудоустройства приводят к негативным последствиям. Потребителю предлагаются профессии, но отсутствуют ориентиры, позволяющие оценить их будущую востребованность.

Лишь государство способно своевременно учитывать потребности общества в целом, в том числе необходимость подготовки специалистов нового типа, вписывать образовательную политику в структурную, инвестиционную, социальную и др. Роль государства в обеспечении пропорциональности внутри системы высшего образования и между образовательной и другими сферами обще-

ственной жизни в условиях рыночной экономики несколько не уменьшается – меняются лишь механизмы решения этой задачи.

Основными задачами использования маркетинговых технологий являются: организация работы по формированию, выявлению мотиваций, стимулированию и прогнозированию развития целевых муниципальных рынков трудовых ресурсов; сегментирование данного рынка; разработка процедур и технологий эффективного контроля и мониторинга формирования и функционирования рынка труда; осуществление кратко-, средне- и долгосрочного прогнозирования потребностей, объемов и структуры рынка трудовых ресурсов конкретного муниципального образования, а также формирование системы эффективного оперативного управления этими ресурсами и контроля за их использованием; создание комплекса маркетинга трудовых ресурсов и формирование системы управления им; разработка интегрированных маркетинговых коммуникаций для различных категорий работодателей; обоснование целесообразности и результативности формирования службы маркетинга трудовых ресурсов, ее встраивание в существующие структуры действующих органов исполнительной и представительной власти муниципальных образований; создание информационного обеспечения и анализ функционирования рынка профессионального образования и рынка труда; разработка правил и процедур, методов и подходов стратегического планирования, а также составление и реализация маркетинговых программ по развитию рынка трудовых ресурсов.

Меры по регулированию занятости населения подразделяются по объектам, направленности и по содержанию маркетингового воздействия. Так, объектами маркетинговых воздействий могут выступать население муниципального образования, отдельные группы работников, предприниматели и их группы, а также определенные элементы организации труда.

По направленности воздействия различают методы, увеличивающие (уменьшающие) спрос на рабочую силу; технологии, увеличивающие (уменьшающие) предложение на рабочую силу; методы, воздействующие на структуру спроса и структуру предложения. По содержанию маркетинговых воздействий различают воздействия экономического и административного характера. К мерам экономического характера относится поддержка экономически целесообразных рабочих мест и организация общественных работ. К воздействиям административного характера относятся снижение пенсионного возраста, уменьшение продолжительности рабочего дня и другие. Государственная служба занятости координирует решение данных проблем и осуществляет предоставление социальных услуг по трудоустройству населению муниципального образования.

Мировой финансовый кризис, реальные причины и влияние на российскую экономику

Механизм развития кризиса

03.08.2007 Телеконференция Сэма Молино, финансового директора Bear Stearns. В апреле–июне два хедж-фонда под управлением Bear Stearns потеряли все деньги инвесторов (\$1,6 млрд) на облигациях, обеспеченных высокорискованными ипотечными кредитами. *«Я в этом бизнесе уже 22 года. За это время на рынке инструментов с фиксированным доходом я еще никогда не наблюдал такой плохой ситуации»*, – заявил инвесторам Молино.

09.08.2007 Французский BNP Paribas сообщил, что приостанавливает работу трех фондов из-за неспособности оценить стоимость их активов (на тот момент – около 2 млрд евро), потому что *ликвидность с рынка секьюритизированных бумаг «полностью испарилась»*. После этого заявления фондовые рынки рухнули, а ставка однодневного LIBOR взлетела до самого высокого уровня с 2001 года в долларах и с октября 2002 года в евро. Европейский Центробанк впервые после терактов в США в 2001 году предложил банкам неограниченный кредит под 4 %; они заняли 94,84 млрд евро. ФРС добавила \$24 млрд.

Сентябрь 2007 В Великобритании впервые более чем за 100 лет вкладчики стали в массовом порядке забирать деньги из банка: оказавшийся в результате наплыва на грани банкротства Northern Rock был национализирован.

Декабрь 2007 Кризис достиг первого пика в середине декабря: банки перестали кредитовать друг друга, ЕЦБ выдал всем желающим – а их набралось 390 – кредиты на 350 млрд евро. В 2008 году ФРС начала кредитовать инвестбанки.

Январь 2008 Паника на фондовых рынках мира. ФРС продолжила снижать процентные ставки ускоренными темпами. В конце января Бен Берданке пошел на беспрецедентный шаг: за восемь дней базовая ставка была снижена на 1,25 процентного пункта.

* Александр Валерьевич Кашутин – ведущий специалист отдела клиентского бизнеса ООО «Аккорд-Инвест» (г. Екатеринбург).

Такого не было даже при Алане Гринспэне, готовом помогать рынкам снижением ставок. С сентября 2007 года по декабрь 2008 года ФРС снизила ставку с 5,25 % до 0,25 %.

Март 2008 В США ужесточаются требования к банкам. Эксперты говорили о возможном повышении процентных ставок. Американский JP Morgan Chase объявил о решении купить терпящий бедствие пятый по величине американский инвестиционный банк Bear Stearns за \$236 млн.

Лето 2008 Практически все рынки мира: фондовые, сырьевые, долговые начали стремительно снижаться, напряженность в финансовых кругах резко возросла.

Осень 2008 Крах финансовой системы США, национализация компаний, выступавших в былые годы столпами экономики.

Беспрецедентное падение фондовых, сырьевых и кредитных рынков по всему миру.

Экстренные меры по предотвращению финансово-экономического коллапса правительств всех вовлеченных в кризис стран.

Осень–зима 2008 Резкое ухудшение основных экономических показателей по всему миру (США, Европа, Латинская Америка, Япония, Азия, Тихоокеанский регион). Везде падение или резкое замедление роста ВВП и промышленного производства, рост безработицы, увеличение числа банкротств компаний реально сектора. Всех не покидает ощущение того, что этот кризис не «лечится» старыми испытанными методами.

Причины кризиса в мире

1. Стимулирование конечного спроса посредством крайне дешевых кредитов за счет эмиссии и займов в ведущих экономических державах с начала 90-х годов XX века. Огромный дисбаланс потребления и производства в развитых странах и обратный дисбаланс в развивающихся.

Скользящие средние: потребление и сбережения в США, СС, 10 лет

2. Неконтролируемый и нерегулируемый мировой финансовый сектор и долговой рынок.

3. Финансовые потоки, которые приобрели за счет многократного маржинального кредитования феноменальный размер.

Изменение мировых фондовых индексов с начала 2008 года:

	DJ	S&P 500	NASDAQ	MSCI ASIA PACIFIC	MSCI BRIC	MSCI EURO	PTC	ММВБ
10.02.09	8270,87	869,89	1591,56	8342	18293	693,96	569,14	698,68
01.01.08	8776,39	903,25	1577,03	8958	17601	663,90	631,89	619,53
С нач. 2009, %	-5,76 %	-3,69 %	0,92 %	-6,87 %	3,93%	4,53 %	-9,93 %	12,78 %
01.01.08	13 365,87	1478,49	2674,46	15 779	44 297	1326,62	2290,51	1888,8
С нач. 2008, %	-38,12 %	-41,16 %	-40,49 %	-47,13 %	-58,70 %	-47,69 %	-75,15 %	-63,01 %

Влияние финансового кризиса на российскую экономику

1. С начала 2008 года наметилась тенденция к выходу с российского рынка иностранного капитала. При этом если раньше, уходя, нерезиденты довольно быстро возвращались на отечественные рынки, то на этот раз они не вернулись, чем существенно дестабилизировали российские рынки долга и активов. Так образовалась большая группа отечественных игроков, выкупившая продажи нерезидентов на достаточно высоких уровнях.

2. С начала 2008 года ЦБ РФ последовательно ужесточал монетарную политику, для российских банков самым болезненным было существенное увеличение фондов обязательного резервирования (ФОР), что привело к росту дефицита свободных денежных средств в банковской сфере. При этом монетарные власти смотрели сквозь пальцы на огромную задолженность российской банковской системы перед нерезидентами (отрицательное сальдо на начало 2008 года около \$100 млрд).

3. На фоне разразившегося в мире финансового кризиса российские банки столкнулись в 2008 году с резким ужесточением условий кредитования за рубежом, хотя совсем недавно могли относительно легко занять внушительные суммы под невысокий процент. Таким образом, банкам нужно было отдавать свои старые кредиты, но уже не за счет новых, а за счет собственных ресурсов или привлечения денежных средств из других источников. С такой же проблемой столкнулись и другие компании, занимавшие у западных финансовых институтов. Это привело к «удорожанию» денег внутри страны и возникновению их дефицита. На помощь в экстренном порядке было вынуждено прийти правительство РФ.

4. Крайне неудачные заявления правительства относительно компании «Мечел», а также начавшийся конфликт в Южной Осетии спровоцировали массовый отток зарубежного капитала из страны и резкий рост курса доллара относительно рубля. Как оказалось впоследствии, это лишь подтолкнуло к резкому выводу капитала из страны (он и так был неизбежен, но скорее всего не в таком темпе). Так или иначе, рублевые активы в глазах иностранных инвесторов мгновенно потеряли свою привлекательность.

5. Отрицательная переоценка рублевых активов российских участников рынка (банков, инвестфондов и т. п.) повлекла дальнейшее ухудшение на всех рынках страны. Теперь для «латания возникших дыр» продавать приходилось все, что еще можно продать.

6. Все эти факторы привели к очень серьезному снижению фондовых индексов РФ и, что очень существенно, к практически полному отсутствию спроса на российские акции и другие финансовые и материальные активы.

7. В этот момент началось принудительное закрытие маржинальных (открытых на заемные деньги) позиций.

8. В облигациях существовала точно такая же схема, и объемы подобных позиций были еще больше. Не мудрено, что акции таких компаний, как Газпром, Сбербанк и ВТБ, пострадали чуть ли не сильнее всех, ведь акции именно этих компаний с удовольствием принимались в качестве обеспечения по кредитам. Обвал котировок акций вышеупомянутых компаний привел к убыточности

позиций всех управляющих, которым пришлось продавать все остальное для остановки своих убытков. В итоге происходит продажа акций по любой цене и падение на 10–40 % за день.

9. Банки, несущие огромные убытки по портфелям ценных бумаг, имеющие долги в долларах США, столкнулись с оттоком вкладчиков и неплатежами по кредитам.

10. В результате начались задержки платежей и традиционная паника вкладчиков, многие банки с тех пор были куплены более удачливыми конкурентами.

11. Процесс снижения цен на менее ликвидные, нежели акции, активы и т. п. внутри страны идет полным ходом.

И к настоящему моменту ситуация выглядит следующим образом:

Назревающий дефицит платежного баланса и бюджета страны подвиг Правительство и ЦБ на масштабную девальвацию рубля к бивалютной корзине. Одновременно в банковскую систему вливались огромные средства в рублях (более 3 трлн руб.), на которые фактически были куплены у ЦБ доллары и евро. Возник существенный дефицит рублей. В валютную гонку включились предприятия (кто вынужденно, а кто и в ущерб своей основной деятельности) и население. «Кровеносная система» экономики ощутила существенный дефицит расчетных средств. Резкое ухудшение экономических показателей не заставило себя ждать.

Е. Б. Мицек*

Формирование системы показателей эффективности логистических систем

Процессы управления и принятия решений в ЛС должны основываться на системе соответствующих показателей, отражающих эффективность функционирования этой системы. При формировании такой системы показателей должны учитываться следующие требования: актуальность, однозначность интерпретации, точность, ориентированность на получение информации с учетом основных целей логистики.

Следует заметить, что в практике финансового анализа используют два основных подхода к определению экономической эффективности хозяйственной деятельности: результативность финансово-хозяйственной деятельности измеряется либо относительно величины авансируемых ресурсов, либо относительно величины их потребления (затрат) в процессе производства. Этот подход взят нами за основу при построении системы показателей для количественной оценки экономической эффективности ЛС, которая может быть охарактеризована набором взаимосвязанных показателей (рис. 1).

Основным финансовым показателем функционирования ЛС является выручка от реализации продукции, оказания услуг (блок 1). Этот показатель учитывает и дает количественную оценку совокупному влиянию внутрипроизводственных, внешнеэкономических и социальных факторов. Для осуществления логистических операций требуются затраты ресурсов: труд персонала, занятого выполнением логистических операций (блок 2: **W** – затраты на оплату труда этой категории персонала); материальные ресурсы на создание запасов в ЛС (блок 3: **I** – среднехронологическая стоимость материальных запасов, находящихся в ЛС); часть основных производственных фондов (ОПФ), используемых для логистических операций (блок 4: **FL** – среднегодовая стоимость ОПФ, используемых для логистических операций). Использование перечисленных ресурсов находит свое отражение в показателе логистических издержек (блок 5).

* **Елена Борисовна Мицек** – канд. экон. наук, завкафедрой менеджмента и маркетинга, ст. преподаватель ф-та бизнеса и управления Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

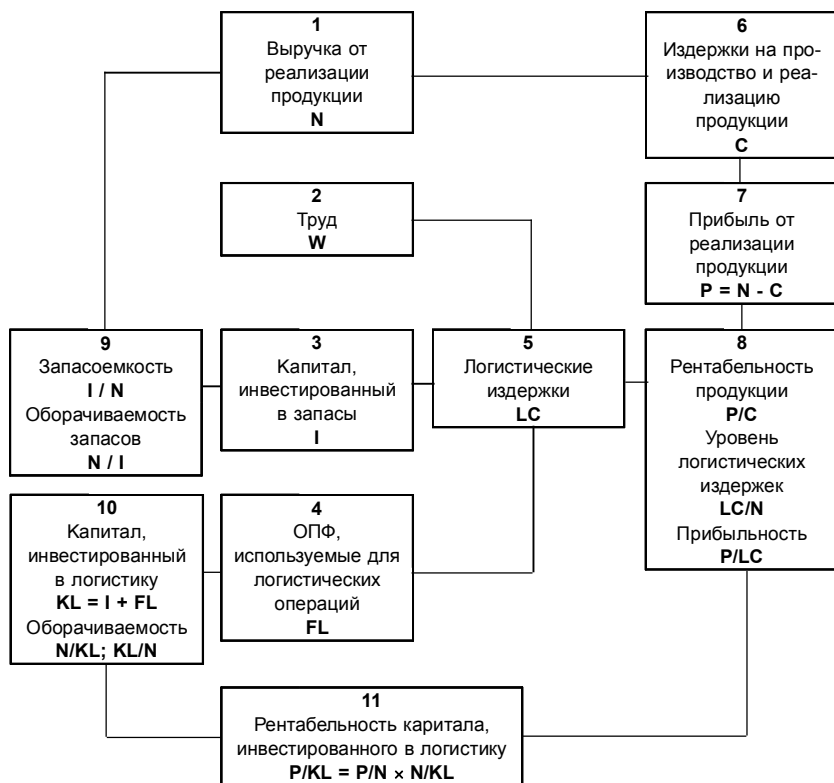

Рис. 1. Система показателей экономической эффективности логистической системы

При оценке логистических издержек необходимо учитывать, что издержки по осуществлению товародвижения можно подразделить на две группы:

- издержки, связанные с формированием и перемещением материало потока в сфере производства;
- издержки, связанные с процессом реализации продукции в сфере обращения.

Классификация логистических издержек по функциональному признаку представлена нами на рис. 2.

Издержки производства	Издержки обращения
Логистические издержки	
Транспортные издержки	
Издержки на хранение запасов:	
- стоимость капитала, инвестированного в запасы;	
- издержки на организацию заказов;	
- издержки на формирование и хранение запасов;	
- издержки "дефицита материальных ресурсов"	
Издержки по отправке товаров потребителям	
Расходы по страхованию	
Административные (накладные) расходы	
Прочие	

Рис. 2. Классификация логистических издержек

Осуществление учета логистических издержек в соответствии с предложенной классификацией представляет сложность из-за неприспособленности современных систем бухгалтерского учета к обслуживанию процесса управления материальными потоками.

Для учета полных логистических издержек целесообразно применять функциональный подход и пользоваться методами управленческого учета.

Интегрированным показателем экономической эффективности ЛС, по нашему мнению, может выступать показатель, представляющий отношение экономического эффекта, полученного в результате реализации логистической концепции, и капитала, инвестированного в логистику.

Математически этот интегрированный показатель экономической эффективности может быть представлен следующей формулой:

$$E = \frac{\sum_{i=1}^n Ri}{\sum_{i=1}^n KLi}, \quad (1)$$

где: E – интегрированный показатель экономической эффективности;

Ri – экономический эффект, полученный от внедрения логистических мероприятий в i -ой логистической подсистеме, руб.;

n – количество подсистем, выделенных в исследуемой ЛС, шт.;

KLi – средняя за период величина капитала, инвестированного в логистику, в i -ой логистической подсистеме, руб.

В качестве логистического эффекта от осуществления логистических методов управления товародвижением может рассматриваться часть выручки от реализации, полученная за счет повышения качества продукции и соответствующей надбавки в цене

товара; эффектом также может быть прирост выручки за счет повышения конкурентоспособности продукции и расширения за счет этого рынков сбыта; результатом может быть экономия текущих затрат за счет сокращения длительности логистического цикла, сокращения простоев, снижения складских и транспортных расходов. Таким образом, экономический эффект в логистической системе складывается, во-первых, за счет прироста прибыли вследствие роста выручки от реализации; во-вторых, за счет сокращения издержек на осуществление логистических операций.

$$R_i = P_i + \Delta P_i + \Delta LC_i, \quad (2)$$

где: P_i – прибыль от реализации, получаемая при базисных условиях реализации для i -ой логистической подсистемы, руб.

ΔP_i – прирост прибыли от реализации, полученной вследствие роста выручки от реализации за счет применения методов логистики в i -ой логистической подсистеме, руб;

ΔLC_i – сокращение логистических издержек в i -ой логистической подсистеме, руб.

Среднюю величину капитала, инвестированного в логистику, можно определить как среднехронологическую стоимость материальных запасов, находящихся в границах системы, и среднюю за период стоимость части средств, используемой для осуществления логистических операций.

$$K Li = P_i + FL i, \quad (3)$$

где: P_i – среднехронологическая стоимость материальных запасов в i -ой логистической подсистеме, руб.;

$FL i$ – средняя за период стоимость основных средств, используемых для логистических операций в i -ой логистической подсистеме, руб.

С учетом (2) и (3), формула (1) преобразуется в (4) следующим образом:

$$E = \frac{\sum_{i=1}^n (P_i + \Delta P_i + \Delta LC_i)}{\sum_{i=1}^n (P_i + FL i)} \quad (4)$$

При расчетах экономической эффективности ЛС весьма важным является и наличие значительного социального эффекта. Не останавливаясь подробно на этом аспекте, выделим ряд позиций, относящихся к социальному эффекту функционирования ЛС:

- создание новых рабочих мест;
- ликвидация рутинных операций;

- организация творческой и менее психологически напряженной деятельности участников логистических операций;
- обеспечение высокой культуры обслуживания потребителей и другие.

Применение рассмотренных подходов к формированию системы показателей эффективности логистических систем повысит, на наш взгляд, качество управленческих решений, будет способствовать росту отдачи от инвестиций в материальные запасы и улучшению финансовых результатов хозяйствующих субъектов.

Математическое моделирование инвестиционной активности регионов России

Авторами были проанализированы факторы, которые определяют инвестиции в основной капитал в регионах России. Эконометрические оценки осуществлялись на основе выборки, включающей 68 регионов России за 4 года. Таким образом, выборка содержит 272 точки наблюдения.

В качестве зависимой переменной рассматривалась реновация основного капитала. В качестве независимых использовались 47 переменных, включающих экономические, политические, технологические, социальные, структурные, инфраструктурные, финансовые и внешнеэкономические факторы, а также ценовые индексы.

В результате эконометрических оценок было подобрано статистически устойчивое уравнение. Оно показало, что важнейшим фактором, определяющим инвестиции в основной капитал, является фондоотдача. Оценки не дают свидетельств в пользу приоритета нефтедобывающих районов. Основной структурной переменной, которая оказывает наиболее сильное влияние на инвестиции, является доля строительства в валовом региональном продукте. Нет никаких свидетельств существенного влияния технологических факторов на инвестиции. Социальные и другие переменные слабо связаны с инвестиционными процессами.

На основе оцененного уравнения были рассчитаны нормализованные вклады каждой из переменных подобранного уравнения в вариацию зависимой переменной. Результаты этих расчетов вновь показали, что наиболее мощное влияние на реновацию основного капитала оказывает фондоотдача. Она объясняет почти $\frac{2}{3}$ вариации зависимой переменной. На втором месте по влиянию на целевую переменную стоит доля строительства в ВРП, она опреде-

* *Сергей Александрович Мицек* – д-р экон. наук, доцент, завкафедрой финансов и бухучета, декан ф-та бизнеса и управления Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

** *Елена Борисовна Мицек* – канд. экон. наук, завкафедрой менеджмента и маркетинга, ст. преподаватель ф-та бизнеса и управления Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

ляет более 20 % ее вариации. Отметим также заметное влияние (с отрицательным знаком) индекса цен производителей промышленных товаров.

Для более полной экономической интерпретации полученных результатов была разработана ранговая система региональных данных. Анализ с помощью данной системы позволил выявить наиболее и наименее активные с точки зрения инвестиций в основной капитал регионы. В первую группу попали Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская области, г. Санкт-Петербург и Краснодарский край. Во вторую – Брянская, Курганская, Псковская области и г. Москва. Москва стоит на 1-м месте в России по показателю фондоотдачи, но лишь на 16-м месте по реновации основного капитала.

Ранговый анализ показал, что регионы первой группы имеют высокую долю строительства в ВВП, высокую долю инвестиций в нежилые помещения, они мало зависят от государственной поддержки инвестиций. В регионах второй группы – прямо противоположная картина. Ранговая система также показала существенную зависимость инвестиционной активности от транспортного фактора и географического положения регионов. Это, в частности, сдерживает потенциал развития Сибирских регионов. Было также выявлено, что в ряде регионов инвестиционная активность будет сдерживаться дефицитом электроэнергии. Наиболее крупными производителями электроэнергии являются Тюменская и Иркутская области, а также Красноярский край, тогда как наибольшая инвестиционная активность имеет место в Европейской части России.

В статье делается заключение, что уровень инвестиционной активности в регионе определяется эффективностью его экономики. Следовательно, выигрывают те, кто создает наиболее благоприятные условия для развития бизнеса. Среди структурных факторов наибольшее влияние на инвестиции в основной капитал оказывает наличие строительных мощностей, но не технологическое развитие и не уровень человеческого капитала в регионе. Россия пока переживает стадию экстенсивного развития. Развитие технологий и человеческого капитала не получают адекватной инвестиционной поддержки. Инвестиции бизнеса в России имеют, к сожалению, недостаточную социальную направленность. Это особенно касается инвестиций в высшее образование. Данные не указывают на усиление роли государства в инвестиционных процессах. Основной нефтегазовый регион России – Тюменская область – не получает адекватных инвестиций. По показателю реновации основного капитала она стоит лишь на 18-м месте в России.

Инновации и инвестиции интенсивного и экстенсивного типа

В последнее время все больше внимания уделяется вопросам формирования в России инновационной экономики, что совершенно справедливо, так как это позволит уменьшить зависимость уровня и темпов социально-экономического развития страны от получаемых доходов вследствие экспорта сырьевых ресурсов. Важно также и то, что в результате этого улучшится имидж России, которую пока еще нередко отождествляют с сырьевым придатком капиталистического мира. Таким образом, в целом мировой опыт действительно свидетельствует о том, что рост инвестиций в инновационные сферы экономики способствует ускоренному развитию народнохозяйственного комплекса страны и повышению среднего уровня жизни.

Однако это только в целом, а в каждом конкретном случае вложение инвестиций в инновационные сектора далеко не всегда способствует росту прибыли и доходов – так, в фундаментальной науке известно немало случаев, когда вложение средств не только не окупалось, но и приводило к негативным результатам. Кстати, руководство России в последнее время нередко критикует различные ведомства и организации в связи с тем, что существенные инвестиции в создание нанотехнологий пока еще не дают ожидаемого результата. В этой связи совершенно справедлива постановка вопроса о том, насколько эффективны те или иные инвестиции и инновации.

Однако, на наш взгляд, в современных условиях этого недостаточно, и кроме осуществления социально-экономической оценки эффективности инвестиций и инноваций необходимо осуществлять оценку последствий внедрения инвестиций и инноваций с точки зрения их влияния на усиление процессов интенсификации общественного воспроизводства. В этой связи нами предлагается выделять инвестиции и инновации интенсивного или экстенсивного типов в зависимости от того, способствуют ли результаты их внедрения соответственно интенсификации или, наоборот, процессу экс-

* **Константин Викторович Павлов** – д-р экон. наук, профессор, завкафедрой мировой экономики Белгородского государственного ун-та (г. Белгород).

тенсификации. Важно также в общей структуре инвестиций и инноваций выделять удельный вес, долю каждой из этих двух групп. Целесообразность осуществления такого рода классификации инвестиций и инноваций во многом объясняется тем обстоятельством, что в последнее время существенно возросла актуальность использования интенсивных методов хозяйствования. Прежде всего, это связано с демографическим кризисом последних лет – как известно, на 1000 жителей России на сегодняшний день умерших приходится в 1,5 раз больше, чем родившихся (приблизительно 15 человек против 10). В этой связи осуществление мероприятий трудосберегающего направления интенсификации представляется весьма своевременным и эффективным.

В других странах могут быть актуальными и иные направления интенсификации. Так, например, в среднеазиатских странах СНГ – Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Киргизии исключительно важным являются водосберегающее направление интенсификации общественного производства. В Японии, где сравнительно немного крупных месторождений природных ресурсов, весьма актуально материалосберегающее направление интенсификации, здесь же в связи с крайне ограниченным характером земельных ресурсов большое значение имеет также землесберегающее направление интенсификации. В большинстве стран мира весьма актуально энерго- и фондосберегающее направления.

Более того, даже в разных регионах одной и той же страны актуальными могут быть разные направления интенсификации: на Дальнем Востоке и на Севере России большое значение по-прежнему имеет трудосберегающее направление, в старопромышленных регионах Урала – в Свердловской области, Удмуртской Республике, Челябинской области – крайне актуально фондосберегающее направление интенсификации. В Белгородской области, где на высоком уровне развиты металлургическая и горнодобывающая отрасли промышленности, очень эффективно осуществление мероприятий материалосберегающего направления. Таким образом, кроме выделения двух групп инвестиций и инноваций, способствующих интенсификации, в первой группе целесообразно выделить несколько групп, соответствующих разным направлениям интенсификации – трудо-, фондо-, материалосберегающему и т. д., в соответствии с региональной, отраслевой и структурной спецификой экономики той или иной страны. Напомним, что, говоря о процессах экстенсификации и интенсификации, имеются в виду два принципиально различающихся способа достижения производственной цели [См.:3]. При одном происходит количественное увеличение использования ресурса, при втором на единицу выпуска продукции при решении производственной задачи экономится ре-

сурс. Целесообразно определять поэтому интенсификацию производства как реализацию мероприятий, имеющих своим результатом экономии стоимости совокупности применяемых ресурсов. Ресурсосберегающим направлением интенсификации производства является реализация мероприятий, в результате которых экономится ресурс, например, живой труд. Таким образом, предложенный подход понимания процесса интенсификации позволяет говорить и об интенсификации производства, и об интенсификации использования отдельных факторов производства, не отождествляя эти понятия.

Интенсификация общественного производства является одной из важнейших тенденций развития мировой экономики. Особенно эта тенденция проявляется в развитых капиталистических странах. Это объясняется тем обстоятельством, что интенсификация, важнейшим фактором которой является научно-технический прогресс, является обязательным условием и материально-технической основой существенного повышения социально-экономической эффективности и ускорения темпов развития народно-хозяйственного комплекса страны. Интенсификация производства является также одним из важнейших факторов повышения конкурентоспособности отечественной продукции [См.:1].

Действительно, в современных условиях именно наукоемкие технологии – роботизация, биотехнология, электронно-вычислительная техника позволяют достигать высоких стандартов, уровня и качества жизни. Достаточно сказать, что Япония, не имеющая сколько-нибудь серьезных запасов природных ресурсов, стала одной из ведущих держав мира благодаря, прежде всего, эффективному использованию научно-технического потенциала, причем далеко не только своего (как известно, Япония является крупнейшим импортером лицензий). То же самое можно сказать и про другую быстроразвивающуюся страну – Южную Корею.

Значение процесса интенсификации в связи со все более возрастающей дефицитностью невозпроизводимых природных ресурсов в обозримой перспективе еще более возрастет. Вместе с тем во многих постсоциалистических странах в последнее время темпы и уровень интенсификации производства все еще недостаточно высоки. Все это справедливо и для стран СНГ, в том числе для России и Украины. И это при том, что в советский период о необходимости всемерной интенсификации говорилось на всех уровнях общественной иерархии, в том числе и на самом высоком.

Развитие российской экономики до последнего времени преимущественно было связано с использованием экстенсивных факторов (недогруженными мощностями и незанятой рабочей силой, а также внешней конъюнктурой). Однако ускорение социально-экономического развития, намечаемое на ближайшее десятилетие,

не может основываться на весьма ограниченных по своим возможностям экстенсивных факторах. Необходимо использовать качественно новый физический и человеческий капитал, а также результаты благоприятных условий хозяйствования. Чтобы ускорить экономический рост, необходим поиск новых, устойчивых источников развития и активизация процесса интенсификации производства.

Актуальность перехода на интенсивный способ хозяйствования определяется также и тем, что в трудные годы экономического спада проблемам интенсификации не придавалось должного значения. В настоящее время, когда возникли благоприятные предпосылки развития, интенсификация предполагает вовлечение в общественное производство всего имеющегося потенциала страны и все более рационального его использования.

Раньше, в условиях плановой экономики, в России о необходимости всемерной интенсификации экономики постоянно говорили руководители всех уровней [См.: 2]. Много в этом направлении делалось: внедрялись новые технологии на предприятиях, ускоренными темпами развивались фундаментальная и прикладная наука, в стране были широко развиты изобретательство и рационализация, причем в этой деятельности наша страна занимала одно из первых мест в мире. Другое дело, что новинки у нас не всегда оперативно внедрялись, в то время как в передовых странах за любое усовершенствование на производстве специалисты получают хорошее вознаграждение. В Японии, к примеру, в фирмах существуют кружки качества, деятельность которых стимулирует проявление инновационной активности трудящихся этих фирм как с материальной, так и с моральной точек зрения.

Необходимость перехода к рыночным отношениям в стране многие специалисты объясняли также и обстоятельством, что рынок должен был еще более повысить уровень интенсификации общественного производства, главным фактором которой является НТП. Однако результат получился прямо противоположным. В последнее время не только не произошло усиления интенсивного характера производства, существенного повышения темпов его роста, но и значительно снизился уровень интенсификации. На это указывают следующие факты. Такой важный показатель интенсификации, каким является производительность труда, существенно снизился (в сельскохозяйственных предприятиях, например, за десятилетний период рыночных реформ этот показатель снизился более чем на 20 %, соответственно затраты труда на производство центнера зерна за это же время возросли с 1,6 человеко-часов до 2,4). О снижении уровня интенсификации российской экономики в переходный к рыночным отношениям период свидетельствуют и другие показатели. В последнее время почти во всех отраслях

существенно уменьшились коэффициенты обновления основных фондов. Это привело к тому, что на многих предприятиях степень их износа приближается к 100 %.

Тенденция снижения темпов интенсификации производства в условиях рыночной реформы проявляется в разных регионах страны. В итоге средний уровень технооснащенности и конкурентоспособности российской экономики еще более отделился от мировых стандартов. В целом темпы внедрения новых технологий в промышленности России в 1990-х годах резко снизились: если удельный вес предприятий и организаций, осуществляющих разработку и использование нововведений, в начале рыночных реформ превышал 16 %, то сейчас этот показатель составляет около 5 %. Особенно низка инновационная активность в сельскохозяйственном машиностроении и промышленности строительных материалов. А общая доля новой и усовершенствованной продукции составляла в последнее время лишь около 12 % от всего объема отгруженной продукции инновационно-активных предприятий.

В переходный к рынку период многие руководители об интенсификации экономики вспоминают редко, хотя именно интенсификация является по-прежнему важнейшим фактором роста социально-экономической эффективности производства и конкурентоспособности продукции. В этой связи нелишне напомнить, что основу экономического потенциала развитых стран составляют новейшие наукоемкие производства: роботизация, геноинженерия, биотехнология и т. п. Поэтому, чтобы в обозримой перспективе существенно повысить уровень и качество жизни россиян, необходимо принять срочные меры для повышения эффективности и темпов роста интенсификации производства.

Особенно это актуально для регионов с высоким инновационным потенциалом, к которым относятся, например, регионы Урала, традиционно являющиеся флагманами российского ВПК. Инновационные процессы в такого рода регионах в последнее время существенно затормозились. На предприятиях машиностроительного комплекса снизился удельный вес новых изделий в общей структуре выпускаемой ими продукции, слабо идет внедрение новых технологий, научно-исследовательских, опытно-конструкторских разработок.

Произошедшее за последнее десятилетие снижение темпов интенсификации вполне объяснимо: финансовых ресурсов часто не хватало не только на техническое обновление производства, но и на выплату заработной платы. Поскольку в последнее время ситуация в российской экономике несколько улучшилась (прежде всего, за счет благоприятной внешней конъюнктуры в отношении энергоносителей, традиционно составляющих основу российского экс-

порта), появившиеся резервы целесообразно использовать на повышение интенсификации производства, а следовательно, и роста конкурентоспособности продукции. Без этого невозможно обеспечить устойчивое развитие общества, тем более что Россия, как известно, в ближайшее время, скорее всего, вступит в ВТО, в связи с чем средний уровень конкурентоспособности российских товаров должен соответствовать мировым стандартам. Важнейшим условием ускорения процесса интенсификации является государственное регулирование экономики, осуществляемое в двух основных формах. Возможно прямое государственное финансирование или же создание льготных условий для тех предприятий, которые расширяют научно-исследовательскую деятельность, внедряют прогрессивную технику и технологию. Шире следует использовать и методы ускоренной амортизации фондов. Имеет смысл также разработать комплексно-целевую программу «Интенсификация экономики России и ее различных регионов при рыночных отношениях», в которой следует учесть отраслевые и территориальные особенности инновационного развития производства.

Для повышения уровня конкурентоспособности продукции и экономической эффективности российской экономики большое значение имеет также разработка проблем изучения влияния интенсификации производства на рост его конкурентоспособности и эффективности при рыночных отношениях. Социально-экономические процессы в условиях формирования рыночных отношений все более нестабильны и изменчивы. Неопределенность экономической среды требует качественно иного подхода к формам управления производством, в том числе процессом интенсификации. Следует отметить, что, хотя недостаточно высокий уровень интенсификации и явился одним из наиболее существенных факторов, обусловивших необходимость радикального реформирования российской экономики, анализ показал, что при переходе к рыночным отношениям темпы интенсификации значительно снизились. Это во многом связано с тем, что в процессе реформирования российской экономики на основе монетарной модели практически не учитывались особенности отечественной системы общественного воспроизводства.

Таким образом, результат получился прямо противоположный: в последнее время не только не произошло дальнейшего усиления интенсивного характера производства и повышения темпов этого процесса, но и уровень интенсификации существенно снизился. Связано это в значительной мере с разрывом хозяйственных связей, с возросшей неопределенностью экономического пространства и другими причинами. Чтобы приостановить действие данной негативной тенденции и в дальнейшем избежать еще более серьезных последствий, необходимо разработать комплекс регулирующих и

стимулирующих мер, реализация которых позволит повысить эффективность и уровень интенсификации в новых рыночных условиях хозяйствования. В этих мероприятиях должна быть учтена также отраслевая и региональная специфика.

Литература

1. *Андреев В. А., Павлов К. В.* Интенсификация общественного производства в свете институциональной теории // Общество и экономика. – 2006. – № 6. – С. 152–162.

2. *Александров Г. А.* Курсом интенсификации. – М.: Экономика, 1998. – 158 с.

3. *Павлов К. В.* Интенсификация экономики в условиях неопределенности рыночной среды. – М.: Магистр, 2007. – 271 с.

М. С. Подчиненов*

Совершенствование структуры российско-китайской торговли как антикризисная мера

В связи с мировым кризисом многие специалисты в сфере международной торговли высказываются за активизацию торговли с Китаем. По нашему мнению, стремление России в недавнем прошлом сосредоточиться на более выгодном направлении Евросоюза и наращивать постепенно в российском экспорте в ЕС долю готовой продукции не противоречило развитию китайского направления торговли, необходимо было, а теперь это является главной антикризисной задачей, выбрать правильную стратегию во взаимоотношениях с КНР. Среди основных мероприятий такой стратегии можно назвать:

- 1) развитие транспортной и приграничной инфраструктуры;
- 2) организацию в России переработки сырья с китайским участием;
- 3) стимулирование кооперации в рамках производственно-сбытовых цепочек;
- 4) внедрение эффективных инструментов поддержки экспортеров;
- 5) развитие общей системы информационной поддержки и содействие контактам бизнесменов.

1. Как показывают опросы участников российско-китайской торговли, ни существующая инфраструктура, ни скорость ее модернизации не рассчитаны на достижение оборота в 60–80 млрд долл. Поскольку на границе в любом случае будет сохраняться таможенный, санитарный и тому подобный контроль, необходима дальнейшая модернизация пограничных пунктов, расширение их пропускной способности, строительство новых складских и логистических комплексов. В качестве первого шага необходим сбор информации по всем пограничным пунктам о степени их текущей загрузки и наблюдаемой динамики с целью выбора приоритетов для инвестирования по «расшивке» узких мест.

* *Михаил Сергеевич Подчиненов* – студент 4-го курса специальности «Менеджмент организации» ф-та бизнеса и управления Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Для дальнейшего развития экспорта продукции российской обрабатывающей промышленности необходима ориентация на развитие трансграничных производственных комплексов, которая сопряжена со строительством железных и автомобильных дорог в масштабах всей южной части Дальнего Востока и Сибири. При этом, на наш взгляд, первоочередной мерой является завершение трассы Чита – Хабаровск, которая свяжет, наконец, основную часть России с Дальним Востоком. Предполагалось, что на этой трассе уже в 2006 году появится покрытие из щебеночной смеси, а к 2008 году – полноценная асфальтобетонная магистраль. Хроническое недофинансирование строительства и претензии к генеральным заказчикам привели к сильному переносу сроков, а ведь помимо общего значения для развития России эта дорога важна и тем, что в ее районе китайцы предполагают осуществить значительные инвестиции.

При любых подвижках в структуре российского экспорта в Китай роль энергоносителей будет оставаться весьма значительной. Ведь это одна из конкурентных позиций России на мировых рынках. Более того, в Сибири (особенно Восточной) существует потенциал наращивания добычи нефти и газа, которые из-за экономии на транспортных издержках и диверсификации рынков сбыта целесообразно экспортировать не в ЕС, а на Восток. В этой связи необходимо ускорить строительство трубопроводов.

2. Динамичный рост китайского рынка позволяет России наращивать экспорт переработанной продукции, не снижая поставок в Китай и исходного сырья. При этом, как показывают опросы российских предпринимателей и что признают сами китайцы, в КНР не будет создаваться препятствий для российской продукции с более высоким уровнем добавленной стоимости, особенно если в ее производстве будет задействована китайская сторона. В частности, Китай заинтересован в закупке в России таких товаров, при производстве которых осуществляется энергоемкая переработка сырья. При этом пример строительства новых ЦБК на Дальнем Востоке показывает готовность к участию китайских инвесторов.

Однако продуктивным может оказаться и организованное привлечение в Россию китайской рабочей силы. Оно решает проблему нехватки российских рабочих с необходимой трудовой этикой в тех районах, где такой дефицит наблюдается (а по опросам предпринимателей, в Сибири и на Дальнем Востоке квалифицированные и непьющие работники уже «при деле»). Китайская же сторона получает возможность смягчить собственную проблему безработицы.

3. Хотя в третьих странах прямое соперничество с КНР на большинстве товарных рынков Россия вряд ли выдержит, продук-

тивным должно стать включение России в производственно-сбытовые цепочки китайских производителей на тех стадиях создания добавленной стоимости, где отечественные компании действительно сильные, поскольку могут улучшить сбыт китайской продукции за рубежом (прежде всего в ЕС), принеся доход и российской стороне.

Особое внимание, если разбить всю производственно-сбытовую цепочку на три стадии – разработка продукта, его производство и маркетинг, необходимо обратить на поиск ниш на первой и последней стадиях. Дело в том, что наибольшее конкурентное давление в эпоху глобализации наблюдается именно на второй стадии (причем в немалой степени благодаря Китаю, где производственные издержки очень низкие)¹. Известно, что китайские компании – хорошие «имитаторы» западной продукции, но с разработкой собственных новинок у них часто возникают проблемы. Напротив, в России при меньшей дисциплинированности и больших запросах рядовых рабочих сохраняются хорошие инженерные кадры. При этом на стадиях НИОКР и разработки дизайна создается весомая доля добавленной стоимости продукции.

По-видимому, необходимо активизироваться и на стадии маркетинга, причем наибольшие шансы у России появляются на рынке Евросоюза, с которым наша страна пытается усилить интеграционные связи. В данном случае необходимо сломать стереотип, что сближение с ЕС (через скорейшую реализацию в жизнь концепции четырех «общих пространств») удалит Россию от других экономических партнеров, например, Китая. Напротив, уменьшение барьеров в российско-европейской торговле может быть использовано для развития кооперации российских и китайских производителей. Хотя Китаю удалось достичь положительного сальдо в торговле со всеми странами ЕС, он проникает главным образом в ниши, ранее занятые другими развивающимися странами, в то время как вытеснить с рынка европейских производителей более качественной продукции предприятиям КНР удается редко.

При этом государству не требуется придумывать сферы, где российский частный бизнес мог бы дополнить усилия китайских производителей по захвату зарубежных рынков. Необходимо лишь поддержать инициативы фирм, которым уже удалось «нащупать» соответствующие ниши.

4. Необходимо внедрять эффективные инструменты поддержки экспортеров, в частности, гарантирование экспортных кредитов. При этом в программу можно включить только фирмы опре-

¹ См.: *Kaplinsk R. Spreading the Gains from Globalization: What Can Be Learned from Value Chain Analysis? // IDS Working Paper. 2000. № 110.*

деленных отраслей (прежде всего высокотехнологичных для стимулирования изменения структуры российской внешней торговли) и определенного размера (исключение крупных компаний обычно объясняется стремлением избежать лоббирования). Данный инструмент особенно важен для российских предприятий, участвующих в тендерах в Китае, где требуется полная предоплата. При этом следует разработать нормативную документацию и подготовить изменения в законодательстве, связанные с созданием государственной корпорации по страхованию экспортных кредитов и инвестиций.

5. В задачу государства также входит грамотная информационная политика. При этом далеко не всегда информации об экономической среде, существующей в КНР, у россиян нет в принципе. В задачу государства входит в первую очередь координация усилий разных участников российско-китайских экономических отношений. Наиболее простым способом, на наш взгляд, является создание специального агентства, осуществляющего консалтинг с привлечением как специалистов из торгпредства, так и частных посредников.

Еще одной проблемой современных российско-китайских связей является преимущественная ориентация России на не самые развитые соседние провинции Китая. Более того, многие бизнесмены по-прежнему имеют дело не с высококлассными производителями (часто дочерними структурами западных фирм), а с предприятиями, выпускающими товары низкого качества, которые китайцам удастся сбывать только в России, где часть населения охотно покупает дешевую продукцию. В то же время содействие со стороны государства и властей отдельных субъектов Федерации в развитии контактов частных российских предпринимателей с предприятиями приморских провинций Южного и Восточного Китая может стимулировать импорт из КНР продукции, ориентированной на российский средний класс (это будет поддержано и китайской стороной). Одновременно ориентация на слои населения с довольно высоким уровнем покупательной способности позволяет «оторваться» от исключительно ценовой конкуренции и открывает возможности для кооперации российских и китайских производителей (например, в сфере адаптации китайских товаров к специфике спроса россиян).

Кроме того, необходимо оказать государственное содействие повышению практических навыков работы в китайской экономической среде у российских бизнесменов. Для этого на первом этапе необходимо расширить географию стажировок в рамках Президентской программы подготовки управленческих кадров (пока они проводятся только в различных странах ЕС и Японии). На втором этапе, поскольку это более эффективно, следует создать отдельную

программу (поездки управленцев в высокоразвитые страны все-таки призваны научить их работать в рыночной среде, что нужно и для работы в самой России, тогда как специфика торговых связей с КНР нужна далеко не всем).

Подытоживая сказанное, можно отметить, что возможностей изменить структуру российско-китайской торговли и придать связям с КНР новый характер не так уж мало. При этом от государства требуется принятие вполне посильных мер по стимулированию возникающих инициатив частных компаний, которые даже несмотря на кризис стремятся инвестировать в сотрудничество с китайскими предприятиями. Особо следует подчеркнуть, что в большинстве случаев поддержка хозяйственных отношений с КНР не вступает в противоречие с углублением экономической интеграции России и ЕС. Более того, существуют направления, где укрепление связей с КНР будет способствовать модернизации специализации России и во внешней торговле со странами ЕС.

Перспективы привлечения прямых иностранных инвестиций в Уральский регион

По ввозу капитала Уральский регион сегодня занимает достаточно скромное место среди российских регионов, несмотря на усилия руководства, направленные на улучшение инвестиционного климата для отечественных и иностранных инвесторов. В УФО разработаны и будут реализовываться проекты, которые структурированы как комплексные, направленные на развитие как добывающих, так и перерабатывающих отраслей при одновременном развитии необходимой инфраструктуры. Это позволит повысить эффективность функционирования предприятий, усилить мультипликационный эффект от реализации этих проектов для хозяйства региона. Так, в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах планируется освоение богатой ресурсной базы, на юге – в Тюменской области – будет создан крупнейший металлургический комплекс на базе Бакчарского железорудного месторождения. Уральские регионы будут постепенно избавляться от топливной специализации и сохраняют свой статус лидеров российской металлургии, химии, энергетики. Активно будет развиваться первичная переработка ресурсов, добываемых на Востоке и в Западной Сибири, причем основной объем инвестиций будет направляться на глубокую модернизацию и техническое перевооружение производств, построенных еще до революции и в советский период. Однако сегодня в экономику региона иностранные инвестиции поступают в основном в торговлю, общественное питание и так называемую общую коммерческую деятельность, а также в экспортноориентированные отрасли промышленности. Приток иностранных инвестиций в машиностроение, сельское хозяйство и производственную инфраструктуру, где острая нехватка инвестиций, невелик.

Невысокий приток иностранного капитала в экономику региона часто объясняют недостаточно хорошим инвестиционным климатом. Однако такое объяснение не будет до конца убедительным,

* *Светлана Ивановна Пономарева* – канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории УрГЭУ (г. Екатеринбург).

так как ситуация с иностранным участием, например, в валовом накоплении основного капитала в России в целом лучше, чем в некоторых странах, где инвестиционный климат благоприятнее. Более убедительным объяснением низкого притока инвестиций в Россию является осторожное отношение к иностранному капиталу всего общества и в весьма специфических и трудных для восприятия иностранцев отношениях между бизнесом и государством.

В мировой практике ввоз капитала распределяется примерно поровну между тремя его формами – прямыми инвестициями, портфельными инвестициями и ссудным капиталом. Но в России и на Урале в частный сектор иностранный капитал в основном притекает в ссудной форме, хотя прямые иностранные инвестиции (ПИИ) имеют свои неоспоримые преимущества.

С исторической точки зрения ПИИ сыграли важную роль в развитии экономической инфраструктуры европейских колоний и бывших колониальных владений. В настоящее время влияние ПИИ на экономическое положение стран-реципиентов оценивается неоднозначно. Сторонники политики привлечения ПИИ утверждают, что иностранный капитал приходит в страну в условиях относительной нехватки внутренних ресурсов и увеличивает ее инвестиционные возможности. Кроме того, его приток сопровождается внедрением новых технологий и современных стандартов ведения бизнеса, что в конечном счете способствует экономическому развитию страны на основе усиления конкуренции на внутреннем рынке.

Противники политики привлечения ПИИ обращают внимание на ее негативные последствия, часто наблюдаемые в странах-получателях иностранного капитала. В том числе они отмечают, что ТНК активно вмешиваются в законотворческие процессы в стране, склонны игнорировать ее экологическое и трудовое законодательство и полагаются главным образом на заграничных поставщиков.

Преимущества ПИИ очевидны. Исходя из положений теории отраслевых рынков можно назвать два довода в пользу осуществления ПИИ – сохранение контроля и сокращение издержек. Общеэкономическая предпосылка притока иностранного капитала заключается в возможности получения более высокого дохода за границей. Однако различия в норме прибыли на вложенный капитал не являются достаточным основанием для привлечения ПИИ. ПИИ имеют и иные существенные преимущества перед портфельными инвестициями и банковскими кредитами. Прежде всего, при портфельных инвестициях отсутствует эффективный контроль собственника над капиталом, ПИИ обеспечивают контроль инвестора над объектом размещения капитала. Благодаря ПИИ собственник капитала уменьшает вероятность его потери в результате экспро-

приации зарубежными должниками, то есть решает проблему долгового оппортунизма.

Еще одним доводом в пользу ПИИ выступает прямая экономия на издержках производства. Чаще всего сокращение внутрипроизводственных затрат происходит в рамках процесса консолидации предприятий компании при возникновении необходимых условий. Такими условиями могут быть создание экономических и торговых союзов, в том числе ШОС. Показательно, что наибольший удельный вес ПИИ приходится на страны – участницы торговых союзов. Отметим, что стимулирование ПИИ путем предоставления налоговых или экспортных льгот не считается верной политикой в долгосрочном плане. Такие льготы в лучшем случае привлекают неустойчивый капитал, а в худшем – приводят к сокращению стран с позиции максимального предоставления льгот.

Поскольку основной причиной привлечения иностранного капитала служит более высокая норма прибыли за границей, его экспорт является потенциально выгодным как для страны-экспортера, так и для страны-реципиента. Но, опасаясь экспроприации, владельцы капитала вынуждены нести расходы по его защите, которые могут быть распределены так, что страны-реципиенты окажутся в проигрыше. Поэтому экономисты подчеркивают необходимость координации национальной политики разных стран в отношении ПИИ, в частности, посредством участия в международных организациях.

О. С. Проскурякова*

Мировой кризис в отраслевом разрезе

Рост интенсивности хозяйственного и информационного обмена между отдельными регионами планеты бесспорен. Между тем взаимозависимость, которую обычно и предполагает понятие глобализации, отнюдь не очевидна. Наблюдается не столько нарастание взаимозависимости элементов мировой экономики, сколько беспрецедентный рост ее односторонней зависимости от основных центров постиндустриального мира.

На протяжении последних лет уверенно снижались цены на энергоносители и сырьевые товары, расширялись горизонты применения информационных технологий, в то время как цены на большинство видов промышленной продукции оставались относительно высокими.

Кризис продемонстрировал ограниченные возможности международных финансовых институтов, традиционно считающихся важным инструментом глобализации мировой экономики, в противостоянии негативным тенденциям.

Государство реагирует на масштабы кризиса по двум направлениям. Первое: стабилизация банковской системы (не дали обанкротиться большинству банков, работающих с населением, и одновременно защитили интересы вкладчиков, повышение уровня страхового возмещения по вкладам с 400 до 700 тысяч рублей). Второе направление – социальное (государство обязало все предприятия в режиме еженедельного мониторинга загодя сообщать о грядущих увольнениях).

Счетная палата РФ выступает за значительное снижение ставок по кредитам для российских предприятий, сообщил председатель Счетной палаты РФ Сергей Степашин. По его словам, средневзвешенные процентные ставки по кредитам в рублях для предприятий за последнее время выросли в 1,5 раза – с 13 до 19 %. «Тут, честно говоря, возникает много вопросов. Почему в большинстве стран Европы, в США, части Латинской Америки снижают ставку, а мы ее повышаем? Это большой вопрос, это вопрос стратегический. Я считаю, это важнейший вопрос, если мы реально

* *Олеся Сергеевна Проскурякова* – студентка 3-го курса специальности «Менеджмент организации» ф-та бизнеса и управления Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

хотим говорить о спасении нашей промышленности и экономики», – сказал Степашин.

Одна из принимаемых государством мер – госзакупки. Внутреннему производителю готовы платить на 25 % больше, чем иностранному. Это и есть механизм импортозамещения. Прежде всего, он касается таких отраслей, как энергомашиностроение с его высокотехнологической продукцией.

О. С. Проскурякова*

Экономический кризис и Свердловская область

2008 год отмечен многими достижениями в политической, экономической и социальной жизни Свердловской области. Экономика области на протяжении последних девяти месяцев росла очень обнадеживающими темпами, замедлившись только осенью по известным причинам глобального характера. Удалось решить многие проблемы, в том числе с увеличением энергогенерирующих мощностей, с освоением производства инновационных видов продукции глубокой переработки в разных отраслях промышленности, с увеличением объемов продукции сельского хозяйства.

Специфика области в том, что мировой кризис в наибольшей мере затронул отрасли, являющиеся базовыми для ее экономики: добыча полезных ископаемых, металлургия и машиностроение, которые в своем развитии традиционно зависят от стабильности инвестиций, включая кредитные ресурсы. Ситуацию в значительной мере могли бы смягчить меры финансовой поддержки, принимаемые на федеральном уровне. Однако федеральные средства, направленные на рефинансирование банковской системы, до реального сектора экономики не доходят либо доходят в ограниченном объеме.

Региональным и окружным подразделениям прокуратуры предстоит аккумулировать силы по надзору за предприятиями в вопросах соблюдения законодательства об оплате труда, выплат выходных пособий и обеспечения гарантий работникам, попавшим под сокращение (в том числе иностранным гражданам), своевременности выплат пенсий и пособий. Иными словами, все руководители предприятий, которые, пользуясь ситуацией, решили сократить сотрудников, уменьшить пенсионные начисления и так далее, подвергнутся жестким проверкам со стороны надзорных ведомств.

«Промышленность Свердловской области формирует 47 % валового регионального продукта, поэтому негативное влияние, оказанное кризисом на этот сектор экономики, особенно важно. Налицо замедление темпов экономического роста. По итогам 11 месяцев индекс физического объема промышленного производства снизил-

* **Олеся Сергеевна Проскурякова** – студентка 3-го курса специальности «Менеджмент организации» ф-та бизнеса и управления Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

ся до 100,3 %. Причем ситуация ухудшилась в ноябре. Объем промышленного производства в этом месяце составил 93,4 % по отношению к ноябрю 2007 года и 93,3 % к октябрю 2008 года», – отметил полномочный представитель Президента РФ Николай Винниченко.

На примере округа видно, что наибольшее замедление развития в текущем году испытали на себе обрабатывающие отрасли. На общие показатели округа, 50 % промышленной продукции которого формирует добыча углеводородов, большее влияние оказывает динамика добывающих отраслей. Тот факт, что добыча нефти и газа в кризисные месяцы снизилась очень незначительно, предопределил, что промышленное производство в округе в последние месяцы снижается медленнее, чем в целом по России.

Конечно, мировой экономический кризис сказался на предприятиях Свердловской области, но главное, что удалось нейтрализовать все негативные социальные последствия этого удара и удерживать благосостояние свердловчан на достаточно высоком уровне. Губернатор и правительство области продолжают прилагать необходимые усилия для поддержания стабильности экономики и финансов.

В банковской сфере ситуация в основном нормализовалась, и подавляющее большинство банков работают в штатном режиме; показатели работы кредитных учреждений далеки от докризисных.

Сейчас и на уровне федерации завершается процесс согласования мер, которые будут приняты в ближайшее время для поддержки нашей промышленности, – Президент и правительство России включили Свердловскую область в число регионов, которым такая поддержка будет оказана в первоочередном порядке.

Несмотря на мировой кризис, по мнению Э. Росселя, «нельзя забывать и о положительных моментах», которые несет нам будущий год. Для желающих создать малые предприятия возможности в 2009 году будут «замечательные», потому что значительно увеличивается государственная поддержка малого и среднего бизнеса – в области с учетом средств, выделяемых из федерального бюджета, она составит более одного миллиарда рублей, а на каждый рубль государственных средств малые предприниматели получают по четыре рубля из коммерческих банков. Итого – пять миллиардов рублей.

Что же касается наших предприятий сельского хозяйства, то 2009 год, по мнению губернатора, обещает стать для них «просто золотым»: «Мировой кризис ведет к переделу рынков сельхозпродукции, а мы уже весной земли сельхозназначения перераспределим в пользу тех, кто действительно хочет на них работать, производить продукцию земледелия и животноводства, получать реальную прибыль».

О. С. Проскурякова*

Демографическая ситуация на Дальнем Востоке Российской Федерации

Основной демографической характеристикой одного из наиболее значимых регионов России – Дальнего Востока – является незначительная численность населения данной территории в сравнении с ее площадью (36,4 %).

Одна из характеристик импорта китайской рабочей силы на Дальний Восток – ее квотирование. Администрациями краев и областей ежегодно фиксируется количество рабочих, необходимое для восполнения нехватки рабочей силы в данном субъекте Федерации. Однако в объемах импорта рабочей силы нет никаких закономерностей.

Те, кто работает по контрактам в строительстве, сельском хозяйстве и общественном питании, принадлежат преимущественно к низшим социальным слоям населения КНР из уездных городов. Среди них уровень неграмотности может достигать 30 % (Владивосток, Благовещенск) – 35 % (Забайкальск). Китайцы, занимающиеся торговлей, как правило, имеют среднее образование (75 %), часть из них – даже высшее (5 %).

Опросы общественного мнения показали, что большинство китайцев приезжают в Россию не из-за безработицы в КНР (16 % опрошенных), а из-за того, что в России проще, чем в Китае, заработать деньги (33 %).

Для российской экономики угроза со стороны растущего потока китайской рабочей силы заключается в следующем:

- низкое качество ввозимых потребительских товаров;
- рост преступности;
- разграбление ресурсов Дальнего Востока;
- масштабные вывозы наличной валюты;
- браконьерство на пограничных реках. Незаконный лов рыбы в период нереста и размножения осетровых рыб.

Каковы положительные аспекты китайского присутствия на Дальнем Востоке России? Среди таковых следует выделить:

* *Олеся Сергеевна Проскурякова* – студентка 3-го курса специальности «Менеджмент организации» ф-та бизнеса и управления Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

- наполнение рынка товарами ширпотреба и продуктами питания;
- заполнение вакантных рабочих мест в сферах промышленности и сервиса;
- ценовая конкуренция и удешевление товаров на местных рынках;
- китайские инвестиции в российскую недвижимость;
- наполнение федерального и местного бюджетов за счет налоговых сборов торговцев на рынках и предпринимателей, а также таможенные платежи;
- стимулирование дальневосточного турбизнеса.

Особенности миграционных процессов на Дальнем Востоке заключаются в устойчивом оттоке местного населения в центральные и западные регионы страны и замещении его внешними трудовыми мигрантами, представляющими потенциальную угрозу геополитической стабильности. Привлечение иностранных работников из государств с заведомо более низким уровнем жизни становится тормозом для социального и экономического развития России.

Т. Н. Сиротинская*

Информация и конкурентоспособность субъекта экономической деятельности

Мы живем в мире, перенасыщенном информацией, которая становится все более актуальной и дефицитной и приобретает преобразующий и определяющий характер во всех сферах человеческой деятельности.

Долгое время информация не рассматривалась учеными как экономическая категория. Ее специфичность и многообразие породило множество определений и разнообразных подходов в толковании. Именно Н. Винеру мы обязаны введением термина «информация» в широкий научный оборот. Он исходил из того, что в основе любой целенаправленной деятельности лежит информация и природа субъекта и объекта этой деятельности несущественна.

Сегодня информацию можно смело приравнять к важным ресурсам и факторам, сопровождающим любое производство и его экономический рост. На основе информации, при реальной возможности трансформирования ее в жизнь, можно планировать и реализовывать деятельность любого предприятия.

Современный этап развития экономики обусловил резкий спад потребностей в безадресной информации. Быстро растущие потребности российских предприятий в новых информационных ресурсах, вызванные естественной конкуренцией, требуют адекватных изменений в вопросах информационного обеспечения. Постоянный рост объема информации, который можно наблюдать во всех отраслях, обусловлен увеличением объемов выпускаемой продукции и услуг, используемых материалов, оборудования, увеличением количества внешних и внутренних связей экономических субъектов. Умение работать с информацией стало необходимой потребностью предприятий.

Постепенное развитие и совершенствование товарного производства, когда производителей товара стало два и более, явилось предпосылкой зарождения и дальнейшего развития конкурентной информации. При этом необходимо отметить, что в данном кон-

* **Татьяна Николаевна Сиротинская** – аспирант Гуманитарного ун-та, ведущий специалист по ИТО Уральского экономического колледжа (г. Екатеринбург).

тексте важна активная информация, касающаяся действий конкурентов, предпринимаемых на рынке. Ведь только «активная информация – бизнес-информация, являющаяся действительным фактором предпринимательской деятельности» [См.: 1] дает возможность быть успешным. Конкурентная информация должна обладать рядом следующих важных свойств: доступностью, достоверностью, актуальностью, полнотой, уникальностью, ясностью, приоритетностью.

Главным свойством информации в разрезе информационного обеспечения конкуренции будет ее достоверность и актуальность. Достоверная информация помогает руководству принять правильное стратегическое решение. Не менее важна актуальность, учитывающая динамизм конкуренции.

Высокая скорость получения конкурентной информации, ее эффективный анализ, проведенный с опережением своих противников, дает преимущества в обеспечении конкурентоспособности предприятия.

Запросы покупателей на те или иные товары и услуги имеют тенденции к постоянному изменению. Своевременное осознание потребности покупателя в том или ином товаре или услуге, которые будут более востребованы в будущем, делает это предприятие пионером во владении конкурентной информацией. «В стране постепенно выросло поколение предпринимателей, способных достигать успеха не за счет махинаций или «хапка» ..., а путем верного предвидения того, какой именно товар или услуга по-настоящему нужны рынку ... и людям»[2]. Быть первым на рынке – шанс предприятия получить большую прибыль.

Рынок и его структуры стали главным информационным источником в конкуренции. Чтобы получить прибыль, предприятию требуется более пристальное изучение своих противников через информацию о рынке товаров и услуг, которая выходит на передний план, становясь одной из главных составляющих конкурентной информации. Сбор, систематизация, анализ и использование информации о ресурсах, намерениях и слабостях конкурентов в конкурентной борьбе может косвенно или напрямую стать причиной изменения ситуации на рынке как сегодня, так и завтра.

Необходим комплексный подход по созданию единого информационного пространства рынка, в процессе которого должны принимать участие как коммерческие, так и государственные структуры. При решении такой ключевой проблемы информация, накопленная в рамках этой системы, позволила бы «существенно повысить эффективность функционирования всех предпринимательских структур, за счет повышения уровня информационной поддержки их деятельности» [См.: 1].

По мнению российского ученого А. В. Шилейко, информация определяет направление, в котором совершаются процессы некоторой физической системы. Любая физическая система, будь то естественная или искусственная, обладает своим информационным ресурсом. Это дает основание утверждать, что любое предприятие, компанию или фирму мы можем отнести к искусственно созданной системе со своими энергетическими ресурсами (людьми, материалами, интеллектом сотрудников и т. д.).

Мы считаем, что информационный ресурс предприятия совместно с внешними воздействиями, которые оказывает рынок на предприятие, будет однозначно определять процессы, происходящие внутри этого предприятия. Правильно налаженное информационное обеспечение предприятия в полной мере обеспечивает его конкурентной информацией, может определить направление движения этого предприятия в рыночной среде.

Работа с информацией носит интеллектуальный характер, потому как ее анализом занимается человек. Поэтому во многом итоги полученного анализа зависят от его интеллектуальных способностей. Поскольку любые данные о конкурентах, проанализированные специалистом предприятия, которые в дальнейшем становятся информацией, воспринимаются и интерпретируются разными людьми по-разному, мы считаем, что эффективность конкурентной информации для практически равных предприятий при прочих равных условиях может оказаться различной. Именно разница в восприятии и интерпретации информации о конкурентах позволяет одним предприятиям в полной мере использовать полученную конкурентную информацию для извлечения прибыли и продвижения на рынке, а другим нет.

Кроме того, эффективное использование полученной информации дает возможность зарождения новой (уникальной) информации и нового (уникального) знания в отношении продукта или услуг, способных удовлетворить потребности потребителей.

При трансформации полученной новой (уникальной) информации в действия, а, именно, по удовлетворению покупательского спроса, предприятие получает шанс занять лидерские позиции на рынке и получить сверхприбыль. К. Фляйшер считает: «Обладание конкурентным преимуществом требует от компаний уникального предложения дынных и информации, создания упорядоченности среди хаоса и многообразия и трансформации знаний при направлении их в необходимом ключе» [См.: 3]. Для более эффективной работы с такого рода информацией, необходим постоянный процесс в обучении и совершенствовании навыков сотрудников, занимающихся сбором, обработкой и анализом любой информации.

Конкурентная информация помогает повысить прибыль и минимизировать издержки путем сведения к минимуму эффекта неопределенности при принятии руководством и не только руководством стратегических решений. Она необходима для сокращения неопределенности и риска в области принятия решений [См.: 3].

Считаем, что главная цель информационного обеспечения предприятия в обеспечении конкурентной информацией руководящих лиц, принимающих решение и сведение «к нулю» неопределенности предстоящих событий.

Информационное обеспечение конкурентоспособности любого предприятия это непрерывный процесс. Первостепенной задачей такого мониторинга является обеспечение персонала в целом необходимой информацией для успешной работы предприятия. И, как мы уже говорили, основой информационного обеспечения является конкурентная информация, которая может напрямую влиять на положение предприятия на рынке и конкурентоспособность его продукции и берет свои основы из исследований в области экономики, маркетинга, военной теории и стратегического менеджмента.

Не станем отрицать, что финансовые ресурсы по-прежнему играют существенную роль в обеспечении конкурентоспособности предприятия, но более успешными сегодня становятся предприятия, совмещающие также интеллектуальные, социальные и предпринимательские ресурсы.

Литература

1. *Богданова Е. Л.* Информационный маркетинг. СПб., 2000.
2. Опыт конкуренции в России: причины успехов и неудач / Кол. авторов; автор и координатор исследований А. Ю. Юданов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2008.
3. *Фляйшер К.* Стратегический и конкурентный анализ. Методы и средства конкурентного анализа в бизнесе / К. Фляйшер, Б. Бенсуссан. – М.: БИНОМ: Лаборатория знаний, 2005.

Р. Р. Чугумбаев*

Учет ключевых свойств моделей экономики организации в разработке показателей эффективности ее деятельности

В процессе экономического анализа системному моделированию предшествует экономическое моделирование объекта анализа. Результат этого этапа может различаться в зависимости от выбранной теории фирмы. Современное состояние теории микроэкономики позволяет самостоятельно сосуществовать различными теориями фирмы. Прежде всего это обусловлено значительной многофункциональностью предприятий. Г. Б. Клейнер, В. Л. Тамбовцев, Р. М. Качалов, рассматривая многообразие функций предприятий, отмечают: «Некоторые из них относятся к социальным, и даже их простое перечисление показывает, что они лежат в основе существования общества. По сути, возможность самореализации в труде, так же как и самоуважение через уважение со стороны коллектива, выражают фундаментальные потребности и права человека. Другие функции предприятия стимулируют на микроэкономическом уровне движение материальных, финансовых, информационных потоков, перемещение рабочей силы и реализуют действие экономических сил конкуренции» [2]. В экономической теории сложилось несколько основных концепций предприятия, описывающих его возникновение, деятельность и ликвидацию. В каждой из них предприятие рассматривается под определенным углом зрения, с акцентом на те или иные особенности изучаемого объекта. Можно выделить четыре основных направления исследований, связанных с теоретическим описанием функционирования предприятия [См.: 2]:

- неоклассическая теория фирмы;
- институциональная теория фирмы;
- эволюционная теория фирмы;
- предпринимательская теория фирмы.

* *Роман Рыспекович Чугумбаев* – канд. экон. наук, доцент кафедры теории финансов, кредита и налогообложения Волгоградского государственного ун-та (г. Волгоград).

Модель анализа эффективности предприятия, согласно неоклассической теории фирмы, предполагает исследование производственной функции, выражающей зависимость результатов производства от затраченных факторов, и конфигурации области в пространстве ресурсов, отражающей размеры и соотношение используемых факторов. «Поведение» предприятия – выбор объемов и структуры привлекаемых ресурсов и (тем самым) производимой продукции. Неоклассическое понимание предприятия (фирмы) как носителя основной (производственной) функции – преобразования ресурсов в продукцию, продающуюся на свободном рынке, – является в настоящее время общепризнанной, базовой в мировой экономической науке концепцией. Параметры производственной функции предприятия определяются теми конкретными технологическими процессами, которые используются для производства продукции, а главная задача, которую решает фирма, действующая как на рынке ресурсов, так и на рынке продуктов, – найти такие объемы и соотношения ресурсов, которые позволили бы установить цену на продукцию, максимизирующую прибыль предприятия. При этом предполагается, что фирма выпускает такое количество продукции, при котором предельные издержки равны рыночной цене, что и является условием максимизации прибыли. Прибыль выступает здесь как форма выражения результативности, эффективности работы фирмы. Предполагается, что если предприятие не максимизирует прибыль, то оно рано или поздно будет исключено из числа агентов рынка в ходе естественного отбора, реализуемого механизмом рыночной конкуренции. Таким образом, фирма в неоклассической теории с позиции системного подхода выглядит как «черный ящик», в котором ресурсы трансформируются в продукты. При этом, данная трансформация осуществляется в соответствии с характером производственной функции, выражающей технологическую зависимость производимых продуктов от используемых ресурсов, и той внешней средой (рыночной структурой), которая определяла способ максимизации прибыли как целевой функции фирмы. На базе неоклассической теории фирмы создан довольно мощный аналитический инструментарий. В то же время, целый ряд проблем, имеющих первостепенное значение в функционировании предприятия, в том числе проблемы организационного устройства предприятий, механизмы принятия решений, стимулирования и контроля их исполнения и т. д., оказывались за пределами как интересов исследователей-экономистов, так и «разрешающей способности» самой теории фирмы как части неоклассической экономической теории. В результате, появился целый ряд модификаций, направленных на включение в анализ явлений неценовой конкуренции, воздействия географического положения фирмы на цены

продуктов и ресурсов, а сезонных колебаний производства – на занятость, учет проблем оптимизации и управления запасами, и т. д. Известен и целый спектр конкурирующих, дополняющих и сменяющихся в разных обстоятельствах друг друга вариантов целевой функции фирмы: кроме максимизации прибыли, максимизация продаж, валового дохода, дохода на одного работающего, дохода акционеров, различные многофакторные аппроксимации функции полезности, стратегические цели и т. д. Все эти модификации были естественными реакциями на регулярно возникающие несоответствия между предпосылками и выводами неоклассической теории и практикой деятельности фирм.

И. Ансофф выделил следующие ключевые пункты в деятельности предприятия, не укладывающиеся в рамки неоклассической теории фирмы [1]:

- 1) обесценивание опыта управляющих, обусловленное возникновением принципиально новых задач;
- 2) усложнение управленческих проблем, вызванное нарастанием множественности задач в связи с расширением географических рамок рынков;
- 3) возникновение и расширение разрыва между сложностью и новизной задач, с одной стороны, и наличными управленческими навыками, приобретенными в прошлом, с другой стороны;
- 4) рост вероятности стратегических неожиданностей, вызванный увеличением частоты возникновения новых задач.

Однако концепция стратегического планирования Ансоффа, сыгравшая базисную роль в развитии стратегического менеджмента, осталась в рамках теории менеджмента или, несколько шире, экономики бизнеса как прикладного направления исследований. Предприятие рассматривалось как объект управления, а стратегическое планирование – как одна из его функций, причем вопросы о сути целевой ориентации управления оставались (в отличие от неоклассической теории фирмы) без предварительного ответа (иными словами, предполагалось, что этот ответ каждый менеджер дает по-своему). Разрыв между этой теорией и общеэкономической теорией фирмы не был преодолен.

Осмысление многообразных теоретических и прикладных проблем функционирования предприятия, в том числе и связанных с расхождением двух указанных направлений, существенно облегчается при использовании идей, лежащих в основе иной экономической теории, так называемой неинституциональной экономики. Новая институциональная экономическая теория (new institutional economics) исходит из двух отправных суждений: во-первых, из того, что институты имеют важное значение в хозяйственной жизни, и, во-вторых, из того, что они поддаются экономическому анализу

[См.: 4]. Развитие названной теории началось в 30-е годы нашего столетия, когда были отмечены разительные достижения в рамках юридической, экономической и организационной наук. Сторонники научной школы современного институционализма пытались расширить возможности неоклассического анализа путем изучения проблем организации и того, как структуры прав собственности и транзакционные издержки (то есть на подготовку, заключение и реализацию сделок) влияют на мотивацию и экономическое поведение.

Основная мысль этой теории обнаруживается в следующей цитате:

«... использование механизма цен связано с определенными издержками. Фирма, внутри которой рыночный механизм заменен механизмом выработки и применения предписаний, избавлена от таких издержек (хотя, конечно, осуществляет затраты на управление, отличные от издержек использования механизма рынка). Тем самым фирма как эмпирически фиксируемый феномен, как производственная организация возникает (и заменяет собой свободную куплю-продажу факторов производства) там и постольку, где и поскольку нерыночный механизм эффективнее» [3].

Таким образом, в институциональной концепции фирма рассматривается как организация, создаваемая людьми для более эффективного использования их возможностей. Связанные с приобретением нужных материалов и оборудования транзакционные издержки в случае образования фирмы оказываются ниже, чем при производстве той же продукции без организации фирмы, что и объясняет существование предприятий. «Поведение» предприятия характеризуется особенностями заключения и исполнения контрактов с внешними организациями и работниками.

«Институциональный вариант теории фирмы в отличие от неоклассического не делает акцент на предсказании поведения фирмы в соответствии с существующей производственной функцией как формой выражения технологической зависимости между затратами факторов производства и максимально возможным при соответствующей комбинации затрат выходом продукта. Здесь в центре внимания другое: объяснение существования и соответственно в дальнейшем сосуществования многообразных форм деловых предприятий, пределов их роста, возможных вариантов решения проблем мотивации работников, организации, контроля, планирования и др. С этой точки зрения институциональная версия теории фирмы является как бы «мостиком» между стандартной неоклассической теорией и теориями управления» [3].

Таким образом, развитие моделей экономики фирмы раскрывает закономерности ее развития как сложной системы и становится основой для формирования показателей, комплексно характеризующих ее экономическую эффективность.

Литература

1. Ансофф И. Стратегическое управление. – М.: Экономика, 1989. – С. 25.
2. Клейнер Г. Б., Тамбовцев В. Л., Качалов Р. М. Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность. – М.: Экономика, 1997. – С. 10.
3. Коуз Р. Г. Фирма, рынок и право: пер. с англ. – М.: «Дело ЛТД»: Изд-во «Catalaxu», 1993. – С. 39.
4. Уильямсон Оливер И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / Под ред. В. С. Катькало; пер. с англ. Ю. Е. Благова, В. С. Катькало, Д. С. Славнова, Ю. В. Федотова, Н. Н. Цытович. – СПб.: Лениздат: CEV Press, 1996. – С. 17.

Раздел третий

**Культурное разнообразие
в зеркале медиа: чьи интересы
и что интересно?**

Изобразительные элементы прессы в аспекте визуальной культуры

Эволюция развития так называемого «иллюстративного ряда» в отечественной прессе прошла длительный путь от распространения его в виде массовых примитивных народных картинок с текстами (лубка в России) до размещения самостоятельных визуальных материалов в Интернете, которые еще только требуют отдельного системного изучения. Развитие полиграфического и технического производства, которое привело к тому, что каждый содержательный, «внутренний» компонент издания стал его тиражируемым элементом, разделил «иллюстративный ряд» в прессе на две категории. К первой относятся репродукции в прессе, то есть самостоятельные визуальные изображения, нашедшие «второе обличье» в том или ином издании. Ко второй категории относятся исключительно газетно-журнальные изображения, специально «заказанные» на договорной основе у штатных или внештатных работников редакций (художников, дизайнеров, фотографов) с целью оперативного размещения на страницах того или иного печатного СМИ. В этом смысле, с одной стороны, некоторые из изобразительных компонентов прессы, соприкасаясь со СМИ, приобретают прикладной характер. С другой стороны, каждый компонент в то же время не теряет своей уникальности, поскольку с творческой и технологической точки зрения изначально самостоятелен и, находясь в пределах номера печатного СМИ, становится лишь разновидностью синтетического искусства. При этом под «синтетичностью» (для прессы примерами такого синтетического искусства являются карикатуры – в большей степени, рисунки, коллажи и фотоиллюстрации – в меньшей степени, инфографика, как правило, представляет сжатое изложение в изобразительной форме каких-либо вещей) обычно понимают их модификацию.

Связь журналистики и искусства в печатных СМИ проявляется на уровне взаимообогащения двух категорий в визуальных материалах: факта и образа. С одной стороны, любая информация на фотоиллюстрации в прессе образна (фотоиллюстрация и карикатура связаны с художественной фотографией и проблемной

* *Антон Сергеевич Айнутдинов* – ассистент кафедры периодической печати ф-та журналистики УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

графикой). С другой стороны, находясь в газете, журнале, они модифицируются и в большей степени несут в себе фактической, актуальной, социально значимой информации, чем станковые изображения, которые могут не иметь практической пользы, а иногда и вовсе представлять собой абстрактные изображения. Таким образом, последствием технологической революции для искусства, а также для СМИ стала радикальная смена эстетической парадигмы, которая реализуется теперь в краткосрочном преодолении культурного пространства реципиентом с целью принятия репродукции, модификации визуального предмета, а не его подлинного образца. Иными словами, визуальная культура превратила зрительный источник информации в функциональную вещь индустриального производства, ее тираж и одновременно объект потребительского рынка.

Система изобразительных элементов в прессе является ни чем иным, как желательной элементарной единицей, функционально значимой для видового разнообразия информации, имеющей разные визуальные проявления. И те или иные СМИ на практике отдают формальное предпочтение некоторым из изображений, а также определенным их типам. Исходя из этого, изобразительные элементы прессы целесообразно рассматривать под двумя углами зрения.

Во-первых, все изобразительные элементы прессы актуализируются редакцией СМИ в пределах конкретного номера газеты, журнала. Но стоит заметить, что корреляция тех или иных изображений в номере может быть разной. Вместе с тем, любые изобразительные элементы (фотоиллюстрации, карикатуры, рисунки, коллажи, инфографика), независимо от их конкретного видового разнообразия в пределах одного издания (или группы СМИ), отвечают как единым информационным запросам аудитории, так и предпочтениям самого канала распространения. Таким образом, общим является наличие в печатных СМИ информации, которая содержится как в вербальных текстах (привычнее их принято именовать журналистскими), так и во всех изобразительных материалах. Причем под информацией, применительно к изображениям, следует понимать в первую очередь актуальную, общественно значимую информацию в рамках функционально-атрибутивного подхода к трактовке информации, при котором отражение разнообразия явлений действительности определяется целями отражающей системы.

Во-вторых, все изображения в прессе отличаются друг от друга по форме и содержанию. Изобразительные элементы в общем виде в прессе можно дифференцировать на три подгруппы. К первой относятся изобразительные элементы документального характера: фотоиллюстрации. Ко второй подгруппе относятся изобразитель-

ные элементы смешанного характера: инфографика и рисунки. К третьей подгруппе относятся изобразительные элементы комического характера: карикатуры, коллажи. Если фотоиллюстрации изоморфны реальным (запечатленные объекты на фотоснимке тождественны этим же объектам в реальной жизни), инфографика, рисунки гомоморфны по отношению к изображенному объекту (они копии), то карикатуры и коллажи произвольны в исполнении. Успешные, интересные карикатуры, коллажи напрямую зависят от художественных способностей их творца, знания им технологии производства и целей, которые преследуют те или иные СМИ, помещая на своих полосах комические изобразительные элементы.

Карикатуры, как правило, типизированы, их сюжеты и персонажи заострены, смысловое содержание полиморфно. Они многообразны, то есть соответствие между реальными объектами в окружающей жизни и теми образами, которые мы видим на картинке, вариативно.

Вместе с тем, и с технологической стороны карикатура в прессе стоит особняком. Для производства фотоиллюстрации, коллажа, инфографики необходима, как правило, творческая личность (фотограф, дизайнер и пр.), которая сможет исполнить снимок или создать коллаж, инфографику, и умение этой личности пользоваться техническим аппаратом (фотоаппаратом, персональным компьютером, работать с необходимым программным обеспечением), чтобы подготовить для печати сам кадр, изображение. В случае с коллажом могут понадобиться для работы уже готовые снимки и рисунки.

Иначе говоря, процесс производства этих изобразительных элементов прессы опирается на предельно простые, стабильные шаги со стороны сотрудников редакции, связанные с использованием фототехники, фиксирующей действительность, и профессиональную работу специалистов, виртуально моделирующих те или иные предметы, события на изображениях.

С технологической стороны производство карикатуры отличается от фотоиллюстрации, коллажа, рисунка, инфографики, и она является достаточно сложным изобразительным элементом периодики.

Во-первых, карикатура является видом графического искусства и, с одной стороны, как бы ни была произведена, представляет собой до публикации в газете, журнале вполне самостоятельное произведение неприкладного характера, эстамп. С другой стороны, размещенная в пределах номера СМИ та же карикатура является модификацией, тиражированной копией первозданного, подлинного рисунка.

Во-вторых, карикатура в отечественной периодике прошла длительный путь развития с точки зрения многообразия ее технологии производства. Первые карикатуры, которые появились в изданиях в начале XIX века (в 1808 году А. Г. Венецианов выпустил «Журнал карикатур на 1808 год, в лицах», чуть позже во время войны 1812 года карикатуры тиражировались самостоятельными периодическими листками и продавались в книжных лавках), исполнялись офортом, игловым приемом. Существует целый комплекс технических приемов, пригодных для решения локальных художественных задач при изготовлении оттиска: мягкий лак, лавис, акватинта, меццо-тинто, карандашная манера, цветной офорт. К ним прибегали, если необходимо было прорисовать какие-либо отдельные детали, предметы, создать конкретную цветовую атмосферу на изображении.

В целом любой офорт и сегодня представляет собой, в конечном счете, не что иное, как набор самых разных техник исполнения, если перед творцом стоит задача создать высокохудожественное произведение. К офорту обращаются и в настоящее время художники при изготовлении графических работ, в том числе и для рисования карикатур. Правда, случается это значительно реже, чем ранее, поскольку в XIX веке офорт был одним из самых доступных, общепринятых, наряду с литографией, современных на тот момент времени способов создания изображений для печати. В настоящее время он стал архаичным, отчасти элитарным способом отображения действительности в карикатурной графике, поскольку далеко не каждый художник в совершенстве владеет навыками производства офорта, а также умением хорошо рисовать.

Литография получила широкое распространение в России, начиная с 1816–1817 гг. в России, когда стали появляться частные литографии. Эти графические работы создаются на камне особой породы известняка. Выделяют несколько видов литографий: автолитографии (когда художник сам рисует непосредственно на камне, а затем делается оттиск) и репродукционные литографии (когда мастер-литограф копирует авторский оригинал рисунка). Карикатуристы сделали большое количество своих работ в этом жанре. Среди них такие авторы: В. Ф. Тимм, М. Л. Невахович, Н. А. Степанов, Н. В. Иевлев, П. М. Боклевский и многие другие мастера. В конце XIX века сильным соперником литографии стала фототехника, развивающаяся офсетная печать. Однако и сегодня можно встретить художников-графиков, карикатуристов, охотно работающих в технике литографии. Правда, их так же немного, как и мастеров, практикующих в офорте. Причиной тому является отсутствие художественно-технологических навыков, затратность времени на создание кропотливого рисунка, иные эстетические и информационные мотивации.

Линогравюра является относительно молодым в России способом создания графических изображений. Ее распространение началось в конце XIX – начале XX века. В технике линогравюры можно рисовать и карикатуры, однако этот способ производства более чем остальные является экзотическим для современной прессы.

Итак, карикатура как артефакт визуальной культуры может иметь самый разный технологический облик. Очевидно, что все три вида художественной печати, среди которой и глубокая (офорт), и плоская (литография), и высокая (линогравюра), не утратили своей выразительности и актуальности в наши дни. Но если в XIX веке отличительным свойством гравюры была ее тиражность, возможность с одной печатной доски сделать много оттисков, эстампов, тем самым, одновременно использовать их в газете, журнале или продавать в качестве самостоятельных произведений, неоднократно печатая, то сегодня изменились условия, в которых взаимодействуют друг с другом художники, СМИ, полиграфия. С одной стороны, развитие типографий, оснащение редакций позволяет тиражировать изобразительные элементы, выполненные в самой разной технике, самого разного качества. С другой стороны, развитие фотографии и компьютерных технологий привело к тому, что редакции газет, журналов могут обходиться и вовсе без карикатур, исполненных вручную. При этом в XX веке в прессе, а также в качестве самостоятельных работ, стали актуальными и популярными беглые карикатурные рисунки пером на бумаге, иногда с использованием цветных карандашей, акварели. Помимо этого также можно встретить карикатуры, выполненные вручную в различной авторской технике, однако затем обработанные в компьютере с целью поиска наиболее оптимального художественного изображения.

Так или иначе, традиция использования самого старейшего изобразительного элемента в отечественной периодике – карикатуры – сохранилась и в наши дни, но она обретает новые формы, связанные с технологией выпуска самого номера, функциональной значимостью всех структурных, материальных информационных единиц, а также, прежде всего, с их визуальным проявлением в пространстве полос СМИ. Кроме того, немаловажную роль играет профессионализм автора, художника-карикатуриста, исполнившего интересную, актуальную графическую работу.

Стоит подчеркнуть, что способы визуального отображения действительности в прессе крайне разнообразны. Это проявляется в номере современной газеты, журнала в калейдоскопическом наборе отличных друг от друга изображений и вербальных текстов в пространстве полос, что, по сути, является ни чем иным, как клипированным режимом предъявления информации и соответ-

ствующего ее восприятия массовой аудиторией в условиях тотального развития и влияния электронных СМИ, видеокультуры.

Иными словами, в погоне редакции газеты, журнала за удобочитаемостью, детализацией, информационным разнообразием номера любое сообщение печатных СМИ утрачивает свой первоначальный смысл, уникальность, превращаясь в товар, привлекательную внешнюю упаковку визуальной информации газеты и журнала, инструмент их дизайна. В итоге картина мира человека, приобщенного к чтению, расширяется, лишается устойчивости, единственности. При этом нарушается чистота жанров сообщений, наступает информационный эклектизм, когда их фрагментарность и одновременно синтез приводит к тому, что человек пропускает через себя серии блоков информации. Человек вступил в информационную эпоху, когда при обращении к печатным СМИ он уже не только читатель, но и зритель.

Н. Л. Антонова*

Информированность населения о правах в области охраны здоровья: роль СМИ

Охрана здоровья населения – один из базовых инструментов эффективного функционирования социального государства, механизм социальной защиты и снижения социальной напряженности. Одним из наиболее важных международных правовых актов, касающихся прав человека в области охраны здоровья, является Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 году. Статья 25 гласит: Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, которые необходимы для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по независящим от него обстоятельствам.

Право на охрану здоровья и получение медицинской помощи закреплено в Конституции РФ (ст. 41):

1. Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений.

2. В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию.

3. Соккрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом.

Нормы, закрепленные в Конституции РФ, нашли свое дальнейшее развитие в Основах законодательства РФ об охране здо-

* **Наталья Леонидовна Антонова** – канд. социол. наук, доцент кафедры теории и истории социологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

рочья граждан, Законе РФ «О медицинском страховании граждан РФ».

Наши исследования уровня информированности пациентов о своих правах в области здоровья в Свердловской области (2003–2008 гг.) свидетельствуют о следующих основных проблемных зонах. Во-первых, пациенты слабо осведомлены о своих правах, что выступает тормозом в их полной реализации. Во-вторых, высокая готовность к защите прав на когнитивном уровне резко снижается на уровне поведенческом. В-третьих, страховщики (страховые медицинские организации) перекладывают функцию просвещения на «плечи» медицинских учреждений. В-четвертых, пациенты сами не стремятся к информационному насыщению. Полиграфическая продукция, которая активно используется как демонстрационный материал в лечебно-профилактических учреждениях, к сожалению, не может в полной мере ответить на все вопросы пациентов в правовой области. Отсюда, актуализируется проблема поиска источников правовой информации. Сами пациенты считают, что основным источником информации о правах в области охраны здоровья являются СМИ.

Работа со средствами массовой информации, пожалуй, самая трудная задача для страховщиков. Как отмечает один из специалистов: *«У нас есть несколько журналистов, которые пишут на тему прав застрахованных; ну, напишут они раз в год на эту тему, получают гонорар и все... Газете публикации подобного рода уже не нужны, пока не случится чего-нибудь особенного»*. Страховщики отмечают, что средства массовой информации «просят» большие финансовые средства для размещения элементарной «визитницы», в которой указаны телефоны, адреса и т. п. страховых медицинских организаций, Территориального фонда ОМС. *«После одной публикации другое издание перепечатало наши телефоны и нам продолжали длительное время звонить пациенты... И это неплохо, так мы можем повышать информированность пациентов, а по-другому, к сожалению, дорого...»*.

Неверная интерпретация информации о правах, которыми обладает застрахованный, очень часто становится причиной конфликтов между пациентами и медицинским персоналом. Вина же за недостоверность подобных сведений, как правило, возлагается на СМИ. Страховщики отмечают: *«Из средств массовой информации должна идти правильная информация, доступная ... а то мы говорим одно, а получается на самом деле другое, поэтому больные иногда путаются, веря средствам массовой информации. Приходят к врачам и сталкиваются с тем, что они иногда не могут выполнить работу в силу тех или иных*

причин. На всех уровнях должна быть достоверная информация».

Несмотря на мнение о недостоверности сведений, поставляемых СМИ, именно они представляются экспертам одним из наиболее эффективных каналов трансляции информации о системе обязательного медицинского страхования. Основная роль в этом процессе отводится телевидению. *«Самый доступный вид агитации – это телевидение, у телевизора все «торчат», к сожалению, это здоровью не помогает, но это самый доходчивый способ».* Однако здесь делается и ряд оговорок. Освещение в СМИ проблем, связанных с функционированием системы обязательного медицинского страхования, в частности, и системы здравоохранения в целом, должно стать, во-первых, более квалифицированным, во-вторых, более системным. Должны освещаться не только отдельные частные случаи нарушения прав пациента, хотя подобные акции и имеют определенный рекламный эффект, необходимо формировать у потенциальных клиентов поликлиник целостное представление о правах в области медицинского обслуживания, и охраны здоровья, а также способах их защиты. *«В прессе эти проблемы освещаются очень плохо, малоквалифицированно. Но здесь имеет значение опять же следующее. Здесь нужно понимать прессу в том, что они работают с теми позициями, которые востребованы населением.... ..определенные моменты поднимаются, но проблемы рутинные не освещены».*

Таким образом, несомненно СМИ выступают наиболее доступным и действенным источником информации для населения по вопросам охраны здоровья. Однако инструменты взаимодействия СМИ и страховых медицинских организаций, территориального фонда обязательного медицинского страхования еще далеки от совершенства. Важной задачей становится формирование системы социального партнерства, которая позволила бы повысить информационный уровень населения в области охраны здоровья.

В. Н. Белимов*

Фактор доверия и влияние СМИ в поле экономики. Майк Блумберг: пять шагов к доверию аудитории

Сегодня, когда мир переживает крупнейший в истории финансовый кризис, становится все более очевидно: ключевой категорией экономических отношений является *доверие*. В рассуждениях аналитиков на тему кризиса часто можно встретить это слово, а некоторые даже прямо трактуют нынешнюю экономическую ситуацию как «кризис доверия». Получается, что и выйти из создавшегося трудного положения можно только через восстановление доверия между игроками экономического поля.

Процесс этот, мягко говоря, непростой. Он требует конвергенции знаний и опыта специалистов самых разных научных отраслей – экономики, философии, культурологии, психологии и многих других. Важнейшее значение здесь также имеют информационные обмены, а значит, вряд ли можно переоценить роль журналистики и СМИ в формировании атмосферы доверия между акторами социально-экономических отношений.

Одним из ярких и успешных медийных проектов, способствовавших возникновению атмосферы доверия на американском финансовом рынке конца 80-х годов прошлого века, стал «Bloomberg News». Этот проект реализовал Майк Блумберг, бывший работник Уолл-Стрит, а ныне – мэр города Нью-Йорк. Он создал компанию по производству деловых новостей и анализу рынков, сумев мастерски аккумулировать «в одном флаконе» экспертные знания, журналистские навыки и новейшие технологии обработки и доставки информации. По сути, это было медиа-предприятие нового типа.

Перечислим ряд идеологических и технологических решений, которые применил Майк Блумберг в процессе создания «Bloomberg News».

* **Виктор Николаевич Белимов** – ст. преподаватель ф-та телерадио-журналистики Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург)

Решение № 1

Идея

Увидев, что экономика меняется, услуги забирают все большую долю валового внутреннего продукта, Блумберг задумал компанию, чтобы помогать финансовым организациям. Сначала это были скорее информационно-технологические решения, но к моменту крушения Берлинской стены (1989) Майк понял: вместо информации о гонке вооружений в мире формируется особый спрос на информацию о деньгах.

Технология

На правах блестящего знатока фондового рынка (и инвестора по совместительству) Блумберг усадил за один стол бывших коллег с Уолл-стрита – аналитиков, которые обладали уникальными экспертными знаниями, и журналистов, способных грамотно интерпретировать эти знания и передавать их «в виде информативной, краткой, убедительной прозы» (Блумберг М. Блумберг о Блумберге. М.: ИК «Аналитика», 2003.)

Решение № 2

Идея

В условиях высокой степени неопределенности, когда госбюджет США был готов взорваться от перегрева, Блумберг решил построить бизнес вокруг совокупности данных о ценных бумагах, причем предоставить такое программное обеспечение, чтобы анализ информации на этой базе могли проводить даже «нематематики» (мелкие инвесторы).

Технология

Большинство работников Уолл-Стрита слабо разбирались в компьютерных терминах. Блумберг это знал, поэтому появился продукт, ориентированный на «дружественного пользователя», – терминалы, с помощью которых обычные люди без специальной подготовки могли, нажав клавишу, получить ответ на финансовый вопрос.

Решение № 3

Идея

Блумберг сконцентрировался на отработке навыка сбора информации. Он понял, что американский фондовый рынок стал слишком сложным, чтобы данные о нем собирал «полуквалифицированный клерк». Пришли иные времена! – провозгласил Блумберг.

Если люди, занимающиеся сбором информации, не имеют достаточных навыков понимать, **что** лежит перед ними, вы получите мусор.

Технология

Первый Центр по сбору данных Блумберг открыл в городе Принстон, штат Нью-Джерси. Процесс сбора данных стал менее рутинным, конторским и более аналитичным, вдумчивым. «Отсевом», классификацией и хранением информации занялись, говоря словами Блумберга, «аналитики, обладающие детальным контекстным пониманием рынка или отрасли, исходя из текущей и исторической информации, собранной из множества источников» (Там же).

Решение № 4

Идея

С первых дней работы в медиа-бизнесе Блумберг был озабочен борьбой за эффективное распределение трудовых ресурсов и рабочего времени журналистов.

Технология

Для текущего описания ситуации на фондовых площадках была разработана компьютерная программа, которая позволила буквально за секунды переводить биржевые данные в слова. Машина была снабжена набором шаблонных фраз, в которые подставляла текущие цифры. Репортеры же сконцентрировались на описании изменений фондовых индексов. В начале 90-х годов Блумберг одним из первых стал использовать в работе радиостанций цифровые звукозаписи, что позволило отправлять репортажи в независимые радиостанции по всему миру. В середине 90-х годов весь контент корпорации был оцифрован. Это помогло, во-первых, расширить сферы влияния по всему миру, оперативно поставив контент для продажи или обмена. А, во-вторых, внедрить в практику работы СМИ технологии, которые мы сегодня называем конвергентными.

Решение № 5

Идея

Будучи великим технологом, Майк Блумберг, между тем, всегда повторял: спрос на своевременные точные новостные статьи, хорошие исследования и хороший стиль не исчезнет. Для него важнее «что», а не «как», потому работа в разных форматах не является самоцелью; главный продукт, по Блумбергу, – содержание.

Технология

Менее чем за десять лет Майк Блумберг создал медиа-империю, включающую информационное агентство, два журнала, три отраслевых информационных бюллетеня, книжное издательство, теле- и радиостанции, веб-сайт, телефонную службу финансовых новостей, сотни электронных табло с текущими финансовыми новостями, расположенные на вокзалах и в аэропортах. Сам Блумберг утверждает, что все это позволяет корпорации иметь «более широкое видение». В «Блумберге» в течение дня репортеры могут перемещаться с радио на телевидение и наоборот, используя почти одинаковые сценарии. Девиз корпорации: мы ничего не делаем независимо друг от друга.

Неизбежные выводы

Таким образом, хорошо продуманная идеология работы на рынке деловых медиа, грамотная технологическая политика позволили Майку Блумбергу создать корпорацию с огромным ресурсом влияния. Сначала он собрал классную команду экспертов, затем заручился доверием участников рынка как независимый источник информации, после чего технологизировал значительную часть рабочих процессов, организовал колоссальные по объемам информационные потоки и обмены и все это – с неизменной заботой о значении информации, с вечной думой не столько о форме, сколько о смысле.

Пример Блумберга, возможно, как никакой другой, подтверждает классическое правило: когда ты работаешь с деловой средой, в которой ежеминутно сопрягаются миллионы разных интересов, твоя главная задача – быть независимым и оперативным источником информации. Никакой новый ветер, никакая новая волна, никакое новое течение не должны оторвать тебя от твоей аудитории и ее нужд...

Э. М. Думнова***Роль массовой коммуникации в процессе межкультурного взаимодействия**

Вопрос о роли массовой коммуникации в условиях полиэтничного общества заслуживает особого внимания. Для стабильного существования и успешного развития современного социума необходимо поддерживать межкультурное взаимодействие, предполагающее укрепление социальных связей между представителями различных этносов и культур, составляющих единый социокультурный конгломерат. Особое значение при этом имеет формирование межэтнической толерантности.

В основе толерантного поведения лежит толерантное сознание как отдельного человека, так и социума в целом. Толерантное поведение в современных реалиях представляется как сущностное основание современного мира. В настоящее время имеются исследования, посвященные проблеме толерантности, но в основном они касаются анализа истории становления феномена толерантности (Paul Ricoeur, Rainer Forst и др.) в политике, праве, религиозных отношениях. Вместе с тем проблематика толерантности далеко не исчерпана и оставляет за собой ряд пока еще не разрешенных противоречий, наиболее важными из которых на наш взгляд являются межэтнические противоречия. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть влияние массовой коммуникации на формирование межэтнической толерантности как основы межкультурного взаимодействия.

Этнос – это не только биологическая, но и социальная общность, имеющая свое этническое самосознание, а также элементы как материальной, так и духовной этнической культуры, таким образом, этнос выступает носителем этой культуры. Этническое самосознание во многом определяется стереотипами, сложившимися в данном этносе. Этнические стереотипы формируются как при реальных межэтнических отношениях, так и в результате воздействия СМИ.

СМИ начинают воздействовать на сознание человека с детства и продолжают оказывать существенное влияние на протяжении

* *Эльнара Михайловна Думнова* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социальных дисциплин Новосибирского гуманитарного института (г. Новосибирск).

нии всей жизни, поэтому непрерывность является одним из важнейших качеств СМИ. Накапливаемая информация, согласно законам психологии, является наиболее устойчивой, в связи с этим информационные потоки, передаваемые СМИ можно расценивать как продукт программированных идеологических действий, призванных сформировать человека с жесткой и инерционной психикой. Поскольку этническое самосознание формируется в ходе социализации, оно первоначально не очень отчетливо. Его формирование в значительной степени зависит от существующих в обществе стереотипов и от системы социализации, куда входят институты образования и средства массовой информации. Вместе с тем, в последнее время в отечественной и зарубежной этнологии формирование этнического самосознания рассматривается с разных позиций: сторонники примордиального подхода рассматривают этническое самосознание как объективную данность, изначально (примордиально – исконно) присущую разным народам, и признают приоритет природного начала в этническом разнообразии человечества; сторонники же конструктивистской позиции полагают, что этническое самосознание является продуктом интеллектуального конструирования. Подобную же позицию занимают инструменталисты: сохранение этнических групп объясняется потребностью человека в преодолении отчуждения, характерного для современного общества массовой культуры. Не вдаваясь в теоретические споры, остановимся на роли субъективного, идеологического фактора формирования этнического самосознания. Массовая коммуникация, в лице своего субъекта, прежде всего, выполняет роль агента социализации и формирует массовое сознание. Будет ли при этом учтена этническая самобытность определенных групп населения, зависит от интересов субъекта коммуникации, которым является государство.

Особое значение «этнической принадлежности» для государства подчеркивает в своей работе «Текущая современность» З. Бауман. Он акцентирует внимание на том, что «этническая принадлежность, в отличие от любой другой основы единения людей, имеет преимущества натурализации истории, представления культуры как «явления природы»... этническая принадлежность заставляет действовать: нужно выбирать верность своей природе – человек вынужден... вносить вклад в ее сохранение». З. Бауман полагает, что государство-нация, поддерживающее принцип этнического единства, доминирующий над всеми другими чувствами, является на сегодняшний день единственным успешным сообществом, имеющим надежды на результативность своего функционирования. Опыт развития западных государств, на наш взгляд, представляется мало возможным проецировать на Россию, имеющую

собственную этногеографическую специфику. Подтверждается это разрушительными попытками копирования экономического уклада западных государств. Не менее значимым для российского общества является сохранение социокультурной специфики. Если, по словам З. Баумана, «государство-нация ... обязана своим успехом подавлению местных обычаев или «диалектов», поддержанию единого языка» [2. С. 186], то для полиэтничного государства как Россия такие меры приведут к дезинтеграции общества и социальной напряженности. Многие субъекты РФ характеризуются численным превосходством коренного населения (Республика Алтай, Хакасия, Тыва), сохранившим собственную культуру, язык, обычаи. В данных регионах налажен межкультурный диалог, который способствует не только тесному сотрудничеству представителей разных этносов, а так же взаимообогащению разных культур. Немалая роль в этом процессе отводится различным структурным компонентам массовой коммуникации. Функционируют национальные каналы ТВ, радиопередачи на местных диалектах, печатные периодические издания. Подобный принцип функционирования СМИ с одной стороны способствует сохранению культуры коренного населения, что на сегодняшний день представляется особенно ценным, а с другой – ограничивает проявление менталитета коренных народов доминирующей культурой, что позволяет сдерживать потенциально возможные этноцентристские настроения.

В исследованиях, проведенных отечественными философами и социальными психологами Л. М. Дробизевой, Ю. В. Арутюнян, Г. В. Солдатовой, А. Г. Здравомысловым и др. выделяется несколько групп факторов-детерминант межэтнических отношений, в их числе политические, экономические, исторические, религиозные и культурные [См.: 1. С. 56]. В контексте данной статьи особое внимание обращает на себя группа культурных факторов. Любому этносу присуща своя культура, сохранение и развитие которой возможно лишь при благоприятных условиях трансляции социального опыта. Средства трансляции прошли долгий путь развития и преобразований, в результате которых современное общество вышло на новый информационный уровень развития. Сегодня СМИ призваны реализовывать как информационную, так и интеграционную функции, посредством сглаживания тенденций к межэтническому противопоставлению. Каждый этнос имеет свою неповторимую духовную сущность, сохранение которой обеспечивает его жизнь. В современных социально-политических реалиях, в условиях вестернизации, актуализировалось стремление отдельных этносов выразить свою культурную самобытность и сохранить ее. Прессинг со стороны Запада способствовал обострению потребности в этнической самоидентификации и внес определенные коррективы во

внутренние межэтнические отношения. В этой связи выполнение СМИ функции формирования межэтнической толерантности несколько усложнилось.

Таким образом, следует резюмировать, что массовая коммуникация представляется в информационном обществе немаловажным фактором формирования межэтнических отношений и межкультурного взаимодействия, при котором сохраняются культурная самобытность этносов и происходит более глубокое познание культур «других» соседствующих народов, что способствует стиранию деструктивного стереотипа «свой-чужой» и является основой для межкультурного диалога.

Литература

1. Арутюнян Ю. В., Дробижеева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: Учеб. пособие для ВУЗов. – М: Аспект пресс, 1999.
2. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008.

С. О. Калганова*

Воспроизведение негативного стереотипа «неполная семья» в газетной периодике как фактор социальной дезинтеграции

Широкий спектр вопросов межкультурной коммуникации включает, в частности, проблему формирования негативных стереотипов и их распространения в СМИ, поскольку общение людей, принадлежащих к разным социальным группам, как правило, строится на основе стереотипных представлений друг о друге. Вообще формирование стереотипов есть частный случай категоризации как результата рационального познания, поэтому стереотип отражает, пусть в трансформированном виде, присущие объекту свойства. Вместе с тем стереотипы в межличностной коммуникации при недостатке информации о конкретном партнере по общению часто выполняют отрицательную роль, особенно если сам стереотип негативный. К таким негативным стереотипам, по всей видимости, относится широко используемое сейчас в публичной речи понятие «неполная семья», которое выражает противопоставление нуклеарной семейной единице (мать – отец – ребенок/дети) «как полной, нормальной, завершенной композиции семейной структуры». Неполнота здесь ассоциируется с отклонением от нормы, ущербностью, низким социальным статусом.

Распространение негативного стереотипа через СМИ способствует социальной дезинтеграции, поэтому требует внимательного изучения и поиска путей преодоления негативных установок, сложившихся в обществе.

Нами было проанализировано 42 текста, в которых упоминается неполная семья журналистами «Комсомольской правды», «Аргументов и фактов»¹, «Известий» (период с 2005 по 2008 гг.). Практически все эти тексты тем или иным образом подчеркивают смыслы «неполная семья – малообеспеченная и неблагополучная» (только одна публикация была полностью нейтральна). Остальные тексты можно разделить на три группы: во-первых, тексты, в ко-

* Светлана Олеговна Калганова – канд. филол. наук, доцент кафедры телерадиожурналистики ф-та телерадиожурналистики Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Далее КП, АиФ соответственно.

торых неполная семья характеризуется преимущественно как малообеспеченная, во-вторых, тексты, приписывающие неполной семье разного рода социально-психологическое неблагополучие, в-третьих, тексты, рассказывающие о том, как может быть преодолено материальное и социально-психологическое неблагополучие, – назовем такие тексты компенсирующими.

Материальное неблагополучие «неполной» семьи

Такая характеристика содержится в основном в текстах, формирующих о социальных льготах для малоимущих. Подобных публикаций большинство (17 из 42). Обычно в таких текстах словосочетание «неполная семья» включено в однородный ряд, остальные члены которого называют категории людей, так или иначе пострадавших: *«Определенные надбавки предусмотрены различными категориям льготников – детям-сиротам, инвалидам, ребятам из неполных семей и т. д. (Учебный отпуск оплачивается только заочникам и вечерникам // КП. 2007. 3 сентября)»*.

Семантика «материального и иного неблагополучия» появляется в таких публикациях за счет отнесения неполных семей к определенной социальной категории. Логика самого текста здесь неизбежно совпадает с логикой формирования стереотипа – категоризация, укрупнение одних черт, нивелирование различий.

Социально-психологическое неблагополучие неполной семьи

Публикации этой группы (14 из 42) развивают смысл «социально-психологическое неблагополучие» по нескольким направлениям. Дети из неполной семьи предстают либо жертвами преступников (или неосторожных людей, не понимающих всей сложности души таких детей), либо подверженными болезням, либо опасными для окружающих трудными подростками, преступниками, психологическими вампирами.

Эта группа текстов сложнее, чем первая. Рассказываются конкретные истории (девушка с бойцовской собакой, державшая в страхе весь район, террорист, мальчик-самоубийца) и характеризуются социальные группы (гопники, дети на московских вокзалах), психологические типы личности («вампиры»). Во всех случаях причиной всех детских бед является, согласно публикациям, неустраняемое эмоционально-психологическое неблагополучие в неполной семье. Иногда эта мысль более или менее убедительно конкретизируется отсутствием мужского внимания, вообще недостатком внимания и контроля, а также пережитым в детстве предательством отца. Однако в большинстве публикаций неполная семья в качестве причины бед упоминается без особых пояснений, и тогда включается присущая стереотипному мышлению особая логика, «работающая в разных контекстах, на любом объеме информации за

счет неограниченного приписывания известного неизвестному»². Наиболее частотная синтаксическая конструкция для словосочетания «неполная семья» – опять же однородный ряд (*«из неполных и/или неблагополучных семей»*). Если же беда произошла с ребенком из полной семьи, то ситуация в семье каким-то образом поясняется (родители пьют, ссорятся, являются трудоголиками, слабый отец и сильная мать и т. п.). Таким образом, отсутствие пояснений при упоминании неполной семьи в качестве причины несчастий можно рассматривать как некую «нулевую позицию», которая выявляется на основе сопоставления с тем, как представляют в публикациях полную семью неблагополучного ребенка. Нам представляется, что это одно из проявлений более общей тенденции в текстах СМИ, которую отмечает А. Д. Шмелев: «Под видом неочевидных компонентов высказывания, которые адресат должен принять как само собой разумеющиеся, говорящий навязывает собеседнику некоторые весьма нетривиальные суждения».

В ряде текстов слова о том, что преступник или трудный ребенок воспитывался в неполной семье, произносятся кем-то из персонажей публикации – соседкой, сотрудником пресс-службы управления ФСБ и др. Однако насколько причиной неблагополучия была структура семьи – вопрос открытый, тем не менее журналист включает эти слова в текст как существенные, как-то проясняющие ситуацию. На наш взгляд, здесь можно говорить о недобросовестной аргументации как одном из способов воспроизведения негативного стереотипа.

Фигура матери дана очень схематично: женщина, воспитывающая ребенка без мужа, без конца работает (при этом остается бедной), и ребенок остается без внимания и без контроля. Фигура отца, ввиду того что не упоминается, имплицитно наделяется смыслами «оставил семью», «перестал общаться», «не помогает материально».

Компенсирующие контексты

Такое название обусловлено одной чертой, которая в той или иной степени присуща всем текстам этой группы (10 из 42), – это преодоление человеком, которого воспитывала одна мать, бедности и/или минусов воспитания в неполной семье.

Героем большей части таких публикаций становится человек, выросший в неполной семье и добившийся успеха. Сначала описываются трудности, затем, как правило, называется то (или кто), что помогло справиться с неблагоприятными условиями: черта характера, тренер, мать, психологическая литература.

² Новейший философский словарь. Минск: Изд-во В. М. Скакун, 1998. С. 877.

Характеризуя описанную группу текстов в целом, отметим на содержательном уровне большее количество конкретных историй, а также более подробную характеристику конкретных семейных ситуаций с одиноким родителем. Комментарии психологов или ссылки на их мнение встречаются гораздо чаще, чем в текстах второй группы (в первой их нет). Встречаются позитивные образцы поведения одинокого родителя или разведенных супругов.

Дети изображаются как добившиеся большого успеха или, как минимум, благополучные. Образы матери не столь одинаковы, как в текстах предыдущей группы: мать может поддерживать детей, помогая им пережить драму развода, может хорошо зарабатывать, может сама инициировать развод с мужем и даже обеспечивать отца, оставшегося с детьми после развода, мать может быть состоятельной женщиной, которая не нашла для себя достойного партнера и родила ребенка для себя – драма развода здесь исключается, а вот страх социального осуждения остается. Впрочем, образ брошенной женщины, много работающей и мало зарабатывающей, также имеет место. В текстах этой группы мы встречаем более или менее внятную фигуру отца, причем тоже в разных вариантах: отец, полностью порвавший всякие связи с семьей, отец, который пытался восстановить отношения с взрослым сыном, отец, поддерживающий хорошие отношения с ребенком, помогающий бывшей жене, наконец, одинокий отец, который способен позаботиться о детях лучше матери.

На языковом уровне бросается в глаза почти полное отсутствие однородного ряда «неполная, неблагополучная». Появляется положительная номинация «самостоятельная мама», упоминания позитивных чувств и действий в некоторых контекстах о неполной семье (*уважение, договоренность, любовь, заботится*), обозначения положительной оценки в словосочетаниях *идеальный развод, хорошая работа, обеспечить дочерям достойную жизнь*. Используется ирония для отстранения от стереотипа. Вместе с тем основные черты стереотипа «неполная семья» – материальные и эмоциональные проблемы воспроизводятся, хотя и в связи с возможностью их преодоления.

Подведем итоги. Самая многочисленная группа текстов – о социальных льготах, с одной стороны, выполняет важную функцию информирования населения, с другой стороны, поддерживает негативный стереотип неполной семьи – в первую очередь «малообеспеченной». Однако эти тексты вызваны объективной необходимостью. Способы представления неполной семьи в текстах второй группы наиболее сомнительны для формирования, как минимум, нейтрального отношения общества к семьям с одним родителем: недобросовестная аргументация (установление прямой связи «не-

полная семья – неблагополучные дети» вне описания конкретной семейной ситуации), однородный ряд «неполные и неблагополучные семьи», схематизм в изображении одинокой матери, имплицитная исключительно отрицательная характеристика отца. Более объемным представлен образ неполной семьи в третьей группе текстов, подробно описывающих конкретные ситуации.

Персонафицированный диалог между Востоком и Западом (на примере ток-шоу «Школа злословия»)

Телевизионные ток-шоу предоставляют площадку для моделирования социального диалога (обмена взглядами между представителями различных социальных групп). Однако участникам таких передач далеко не всегда удается удержаться в рамках толерантного общения¹. Естественно, чем полярнее позиции собеседников, тем больше коммуникативных усилий требуется, чтобы остаться в этих рамках. Вместе с тем именно противоречие во мнениях придает ток-шоу и любой другой дискуссии остроту и динамизм, привлекает зрителей. Владение коммуникативными приемами корректного, уважительного ведения беседы в этом случае особенно важно.

В качестве примера толерантного обсуждения противоположных позиций рассмотрим передачу «Школа злословия» (от 20.03.2006, телеканал НТВ). Ее ведущие, киносценарист А. Смирнова и писатель Т. Толстая, пригласили в гости Ольгу Дергунову – главу российского отделения Microsoft. В 2004 году газета *The Wall Street Journal* включила Ольгу Дергунову в список десяти наиболее успешных и влиятельных деловых женщин Европы, а в 2003 году Ольга лидировала в списке «Самые влиятельные женщины российского бизнеса».

Яркие черты личности героини – большая увлеченность своей работой (информационными технологиями), профессиональное стремление сделать жизнь людей безопасной и комфортной, технический склад ума, логичная, ясная речь, умение бесконфликтно строить межличностные отношения, последовательность и др. по-

* *Светлана Олеговна Калганова* – канд. филол. наук, доцент кафедры телерадиожурналистики ф-та телерадиожурналистики Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

** *Евгения Игоревна Кузьмина* – специалист по рекламе и связям с общественностью ОАО «Газпромнефть-Урал» (г. Екатеринбург).

¹ См.: *Михайлова О. А.* Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания // *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 23.

казаны ведущими через прием противопоставления. Основные оппозиции на протяжении всей беседы следующие: российский человек западного типа – обычный российский человек; человек научно-технического склада – человек искусства, гуманитарий; совершенный биоробот, состоящий из одних достоинств – обычный человек с недостатками. Разговор строится так, что первый элемент каждой из трех оппозиций связывается с образом героини, как бы персонафицируется ею, а второй элемент находит выражение в репликах ведущих, которые выступают якобы от лица «обычного российского человека», мечтательного, подверженного приступам тоски и плохого настроения, человека гуманитарного склада, такого, каким, возможно, чувствуют себя многие зрители. Так позиции собеседников укрупняются, как если бы беседу вели уже не просто О. Дергунова с А. Смирновой и Т. Толстой, а представители двух разных социальных типов людей.

Для заострения противопоставления ведущие подчеркивают необычность черт личности героини, маркируя их как «хорошие, но чужие для России», вводя таким образом оппозицию «свой» – «чужой». Именно это противопоставление вызывает возражения у героини передачи, заставляет ее вступать в спор, аргументировать свою позицию.

Поляризация позиций, несогласие ведущих и гостьи передачи требуют применения коммуникативных техник толерантности, цель которого состоит в том, чтобы, «свободно противодействуя мнению собеседника о чем-либо (охраняя собственные личностные права), сохранить значимость и оберечь чувство собственного достоинства автора высказанного несопадающего мнения (не нарушить личностные права другого)»². Для анализа конкретных речевых приемов, используемых собеседниками, чтобы смягчить высказывания, которые могут так или иначе задеть того, кому они адресованы, обратимся к методике описания корректного речевого противодействия, предложенной Т. В. Матвеевой³. Прямое речевое противодействие (несогласие, возражение, сомнение и т. п.) должно быть «упаковано» с помощью специфических речевых приемов, которые могут затрагивать как содержательную, так и модальную сторону высказывания.

Диалог в «Школе злословия» строится для зрителя, с расчетом на него, поэтому роли участников беседы двойственны. Как носители отличающихся мнений, выразители различных позиций, со-

² *Матвеева Т. В.* Корректность речевого противодействия // *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 185.

³ Там же. С. 181–196.

беседники выступают на равных, но с точки зрения организации беседы главная роль принадлежит ведущим: они начинают, заканчивают диалог, контролируют смену тем, распределение речевой инициативы (вопросы в основном задают они), выстраивают драматургию разговора в соответствии со своим замыслом. Именно ведущие вводят основные оппозиции, предлагая гостю участвовать в этой игре в западного и российского человека, и гостя в общем не против. Вместе с тем собеседники так или иначе дают понять зрителям, что это лишь маски (ведущие – за счет пронизывающей весь текст иронии и языковой игры, героиня – за счет объяснения того, какие условия ее профессии сформировали обуславливаемые черты характера).

Согласно замыслу ведущих, весь разговор с героиней передачи построен на противопоставлении двух разных типов людей, а также мира, в котором они живут.

Черты «российского» человека описаны только в речи ведущих. Это эмоциональность, мечтательность, ненаучность, подверженность приступам беспричинной тоски, плохого настроения, которое может привести к ссорам и которое в то же время основа творческих мук, основа культурной самобытности. Сами ведущие то присоединяются к такому типу людей (*мы – мечтательная нация; ваша концепция... мне, как азиату, непонятна*), то отстраняются от него с помощью иронии (например, ироническое описание приступов беспричинной тоски: *сеет мелкий дождик, нивы сжаты, рои глухи...и вот посмотришь за окно: у-у-у...грачи улети, пахарь больной*) или использования форм третьего лица (*творческий работник, типа – поэт, он трудится и когда играет в бадминтон*).

По ходу разговора образ «российского» человека смещается в сторону образа обычного человека с недостатками в противоположность образу совершенного человека, состоящего из одних достоинств.

Мир такого обычного человека – это первозданная природа, это мир, в котором силен элемент случайности (есть неожиданности, опасности, вспыхивают ссоры, неизвестно куда деваются деньги), мир, преобразованием и естественным продолжением которого становится мир искусства (*вот, ты знаешь, я, конечно, все понимаю, но твоя Вера – дура; моя любимая песня: куда уходят деньги, в какие города?; искусство не вырастает из вот этой вот стабильности, технологичности, «пойду лучшие поработаю»*).

Этот образ вводится в текст беседы для того, чтобы на его фоне показать индивидуальность, необычность героини передачи как человека, отражающего новые для России процессы. Вместе

с тем, возможно, ток-шоу отчасти выполняет в этом случае присущую СМИ функцию самоописания общества.

Образ «западного» человека, который воплощает героиня, описан более подробно и представлен в тексте передачи по-разному в речи ведущих и в речи самой О. Дергуновой.

Ведущие изображают его как человека с научно-техническим складом ума, с правильной, точной, технологичной речью, с правильным позитивным отношением к жизни, без недостатков (*вы всегда говорите чрезвычайно энергично, технологично, правильно (а-а) точно так... вообще-то не по-нашему; то есть недостатки [у вас] тоже позитивные*). Отношения такого человека с друзьями и в семье практически бесконфликтны и напоминают хорошо отлаженный механизм (*агрегат*).

Реальный мир с его несовершенствами: неожиданностями, опасностями, трудностями – такой человек стремится улучшить, устранив неожиданности и разнообразие, а в итоге это приводит к тому, что мир становится однообразным и безликим, превращается в некую летающую тарелку. Искусство в таком мире не живет. В лучшем случае оно превращается в разновидность развлечения.

В описании этого образа на первый план выходят такие смысловые элементы, как «правильность», «соответствие нормам», «технологичность», «рациональность», «механизм».

Такой человек и такой мир в изображении ведущих при всех достоинствах чужды российским традициям, российскому образу жизни.

Соглашаясь с теми признаками, которые приписывают ее образу ведущие, героиня тем не менее расставляет иные смысловые акценты: в характеристике речи на первом плане оказываются смысловые компоненты «понятный, простой, логичный», позитивное отношение к жизни превращается в оптимизм, который помогает справиться с трудностями и с вызванным ими плохим настроением, отношения с друзьями безоблачны, потому что все работают в одной сфере, давно знают друг друга, конфликты в семье возникают, но разумное их решение находится, поскольку есть общее желание конфликтов избегать и есть умение договариваться друг с другом. А главное – все эти качества сформированы той работой, которой занимается О. Дергунова, и теми российскими условиями, в которых она всю жизнь находится. Усовершенствование мира, по ее мнению, вовсе не означает устранения неожиданностей, просто они становятся менее заметны в тех сферах жизни, в которых они нанесут большой ущерб людям, а введение единых стандартов вовсе не исключает разнообразия и национальной-культурной специфики.

Таким образом, на глазах у зрителя разыгрывается яркий, эмоциональный, достаточно острый диалог между собеседниками, которые представляют точки зрения разных социальных типов людей. Противопоставления, организующие весь ход беседы, заставляют героиню искать объяснения своим «необычным» чертам личности в специфике российской жизни, выводя разговор за рамки категорий «свой – чужой» и показывая Россию как страну, в которой различные тенденции находятся в сложном взаимодействии, где есть место и научному прогрессу, и гуманитарному образу жизни.

Толерантность общения в способах ведения диалога создается в первую очередь на уровне содержания. В речи ведущих это положительная оценка героини (*вообще, конечно, Ольга, титул серьезный и легендарный*), уточняющие вопросы, демонстрирующие интерес к ее позиции, передача речевой инициативы с просьбой дать самохарактеристику (*А вы вот Азия или Европа вообще? Восток или Запад? Вы кем себя ощущаете?*), уклонение от спора, аргументация, клише частичного согласия (*я понимаю, но...*). В речи гости передачи самым распространенным приемом является аргументация.

Собеседники в анализируемой передаче демонстрируют владение разнообразными речевыми приемами, позволяющими обсуждать достаточно острые темы, оставаясь в рамках толерантного отношения друг к другу, доброжелательного внимания к Другому в разных его проявлениях.

Р. В. Краснов*

Журналистика и культура: зерна от плевел (из опыта региональной прессы)

При изучении в СМИ немногочисленных статей, освещающих вопросы культуры, задаешься вопросом: а чем по отношению к культуре являются сами СМИ? Ответы есть, но они противоречивы. Одни авторы считают журналистику частью общей культуры, другие, наоборот, ставят ее над культурой. Так, Эдмонт Б. Лабет говорит о том, что «Нехватка культуры проявилась в существенном спаде интереса молодежи к новостям» [5. С. 269], то есть к СМИ. Получается какой-то парадоксальный круг: снижение культуры человека снижает его интерес к культуре.

Тем не менее, большинство авторов работ хотя и не называют журналистику частью культуры, но косвенно считают ее таковой и, более того, наделяют правом если не судьи, то толкователя качества и содержания всей остальной культуры. А раз так, то стали появляться такие работы, как «Культура социологического мышления журналиста», «Коммуникативная культура журналиста», «Журналистика и культура: к вопросу взаимопроникновения и познания».

Таким образом, напрашивается вывод, что журналистика – один из членов армии «Культура», но наделенный особым правом судить о других, поскольку он знает и понимает больше других.

Это, конечно, не так. Хотя, предполагается, что журналист, пишущий о театре, должен знать о нем больше, чем артист, музыкант, художник.

Но, увы. Эти знания не могут быть индульгенцией, защищающей журналистику от критики представителей других видов культуры. Показательны в этом плане два решения Большого Жюри Союза журналистов России, которые были приняты 18 февраля и 26 августа 2003 года [3. С. 383, 387].

В первом случае 93 представителя культурных учреждений России выступили против одной из передач цикла «Культурная ре-

* **Роман Валерьевич Краснов** – ассистент кафедры периодической печати ф-та журналистики УрГУ им. А. М. Горького, аспирант второго года дневного отделения (г. Екатеринбург).

волюция» на канале «Культура», во втором группа художников обвинила корреспондентов газет «Известия», «Консерватор» и «Литературная газета» в клевете, подстрекательстве к убийству, оскорблении. Разбирательство было долгим и трудным. В схватке сошлись два подразделения одной и той же армии.

Как ни старалось Большое Жюри смягчить формулировки, решение его было однозначным: если журналистика считает себя частью культуры, то никакими особыми правами и полномочиями она не обладает.

Тем не менее, никто не снимал со СМИ обязанностей освещать вопросы культуры. Обязанности не юридические, а обязанности перед читателем. Более того, читатель не приемлет разделение культуры на «культуру для имущих и культуру для неимущих» [5. С. 269].

Вряд ли оставит свой след в истории культуры всего одна статья или всего одна телепередача, пусть и сделанные на высоком уровне. Нет, след может оставить только совокупность всех публикаций или всех передач на определенную тему. Журналист по роду своей деятельности не только освещает вопросы культуры, но и сам в своих публикациях показывает свою культуру, свое понимание происходящих в ней явлений, он «включается в социальное пространство и культуру» [2. С. 109].

Сейчас в СМИ может появиться весьма хвалебная рецензия на фильм, который никто не видел, или фильм, который по качеству куда хуже той оценки, которая была ему поставлена в рецензии. Читатель или зритель недоумевает. Ему просто порой невдомек, что «редакция не отвечает за достоверность...». Такая практика извращает или искажает многие события и явления в нашей культуре, что не способствует культурному росту и воспитанию человека. В этом случае СМИ изображают позитивно, превозносят чьи-то интересы, а не то, что интересно, важно и полезно. А ведь с помощью таких проплаченных рецензий, оплаченных призов на кинофестивалях на экраны приникает халтура, безвкусица, бескультурие и даже чуждые культуре фильмы или сюжеты. Вот и получается, что журналистика, как часть культуры, вынуждает другую часть культуры снижать свой уровень.

Надо признать, что сейчас в российских СМИ любая положительная рецензия, любой доброжелательный анализ или похвала в редакциях воспринимаются, как реклама или пиар, а значит, подлежат оплате. А раз оплачено, автор имеет право писать, как хочет и что хочет.

Автор этих строк в бытность студентом принес в редакцию небольшой репортаж о том, что на одной из дворовых площадок города группа художников и скульпторов построила и привлека-

тельно раскрасила детскую площадку... Редакция готова была опубликовать этот репортаж только в том случае, если эта бригада заплатит деньги. Рассуждения были такими: после публикации о бригаде узнает весь город и ей начнут заказывать оформление детских площадок уже за деньги. А значит, была реклама.

С такими мерками можно подойти ко всем публикациям, рассказывающим о чем-то положительном и хорошем. Это больно ударило и по освещению вопросов культуры в газете. Положительная рецензия, рассказ о творческом коллективе, достижении человека, новой постановке в провинциальном или областном театре могут появиться на страницах газеты в основном только после оплаты.

В последние годы культура стала многообразна, появились новые течения, направления, виды и жанры. В Екатеринбурге за 15 лет в девять раз увеличилось количество культурно-развлекательных центров, художественных салонов, клубов, творческих коллективов. И за эти же годы в десятки раз сократилось количество публикаций на тему культуры. Вот и получается, что, кичась своей принадлежностью к культуре, СМИ игнорируют культуру, делают все, чтобы читатель не смог отделить зерна от плевел.

Литература

1. Кузин В. И. Культура социологического мышления журналиста // Социология журналистики: Очерки методологии и практики: Пособие для студентов вузов по специальности «Журналистика» / Под ред. С. Г. Корконосенко. – М., 1998. – С. 107.
2. Муравьева Н. В. Коммуникативная культура журналиста: сущность, основные понятия, обучение // Современная журналистика: дискурс профессиональной культуры. Тематический сборник статей и материалов / Под ред. проф. В. Ф. Олешко. – Екатеринбург, 2005. – С. 192.
3. Саморегулирование журналистского сообщества. Опыт. Проблемы. Перспективы становления в России. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2004.
4. Стровский Д. Л. Журналистика и культура: к вопросу взаимоотношения и познания // XXI век начинается: Актуальные вопросы журналистики: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 30 окт. – 1 ноябр. 2002 г. / Сост. Л. М. Макушин. – Екатеринбург, 2002. – С. 12.
5. Эдмонд Б. Ламбет. Приверженность журналистскому долгу. Об этическом подходе в журналистской профессии. – М., 1998.

Глобализация и процесс информатизации культуры в современном обществе

Одним из самых неоднозначных социальных процессов последних десятилетий является процесс глобализации. Вторгаясь в культурную сферу, затрагивая личностно-индивидуальный уровень, процесс глобализации приобретает особый смысл. С одной стороны, широко распространено мнение, что культурным стержнем глобализации является западная культура, поглощающая все остальные, с другой стороны, следует признать сложный и неоднозначный процесс формирования глобальных культур, как правило, берущих начало в национальных и региональных [См.: 4].

На современном этапе развития общества люди, государства связаны между собой сложными системами информационно-коммуникационных потоков, для которых расстояния, территориальные границы, географические преграды более не имеют существенного значения. Можно сказать, что в современном мире идет процесс становления особого типа реальности – информационной. Именно использование информации в различных сферах жизнедеятельности общества является ныне ключевым фактором социальной действительности. Существование информационного пространства дает возможность взглянуть на процесс творчества не только как на самостоятельный процесс создания индивидом новых социально значимых интеллектуальных и материальных артефактов, но как на процесс своеобразного «подключения» творческого индивида к информационному пространству. Такое «подключение» открывает широкие возможности творчества индивида и неограниченные возможности функционирования культуры, идентичной формирующемуся информационному обществу – информационной культуре.

Информационную культуру следует понимать, прежде всего, как часть общей культуры, один из важнейших аспектов культурной деятельности вообще. Она имеет черты, общие для всей культуры: неразрывно связана с социальной природой человека, является продуктом человеческой деятельности, результатом активного отношения людей к природе, обществу и друг к другу. Одновременно

* *Алексей Сергеевич Магранов* – студент 4-го курса специальности «Социология» ф-та социологии и политологии Южного Федерального ун-та (г. Ростов-на-Дону).

информационная культура выступает в качестве необходимого и эффективного фактора освоения человеком культурной реальности, всего того культурного потенциала общества, который накопило человечество в процессе своего многовекового исторического пути. Поэтому не следует ограничивать область функционирования информационной культуры лишь сферой компьютеризации или информационной техники вообще. В действительности, эта сфера гораздо более широкая и охватывает процессы научной деятельности, образования, управления природными и социальными процессами, сферу быта, досуга и так далее. По мере информатизации общества эта сфера расширяется, процесс выступает в качестве объективно необходимого для развития общества. Информационная культура является феноменом, имеющим довольно сложную структуру. Информационная культура содержит помимо прочего экранную культуру, которая, кроме свойств, характерных для всей информационной культуры, содержит свои, специфические свойства. Экранная культура, в свою очередь, содержит компьютерную культуру со своими характерными особенностями. Наконец, компьютерная культура содержит специфическую культуру Интернет [См.: 3].

Развитие информационной культуры расширило и ускорило процесс интернационализации не только экономических и хозяйственных, но также политических и социокультурных связей. Экран телевизора или монитора позволяет отдельно взятому человеку независимо от его географического местоположения получить доступ к социальному и культурному опыту других народов, познакомиться с традициями и обычаями иных культур. Таким образом, формы видения мира становятся значительно более многообразными, нежели в совсем недавнем прошлом. Несомненно, подобное соприкосновение с иными культурными традициями накладывает свой отпечаток на национальные и религиозные основы жизнедеятельности, стимулирует эрозию традиционных местных, этнических, национальных начал, корректирует восприятие культурных архетипов, на которых основано каждое общество. Так или иначе, но подобные процессы, получившие название информационной и культурной глобализации, формируют в сознании каждого отдельного человека чувство принадлежности к глобальному мировому сообществу.

Оценка подобных тенденций развития человеческого сообщества весьма неоднозначна. С одной стороны, раздается множество восторженных оптимистических прогнозов о возникновении единой великой культуры человеческой цивилизации на основе общепринятых законов политического и экономического развития. При всей множественности моральных норм, обычаев, привычек, форм поведения, люди, живущие в едином политико-культурном пространстве, нуждаются в неких общих ценностях и законодательных

и поведенческих нормах, которые регулируют их жизнь. С другой стороны, эти же процессы порождают весьма пессимистические отзывы о начале культурной гомогенизации человеческого сообщества, так как невозможно гарантировать, что при создании «всеобщих ценностей», по которым будет развиваться человечество, будет налажен равноправный взаимовыгодный культурный диалог [См.: 1].

Культурная унификация, усредненность, выравнивание ведут к исчезновению очагов культурной самобытности, и, следовательно, лишают человечество важнейших источников развития. Процессы глобализации способствуют распространению культурных моделей, которые подаются как общезначимые в рамках единого информационно-коммуникативного поля. Сокращение роли государства проявляется при этом в том, что многие символы идентичности формируются за пределами традиционного культурного наследия. Границы «своего» и «чужого» постепенно стираются, среди различных групп распространяются однообразные стандарты и символы. СМИ, миграционные потоки, глобализация распространения культурного продукта привносят альтернативные стили, образы, символы, ценности, стандарты поведения, сформировавшиеся как элементы чужеродных культур. В процессе заимствования они вытесняют многие традиционные элементы культуры, кажущиеся непривлекательными и невостребованными. Закономерно происходит стирание различий не только в одежде или пище, но и в культурных и поведенческих стереотипах, которые нередко навязываются чужеродной культурой. Ориентация на инородные образцы изменяет «культурный» облик отдельных социальных групп и общества. Само общество при этом распадается на множество слабо интегрированных групп, отличающихся различными критериями идентичности [См.: 4].

Сохранение культурного плюрализма – одна из приоритетных задач как международных организаций, так и каждого отдельного государства. Сбалансированная государственная политика, способная наладить и поддержать равноправный диалог национальной культуры в процессе интеграции в глобальную систему международных отношений, является составляющей национальной безопасности современного государства. Причем в качестве одного из важнейших аспектов государственной политики в культурной и информационной сферах выступает механизм контроля над СМИ.

Литература

1. *Аранова Н.* Культурный плюрализм в условиях глобализации культурных и информационных процессов // Материалы научно-практической конференции «Российская пресса в поликультурном

обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения». – М., 2002.

2. *Блохина Ю. В.* Медиакультура как феномен информационного общества // Материалы VIII международной научно-практической конференции «Человек в системе коммуникации». – Нижний Новгород, 2007.

3. *Негодаев И. А.* Информатизация культуры. – [Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru>].

4. *Шалютина Н. В.* Глобализация и культурный плюрализм // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – Серия: Социальные науки. – 2007. – № 2.

Медиадискурс глэм-культуры

Глэм-культура родилась в недрах общества глобальной медиатизации, маркетизации и массового потребления. Ее массмедийная стратегия ориентирована на рынки особого рода, а именно – на рынки развлечений, удовольствий, шоу-представлений, роскоши и моды. Массмедийная сфера (ТВ, кино, глянцево-журналы, реклама, Интернет) стала главным коммуникативным каналом, транслирующим ценности глэм-культуры.

Дискурс глэм-культуры строится на таких базовых концептуальных формулах, как «enjoy yourself», «бери от жизни все», «живи играючи», «не бери ничего в голову», «не грузи ближнего своего», «я этого достойна», «стань звездой», «равнение на звезд», «жить хорошо, а хорошо жить еще лучше», «бренд всему голова», «имидж – все», «шагай в ногу с модой».

Основными символическими фигурами, посредством которых артикулируется и транслируется дискурс глэм-культуры, являются презентруемые массмедийными каналами статусно-престижные имиджи и бренды, а также модные образы, представленные знаменитыми топ-моделями и шоу-звездами.

Носителем и главным субъектом-распространителем дискурса глэм-культуры выступает группа так называемых селебритис (celebrities), то есть медийных знаменитостей. К ним относятся люди, постоянно присутствующие на экранах, пользующиеся большой популярностью у публики и имеющие возможность посредством СМИ влиять на взгляды, поведение и образ жизни обычных людей.

Селебритис олицетворяют собой телеологический идеал и воплощение жизненной мечты приверженцев глэм-культуры. Они для него одновременно и гуру и объект для подражания. Культ селебритис, идолопоклонство перед звездами экрана – важнейшая черта глэм-культуры, мотор ее развития и источник экономического процветания. Благодаря глэм-культуре, культивирующей образ жизни селебритис, активно развиваются и получают сверхприбыль целые отрасли так называемой креативной индустрии (модельный бизнес, шоу-бизнес, арт-маркетинг, спа-индустрия, пластическая хирургия, гурман-сервис, VIP-туризм и др.).

* *Ольга Фредовна Русакова* – д-р полит. наук, профессор, заведующая отделом философии Ин-та философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

Институционально глэм-культура представляет собой мощную индустрию по производству имиджей и брендов в качестве товаров массового потребления. Основная функция имиджей и брендов – производить впечатление на публику. В мире глэм-культуры все хотят производить впечатление, и каждый человек мечтает стать брендом.

Дискурс бренда доминирует в культуре гламура. Согласно теоретику брендинга Джону Гранту, структурно любой бренд можно представить в виде молекулы, составленной из цепочки культурных стратегических идей. В числе таковых – идеи здорового образа жизни, зрелищные идеи, лидерские и организационные идеи. В особую группу брендовых стратегий Грант выделяет стратегические идеи гламурных изданий, к которым он относит идеи эротизма и роскоши. Дискурс бренда обладает такой характеристикой, как мощь, в которой воплощается его суггестивная и аттрактивная сила. Благодаря данной силе бренд способен внушать публике чувство привязанности к себе и даже фанатичной любви. Суть бренда как агента влияния схватывается посредством двух ключевых понятий: «известное медийное имя» и «общественная культовая привязанность». Важную роль в культивировании бренда играет мифология – легенды и истории, рассказывающие о жизни селебритис. Внимание к подробностям и особенно к скандальным историям из жизни звезд – атрибутивное свойство дискурса глэм-культуры. Житие знаменитостей – один из самых популярных жанров гламурно-ориентированных телепрограмм («Истории в деталях», «Программа максимум» и др.).

Глэм-культура, четко устанавливая шкалу ценностей посредством культивирования рейтинговой иерархии, звездности и брендовости, выполняет определенные дисциплинарные социальные функции. Ее дискурс столь же властен, нормативно и организационно заряжен, как дискурс маркетинга и рекламы. Дискурс глэм-культуры призывает к дисциплинарному порядку в области внешнего вида (регламентация в виде статусно-значимого дресс-кода) и поведенческих моделей, что сближает его с дискурсом средневекового сословного этикета. Глэм-культура предъявляет довольно жесткие дисциплинарные требования к телесной организации. В ней явно присутствует дискриминационный уклон в отношении тех, чьи фигуры не укладываются в модельные стандарты («90-60-90»), чей внешний вид не отличается ухоженностью и так называемой безупречностью (термин «безупречность» один из самых широко употребляемых в рекламе), кто не занимается активным потреблением модных брендов.

Смыслообразующим ядром дисциплинарных усилий потребителя глэм-культуры (назовем его глэм-культуристом) выступает

набор имиджевых благ, который сулит ему реклама гламурной продукции. К таковым в первую очередь относится обретение блестящего, привлекательного и запоминающегося внешнего вида, воплощающего мечту гламура. Данная мечта артикулируется как вечная молодость, сексуальность, безупречность, спортивность, яркость, роскошность. Серьезные усилия, которые затрачивает глэм-культурист на приобретение имиджевых благ, выступают для него основным способом самоинвестиций. Вкладываясь в себя, таким образом, он обретает востребованный на рынке глэм-капитализма нормативный товарный вид. Стратегия обретения гламурного вида является способом социальной идентификации и жизненного самоутверждения индивида в мире глэм-капитала. Возможность социального самоутверждения через глэм-культурную практику – вот чем в первую очередь завоевывает публику индустрия гламура.

Внутренняя логика медиадискурса глэм-культуры требует от своих поклонников подкрепления нормативно-ценностных ориентиров гламура соответствующим образом жизни. К основным чертам данного образа жизни, на наш взгляд, можно отнести следующие: *нарциссизм, гедонизм, шоу-шик, холодная ирония в стиле cool, эротизм, имиджевый интеллектуализм, дефицит подлинности*.

Под *нарциссизмом* подразумевается эгоцентрическое любование собственным отражением в зеркале, а также отражением себя в глазах окружающих, что в огромных дозах культивируется рекламой («Все в восторге от тебя...», «Я этого достойна...»).

Гедонизм как гламурный образ жизни означает восприятие жизни как праздника, который всегда с тобой. Веди себя так, чтобы все поняли, что ты – не чужой на этом празднике жизни, – диктует глэм-культура. Еще лучше, если окружающие будут видеть в тебе бон-вивана, легко и весело шагающего по жизни под девизом «no problem».

Игровая манера гламурной жизни реализуется в шоу-шике – еще одной важной характеристике глэм-культуры.

Шоу-шик – это синтез яркого зрелища, игры на публику и атрибуты шикарной жизни касты избранных – звезд шоу-бизнеса. Шоу-шик – это еще и гламурное представление об аристократическом, светском образе жизни. В роли светских львиц и львов выступают кумиры экрана, продюсеры, модные дизайнеры, топ-модели, «богатые и дерзкие», успешные и рейтинговые персонажи. Представления в духе шоу-шика часто присутствуют на экранах ТВ. Яркий тому пример – рекламно-документальный сериал о приватной жизни «звездного» дизайнера Сергея Зверева.

Перформансы шоу-шика крайне важны для социального продвижения глэм-культуры в целом: эксплуатируя людскую страсть к подглядыванию за знаменитостями, они вербуют новых членов в ряды глэм-культуристов, расширяя тем самым клиентский рынок глэм-капитала.

Cool – это амбициозная манера сохранять холодное спокойствие, выдержку, что бы ни случилось. Стиль cool в глэм-культуре означает некий пофигизм, уход от серьезных тем, установку на ироническое отношение к тому, что считается высокой политикой и культурой. Дискурс в стиле cool – это риторика стеба, нацеленная на снижение пафоса посредством использования фигуры каламбура, переворачивающей традиционные смыслы. Типичными примерами ироничных шоу в стиле глэм-дискурса являются популярные телепрограммы «Прожектор Перес-Хилтон» и «Comedy Club».

Эротизм в контексте глэм-культуры представляет собой требование постоянной демонстрации сексуальной чувственности и привлекательности. В качестве нормативного ориентира предлагается определенная рейтинговая шкала, составленная из звезд экрана и модельного бизнеса, получивших звание секс-символов. Специальному рейтинговому анализу подвергаются также отдельные части тела (губы, грудь, торс, плечи, руки, живот, ноги и т. д.), эпизоды экранной жизни, манеры публичного общения. Словом, эротизация должна носить тотальный характер, чтобы отвечать лучшим образцам глэм-культуры.

Имиджевый интеллектуализм – это стремление произвести впечатление широко образованного, философски мыслящего человека, следящего за модными тенденциями в науке, литературе и высокой культуре. Для поддержки интеллектуального имиджа модные журналы предлагают глэм-культуристам набор имен популярных властителей дум, а также серии глубокомысленных цитат и выражений, взятых из книг знаменитых авторов.

Главное для глэм-культуриста – не быть, а казаться. За имиджевой привлекательностью нередко скрывается внутренняя пустота. Чувства, слова, мысли, внешность заимствованы из глянцевого журналов, рекламных слоганов, медийных шоу, а потому – ненастоящие, искусственные. Жизнь зациклена на производстве и потреблении симулякров. Все самобытное, подлинное вытесняется, отчуждается и аннигилируется имиджевой кажимостью.

Дефицит подлинности – не только характерная черта, но и бич гламурной жизни. Достаточно небольшой рефлексивной иронии, чтобы почувствовать холодное дыхание пустоты и испытать тоску по реальной, настоящей жизни. Отсюда – восхищение так называемыми реальными (конкретными) ребятами. Отсюда – и тяга к путешествиям по странам и местам, не до конца пропитанным потребительской культурой.

Культура в зеркале современных СМИ Татарстана

Татарстан, один из самых развитых по экономическому потенциалу регионов России, находится также в числе самых читающих и информационно насыщенных. На каждую тысячу жителей республики по подписке приходится по 515 экземпляров периодических печатных изданий (средний показатель по Российской Федерации – 219 экземпляров). Рынок он-лайн-СМИ Татарстана продолжает расти. Сейчас большинство традиционных медиапроектов имеют представительства в сети Интернет. На территории Республики работают 50 телевизионных компаний. 30 из них вещают на русском и татарском языках [4].

Реестр СМИ Республики Татарстан по данным на 1 января 2007 года содержит 1133 СМИ. Из них государственных – 221, негосударственных – 912 [4]. Татарстанское информационно-культурное пространство включает в себя систему образовательных и культурных мероприятий, а также социальную жизнь татар и их интеграцию в другие этнокультурные сообщества. В тоже время оно представляет собой универсальную среду для научно-исследовательской работы по проблемам татарского народа. Большинство авторитетных газет и информационно-публицистические разделы журналов, претендующих на статус «общетатарских» и «всемирных» изданий, похожи друг на друга по содержанию, распространяемым идеям, однотипны по смыслу и уровню исполнения, привлекают один и тот же круг авторов, часто неадекватны запросам современника, особенно молодого поколения татар. Все это в деятельности родственных СМИ приводит к дублированию, неравномерному освоению татарского информационного рынка.

Культура как духовность есть неперемнное условие, без которого всякое общество и любая страна обречена. Современная культура характеризуется разнообразием идеалов и ценностей. Увы, сегодня чувство подавленности от происходящего и неуверенности в завтрашнем дне не исчезает, а напротив, усиливается. Современный исследователь проблем философии В. Ф. Шаповалов вы-

* *Ляйля Рашитовна Сабирова* – аспирант кафедры татарской журналистики Казанского государственного ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина (г. Казань).

деляет три главных аспекта понятия «культура»: «Во-первых, культура есть сфера свободной самореализации личности, сфера творчества, где наиболее полно реализуются творческие потенции человека – это, прежде всего, искусство, наука, образование. Во-вторых, культура есть ценностное отношение к реальности, то есть в ней всегда присутствует то, что свято и признается безусловной ценностью. В-третьих, культура есть искусственный, созданный мыслью, духом и руками человека мир, отличный от «натуры» (природы)» [2].

Рынок превратил продукт духовной, культурной деятельности в товар, который должен быть продан по цене, обеспечивающей продавцу максимальную прибыль. К сожалению, коммерциализация (финансовая независимость от власти) СМИ, дала толчок такому явлению, как непрофессионализм сотрудников печати. Он проявляется в слабом владении молодыми журналистами литературным языком, его замене вульгарно-просторечной, а то и ненормативной лексикой. Для достижения коммерческого эффекта используются такие приемы, как эпатаж, сенсационность любым путем, смакование крайних форм насилия, жестокости, секса, культивирование тем, попирающих общечеловеческие ценности и т. п. Все это явно не способствует воспитанию читателей, формированию у них хорошего вкуса и самостоятельного мышления. Всем нам хорошо известно, что представляют из себя эти сенсационные статьи с «кричащими» заголовками и сплетни о личной жизни «звезд». Этого несколько лет назад не было так явно видно на страницах татарстанской, в частности татарской прессы, но сейчас видимо потребности аудитории изменились. Я поинтересовалась в киосках печатных изданий, какие газеты лучше всего покупаются. Среди русскоязычных в Казани популярностью пользуются «Аргументы и факты», «Жизнь», «Комсомольская правда», среди татароязычных «Акчарлак» («Чайка»), «Каеф ничек?» («Как настроение?»), «Татарстан яшьлэре» («Молодежь Татарстана»). В этих изданиях также используются описанные выше приемы. К сожалению, культурно-просветительские, общественно-политические издания типа «Мэдэни жомга» («Культурная пятница»), «Ватаным Татарстан» («Родина моя Татарстан»), «Шахри Казан» («Город Казань») нередко остаются в киосках нереализованными. Чтение «желтой» прессы в свою очередь приучает нас к мысли, что человеческая жизнь вообще ничего не стоит. Люди привыкают к жестокости, она становится чем-то будничным, заурядным тем более, что вся информация перемешана. Акцент переводится с внутреннего на внешнее. Сейчас становится важным как ты выглядишь, и что для этого нужно делать.

Новое поколение, воспитанное развлекательными телевизионными передачами, инстинктивно рассматривает всю человеческую жизнь как развлечение. Телевидение (например, каналы «СТС – Казань», «Эфир») формирует у молодежи новую концепцию жизни, так называемую «систему игры». Таким образом, оно настолько меняет детей, что им становится трудно устанавливать контакты со старшим поколением, подчиняться традиционным культурным нормам воспитания и поведения. «Приучили людей к товарам? Нет, приучили к рекламным клипам. К их темпу, блеску, крику. Приучили так сильно, что малыши со скукой смотрят фильм и радостно оживляются при каждом появлении ликующих теток, непрерывно наслаждающихся майонезом, шоколадом, бульонными кубиками. Дети идут за рекламой, копируют слоганы, жесты, манеры и превращаются в тех, экранных, безмозглых...» [1] Одним словом, можно по-разному рассматривать эту проблему, но бесспорно одно – СМИ, особенно телевидение, в том виде, в котором оно сейчас существует, представляет реальную угрозу для культурного развития человеческой личности. А происходит это потому, что многие печатные издания и телевидение превратились по воле чиновников-коммерсантов в средство пиара и перестали быть центром культурного воспитания, публицистического исследования жизни. Основу национального вещания в республике составляет телерадиокомпания «Татарстан – Новый век». О ней можно говорить, как о положительном примере. Телеканал представляет зрителям полный спектр телепрограмм – от новостей, общественно-политических программ до телесериалов, игровых ток-шоу, прямых трансляций спортивных матчей и зрелищных мероприятий. Но здесь достаточное внимание уделяется информации об истории и современном состоянии разных народов, о профессиональном искусстве, народном творчестве, рассказывается о нравственных ценностях, эстетических идеалах, традициях, о функционировании языка.

Без сомнения, основной задачей российского телевидения должно стать наполнение программной сетки достаточным количеством развлекательных передач с социально-образовательным контекстом, помогающим в воспитании, обладающим мощным потенциалом знакомства человека с культурными ценностями. Однако на сегодняшний день в эфире преобладает, прежде всего, развлечение, обращенное к темной стороне человеческой личности, эксплуатирующее темы насилия, секса, социального неравенства, проповедующее эскапизм и идеологию потребления. Кроме всего прочего, современным республиканским СМИ не хватает оперативности, а в материалах глубины анализа. Как правило, российские СМИ опережают события, дают анонсы, а в республиканских же мы чаще видим информацию после мероприятия, в

виде постфактума. Оставляет желать лучшего иллюстративный ряд республиканских газет, стиль подачи материалов. Прежде всего не хватает элементарной эрудированности журналистов.

Совершенно справедливо заметил Минназим Сепперов, редактор газеты «Ватаным Татарстан» («Родина моя Татарстан»), что сегодняшние СМИ часто идут на поводу у читателя и публикуют легкую информацию, которая не заставляет думать. Сложно читать аналитические материалы на экономические и политические темы, гораздо проще и написать, и прочитать интервью с известным певцом или прогноз гороскопа. К сожалению, «желтизна» пронизывает все большее количество СМИ, добротных аналитических статей становится все меньше на газетных полосах. А ведь татарская журналистика всегда отличалась просветительской направленностью [3]. Нельзя и сейчас забывать о воспитательных и культурных функциях СМИ.

Литература

1. Поляков Ю. Культура не должна быть служанкой рекламы // Литературная газета. – 2002. – 19–25 июня.
2. Шаповалов В. Ф. Оновы философии. – М.: Фиар-Пресс, 2004.
3. [http:// info.tatcenter.ru/whoiswho/](http://info.tatcenter.ru/whoiswho/).
4. [http:// tatmedianew.hom.warlock.ru](http://tatmedianew.hom.warlock.ru).

Е. А. Самсонова*, **О. В. Абросимова****, **Е. Ю. Юдина*****

Роль телевидения и сети Интернет в жизни молодежи Тульской области

Лабораторией социологических исследований и изучения общественного мнения муниципального учреждения социальной службы для молодежи «Центр социально-психологической помощи молодежи «Шанс» в IV квартале 2007 г. было организовано и проведено социологическое исследование «Проблема массовых коммуникаций в Тульской области», целью которого являлось изучение ориентированности тульской молодежи в медиaprостранстве.

Эмпирическим объектом исследования выступали молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет, проживающие на территории Тульской области. Массив опрошенных составил 200 человек, ошибка выборки не превышает $\pm 3,0$.

В рамках настоящего анкетного опроса особое внимание исследовательская группа уделила изучению отношения молодых туляков к двум наиболее распространенным видам средств массовой коммуникации: телевидению и сети Интернет. Рассмотрим подробнее полученные результаты.

Отношение молодежи к телевидению

За последние годы произошла определенная переориентация интересов молодежи – они переместились в информационную, профессиональную и досуговую сферы, что естественно влечет за собой смену парадигмы деятельности средств массовой коммуникации, и в особенности телевидения, как лидирующего источника информации, освещающего весь объем новостей, событий, программ.

* **Екатерина Анатольевна Самсонова** – завлабораторией социологических исследований и изучения общественного мнения муниципального учреждения социальной службы для молодежи «Центр социально-психологической помощи молодежи «Шанс», замдиректора по научной работе (г. Тула).

** **Ольга Вячеславовна Абросимова** – специалист по работе с молодежью «Центра социально-психологической помощи молодежи «Шанс», аспирант кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета (г. Тула).

*** **Екатерина Юрьевна Юдина** – ведущий специалист по работе с молодежью «Центра социально-психологической помощи молодежи «Шанс» (г. Тула).

По мнению большинства (45,0 %) участников опроса, за последнее время российское телевидение стало в целом более увлекательным. Кроме того, гендерный анализ полученных данных показал, что телевидение России за последнее время стало более интересным и для мужчин, и для женщин в равном соотношении.

В рамках настоящего опроса важным представляется изучение предпочтений тульской молодежи относительно выбора разнообразных телепрограмм. Согласно результатам проведенного исследования, молодая аудитория предпочитает программы не только развлекательного характера; опрошенные также уделяют внимание и передачам о культуре, научно-публицистическим программам. Исследовательская группа полагает, что это связано с общим переструктурированием ценностных ориентаций молодежи, для которой все больше возрастают ценности потребления как товарного, так и духовного, в то время как интерес к политическим передачам занимает невысокое место в шкале интереса респондентов к телевизионной продукции.

Наиболее часто респонденты смотрят информационные программы и художественные фильмы. Второе место по популярности занимают криминальная хроника и информационно-публицистические передачи; не очень интересны молодой аудитории ток-шоу, а сериалам респонденты отдают предпочтение меньше всего (Таблица). Полученные данные свидетельствуют о том, что молодежь мало интересуется программами развлекательного жанра, которыми перенасыщено современное телевидение.

Степень заинтересованности респондентов разнообразными программами на телевидении (в % от числа ответивших)

Разновидности телевизионных передач	Совершенно не интересуют	Не очень интересуют	В какой-то мере интересуют	Во многом интересуют	Чрезвычайно интересуют	Всего
1	2	3	4	5	6	7
Новости	3,1	13,6	29,3	38,2	15,7	100,0
Политические передачи	21,7	28,6	28,0	16,4	5,3	100,0
Криминальная хроника	14,2	21,1	35,3	23,2	6,3	100,0
Передачи о культуре	11,5	30,9	36,1	16,8	4,7	100,0
Ток-шоу	28,8	33,5	24,1	9,9	3,7	100,0

Окончание табл. см. на след. стр.

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Художественные фильмы	4,2	10,4	27,6	45,8	12,0	100,0
Документальные фильмы	7,8	18,8	40,6	22,9	9,9	100,0
Научно-популярные передачи	8,9	24,5	38,5	18,2	9,9	100,0
Сериалы	47,4	22,6	17,4	7,4	5,3	100,0

Нельзя не отметить также, что в последнее время наблюдается снижение удельного веса программ, освещающих молодежные проблемы. Статистика телевизионных передач свидетельствует: специальных тематических программ осталось около 5,0 % общего эфирного времени, из их классификации ушло само название «молодежные» (исключение составляют музыкальные передачи), нет постоянных программ, затрагивающих жизненные проблемы молодых.

В ходе исследования была выявлена тенденция, согласно которой молодежь Тульского региона характеризует пассивно-адаптивный характер поведения при просмотре телевизионных передач. Большинство опрошенных (28,7 %) смотрят телевизор «вполглаза», и лишь 11,7 % – внимательно.

Показательно, что просмотр различных программ выступает фоновым преимущественно для респондентов женского пола, то есть чаще всего они параллельно занимаются другими делами, в то время как мужчины, в основном свободные от посторонних занятий, домашних дел, почти всегда внимательно смотрят телевизор.

Необходимо также подчеркнуть, что фоновый тип просмотра телевизора более всего характерен, в соответствии с полученными данными, для группы респондентов с высшим образованием. Молодые люди с более низким образованием чаще включают телевизор для просмотра конкретных передач, после того как закончат все дела, – они придают этому времяпрепровождению статус общесемейного ритуала.

Приобщение молодежи Тульской области к информационной сети Интернет

Существенной особенностью глобализации сегодня является усиление роли новых информационных технологий в жизни общества. Особая роль в этом процессе принадлежит всемирной сети Интернет, которая, являясь специфическим интерактивным средством массовой коммуникации, уже активно используется в жизни современного общества. Молодежь – это наиболее восприимчивая к новым технологиям возрастная группа, которая рассматривает

Интернет как один из основных источников информации и средств коммуникации.

Согласно результатам проведенного исследования, пользующаяся всемирной сетью тульская молодежь имеет почти одинаковую возможность доступа к сети Интернет как в домашних условиях (51,9 %), так и по месту работы и/или учебы (50 %).

Так как Интернет дает широкие информационные возможности, естественно, это порождает и определенные цели использования сети. Для большинства респондентов Интернет – это, прежде всего, источник получения информации для работы или учебы (см. рис.).

Рис. Цели использования сети Интернет молодежью Тульской области

В основном, молодые люди выходят в онлайн для поиска новостей, общения с друзьями, скачивания музыки и совершения покупок в интернет-магазинах. В качестве других вариантов ответа респондентами был отмечен «поиск новых знакомых и своих друзей по месту учебы» (например, на сайтах «Одноклассники», «Мой мир», «В контакте» и т. п.). Хотелось бы отметить, что эта новая услуга достаточно быстро стала популярной, количество ее активных пользователей увеличивается с каждым днем.

Также следует подчеркнуть, что поведение мужчин и женщин в сети Интернет существенно различается. В целом представительницы прекрасного пола не очень уверенно ориентируются в многочисленных веб-ресурсах. Для них обращение к Интернету носит преимущественно целевой, рациональный характер. Часто поводом для захода в сеть являются ссылки в журналах; информация по работе, учебе, по вопросам трудоустройства, здравоохранения и досуга. Мужчины в большей степени склонны к сетевым развлечениям, к ненаправленному серфингу в виртуальном пространстве. Представителей обоих полов в Интернете в равной степени привлекают новости кино, видео, музыкальные новинки.

Как известно, чтобы найти информацию по какому-либо вопросу, основная часть респондентов заходит в Интернет и ищет ее с помощью поисковых сервисов или запрашивает на форуме, в связи с этим достаточно актуальным представляется определение преимуществ и недостатков сети перед традиционными источниками информации. Основные положительные моменты всемирной паутины, по мнению анкетированных, – оперативность и обширность предоставляемой информации. В качестве главного недостатка молодые люди назвали высокую стоимость услуг Интернета. Это и понятно, в условиях, когда цены на товары и продукты заметно выросли, найти необходимую сумму на оплату услуг провайдера непросто. Поэтому заметная часть пользователей сети вынуждена ограничивать свое общение в виртуальном мире, этим, по мнению исследовательской группы, можно объяснить и большой процент (29,9 %) респондентов, никогда не посещавших Интернет. В качестве недостатков отмечались также невысокое качество информации, трудоемкость поиска интересующей информации. Показательно, что не обнаружили недостатков сети всего 7,5 % опрошенных.

Т. В. Черепанова*

«Телевизионный спорт» как специфический феномен медиакультуры

Очевидно, что в последнее время спорт тесно связан с телевидением. С одной стороны, происходит превращение спортивных состязаний в телешоу, и медиа активно использует сферу спортивного в своих интересах, с другой – телевидение во многом способствует привлекательности спортивного. Поэтому можно говорить, что данный союз взаимно выгоден. Понятие «телевизионный спорт» предложено В. Зверевой [1]. Раскрывая суть данного термина, рассмотрим причины такого тесного «сотрудничества» спорта и телевидения.

Начнем с того, что главное свойство транслируемого – общезначимость. В данном контексте спорт – настоящая находка для СМИ. Спорт принципиально общедоступен: для него нет ни национальных, ни стратовых границ. Спортивные структуры действуют в глобальном масштабе, и спорт, таким образом, в силу своей общедоступности, проявляет себя как объединяющий фактор. В этом смысле примечательны Олимпийские игры: телевидение активно развивает их тезис равных возможностей, честной игры и значимости для всего мира. Вообще, можно сказать, что спорт сделался неким мировым шоу, в первую очередь благодаря масс-медиа.

Спорт уникален (и, безусловно, удобен СМИ) также в том плане, что удачно раскрывается в любом формате: новостей, развлечения, рекламе [2]. Во-первых, спорт всегда богат на так называемый «экшн», он предлагает зрителям напряженное по своей сути повествование с неизвестным финалом. Кроме того, комментаторы часто поддерживают некую драматичность и подчеркивают уникальность происходящего в кадре. Во-вторых, спорт на телевидении – безусловно, развлекательная программа. И если фильм или сериал требует внимания к сюжету, то соревнования можно смотреть с любого момента, благо комментарии и всегда известный счет компенсируют незнание или невнимание зрителя. Тут также важно и то, что современный зритель настроен скорее на «клиповость» мышления, на fast-thinking, отсюда и потребность зрителя в постоянной трансляции каких-нибудь соревнований. Ну и, конечно

* *Татьяна Витальевна Черепанова* – студентка 5-го курса фило-софского ф-та УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

же, не имеет смысла отрицать насыщенность спортивных программ рекламой. Кроме того, что реклама заполняет стадионы, сам телевизионный спорт является определенным рекламным посланием: он транслирует идеальные образы и стили жизни.

Одним из идеальных образов спорта в медиапространстве является презентация «идеального телесного». Тела спортсменов «красивые» и «гармоничные». В современном обществе неумение держать свое тело под контролем вызывает недоверие. Наш способ существования во многом телесный, и тело образует значимую часть нашей идентичности. Сейчас в центре наиболее распространенных техник моделирования личности выступает именно образ спортивного тела, и в не меньшей мере этому способствует общедоступная визуализация идеально-телесного, осуществляемая медиакультурой. Стремление привлечь к экранам большую аудиторию способствует эротизации тел спортсменов, и видеоряд совершенных тел выходит за рамки спортивных передач и продолжается в рекламе. Спортсмены как медийные персонажи становятся законодателями моды и пропагандируют «правильный», в смысле самоидентификации, стиль жизни. Формирование личностного посредством телесного и выражение телесного через спортивное ведет к репрезентации обычным зрителем себя-тела через спорт и все, что с ним связано. Медиа-реальность незаметно укореняется в повседневности. Я имею в виду заметную в последнее время увлеченность экстремальными видами спорта и популярность спортивной одежды и атрибутики. Как отмечает В. Зверева, сейчас «популярен топос взаимосвязи спорта, здоровья и красоты; к нему присоединяются гендерные конструкции идеальных тел женщин и мужчин» [1]. Эстетика спорта реализует себя как раз посредством медиакультуры: это подтверждается не только многочисленной рекламой спортивной одежды, но и, например, если обращаться к российскому опыту, популярностью фигурного катания. Можно также говорить и об этической символизации спорта в рамках масс-медиа: телевидение поддерживает идеалы «честной борьбы», «стремления к победе» и приучает зрителя потреблять эти образы.

Медиакультура при всей своей тотальности все же активно работает на развитие интереса к спортивному: преимущество камеры по отношению к реальному взгляду состоит в том, что она позволяет увидеть ближе, узнать подробнее, растянуть важный момент или наоборот почувствовать скорость. Это возможность «вездесущности» подкупает, создает иллюзию твоего личного участия в происходящем и поддерживает необходимое напряжение зрелищности спорта. С другой стороны, телевидение, давая зрителю возможность увидеть происходящее с разных точек зрения, недоступных обычному зрителю (с крыши машины Формулы-1

или высоты птичьего полета), наделяя его этой мнимой вездесущностью, на самом деле, предлагает ему уже истолкованную определенным образом реальность; и в отличие от реальности подлинной, как отмечают К. и Г. Лэнги, она оказывается принудительно интерпретированной [3].

С одной стороны, спорт активно используется телевидением: неизменно держит высокий рейтинг, обеспечивает зрелищность, информативность и является благодатной почвой для рекламной деятельности; с другой стороны, СМИ удачно репрезентирует спортивное как некий эталон, обильно символизируют смысловое пространство спортивного и задают постоянную потребность в нем современного человека.

Литература

1. Зверева В. Телевизионный спорт // Логос. – 2006. – № 3.
2. Луман Н. Реальность массмедиа. – М., 2005.
3. Lang K. & G. E. Politics & TV. Chicago, 1968 (цит. по: Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. – Екатеринбург, 1999. – С. 47).

Раздел четвертый

PR и рекламные коммуникации в полиэтническом пространстве Урала

Е. В. Андреева*, **Т. В. Лазарева****,
В. С. Алешина***

Бренд Урала как способ продвижения региона

Одним из самых цитируемых является определение бренда, предложенное Американской маркетинговой ассоциацией (АМА) в 1960 году. Оно звучит следующим образом: «Бренд – это название, термин, знак, символ или дизайн, а также их комбинации, которые предназначены для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов и для отличия их от товаров или услуг конкурентов». Это понятие подчеркивает значимость визуальных символов бренда, обеспечивающих идентификацию и дифференциацию марочного продукта.

Сущностное отличие бренда стоит искать не в элементах его внешней узнаваемости, а главным образом в содержании бренда, доставляющего уникальные ценности до целевого потребителя. Технологии создания и внедрения бренда получили название – брендинг. Особое место в этой сфере занимают бренды стран и территорий. При этом брендинг территории неотделим от процессов повышения ее конкурентоспособности, так как бренд по своей природе является демонстрацией и гарантом конкурентных преимуществ.

Тема брендинга территорий, возникшая еще в 1970-е гг. в ряде развитых стран, стала особо популярной в России в последнее десятилетие. В России уже предпринимаются попытки создания брендов страны, территорий, регионов, районов и городов.

Как показывает международный опыт, за пониманием территорией (регионом) своей стратегической позиции следует создание и развитие ее бренда. «Бренд региона позволяет администрации и

* **Елена Владимировна Андреева** – канд. ист. наук, замдекана ф-та социальной психологии, доцент кафедры рекламы Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

** **Татьяна Владимировна Лазарева** – студентка 2-го курса специальности «Реклама» ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

*** **Виктория Сергеевна Алешина** – студентка 2-го курса специальности «Реклама» ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

деловым кругам наиболее эффективно взаимодействовать с различными целевыми группами: инвесторами, межрегиональными и экспортными рынками, населением, туристами. Он переводит стратегические преимущества территории на язык, понятный этим группам, и многократно усиливает значимость этих преимуществ», – говорил сопредседатель Совета по национальной конкурентоспособности А. Шестопалов.

В наши дни идея создания бренда Урала остается по-прежнему актуальной. Несмотря на то, что в последние годы правительство Свердловской области всерьез озаботилось данной проблемой, достойный образ региона так и не был создан. Вместе с тем *бренд территории* играет очень важную роль, включая в себя совокупность ценностей, отражающих своеобразие, неповторимые оригинальные характеристики данной местности, получившие общественное признание и пользующиеся стабильным спросом потребителей данной территории.

Актуальность и необходимость исследования регионального имиджа обусловлена как минимум тремя важными обстоятельствами. Первое – это уникальное географическое разнообразие территории Российского государства и различие исторических судеб его отдельных регионов. Второе – практическое значение изучения в условиях выработки перспективной региональной политики. Третье – это необходимость контроля за продвижением региона и возможность управлять его имиджем.

По нашему мнению, созданный бренд – «портрет» Урала выделит бы наш край среди прочих субъектов федерации, а его популяризация способствовала бы не только узнаванию региона, но и помогла бы его продвижению на экономическом, политическом и социально-культурном уровне. Такой бренд повысил бы осознание подрастающим поколением ценностей, роли своей малой родины, сформировал бы чувство гражданственности, патриотизма. Ведь еще Ключевский писал: «Племя становится нацией лишь через работу над сверхнациональными заданиями. Нация тем более нация, чем больший вклад внесла она усилиями своих сынов в сокровищницу человеческой культуры».

Привлекательный имидж Уральского региона помог бы установлению взаимовыгодных успешных внешних и внутренних экономических связей с российскими и зарубежными партнерами и способствовал притоку дополнительных инвестиций в наш край. Бренд Урала, объединяя различные народы, населяющие наш край, стал бы отличным средством для дальнейшей консолидации полиэтнического пространства Урала.

Не нужно забывать, что создание бренда – это еще и уникальная возможность для проявления людьми своей активной жиз-

ненной позиции, так как именно мнение его жителей является основой для формирования образа региона.

Студенты второго курса специальности «Реклама», выполняя задание по учебно-ознакомительной практике, тоже решили выразить свое отношение к родному краю с помощью создания визуальных образов Уральского региона.

В понимании студентов, бренд Урала представляет своеобразную эмблему, в которой отражена языческая, дохристианская мифология, история становления области (через геральдику), развитие промышленности и культуры, так как именно они формируют образ Урала в умах людей. Студенты использовали самые различные символы при создании бренда Урала. Чаще всего упоминаемые визуальные образы были сведены в таблицу, посмотрев которую можно сделать вывод, что является наиболее значимым для молодежи (*табл. ниже*).

У студентов второго курса специальности «Реклама» факультета социальной психологии самые яркие бренды получились в культурологическом и официально-государственном значении. Их представили Лазарева Татьяна и Алешина Виктория.

Предпочитаемые визуальные образы в бренде Урала

Языческая, дохристианская мифология области	Геральдика области	Промышленность области	Культура области	Этнические особенности менталитета населения
Уральские горы - 8,8 % Ящерица - 7,3 % Драгоценные камни самоцветы - 5,9 % Река Исеть - 5,9 % "Европа и Азия" - 5,9 % Соболь - 4,4 % Упоминались: Мастер-кузнец, медведь, Аркаим, Челябинские озера - по 1,4 %	Герб УФО - 5,9 % Флаг Урала - 2,9 % Карта Урала - 1,4 %	Завод "Уралмаш" - 10,3 % Шестеренка, ключ и молот - 4,4 %	Бажов - 7,3 % Сказки Бажова - 2,9 % Упоминались: Ганина Яма, дом Ипатьевых, Храм на Крови, Невьянская башня, Чайковский, Мамин-Сибиряк, картина "Урал" Михайлова, Каслинское литье - по 1,4 %	Букины, Ельцин, уральский диалект, группировка "Уралмаш", женская баскетбольная команда "УГМК" - по 1,4 %

Таким образом, у молодежи самыми предпочитаемыми визуальными знаками стали образы Урала в сфере промышленности, мифологии и культуры. Уральский регион для многих студентов – это известный завод «Уралмаш», Уральские горы, писатель Бажов. Но у молодого поколения возникают ассоциации, связанные с ситуацией «Счастливы вместе», уральским диалектом, с женской баскетбольной командой «УГМК».

Бренд, представленный Т. Лазаревой, был выполнен на прямоугольном поле с закругленными углами. В центре рассеченного поля нарисован уральский мастер – кузнец с молотом и наковальней. По обе стороны от него располагаются медведь и соболь. В нижней части картины изображены горы, в центре которых – маляхитовая шкатулка. Бренд выполнен в ограниченной цветовой гамме: были использованы черный, серый, коричневый, изумрудный, охристый цвета.

Прямоугольная форма изображения придает данному символу Уральского края строгость и официальность. Деление поля символа – знак географического положения Урала на границе Европы и Азии (это подтверждают соответствующие надписи в нижней части композиции). Подчеркивают эту особенность региона стоящие на разных половинках картины медведь и соболь, обозначающие соответственно Европу и Азию. Кружевной рисунок на заднем плане композиции – не что иное, как реки, пронизывающие территорию края и питающие, подобно артерии, все города области. Ведь недаром говорят, что Урал – край стремительных рек и полноводных озер.

Изображенный во весь рост уральский мастер расположен в центре рисунка не случайно, он объединяет две части света и олицетворяет мощь и силу уральской промышленности. В руках у мастера – молот, опирающийся на наковальню – предметы, характерные для зарождавшейся на Урале металлургической промышленности. Соболь, имеет еще и другое назначение, он показывает роль династии Демидовых в развитии нашего края.

Сам образ уральского мастера является символом смелости, силы, трудолюбия и творчества уральского народа. Так кузнец-богатырь и медведь отражают языческую, дохристианскую мифологию региона. Особое место в мифологии коми (коренного народа Урала) уделяется культурному герою, первому кузнецу, который выступает защитником своего народа. Восточные славяне также с давних времен населяющие наш край, верили в образ богатыря, который сотворил Уральские горы, наполнил их несметными богатствами. Особую значимость в мифологии народов финно-угорской группы имели элементы тотемистических верований, например, культ медведя.

Природным богатством нашего региона являются Уральские горы. Малахитовая шкатулка напоминает нам о том, что Урал – это еще кладовая руды, полезных ископаемых, камней-самоцветов, в том числе и малахита.

Шкатулка – еще и указание на наличие на Урале развитого искусства. Промышленность создала необходимые условия и стала основой расцвета на Урале художественной культуры, а именно декоративно-прикладного искусства, которое включило в себя Кушвинское и Каслинское чугунное художественное литье, изготовление художественных изделий из меди, Нижнетагильскую роспись по металлу, Невьянский сундучный промысел, Екатеринбургскую художественную обработку камня, Златоустовскую художественную обработку оружия и т. д.

Цветовая гамма эмблемы ограничена, но это именно те цвета, которые характерны для нашего края. Так, например, коричневый, черный, охристый, серебристый цвета символизируют нашу промышленность, а изумрудный – природные богатства Урала, красоту края. Такой же цвет в окраске горы – указание на залежи меди.

Краткое описание бренда Урала в официально-государственном значении представила В. Алешина. В данном бренде присутствуют символы: буква «У» – герб Урала, буква «Р» – флаг России, буква «А» – трубы завода «Уралмаш», буква «Л» – как знак качества.

Буква «У» – на зелено-желтом фоне контур крепости – символ зарождения города-крепости на Среднем Урале; колесо – символ времени, движения из прошлого в будущее, неперенный атрибут святой Екатерины, имя которой носит город; клеймо, разработанное В. Татищевым для завода, давшего начало застройке города Екатеринбурга. Украшения: молот – символ высокоразвитой промышленности города Екатеринбурга, бердыш – старинное русское оружие, напоминает о ратных подвигах уральцев при защите Отечества.

Буква «Р» обозначает следующее: Урал входит в состав Российской Федерации, поэтому на фоне буквы цветовой колор государственного флага РФ. Такой трехцветный флаг был введен в России Петром Первым.

Буква «А» изображена в виде труб завода. Самый известный у нас на Урале это Уральский завод тяжелого машиностроения им. С. Орджоникидзе (УЗТМ), крупнейшее предприятие тяжелого машиностроения СССР. Он был построен в 1928–1933 гг. С 1971 г. УЗТМ – головное предприятие производственного объединения «Уралмаш». Выпускает УЗТМ прокатные станы, машины непрерывного литья заготовок (МНЛЗ), агломерационное, доменное и дробильно-размольное оборудование, карьерные и шагающие экскаваторы, буровые установки, тяжелые вертикальные и горизонтальные гидравлические прессы и др., оборудование для металлургической, горнорудной, нефтегазовой промышленности.

Буква «Л» представлена в виде знака качества, что еще раз нам напоминает о процветании, перспективности и о высоком «качестве» Урала.

Надеемся, что идеи молодежи по созданию образа нашего края будут услышаны на административном уровне и станут мощ-

ным импульсом для формирования официального бренда Уральского региона. Поскольку территориальный (региональный) бренд – мощный инструмент реализации стратегии развития территории.

Бренд позволяет объединить интересы различных групп – населения, инвесторов, бизнесменов, властей. От всех них зависит в наше кризисное время успешная стратегия развития региона. При этом бренд региона выполняет как экономическую функцию рычага создания добавленной стоимости, так и важнейшую социальную роль – инструмента повышения жизненной мотивации жителей региона.

Ю. В. Архипова*

Внешиполитический имидж современной России: something is wrong

Об имидже России сегодня принято говорить если уже не с иронией, то с определенной долей сдержанности, потому что этот имидж по-прежнему оставляет желать лучшего. Русско-грузинский конфликт, случившийся в августе – сентябре 2008 года, очередной газовый конфликт с Украиной, произошедший в январе 2009 года, и их оценка на Западе в очередной раз доказали, как мало России доверяют за рубежом и как неохотно верят в ее правоту. Почему в августе 2008 года, увидев по телевизору российские танки, выполнявшие миротворческую функцию на Кавказе, жители Европы и Соединенных Штатов Америки сразу вспомнили 1968 год и введение советских войск в Чехословакию? Почему признание независимости Южной Осетии и Абхазии сочли российским произволом, а легитимность признания независимости Косово практически ни у кого на Западе не вызывает сомнений? Почему Евросоюз предпочел разделить вину за прекращение поставок газа в Европу между Россией и Украиной, хотя газовый вентиль был перекрыт по инициативе страны-транзитера? Почему, наконец, современные американские политики делают себе имя на утверждениях о необходимости «присматривать за Россией»? Все дело в пресловутом имидже, который делит сегодняшний мир не на правых и виноватых, а на располагающих к лояльному отношению и откровенно раздражающих.

Тотальное недоверие Запада к современной России – безусловно, наследие советской системы, отклик из тех времен, когда Советский Союз претендовал на статус мировой сверхдержавы, обладающей ядерным оружием, но при этом оставался государством, попирающим права и свободы своих граждан. Но дело не только в тоталитарном прошлом, хотя от него никуда не деться, но и в настоящем России.

Если понимать под *имиджем* сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа, сильно эмоционально ок-

* **Юлия Владимировна Архипова** – доцент кафедры связей с общественностью ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

рашенный образ чего-либо или кого-либо¹, то можно предположить, что в восприятии современной России у западной аудитории доминируют стереотипы. Они представляют собой упрощенные устойчивые психические образы, основанные на обобщении личного опыта, предвзятых представлениях, стремлении быстро понять смысл и сущность явления. Борьба со стереотипами бесполезно и бессмысленно. Люди меняют свое мнение, когда взамен одних устойчивых представлений им предлагают другие, не менее устойчивые. Без этого никто не желает расставаться с привычной точкой зрения. И в этом кроется еще одна причина устойчивости негативного имиджа России, которая не смогла предложить Западу новых стереотипов-ключей к ее пониманию, кроме идеи «суверенной демократии», которая все еще больше запутала. По мнению зарубежных аналитиков, Россия не сильно изменилась, а после ельцинских демократических реформ имел место откат назад. Поэтому в толковании новой России западные СМИ по-прежнему обходятся старыми определениями – тоталитарная, несвободная, агрессивная, непредсказуемая. Россия же, не найдя понимания, прибегает к старому, проверенному средству – демонстрации военной мощи.

Такая позиция если не оправдана, то, во всяком случае, понятна. Попытка построения новых отношений с Западом не принесла желаемых результатов, а стремление решить российско-грузинский конфликт путем мирного урегулирования осталось не оцененной как грузинской стороной, так и всей западной общественностью. Убедившись в справедливости старой истины, что ее единственными союзниками по-прежнему остаются армия и флот, – Россия развернула совместные с Венесуэлой военные учения у берегов Американского континента.

Рассуждая о причинах устойчивости негативного имиджа России, Михаил Леонтьев еще в октябре 2004 года в рамках «круглого стола», инициированного агентством РИА-Новости, отмечал, что корень проблемы следует искать даже не в советской эпохе, а в значительно более раннем периоде истории: «Лексика и идеология отношения к России как к стране, не менялись с того времени, как Россией заинтересовалась Британия, а это произошло в начале XIX века». Базовые стереотипы о России как об огромной стране, населенной дикими азиатскими ордами казаков и калмыков и управляемой царем-деспотом, сформировались еще в период Наполеоновских войн. Уже тогда Россия изображалась как страна, склонная к военной экспансии, которую в интересах цивилизованного мира следует ослабить любыми способами. В связи с этим,

¹ См.: Богданов Е. Н., Зыкин В. Г. Психологические основы «Паблрилейшнз». СПб., 2003. С. 36.

по мнению М. Леонтьева, в последней трети XIX века были сформированы основные принципы «черкесской идеи»: поддерживать борьбу горцев против России, поощрять кавказский сепаратизм, чтобы отвлечь ее внимание от европейских проблем. Журналист выразил уверенность, что между позицией Великобритании во время Кавказской войны и риторикой Запада в отношении чеченского конфликта «есть некоторая преемственность», а США в этом вопросе выступает продолжателем антироссийской линии Британской империи².

Другую причину проблемы указал главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов: все дело в коммуникационной политике России, основанной на практике секретности даже в самых невинных делах. «Если вы хотите, чтобы о вас ходили неприятные для вас слухи, продолжайте скрывать информацию»³. Соответственно, чтобы слухи пресечь, необходимо обеспечить всем желающим свободный доступ к информации.

Легко сказать – труднее сделать. Современная Россия, как бы к этому ни относились на Западе и внутри страны, – правопреемница Советского Союза и наследница Российской империи. Забыть об этом невозможно, даже если очень хочется. Кроме того, отказ от прошлого не самый хороший способ улучшения имиджа. А в прошлом советские и российские граждане жили по принципу «как бы не сказать чего лишнего», а то «как бы чего не вышло». Закрытость и недоверчивость вошли в национальный фольклор и литературу, став характеристиками российской ментальности. Сегодня же, в условиях глобализации и мировой интеграции, Россия существенно отстает от стран Запада в умении грамотно выстраивать коммуникационную стратегию. Но обстоятельства все более подталкивают ее к осознанию необходимости тесного информационного сотрудничества с другими странами.

Современная Россия, безусловно, лучше, чем ее имидж. Но чтобы донести эту мысль до всего мира, нужно культивировать ее внутри страны. Лучшее средство сделать имидж страны, государства достоверным и непротиворечивым – это идти от внутреннего имиджа к внешнему. Российские граждане активно транслируют свое собственное восприятие государства во внешнеполитическое пространство, поэтому формирование внутреннего позитивного имиджа страны – один из важнейших факторов создания ее благоприятного внешнего имиджа. И поскольку частные российские компании существенно повлиять на внешний образ

² Материал взят с сайта «МиК: Маркетинг и Консалтинг, информационно-аналитическое агентство» <http://www.iamik.ru>.

³ См.: Там же.

страны пока не в состоянии, то заниматься вопросами имиджа нужно не европейским и американским PR-агентствам, а российской власти.

При всем многообразии составляющих образа современной России между ними должна быть тесная связь и взаимодействие. Это возможно при доминировании двух тем: «Россия как субъект межгосударственных отношений» и «Россия как государство для своих граждан». В этом случае взаимообусловленность внешнего и внутреннего имиджей страны будет связующим фактором, обеспечивающим целостность и динамичность всего образа.

Развитие темы «Россия как государство для своих граждан» невозможно без решения ряда крупнейших проблем: своевременный выход из кризиса, укрепление национальной валюты, снижение уровня инфляции, борьба с коррупцией и произволом чиновников, корректировка национальной политики, улучшение качества жизни, поднятие престижа образования и науки и т. д. Что касается «России как субъекта межгосударственных отношений», то в этом вопросе скорее следует отказаться от западных стандартов, перестать конструировать образ России как «одного из субъектов» внешней политики, а найти идею, которая смогла бы подчеркнуть уникальность российского мироощущения и миропонимания, которая совпала бы с феноменом «загадочной русской души». По сути, эта идея лежит на поверхности и обусловлена географическим положением страны. Понимание России как «буфера» между Западом и Востоком еще в начале прошлого века поставило вопрос о ее историческом предназначении, о ее особой миссии. В условиях современного межцивилизационного противостояния у нее есть уникальная возможность выступить в роли вдумчивого авторитетного посредника – «третейского судьи», разводящего острые моменты конфликта цивилизационных культур и показывающего на своей территории пример относительно эффективного разрешения этого конфликта.

Для России это отличный шанс улучшить свой имидж, предложив Западу и Востоку новую доктрину выживания всех ведущих цивилизаций, реалистичную стратегию построения более безопасного культурно-экономического миропорядка. Уровень угроз стабильности в мире от «восточного» международного терроризма и от «западной» международной антитеррористической деятельности объективно будет нарастать до тех пор, пока в этот диалог глухих не вмешается посредник, красиво и тактично подающий мировой элите новые идеи. Благо, первые шаги в этом направлении уже сделаны – единогласно принятая в конце сентября 2008 года Советом Безопасности ООН резолюция по Ирану, не содержащая угроз новых санкций, была предложена именно Россией. Последовательные и хорошо продуманные действия в этой сфере обязательно дадут положительные результаты.

А. В. Вдовин*

Урал театральный: PR будущего

Формирование PR-стратегий, определение целей и постановка задач PR-деятельности, выбор форм и методов реализации идей – вот самые важные проблемы, стоящие перед гуманитарным сообществом региона. Самим временем и местом Уралу – границе между Европой и Азией – отведена сегодня особая роль. Слова об «опорном крае державы» из красивой поэтической метафоры приобрели черты суровой реальности, которая налагает на нас, обитателей этого самого «опорного края», особую ответственность.

Результаты деятельности Свердловского отделения Союза театральных деятелей России (СТД), уроки, которые мы извлекли и выводы, которые мы сделали, дают нам право интерполировать наш опыт шире, выйти за рамки узкопрофессиональных проблем.

Для нас вызов времени заключался не только в том, что общественная организация как проводник господствующей идеологии в массы лишилась «социального заказа» и собственно заказчика, кризис, последствия которого не преодолены до сих пор, случился в информационном пространстве. Более того, масштабы бедствия до сих пор адекватно не оценены. И, как следствие, кризис не только не пройден, он даже не всеми по-настоящему осознан.

Раньше информация была полноценным товаром, а сегодня информация становится достоянием всех и каждого, едва ли не в самый момент актуализации. Мы каждый день на практике сталкиваемся с тем, о чем давно уже говорят исследователи: вертикальная иерархия, на которой раньше основывались отношения в информационном пространстве, где были «заказчик» (власть, потом – бизнес), «исполнитель» (средства массовой информации) и конечный потребитель, читатель, общество – ныне практически разрушена. На первый план выходят социальные сети, в которых каждый становится и производителем, и потребителем информации.

Организованная структура, осознающая себя таковой – неважно, будь то общественная организация, корпорация, власть – вынуждена либо становиться частью горизонтального информа-

* *Алексей Валерьевич Вдовин* – руководитель информационно-издательского отдела Свердловского отделения Союза театральных деятелей России (г. Екатеринбург).

ционного мира и, таким образом, играть по общим правилам, либо выстраивать собственную вертикаль, задавая «повестку дня» и генерируя вокруг себя собственное информационное поле.

Когда три года назад, на отчетно-выборной конференции Свердловского отделения СТД собравшимся был задан вопрос: «У кого из них есть Устав Союза?» – *ни один* из полутора сотен членов организации, основанной на индивидуальном членстве, не ответил положительно. Что говорить о том, что среди широкой публики загадочная аббревиатура «СТД» не вызывала на тот момент никаких эмоций.

Перед нами на тот момент стояли две задачи: идентифицировать организацию в широкой общественной среде и найти для этого адекватные носители информации.

Прежде всего, мы разработали, и с тех пор жестко ему следуем, визуальный стиль, ориентированный на стиль, принятый в центральном аппарате Союза. Тем самым мы подчеркнули свою принадлежность к всероссийской организации. И в коммуникациях позиционируем организацию как старейшую (нам 130 лет), крупнейшую (75 региональных отделений) и влиятельную.

Мы поддерживаем постоянные и, что важно, персонифицированные коммуникации с журналистами, во многом основанные на сложившихся личных отношениях, вводим неформальные традиции общения (пресс-завтрак с пирогами, личные благодарности за публикации, постоянный пропуск на все творческие программы). Мы возродили конкурс им. Когана (с материально выраженной премией), переориентировав его от театральной критики к театральной журналистике – области более широкой и более значимой для нас.

Три года мы поддерживаем частный журнал для зрителей «Театральный сезон», публикуя на его страницах информацию о жизни организации и включая его в наши многочисленные рассылки. Мы учредили и выпускаем собственное издание – «Вестник «8 Марта, 8. Дом актера», который рассылается всем членам организации и, что самое главное – во все органы государственной власти области, имеющие отношение к культуре.

Однако одного этого было бы недостаточно для реализации наших целей. И здесь нам на помощь пришла практика политических консультантов, выработавших и успешно опробовавших так называемый «кризисный» пиар. Под этим термином понимается не пиар в условиях кризиса, а генерация кризиса, управление им и достижение необходимого результата.

Приведу несколько примеров наших успешных акций.

В конце 2006 года к нам обратились за помощью представители Первоуральского театра драмы «Вариант». Финансирование капитального ремонта их театра было приостановлено, здание

хотели передать другому собственнику. Власти города задавались вопросом: а нужен ли театр в Первоуральске вообще?

Мы начали массированную информационную кампанию под условным лозунгом «Спасем театр!». Итогом работы спустя полгода стало заседание коллегии Министрства культуры Свердловской области, которое проходило непосредственно в Первоуральске и было посвящено проблемам театров малых городов. Материалы коллегии целиком готовились работниками Отделения и привлеченными специалистами. Ее выводы были однозначны: театр городу нужен. Финансирование капитального ремонта было продолжено.

Одним из самых ярких эпизодов нашей работы на информационном поле стал имущественный конфликт вокруг Дома актера. Процесс длился восемь месяцев – максимально возможный срок – за время которого мы использовали малейший информационный повод для отстаивания своей позиции: сбор подписей под обращением к Губернатору, привлечение внимания общественности к конфликту вокруг Центрального Дома актера в Москве, распространение выступления будущего президента России по этому поводу на одной из пресс-конференций. Итог известен – Правительство Свердловской области готовит документы о передаче здания нашему Отделению в безвозмездное пользование.

Успехом мы, прежде всего, обязаны нашей активности в Интернет-пространстве (имеем в виду созданный и поддерживаемый нами Официальный театральный портал Свердловской области domaktera.ru, несколько блогов в LiveJournal и социальную сеть «ВКонтакте»). Последние я упоминаю не случайно – именно блоги и социальные сети на сегодня стали самым эффективным инструментом продвижения, поскольку они обладают высокой степенью доверия среди пользователей и являются идеальной средой для стремительного распространения медиа-вирусов).

Вот лишь несколько примеров успешной деятельности Свердловского отделения СТД в Интернет-пространстве: акция по сбору подписей «Защитим Дом актера вместе!» (информация о которой распространилась за несколько дней по всей России исключительно в блогах и социальных сетях); ряд творческих мероприятий Дома актера, которые рекламируются исключительно в сети.

Теперь посмотрим, что происходит вокруг нас. С одной стороны, эксперты говорят о необходимости и крайней актуальности маркетинга территорий на Урале и, соответственно, их пиара как наиболее эффективного инструмента продвижения. Урал должен стать местом, где комфортно жить и работать, но, прежде всего, у него должна сложиться репутация того места, где эта потребность может быть реализована. В Свердловской области с этим дела пока обстоят крайне плохо. Вот главный «официальный пиарщик»

Свердловской области, руководитель департамента информации губернатора господин Дубичев заявляет: «Свердловской области не нужен пиар». Те инициативы, которые предпринимаются в информационном поле, чтобы сломить стереотип восприятия Свердловска, как места, где расстреляли батюшку-царя, пока тоже выглядят достаточно сомнительными. Нам предлагают воспринимать Екатеринбург как город, где родился Ельцин, как город, где во время войны якобы прятали Левитана, вещавшего из подвалов радиокомитета на всю страну – но эти пиар-стратегии паразитируют на прошлом, на мифах прошлого и ничего не дают нашему будущему. Примером позитивной стратегии могло бы стать представление Екатеринбурга как центра развития современной драматургии России (Коляда) или оплота успешной борьбы с наркоманией («Город без наркотиков»). Однако при отсутствии внятной поддержки, такие стратегии остаются маргинальными.

Мы считаем, что театр и культура могут и должны стать доминантой продвижения нашего региона в будущее. За примерами того, что этот аспект активно и успешно используется в пиар-практике регионов, далеко ходить не надо. Театральная Тюмень успешно обменивается с нами режиссерами и умело использует это в своих целях. Михаил Заец, один из самых модных на сегодня молодых режиссеров, воспринимается именно как тюменский режиссер, хотя много работает в Екатеринбурге. Председатель нашего Отделения Владимир Мишарин получил предложение возглавить Министерство культуры Перми, но отказался, предпочтя высокое кресло работе в общественной организации Свердловской области. Никто кроме нас не рассказал общественности об этом. Бездействие в информационной сфере привело к тому, что область фактически потеряла один из знаковых в масштабе России театральных фестивалей «Реальный театр» – в Новгороде, например, он в первый же год получил в десятки раз превосходящий бюджет и, вполне естественно, постепенно туда мигрирует. Ирбитский фестиваль «Театральные подмостки», который вот уже в четвертый раз пройдет в этом году, давно мог бы стать центром провинциальной театральной жизни России. Имеет мощнейший потенциал и Международный фестиваль любительских театров в городе Заречном.

Мы готовы предложить всем заинтересованным в построении действенной информационной вертикали (власти, бизнесу, гуманитарному сообществу) конкретные идеи и конкретные проекты, способные сформировать новый имидж Урала, «опорного края державы», места, где сосредоточена не только технологическая и производственная мощь новой России, но и заложен культурный потенциал, который только и способен сделать жизнь в этом суровом крае комфортной, привлекательной и устремленной в будущее.

Г. Г. Гилев*

Роль рекламы в процессе инкультурации современного общества

Инкультурация – процесс усвоения традиций, обычаев, ценностей и норм родной культуры; изучение и передача культуры от одного поколения к другому. Конечный результат инкультурации – интеллигент, а не личность, как при социализации. Интеллигент – совокупность приобретенных культурных норм [См.: 5]. Термин введен известным американским культурным антропологом Меллвиллом Херсковичем в работе «Человек и его работа. Наука культурной антропологии» (1948). Приблизительно в то же время Клакхон ввел аналогичный по смыслу термин «культурализация», так как существовавший к тому времени термин «социализация» не охватывал процессов усвоения когнитивных аспектов культуры (знаний, верований, ценностей и т. п.). Инкультурация обозначала и процесс приобщения к культуре, и результат этого процесса. В узком смысле инкультурация обозначает усвоение культурных норм и ценностей ребенком; в широком смысле инкультурация понимается как процесс, не ограничивающийся периодом раннего детства и включающий в себя процессы усвоения культурных паттернов взрослым индивидом. Понятие инкультурация подверглось критике ввиду неопределенности его значения; кроме того, оно дублировало гораздо более широко использовавшийся термин «социализация», а его происхождение было напрямую связано с не вполне правомерной попыткой противопоставления общества и культуры. В зарубежной литературе до сих пор не проведено четких разграничений сходных по смыслу понятий инкультурации и социализации. Понятие инкультурации не получило широкого распространения и использовалось преимущественно в американской антропологии. Понятие «инкультурация» – ключевое для М. Херсковица в его построениях целостной культурно-антропологической концепции. Именно в процессе вхождения в культуру проявляются механизмы воспроизводства этнокультурных общностей и возможности изменения того или иного общества (культуры). Усвоение деятельности, поведенческой стороны культуры, а также различных аспектов духовной культуры при инкультурации М. Херс-

* **Георгий Георгиевич Гилев** – аспирант Академии маркетинга и социально-информационных технологий (г. Краснодар).

ковиц считал основным звеном своей концепции. На протяжении всей жизни человек проходит определенные фазы, которые называют стадиями жизненного цикла. Это – детство, юность, зрелость и старость. На каждой стадии жизненного цикла процесс инкультурации характеризуется своими результатами и достижениями. В зависимости от этих достижений обычно выделяют две основные стадии инкультурации – начальную (первичную), охватывающую периоды детства и юности, и взрослую (вторичную), охватывающую два других периода.

Рассматривая массовую коммуникацию как деятельность газет, радио и телевидения по отражению окружающего мира, созданию моделей социальной действительности в комплексе с деятельностью читателей, слушателей, зрителей по восприятию этих моделей, нужно отметить, что реализация социально-стратегических целей осуществляется коммуникатором посредством моделирования социальной действительности в сообщениях СМИ через характеристики их содержания. Печать, радио и телевидение представляют собой своеобразный треугольник СМИ. Каждое из средств обладает рядом особенностей, проявляющихся в характере и способах донесения информации до аудитории, и играет определенную роль в процессе инкультурации [См.: 2]. Но при наличии специфических свойств печать, радио и телевидение имеют нечто общее – это способность донести до массовой аудитории более или менее оперативно словесно понятную и эмоционально-образную информацию. Человек испытывает потребность в информации, получении новых знаний, а это как раз соотносится с процессом инкультурации. В современном мире СМИ стали главным инструментом для распространения сообщений, воздействующих на сознание человека.

Массовое сознание – термин, используемый в социальной философии для обозначения шаблонного, деперсонализованного сознания рядовых граждан развитого индустриального общества, формирующегося под массивным воздействием СМИ и стереотипов массовой культуры, а также для обозначения одной из форм дотеоретического миропонимания, основанной на сходном жизненном опыте людей, включенных в однотипные структуры практической деятельности и занимающих одинаковое место в социальной жизни общества.

При этом массовое сознание не только организует интересующий предметно-практический опыт, создавая и транслируя наиболее характерные образцы дотеоретического миропонимания, но служит, также одним из факторов культурной динамики. Распад привычной системы ценностей порождает стихийный поиск новых путей адаптации к динамично меняющейся социальной реальности.

Естественным основанием подобного поиска становится массовое сознание, оперирующее в ходе становления очередной общекультурной мировоззренческой парадигмы всем набором присущих ему альтернативных способов освоения мира. Таким образом, формирование любой культурной инновации предполагает соотношение осмысленного теоретического поиска профессионалов со стихийно складывающимися ориентациями массового сознания. Изменение системы идейных, общественных и политических установок может быть связано с формированием и усилением новых установок, а иногда с ослаблением уже существующих. Изменение установок зависит от всех уровней передачи, но главным образом от мыслительных процессов, эмоциональной оценки и закрепления в памяти содержания информации. Г. Олпорт, один из представителей концепции установки, определяет ее как «умственное и нервное состояние готовности, возникшее на основании опыта и оказывающее направляющее и динамическое влияние на поведение человека, которое возникает как реакция на все явления и примеры, входящие в сферу его жизнедеятельности». Предметом установок может быть все, что имеет или имело (в историческом смысле) какое-либо значение для удовлетворения человеческих потребностей. В зависимости от содержания, качества и направления этого воздействия образуются определенные группы установок. Основными, доминирующими в сознании человека являются идеологические установки, связанные с разделяемой им идеологией. Существует мнение, что идеология образует систему установок и убеждений, отличительным свойством которой является то, что она образует основу и цель деятельности и общественных классов, национальных или каких-либо иных общественных групп и политических движений. Неидеологическими в этом смысле являются только факторы, либо вообще не влияющие на человеческую общественную практику, либо влияющие на практику человечества в целом, а не на отдельные и (подчас) противостоящие общественные группы. Идеологические установки оказывают влияние на все другие группы установок. Вторая группа установок, формируемых СМИ и рекламой (социальной), – это политические установки, то есть установки, выражающие устойчивый тип поведения и отношения граждан к внутренней и внешней политике государства. Эти установки могут быть сведены в относительно однородную группу, хотя отношение подчинения идеологии и политики сохраняются. Третью группу установок составляют социальные установки, выражающие отношение личности к общественным нормам и стандартам, проявляющимся в практике социального поведения данного человека. На формирование общественных норм явное влияние оказывает идеология. Помимо основного отношения меж-

ду идеологией и обществом, социальные установки выражают также отношение между политикой и общественными отношениями, и позволяют назвать некоторые установки социальными-политическими. Другие совокупности установок – патриотических, интернационалистических, мировоззренческих и т. п., – формируемые под влиянием политической пропаганды и содержащиеся в известном смысле элементы всех трех групп установок. Таким образом, патриотические установки, имеющие определенную идеологическую обусловленность, обычно являются следствием определенной политической ситуации.

Установки являются относительно устойчивой структурой психики человека. Носителями определенных установок являются конкретные люди, а не коллективы; люди со сходными установками объединяются в коллективы, которым присуще единство действий. Нет таких установок, которые не существовали бы в чем-либо конкретном сознании. Например, какая-либо мысль о каких-нибудь ситуациях или предметах не является установкой до тех пор, пока она не становится осознанным отношением определенных людей к этим ситуациям или предметам. Любые установки прежде всего являются психическими структурами. В сущности, эти структуры складываются из трех взаимосвязанных компонентов: познавательного, эмоционального и мотивационного. Изменение установок с помощью СМИ и рекламы является возможным. Но необходимо отметить, что естественное сопротивление изменению установок в некоторых случаях затруднительно, а порой и вовсе невозможно. Трудно сомневаться в истинности информации, которая исходит из компетентного источника. Если такая информация противоречит нашим взглядам, то происходит, как правило, изменение установок, но не снижение доверия к источнику [См.: 2]. Психологический механизм изменения установок рассматривается в современной социальной психологии в основном сквозь призму разновидностей теории гомеостаза установок. Основным допущением этой теории является то, что движущей силой изменения установок выступают негативные психические переживания, вызванные отсутствием равновесия между отдельными компонентами установок. Последнее происходит под влиянием изменения одного из компонентов установки, в результате вся система стремится обрести утраченное равновесие и вернуть соответствие между своими компонентами. Таким образом, возникает новая установка или изменяется устойчивость предшествующей. Склонность человека к изменению установок зависит также от структуры его личности и, в особенности, от подверженности убеждению, которая может привести в движение механизмы, нарушающие гомеостаз установок.

Массовые коммуникации представляет собой систему, состоящую из источника сообщений и их получателя, связанных между собой физическим каналом движения сообщений. Такими каналами являются: печать (газеты, журналы, брошюры, книги массовых изданий, листовки, плакаты); радио и телевидение – сеть широко-вещательных станций и аудиторий, имеющих радио – и телеприемные устройства; кино, обеспеченное постоянным притоком фильмов и сетью проекционных установок; звукозапись (система производства и распространения грампластинок, магнитофонных роликов или кассет); видеозапись [См.: 1]. Эффективность массовых коммуникаций определяется не только целями и задачами воздействия на читателей, слушателей, зрителей передаваемых сообщений, но и соответствием их содержания и формы постоянным и текущим информационным нуждам людей. Будучи мощным орудием идейно-политической борьбы, социального управления, регулирования отношений социальных групп и распространения культуры, массовые коммуникации стали важным элементом общественных отношений, оказывающих существенное влияние на ее содержание и формы, на своеобразие идеологической, политической и иной пропаганды, на передачу распоряжений власти, просвещение различного вида и назначения, коммерческую рекламу и развлечения, осуществляемые с помощью средств массовых коммуникаций.

Литература

1. *Гуревич П. С.* Бессознательное как фактор культурной динамики // Вопросы философии. – 2000. – № 10. – С. 45.
2. *Доценко Е. Л.* Психологические манипуляции. – М., 1997.
3. *Зазыкин В. Г.* Психология в рекламе. – М., 1992.
4. *Зиммель Г.* Конфликт современной культуры // Культурология. XX век. Антология. – М., 1995.
5. *Коломиец В. П.* Легитимация социальной стратификации средствами рекламы // Вестник Московского университета. – Сер. 18. – 1998. – № 1. – С. 67–71.

Использование социальных стереотипов в современной рекламной коммуникации

Эпоха глобализации характеризуется стремлением к унификации – единым образцам и стандартам в межкультурной коммуникации. Реклама, как одна из форм массовой коммуникации, старается привить обществу универсальные нормы и ценности, «попасть» в социальные стереотипы своей целевой аудитории. Поиск новых клиентов заставляет компании использовать такие маркетинговые ходы, которые способны затронуть интересы потребителей, подключая разные уровни семиотического воздействия.

Однако данный процесс сложен и противоречив, в каждой культуре есть свои особенности и стереотипы, которые носят ярко выраженный национально-культурный характер. Пренебрежение этими языковыми и ценностными детерминациями приводит к тому, что рекламное сообщение не воспринимается целевой аудиторией или понимается неверно. Поэтому трансляция посредством рекламы социальных стереотипов требует знания кросскультурных различий социумов.

В качестве примера рассмотрим опыт компании Dove, которая предложила новую рекламную кампанию за «истинную красоту» для западного и российского потребителя. Постулаты теории красоты Dove гласили, что «Dove видит красоту в несовершенствах и не поклоняется стереотипам», «красота Dove самоопределяема и демократична», Dove признает «не только внешнее, но и внутреннее», «глубина женщины – в характере, скрывающемся в ее глазах, в стойкости личности и жизненной силе». Для этого бренд Dove использовал в рекламе образы женщин с обычной, немодельной внешностью.

Однако для российского рынка данная рекламная кампания была предложена в адаптированном виде. Дело в том, что оригинальные образы европейской кампании были смягчены маркетологами Dove и российские потребители не увидели естественной красоты 96-летней модели, а также образы женщин нестандартной внешности.

Правильность выбранной маркетинговой стратегии для российского рынка подтвердило проведенное нами пилотажное исследование «Восприятие новых рекламных роликов бренда Dove», в результате которого были получены следующие результаты.

1. Новая концепция «естественной красоты» не понравилась участницам исследования, независимо от возраста россиянки не желают воспринимать себя такими, какие они есть, поэтому не хотят видеть по TV то, что, на их взгляд, не соответствует представлениям о красоте.

2. По мнению респондентов, образы, созданные бредом Dove, не только непонятны, но и вызывают негатив и даже сочувствие.

3. Для российской аудитории традиционный стереотип красоты «90-60-90», предложенный СМИ и рекламой, воспринимается как идеал и ориентир, которому необходимо соответствовать.

Результаты исследования подтвердили предположение, что русская аудитория не готова воспринять концепцию, заложенную в рекламном сообщении, и ее стереотипы и ценности в данном случае не совпадают с западными нормами. Поэтому рекламной кампании требуется адаптировать рекламный продукт и внести изменения в соответствии с существующими стереотипами и ценностями российской целевой аудитории.

Таким образом, процесс трансляции социальных стереотипов достаточно интересен в силу наличия в рекламной коммуникации культурного разнообразия и национальной специфики. В этой связи рекламная коммуникация должна опираться на социокультурные традиции каждой конкретной среды, как бы ни были хороши и успешны прежние стратегии, проявившие себя на других рынках. Поэтому для успешного продвижения бренда необходимо учитывать уже накопленные механизмы адаптации рекламы для российского рынка.

* Алла Владимировна Дроздова – канд. филос. наук, доцент, завкафедрой рекламы ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

** Ирина Сергеевна Мошкина – студентка 3-го курса специальности «Реклама» ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Феномен рекламы кино как социальной коммуникации

Еще на рубеже 1960–1970-х гг. профессор, основатель факультета киноведения ВГИК, Лебедев Н. А. указывал, что для определения закономерностей кинематографического процесса необходимо изучать все звенья его цепи: авторов фильмов – сами фильмы – прокат (плюс критика и реклама) – аудитория – социальный результат. При этом, он указывал на перекося киноведения в сторону изучения первых двух звеньев, при практически полном отрыве от исследования продвижения фильмов, самого зрителя и социального эффекта кинематографа [См.: 2].

В контексте последних тенденций развития российского кинематографа, таких как глобализация в сфере кинопроката, обострение конкуренции социального института кино с прочими элементами индустрии развлечений, проблемы, обозначенные Н. А. Лебедевым четыре десятка лет назад, актуализируются с новой силой. Отвечая требованиям времени, социология кино переходит к рассмотрению кинематографа в рамках гештальт-теории, исследуя, в частности, рекламу как неотъемлемую часть кинематографического процесса. С учетом классического определения рекламы У. Уэллса, реклама кино может пониматься как процесс, в котором группы специалистов в области производства рекламы кино в рамках медийных институтов, представляя, главным образом, интересы доминирующих социальных групп конкретного общества на конкретной фазе его исторического развития, с помощью технических и знаковых систем регулируют кинопосещение масс. Рассматривая коммуникацию как процесс направленной передачи информации между людьми с целью организации совместной деятельности социума, рекламу кино можно определить как социальную коммуникацию средствами продвижения кинопродукции.

При изучении феномена рекламы кино как социальной коммуникации представляется существенным ответить прежде всего на два вопроса: каков масштаб воздействия рекламы кино и каково содержание данной коммуникации?

* *Игорь Валерьевич Дьяченко* – аспирант кафедры социологии и социальных технологий управления УГТУ-УПИ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Разрешение вопроса масштаба воздействия рекламы кино возможно на основе сравнительного анализа сводные данных по объемам производственного и рекламного бюджетов, кассовым сборам самых успешных кинолент российского производства в 2008 г., отношению рекламного бюджета к производственным затратам.

Таблица
Доходы кассовых российских фильмов за 2008 г. [4]

№	Фильм	Общий сбор в \$ млн	Бюджет (производственный + рекламный) \$ млн	Доля рекламного бюджета от производственного, %
1	"Ирония судьбы. Продолжение"	48,83	5,0 + 4,5	90
2	"Адмиралъ"	32,87	16,0 + 7	44
3	"Самый лучший фильм"	28,39	5,0 + 5	100
4	"Гитлер, капут!"	9,48	3,0 + 2	66
5	"Илья Муромец и Соловей разбойник"	10,01	8,9 + 1	11
6	"Мы из будущего"	8,10	5,0 + 0,9	0,18
7	"Все могут короли"	7,53	3,5 + 2	57
8	"Стритрейсеры"	6,14	5 + 1	0,2
9	"День радио"	5,71	2,0 + 1	50
10	"Индиго"	4,58	2,5 + 1	40

Данная таблица позволяет сделать несколько выводов относительно значимости рекламной компании в современном кинематографическом процессе: во-первых, все кассовые ленты сопровождались большим объемом инвестиций в рекламную кампанию в абсолютном измерении (от 1 до 7 млн долларов). При среднем производственном бюджете российских фильмов в 1,5–2 млн долларов, это значит, что на рекламный проект затрачивается сумма, достаточная для производства полноценного фильма. Во-вторых, для самых кассовых фильмов, составляющих верхнюю половину приведенного выше списка, характерна также и высокая доля рекламных расходов относительно производственного бюджета, что говорит о сознательной расстановке приоритетов продюсеров в сторону маркетинговой составляющей кинопроекта. Стоит также отметить, что фильмы с наименьшей долей рекламного бюджета оказались коммерчески наименее успешны. «Илья Муромец и Соловей разбойник» и «Стритрейсеры», несмотря на попадание в перечень наиболее кассово успешных кинолент, на уровень самоокупаемости выйти не смогли.

Исследуя вопрос рекламы кино как социальной коммуникации, современная социология кино рассматривает кинематограф и рекламу как виды массовой коммуникации, но не по отдельности, а во взаимодействии и взаимопроникновении, в их интегральном воздействии на массовое сознание [См.: 3. С. 363]. Их гармоничное и органичное сочетание приводит к новому качеству социально-кинематографического процесса. Рассмотрение рекламы кино сквозь призму теории американских социологов П. Лазарсфельда и Р. Мертона, выделявших две функции и одну дисфункцию, позволяет выделить следующие аспекты функционирования рекламы кино [См.: 1. С. 122]:

1. Статусообразующая функция СМК. Суть функции, применительно к маркетингу кино, сводится к тому, что если информация о кинопродукции становится предметом сообщения в СМИ, то один этот факт уже придает кинопроизведению значимость, легитимизирует его статус. В свою очередь фильмы, находящиеся вне информационного поля масс-медиа выпадают из орбиты общественного внимания. Данная позиция подтверждается и результатами исследований, проведенных М. Маккоумзом и Д. Шоу в США в 1968 г., по результатам которых был сделан вывод о том, что СМИ определяют «повестку дня» аудитории.

2. Функция закрепления существующих социальных норм. Информация о кинопродукции, передаваемая посредством СМК, не только придает фильму определенный статус, но и призывает встать на сторону позиции, вещаемой в масс-медиа; в данном случае – посещения кинопоказа и признания художественной ценности кинопроизведения.

3. Дисфункция СМК – «наркотизирующая». П. Лазарсфельд и Р. Мертон имеют в виду под этой функцией подмену активного, осознанного восприятия человеком информации на апатичное и инертное повиновение массовым коммуникациям. В отношении рекламы кино это обозначает слепое следование аудитории конъюнктуре современного кинорынка, вместо критически-рационального и аналитического выбора репертуара. Крупномасштабная рекламная кампания отличается непрерывной массивной подачей сообщений, ограничивающей возможность избирательного восприятия зрителя. Здесь следует также упомянуть об описанном Э. Ноэль-Нойманом механизме «спирали молчания», суть которого сводится к свойству большинства людей принимать доминирующую в обществе точку зрения, опасаясь оказаться в изоляции. В условиях отсутствия возможности выяснить реальный «климат мнений», по тем или иным причинам, ведущей становится позиция, транслируемая СМИ.

Данное положение позволяет сформулировать гипотезу о том, что естественная потребность в кинопродукции деформируется рекламным сообщением, предлагающим автономную от киноискусства картину социального мира. В итоге, публика не может рассматриваться как основной субъект социального заказа кинематографа. Между тем, отрыв процесса производства рекламы кино от самой кинопродукции вкупе с результатами «изучения восприятия» сегодня позволяет утверждать, что в конкретных обстоятельствах может проявиться значительная разница между смыслом, заложенным в сообщение автором кинопроизведения, его создателем и тем смыслом, который извлекает из него аудитория.

Содержащаяся в фильме художественная информация кодируется с помощью профессионального языка. Но декодирует при этом знаковую систему фильма – любитель. Возникающее априори противоречие усугубляется при этом появлением нового субъекта – рекламой кино, авторство которой, согласно сложившимся традициям кинопроизводства, принадлежит вовсе не автору фильма, а специалистам из области маркетинга кинопродукции. При этом последствия социокультурного характера, возникающие в результате воздействия рекламы кино, носят латентный характер, то есть они не входили в намерения и не были осознаны самими авторами.

Литература

1. Кино: реалии и вызовы глобализации / Министерство культуры Российской Федерации, НИИ киноискусства; под общ. ред. М. И. Жабского. – М., 2002.
2. Лебедев Н. Внимание: кинематограф! – М.: Искусство, 1974.
3. Полюса кинопроцесса: притяжение и отталкивание / Федеральное агентство по культуре и кинематографии; НИИ киноискусства; под общ. ред. М. И. Жабского. – М., 2006.
4. <http://www.proficinema.ru/distribution/analyses/>

Гомогенизация культур в рекламном дискурсе: формирование единого общества потребления

Развитие рекламного бизнеса в России движется ускоренными темпами. Такой темп стал возможен благодаря богатейшему опыту, накопленному мировыми рекламодателями, современными технологиям организации, создания и управления рекламой. Вступив в мировое рекламное пространство, российская реклама за последние 15 лет прошла исторический путь, равный столетию развития рекламы на Западе [См.: 5. С. 72]. И сейчас жизнь современного общества невозможно представить без рекламы. Реклама принадлежит к числу тех отраслей деятельности, ключ к пониманию которых находится в человеческой истории. Исторически реклама обусловлена потребностью общества в закреплении и передаче совокупного духовного опыта. Она зародилась как средство, способствующее интеграции коллективных сообществ, как средство поведения [См.: 6. С. 32–34]. К концу двадцатого столетия реклама стала яркой, динамичной, быстро трансформирующейся во все сферы человеческой деятельности. Она весьма агрессивно инкорпорируется в культурные модели разных стран, влияя на систему морально-этических норм и ценностей. Значение рекламы возрастает во всех областях экономики и общественной жизни. Основная реклама в СМИ – это потребительская реклама, нацеленная на конечного пользователя товара и услуги – на простых граждан.

Реклама предлагает решать любые проблемы путем потребления. Это могут быть проблемы социального характера, например, приобретение социального авторитета. Примеров достаточно много: напитки, духи, дезодоранты и жевательные резинки решают проблемы знакомства и социального взаимодействия; сотовая связь и одежда помогают достичь успеха как в личном, так и в профессиональном планах.

* *Елена Сергеевна Егорова* – ст. преподаватель кафедры судебной риторики и профессиональной коммуникации Саратовского юридического ин-та адвокатуры (г. Саратов).

Схема рекламы такова – потребление является успехом во всех видах человеческой деятельности. Кем вы бы ни были на самом деле, выразить себя вы можете только через потребление. Общественную роль рекламы трудно переоценить. Каждодневно и массированно реклама воздействует на большинство населения. Это в свою очередь влияет на покупательские предпочтения, а также входит в социальную среду, которая участвует в становлении определенных стандартов мышления и социального поведения различных слоев населения в каждой стране и во всем мире.

А. Дейян, известный французский специалист по теории рекламы, подчеркивает, что реклама – один из видов передачи информации о торговле, который информирует аудиторию о наличии товара, габаритах, цене и т. д. и т. п. Для этого реклама «представляет человеку его собственный образ, отвечающий его чаяниям и ожиданиям. Эти последние являются функцией социокультурной среды и поэтому определяющими: на них-то в первую очередь и должна ориентироваться реклама» [4. С. 6–7].

Интересны по этому поводу мысли Р. Барта: «Любая реклама называет товар (это его коннотация), но рассказывает она о чем-то ином (это его деннотация); оттого ее приходится включать в число основных продуктов психического питания, какими служат для нас литература, зрелище, кино, спорт, пресса, мода. Касаясь товара языком рекламы, люди придают ему осмысленность, тем самым, превращая простое пользование им в духовный опыт» [2. С. 415].

Виртуализируя мир потребителя, рекламные сообщения выстраивают для него сетку социальных координат, но при этом аудитория должна получить рекламное сообщение по тому или иному каналу. И этими каналами являются СМИ.

В рамках постмодернистских концепций широко изучается роль СМИ в создании симуляций. По мнению Ж. Бодрийера, «мир СМИ» функционирует так же, как и мир вещей. «Сегодня вещь уже не функциональна в традиционном смысле слова... Она больше не имеет ничего общего с былыми вещами, так же, как и информация масс-медиа – с «реальностью» фактов. В обоих случаях вещи и информация уже являются результатом отбора, монтажа, съемки, они уже «протестировали» реальность, задавая ей лишь те вопросы, которые им «соответствовали»; они разложили реальность на простые элементы, а затем заново сложили их вместе по сценариям... точно так же, как фотограф накладывает на сюжет свои контрасты, световые эффекты и ракурсы... точно так же, как тест и референдум преобразуют любой конфликт или проблему в игру вопросов/ответов... Уже самый факт того, что сегодня все предстает в виде набора или гаммы решений – уже сам этот факт вас тестирует,

заставляет совершить отбор. Тем самым наш способ обращения с миром в целом сближается с чтением, с селективной расшифровкой – мы живем не столько как пользователи, сколько как читатели и отбиратели, как считающие элементы» [3. С. 136].

Доверие к рекламной информации во многих культурах может быть достигнуто при помощи использования мнений и заключений разных экспертов: врачей, ученых, которые владеют профессиональной информацией.

Рассмотрим несколько примеров рекламных роликов. К примеру, реклама зубной пасты Blend-a-Med представляет потребителю информацию о потребительских свойствах (приятна на вкус), и о том, чем данная паста отличается от других паст. Посмотрев этот рекламный ролик, потребители приходят к мысли о том, что белые зубы – норма для данного социума, а желтые – ее нарушение, и что от внешнего вида зубов зависит легкость контактов с людьми, и эти контакты очень важны для успеха в личной жизни и в делах. Из этого следует сделать вывод, что иметь желтые зубы означает нарушать норму, а это значит подвергнуть свои жизненные шансы риску. И, конечно же, лучше купить эту пасту, а не рисковать. Из приведенного примера можно сделать вывод, что реклама с привлечением экспертов более эффективна, чем реклама, которая сообщает мнение домохозяйки (например, реклама стирального порошка Tide, когда российских телезрителей «терроризирует» мужчина, который «идет к вам, если вы не в белом»).

Другой пример – рекламный ролик сотовой кампании BeLine. Для того чтобы хорошо устроиться в жизни, идти в ногу со временем, иметь хороших друзей, партнеров, семью нужно жить в «стране под названием BeLine». Все должно быть в желто-черном цвете. А если ты не в стиле BeLine, то можешь оказаться изгоем. Действие такой рекламы реализуется через воздействие на психологию человека.

Использование иностранного языка в рекламных сообщениях стало с некоторых пор новым приемом. Часть русского слова пишется латинскими буквами, тем самым выделяется название рекламируемого товара: «С MEXX всегда MEXXмальный успех!» (телевизионная реклама магазина одежды MEXX). Или: «БЕСКОНЕЧНОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ» (Volvo название марки машины + слово «удовольствие»).

Для того чтобы осуществить межкультурную коммуникацию при помощи вышеописанного приема, реципиент должен, по меньшей мере, обладать элементарными знаниями латиницы, чтобы понять текст рекламного сообщения. Однако подобные рекламные слоганы рассчитаны, в основном, на молодое поколение, которое с детства приучено к иноязычным текстам на плакатах, вывесках,

в СМИ, поэтому прием достигает желаемого успеха. Также следует отметить, что иноязычные вкрапления играют в рекламе роль экспрессивного средства, используемого с целью привлечения внимания потребителя.

Анализируя поток рекламы, мы убеждаемся в том, что рекламные сообщения, разработанные представителями западных агентств несут в себе ценности, характерные для индивидуалистических культур, что снижает эффективность их воздействия на русскоязычную аудиторию рекламы. Каждый рекламный ролик должен учитывать специфику менталитета населения, где его преподносят [См.: 1].

В заключении следует подчеркнуть, что реклама – это мощное средство воздействия на общественное мнение, поскольку рекламный процесс охватывает все страны мира, являясь практически ведущим элементом современной культуры. Реклама успешно манипулирует общественным сознанием, через свои образы и концепты влияя на стиль потребления и ментальный компонент культуры.

Литература

1. *Авсеенко Н. А.* Межкультурный аспект современной наружной рекламы. – [Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_projects/rca-konf-2004/section4.shtml].
2. *Барт Р.* Рекламное сообщение // Система моды: Статьи по семиотике культуры. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
3. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. – М.: Рудомино, 1995.
4. *Дейян А.* Реклама. – М.: Прогресс: Универс, 1993.
5. *Поляков А. А.* Анализ становления мирового рекламного рынка и рекламы в России // Маркетинг в России и за рубежом. – 2006. – № 2(52).
6. *Чаган Н. Г.* Реклама в социокультурном пространстве: традиции и современность // Маркетинг в России и за рубежом. – 2002. – № 2.

Л. С. Елуфимова*

Бренд как совокупность ментальных связей

Бренд – это отношение потребителей к продукту, которое формируется на основе внутренних предпочтений и внешних воздействий.

Бренд можно определить как совокупность ментальных связей потребителей с продуктом, его качествами и свойствами. «Торговая марка становится брэндом, – отмечает Илья Ланкевич (замдиректора департамента, «РОСНО», Москва), – когда потребители ассоциируют ее с набором осязаемых и неосязаемых преимуществ – бренд существует единственно в голове потребителя, мы только пытаемся влиять как-то на это представление». Превращение торговой марки в бренд происходит в тот момент, когда объективное восприятие ценностей продукта и торговой марки дополняется или же полностью замещается устойчивым личным отношением к ним.

Х. Прингл и М. Томпсон в своей книге «Энергия торговой марки» (*Hamish Pringle and Marjorie Thompson. Brand Spirit: How cause related marketing builds brands*; русское издание – СПб.: Питер, 2003, пер. с англ. под ред. И. В. Крылова) пишут о трех волнах в брендинге.

Первая волна, захлестнувшая западное общество в ранние послевоенные годы – рациональная; основной способ воздействия – «голые факты», организованные по принципу «покажи и расскажи».

Вторая волна – эмоциональная. Она началась в шестидесятые годы, когда к рекламному бизнесу все чаще стали привлекаться психологи-бихевиористы. Создатели бренда стали стремиться к глубокому пониманию поведения потребителей, хотели знать более точные демографические и психографические характеристики целевой аудитории, понимать ее стиль жизни.

Восьмидесятые – девяностые годы двадцатого века Х. Прингл и М. Томпсон связывают с расцветом третьей волны в брендинге и коммуникациях. Ее основной признак – появление у торговых марок «духовного измерения», апелляция к нравственным ценностям. Основными каналами распространения новых способов соз-

* Людмила Сергеевна Елуфимова – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и социальной работы ф-та социологии Московского государственного социального университета (г. Москва).

дания бренда становится персонал компаний и деятельность отделов по связям с общественностью (Public Relations).

Все три волны в брендинге западного общества, как объясняют авторы, шли в строгом соответствии с иерархией потребностей Маслоу: по мере того, как потребители реализовали свои потребности к существованию и поднимались вверх по иерархической лестнице, им требовалось, чтобы и марки отражали их прогресс. «Сегодня, когда многие покупатели поднялись на уровень потребностей в самоуважении и самореализации, люди хотят, чтобы торговые марки, которые они покупают, тоже не отставали».

Отдельные признаки третьей волны в брендинге можно наблюдать и в современном российском обществе, в частности – увеличение доли социальной рекламы, усиление гуманистической составляющей public relations, всплески национального самосознания в оценках некоторых российских брендов, повышение социальной ответственности бизнеса.

В целом же вовлеченность россиян в брендинг, по выявленным социологами самооценкам потребителей, остается крайне низкой.

Несмотря на значительные темпы роста рекламных затрат в нашей стране и сравнительную дешевизну рекламных услуг на российском рынке, интенсивность «рекламного давления» на среднестатистического российского покупателя, как отмечает О. Савельева, однозначно меньше, чем в развитых странах.

Рекламные сообщения и институт рекламы в целом оценивается россиянами резко негативно. Опрос ВЦИОМ, который проводили с 1996 по 2000 год на репрезентативной выборке в 1660 человек показал стабильно низкий уровень доверия к рекламе: доля лиц, не доверяющих рекламе, больше доли доверяющих почти в десять раз. В апреле 2000 года ответили, что совсем не доверяют рекламе 32 %, в основном не доверяют – 30 %, отчасти доверяют, отчасти нет – 29 %, и только 5 % – в основном доверяют.

Аналогичные исследования выполнил РОМИР-мониторинг в сентябре 1999 и в конце лета 2003 года. За это время доля респондентов, выразивших ту или иную степень недоверия рекламе, снизилась с 80,4 % до 73 %, но тем не менее недоверие абсолютно доминировало. Реклама раздражает среднестатистического россиянина, реальной пользы он в ней не видит.

Причины слабой востребованности, неконкурентоспособности российских, в том числе региональных, брендов следует искать как в ментальных структурах россиян, так и в профессиональных компетенциях разработчиков брендов.

Специфика социальной мобильности специалистов в области связей с общественностью в России

Исследование ситуации на рынке труда в качестве одного из основных факторов, определяющих стабильное развитие современного общества, имеет под собой серьезную основу, что подтверждается значительным интересом к данной проблеме как со стороны представителей научных кругов, так и политических деятелей.

Процесс социально-трудовой миграции PR-специалистов (специалистов в области связей с общественностью) напрямую связан с социальной мобильностью, ибо каждый мигрирующий специалист в области связей с общественностью, помимо изменения социального статуса внутри своей социально-профессиональной группы, стремится найти на новой профессиональной позиции лучшие социальные или экономические условия существования. С другой стороны, социально-трудовая миграция PR-специалистов проявляется как нормальный и естественный процесс лишь до определенных пределов. В случае, если количество мигрантов – специалистов в области связей с общественностью превышает некий уровень, имеющий определенное значение для каждого конкретного региона деятельности PR-специалистов, можно смело утверждать, что социально-профессиональная мобильность становится избыточной, и, таким образом, может рассматриваться как достаточно негативное общественное явление.

Социальная мобильность специалистов в области связей с общественностью на рынке труда выступает в виде процесса изменения постоянного места работы представителями данной социально-профессиональной группы, а основные пути трудовой миграции предстают как характеристика непосредственного перемещения PR-специалиста с одного рабочего места на другое.

С целью выявления особенностей процесса социальной мобильности специалистов в области связей с общественностью в России в 2008 году в 49 городах 24-х областей, краев и республик

* *Михаил Юрьевич Корнеев* – преподаватель ф-та сервиса и рекламы Иркутского государственного ун-та (г. Иркутск).

Российской Федерации было проведено социологическое исследование «Динамика социальной мобильности специалистов в области связей с общественностью». Предполагалось, что данная работа может выявить уровень интенсивности и основные направления социальной мобильности российских PR-специалистов, а также установить ценностно-мотивационный механизм изменения роли и места представителей данной профессии в социально-профессиональной структуре современного общества. Исследование было проведено путем анкетирования специалистов в области связей с общественностью в 42-х профильных PR-агентствах, 74-х средствах массовой информации, 216-ти департаментах по связям с общественностью коммерческих организаций и компаний, 82-х PR-департаментах государственных структур и ведомств, восьми высших учебных заведениях и 47-ми департаментах по связям с общественностью некоммерческих общественных организаций. Выборочная совокупность составила 1511 человек, из них 562 мужчины и 949 женщин; 219 докторов и кандидатов наук (14,5 %) и 1292 человека без степени (85,5 %); 71,7 % опрошенных в возрасте до 35 лет, 23,9 % респондентов в возрасте 36–45 лет и 4,4 % – в возрасте старше 46 лет.

Среди опрошенных 429 человек занимают административные должности от руководителя (заместителя руководителя) профильного PR-агентства, PR-департамента коммерческой или государственной организации до руководителя отдела агентства по связям с общественностью или PR-подразделения своей структуры. По принадлежности места работы в различных отраслях связей с общественностью респонденты распределяются следующим образом: профильные PR-агентства – 177 человек, PR-департаменты коммерческих организаций (компаний) – 506 человек, департаменты по связям с общественностью государственных организаций (ведомств) – 539 человек, департаменты по связям с общественностью некоммерческих общественных организаций – 59 человек, отделы по связям с общественностью средств массовой информации – 183 человека, высшие учебные заведения – 47 человек.

Согласно полученным данным, большинство опрошенных плодотворно занимаются профессиональной деятельностью в области связей с общественностью: 27,8 % респондентов профессионально работают в сфере PR от трех до пяти лет; 22,6 % имеют достаточно большой практический опыт – более пяти лет; 17,9 % – от двух до трех лет; 16,4 % – от года до двух лет. Лишь 15,3 % респондентов имеют профессиональный опыт работы в сфере PR менее одного года.

Таким образом, выборочная совокупность включает все социально-демографические и профессионально-квалификационные

группы респондентов, что в целом отражает социально-демографическую структуру российских специалистов в области связей с общественностью по состоянию к периоду исследования. Ошибка выборки не превышает 3 %.

Результаты исследования демонстрируют, что в процессе своей профессиональной PR-деятельности большая часть респондентов (43,4 %) меняли место работы от одного до трех раз. Чаще это делали лишь 22,2 % опрошенных, причем 7,8 % PR-специалистов меняли свое место работы пять и более раз. Треть специалистов в области связей с общественностью (34,4 %) на момент опроса находилась там, где они и начали трудовую PR-деятельность. Также было выявлено, что мужчины гораздо более мобильны, чем женщины. Так, к примеру, 28,9 % мужчин указали на то, что они меняли место работы в процессе профессиональной деятельности в сфере связей с общественностью от одного до трех раз, в то время как среди представительниц женского пола таких оказалось 14,5 %.

Более половины российских специалистов в области связей с общественностью (52,3 %) оценивают текучесть кадров в своих организациях как небольшую. Стабильной ситуацию считают 45,1 % респондентов, и лишь 2,6 % опрошенных признают уровень миграции высоким.

С другой стороны, согласно результатам исследования, отечественные специалисты в области связей с общественностью долго не задерживаются на одном рабочем месте. Так, максимальный срок работы на одном месте значительной доли опрошенных (38,1 %) составляет от года до двух лет; менее года – 18,6 %; от двух до трех лет – 17,4 %; от трех до пяти лет – 16,9 %. Лишь 9 % респондентов демонстрируют постоянство своего места работы в сфере PR на протяжении пяти и более лет.

Таким образом, несмотря на то, что большинство опрошенных отметили достаточно низкий уровень миграции в своих организациях, максимальный срок работы более 70 % респондентов составляет 2 года. Данное обстоятельство говорит о высокой мобильности специалистов в области связей с общественностью в России, что объясняется достаточной молодостью профессии на отечественном рынке труда.

Любопытно проследить миграционные пути отечественных специалистов в области связей с общественностью. На момент проведения исследования из одного профильного PR-агентства в другое перешли 20,6 % респондентов; из департамента по связям с общественностью организации/ведомства в PR-департамент иной организации – 36,1 %; из департамента по связям с общест-

венностью организации/ведомства в профильное PR-агентство – 12,6 % и наоборот – 13,7 %.

Основными мотивами трудовой миграции отечественных PR-специалистов являются «более высокий уровень заработной платы на рабочем месте» (63,2 % респондентов) и «негативный психологический климат на рабочем месте» (21,5 % опрошенных). Иные мотивы – «отсутствие возможности для карьерного роста», «более престижное место работы», «возможности дополнительного обучения», «профессиональный поиск в разных направлениях PR» и «удобный график работы» – играют значительно меньшую роль.

Большинство российских специалистов в области связей с общественностью (41,6 %) не видят для себя перспектив на настоящем месте работы и, скорее, планируют сменить его, чем продолжать трудиться на нем далее. 33,1 % респондентов пока не задумывались над вопросом о смене места работы, и 25,3 % опрошенных полностью удовлетворены своим нынешним местом работы. В числе тех PR-специалистов, которые предполагают сменить нынешнее место работы, в основном преобладают сотрудники департаментов по связям с общественностью компаний и организаций.

Более половины российских специалистов в области связей с общественностью (52,4 % опрошенных) не желают строить свою профессиональную карьеру в какой-либо одной компании/ведомстве, а 30,1 % респондентов предпочитают именно данный вариант. Важно заметить, что PR-специалисты со стажем профессиональной деятельности свыше пяти лет менее склонны к трудовой миграции, чем их более молодые коллеги.

Таким образом, в настоящее время наблюдается тенденция к развитию связей с общественностью как отрасли современного отечественного рынка, что является значимым фактором в развитии государства в целом. Данный фактор-тенденция выражается, к примеру, в значительном увеличении количества рабочих мест специалистов в области связей с общественностью как в частном, так и в государственном секторах, желании самих PR-специалистов получить разнообразный профессиональный опыт, что подтверждается высоким уровнем мобильности отечественных PR-специалистов.

Манипулятивные технологии PR в ходе проведения избирательных кампаний

В последние годы в России получило широкое распространение использование в ходе проведения избирательных кампаний разного уровня так называемых «технологий манипуляции», которые в профессиональной среде PR-специалистов носят название «черный PR».

Само слово «манипуляция» в современном мире обрело отрицательную окраску. В обществе на данном этапе развития остается актуальным вопрос: этично ли манипулировать информацией, совместимо ли манипулирование ею с понятием цивилизованной работы с ней? Процесс манипуляции может быть определен как недопустимый или неэтичный, если он направлен на прямой обман потребителей информации (использование заведомо ложных цифр и фактов), воздействие на подсознательные инстинкты (скрытые вставки в теле-, видео-, кино программах, компьютерных файлах), на оскорбление лиц или организаций, дискредитацию товаров или услуг. Конкретные ограничения на такого рода манипулирование зафиксированы в законах РФ «О рекламе» и «О средствах массовой информации». В «Современном словаре социологии» манипуляция трактуется как «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характер поведения, которого он от них ждет».

Можно выделить несколько признаков этого вида воздействия.

1. Манипуляция – это вид духовного, психологического воздействия. Целью действий манипуляции являются психические структуры человеческой личности.

2. Манипуляция – это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции.

3. Манипуляция – это воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний. Имеются профессионалы, владеющие специальными технологиями этого искусства.

4. К людям, сознанием которых манипулируют, относятся не как к личностям, а как к объектам, особого рода вещам.

* *Станислав Евгеньевич Корчемкин* – кан. филос. наук, доцент, зав. кафедрой связей с общественностью Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Таким образом, можно сделать вывод, что манипуляция – это специальное программирование мнений и устремлений людей, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно манипуляторам. Изучение и знание механизмов манипулятивных воздействий предоставляет «ключи» от многих дверей к воздействию и влиянию на большие массы людей. А в конкретной ситуации, учитывая ряд необходимых условий, можно добиться больших результатов воздействия. В данных случаях эксплуатируются инстинкты, стереотипы, архетипы, биоритмы человека и общественных процессов, механизмы восприятия информации. Если говорить о мотивации электорального поведения в ходе избирательных кампаний, то она может быть основана на следующих базовых разделах потребностей и рефлексов:

1. Потребность в вожде (отце) – потребность в реализации (социального) рефлекса субдоминирования (подчинения) и рефлекса следования за вождем.

2. Потребность в аффилизации – потребность реализовывать групповые (стадные) рефлексы (рефлекс групповой идентификации, коммуникативный рефлекс, рефлекс следования за группой, подражания, альтруизма). Сюда входит потребность быть членом группы, взаимодействовать с окружающими, оказывать помощь членам группы и принимать ее от них и т. д.

3. Потребность в рефлексах, основанных на стандартах поведения, традициях, привычках и штампах.

4. Потребность в иррациональном поведении, включающем в себя подражание, заражение и другие модели поведения.

Целью использования данных манипулятивных методов является положительный результат избирательной кампании. Опыт российских избирательных кампаний свидетельствует о том, что технологии манипуляции развиваются гораздо интенсивнее других избирательных технологий. Эффективность манипулятивных методов обусловлена тем, что они постоянно совершенствуются, обновляются, адаптируются под конкретные «кейсы». Во время избирательных кампаний ресурсами кандидатов являются административный, информационный и организационный. Данная классификация включает в себя четыре раздела: административный ресурс, манипуляции с оппонентом, агитацию и пропаганду, а также манипулятивные методы, влияющие на психические структуры избирателей (психоманипуляции). Например, использование административного ресурса предполагает: а) использование ресурсов государственной власти во время выборов; б) манипуляции с регистрацией кандидатов, партий, блоков; в) нарушения правил финансирования выборов; г) использование цензуры; д) технологии

фальсификации результатов выборов. Манипуляции с оппонентом предполагают: а) давление на кандидатов; б) срыв выборной деятельности кандидата-противника; в) регистрация одноименных блоков, кандидатов-тезок (двойников) и их раскрутка; г) дискредитация кандидата в неконтролируемой и агрессивной среде; д) скандалы, сенсации. Агитация и пропаганда в контексте манипулятивных технологий предполагает: а) нарушение закона; б) девизы и слоганы контрпропаганды; в) рейтинг-технологии; г) запуск и организацию слухов. К психоманипуляциям относятся: а) запугивание; б) эмоциональное воздействие; в) информационное дозирование; г) прямой подкуп избирателей; д) нейролингвистическое программирование (НЛП) и др. В настоящее время с большой скоростью развиваются новейшие манипулятивные бизнес-технологии. Среди них можно отметить и мерчендайзинг – систему методов по оформлению торгового зала и расположению товара на полках, побуждающую покупателя совершать максимальное количество покупок в данном месте по данной цене. Поэтому разработки в области психологии поведения потребителей являются базовыми в этой отрасли и манипулятивными по своей сути. Таким образом, в какой бы области не применялось манипулирование, его цели и приемы остаются скрытыми для общества. Человек, как объект манипуляции, обесценивается. Манипуляция направлена на изменение общественного мнения, а затем и поведения в выгодном для манипулятора направлении.

*Л. Н. Кошетарова**

Рекламный образ в межкультурной коммуникации

В современном мире, имеющем национальные и государственные границы, существует постоянный рекламно-информационный поток от группы людей, создающих товары, к группе людей, являющихся потенциальными потребителями этих товаров. Этот поток не признает никаких границ и приобретает все большее значение в объеме коммуникативных контактов отдельного человека. Решающим фактором при создании имиджа международного рекламируемого продукта чаще всего является мода – априорное представление о том, какие художественные приемы и образы являются наиболее привлекательными, престижными и успешными. Однако такой подход не совсем эффективен, так как в процессе коммуникации, являющейся процессом обмена сообщениями, постоянно происходит воссоздание смыслов, которые не всегда совпадают даже у людей, выросших в одной и той же культуре.

При столкновении с инокультурным рекламным сообщением человек воспринимает информацию в значительной степени бессознательно. Логические связи между объектами, входящими в рекламный образ, восстанавливаются исходя либо из известного знакового кода своей культуры, либо непосредственно из представленного художественного образа. В связи с чем, эффективный рекламный образ должен представлять собой идеальную эстетическую коммуникацию, однозначно интерпретируемую потребителем и обеспечивающую его бессознательное включение в подготовленную рекламой деятельность.

Реклама является одним из самых образно-насыщенных жанров массовой коммуникации и наиболее актуальным видом эстетической коммуникации. Активно используя художественно-образные конструкции, она апеллирует к структурам бессознательного и архаическим механизмам мышления человека. Построение рекламной коммуникации в образной форме имеет особую специфику, предполагающую сжатость рекламного сообщения, высокую эмоциональную реакцию и интенсивные апелляции к культурным кор-

* *Людмила Николаевна Кошетарова* – аспирант и преподаватель Тюменской государственной академии культуры и искусства, менеджер отдела наружной рекламы ООО РА «Арктика» (г. Тюмень).

ням. Специфика рекламного образа заключается в том, что он одновременно является носителем как массовой, так и этнической культуры. Поэтому форма представления художественного образа, к которой прибегают создатели рекламной коммуникации, ставит проблему оптимального соотношения визуальной выразительности, закономерностей биологических норм восприятия и требований культурных традиций.

При создании эффективного рекламного образа необходимо учитывать все объективно существующие механизмы эстетического восприятия. Во-первых, это синестезия – комплексность человеческого восприятия. Во-вторых, – апперцепция – зависимость восприятия от прошлого жизненного опыта. В-третьих, – нормированность эстетических критериев. Учитывая коллективный опыт различных национальных общностей, реклама способна достичь максимального эффекта психологического воздействия – подвести подсознание человека к формированию «шестого чувства» – покупательского интереса. Для обеспечения легкости и позитивности восприятия рекламы следует учитывать сформировавшиеся в данное историческое время и в данном географическом регионе общепринятые нормы представлений о прекрасном и безобразном. Именно эстетические критерии различных национальных общностей формируют опыт больших социальных групп, координируя тем самым отношение индивидов к определенным визуальным и звуковым реалиям.

Огромное значение для эстетического восприятия в различных этнических культурах имеют тип лица и пропорции человеческого тела. Так внешность европейца не всегда может являться культурным стандартом для представителей иных рас. Эстетические стереотипы восприятия определяют как сложившиеся представления о физической красоте определенного народа (разрез глаз, форма носа, цвет волос), так и эстетические стандарты в целом. Так, чувство физической красоты человеческого тела возникло и фиксировалось уже в генах наших предков, для которых критерием красоты была способность к деятельности (для мужчин) и продолжению рода (для женщин). У первобытных племен красивым считалось лишь то, что способствовало стабилизации системы, ее устойчивости против вредных воздействий, выживаемости и развитию. Такое чувство физической красоты К. Г. Юнг в своих работах называл коллективным бессознательным.

На восприятие рекламного образа существенное значение оказывает организация невербального сообщения, которая может существенно повлиять на эмоционально-оценочные характеристики зрителей. В невербальных стимулах этническая специфика может проявляться в поведенческих сигналах рекламного персонажа, в его социальной символической, в художественных приемах, отражаю-

щих задуманный эмоциональный настрой или в образах, имеющих конкретный смысл в традиционной культуре (архетипы, метафоры, символы, знаки).

Нередко на непосредственное восприятие рекламы влияет исторически сложившийся в данной культуре принцип прочтения художественного образа. Так, проведя анализ особенностей восприятия отечественным зрителем наработанных приемов западной и восточной школ массовой коммуникации, Л. Матвеева и А. Данилова выявили, что в многомерном пространстве сознания потребителей рекламы существует пять независимых переменных, относительно которых располагаются рекламные образы, выполненные в разных культурных традициях. Это факторы эмоционального комфорта, активности воздействия, эстетического предпочтения, социального статуса (престижности) и коммуникативный фактор.

Коммуникативный стиль рекламы, выполненный *в американской традиции*, русской аудиторией воспринимается как «самоуверенный, агрессивный, давящий», причина чего лежит в большей активности сообщения, нежели это привычно и комфортно для российского зрителя. Негативно, с точки зрения российской аудитории, оценивается простота используемых в рекламе художественных образов. В недостатки американской рекламы вменяются и невысокие моральные качества (так как она апеллирует к разрешению запрета). В целом же американская реклама единогласно оценивается как наиболее активная, самая современная и самая примитивная.

При описании рекламы, выполненной *в традициях восточной культуры*, русские потребители отмечают «высококатегорность» ее позиции, рациональность, профессионализм и продуманность коммуникативного сообщения, а также доверие к рекламируемой продукции. В аргументации русская аудитория различает обращение к реальной личностной ситуации, к удовольствию человека от эксплуатации товара. При оценке художественных и стилистических особенностей японской рекламы отмечается высокохудожественность ее рекламных образов (которые, однако, имеют невысокое эмоциональное воздействие). Русская аудитория практически не воспринимает эмоциональную составляющую, заложенную в коммуникативном сообщении японской рекламы. Ей приписывается высокая моральность, холодность и даже некоторая «стыдливость». Японская реклама воспринимается рационально построенной, закрытой и эгоистичной (так как в ней полностью отсутствует контакт со зрителем). Восточный коммуникативный стиль основан на «личностном обращении» и «уговаривании», русским потребителем он воспринимается как некое вовлечение, «хитрость» (это его настораживает). В целом русские зрители оценивают рекламу Японии как полезную, продуманную, ясную, имеющую высокие характеристики яркости и образности.

Европейская реклама оказалась наиболее близкой русской аудитории. Рекламные образы, выполненные в европейской традиции, были высоко оценены, прежде всего, с позиции эмоционального комфорта, обеспечиваемого особенностями ее коммуникативного стиля, а также способом организации рекламного сообщения и его достоверностью. Внимание русской аудитории привлекли декларируемые в европейской рекламе «гуманистические ценности» (права человека, ценность человека в мире) и обращение к социальным ценностям (значимость семьи, статус, мотивация достижения). Высоко отмечена коммуникативная комфортность европейской рекламы, ее достоинство, самоуважение, сочетание респектабельности и демократичности. Положительно оцениваются русскими информационная ценность рекламы, ее честность, эстетические достоинства, эмоциональная привлекательность и интеллект. Российский зритель описывает европейскую рекламу как стилистически изысканную, активную и яркую, обладающую четкой структурой коммуникативного сообщения и гармоничностью цвета. При оценке образной структуры отмечается успешность применения метафор и юмора. В целом реклама Европы оказалась наиболее понятной (близкой) русской аудитории, для которой наиболее значимым оказался фактор эмоционального, теплого коммуникативного контакта.

При восприятии рекламы, выполненной в традициях «чужой» культуры, человек находится в состоянии сильного напряжения: на бессознательном уровне происходит отторжение или, наоборот, принятие наиболее близкого ему по культурным нормам эстетического образа. Так красивая, но рациональная и «холодная» японская реклама не смогла вызвать симпатии у русской аудитории, она проиграла яркой, образной и эмоциональной европейской рекламе. Американская же реклама (в связи с полным несовпадением с русской культурной традицией) и вовсе вызвала негативную реакцию. Из этого следует, что в межкультурной коммуникации наиболее эффективной является та реклама, образы которой создаются в традиционной культуре потребителя, с помощью художественных приемов, отражающих нужные эмоциональные настроения, и имеют конкретный (однозначно интерпретируемый) знаковый смысл.

Литература

Матвеева Л. Реклама: этнокультурный перекресток [Электронный ресурс] / Л. Матвеева, А. Данилова // Лаборатория рекламы, маркетинга и public relations. – № 3–4; № 5–6. – 2000. – [Режим доступа: http://lab.advertology.ru/arxiv/2000/frem_advert-cross1.htm].

Т. В. Лазарева*

Необходимость рекламных коммуникаций в полиэтническом пространстве Урала. Истинное состояние рекламной отрасли в регионе

Обращаясь к конкретной аудитории, создателям рекламы нужно разговаривать с ней на ее языке и учитывать местные обычаи, традиции, верования данных людей.

На Урале сегментирование целевой аудитории рекламных сообщений по национальному признаку вообще не происходит несмотря на то, что на территории нашего региона проживают представители пятнадцати национальностей.

Местное население обычно слабо реагирует на «этнические изюминки», если только они не порочат их базовые культурные ценности.

Рынок рекламы на Урале ежегодно растет более чем на 30 %.

В целом по нашему региону (по сообщениям СМИ и исследовательских центров) наиболее эффективными рекламными носителями считаются, во-первых, Интернет, во-вторых, телевидение, третье место по привлекательности занимает наружная реклама, а вот доля использования радио и прессы в качестве средств тиражирования рекламы несколько сократились.

На Урале постепенно развивается и набирает обороты мобильная реклама.

Рынок рекламы в Екатеринбурге начинает обретать черты цивилизованного, в котором игроки не топят друг друга, а нормально взаимодействуют.

В Свердловской области в отличие от других регионов страны все еще популярна реклама в прессе, остающаяся основным каналом коммуникации для рынка финансовых услуг.

По данным СМИ, рынок рекламных услуг Тюмени развивается с перекосом в сторону предоставления рекламных площадей, оставляя без внимания сферу производства рекламных продуктов.

* **Татьяна Владимировна Лазарева** – студентка 2-го курса специальности «Реклама» ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

В Тюменской области начинают применять самые передовые образцы средств наружной рекламы: светодиодные экраны, световые пилоны, призматроны, пилларсы, ситиборды и скроллеры, рекламные урны, скамейки, остановочные информ-стенды.

Администрация города Тюмени поставила перед местными рекламными агентствами задачу с помощью рекламы разработать единый архитектурно-художественный облик города.

В Челябинской области более заметную роль в наружной рекламе стали играть альтернативные рекламные ресурсы, в частности – транзитные медиа.

Кризис, разразившийся в конце 2008 года, привел к тому, что часть рекламы в регионе была просто урезана, часть «встала на паузу», остальная продается по инерции.

До 22 % понизило прогноз темпов развития рекламного рынка России и ее субъектов международное агентство ZenithOptimedia.

Одним из наиболее востребованных в условиях кризиса сегментов может стать BTL.

Все сегменты рынка будут чувствовать себя по-разному: от Интернет-рекламы ждут 75 % прироста (самый молодой рынок, которому некуда падать), от ТВ – 27 %, а от радио – всего 14,6 %.

Большинство опрошенных рекламодателей ставят в 2009 году на Интернет, ТВ и продвижение в точках продаж.

На уровень середины 2008 г. рынок рекламы выйдет лишь через полтора-два года.

А. К. Симонова*

Полиэтничность Уральского региона как культурное основание и механизм формирования общественного сознания

Обострение этнических проблем в современном мире выступает как ответ на процессы глобализации, как проявление неоднородности цивилизаций. Чем сильнее «вызовы» глобализации, тем с большей настойчивостью народы стремятся сохранить свою культуру, язык, религию и традиции. Поэтому так остро сегодня стоят проблемы этнической идентичности. В подобной ситуации нужна новая стратегия, способная интегрировать в процесс глобализации общечеловеческое и этническое, обеспечить право народов на культурную и цивилизационную самобытность. Проблема идентификации и самоидентификации особенно актуальна для такой полиэтнической страны как Россия.

Сложность общецивилизационной характеристики России в том, что она представляет собой «мир миров», охватывающий своими политическими и историческими границами сотни этносов, которые не просто соседствуют друг с другом, а веками сосуществуют, и это является условием сохранения каждого из них и условием целостности России. При этом в иерархии российских народов особое место занимает русский этнос и его культура. Для страны, подобной России, не может быть единой универсальной формулы перехода к прогрессивным формам социальной жизни. Развитие по единой схеме для России означает принудительное выравнивание условий. Необходима модель интегрального развития народов, которая была бы ориентирована на различия, на разные подходы, на специфические условия, несовпадающие традиции и обстоятельства. Такая модель позволит выявить реальные основы союза «равно-разных» народов России. Правда, ее построение возможно только в принципиально новой системе координат научного поиска, через новые методологические подходы, через введение новых понятия и категорий.

* *Алина Константиновна Симонова* – директор рекламного агентства «Приорити-групп» (г. Екатеринбург).

Изучение истории миграций русского народа и выяснение причин перманентного расширения ареала его обитания способствуют выявлению исходных параметров его этнического пространства.

В современных научных дискуссиях одни ученые доказывают, что огромные территории при недостатке средств – это обуза, тормозящая развитие страны. Другие – что это бесценное национальное богатство, залог блистательного будущего. Зарубежные авторы вообще говорят об алогичности существования такого гиганта (Р. Пайпс., З. Бжезинский). Ф. Бродель называет Россию «чудищем первой величины».

Некоторые современные авторы объясняют эту беспрецедентную по масштабам и продолжительности колонизацию «бегством народа от государства» (С. Лурье, А. Ахиезер), акцентируя тем самым внимание на их «вечной конфронтации». Основная задача этнической системы взаимодействий – обеспечение условий выживания данной человеческой популяции. Если природные, геополитические, социально-политические условия не соответствуют ей, то этнос будет или расширять рамки взаимодействий внутри системы, или менять место обитания.

Современная социокультурная ситуация характеризуется все более интенсивным процессом взаимодействия стран, народов, этносов, культур. В отличие от предшествующих эпох, с господством бинарной установки и рассмотрением «Другого как Чужого», сегодняшний взрыв межкультурного общения, ситуация неизбежной встречи, взаимовлияние разнородных культурных систем/субсистем нацеливают на поиск наиболее бесконфликтных путей сосуществования, преодоления «чуждости» как атрибута многомерного социокультурного пространства. В то же время, для групп, включенных в этот процесс, сохраняет свою значимость, а нередко и приобретает все больший вес, вопрос о сохранении/поддержании/укреплении своей культурной самобытности. Процесс современного межкультурного диалога или противостояния реализуется прежде всего в *этнокультурном* взаимодействии, где этничность, как никакая иная характеристика, становится показателем «другости», характеристикой иного, проявляясь все ярче на фоне современных глобализационных процессов в качестве аттрактора, катализатора в возможных столкновениях. Высокая социальная актуальность данной проблемы для Уральского региона предопределена его реальной поликультурностью, имеющей глубокие историко-культурные корни и многообразные современные формы проявления. Анализ процессов переселения на территорию среднего Урала и взаимодействия здесь различных этнокультурных групп в конце XIX – начале XX вв. и в конце XX – начале XXI вв. позволяет увидеть не только особенности «регионального профиля» межкуль-

турных взаимодействий, но и проследить то, как на одной и той же территории характер столкновения групповых интересов, систем ценностей меняется в зависимости от конкретных историко-культурных обстоятельств. Современные концепции исследования межкультурных отношений показывают существование проблемы поиска идентичности. При этом этническая идентификация может рассматриваться как один из способов самоидентификации личности (О. В. Даровских, Г. У. Солдатова) или же представляться изначальной групповой категоризацией населения, конструирующей культурные различия, что противостоит тенденциям и перспективам развития в России, где миграционный фактор (на сегодняшний день один из основных, определяющих этнический состав населения) снижается наряду с возросшим поиском новых идентичностей (В. А. Тишков). Таким образом, механизмы формирования общественного сознания предполагают взаимодействие разнородных культурных пластов (этнических, миграционных, и др.), определяя их как «своих» – «чужих» в едином пространстве. Вопрос о возможностях этого процесса в Уральском регионе на рубеже XIX–XX вв. и XX–XXI вв. и его влияние на формирование общественного сознания в процессе взаимовлияния этнокультур – основная задача базирующейся на выявленных культурных основаниях.

Процесс инкультурации, выраженный в изменении своих культурных элементов в процессе обогащения инородными составляющими, становится важным фактором для принятия «чужого» и в современной полиэтнической среде Уральского региона является установкой, формирующей отношения взаимодействия. Неоднородный этнокультурный состав, сформированный в XIX в. на территории Урала, стал результатом реализации государственной евразийской политики колонизации и осуществлялся в ситуации консолидации большого количества вынужденных и добровольных переселенцев – выходцев из Украины, Польши, Центральной России, Поволжья. Русские, немцы, поляки, латыши, эстонцы и мн. др. образовали единое поликультурное пространство. Не противопоставление этносов друг другу по этнокультурному признаку – суть евразийской политики по отношению к коренному населению. Социокультурные особенности и специфика межэтнических отношений в Уральском регионе на рубеже XIX–XX вв. складывались на протяжении формирования полиэтничной территории региона в несколько этапов.

Так, начальные этапы взаимоотношений между переселенцами и коренными жителями характеризуются актами неприятия, вызванными столкновением разнородных культур. Переселенец воспринимается как завоеватель, а абориген видится порождением неосвоенного цивилизацией пространства и «подлежит культурному

изменению». Результатом интеграции становится новый тип жителя, оказавшийся «продуктом» межэтнического, шире – межкультурного взаимодействия аборигена и «пришлого» – неумолимый и энергичный работник, создавший на Урале в течение последующих столетий «энергичное сельское население из среды того русского крестьянства».

Этнокультурное общение внутри миграционного потока из Центральной России, наполнявшего в конце XIX – начале XX вв. территорию Урала и его окрестностей, – еще один этап межкультурных отношений. Переселение, поддерживаемое рядом указов и проектов, приветствуется правительством и широко освещается в местной прессе, где подчеркивается рост численности населения и, соответственно, преимущество перед другими регионами. Ограничение земель вследствие хозяйственного и культурного влияния русских и украинцев, переселение немцев в южную часть губернии приводят казахов, жителей степных районов, к отказу от кочевого образа жизни к полукочевому оседанию на жительство в аулах. В результате происходит этнокультурное сближение на основе разложения кочевого скотоводства, массового распределения земледелия, широкого применения русской утвари, совместного проведения досуга. Приток переселенцев в этот период, связанный, прежде всего, с освоением сельскохозяйственных территорий, оказывает влияние на изменение этнического самосознания.

Современные исследователи считают, что изменения в культуре народов, проживавших на территории среднего Урала до начала ее массового заселения в конце XIX – начале XX вв., обусловлены социально-экономическими факторами. Так, коллективизация и длительное существование колхозов и совхозов, массовая миграция населения в города и урбанизация образа жизни, система образования и культурная политика, появление массовых форм культуры становятся основанием для модернизации культуры, ее унификации и формирования общероссийской «неэтнической» культуры.

Миграционные процессы определяют новый вектор межкультурных отношений, смещая центр проблемы с межэтнических, которыми сегодня объединены 124 национальности и 21 народность, на отношения внутри этнокультурных групп, вызывая противостояние «мигранты» – «местные». Акторы нестабильности современного общества: идеологический кризис, частичная утрата социальной идентичности, экономическая нестабильность, кризисное состояние таких социальных институтов, как образование, культура и др. – сегодня становятся доминирующими, влияя на становление социально-психологического облика человека.

Литература

1. *Бережнова М. Л.* Этническая идентичность как исторический феномен (на примере этногруппового деления русских Сибири) // История. Антропология. Культурология. – Омск, 2003.
2. *Вебер М.* «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология. XX век: Антология. – М., 2005. – С. 557–603.
3. *Даровских О. В.* Феномен этнического самосознания молодежи // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня: Хрестоматия. – Минск, 2004.
4. *Крысько В. Г.* Этническая психология. – М., 2002.
5. *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической нетерпимости. – М., 2007.
6. *Томилов Н. А.* Сибирские татары – кто они? // От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). – Томск, 2006.
7. *Уолцер М.* О терпимости. – М., 2000.

Социальные взаимодействия в полиэтническом социуме и их влияние на PR-коммуникации

Актуализация проблем, связанных с этнической идентичностью, происходит в кризисные моменты развития общества, когда многие социальные контексты идентичности подвергаются глубинным изменениям или разрушаются. После 1989 года в России произошли значительные экономические, социальные, политические и территориальные изменения, что резко обострило противоречие между внутренним миром человека и внешним миром, требующая ответа на вопрос: кто я есть? В этих условиях именно *этническая идентичность* становится способом адаптации человека и возможностью выхода из негативных последствий трансформации российского общества, например, *транзитивности*. В транзитивном обществе трансформируется вся система социальных связей и отношений, на фоне которых появляется борьба за перераспределение власти, ресурсов, территорий и, как следствие, – обостряются межэтнические отношения.

Этничность следует рассматривать не как состояние, а как *социальное взаимодействие*. С этой точки зрения этническая идентичность есть вариант социальной идентичности. Полиэтнический социум есть такая характеристика социума, при которой существенное значение приобретают межэтнические связи и отношения. Он представляет собой целостную социальную систему, включающую в качестве важных элементов «человеческие общности разного типа, полиэтническое окружение человека и совокупность исторически сложившихся форм деятельности людей» [1. С. 137]. Общей целью взаимодействия в полиэтническом социуме является оптимизация межнациональных отношений, то есть создание условий для реализации предпочтительных вариантов протекания этнических процессов, ориентированных на минимизацию существующих и потенциальных этнических противоречий. В полиэтническом социуме этнические процессы охватывают несколько этносов, этнических групп. Важнейшим *типом этнических про-*

* Мария Васильевна Удальцова – д-р экон. наук, профессор, завкафедрой, Сибирский ун-т потребительской кооперации (г. Новосибирск).

цессов в полиэтническом социуме является *межэтническая интеграция*, которой должно предшествовать длительное совместное проживание, политическое, культурное, экономическое взаимодействие, что, в конечном счете, должно обеспечить социально-культурное равенство и реализацию жизненных целей.

В то же время в реальной жизни усиливаются различные формы *этнической эксклюзии*, что требует более плюралистического подхода к межэтнической интеграции с тем, чтобы «совместить культурную идентичность, глобальные сети и многомерную политику» [2. Р. 399].

Для каждого человека большое значение имеет *этническая модель поведения и самореализации*. Этническая идентичность взаимосвязана с другими видами идентичности, и потому важно знать, *как возникают* и реализуются различные *формы «принадлежности»* к этническим сообществам. Как известно, полиэтнический социум характеризуется высокой динамичностью и потенциальной конфликтностью. Для достижения оптимальных этнических взаимодействий в нем особое значение приобретают средства массовой информации (СМИ) и PR-коммуникации. PR-коммуникации в полиэтническом социуме есть целеориентированное воздействие на этнические процессы, цель которого – повышение уровня межэтнической интеграции и толерантности. С точки зрения PR-коммуникаций, методологически оправдано рассмотрение этничности, этнической идентичности, во-первых, как процесса, характеризующегося этнодифференцирующими признаками; во-вторых, как процесса, объединяющего разные этносы. Следовательно, *PR-коммуникации в полиэтническом социуме функционально противоречивы*, определяются единством объективных и субъективных факторов. Посредством PR-коммуникаций становится возможным «конструировать» межэтнические отношения в том или ином социальном пространстве, в том числе и при участии самих этнических сообществ.

Подобная роль PR-коммуникаций обусловлена тем, что сам процесс конструирования этничности связан с такими явлениями, как интерес, цель, мотив, реализация собственного «Я», правовое поле и др. В PR-коммуникациях этническая группа должна рассматриваться как средство решения личностных или групповых проблем. Человек, благодаря этнической группе «защищен», «укоренен», а значит, в состоянии справиться с агрессивными факторами. Подобная интерпретация этничности в PR-коммуникациях основывается на определяющем влиянии на нее культурного окружения и культурной реальности, при которых и содержание этничности, и ее признаки могут и должны меняться в зависимости от цели. Такие же факторы, как общее происхождение, территория

проживания, язык, традиции и обычаи рассматриваются как *механизм конструирования* этнических общностей. При таком подходе к PR-коммуникациям в полиэтническом социуме формируется понимание *этничности* как *результата человеческих убеждений, предраспятий, склонностей*. В связи с этим формируются и функции PR-коммуникаций, к числу которых относим: социально-ориентирующую, защитно-стабилизирующую, нормативно-информативную.

Социально-ориентирующая функция реализуется в интерпретации таких явлений, как традиции, обычаи, общепризнанные стандарты взаимодействия различных этнических сообществ. *Защитно-стабилизирующая функция* PR-коммуникаций реализуется в интерпретации явлений «устойчивости», «укорененности» этнических сообществ как механизма защиты от разрушающего воздействия внешней среды, в том числе поиска выхода из социальной беспомощности, обостряемой сегодня мировым финансовым и экономическим кризисом. *Нормативно-информационная функция* PR-коммуникаций проявляется в интерпретации жизненных ценностей индивида как ценностей, принятых не только в рамках его этнического сообщества, но и не противоречащих стандартам и правилам полиэтнического социума.

PR-коммуникации в полиэтническом социуме, следовательно, должны актуализировать те признаки этничности, которые воспринимаются как позитивные и, соответственно, нейтрализовывать, не пропагандировать те, отношение к которым в данном социальном пространстве негативное. В реальной жизни этот процесс гораздо более сложен, чем схема «принятие-отторжение»: какие-то признаки могут временно отторгаться, затем принимаются, другие изначально принимаются, затем отторгаются и т. п.

Наиболее типичными этнодифференцирующими признаками, как известно, являются географические и культурные. Именно они прежде всего должны учитываться в содержании и направленности PR-коммуникативной деятельности. Сегодня особенно возрастает роль языка, причем речь идет не столько о реальном его использовании, сколько об его символической роли в процессах формирования чувства принадлежности к той или иной общности. Учет этой роли языка должен быть одним из обязательных условий формирования толерантности и позитивного отношения этнических сообществ друг к другу, а, следовательно, и условием позитивных PR-коммуникаций в полиэтническом социуме. Данное обстоятельство предполагает преодоление феномена этнических предрассудков и стереотипов (хотя учитывать их необходимо!). Несоответствие действительности настолько прочно ассоциируется с понятием «стереотипы», что для обозначения стандартного истинного

знания об этнической группе вполне возможно введение особого понятия «стереотип». Именно его характеристика должна активно интерпретироваться в PR-коммуникациях полиэтнического социума. В них целесообразно выражать, во-первых, эмоционально-оценочный компонент, во-вторых, – устойчивость содержания по отношению к новой, как правило, более объективной информации, в-третьих, – согласованность, то есть внутреннее взаимосоответствие и непротиворечивость содержания, полное или частичное несоответствие действительности, степень распространенности тех или иных характеристик.

Литература

1. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. – СПб.: Лань, 1999.
2. Castells M. The Rise of the Network Society. – Oxford: Blackwell, 1996.

PR как инструмент формирования корпоративной идеологии в спорте

Не так давно традиционной темой исследований социологов была теория идеологии. Обсуждались вопросы идеологической деятельности, значение идеологии в функционировании общества, проводился анализ соотношения объективного и субъективного (ложного и научного). В «советский период» истории нашей страны, когда идеология стала центральным элементом в жизнедеятельности общества, изучение данной проблематики стало ведущей темой социальных исследований, популярно было и изучение идеологических отношений.

Эпоха перестройки, а вместе с ней и процесс деидеологизации, не только изменили спектр исследовательских приоритетов, но и даже отчасти сделали употребление самого термина «идеология» несколько сомнительным для социологического анализа. В литературе 1990-х можно проследить некий «провал» в анализе идеологических процессов – это естественное следствие пресыщения идеологического в повседневной жизни советского человека. Отказ от официальной идеологии сменился ситуацией естественной полиидеологичности – потребность различных социальных общностей в наличии идеологии привела к появлению множества частных (групповых) идеологий. Одной из них стала корпоративная идеология – идеология современных организаций и корпораций, использующая приемы, методы и средства PR.

Современные организации разных уровней и сфер деятельности становятся идеологизированными – в практике PR-менеджеров все больше применяется опыт формирования идеологии «как системы объективно складывающихся и одновременно субъективно конструируемых идей, ценностей, норм, принципов и форм организационной деятельности»¹.

Бизнес-тренеры, подхватив обозначившиеся тенденции предлагают комплексные тренинги по формированию (или внедрению?)

* *Вера Сергеевна Харченко* – бакалавр социально-экономического образования, магистрант 2-го года обучения УрГПУ (г. Екатеринбург).

¹ Это авторское определение идеологии, обоснованное Харченко В. С. в выпускной квалификационной работе «PR как инструмент корпоративной идеологии» (2007 г., научный руководитель – к.ф.н. Арапова М. А.).

корпоративной идеологии². Это говорит о том, что PR сегодня является инструментом, а содержанием и целью – идеология организации – корпоративная идеология.

Спорт как одна из сфер жизнедеятельности общества включает множество организаций, отличающихся специфичностью функционирования. Еще не так давно, в силу инертности процессов реформирования спорта, «советский» подход к «позиционированию» спорта и спортсменов применялся в российской практике. Использование спорта, в первую очередь через массовизацию физической культуры, как одного из способов закрепления государственной идеологии, сегодня нуждается в переосмыслении, ввиду изменений, произошедших в обществе на различных уровнях. В настоящее время государственной поддержки недостаточно для развития спортивных организаций, поэтому в борьбе за выживание организации, роль корпоративной идеологии становится ведущей.

В рыночных условиях спорт становится средством государственного PR на международном уровне, но при этом остаются объектом инвестирования бюджетных средств, а в силу нехватки этих средств включаются в сферу бизнеса. Спортивная организация, соответственно, преобразуется в субъект рыночных отношений. Как известно, рынок не может существовать без конкуренции, а развитие конкурентной среды создает новые, неценовые параметры позиционирования организации. Это ее имидж (образ) и мнение общественности о ней, формирование которых должно осуществляться планомерно и целенаправленно путем оформления корпоративной идеологии организации в спорте.

Спортивная организация, как и любая другая, вовлечена в процессы коммуникации. Взаимодействие с группами общественности, которые в состоянии повлиять на успешную деятельность организации, обеспечивается во многом в результате системы коммуникаций. Для продуктивного и целенаправленного прохождения этих процессов ими необходимо управлять в соответствии со спецификой деятельности организации.

PR-специалисты считают, что спортивные организации всех уровней нуждаются сегодня в грамотном PR, так как с его помощью может поддерживаться стабильность самой организации. Исследователи PR в спорте выделяют ряд задач, которые решают PR-специалисты в спортивных организациях:

- формирование имиджа спортивной организации, ее доброй репутации;
- создание позитивной известности ее руководству в нужных кругах;

² С конца 2006 г. известный бизнес-тренер Р. Гандапас проводит тренинги по «корпоративной идеологии» для руководителей и топ-менеджеров.

- придание мероприятиям организации общественно значимого смысла;
- создание эффективной системы деловой коммуникации организации;
- формирование ее информационной ауры;
- корректировка общественного мнения в ситуациях, неблагоприятных для организации;
- лоббирование интересов организации;
- фандрейзинг (поиск денежных средств);
- создание доброжелательной атмосферы внутри организации, и другие³.

Стабильность организации зависит прежде всего от ее «взаимоотношений» с общественностью и сформированностью внутренних отношений между членами самой организации. Внешняя общественность спортивных организаций включает в себя: СМИ, государство (федеральный и региональный уровни), органы управления (Госкомспорт, спорткомитеты), общественные организации (федерации), бизнес (инвесторы, спонсоры, рекламодатели), потребители (зрители), партнеры (производители спортивной продукции). Внутренняя общественность спортивной организации – это тренеры, спортсмены, менеджеры, акционеры, совет директоров, учредители.

Каждую группу общественности объединяет общий интерес по конкретному вопросу: целесообразность вложения средств в спортивную организацию, цена акций, строительство стадиона, заработная плата и т. д. Если позиция группы достаточно четко выработана, она оформляется в виде общественного мнения, которое приобретает устойчивость, проявляется в первую очередь в форме какого-либо действия или через вербализацию. Изменяя мнение (формируя и влияя) общественности, можно изменять и действия групп общественности, в которых заинтересована организация.

Прежде чем сформировать или изменить мнение, необходимо узнать, какое мнение уже существует. Отсюда вытекают два основных направления PR-деятельности: изучение мнения общественности, по результатам которого вырабатывается политика и принимаются управленческие решения; создание необходимого информационного потока с целью распространения нужной информации.

PR в спорте получил широкое распространение в связи с высокими темпами коммерциализации спорта и вовлечением большого и (или) мирового спорта в сферу крупного бизнеса⁴. За рубе-

³http://www.adbusiness.ru/content/document_r_B7FC81FC-C789-49CB-A6A0-A7002A5A6D00.html

⁴В российской практике роль профессионального PR-консультанта в спорте получила должную оценку совсем недавно. Одним из пионеров

жом, где спортивный бизнес находится на качественно ином уровне, использование клубами и спортсменами специалистов в области PR – жизненная необходимость для всех участников спортивного рынка. PR-консультантов привлекают как для работы над личным имиджем спортсменов, так и для создания бренда и репутации клуба. Таким образом, PR в спортивных организациях логично складывается на два уровня – организационный и личностный. Организационный уровень PR подразумевает прежде всего формирование корпоративной идеологии; личностный – уровень личности спортсмена, выдающегося спортивного образа. Так, образ успешного спортсмена (чемпиона и героя своей страны) может быть использован в качестве бренда не только на организационном уровне, но и на государственном.

В спортивной организации колоссальную роль играет человеческий фактор. Формирование команды в широком смысле слова, как коллектива единомышленников, разделяющего политику руководства и готового к совместному решению поставленных задач, является одной из ключевых задач в спорте. Для этого должна быть отработана так называемая система внутрифирменных коммуникаций. Такие коммуникации должны строиться на разработанной корпоративной идеологии, которую мы считаем сегодня содержательным наполнением внутрикорпоративных коммуникаций организации.

Методичность и «инструментальность», рассматриваемая авторами работ по PR, подтверждает предположение об ограниченности PR-деятельности в широкой трактовке⁵, однако анализ PR как инструмента корпоративной идеологии превнес некоторую ясность в анализ соотношения PR и корпоративной идеологии. В частности, исследование PR как инструмента корпоративной идеологии позволит выявить тенденции в развитии PR-сферы и возможности развития спортивных организации.

систематического PR в нашей стране стал ФК «Спартак Москва». Агентство PR Inc. в профильных конференциях и на семинарах оказывает помощь в формировании индивидуального имиджа игроков в рамках клубной политики. Также для лучшего представления о складывающихся обстоятельствах на российском футбольном рынке агентство предоставляет клубу мониторинг прессы и аналитические записки с анализом ситуации и прогнозом ее развития // <http://10pr.info/category/pr-i-sport/>

⁵Автор провел анализ PR-литературы, результаты которого изложены: Харченко В. С. PR как инструмент корпоративной идеологии // Актуальные проблемы развития гуманитарных наук: сб. тезисов научных работ призеров XII Областного конкурса научных работ студентов учреждений среднего и высшего профессионального образования Свердловской обл. «Научный Олимп» по направлению «Гуманитарные науки» / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2008. С. 225–227.

Раздел пятый

Образование на Урале как сфера межкультурного взаимодействия

Компетенции как показатель нового качества подготовки специалистов

Глобальные изменения, произошедшие за последние годы в социальной и профессиональной сфере, а также стремительное развитие информационных технологий потребовали значительной перестройки в системе профессионального образования. Сегодня в решении проблемы совершенствования качества образования используется закрепленный в Болонской декларации компетентностный подход, который ориентирует оценку качества образования на уровень освоения ключевых компетенций. Можно сказать, что вопрос о компетенциях представляет собой вопрос о новых целях образования и о способах их реализации [См.: 5]. В современной российской педагогике компетенции стали пониматься как «личностная составляющая профессионализма», как результат и критерий качества подготовки специалиста, а также как практическое выражение модернизации содержания образования.

Идея развития компетенций является одной из ключевых идей модернизации российского образования. Эта идея выводит цель современного образования за пределы традиционных представлений о нем как о системе передачи суммы знаний и формирования соответствующих умений и навыков. На современном этапе именно компетенция становится показателем нового качества образования.

Модернизация высшего профессионального образования связана с потребностями общества в конкурентоспособных, компетентных специалистах, обладающих стремлением к постоянному личностному совершенствованию и профессиональному росту. Не случайно поэтому на страницах периодической печати, в научных исследованиях последних лет ведутся дискуссии о компетентностном подходе, количестве и содержательной характеристике образовательных компетенций выпускников и их классификациях.

Поскольку компетентностный подход напрямую связан с идеей всесторонней подготовки и воспитания индивида не только в качестве специалиста, профессионала своего дела, но и как личности, члена коллектива и социума, он оказывается гуманитарным в своей

* *Анна Валерьевна Антонова* – ассистент кафедры теории и методики обучения истории, замдекана по воспитательной работе исторического ф-та УрГПУ (г. Екатеринбург).

основе. Целью гуманитарного образования является, как известно, не только передача студенту совокупности знаний, умений и навыков в определенной сфере, но и развитие кругозора, междисциплинарного чутья, способности к индивидуальным креативным решениям, к самообучению, а также формирование гуманистических ценностей. Все это составляет специфику и компетентностного подхода [См.: 2]. Компетентностный подход в настоящее время является одним из наиболее развивающихся направлений педагогической теории и практики, одним из важнейших оснований обновления образования.

Компетенция – понятие, пришедшее в Россию из англосаксонской традиции образования. Впервые термин «компетенция» был введен в научный оборот В. Макелвиллом в 1982 году: «Компетенция – круг проблем, сфера деятельности, в которой данный человек обладает знанием и опытом; совокупность полномочий, прав и обязанностей должностного лица, общественной организации» [6].

В последние годы, и особенно после публикации текста «Стратегии модернизации содержания общего образования» и «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года», в России происходит резкая переориентация оценки результата образования с понятий «подготовленность», «образованность», «общая культура», «воспитанность» на понятия «компетенция», «компетентность» обучающихся [7]. То есть делается существенная ставка на компетентностный подход в образовании. Данная тенденция переориентации образовательной парадигмы возникла еще до Болонских соглашений и, по мнению И. А. Ивановой, носит объективный характер – характер вызова, который социальные и экономические изменения бросают системе образования. Так, Лиссабонская конвенция «О признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе» 1997 года (к которой Россия присоединилась в 2000 году) сформулировала концепцию международного признания результатов образования и выдвинула требование к академическому сообществу выработать конвертируемые общепонятные критерии такого признания. Уже позднее, в ходе Болонского процесса, стали активно разрабатываться различные версии подобных критериев, и эта новая методология получила название компетентностного подхода.

Планом мероприятий по реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации на 2005–2010 годы (утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 15 февраля 2005 г. № 40) предусматривается разработка, утверждение и введение в действие государственных образовательных стандар-

тов высшего профессионального образования третьего поколения на основе компетентностного подхода и системы зачетных единиц. Разрабатываемый государственный образовательный стандарт третьего поколения ставит перед вузами задачу формирования у выпускников универсальных и профессиональных компетенций. В числе универсальных – группы общенаучных, инструментальных, социально-личностных и общекультурных компетенций. Что же касается компетенций профессиональных, то они подразделяются на общепрофессиональные и профильно специализированные.

Природа компетенций двояко обусловленная. С одной стороны, она является социально обусловленной. И в этом смысле компетенции – условие интеграции в социум. С другой стороны, она лично обусловлена, лично значима, так как предполагает самореализацию личности. Таким образом, компетенции удовлетворяют и потребностям социума, и личностным установкам, и в связи с этим процесс формирования компетенций студента в системе высшего образования является важной составляющей профессиональной подготовки будущего учителя. По мнению Л. И. Нестеровой, «специфика компетенций заключается в том, что они синтезируют в себе знания и умения нового типа, приобретаемые в течение профессионального роста личности» [4].

Компетенция – понятие многомерное, характеризующее разные сферы деятельности человека: познавательную, общественную, трудовую, культурную, а также и бытовую. Для российской педагогической литературы понятие «компетенция», относительно новое и в последнее время активно разрабатывается в научных исследованиях. Е. А. Боярский, С. М. Коломиец считают, что компетенция в некоторой области человеческой деятельности – это система взаимосвязанных качеств личности, обеспечивающая «системный эффект» – способность решения реальных практических задач, в том числе и (некоторых) непоставленных задач. Компетенция включает знания, умения, навыки, относящиеся к этой области деятельности, но не сводится только к ним [1].

В. П. Колесов классификацию компетенций студентов строит на основе задач обучения: учиться «быть», учиться «знать», учиться «делать». Итогом усилий «учиться быть» выступают личностные компетенции и компетенции межличностного профессионального общения. Итогом усилий по приобретению (студентом) и передаче (вузом) знаний выступают общие знаниевые и профессиональные знаниевые компетенции. «Учиться делать» заканчивается приобретением общих деятельностных компетенций и деятельностных компетенций профессионального характера [3].

К примеру, процесс формирования деятельностных компетенций студентов-историков активно протекает в учебное и во вне-

учебное время, в том числе во внеаудиторной работе студентов по предмету. Внеаудиторная работа по истории – это деятельность, где обеспечивается взаимосвязь методов, форм, принципов, задач, способствующих развитию познавательной, интеллектуальной и творческой активности личности, профессиональных навыков и умений, личностных качеств, деятельностных компетенций, в конечном итоге формирующих готовность студентов, будущих учителей, к педагогической деятельности. На наш взгляд, внеаудиторная работа как одна из подсистем целостного педагогического процесса, располагает большими возможностями для формирования у будущих специалистов деятельностных компетенций. Под деятельностными компетенциями мы понимаем способность и готовность целесообразно действовать в соответствии со своими потребностями и мотивами, требованиями дела, реализуя совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов и опыта деятельности, силы воли) в лично значимой и профессиональной деятельности. Деятельностные компетенции, одновременно являются составной частью как универсальных, так и профильно специализированных компетенций будущего учителя истории. Деятельностные компетенции мы подразделяем на общие деятельностные компетенции (активность, дисциплинированность, исполнительность, креативность, организованность, самостоятельность, энергичность и др.) и деятельностные компетенции профессиональной направленности (коммуникативность, организационно-управленческие навыки, рефлексия, предметные умения и др.). Обладая компетенциями, возникающими в результате специально организованной деятельности, как учебной, так и внеучебной (внеаудиторной), будущий учитель получает возможность выстраивать свою индивидуальную педагогическую деятельность в соответствии с вызовами времени.

Современное высшее образование, и прежде всего педагогическое, должно быть ориентировано не столько на получение студентом готовых конкретных знаний или формирование предметных умений и навыков, сколько на развитие познавательного потенциала личности, повышение способности к овладению новыми знаниями и готовности студента применять знания, умения, навыки в новых специфических реальных ситуациях, развитие творческих способностей и самостоятельности в принятии ответственных решений.

Повышение качества высшего профессионального образования является сегодня одной из актуальных проблем не только для России (и для Уральского региона в частности), но и для всего мирового сообщества в целом. Решение этой проблемы связано с модернизацией содержания высшего образования, оптимизацией способов и технологий организации образовательного процесса и,

конечно, переосмыслением цели, задач и результата образования. А показателем нового качества высшего образования с принятием государственного стандарта третьего поколения будет формирование определенного набора компетенций специалистов, способных успешно реализовать себя в профессиональной деятельности.

Литература

1. Боярский Е. А., Коломиец С. М. Компетенции: от дифференциации к интеграции // Высшее образование сегодня. – 2007. – № 1. – С. 10.
2. Иванова Е. А. Компетентностный подход в образовании: методологические основания, история и современность. – [Режим доступа: <http://yandex.ru/yandsearch?text>].
3. Колесов В. П. О классификации компетенций // Высшее образование сегодня. – 2006. – № 2. – С. 22.
4. Нестерова Л. И. Парадигмальная функция ключевых компетенций в профподготовке специалиста // Среднее профессиональное образование. – 2007. – № 8. – С. 52.
5. Папуловская Н. В. Развитие социально-профессиональной компетентности личности в условиях вузовской подготовки. – [Режим доступа: <http://www.jurnal.org/articles/2008/art.php?art=ped36.htm>].
6. Уидетт С., Холлифорд С. Руководство по компетенциям. – Изд-во «НПРО», 2004. – С. 35.
7. Выписка из протокола № 5 заседания Президиума Российской академии образования от 23 апреля 2008 г. (Компетентностная парадигма современного образования). – [Режим доступа: www.gaop.ru/content/Sobitie_2008.04.23.doc].

С. В. Архипова*

Ценностные ориентации учащихся 11-х классов школ г. Екатеринбурга

Процесс обучения в школе не является простым усвоением и освоением набора знаний, навыков и умений, провозглашенных в государственном образовательном стандарте. В школьные годы формируются определенные предрасположенности личности к выбору в личной, общественной, профессиональной жизни, которые находят выражение в ценностных ориентациях. Следовательно, анализ ценностных ориентаций учащихся выступает одним из важнейших критериев оценки эффективности среднего образования. Особенно значимым становится изучение ценностей учащихся, которые оканчивают школу, так как молодые люди ориентированы на будущее.

С. Г. Вершловский предполагает, что о ценностных ориентациях выпускников можно судить на основе оценок их готовности к послешкольному образованию, к сознательному выбору профессии, к общественной и семейной жизни, к организации досуга, к заботе о своем здоровье и т. д. [1].

В 2008 году нами было проведено исследование, в рамках которого мы анализировали переход человека из школы в вуз. Данный переход не рассматривался нами как простой «скачок» с одного образовательного уровня на другой. Под переходом мы подразумевали процесс проживания определенного этапа жизни, который вписан в более широкий социальный контекст. Нам представлялось, что качество этого процесса зависит от того, насколько школа подготовила выпускника к жизни за ее пределами. Используя метод глубинного интервью, мы опрашивали учащихся 11-х классов и учителей школ г. Екатеринбурга. Поскольку мы использовали качественные методы, наше исследование не претендует на репрезентативность, но подтверждение полученным данным мы нашли в многочисленных количественных исследованиях, проводимых другими социологами.

Итак, нас, прежде всего, интересовала готовность одиннадцатиклассников к послешкольному образованию, к сознательному выбору профессии, к общественной жизни.

* Светлана Владимировна Архипова – аспирант, преподаватель кафедры социологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Согласно исследованию ГУ-ВШЭ, проведенного в рамках проекта «Мониторинг экономики образования» в 2007 году, 88 % десяти- и одиннадцатиклассников, обучающихся на «отлично», планируют поступление в вуз; среди «хорошистов» на вузовское образование ориентировано 63 %, а среди «троечников» – 46 % [3]. Интервьюируемые нами старшеклассники также сообщили, что после окончания школы собираются продолжить свое образование именно в сфере высшего профессионального образования. Ценность высшего образования по-прежнему велика, но она приобрела явно инструментальную направленность. Современные школьники в большинстве своем идут в вуз, чтобы в дальнейшем получить интересную, престижную, высокооплачиваемую работу; повысить свой социальный статус; попасть в определенные социальные круги; получить уважение и одобрение со стороны окружающих людей. В некоторых случаях ориентация на высшее образование приобретает абсолютно утилитарный характер и воспринимается, например, как один из вариантов отсрочки от призыва в армию. Ценности получения новых знаний, возможности раскрыть свой талант, создать новое в интересующей сфере отходят на второй план:

...почему хочу учиться именно в вузе... чтобы быть успешной, быть богатой, потребность в хорошей жизни. Осознание того, что высшее образование обеспечивает нормальную, стандартную жизнь... (девушка, 17 лет, учащаяся 11 класса)¹.

...у меня два варианта – либо университет либо армия, я выбрал университет... (юноша, 17 лет, учащийся 11 класса).

Высшее образование – это, прежде всего, профессиональное образование, поэтому у нас возник вопрос: как учащиеся осуществляют свой профессиональный выбор?

Н. Г. Хорошкевич дает следующую трактовку профессионального самоопределения: это процесс «определения человеком своего места в трудовой деятельности, сделанное на основе осознания своих интересов, и способствующее их реализации в процессе жизни» [5. С. 20]. Выбор профессии оказывается трудным и не всегда эффективным. В наших интервью мы встречались со следующими ситуациями: тщательно выверенным и давно сделанным выбором; стихийным выбором под влиянием друзей, родителей, моды, СМИ и т. п.; ориентацией на высшее образования в целом без указания конкретной специальности:

...решение стать хирургом я принял еще в 9-ом классе. Медицина – это мое призвание. У меня вся семья врачи – мама,

¹ В приведенных цитатах мы максимально стремились сохранить стиль информантов.

папа, сестры. Вот и я решил стать врачом... (юноша, 17 лет, учащийся 11 класса).

...специальность мне без разницы...главное, чтобы высшее [образование]. Сейчас надо везде высшее, даже любая профессия при трудоустройстве, но чтобы в дипломе было написано «высшее»... (юноша, 16 лет, учащийся 11 класса).

Учащиеся прекрасно осознают, что после окончания школы выйдут будут востребованы не только знания, необходимые для поступления в вуз:

...школа должна готовить к жизни...к первым самостоятельным поступкам, к первым решениям... (юноша, 17 лет, учащийся 11 класса).

...школа должна давать знание процессов, происходящих в обществе...знание того, в какое время ты живешь, что происходит вокруг тебя... (девушка, 16 лет, учащаяся 11 класса).

Учителя солидарны в данном вопросе со своими учениками:

...я думаю, что школа должна выпускать людей, готовых к самостоятельному выбору, ни к папиному, ни к маминному, а к самостоятельному... (жен., 56 лет, учитель).

...надо научить его воспитанным быть. Нет, но культура тоже немаловажна. Уметь общаться, тоже ведь не все умеют. Уметь выстраивать отношения, где-то что-то спросить с одноклассника, где-то лояльность проявить. Это тоже уметь надо делать, потому что они ведь потом идут в новый коллектив в вузе, на работе и у многих проблемы с этим, потому что он не научился в свое время работе с коллективом, например, школьным... (жен., 48 лет, учитель).

Интересно то, что сами старшеклассники считают, что школа с этими задачами не справляется:

...здесь [в школе] очень много внимания уделяется теории, абсолютно оторванной от жизни... (девушка, 16 лет, учащаяся 11 класса).

...школа дает знания, а всему остальному человек учится сам... (девушка, 17 лет, учащаяся 11 класса).

Действительно, каково же влияние школы на ценностные ориентации учащихся и какую роль она играет в готовности выпускников к жизни?

Школьники по-прежнему много времени проводят в школе, но она все больше и больше перестает быть для них «вторым домом». Девушки и юноши становятся автономными от нее. В наших интервью старшеклассники отмечали, что находятся в школе только во время уроков, предпочитая проводить свое свободное время за пределами учебного учреждения. Школа проигрывает конкуренцию друзьям, семье, СМИ, компьютеру, учреждениям дополнительного

образования (музыкальная школа, спортивные секции и т. п.). Получается, что внешкольная среда предоставляет больше возможностей для реализации потребностей и интересов учащихся. Стоит также отметить, что будущая вузовская жизнь представляется выпускникам более яркой и насыщенной, чем школьная:

Там [в вузе] весело, интересно, там много общения, там жизнь кипит. Вот у меня подруга в УПИ учится, так она рассказывает, что у них там всякие отряды, постоянно какие-то мероприятия, праздники... (девушка, 16 лет, учащаяся 11 класса).

Скучно [в школе]...каждый день одно и то же, одиннадцать лет одни и те же лица (юноша, 17 лет, учащийся 11 класса).

Внеучебная деятельность в рамках школы ограничивается участием или посещением более или менее крупных мероприятий, приуроченных к традиционным праздникам:

...в школе иногда дискотеки проводят...вот на них хожу. В прошлом году на новый год снегурочкой была... (девушка, 16 лет, учащаяся 11 класса).

Существенное влияние на формирование системы ценностей оказывает взаимодействие с другими людьми. В школе основными субъектами взаимодействия являются учителя и ученики, но учитель не называется в качестве значимого субъекта, способного существенным образом повлиять на жизнь своих подопечных. Согласно данным исследования, проведенного екатеринбургскими социологами Н. В. Веселковой и Е. В. Прямиковой, наибольший и важный вклад во взросление вносит общение с другими учениками, так считает 49 % учащихся старших классов. И лишь 16 % учеников отметили, что на данный процесс влияют отношения с учителями [2. С. 231].

Причин сложившейся ситуации можно назвать несколько: отсутствие общих интересов у учащихся и учителей; ориентация учителей только на свои узкопрофессиональные задачи и личную жизнь; ценностная разобщенность (как правило, учителя – это люди старшего поколения, ориентированные на «старую» систему ценностей); отказ учителю в наличии у него опыта, который является значимым для учащихся; неверные представления учителей о своих учениках. М. Р. Радовель отмечает, что, определяя взаимоотношения учащихся и учителей, оценку «отношения откровенные, доверительные (партнерские)» выбирают всего 15 % школьников, но зато 65 % учителей [4].

Таким образом, влияние школы и, в частности, учителей на формирование ценностных ориентаций старшеклассников оказывается несущественным. Отсюда следует, что необходимо стремиться к

атмосфере доверительного взаимодействия между учениками и учителями, а также к созданию условий, способствующих формированию самостоятельности, ответственности, инициативности учащихся.

Литература

1. Верилловский С. Г. Портрет выпускника петербургской школы (опыт социально-педагогического исследования) // Вопросы образования. – 2004. – № 4.

2. Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Социальная компетентность взросления. – Екатеринбург, 2005.

3. Галицкая Е. Г., Петренко Е. С., Петренко К. В. Образовательные траектории детей и взрослых: семейные стимулы и поддержки. Информационный бюллетень. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007. – № 7 (30).

4. Радовель М. Р. «Болевые точки» отечественного образования (коммуникативно-диалоговое измерение). – [Электронный ресурс: // http://www.isras.ru/abstract_bank/1209879120.pdf].

5. Хорошкевич Н. Г. Социальные риски молодежи в высшем профессиональном образовании: Учеб.-методическое пособие. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2007.

Международный академический обмен в Уральском регионе (на примере Удмуртского государственного университета)

В социологическом анализе современного образования и науки практически не уделяется внимания проблемам международного академического обмена. Между тем обменные процессы в образовании и науке становятся одним из ведущих факторов трансформации национальных систем образования, изменения стратегии развития образования и науки в целом. Активизация обменных потоков актуализирует анализ их эффективности с позиции развития и поддержания благосостояния общества.

Международный академический обмен представляет собой одну из составляющих международного сотрудничества в сфере образования и науки, динамично развивающую свои масштабы и формы протекания. Следует подчеркнуть, что международный академический обмен – это прежде всего, социально-коммуникативное взаимодействие, направленное на удовлетворение потребностей и ожиданий в сфере науки и образования представителей стран-участниц. Международный академический обмен имеет различные формы: программы академической мобильности, программы обмена студентами, преподавателями, учеными, международные конференции и семинары, совместные образовательные проекты, академический туризм¹, научно-исследовательские стажировки².

Участниками международного академического обмена являются высшие учебные заведения, международные фонды и организации в сфере науки и образования, государственные административные органы, а также отдельно взятые индивиды. Международные организации предлагают большое количество программ

* *Светлана Игоревна Базуева* – аспирант факультета социологии СПбГУ (г. Ижевск).

¹ См., например: *Миронов Д.* Академический туризм: на каникулы в Эстонии // Журнал «Санкт-Петербургский университет». – [Режим доступа: <http://www.spbumag.nw.ru/2007/04/15.shtml>].

² *Арефьев А.* Зарубежные стажировки: социологический анализ // Высшее образование в России. 2003. № 5.

международного академического обмена, например: программы DAAD (Германия), программа У. Фулбрайта (США).

Активными участниками международных обменных процессов являются российские университеты. Повышение конкурентоспособности в международном научно-образовательном пространстве напрямую зависит от степени вовлеченности высшего учебного заведения в обменные научно-образовательные процессы.

Одним из российских региональных вузов, участвующих в международном академическом обмене, является Удмуртский государственный университет³ (г. Ижевск, Удмуртия). Выбор данного вуза определен рядом причин: географическим расположением, профилем вуза, значимостью для региона, масштабом организации учебного процесса и научных исследований. Нам представляется более показательным исследование форм и масштабов международного академического обмена в региональном вузе, в этом случае развитие международного академического обмена происходит в реалиях российской действительности, только благодаря ресурсам (финансовым, организационным, интеллектуальным) и намерениям вуза, выраженным его руководством.

Удмуртский государственный университет (УдГУ) относится к классическим университетам, где ведется подготовка специалистов фундаментального и прикладного естественно-научного, социально-гуманитарного и инженерно-технологического образования. Всего в университете обучается 28 тысяч студентов на 86 специальностях. Руководством УдГУ признается важность процессов глобализации и включения России в Болонский процесс как факторов развития высшей школы. Укрепление позиций университета на международном рынке образовательных услуг является стратегическим направлением деятельности УдГУ.

Проведение международного академического обмена в УдГУ основывается на законах РФ «Об образовании», «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», а также на нормативных документах, выработанных университетом: уставе вуза, стратегической программе развития УдГУ на 2006–2010 гг.; правилах организации международной деятельности; соглашениях об организации академических обменов между вузами-партнерами; соглашениях о командировании ППС в зарубежные образовательные организации; приказах ректора относительно международной деятельности и реализации отдельных совместных программ.

³ В подготовке тезисов был использован материал исследования, проведенного автором, предоставленные материалы УМС УдГУ, а также материал с официального сайта УдГУ <http://v4.udsu.ru>

Такая нормативная база выступает гарантом регулирования обменных процессов в области образования и науки.

Основной структурой, деятельность которой заключается в развитии научно-образовательных и культурных связей УдГУ, содействии обмену студентами, профессорско-преподавательскими и научными кадрами, участию в международных научно-образовательных программах, является Управление международными связями. Основными формами международного академического обмена в рамках подписанных соглашений, являются: обменные студенческие и преподавательские программы; обмен научной информацией, материалами и литературой; совместные научные исследования; организация летних (языковых) школ, проведение стажировок студентов, аспирантов и преподавателей, международных научно-методических семинаров, научных конференций.

УдГУ поддерживает партнерские отношения в рамках 30 международных договоров с вузами и другими научно-образовательными организациями Европы, Азии, Северной и Южной Америки. Ежегодно в УдГУ реализуется обмен студентами и преподавателями с 4 зарубежными вузами: Финляндия – Хельсинкский университет и Академия Або г. Турку; Ю. Корея – Кемьонгский университет г. Тегу; Испания – Гранадский университет; Словакия – Университет г. Братиславы (только преподаватели). За период 2002–2007 гг. в УдГУ в рамках различных программ и стажировок работали преподаватели из Венгрии, Финляндии, Германии, Испании.

В 2007 году преподавателями и студентами УдГУ было подано 54 заявки по научно-образовательным программам DAAD, IREX, Fulbright, Фонда им. Р. Боша, CIMO, UGRAD, Министерства образования Венгерской Республики, Министерства иностранных дел Испании, Muskie, из них выиграно 26 (21 студент и 5 преподавателей). Всего за 2002–2007 годы было выиграно преподавателями и сотрудникам УдГУ 27 индивидуальных заявок на получение международных грантов и стипендий. Важно заметить, что международный академический обмен в УдГУ происходит в двустороннем направлении и носит симметричный характер. За 2003–2008 гг. в программах обмена на основе двусторонних соглашений (в зарубежных стажировках, по индивидуальным программам, предоставляемыми международными фондами и организациями) участвовало 180 человек, из них преподавателей – 93, студентов – 87. В свою очередь УдГУ принял в рамках обменных программ на основе двусторонних соглашений, зарубежных стажировок, индивидуальных программ, предоставляемых международными фондами и организациями, семинаров и конференций, официальных визитов 146 иностранных гостей – студентов (69), преподавателей (64), официальных лиц (13).

Академический обмен в основном ведется в области гуманитарных наук, филологии. Отсутствие программ на английском языке препятствует развитию обменных программ в других научных областях. Совместная деятельность в международных программах способствует выстраиванию сетевого взаимодействия УдГУ с зарубежными и российскими вузами, что становится основой для дальнейшего развития международного академического обмена: организации совместных научно-исследовательских проектов, стажировок, семинаров, конференций, летних школ.

Итак, происходит структурное оформление международного академического обмена, создание специализированных структур, обладающих информационными, организационными ресурсами, географическое расширение международных контактов, дифференциация организационных форм международного академического обмена, включение в межвузовскую сеть, участие в совместных программах, организация стажировок, поддержка индивидуальной мобильности, а также информационное сопровождение международного сотрудничества международного академического обмена.

Международный академический обмен характеризуется как социальное взаимодействие акторов в международном научно-образовательном пространстве, которое ведет к наращиванию человеческого капитала, развитию международных социальных связей. Актуальность изучения международного академического обмена возрастает в связи с тем, что его результаты проявляются в создании новых программ, трансформации организации учебного процесса, а также в разработке новых научных направлений и развитии инновационной составляющей образования. Кроме того, по нашему мнению, особый интерес представляют междисциплинарные исследования определенных аспектов данного процесса, например такие, как миграция участников международных обменных процессов и отражение этого процесса на развитии отечественной науки.

Формирование образа зарубежных стран в процессе обучения

Система образования – неотъемлемая составляющая социальной структуры общества, социальный институт, который выступает одним из основных источников получения знания об окружающей действительности, в том числе о жизни других народов, и при этом влияет на процесс конструирования образов зарубежных стран.

Так, американский социолог К. Боулдинг в своих работах, посвященных проблеме конструирования и функционирования образов, поднимая вопрос о том, когда и как формируются представления о других странах, обратил внимание на то, что они начинают складываться еще в детстве, в частности, в процессе формального обучения [2. Р. 68]. Со временем первичные образы дополняются, развиваются, изменяются, но, вместе с тем, часто продолжают оставаться в основе новых представлений.

При этом коммуникативная среда образовательной и научной деятельности занимает одно из важнейших мест в обществе. Ее влияние прослеживаются на уровне семьи, трудовой сферы, государства и т. п. Не составляет исключения и влияние данного социального института на процесс формирования образа стран мира.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы проанализировать роль среднего и высшего образования в конструировании образов других народов.

Мы рассматриваем формирование образа страны как коммуникативный процесс, то есть трансляцию или передачу информации, идей, знаний о культуре, политике, экономике этой страны, ее истории, географических особенностях, местных жителей и т. д. Поэтому при рассмотрении поднятой нами проблемы необходимо, в первую очередь, остановиться на основных элементах коммуникативной модели. В наиболее общем виде, в том числе в сфере образовательного дискурса, коммуникация предусматривает наличие, как минимум, трех ключевых составляющих: коммуникатор – сообщение – реципиент. Другими словами, коммуникация явля-

* *Светлана Владимировна Балюк* – аспирант кафедры прикладной социологии Харьковского национального ун-та им. В. Н. Каразина (Украина, г. Харьков).

ется разновидностью взаимодействия между определенными субъектами посредством определенного объекта – сообщения. Последнее, по сути, и представляет собой информацию о стране. Что касается субъектов коммуникации, то к ним относятся:

- коммуникатор (в данной ситуации в качестве коммуникатора сообщения может выступать как коллегиальный отправитель – учебное заведение, коллектив преподавателей или исследователей, так и непосредственно единоличный субъект, а именно учитель или преподаватель; государственные органы в лице министерства образования и науки, областных, региональных управлений; иностранные преподаватели, школьники и студенты; авторы учебников и других учебных материалов; одноклассники или одноклассники);
- получатель сообщения (основным получателем может быть ученик или студент, другие ученые или преподаватели).

Специфичность процесса коммуникации в системе образования состоит в том, что он происходит целенаправленно, систематично, планомерно, от коммуникатора к реципиенту или получателю сообщения.

Процесс передачи-получения информации всегда осуществляется в рамках информационного пространства. Прежде всего, речь идет об учебных курсах, которые включены в образовательный процесс. К таким курсам можем отнести географию, историю, обществоведение, зарубежные языки – в средней школе; культурологию, социологию, политологию, философию и ряд других социогуманитарных дисциплин – в вузе. В данном случае необходимо также отметить роль педагога в процессе обучения, который, передавая свои знания, высказывая свое авторитетное мнение, может повлиять на формирование взглядов учеников и студентов.

Неотъемлемая составляющая процесса изучения курса – самоподготовка посредством обращения к специальной литературе, в частности, к учебникам, представляющими собой не что иное, как текст, в котором находят наиболее концентрированное выражение дискурсивные практики создания легитимного образа «другого» [1]. Однако в последнее время возрастает роль сети Интернет как источника получения знания в рамках образовательного процесса [3].

Особое место в процессе межкультурной коммуникации отводится таким формам научной коммуникации, как международные конференции и семинары, летние школы, форумы и т. д., которые дают возможность учащимся, не выезжая за пределы своей страны, не только получить новые знания, но и непосредственно пообщаться с представителями других стран.

С учетом вышесказанного отметим, что система образования является одним из определяющих целенаправленных механизмов

формирования образов зарубежных стран, основой конструирования целостной системы представлений о мире. Данное утверждение должно учитываться при составлении государственной программы по формированию положительного международного образа своей страны за рубежом, а на практике должно быть реализовано посредством сотрудничества с Министерствами образования и науки различных государств.

Вместе с тем, данная тема является недостаточно разработанной в современной социальной науке, поэтому нуждается в дальнейшем систематическом изучении.

Литература

1. *Портнов А.* Terra hostica. Образ России в украинских школьных учебниках истории после 1991 года [Электронный ресурс]. – [Режим доступа: <http://www.polit.ru/research/2004/12/14/portnov.html>].
2. *Boulding K. E.* The Image: Knowledge in Life and Society. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1961.
3. Global / worldwide Internet statistics sources 2008 [Electronic resource]. – [Available on: <http://www.davechaffey.com/E-business/C1-Introduction/Global-worldwide-Internet-statistics>].

М. Б. Буланова*

Социология образования как учебная дисциплина в гуманитарном вузе (опыт Российского государственного гуманитарного университета)

Утверждение социологии образования в качестве отраслевой социологической дисциплины отразилось сегодня в более широком ее преподавании как учебной дисциплины. Социология образования входит в блок специальных учебных дисциплин в программе подготовки профессиональных социологов, но актуальность и специфика делаю возможным ее преподавание для более широкого круга специалистов-гуманитариев.

Как известно, образование относится к числу тех редких явлений и процессов общественной жизни, которые затрагивают интересы каждого человека, а поэтому привлекают пристальное внимание представителей целого ряда социальных и гуманитарных наук. Кроме того, современное общество все чаще осмысливается исследователями как «общество знаний» (В. Л. Макаров), «образовательное общество» (И. Ильинский).

Образование является объектом и предметом изучения ряда наук. Среди них: педагогика, философия, экономика и социология. Каждая из них сформировала свой особый подход к этому многогранному социальному явлению.

Педагогический подход к образованию сложился исторически первым.

Суть его – связать образование с обучением и воспитанием человека, осуществляемым в ходе учебно-воспитательного процесса с помощью определенных методов, средств, форм педагогической деятельности.

Философский подход – самый широкий. По мнению акад. РАО Ф. Т. Михайлова, это фундаментальная теория образовательной деятельности. Плюсы такого подхода очевидны. Его использование дает понимание основных направлений и перспектив развития образования, позволяет осознать такое явление современ-

* *Марина Борисовна Буланова* – канд. филос. наук, доцент кафедры теории и истории социологии социального факультета Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).

ности, как единое образовательное пространство, изучить особенности мирового кризиса образования.

Экономический подход к образованию позволяет рассмотреть его в качестве важнейшего социально-экономического ресурса развития общества и личности. С помощью данного подхода возможно изучение рынка образовательных услуг, разработка вопросов образовательного маркетинга.

Наблюдаемое разнообразие подходов к изучению образования – необходимое условие проведения успешных междисциплинарных исследований.

В диалоге об образовании социология имеет *преимущества* перед другими науками.

Первое преимущество: социология начинает изучать образование позже других наук – в конце XIX века и имеет уникальную возможность воспользоваться результатами уже сложившихся подходов к изучению данного социального явления. Социология изначально опирается на уже обобщенную и обработанную другими науками информацию: о системе образования, ее отдельных формах, составе обучающихся и преподавателей, инфраструктуре образования и др.

Второе преимущество: социологический подход нацелен на определение места и роли образования в обществе. Это дает возможность уникальной «встречи наук»: ведь социологию интересует взаимовлияние, взаимодействие образования и других подсистем общества (экономической, политической, социальной, культурной).

Третье преимущество: социология «приглашает» к диалогу об образовании все другие науки, устанавливает связи между ними. Учитывая наработки в этих науках, социология обогащает их подходы. Следствием такого содружества выступают, например, деятельностный, социокультурный, коммуникативный подходы.

Подход к образованию как к определенному виду деятельности близок к педагогическому и психологическому подходам. Обогащающее влияние социологии проявляется в том, что в рамках *деятельностного* подхода образование рассматривается не просто как вид деятельности, но как элемент образа жизни социальной общности, института, личности. На этих уровнях данный подход предполагает изучение образовательных потребностей, ценностных ориентаций, интересов, диспозиций, установок, мотивов, реализующихся через образование.

Социокультурный подход близок к философскому. Культура выступает универсальной составляющей жизнедеятельности человека. Образование является важной опорой, выполняет роль транслятора, передаточного звена культуры, охватывает всю деятельность человека по освоению культуры [См.: 4. С. 72]. Учитывая

это, социология делает акцент на тот факт, что, выполняя социокультурные функции, образование способствует активному включению индивидов в социальную среду, выступает средством воссоздания целостности общества и личности.

Коммуникативный подход к образованию особенно важен в современных условиях. Здесь встречаются социолингвистика, семантика, семиотика, психология, социология. В рамках данного подхода разработка проблем образования предполагает обращение к анализу знаковых процессов, знаковых и символических структур и систем. С точки зрения социологии, в частности, этот подход объясняет, что переход от одного этапа институционального развития образования к другому происходит каждый раз через новые средства коммуникационного и информационного взаимодействия (язык, письменный текст, информация как средство коммуникации) [См.: 6].

Четвертое преимущество связано с разработкой в рамках социологии специфических подходов к изучению образования. Среди них: институциональный и системный подходы.

В рамках *институционального* подхода рассматриваются проблемы взаимосвязи образования с производством, наукой, культурой и другими социальными институтами. Осуществляется анализ взаимодействия социальных общностей в сфере образования, а также форм совместной деятельности различных слоев и групп. Кроме того, выявляются престиж и авторитет системы образования, изучаются возможности взаимодействия между ступенями образования, анализируются этапы и тенденции развития этого социального института.

Системный подход позволяет охарактеризовать образование как автономное структурно-целостное единство, изучить строение образования в связи с выполняемыми им функциями [См.: 2. С. 133–135].

Используя данные специфические подходы, социология образования может решать свои задачи, отличные от других наук. Среди них: изучение и оценка потребностей в образовании, его роли в жизни общества и личности; анализ уровня и качества знаний в контексте их социальной значимости; отношение общества к образованию, изучение его социальной ценности; выявление статусной роли образования и степени его влияния на динамику развития общества [См.: 7. Гл. 21].

В настоящее время особым образом следует оговорить эвристические возможности изучения образования с помощью *аксиологического* подхода. Являясь классическим философско-социологическим подходом, со временем он был заменен более значимыми для развития социологии образования институциональным и системным подходами. Однако сейчас изучение процесса ценностного преломления образования, включения его ценностей в

ткань повседневного социального и личностного бытия позволяют осмыслить превращение образования как в индивидуально и социально значимый вид деятельности, так и в особое «жизненное пространство» (С. И. Григорьев, Н. А. Матвеева).

Итак, в изучении образования социологии есть чем поделиться с другими социальными и гуманитарными науками. Отсюда, проблематика социологии образования, а также междисциплинарные и специфические методы изучения этого многогранного социального явления которые, могут быть интересны для будущих профессионалов-гуманитариев.

В РГГУ спецкурс «Социология образования» преподается студентам-социологам 4-го курса. Основной базовый учебник – *Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А.* Социология образования. М., 2005. Однако в настоящее время складываются условия для преподавания данного курса студентам других гуманитарных специальностей. В соответствии с опытом преподавания «Социологии образования», накопленным коллегами на Урале, в программе этого курса для специалистов-гуманитариев можно предложить три блока.

Первый блок – *теоретический*. Его цель – «очертить социологическое поле дисциплины» среди других наук. В этой части можно конкретизировать теоретико-методологические подходы к изучению образования, а также познакомить студентов с парадигмами образования (в частности, с новой парадигмой, так актуальной сегодня – самообразованием) [См.: 8].

Второй блок – *исторический*. В данном блоке необходимо применить исторический подход, познакомить слушателей с этапами становления и развития этой отрасли социологического знания. Следует проанализировать классические и современные концепции образования, представленные отечественной и западной социологией.

Третий блок – *эмпирический*. В этой части применяется эмпирико-прикладной подход. Речь идет о задачах, возникающих перед социологией образования в связи с подготовкой и проведением эмпирических исследований. Необходимо познакомить слушателей с количественными и качественными стратегиями эмпирического исследования образовательных потребностей различных слоев населения, самого процесса, ступеней, качества и эффективности образования.

Таким образом, расширение рамок курса социологии образования в гуманитарном вузе позволит обогатить социологическое образование студентов несоциологических специальностей.

Литература

1. *Григорьев С. И., Матвеева Н. А.* Неклассическая социология образования начала XXI века. – Барнаул, 2000.
2. *Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А.* Социология образования. – М., 2005.
3. *Ильинский И.* Образовательная революция. – М., 2002.
4. *Коган Л. Н.* Социология культуры. – Екатеринбург, 1992.
5. *Михайлов Ф. Т.* Философия образования: ее реальность и перспективы // Вопросы философии. – 1999. – № 8.
6. *Нечаев В. Я.* Новые подходы к социологии образования // Социологические исследования. – 1999. – № 11. См. также: *Добренчиков В. И., Нечаев В. Я.* Общество и образование. – М., 2003.
7. *Тощенко Ж. Т.* Социология. – М., 2005.
8. *Шуклина Е. А.* Социология самообразования: предпосылки, методология, методика. – Екатеринбург, 1999.

Бизнес-образование в контексте взаимодействия с государственными и бизнес-структурами: основные принципы и направления развития

Развитие бизнес-образования является неотъемлемой составляющей реформирования и модернизации системы профессионального обучения управленческих кадров на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. С начала 1990-х годов в России формируется рынок образовательных услуг для сферы предпринимательства и малого бизнеса. Социальная обусловленность и прагматическая направленность бизнес-образования на региональном и муниципальном уровнях обусловлена, прежде всего, потребностями достижения критической массы рыночно-ориентированных кадров, формированием цивилизованных рыночных отношений и необходимостью поддержки субъектов предпринимательства и малого бизнеса.

За полтора десятилетия в подготовке менеджеров, предпринимателей, кадров управления различного уровня произошли разительные перемены. Сменилась образовательная парадигма «от обучения на всю жизнь» к обучению «через всю жизнь». Теперь бизнес-образование стало основным «поставщиком» кадров для рыночной экономики. Качество подготовки менеджеров предопределяет успех социально-экономических реформ, судьбу развития предпринимательства как основы рыночной экономики.

В Российской Федерации сформирована широкая сеть субъектов бизнес-образования – региональные и муниципальные учебные центры, корпоративные и виртуальные университеты, бизнес-школы, консультативные фирмы, консорциумы. Бизнес-образование институционализировано как авторитетная и вполне самостоятельная подсистема образования Российской Федерации.

Методологической основой современного бизнес-образования выступают нацеленность на массовое обучение предпринимателей и бизнесменов в интересах формирования конкурентной среды как

* *Галина Вячеславовна Вельтищева* – бизнес-тренер Центра корпоративного обучения и консалтинга «Свободный выбор» (г. Екатеринбург).

генератора рыночной экономики, кардинальные демократические и экономические преобразования, интеграция России в мировую экономику. Главные цели бизнес-образования состоят в передаче профессиональных знаний о рынке, выработке умений и предпринимательских навыков, формировании личностных качеств, жизненной позиции и мировоззрения менеджеров.

В методологии профессионального обучения менеджеров важное значение придается инновациям, разработке и использованию различных форм интенсивной учебной работы. Сейчас трудно представить деятельность бизнес-школ без таких эффективных методик, как тренинги, разбор конкретных ситуаций (кейс-методика), технологии обучения действием. Реализация учебных программ предполагает освоение методов решения конкретных бизнес-задач, развитие профессионального мастерства, влияние на формирование системы социальных ценностей.

Как социальный феномен, бизнес-образование стало представлять уникальный комплекс. Через бизнес-образование пролегает путь к достижению успеха любых компаний, организаций, предприятий в их экономическом развитии. Бизнес-школы и учебно-деловые центры играют важную роль в экономическом просвещении населения на муниципальном уровне, развитии предпринимательских навыков, расширении ассортимента и повышении качества образовательных услуг. Важной функцией бизнес-образования становится развитие коммуникаций, укрепление связей между предпринимательскими структурами и местным сообществом. Будучи рыночной структурой, бизнес-образование является самой представительной частью рынка образовательных услуг.

Характерные подходы бизнес-школ, центров управленческого образования, вузов состоят в использовании следующих принципов:

- прагматизм (ориентация на развитие предпринимательства и бизнеса, практическая конкретность и индивидуальная значимость программного материала);
- междисциплинарный характер обучения, предусматривающий освоение экономико-управленческих и правовых дисциплин, тематических спецкурсов;
- теоретическое и эмпирическое осмысление экономической системы, ситуационный подход, моделирование реальных процессов;
- гибкость программ, блочно-модульная организация дополнительного профессионального образования;
- многообразие уровней, форм и методов обучения, включая подготовку преподавателей и консультантов для бизнес-школ и учебно-деловых центров.

Российские бизнес-школы и региональные учебно-деловые центры все больше ориентируются на конкретную цель, предоставление клиентам образовательных услуг через интенсивные тематические курсы и семинары. В качестве источника, определяющего уровень фундаментальности обучения, выступает все больше реальный потребитель образовательных услуг со своим уровнем проблемности, поиском технологий успешных бизнес-решений.

Концептуальные особенности российской сферы бизнес-образования заключаются:

- в специфике учебного процесса, в том, что учиться технологиям предпринимательства приходят люди с высоким уровнем образования и культуры;
- в кардинальных изменениях структуры управленческого образования, его ориентации на углубление содержания подготовки управленцев через освоение и широкую институционализацию различных программ;
- в широком освоении программ MBA (Мастер делового администрирования) как продвинутой формы профессионального бизнес-образования.

За прошедшие годы со стороны органов государственного и муниципального управления изменилось отношение к бизнес-образованию. Однако острота проблемы регулирования дополнительного профессионального образования, включая бизнес-образование, не снижается. Сохраняет актуальность необходимость более эффективного взаимодействия органов государственного управления и структур местного самоуправления, профессионального сообщества ученых и специалистов системы образования, деловых людей и предпринимательских структур.

В последние годы для бизнес-образования открылись широкие перспективы освоения методов дистанционного обучения, информационных и новых обучающих технологий, обращенных к личности. Однако решение этой проблемы требует приоритетной переподготовки преподавателей и консультантов, ресурсного и информационного оснащения учебного процесса, его компьютеризации, освоения сетевых технологий, особенно на региональном и муниципальном уровнях.

Хорошим подспорьем для обмена и заимствования передового опыта служат конференции и семинары, тематические публикации и издания Российской ассоциации бизнес-образования, Академии менеджмента и рынка, ведущих вузов экономического и управленческого профиля, региональных учебно-деловых центров. Обретённый в 1990-е и последующие годы опыт показывает, что к

числу актуальных и взаимосвязанных задач развития российского бизнес-образования следует отнести:

- расширение диапазона услуг сферы бизнес-образования, повышение его престижа и значимости в российском обществе как важнейшего элемента инфраструктуры российского бизнеса;
- совершенствование методологических и дидактических основ бизнес-образования, повышение уровня педагогической подготовки специалистов, приглашаемых к обучению менеджеров;
- улучшение координации деятельности бизнес-школ и региональных центров подготовки менеджеров, повышение уровня управления профессиональным развитием персонала структур предпринимательства и бизнеса, образовательными учреждениями.

Главный итог пятнадцатилетней деятельности инициаторов и вдохновителей отечественного бизнес-образования, федеральных и региональных органов управления образованием состоит, прежде всего, в том, что переход к рынку бизнес-образования состоялся. Однако, эта важная подсистема профессионального образования нуждается в усилении государственной и муниципальной поддержки, заинтересованном отношении предпринимательских структур.

Школы бизнес-образования и учебно-деловые центры накопили опыт, освоили пространство кадровой поддержки малого бизнеса и предпринимательства. В перспективе предстоит овладеть системной парадигмой развития бизнес-образования, включающей опору на фундаментальные знания, диагностику реальных проблем бизнеса, эффективные обучающие системы и информационные технологии, кооперацию и взаимодействие участников этого процесса.

Школа – территория межкультурной коммуникации

В связи с большой миграцией населения, в город прибывает много иностранных граждан, из ближнего и дальнего зарубежья, в основном из стран с неблагоприятной политической или экономической обстановкой. Одни школы наполняются детьми китайской национальности, в другие поступает много детей из Киргизии и Таджикистана. Это зависит от места расположения школы в городе и места проживания и работы родителей этих детей. В данной ситуации неизбежно появляется проблема взаимоотношений, взаимодействия детей иностранцев и коренного населения.

Нами проанализирована ситуация межкультурного взаимодействия учащихся разных национальностей на примере 8 и 11 классов МОУ СОШ № 79 Верх-Исетского района г. Екатеринбург.

В школу ежегодно, на протяжении длительного времени, поступали учиться дети разных национальностей. При исследовании данного вопроса были обследованы два класса: 8 «Б» и 11 «А».

В 8 классе обучаются 25 детей следующих национальностей: русские – 11, татары – 4, башкиры – 1, марийцы – 2, немцы – 2, латыш – 1, украинка – 1, татаро-гречанка – 1, таджик – 1, киргиз – 1. Таким образом, русских в классе – 44 %, детей других национальностей – 56 %.

В 11 классе обучаются дети следующих национальностей: русские – 13 человек, кореец – 1, еврейка – 1 (беженка из Израиля, родной язык – иврит), ездид – 1 (родной язык армянский), табасаранец – 1 (из Дагестана, говорит на родном языке), мариец – 1, талышка – 1 (этническая нация в Азербайджане), татары – 1, башкиры – 1. Таким образом, русских в классе – 61,9 %, детей других национальностей – 38,1 %.

Многие из детей-иностранцев не говорили на русском языке. Их семьи исповедуют разные религии (мусульманство, иудаизм, староверие, христианство).

* Анастасия Викторовна Гаук – аспирант, ст. преподаватель кафедры СиСТУ УГТУ-УПИ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

** Севинч Рзаева – учитель МОУ СОШ № 79 (г. Екатеринбург).

Вследствие большого скопления в школе детей разных национальностей, культур, вероисповеданий стали происходить конфликты на почве национальных, культурных и религиозных убеждений. Перед педагогическим коллективом встал вопрос о нормализации отношений между детьми. К решению этой проблемы были подключены социальные педагоги, психологи. Проводились тренинги с учащимися, индивидуальная работа психолога с отдельными детьми (провокаторами), консультации социального педагога и психолога для преподавателей и родителей. Для ликвидации языкового барьера, по отдельным предметам для детей составлялись индивидуальные рабочие программы. На предметах социально-гуманитарного цикла, в системе, на уроках и в внеурочное время проводилась работа на сплочение коллектива: при изучении различных культур и религий каждый рассказывал о своей вере, культуре, традициях, говорил и пел песни на своем языке; проводились общешкольные интернациональные мероприятия, где каждый мог выступить на своем родном языке. Немаловажную роль играет тот факт, что интернациональным является и педагогический коллектив (русские, евреи, татары, азербайджанка, поляки, латыши, мордовцы, башкиры).

После проведения комплекса мероприятий обстановка в школьном коллективе нормализовалась. Появилась интернациональная группа лидеров в 11 классе (езид, еврейка, кореец и русские), которая помогала педагогам в работе.

В 2009 году среди учащихся 8 и 11 класса было проведено социологическое исследование. Выяснилось, что 62,5 % исповедуют христианство, 17,5 % – мусульманство, иудаизм – 5 % учащихся, атеисты – 15 %. Многие признались, что в церковь не ходят, хотя и хорошо относятся к своей вере, чтят культуру и традиции. Однако ребята говорили, что у них свое представление о боге и им легче обратиться к нему напрямую. В школьном коллективе произошла ассимиляция учащихся и педагогов по национальному и религиозному признакам. На сегодняшний день терпимо относятся к различным религиям 18 % учащихся, безразлично – 77 %, нетерпимо – 5 %.

Проблему возникновения межнациональных конфликтов учащиеся видят: в нетерпимости к другой национальности – 15,4 %; в непонимании – 12,8 %; в религиозном непонимании – 10,2 %, в неуважении к людям – 10,2 %, самомнении – 5,2 % и т. д.

На вопрос, почему конфликтуют люди разных национальностей, находящиеся на одной территории, учащиеся ответили следующее: из-за территории – 15,4 %, из-за проявления расизма – 15,4 %; из-за неуважения к другой религии – 10,2 %, из-за непонимания – 10,2 %; из-за самомнения – 5,1 %; из-за внутреннего негатива по 5,1 %.

Все учащиеся в разговоре отмечали отрицательную роль родителей в привитии неприятия, страха к некоторым национальностям.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что у детей проблемы межнациональной коммуникации нет, им ее внушают окружающие их взрослые люди. Нигде не написано, что дети испытывают неприязнь друг к другу, причины они видят в политике, СМИ, семье, поэтому надо проводить работу с родителями, детьми-мигрантами для реабилитации и быстрее вхождения в социум, организовывать просветительскую работу со всеми учащимися, чтобы предотвратить распространение националистических взглядов.

Проведенный опрос в 8 и 11 классах МОУ СОШ № 79 дал достаточно много сведений, которые отражают отношения учеников к другим нациям, религиям и культурам. В представленных тезисах мы осветили лишь часть вопросов об отношении ребят к другим национальностям и религиям.

Л. М. Дормидонтова*

Государственная политика в области социального образования

Как известно, в ходе социально-экономических преобразований в нашей стране, в угаре рыночных изменений была оставлена за бортом отходящего от «берегов» социализма капиталистического «корабля», большая группа населения, которая в силу объективных причин не смогла на него попасть. Переход к новым общественным отношениям неизбежно привел к ухудшению социально-экономического положения населения. Численность людей, живущих за чертой бедности, колебалась в пределах от 40 до 60 %. Углубляются территориальные и национальные конфликты, что влечет за собой рост числа граждан, которых следует квалифицировать как беженцев. Появляются и другие новые категории населения, требующие социально-правовой защиты и материальной поддержки.

А изменение статуса самого государства привело к тому, что на первых этапах преобразования оно не всегда могло контролировать те или иные политические и экономические процессы. Ослабла государственная политика в области социальной защиты населения. Возникли противоречия между успешно адаптированной частью граждан и значительным числом неадаптированных к условиям рыночных отношений. По сути говоря, политика государства на первом этапе была сведена к наблюдению за протекающими процессами.

Второй этап государственной политики можно назвать мобилиующим. Стало очевидным, что определенные социальные группы не могут обеспечить свою жизнедеятельность самостоятельно. Они нуждаются в планомерной, последовательной государственной политике, отвечающей требованиям избранной концепции «социального государства». Этот период характеризуется частичным восстановлением утраченных социальных структур, осуществлявших поддержку населения. Наметились процессы реформирования социальной сферы, создания новой системы социальной помощи и защиты определенных групп граждан. Расширение этой

* *Любовь Михайловна Дормидонтова* – канд. социол. наук, почетный работник СПО РФ, доцент кафедры экономики и управления Российского государственного социального университета (г. Уфа).

деятельности повлекло за собой разработку новой государственной политики. Она в определенной степени была связана с подготовкой специалистов для сфер социальной деятельности, выполняющих следующие важные функции:

- диагностика и прогнозирование неблагоприятных жизненных ситуаций людей;
- правозащитная и предупредительно-профилактическая;
- социально-медицинская;
- психологическая;
- социально-педагогическая и др.

Функциональная деятельность работника социальной сферы существенно расширилась, что вызвало изменение его профессионального статуса. Официальное введение в 1991 году в России института социальных работников как профессии потребовало формирования системообразующей структуры социального образования. Первоначально это были специальные курсы, организованные при учебных заведениях, затем были созданы факультеты в различных вузах страны. Процесс был завершён созданием первого в России государственного социального университета (РГСУ).

Третий этап следует охарактеризовать как институциональный. Он продолжается и сегодня. Расширяется сеть вузов и других образовательных учреждений в различных регионах Российской Федерации. Выделяются уровни отечественного социального образования: от начального социального образования до послевузовской социально ориентированной подготовки высококвалифицированных специалистов. Государственная политика направлена на расширение возможностей социально ориентированного государства и, как следствие, поддержку и стимулирование системы профессионального образования социальных работников. В настоящее время вузы социального образования выполняют ряд важных функций. Среди них:

- эффективная подготовка кадров для социальной сферы;
- переподготовка и повышение квалификации специалистов;
- удовлетворение потребностей личности;
- изучение содержания, форм и методов социальной работы;
- мониторинг социальной сферы и социальной ситуации и т. д.

Множество функций социального образования можно свести к четырем основным: научно-исследовательская, прикладная, нравственная и духовная. Как отмечает В. И. Жуков, что без использования научных достижений нельзя сформировать профессиональные качества; без внедрения знаний, умений, навыков в социальную практику нельзя рассчитывать на способность быстро реагировать на меняющуюся социальную ситуацию в обществе, без соблюдения основных нравственных ценностей люди, пред-

ставляющие область социального управления, не могут пользоваться доверием тех, кого они обслуживают [1. С. 275].

В настоящее время, Россия вновь оказалась в ситуации глобального экономического кризиса. Со многими кризисными проблемами и их последствиями мы уже сталкивались, ряд из них нам удалось преодолеть и постепенно решить. Следует признать, что население современной России уже переживало, и не раз, безработицу, инфляцию, экономический спад. Но отличительной чертой современного периода является то, что сегодня в стране уже подготовлена большая группа профессионалов, способных оказать грамотную социальную помощь населению. В этих условиях социальное образование постепенно становится действенным инструментом государства, одним из институтов, способствующих решению социальных проблем, консолидации российского общества, осуществлению антикризисной политики.

Литература

1. Жуков В. И. Университетское образование: история, социология, политика. – М.: Академический Проспект, 2003.
2. Социальная политика: парадигмы и приоритеты. – М., 2000.

Компаративные исследования в сфере профессионального высшего образования

Специализированное обучение имеет четкую организационную фрагментацию, но при этом предполагает, что полноценное образование возможно только тогда, когда различные его секции взаимозависят и дополняют друг друга как интегрированные части создаваемого «продукта», такого как образованный человек. Основная ошибка действующих объединений заключается в отношениях, сложившихся между специализированными факультетами и школами. Базовые специализированные объединения концентрируются на дисциплинах, связанных с профессиями: юридическими, медицинскими, архитектурными, фармацевтическими, инженерными, сельскохозяйственными педагогическими, торговыми и т. д. Все преподаватели и студенты внутри этих образований имеют общие профессиональные интересы, объединяющие их, идентичность, обеспечивающую важный внутренний источник коллегиальности и единства, но, в то же самое время, принадлежность к данной общности является причиной ее дистанцированности от других объединений одного и того же университета. Студенты в рамках таких объединений обязаны специализироваться в одной области обучения, у них отсутствует или есть небольшая возможность перехода в другие объединения в пределах учреждения.

Такая структура сложилась давно и доминировала в Европе и в Латинской Америке. Французские и итальянские университеты являются примерами таких объединений. Несмотря на то, что формально факультеты и школы находились рядом, в одном регионе, входили в общую национальную систему образования, что могло бы привести их к близким отношениям, европейские факультеты были настолько автономны и самодостаточны, что не нуждались в иных группах. Они имели собственный штат преподавателей и ученых, клиентуру и ресурсы. Так строится кампусная система высших учебных заведений, позволяющая располагать ряд школ, факультетов, а зачастую и университетов вдалеке от городов, ог-

* *Алексей Константинович Ерохин* – канд. филос. наук, доцент Тихоокеанского государственного экономического ун-та (г. Владивосток).

раждая их от внешнего влияния. Но автономия может достигаться и в пределах университетов, составленных главным образом из профессионально специализированных объединений. К такой системе тяготеет российская высшая школа, американская и большинство континентальных университетов, смоделированы по данной схеме. Автономия специализированных школ или факультетов может быть чрезвычайно высокой (США), практически доходящей до экономической самостоятельности. В государственных университетах, преобладающих в Европе и России, автономия зависит от общего университетского бюджета. В определенных случаях в Германии и США отдельные университетские школы или факультеты достигают автономии за счет прямых правительственных ассигнований на проведение длительных исследований или создание рабочей базы. Таковы, например, медицинские школы ведущих университетов США, являющиеся опорой государственной Службы общественного здоровья США по оказанию медицинской помощи населению а, следовательно, поддерживаемые значительными государственными дотациями.

Повсеместно базовые объединения, создающиеся на гуманитарных и естественнонаучных факультетах университетов, «обслуживают» значительное количество областей и их разделов. В США, Новой Зеландии, Канаде гуманитарные и научные факультеты обычно являются сердцевинной университетских объединений, по сравнению с профессиональными школами. Такая гетерогенность создает объединение, которое трудно скрепить коллегиальностью. Это основное объединение обычно имеет несколько деканских офисов, стоящих выше отделов/кафедр, укомплектованных администраторами и связанных в иерархическом порядке с административным офисом президента или ректора центрального университетского городка. Всесторонний характер этого базового факультета характеризует бюрократию кампуса американских университетов и колледжей.

Степень взаимозависимости в структуре факультетов значительно определяет возможности реформирования учебных планов. Высшее образование Европы, России, Латинской Америки базируется исторически на завершеном всеобщем школьном образовании, достаточно широком для того, чтобы выбрать на этой основе последующую специализацию. Как следствие, специализированные факультеты российских, европейских и латиноамериканских систем высшего образования становятся глубоко институционализированными, ограниченными программами средней школы и рынком труда. Любая реформа базового вузовского образования создает трудности, порою неустраиваемые. Она становится вопросом попытки развить внутри специализированной области что-то вроде

общего «первого круга» курсов, подготавливающих студентов к продолжению более узкого образования и выбора специализации.

В противоположность этому, во многих странах сложились две ключевые организационные структуры, поддерживающие всеобщее и специализированное обучение. Первая встречается в частных колледжах с четырехгодичным обучением, где организационная структура и административная власть сфокусированы на создании и координации общих учебных планов. Другая имеет место на факультетах гуманитарных дисциплин и социальных наук в общественных и частных университетах, которые нацелены на коллегиальность и кооперацию входящих в них отделов и кафедр и вовлечение в общую подготовку младшекурсников. Консенсус в дисциплинах, требуемый для того, чтобы сделать общее образование эффективным, может быть достигнут организационно, по меньшей мере, в той степени, которая придает успех институциональным требованиям в поддержке пограничного образования. В США кафедры гуманитарных дисциплин или такие объединения, как колледжи, представляющие структурные единицы университетов, формируют большой коллегиальный совет, служащий противовесом автономности департаментов. Члены департаментов составляют вместе самостоятельный факультет или общий факультет колледжа, который контролирует учебный план и следит за общими и особенными требованиями, предъявляемыми студентами или к студентам.

Автономности кафедр в российских университетах противостоит коллегиальный совет, состоящий из представителей кафедр (если речь идет об уровне факультетов) или представителей факультетов (на уровне университета).

Следовательно, можно говорить о целом классе университетов и колледжей, в которых возможно получить или, наоборот, не получить общее образование, поскольку эти институты обладают или не обладают требуемой внутренней организации в форме специализированных и всеобщих факультетов и школ. В связи с такой особенностью академической системы, ее организационная структура играет значительную роль в ходе реформ образования.

Степень взаимозависимости среди конституируемых объединений центробежных сил зависит также от относительных обязательств открывать и передавать знание. Открытие требует продолжительного и высокого уровня автономных действий части индивидов и групп, ведущих к завершению специализации внутри каждой дисциплины и вовлекающих намеченные рискованные предприятия в неизвестность. Открытие трудно планировать и программировать, поскольку наука ограничена определенными тенденциями и направлениями. В противоположность этому транс-

миссия знания предполагает некоторую рутинность в обработке уже известного и классифицируемого. Данный процесс может координироваться равными группами внутри дисциплинарного объединения и группами высокого уровня, состоящими из ведущих ученых и неравных им по статусу исследователей. Следовательно, преподаватели равных уровней сильней мотивированы к обсуждению и выработке общих пунктов рабочих программ, методик преподавания, организации процесса обучения и т. д. В целом представляется, что «свобода исследования» более организационно фрагментирована, чем «свобода обучения». Проблемы координации и управления, благодаря центробежным силам, гораздо острее в исследованиях, чем в преподавании и обучении.

Высокая автономия и низкая взаимозависимость факультетов в европейских, российских и латиноамериканских университетах отражают слабость сложившейся бюрократии; намного более сильна университетская администрация США. Университетский городок помогает интеграции его отделов и факультетов. Таким образом, в национальных системах академические организации изменяются во взаимозависимости их частей. Но по сравнению с другими типами организации они имеют, в общем, относительно низкую степень взаимосвязи.

Выпускники вузов на рынке труда: ожидания и противоречия

Главной проблемой государственной кадровой политики, затрагивающей жизненные интересы студенчества, становится востребованность образовательной подготовки практикой. Об этом в октябре 2007 года говорил В. В. Путин: «...главные, первостепенные задачи по подготовке специалистов связаны с рынком труда ... сама система подготовки кадров – структура ее направлений, специальностей и профессий – должна отвечать современным требованиям рынка труда. Одновременно с этим вся система профобразования должна становиться более вариативной, более гибкой, мобильной. Она должна быть готова к тому, чтобы своевременно отвечать на меняющиеся запросы рынка и экономики».

Ориентация на запросы рынка труда как на фактор модернизации системы профессионального образования лежит и в основе Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г.: «В качестве основного фактора обновления профессионального образования выступают запросы развития экономики и социальной сферы, науки, техники, технологий, федерального и территориального рынков труда, а также перспективные потребности их развития. Должна быть создана система постоянного мониторинга текущих и перспективных потребностей рынка труда в кадрах различной квалификации, в том числе с учетом международных тенденций».

Диспропорции, сложившиеся между потребностями рынка труда и структурой специальностей, по которым ведется подготовка в системе профессионального образования, дисбаланс в оплате труда специалистов, другие обстоятельства как экономического, так и морального порядка создают преграды для реализации образовательного потенциала российской молодежи. Успешное окончание учебного заведения не является гарантией получения первого рабочего места. Это, безусловно, проявляется в ценности образования. Безработица среди выпускников обусловлена и рядом

* *Жанна Вячеславовна Жираткова* – канд. социол. наук, доцент, завкафедрой иностранных языков Российской международной академии туризма (г. Москва).

противоречий, сложившихся на рынке труда молодых профессионалов. Основным можно считать противоречие между социальными и профессиональными планами выпускников учебных заведений и реальными возможностями их осуществления. Его частным проявлением выступает противоречие между теоретической подготовкой выпускников учебных заведений, позволяющей им быть носителями самых современных знаний, и отсутствием опыта работы, свидетельствующем о навыках практического использования полученных знаний. Кроме этого, можно зафиксировать противоречия между профессиональными ориентациями молодежи и потребностями предприятий, организаций, фирм в рабочей силе, а также между необходимостью совершенствования подготовки молодых кадров и существующей системой профессионального образования.

Высшее образование для студентов – это, прежде всего, защита от угрозы безработицы и хорошая конкурентоспособность на рынке труда. По данным опроса, проведенного в 100 населенных пунктах России, 78 % респондентов отметили необходимость наличия высшего образования. Среди тех, кто моложе 35 лет, эта доля выше – 82 % [См.: 3].

Но противоречие заключается в том, что до сих пор учебные заведения слабо ориентированы на потребности рынка труда. На выездном заседании Российского Совета ректоров, проведенного 17 января 2007 года в Нижнем Новгороде, представители российского бизнеса высказали упреки руководителям высших учебных заведений в том, что выпускники российских вузов не способны решать актуальные проблемы современного производства, подготовка специалистов не учитывает динамических изменений на рынке труда, отсутствует взаимодействие между высшей школой и бизнесом [См.: 2. С. 8].

Переход предприятий в частную собственность ужесточает требования работодателей к нанимаемым сотрудникам, об этом свидетельствуют данные, полученные в ходе социологического исследования «Приоритеты современного работодателя» [1], проведенного Государственным университетом – Высшей школой экономики в 2004–2005 гг. среди 516 руководителей предприятий различных сфер экономики и форм собственности г. Москвы. На первое место работодатели ставят опыт работы – 86,6 %; на второе – наличие высшего образования – 80,4 %; на третье – нужные связи – 70,5 %; знания и трудовые навыки на четвертое место ставят 60,4 %. Это в значительной степени снижает возможности трудоустройства студенческой молодежи, не имеющей опыта работы по специальности.

Занятость молодежи стала одной из самых сложных социальных проблем России. Рынок труда не в состоянии принять ква-

лифицированную рабочую силу, и это является симптомом хронического характера безработицы. Возникает парадоксальная ситуация, при которой, с одной стороны, федеральный бюджет несет затраты на подготовку специалистов, а с другой стороны, они оказываются невостребованными. Такое «вступление» в трудовую жизнь способно сломить молодежь психологически и морально, что чревато тяжелыми социальными последствиями. На это указывают данные Федеральной службы государственной статистики о численности безработных по возрастным группам и уровню образования в 2007 г. [4].

**Распределение численности безработных по возрастным группам и уровню образования в 2007 г.¹⁾
(на конец ноября; в процентах к итогу)**

	Всего	Мужчины	Женщины
Безработные – всего	100	100	100
в том числе в возрасте, лет:			
до 20	9,0	9,4	8,6
20-24	20,6	21,1	20,0
25-29	11,7	11,7	11,8
30-34	12,4	12,2	12,5
35-39	9,0	9,6	8,3
40-44	11,4	11,3	11,6
45-49	11,7	11,1	12,4
50-54	9,1	8,3	10,0
55-59	3,5	3,8	3,2
60-72	1,6	1,5	1,8
Безработные – всего	100	100	100
в том числе имеют образование:			
высшее профессиональное	11,5	9,3	14,1
неполное высшее профессиональное	2,5	1,5	3,6
среднее профессиональное	18,8	15,7	22,4
начальное профессиональное	18,6	21,8	15,0
среднее (полное) общее	34,8	35,3	34,3
основное общее	12,6	14,7	10,1
начальное общее, не имеют начального общего образования	1,1	1,6	0,5

¹⁾ По данным выборочного обследования населения по проблемам занятости.

В связи с возрастающими проблемами трудоустройства выпускников образовательных учреждений основной их задачей в плане социальной защиты являются не гарантированные льготы (дотации, государственное обеспечение, трудоустройство), содействующие пассивному отношению учащихся к учебе, а социальные гарантии активного характера (фундаментальное и востребованное образование), заставляющие выпускников вузов прилагать достаточные усилия и заботиться, таким образом, о своем будущем.

Становится очевидным, что рынок труда должен формироваться государством на федеральном, региональном, местном уровнях, и это один из эффективных рычагов управления экономическими процессами. Одновременно, уверенность студента – будущего специалиста в том, что его знания окажутся востребованными, является важным, базовым элементом социальной защищенности.

Литература

1. Аврамова Е. М., Верпаховская Ю. Б. Работодатели и выпускники вузов на рынке труда: взаимные ожидания // Социологические исследования. – 2006. – № 4. – С. 37–46.
2. Моченов В. П. Мониторинг качества профессионального образования в сфере туризма: Аналитический отчет по материалам социологических исследований Российской международной академии туризма / В. П. Моченов, Н. А. Лоншакова. – Химки, 2008.
3. Шереги Ф. Э. Социология образования: прикладные исследования. – М.: Academia, 2005.
4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – [Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/06-09.htm].

Российская культура и образование в контексте общеевропейского развития

Вместе с изменениями приоритетов экономики меняются и функции образования, его содержание и методика, поскольку «экономика–образование» – единая среда воспроизводства социокультурного опыта. Но тогда встают два вопроса: можно ли проектировать через изменения образования изменения экономики и насколько сильны влияния на систему «экономика–образование» внешних культурных факторов, таких как менталитет, традиции, устоявшийся образ жизни?

Образование в генезисе имеет важнейшую цель – направлять культуру в ее развитии, поэтому образование – это всегда залог экономического, экологического, духовного процветания общества. Генезис национальных культур, корнями уходящий в традиционное общество, закончил свой фактический путь в XVIII веке. Однако динамика формирования страты по инерции все еще оставалась в рамках традиционности вплоть до середины XIX века. Выделение культуры города как автономной культурной единицы, не поддерживающей связей с национальными традициями, привело к рождению культуры мозаичной. В пазлах мозаичной культуры, на правах «суррогатного связующего», укоренилась культура массового потребления. Равнодушная к духовным составляющим человеческой индивидуальности, мозаичная культура со своим инструментом массовости породила маргинала. Именно маргинал, как самый «социально-мобильный» тип личности, оказался наиболее удачно приспособлен к новым реалиям существования и выживания в обществе. В глобализированной культуре мегаполиса человек так стремительно меняет свои социокультурные связи, что на духовном уровне они просто не закрепляются. Нельзя не согласиться с тем, что сближение экономических инфраструктур вызывает к жизни необходимое сближение стандартов, в том числе и квалификации работника на рынке труда.

* Елена Дмитриевна Жукова – канд. пед. наук, доцент кафедры культурологии социально-гуманитарного ф-та Башкирского государственного педагогического ун-та им. М. Акмуллы (г. Уфа).

Европейская культура антропоцентрична. Представления о личности как самоценности мироздания – краеугольный камень, заложенный в фундамент развития европейской цивилизации еще со времен античности. В отличие от восточного города, полис создает совершенно новый тип культуры. Не родовая, не статусная, а деятельностно-социальная значимость человека становится стержневой в культуре Античности. Этот новый тип культуры оказывается самым перспективным в динамике развития и последующей сложно расщепленной на автономные социальные единицы культуры европейского средневековья.

Средневековый христианский Запад добился более впечатляющих успехов в применении техники, чем христианский Восток – высоко цивилизованный, с весьма сильно выраженной самоотдачей в вере. С конца VII века, когда был изобретен греческий «адский» огонь, значительных технических успехов на Востоке мы не встречаем. Запад настойчиво пошел по пути быстрого наращивания мастерства в организации технических средств, сберегающих, а значит и приращивающих, труд. В позднее средневековье латинский Запад далеко опередил Византию и страны Ислама, хранителей античной мудрости, в многообразии своих основных технических возможностей, хотя последние отличались от Европы богатым опытом, изощренностью мысли и эстетическим величием.

Оказавшись в культурной изоляции раннего средневековья, европейский городской тип культуры не только выстоял, но и стал наиболее перспективным в развитии новых технологий. Города-республики славились не только организацией торжищ, но и разнообразием технологий, а главное – рождением корпоративного типа культуры, в котором каждый член корпорации значим и ценен еще более, чем в античном полисе. Усложнение технологий жизнеосуществления города способствовало зарождению общественной, светской школы. Как когда-то в полисе гимнасии перерастали в философские «академии», так в средневековье появляются университеты. Образование в них изначально носило не абстрактно-эмоциональное, а предметное начало. Оно готовило к конкретной профессиональной деятельности: юридической, медицинской или богословской. Сословность и элитарность европейского образования имели относительный характер, образование сразу приобретало и рыночный эквивалент, и производственную обусловленность.

В традициях российской ментальности к образованию всегда было особое отношение. Мы, например, не найдем в таком монументальном труде, как «Константы: Словарь русской культуры», статьи, посвященной образованию [2]. И это не удивительно, потому что образование никогда по-настоящему не входило в структуру системы ценностей российского общества. Система профес-

сионального образования здесь вообще выстраивалась не на национальных корнях, а была привнесена (зачастую насильственно) из Европы. Однако она сразу же получила некоторое преимущество перед западной системой своей декоммерциализацией. Будучи доктринным, не имеющим рыночных основ существования, российское образование могло (и позволяло себе) создавать некие заданные «не коммерческие» и не «эгоцентричные» модели воспитуемого.

Главным в этом образовании было то, что человек, покинувший стены школы и вуза, постоянно пребывал в моральной зависимости от государства, допустившего его к знанию. Гражданское начало, создаваемое в воспитании самими обстоятельствами учения, также имело определенные последствия. Получивший образование отрок спешил послужить на пользу Отечества, направляемый рукой самого государства или тех элитарных групп, под влияние которых он попал.

Положительна или отрицательна историческая роль образования в судьбе российской культуры? Судить об этом весьма сложно. Но надо иметь в виду, что удивительная внутренняя мобильность российской культуры, ее способность преодолевать внутреннюю расщепленность во многом связаны с особым рода направленностью образования, которое своей широтой и постоянной устремленностью в будущее способствовало тому, что человек был способен самостоятельно осознать движение общества в культуре. А тот факт, что была создана уникальная система образования, способная к воспитанию более свободного от повседневных влияний индивидуума, отчасти способствовала динамичному переходу культуры России от одного цивилизационного режима развития к другому. И путь, который Европа проходила мучительные столетия своего становления, Россия пролетала всего лишь за десятки лет.

Процессы вхождения системы российского образования в европейское образовательное пространство предопределило то, что в наши дни высшее образование в России становится не чем иным, как инструментом массовой культуры. Сказанное приводит к постепенной утрате образованием в целом своих внутрикультурных функций. Российское образование выпадает из векторных процессов культуры, хотя, казалось бы, должно было их определять. Перемены в культуре мало что меняют в образовании. Правильнее сказать, смыслы культуры мало влияют на смыслы образования. Они существуют почти автономно, что, собственно, определила социодинамическая парадигма развития системы образования в России. И если бы не экономическая зависимость образования от бюджетной политики государства, эта автономия была бы полной. В разрыве между образованием и культурой, образованием и наукой,

образованием и обществом усматривает причины кризиса отечественной системы образования К. М. Левитан [1]. И мы полностью с ним солидарны.

Справедливости ради надо заметить, что и западная формула образования в воспитании личности (не конкурентно способного специалиста, а именно *личности*) тоже переживает сегодня определенный кризис. Пресловутая толерантность европейца, традиционно распространявшаяся на ближайшие этносы и близкие по ценностным структурам конфессии, оказалась несостоятельной перед наплывом мигрантов из бывших колоний. Миф о духовной близости народов в рамках «общечеловеческих ценностей» почти рухнул. Сегодня, когда западное влияние на Восток переживает серьезный кризис, образование становится инструментом теперь уже удержания приоритетов в определении векторов развития культуры всего мирового сообщества.

Предпосылки массовости европоцентричного образования сенсуалистической культуры понятны, ибо заложены в скрытых общезначимых смыслах естественнонаучного и технического знания, вытеснившего не собственно гуманитарное знание как таковое, а его содержание, лишив его национального, ценностного характера. Но в таких условиях образование теряет себя, отрываясь от культурных традиций, антропологических условностей и своеобразия культуры, превращаясь в оплот культуры массовой.

В российской культуре образование изначально теряет смыслы, не успев их приобрести. Оно не воспроизводит родную культуру и не получает ценностного статуса в глазах всего общества. Но исторически ситуацию спасали традиционная целостность социальных страт российской общности и воспитание в них человека на высоких нравственных и созерцательно-эстетических началах. В этом и соприкасались образование и российский человек.

Образование не стало для России продуктом, инструментом или чем-то еще, связанным с рыночными, производственными отношениями. Оно было мерилom духовности и гедонистической «отдушиной» для человека мыслящего, найдя, таким образом, опосредованную нишу в российской культуре. Это либо величайший из парадоксов российской культуры, либо очередное следствие ее бинарности. Роль образования в России – создавать гуманитарный буфер в социальных и полиэтнических коллизиях. Вовремя не осознанная, эта роль может быть безвозвратно утеряна.

Напрашивается неутешительный вывод: мы до сих пор не имеем глубокого культурологического анализа становления и развития системы образования в России. Накопленный материал истории образования и педагогической мысли, разнообразные социологические исследования – все это требует сегодня глубокого осозна-

ния. В противном случае отсутствие грамотной политики в развитии парадигм образования в России XXI века могут привести к необратимым и разрушительным для культуры последствиям.

Литература

1. Левитан К. М. Педагогическая деонтология. – Екатеринбург, 1999.
2. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2001.

Г. Е. Зборовский*

Образование как сфера межкультурного взаимодействия

Образование может быть представлено в виде сферы пересечения и взаимодействия культур, одного из их перекрестков. Как известно, существует несколько перекрестков культур: искусство, мораль, традиции, религия и т. д. В этом ряду может рассматриваться и образование. Строго говоря, оно «обречено» выступать в таком качестве, поскольку содержит в себе достижения множества самых различных культур. В нем рождаются и находят свое сущностное отражение культурные завоевания самых различных эпох и народов.

Образование по своей сути становится культурным многоголосьем, своеобразной культурной полифонией, где голоса различных культур могут раздаваться с разной силой звучания, отличаться глубиной влияния на образование в целом. Чем более мощными оказываются те или иные культурные достижения, отличающиеся полифонией и отраженные в содержании образования, тем богаче и качественнее становится оно само. В данном случае качество образования получает иную, нетрадиционную трактовку и позволяет рассматривать его с позиций наполнения самого образования многоголосием культурного содержания.

Связь между образованием и культурой во все эпохи была наитеснейшей, причем настолько, что образование характеризовалось как часть культуры, ее сторона. Эта связь реально настолько сильна, что в научной рефлексии иногда одно – образование – растворяется в другом – культуре. Так, в частности, в социологии в ряде случаев одну из ее отраслей – социологию образования ряд авторов рассматривает как часть более широкой, с их точки зрения, отрасли – социологии культуры. Такая позиция характерна для Л. Н. Когана, В. Я. Нечаева, В. С. Цукермана, А. И. Шендрика и др.

Образование становится по-настоящему эффективным только тогда, когда оно оказывается действительным межкультурным взаимодействием. Монокультурное образование, назовем его так, уходит в прошлое, в связи с процессами европеизации образования и

* *Гарольд Ефимович Зборовский* – д-р филос. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, декан социологического ф-та, завкафедрой социологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

создания нового типа образовательного пространства. На этой основе рождается и новый тип культурного (межкультурного) пространства.

Болонский процесс вынуждает образование развиваться так, чтобы оно стало действительной сферой межкультурного взаимодействия. Дело в том, что если будет реально соблюдено действие хотя бы одного положения Болонской конвенции – принципа студенческой и преподавательской мобильности, тем самым уже удастся очень много сделать для превращения образования в межкультурный феномен. При всей сложности и неоднозначности отношения к Болонскому процессу не только в России, но и во всей Европе следует отметить, что объективно он способствует своеобразной культурной интернационализации образования, поскольку означает вовлечение в процесс обучения представителей самых различных культур. Именно создание континентального образовательного пространства превращает его в арену межкультурного взаимодействия. Может быть, в этом состоит одно из главных предназначений Болонского процесса.

Поскольку заявленная проблема касается анализа образования как сферы межкультурного взаимодействия, возникает вопрос о том, какие культуры создают его поле. Не ставя задачу рассмотрения видов культуры, ее классификации, отметим, что в первую очередь речь может идти о тех разновидностях культуры, которые связаны с особенностями сознания, поведения и деятельности людей в конкретных сферах общественной жизни: культура труда, культура быта, художественная культура, политическая культура, национально-этническая культура, религиозная культура и др. Особое место в этом перечне занимает интересующая нас разновидность культуры, которую определим как культуру образования, о чем подробнее будет сказано дальше.

В методологическом отношении рассмотрение образования как сферы межкультурного взаимодействия означает применение ряда подходов к анализу взаимосвязи между культурой и образованием. Среди них – генетический, функциональный, институциональный, системный, аксиологический и др. Все эти подходы означают возможность рассмотрения образования и культуры с одних и тех же методологических позиций, в одном и том же методологическом ключе.

Генетический подход предполагает изучение генезиса образования и культуры в их единстве. Если рассматривать образование не с позиций происхождения его как социального института (что было не так уж и давно по меркам исторического развития, всего около 6 тысяч лет назад), то, конечно, оно по срокам своего существования значительно моложе культуры. Но если говорить о нем не

как о социальном институте, а рассматривать в качестве основного средства трансляции культуры, передачи ее от поколения к поколению, то будет правильным утверждать, что культура и образование близки по срокам своего существования не только друг другу, но и к обществу в целом. Ибо общество может существовать только в процессе освоения и передачи накопленного культурного опыта от поколения к поколению.

Функциональный подход к анализу взаимосвязи между образованием и культурой ориентирует на выявление родственных, близких, во многом совпадающих функций каждого из рассматриваемых феноменов. Назовем лишь некоторые из них. Это интегративная функция, состоящая в объединении в процессе культурной и образовательной деятельности самых различных социальных общностей, как потребляющих, так создающих и воспроизводящих ценности образования и культуры. Это человекотворческая функция, раскрывающая роль образования и культуры в формировании и развитии личности через приобщение ее к богатствам национальной и мировой культуры, национального и мирового образования и превращении индивида из пассивного объекта их воздействия в активного субъекта культурного творчества. Это функция передачи достижений образования и культуры и их опыта, что сопряжено с соблюдением научных и культурных традиций и использованием соответствующего духовного наследия, а также с выявлением того, как и насколько они включены в процесс формирования и развития личности. Это коммуникативная функция, состоящая в обеспечении связей, общения, взаимодействия между людьми в сферах образования и культуры за счет определенной организации их жизни и деятельности. Это социорегулятивная функция, направленная на регулирование отношений в сферах образования и культуры с помощью нормативных и ценностных механизмов, создаваемых в обществе. Перечень функций при необходимости мог бы быть продолжен.

Институциональный подход к выявлению взаимосвязи образования и культуры позволяет рассматривать их как устойчивые формы организации общественной жизни и совместной деятельности людей, включающие в себя совокупности лиц и учреждений, наделенных властью и материальными средствами (на основе действующих определенных норм и принципов) для реализации социальных функций и ролей, управления и социального контроля, в процессе которых осуществляются обучение, воспитание, социализация, культурное развитие, материальное и духовное творчество индивидов.

Институты образования и культуры содержат в себе немало общего, совпадающего. Каждый из них представляет собой слож-

ную структуру, включающую в себя целый ряд конкретных субинститутов, что позволяет характеризовать образование и культуру как своеобразные институты институтов. Так, образование включает в себя институты допрофессионального и профессионального образования, соответственно к первой группе можно отнести дошкольное, школьное и дополнительное образование, ко второй – начальное, среднее, высшее, послевузовское профессиональное образование. Что касается культуры, то в ее рамках рассматривают институты театра, кино, музыки, живописи и др.

Близость социальных институтов образования и культуры (а мы их относим к общему институциональному ряду) проявляется в том, что оба они тесно связаны с деятельностью одних и тех же институциональных учреждений. От одних они напрямую зависят (например, от институтов законодательной и исполнительной власти, ибо с ними жестко связаны финансовые возможности образования и культуры), с другими взаимодействуют на условиях координации (институты семьи, науки, социальной защиты и др.).

Отношения с другими социальными институтами (например, с институтом производства), в сравнении со связями, имевшими место раньше, до 1990-х гг., стали намного более слабыми, неустойчивыми, с учетом того, что в 1990-е гг. – начале нового столетия каждый институт пытался выживать самостоятельно, «думая» лишь о собственных проблемах и не заботясь о взаимодействиях, взаимообменах, взаимообогащении, а то и просто помощи учреждениям образования и культуры. Похоже, что подобная ситуация, а возможно, и более сложная, ожидает институты образования и культуры в условиях экономического и финансового кризиса 2008–2009 гг. Но ведь речь идет о духовной жизни общества, для которой взаимосвязи, взаимообмены, да и материальная поддержка – необходимейшая предпосылка поддержания определенного, пусть и скромного уровня образования и культуры.

В первую очередь это касается кадрового потенциала институтов культуры и образования. Дело не только в том, что многие ведущие наши композиторы, музыканты, поэты, писатели, художники, режиссеры, актеры театра, кино, преподаватели и научные сотрудники вузов предпочитают работать за границей, и далеко не все из них собираются возвращаться в Россию в ближайшее время. Крайне тревожное обстоятельство заключается в том, что почти ничего не делается для возвращения этих людей в страну.

С одной стороны, это результат и проявление общего кризиса в стране, в том числе кризиса в каждом из названных институтов, с другой – причина дальнейшего ожидаемого ухудшения ситуации в ближайшие годы, что является наиболее вероятным прогнозным сценарием. Конечно, теоретически можно представить и иной, бо-

лее благополучный вариант развития институтов духовной сферы, прежде всего образования и культуры. Однако для этого надо допустить возможность резкого взлета экономики, стабилизации финансового положения страны, нормального налогообложения и т. д., что является базовым условием оптимистического прогноза. Но, похоже, что времена маниловских мечтателей давно уже миновали.

Обратимся к системному подходу, позволяющему также выявить взаимоотношения между культурой и образованием. Что означает такой подход? Прежде всего, необходимость рассматривать оба феномена в тесной взаимосвязи, как целостность, как единство, имеющее системный характер. Эта целостность, с одной стороны, может выступать как автономная, самодостаточная, претендующая на ее анализ в определенных границах вне социальной среды. С другой стороны, она является одной из многочисленных подсистем общества, взаимодействуя с иными его подсистемами.

Системный подход ориентирует на характеристику образования и культуры как сложных, обладающих развернутой структурой систем. Это означает, что «внутри» них могут быть выделены определенные подсистемы, взаимодействующие как между собой, так и с подсистемами сопряженной системы. Так, каждая из подсистем образования (в таком качестве могут выступать на основе одного из критериев уровня образования – допрофессионального и профессионального) испытывает на себе сильнейшее влияние самых различных подсистем культуры. Возможно ли в принципе представить развитие школьного, дополнительного, среднего профессионального, высшего образования без освоения их субъектами достижений литературы, театра, кино, живописи, музыки и др.? Риторический характер подобного вопроса очевиден.

В этом освоении участвуют и иные элементы системы образования, если ее рассматривать под углом зрения, предложенного законом Российской Федерации «Об образовании». В нем выделяются в качестве основных элементов системы образования: взаимодействующие преемственные образовательные программы и государственные образовательные стандарты различного уровня и направленности; сеть реализующих их образовательных учреждений различных организационно-правовых форм, типов и видов; органы управления образованием и подведомственных им учреждений и организаций. Культурная составляющая каждого из этих элементов системы образования также не требует никаких специальных доказательств.

Системная целостность образования и культуры обнаруживается в наличии ряда научных подходов, обосновывающих взаимосвязи и единство между ними: педагогическом, экономическом, культурологическом, социологическом. По существу речь заходит

о единстве и взаимосвязи не только образования и культуры, но и самих научных подходов к ним.

Сегодня можно констатировать пока еще только необходимость объединения этих подходов в изучении образования и культуры, взятых в единстве и целостности. С учетом характера, содержания и специфики наук, лежащих в основе этих подходов (педагогика, культурологии, экономики, социологии), интегрирующие функции должны принадлежать социологии. Именно она в первую очередь изучает взаимосвязи между социальными явлениями и процессами, их место в обществе, именно она выявляет их социальную роль и значение. Поэтому и системное знание об обществе и его структурах вырабатывается в рамках социологического подхода. Это означает, что одной из его задач должен стать анализ системной целостности образования и культуры.

Говоря о важности такого анализа, обратимся к некоторым его вербальным характеристикам. Так, системная целостность образования и культуры может быть обозначена с помощью такой терминологической рефлексии как культура образования. По нашему мнению, культура образования – это определенная качественная характеристика его использования, показывающая связь образовательной и культурной деятельности, точнее говоря, плотность этой связи. Ее уровень определяется рядом факторов объективного и субъективного плана: наличием и возможностью выбора вида образовательной деятельности; степенью свободы такого выбора, предоставляемого обществом; развитостью в последнем культуры как целостной системы духовной жизни (что изначально предполагает в качестве своей обязательной предпосылки наличие культуры как целостной системы материальной жизни людей); культурно-образовательными потребностями, интересами и ценностными ориентациями населения, его различных групп и др.

Важная особенность системного понятия «культура образования» состоит в возможности его операционализировать, подвергнуть «разложению» на составляющие, которые могут быть измерены с помощью определенных показателей и индикаторов, характеризующих уровень этой культуры у многочисленных типов личности, среди различных групп населения, в дифференцирующихся по многим признакам территориальных образованиях.

Аксиологический подход к проблеме взаимосвязи образования и культуры предполагает в своей основе, с одной стороны, понимание ценностей, составляющих их содержание, «начинку», с другой – рассмотрение самих этих феноменов в качестве ценностей. Ценности образования и культуры связаны между собой и влияют друг на друга сквозь призму двух основных факторов: деятельностного и коммуникативного.

Первый означает наличие таких видов культурно-образовательной деятельности, каждый из которых обладает своей ценностью – и индивидуальной, и социальной. Это могут быть чтение, просмотр телевизионных передач, компьютерные занятия, занятия физической культурой и спортом и др. Без них ни индивид, ни общество существовать по-настоящему не в состоянии.

Коммуникативный фактор дает основание рассматривать ценности образования и культуры как порождающиеся в процессе коммуникации. Это может быть массовая коммуникация, межличностная коммуникация или автокоммуникация. Каждая из этих разновидностей коммуникации использует свои средства и механизмы для формирования ценностей культурно-образовательной сферы.

Средства и механизмы массовых коммуникаций (телевидение, радио, пресса, интернет и др.) широко известны тем, что несут не только содержательную, но и ценностную нагрузку в процессе взаимосвязи культуры и образования. В рамках межличностной коммуникации пути формирования ценностей, объединяющих образование и культуру, отличаются от выше названных. Здесь не происходит жесткого навязывания извне тех или иных ценностей, скорее даже наоборот, они оказываются результатом выбора самих людей, вступающих в коммуникацию. Что касается автокоммуникации, то ценности культуры и образования порождаются и оформляются в процессе внутреннего диалога человека с самим собой.

Однако ценности образования и культуры не только порождаются в рамках коммуникативных процессов, но и регулируются ими. Массовая коммуникация – это способ регулирования поведения людей посредством включения их в ценностно-нормативную систему образования и массовой культуры. Межличностная коммуникация – это способ достижения консолидации и ценностного консенсуса в группах людей, средство становления определенной культуры образования. Под автокоммуникацией целесообразно понимать способ регуляции культурно-образовательной деятельности посредством усвоения определенных ценностей образования и культуры.

Здесь были рассмотрены лишь некоторые из подходов к осмыслению взаимосвязи образования и культуры, а в конечном итоге – характеристике образования как сферы межкультурного взаимодействия. Но и они, как нам представляется, свидетельствуют о перспективности предложенного методологического инструмента анализа поставленной проблемы.

Образование как фактор элитарности

Деятельность властной элиты во все времена имело большое значение в развитии общества. Невозможно отрицать тот факт, что представители элиты весьма существенно влияют на социальные, экономические и политические процессы. В связи с трансформацией общества вырабатываются и новые запросы общностей к управленцам, обуславливающие необходимость формирования новых характеристик элиты, адекватных потребностям общества, современным реалиям.

Для определения роли современной элиты в жизни российского общества был проведен опрос 1424 граждан, представляющих различные сферы общества Удмуртской республики, при этом 98 человек из опрошенных выступили в качестве экспертов. Мы обнаружили серьезные пробелы в развитии интеллектуального потенциала элиты, ее нравственных устоев, культурного уровня. Так, из всего числа респондентов считают, что наиболее характерные признаки современной элиты – это: связи с влиятельными людьми (42,5 %), наиболее высокий уровень доходов, богатство (41,9 %), родственные связи, происхождение (32,2 %). Такие же черты, как культура, образованность, духовность по оценке, как экспертов, так и населения либо не свойственны современной элите, либо количество таких ответов в три раза меньше вышеназванных характеристик (чуть более 10 %). Определенный интерес при этом вызывает мнение населения об элите: кто это, чем занимается, чем отличается от других людей, нужна ли она вообще обществу. По мнению респондентов, элита отличается наличием родственных связей, происхождением (42,7 %), наиболее высоким уровнем дохода, богатством (40,7 %), связями с влиятельными людьми (40,5 %).

Говоря в целом о том, чем элита в основном должна отличаться от обычных людей, респонденты выделили такие отличительные ее черты, как высокая культура, интеллигентность (39,7 %), престижное образование (37,7 %), честность, порядочность (27,3 %). Из данных ответов видно, что наиболее ценным личностным качеством, позволяющим противостоять соблазну коррупции, взя-

* *Светлана Феликсовна Идрисова* – канд. юр. наук, доцент, начальник кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии Ижевского филиала Нижегородской академии МВД России (г. Ижевск).

точничеству, респонденты дают достаточно низкие оценки, и, более того, среди признаков, свойственных современной элите, о эти положительные качества присутствуют гораздо реже (16,2 %, 23,2 %, 12,4 %).

О сомнительной объективности оценки респондентов в целом говорит то, что 53,5 % опрошенных не имеют достаточной информации, о роли, обязанностях, полномочиях элиты, 73,5 % – не интересуются их жизнью, 85 % – не относят себя к элите, 46,2 % – сами не хотели бы быть представителями элиты и 62,8 % – лично не знакомы с представителями элиты. Следовательно, большинство опрошенных не владеют достаточной информацией об элите, не имеют с ними контактов ни по жизни, ни по работе, не всегда обоснованно относят отдельные группы людей к элите. В то же время около 50 % опрошенных считают существование элиты необходимым в современном обществе.

Данные опроса отчасти совпадают с позицией Н. Г. Ревягиной, согласно которой «... система культурно-образовательных институтов играет все возрастающую роль в укреплении современной экономики и оборонного потенциала, обеспечивая высокую устойчивость развития страны и ее конкурентоспособность на значительную перспективу. Также очевидно, что повышение качества элиты напрямую связано с качеством образования, получаемого элитой»¹.

Практика доказывает недостатки образования большей части наших депутатов. Как в прошлом, так и сейчас в нашей политической жизни воплощается все тот же ленинский наказ: «мы любую кухарку научим управлять государством». Различие заключается только в одном: в настоящее время в роли «кухарок» выступают представители новой элиты России. Они не справляются с теми задачами, которые на них возложены, не могут переработать тот колоссальный объем информации, который должен ими учитываться в процессе принятия решений. Большая часть бумаг, которые ложатся на их стол, выбрасывается непрочитанными. И не только потому, что у депутатов нет времени, но и потому, что они не понимают, о чем в этих документах идет речь². Еще С. Паркинсон писал: «Самое тяжкое ... – бумажное море... На высшем уровне это бедствие приобретает совершенно невиданный размах. Бумажное море превращается здесь в ревущий океан, способный захлестнуть вас с головой и утопить. От исхода борьбы с ним зависит

¹ *Ревягина Н. Г.* Образовательные системы и технологии в процессе формирования региональной и местной административной элиты современной России дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Ростов н/Д, 2005. 143 с.

² *См.: Лафитский В. И.* Сумерки права: семь грехов правотворчества // Адвокат. 2006. № 2. С. 5.

ваша дальнейшая жизнь. И если вам не удастся справиться с этим грозным разливом, вы пойдете ко дну»³.

В условиях трансформации общества особенно остро стоит проблема несоответствия качественного состава элиты и механизмов их рекрутирования задачам управления динамическими социально-политическими процессами в российском государстве. Это подтверждает и ряд оценок, которые давались властной элите в ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному Собранию. В частности, в послании Президента страны Д. Медведева отмечено: «Сегодняшней России и ее будущей инновационной экономике, государственной службе, системе управления и социальных услуг – нужна новая система формирования кадрового резерва, которая позволит привлечь в органы государственного, муниципального управления, в бизнес наиболее талантливых, творчески мыслящих и профессиональных людей... Поэтому поручаю Правительству и Администрации Президента ... «запустить» Программу формирования и подготовки резерва управленческих кадров, разработанную совместными усилиями органов государственной власти, местного самоуправления и общественных организаций... Решающую роль в формировании нового поколения профессиональных кадров должно сыграть возрождение российской образовательной системы»⁴. Очевидно, что данное поручение даст серьезный толчок развитию системы элитного образования и профессиональной подготовке современных российских управленцев.

Принятие такого государственного заказа и реализация стратегической программы модернизации российского образования позволит, с одной стороны, решать проблемы образования в процессе рекрутирования элиты, с другой – развивать деятельность научных и других структурных подразделений на приоритетных направлениях обеспечения процессов формирования государственной и интеллектуальной элиты, развития среднего класса и подготовки высококвалифицированных работников. Справиться с данной проблемой, по мнению специалистов, можно только тогда, когда учреждения образования будут восприниматься обществом как место, где растят будущее страны⁵.

³ Паркинсон С. Н. Законы Паркинсона: Сборник: Пер. с англ. / Сост. и авт. предисл. В. С. Муравьев. М.: Прогресс, 1989. [Электронная версия: © Нит. Раритетные издания, 1998. URL: <http://n-t.ru/ri/pr/zp20.htm>].

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 5 ноября 2008 г. // Российская газета. 2008. 6 ноября. № 230.

⁵ См.: Лукин В. Необходима государственная программа единой образовательной и кадровой политики // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2008. № 8. С. 4–10.

Согласно «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г.» надлежит повсеместно обеспечить равный доступ молодых людей к полноценному качественному образованию в соответствии с их интересами и склонностями, независимо от материального достатка семьи, места проживания, национальной принадлежности и состояния здоровья. Важной задачей также является формирование профессиональной элиты, выявление и поддержка наиболее одаренных, талантливых детей и молодежи⁶. К сожалению, приходится отмечать, что в России не сформированы фундаментальные концептуальные основы образовательной системы, способной осуществить качественную подготовку российской элиты. Более половины россиян (53 %) уверены, что их дети и внуки в современных условиях не смогут получить хорошего образования. Согласно данным опроса, проведенного аналитическим центром Юрия Левады, только четверть россиян удовлетворены нынешней системой образования в России, 26 % респондентов – и удовлетворены, и нет, 43 % – не удовлетворены, 6 % – затруднились ответить. Исследование также показало, что в неизменности качества работы системы образования в России за последний год уверены 47 % опрошенных, в ее значительном улучшении – 23 %, ухудшении – 20 %. 10 % респондентов затруднились ответить⁷.

Сегодня большинство думающей элиты достаточно четко осознает, что для реального успеха недостаточно добиться признания сегодня, поэтому каждый ее представитель, используя в текущей деятельности те или иные преимущества, должен одновременно работать на будущее страны, закладывая его фундамент. Необходимо совместить мировоззренческие постулаты образования элиты и существующие практические методики, образовательные процедуры и технологии, адекватные современным реалиям, в процессе формирования управленческих субкультурных слоев, определить способы и формы оптимизации образовательной системы и технологий в процессе формирования элиты на всех уровнях власти. В этом, пожалуй, и состоит цель стратегического образования.

⁶ Приказ Минобрнауки РФ от 11 февраля 2002 г. № 393 «О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г.». [Сервер Минобрнауки РФ в Internet URL: <http://www.informika.ru>].

⁷ По результатам опроса проведенного 15–18 августа 2008 г. в 46 регионах России Аналитическим центром Юрия Левады (Левада-Центр). В опросе приняли участие 1600 человек. Статистическая погрешность не более 3%. [Сервер Левада-Центр. URL: <http://www.regnum.ru/news/1048072.html>].

Таким образом, образовательные системы и технологии можно рассматривать как ведущий фактор, воздействующий на культурно-деятельные характеристики современных российских административно-политических элит, что составляет основу системы элитного отбора и самоидентификации, социальной преемственности и социального развития, обеспечивая осознание групповых, общественных и национальных интересов, элитарную консолидацию и поддержание мотивации в реализации функциональных характеристик элитных групп.

*Е. Н. Икингрин**, *Е. И. Пронина***

Детское чтение в малых северных городах: социальная диагностика современной ситуации

В последние десятилетия в России и во многих западных странах идет процесс падения престижа чтения и снижения уровня читательской культуры населения. Начиная с периода 1990-х гг. и по сегодняшний день, мы находимся в ситуации кардинального ухудшения положения дел со чтением, особенно детским и юношеским.

В 2005 г. были обнародованы данные Всероссийского социологического исследования Аналитического центра Юрия Левады «Массовое чтение в России», название которого в прессе прозвучало как «катастрофа чтения». Оказалось, что картина чтения взрослых россиян действительно удручает: сегодня 52 % россиян не покупают книг, а не читают – 37 %. При этом 34 % населения России не имеет дома книг. Жителям сел и городов с населением менее 100 тыс. человек книжно-журнальная продукция стала фактически недоступна [1. С. 4].

В последние годы осуществляется множество различных мероприятий по поддержке чтения в стране, большую часть которых проводят библиотеки. Однако, до тех пор, пока состояние чтения не стало делом всего общества и полномасштабная межведомственная Программа развития и поддержки чтения не будет в полной мере реализована, опасность ухудшения состояния дел со чтением остается.

Согласно данным нового исследования «Левада-Центра», проведенного в 2008 г., никогда не читают книги около 46 % россиян. «Это гуманитарная катастрофа», – отметил в одном из выступлений руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М. Сеславинский. Он добавил, что исправить критическую ситуацию можно путем дополнения печатной продукции

* *Елена Николаевна Икингрин* – канд. социол. наук, доцент Нижневартовского государственного гуманитарного ун-та, заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа (г. Нижневартовск).

** *Елена Ивановна Пронина* – ст. научный сотрудник Ин-та социологии РАН (г. Москва).

электронными носителями. С этим утверждением согласна помощник президента РФ Джахан Поллыева, которая сказала, что «конфликта между электронной средой и книгой не существует» [1. С. 4–5].

Процесс социализации реализуется через систему определенных социальных институтов, призванных корректировать формирование социальных качеств личности в соответствии с общественно значимыми ценностями. Не является исключением и читательская социализация. Но хотелось бы знать, у каких социальных институтов наиболее значимая роль в читательской социализации детей. Результаты социологического исследования «Детское чтение в малых городах ХМАО – Югры» (научный руководитель Е. Н. Икингрин), проведенного в городах Мегионе и Лангепасе, позволяют судить о роли социальных институтов (семьи, образовательных учреждений, библиотек) в развитии детей и подростков как читателей. Ответ на этот вопрос мы частично получили от библиотекарей, воспитателей, учителей, задав им вопрос: «Какие дети больше других читают?». Все они солидарны в том, что наиболее успешно проходит читательская социализация у детей, которым любовь к чтению привили в семье (таблица 1).

Таблица 1

**Какие дети больше других читают
(% от числа ответивших)**

	Библиотекари	Воспитатели	Учителя
Дети, которым любовь к чтению привили в семье	94,6 (1)	96,8(1)	100,0 (1)
Дети, посещавшие детский сад	10,8 (5)	58,1(2)	21,6 (5)
Дети, хорошо освоившие компьютер	4,1	12,9	2,7
Дети, которые читать начали до школы	29,7 (4)	19,4(4-5)	37,8 (4)
Дети, которым любовь к чтению привил учитель	45,9 (3)	19,4(4-5)	56,8(2)
Родители с высшим образованием	9,5	12,9	10,8
Дети, которые стали посещать библиотеку до школы	47,3 (2)	25,8(3)	40,5(3)
Дети, у которых еще нет компьютера	-	3,2	-
Дети, у которых нет TV, компьютера и телефона (таких нет!)	-	-	2,7
Итого:			100,00

На втором месте среди ответов на вопрос: «Как Вы считаете, какие дети больше других читают?» следующие варианты: у библио-

отекарей – «дети, которые стали посещать библиотеку до школы»; у воспитателей – «дети, посещавшие детский сад»; у учителей – «дети, которым любовь к чтению привил учитель». В этих ответах прослеживается ведомственность. Но кто может однозначно утверждать, что это плохо? На третьем – у библиотекарей «дети, которым любовь к чтению привил учитель», у воспитателей и у учителей – «дети, которые стали посещать библиотеку до школы». Мнение, высказанное респондентами, подтверждает необходимость посещения библиотеки еще до школы. А для этого нужны специально оборудованные помещения, где малыши могли бы приобщаться к чтению, играя. Младшие школьники, опрошенные нами, тоже хотели бы, чтобы в библиотеке были игрушки и ковер, на котором можно поваляться. Уголок с игрушками и ковром есть в детской библиотеке Иркутска. Лежа на ковре, могут почитать книги и мегионцы.

Мы попросили респондентов дать оценку интереса родителей к чтению детей. Учителям и воспитателям был задан вопрос: «Какая часть родителей интересуется чтением детей?».

Учителя дали более негативную оценку родителям, чем библиотекари, что вполне объяснимо: библиотекари чаще общаются с родителями, которые не только сами читают, но направляют чтение детей.

Воспитателям детских садов был задан вопрос иначе: «Чем родители интересуются, прежде всего?». Ответы на этот вопрос представлены в таблице 2.

Таблица 2

Чем интересуются родители дошкольников

Варианты ответа	Число ответивших	% от числа ответивших	% от общего числа опрошенных
Как кормили, что ел, а что не ел	19	63,3	61,3
Какие поделки делали, что рисовали, чем занимались	15	50,0	48,4
Не обижали ли дети	13	43,3	41,9
Не наказывали ли воспитатели, как себя вел, поведение	7	23,3	22,6
Что читали воспитатели, и понравилась ли книга	6	20,0	19,4
С кем дружит, с кем играет ребенок	5	16,7	16,1
Итого ответивших:	30	216,7*	96,8
Нет данных	1	-	3,2

* Разрешалось отметить несколько вариантов.

Почти $\frac{2}{3}$ родителей в первую очередь хотят знать, «как кормили в детском саду, что ел, а что не ел». Каждого второго родителя интересует, «какие поделки делали, что рисовали, чем занимались». Естественно, многих – 43 % опрошенных – волнует «не обижали ли детей», значительно меньше – 23 % – «как себя вел ребенок, не наказывали ли воспитатели». Только один из пяти родителей (20 %) интересуется, что читали воспитатели, и понравилась ли книга. Примерно такое же количество родителей (17 %) интересуются, с кем дружит, с кем играет ребенок.

Исходя из приведенных данных, мы вынуждены констатировать громадное расхождение между осознанием обществом значимости семьи, родителей, как руководителей детского чтения, и пассивного поведения родителей в отношении поддержки и развития детского чтения. Читали или читают своим детям постоянно незначительное число родителей.

Как проходит читательская социализация в школе, ее направленность, можно косвенно определить по ответам на вопрос: «Какой, на Ваш взгляд, статус «человека читающего» в школьном коллективе?» Мнения учителей и библиотекарей значительно расходятся: как высокий этот статус определяют 49 % опрошенных библиотекарей и 64 % опрошенных учителей. Различается и оценки библиотекарей из разных городов. Большинство библиотекарей из г. Мегион (73 % опрошенных) считают, что статус читающего школьника высок, такого же мнения придерживаются менее половины библиотекарей г. Лангепаса (44 %) и одна треть – из г. Нижнего Новгорода (33 %). Расхождение в оценках статуса «человека читающего» свидетельствует о неоднозначности этого явления, о том, что есть положительные примеры отношения общества к чтению.

Мы согласны с автором, который в статье «Чтение подростков, или есть ли будущее у книжной культуры?» пишет: «Если бы иногда о круге своих книжных интересов рассказывали с экранов телевизоров и страниц глянцевого журналов люди, добившиеся высот в сегодняшней жизни – главы телеканалов и банков, ректоры престижных вузов, популярные журналисты, – это могло бы повысить привлекательность «книжной» культуры в глазах и прагматичной, и «пофигистской» молодежи»[4].

В учреждениях культуры и образования Нижневартовска и Мегиона на видных местах размещены плакаты с высказываниями выдающихся спортсменов, музыкантов, телеведущих Югры о важности чтения. В Нижневартовске выпущен плакат, на котором лучшие юные читатели сфотографированы с главой администрации Б. С. Хохряковым. В газетах г. Мегион публикуют фотографии лучших читателей и интервью с ними.

$\frac{2}{3}$ родителей наших респондентов имеют высшее или среднее специальное образование. Потенциал для интеллектуального развития детей в семьях северных городов есть, надо только родителям иметь желание и найти время для развития детей. К сожалению, родители, видимо, мало используют свой образовательный потенциал, потому что только от 9 до 13 % опрошенных на вопрос: «Как Вы считаете, какие дети больше других читают?» – ответили, что читают больше те дети, «родители которых имеют высшее образование».

Большинство детей живут в дружных семьях: 84 % малышей и 75 % подростков оценили свои семьи как очень дружные. Прослеживается закономерность – чем дружнее семья, тем чаще подростки знают, кем работают родители. В дружных семьях дети больше читают, лучше учатся. Об этом наглядно свидетельствуют результаты проведенного исследования.

Известный социолог Г. Е. Зборовский еще в 90-е годы XX века писал о значимости досуговой функции семьи (позже он ее назвал функцией свободного времени). Досуговая функция, по его мнению, ориентирована на оптимизацию организации семейного свободного времени, на удовлетворение потребности членов семьи в общении, повышении уровня культуры, улучшение состояния здоровья, восстановление сил. В счастливых семьях происходит взаимообогащение интересов супругов и их детей, досуговая деятельность носит преимущественно развивающий характер [3. С. 130]. Социологи установили тесную связь между семейным благополучием и проведением досуга. Всегда проводят досуг вместе только одна из пяти несчастливых супружеских пар, среди счастливых эта цифра в 2,5 раза выше [См.: 2. С. 217]. Семейное чтение как один из видов реализации досуговой функции способствует не только повышению культурного уровня, но и улучшению взаимоотношений в семье.

Одной из проблем, на решение которой направлена Программа поддержки и развития чтения, названа утрата традиции семейного чтения: в 1970-е годы регулярно читали детям в 80 % семей, сегодня – только в 7 %. В Лангепасе и Мегионе ситуация примерно такая же. Среди малышей только 13 % отметили, что родители им читают или читали постоянно, среди подростков таких 42 %. Последняя цифра, скорее всего, не отражает реальную ситуацию: или память подростков подводит, или им хочется, чтобы родители выглядели лучше. Мы опрашивали более или менее читающих родителей, но даже среди них 34 % читали/читают детям редко, а 3 % вообще не читают.

Наличие собственных книг тоже стимулирует интерес к чтению. Среди тех, у кого книг нет – нравится читать 50 % опрошен-

ных малышей, среди тех, у кого их много – 82 % опрошенных. Среди тех, кому нравится читать, пользуются школьной библиотекой – 60 % опрошенных, детской – 53 %, домашней – 41 %, книги покупают родители – 38 % опрошенных. А среди тех, кто считает, что чтение никому сейчас не нужно, три четверти опрошенных «малышей» обходятся школьной библиотекой, каждому четвертому книги покупают родители (25 %), но значительно меньше, чем в среднем по массиву (37 %). Большое значение имеет, с кем ребенок впервые пришел в библиотеку. В библиотеку впервые пришли с родителями среди тех «кому нравится читать» – 35 % опрошенных «малышей», среди тех, кто читает только потому, что заставляют – 22 %; среди тех, кто ненавидит читать – 9 %. Более половины (55 %) тех, кто ненавидит читать пришли с другом, скорее всего, просто за компанию. Все опрошенные «малыши», которые пришли с сестрой или братом любят читать. В северных городах бабушек и дедушек немного. Только 15 % детей живут с бабушкой, а 10 % – с дедушкой. Их влияние на детей не столь значимо, как родителей и сестер-братьев.

Таким образом, исследование позволило сформулировать ряд предварительных выводов и рекомендаций, которые предстоит апробировать в дальнейшем на различных субъектах процесса читательской социализации.

Литература

1. Детское чтение в малых северных городах: реализация Национальной программы чтения / Е. Н. Икингрин, Н. А. Никулина, В. П. Чудинова; под ред. Е. Н. Икингрин. – Нижневартовск, 2008.
2. Земнов М. Время отдыха: с субботы до понедельника // Мы и наша семья: Кн. для молодых супругов. – М., 1989.
3. Основы социологии: Учеб. пособие для преподавателей и студентов. – Екатеринбург, 1993.
4. Поливанов К. Чтение подростков, или есть ли будущее у книжной культуры? // Русский Журнал. – 2005. – 28 февраля.

М. Ли*

Языковые и речевые барьеры в русско-китайской коммуникации в сфере образования

В последние годы достаточно интенсивно развиваются межкультурные и экономические связи Урала с регионами Китая, что делает весьма актуальным изучение китайского и русского языков как иностранных. Так, в Уральском госуниверситете обучаются китайские студенты, а в ряде вузов Екатеринбурга преподается китайский язык (например, уже в течение трех лет в Институте международных связей, где одновременно изучают китайский язык более ста человек).

Освоение чужого языка и чужой культуры часто связано с большими трудностями.

Данная статья посвящена проблеме языковых и речевых барьеров, которые в коммуникации связаны с различиями на всех уровнях системы русского и китайского языков.

Конечно, мешает общению в известной степени ограниченный, даже для человека, изучавшего русский язык, лексический и грамматический тезаурус.

Но особую сложность в русско-китайской коммуникации составляет языковой *фонетический барьер*.

1). Китайцам трудно овладеть произношением русских звуков Р, Л.

Например, неразличение данных звуков при аудировании и говорении в таких лексических парах:

- Гроза (глаза – yan jing 眼睛), (гроза – zai nan 灾难)
– У него такие глаза! – Сегодня такая гроза!
- Красивые? – Красивая?
- Да, очень. – Что ты? Гроза бывает красивой?
- Голод и город (голод – ji e 饥饿), (город – cheng shi 城市)
– Зимний голод наступил. – Зимний город я люблю.

* *Минь Ли* – преподаватель китайского языка как иностранного, Цзилыньский ин-т русского языка (Китай), Ин-т международных связей (г. Екатеринбург).

2). Русским студентам трудно овладеть тонами китайского языка, различать оттенки их звучания. Например:

• 吻 и 问 (吻 wen <третий тон> – поцеловать) (问 wen <четвертый тон> – спросить)

Если нужно сказать:

– Девушка, можно ли тебя спросить, где вокзал? (Gu niang, ke yi wen <четвертый тон> ni ma? Huo chang zhan zai na? Гу нян, кэ и **вэнь** <четвертый тон> ни ма? Хо чэ чжань цзай на?)

Но если при этом интонировать неправильно, то получится:

– Девушка, можно ли тебя поцеловать? (Gu niang, ke yi wen <третий тон> ni ma? Гу нян, кэ и **вэнь** <третий тон> ни ма?)

• 挨 и 爱 (挨 ai <первый тон> – очередность за кем-либо) (爱 ai <четвертый тон> – любить)

Если нужно сказать:

– Кто последний? Я в очереди за тобой. (Shui shi zui hou yi wei? Wo ai <первый тон> zhe ni. Шуй ши цзуй хоу и вэй? Во ай <первый тон> чжэ ни.)

Но если при этом интонировать неправильно, то получится:

– Кто последний? Я тебя люблю. (Shui shi zui hou yi wei? Wo ai <четвертый тон> ni. Шуй ши цзуй хоу и вэй? Во ай <четвертый тон> ни.)

• Особую трудность вызывает варьирование тона в словосочетаниях. Можно утверждать, что возникает своеобразный барьер аудирования, когда носителю русского языка сложно воспринять на слух изменения тонов.

Такие варианты представлены в учебнике уже начального этапа овладения китайским языком [4]: третий тон перед первым, вторым, четвертым и легким тоном произносится как полутретий: Beijing <третий и первый изменяется на полутретий и первый, 北京>, yuyan <третий и второй – полутретий и второй, 语言>, guli <третий и четвертый – полутретий и четвертый, 鼓励>, jiejie <третий и легкий – полутретий и легкий, 姐姐>. Третий тон перед третьим тоном произносится, как второй тон: nihao <третий и третий – второй и третий, > shuiguo <третий и третий – второй и третий, 你好>.

Грамматические барьеры

1) Китайским студентам сложно овладеть русским словоизменением.

Приведем пример неверного (отсутствующего) словоизменения: «Я китайка, я купить нож, вилка, ложка, я надо научиться есть нож, вилка, ложка». Правильное высказывание требует винительного и творительного падежа: «Я китайка, я купила нож, вилку, ложку, мне надо научиться пользоваться ножом, вилкой, ложкой». В целом, русское словоизменение представляет большие трудности не только для китайцев, но и для носителей европейских языков.

2) Для русских студентов, в свою очередь, непривычным является употребление разнообразных счетных слов китайского языка.

В современном китайском языке при обозначении количества предметов часто употребляются различные счетные слова. Сочетательность счетных слов с существительными носит устойчивый характер. Числительные не могут самостоятельно выступать в роли определения, между числительными и существительными ставится счетное слово, в зависимости от лексического значения существительного.

Например, словосочетания числительное + существительное:

По-русски	По-китайски
три аудитории	san ge jiaoshi 三个教室 Сянь гэ цзяоши
три двери	san shan men 三扇门 Сянь шань мэнь
три доски	san kuai heiban 三块黑板 Сянь куай хэйбань
три ручки	san zhi gangbi 三支钢笔 Сянь чжи ганби
три стены	san mian qiang 三面墙 Сянь мянь цян
три лампы	san zhan deng 三盏灯 Сянь чжань Дэн
три стола	san zhang zhuozi 三张桌子 Сянь чжан чжоцзы
три стула	san ba yizi 三把椅子 Сянь ба ицзы
три студента	san wei xuesheng 三位学生 Сянь вэй сюешэн

У этих десяти словосочетаний с одним и тем же числительным девять разных счетных слов.

Этикетные барьеры относятся к барьером речевым.

1). И в Китае, и в России местоимение «вы» следует использовать: при обращении к незнакомому адресату; в официальной обстановке общения; при подчеркнуто вежливом, сдержанном отношении к адресату; к старшему (по положению, возрасту) адресату. Местоимение «ты» используется: при разговоре с хорошо знакомым человеком, с которым установлены дружеские, приятельские отношения; в неофициальной обстановке общения; при дружеском, фамильярном, интимном отношении к адресату; к младшему (по положению, возрасту) адресату» [1]. Адаптационные трудности обусловлены формой обращения к студентам (в Китае преподаватель обращается к студенту только на «ты», а русский этикет требует обращения к студенту на «вы»).

2). Языковые барьеры в российско-китайских взаимоотношениях связаны и с различием форм вежливости. В русском речевом этикете принято обращение по имени и отчеству, а обращение по должности, профессии, социальному статусу употребляется крайне ограниченно. Тогда как в рамках китайской коммуникативной культуры очень важно знать о профессии, должности и социальном статусе собеседника, поскольку эти факторы обязательны при обращении. Китайцы используют обращения по профессиям и долж-

ностям вместо имен, особенно в профессиональной сфере. Вот почему китайские слова «преподаватель», «доктор», «режиссер», «ректор» и т.д. используются как этикетные обращения и на работе, и в повседневной жизни, как между малознакомыми, так и между близкими людьми.

Например:

	Примеры на китайском языке	Перевод с китайского на русский
1	张老师, 早上好!	Преподаватель Чжань, доброе утро!
2	邀请函 尊敬的张校长: 兹定于2007年12月28日18:00 时在哈尔滨饭店举行哈尔滨市二零零八 年新年晚会。 敬请 光临 哈尔滨市政府 2007年12月1日	Приглашение Уважаемый ректор Чжань: Приглашаем Вас на вечер Нового года г. Харбина. Вечер состоится 28 декабря 2007 г. в гостинице "Харбин". Начало вечера в 18:00 часов. Правительство г. Харбина 01 декабря 2007 г.
3	张教授, 我们都非常喜欢您的报告。 谢谢您!	Профессор Чжань, всем нам понравился ваш доклад. Спасибо вам!
4	张大夫, 这种药怎么服用?	Скажите, пожалуйста, доктор Чжань, как принимать такое лекарство?
5	张导演, 这个学生太想成为演员了, 您能帮助他吗?	Режиссер Чжань, этот студент очень хочет стать артистом, вы ему сможете помочь?

Трудности адаптации автора данной публикации к русским формам обращений были связаны и с указанной выше причиной, и с длинной формой обращения по имени и отчеству, столь непривычной для китайца. Кроме того, вызывали недоумение принятые в обиходно-бытовом общении формы русских обращений по полу и возрасту («женщина», «мужчина», особенно «девушка» в магазине).

Мы затронули лишь малую часть языковых и речевых фактов, обуславливающих трудности межнационального взаимодействия.

Оптимизация процессов межнациональной адаптации требует подробной классификации факторов, затрудняющих общение на всех уровнях языковой и речевой систем, и их учета в преподавании иностранных языков.

Литература

1. Введенская Л. А., Павлова Л. Г., Кашаева Е. Ю. Русский язык и культура речи. – Ростов н/Д, 2004.
2. Лю Вэй Цзин. Коммуникативное поведение. Вежливость как коммуникативная категория. – Воронеж, 2003.
3. Сюй Сяо Бо, Лысакова И. П. Национальная специфика языковой объективации категории «вежливость» в русской и китайской

коммуникативной культурах // Коммуникативное поведение. – Воронеж, 2003. – Вып. 17: Вежливость как коммуникативная категория.

4. Чжан Сяогуан, Цзян Кэсинь, Хаматова А. А., Гурилова К. А. Китайский язык Новый объект. – Пекин: Изд-во просвещения и науки, 2004.

Применение семантического матричного подхода к моделированию образовательных учреждений в мультикультурных регионах РФ

Современное Российское общество отличает необычайная сложность социальных процессов и явлений. Они проявляются в политической, экономической, национальной и культурной сферах жизни общества. Сложность культуры проявляется как в частных ее процессах, так и на уровне единого целого, в котором она выступает во всем разнообразии взаимозависимостей целого и частного, общего и специфичного. Специфичность российской культуры проявляется в синтетичности, разнообразии базисных социокультурных и этнонациональных оснований, отсутствии единой ведущей религии, одновременном влиянии западной и восточной культур. Все указанные особенности отражены в механизмах ее сохранения и обновления, в которых ведущая роль принадлежит процессам социализации и инкультурации, составляющих сущность системы образования.

Эта система реализует значимые для общества нормы, ценности, смыслы и обычаи социокультурной практики посредством деятельности образовательных учреждений. В советский период единообразная система обучения и воспитания, обусловленная жесткой регламентацией отношений центра и регионов, делала невозможным создание образовательных учреждений, выходящих за рамки традиционных школ. Сегодня же новые условия жизни российского общества стимулируют появление образовательных учреждений нового типа.

За последние десятилетия в Российской Федерации создано и открыто множество образовательных учреждений нетрадиционного типа. Из этого многообразия можно выделить в качестве основных групп: светские и конфессиональные. К ним относятся прогимназии и гимназии, колледжи, лицеи, реальные школы и училища, кадетские корпуса; приходские воскресные школы, епархиальные училища, семинарии и академии различных вероисповеданий; мно-

* *Татьяна Львовна Лихачева* – канд. социол. наук, докторант Ин-та социологии РАН (г. Москва).

гоуровневые комплексные учебные модули. По видам собственности они относятся к государственным, общественным и частным. По направлениям – к гуманитарным, естественно-математическим, художественным и теологическим. По целям и содержанию образования – к дошкольным, начальным, основным, средним, профессиональным, высшим.

Создание и деятельность данных учебных заведений по-прежнему сталкивается с ощутимым объемом трудностей объективного и субъективного порядка. Перед организаторами образования, общественными организациями, юридическими и физическими лицами встают вопросы: как проектировать модели образовательных учреждений; основываясь на каких социокультурных критериях, пользуясь какой методикой отобрать тип учебного заведения, адекватный условиям конкретного региона, особенно, если это поликультурный регион.

Один из возможных вариантов ответа на эти вопросы социокультурной жизни общества в условиях дрящегося общегосударственного системного кризиса дает данное исследование. В качестве исследовательского поля выбраны общеобразовательные учреждения, обеспечивающие получение среднего образования гражданами РФ. Настоящее исследование направлено на поиск методов социокультурного проектирования моделей общеобразовательных учреждений, разработку социокультурных критериев проектирования и отбора общеобразовательных учреждений, адекватных конкретным мультикультурным регионам.

В настоящее время существует несколько практических способов разрешения обозначенной проблемы. Анализ управленческого опыта, научной литературы, социально-педагогической периодики позволяет выделить среди них три основных:

Первый способ характеризуется попыткой практиков образования создать новые типы образовательных учреждений на основе обобщения местного (регионального) педагогического опыта и с учетом национальных, этнических и экологических особенностей территорий. При этом выделяют существенные признаки традиционно сложившихся и существующих типов школ и на их основе разрабатывают типологию образовательных учреждений, отвечающих конкретным условиям их местности.

Второй способ обусловлен модернизацией ранее существующих типов школ в условиях России начала XXI века.

Третий способ предлагают ученые-практики, предполагающие создавать объединенные комплексные структуры образовательных модулей разного уровня.

Все указанные способы проектирования и моделирования учреждений образования опираются, в основном, на практику педа-

гогического опыта и управления образовательными процессами. В рамках этих подходов невозможно разработать и спроектировать модели школ разных уровней из-за отсутствия научно-обоснованной методики отбора и формализации внешних и внутренних условий их жизнедеятельности и социокультурных критериев выбора наиболее оптимальных моделей, адекватных реалиям конкретного мультикультурного региона. Анализ этих способов позволяет сделать следующий вывод: ни один из вышеназванных способов не в состоянии охватить все многообразие внешних и внутренних факторов, определяющих специфику территорий и образовательных учреждений, и не дает возможности определять взаимозависимости между конкретными специфическими условиями региона и внутренними особенностями деятельности конкретных школ, открываемых и уже существующих на этих территориях, особенно – в поликультурной среде.

В указанных подходах не используются методики разработки проектирования и отбора общеобразовательных учреждений, адекватных местным мультикультурным условиям; в них не выделяются критерии, на которых можно было бы обоснованно создавать, открывать и обеспечивать устойчивое функционирование общеобразовательных учреждений в поликультурном регионе.

Итак, в основе разработанной в 1996 году, апробированной и предлагаемой сегодня автором технологии находится инструментальная система перевода объективно существующих социально-политических факторов в формализованные символы, совокупность которых представляется матрицей, а совмещение матриц, произведенное определенным образом, адекватным исследуемому процессу, дает искомую многофакторную и поликультурную модель.

В содержании технологии, с практической точки зрения, выделяется следующая цепь действий:

- Систематизация.
- Формализация.
- Проектирование.
- Моделирование.

Рассмотрим кратко каждое из представленных звеньев.

Систематизация производится на основе двухуровневого представления внешних и внутренних факторов какого-либо социального явления или процесса, включая процесс функционирования различных социальных институтов, а также социально-политической жизни исследуемого территориального поселения в целом. Наиболее легким и эффективным образом данный инструментальный реализуется в том случае, если мы оттолкнемся от того, что функционирование любого социально-политического института или жизнедеятельность явления представляет собой многомерное модуль-

ное множество и, вследствие этого, может быть описано совокупностью внутренних (собственно структурных) и внешних (структурно-функциональных) взаимозависимостей.

Формализация выступает следующим звеном и включает в себя механизм сведения реально существующих признаков к их семантическому (цифро-буквенному) аналогу. Параметры определяются по алгоритмическим таблицам средних значений социально-экономических, демографических, политических, научно-культурных и эколого-географических факторов, представляющих собой основные доминантные группы (know-how автора. – Т. Л.).

Проектирование включает в себя первичный опыт прикладного совмещения матриц, полученных на предыдущих этапах в ракурсе составления проекта (описания) модели изучаемого объекта. Здесь определяются и обосновываются ведущие формо-содержательные положения, при особом внимании, уделяемом сохранению выявленных ранее превалирующих видов связей как внутри модели, так и ее взаимозависимости с внешним миром.

Моделирование включает в себя создание самой модели через разработку *идеальных* (эталонных) и *реальных* (конкретных) модельных конструкций одного и того же объекта. Также на данном этапе проводится процесс сравнительного полифакторного анализа создаваемых моделей для определения и отбора наиболее точных модификаций объекта.

Следующим этапом технологической эволюции предложенного метода выступает *модельный эксперимент*, в условиях которого осуществляется трехмерная виртуальная постройка модели и выход на конструирование многовариантных N-модульных мультикультурных моделей, являющихся визуальным воплощением различных подходов к совмещению матриц.

Подводя общий итог рассматриваемой технологии, следует отметить, что ее функционирование может быть осуществлено как на собственно матричных элементах, преобразованных в формализованные семантические аналоги, так и на совокупностях графического вида (полимерных). Такой подход сокращает трудоемкие и громоздкие описательные процедуры анализа социально-политических явлений и процессов современного социально-культурного пространства и дает возможность их представления не только в статическом матричном варианте, но и в динамическом пространственно-графическом (стереометрическом виде).

Отдельно следует сказать о *прогностических* возможностях рассматриваемого метода, которые реализуются в органичном двуединстве создаваемых социопрогностических структур и определении на их основе необходимых и достаточных условий воплощения метода, исходя из объективных реальностей.

Следует отметить, что предлагаемая технология при ее практической реализации в Центральном регионе РФ позволила сделать следующие выводы:

1. Любой конкретный мультикультурный регион России несет в себе потенциальные возможности для развития образовательных учреждений. Эти возможности и существующие условия могут быть формализованы и выражены в форме семантической мультикультурной модели.

2. Любое образовательное учреждение может быть представлено совокупностью базовых характеристик, отражающих его общие и специфические признаки. Эта совокупность может быть формализована и выражена в форме семантической мультикультурной модели.

3. Построение адекватной матричной модели позволяет спроектировать образовательные учреждения для мультикультурного региона и, тем самым, обеспечить его устойчивое функционирование в сфере социокультурного пространства.

А. А. Лысенко*

Социальное партнерство и образовательные учреждения Пермского края

При рассмотрении любых аспектов темы, касающейся экономического развития города, региона и страны в целом, актуален в первую очередь вопрос образования, образовательного уровня населения.

В современных экономических условиях вполне осознанно государственной политикой мотивируется развитие малого и среднего бизнеса в стране. Новые предприятия, новые рабочие места и требования к специалистам показали актуальность обсуждения и практической реализации социального партнерства в XXI веке. Ежегодно в различных регионах Российской Федерации проводятся научно-практические конференции, обучающие семинары и т. п. с целью развития социального партнерства между образовательными учреждениями (ОУ) и сферой производства товаров и услуг.

Стоит отметить, что социальное партнерство – понятие довольно широкое, поэтому приведем его определение из нормативно-правового акта Пермского края: «Социальное партнерство – система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений. Система социального партнерства в Пермской области – стороны и участники социального партнерства, действующие органы социального партнерства, а также принятые ими договоры и соглашения по взаимодействию в сфере социального партнерства на областном, отраслевом, территориальном уровнях и уровне организации» (Закон «О социальном партнерстве в Пермской области» от 23.09.04 г.).

В нашем случае социальное партнерство по отношению к образовательным учреждениям можно рассматривать с двух позиций.

* *Анастасия Андреевна Лысенко* – ассистент кафедры национальной экономики филиала УрГЭУ-СИНХ (г. Березники).

1. Социальное партнерство внутри системы образования (между учреждениями одного образовательного уровня, либо построенной структуры многоступенчатого образования). На сегодняшний день в Пермском крае система социального партнерства между образовательными учреждениями одного уровня четко выстроена в рамках начального профессионального образования. Пермский краевой институт повышения квалификации работников образования определил для каждой профессии структурно-методические объединения, включающие в себя опорно-методическое учреждение (по 1–2 профессиям) и представителей других ОУ, ведущих подготовку в данных направлениях. Результатом работы методических объединений является: ежегодный обмен опытом педагогической деятельности; презентации современных практических навыков в обучении профессии; совместная разработка рабочих программ и профессиограмм, создание единых тестовых баз по профессии и т. д. В системе среднего и высшего профессионального образования партнерства на краевом уровне нет.

Социальное партнерство в структуре многоступенчатого образования реализуется частично, то есть структуры НПО-СПО, СПО-ВПО на сегодняшний день являются актуальными в повышении конкурентоспособности образовательных учреждений. Практически каждое ОУ начального или среднего профессионального образования предлагает выпускникам повысить образовательный уровень с учетом льготных условий (поступление без экзаменов, сокращенный период обучения). Как правило, такой вид социального партнерства объединяет не более двух образовательных ступеней, хотя в крае создан центр непрерывного образования. Примерами таких систем могут быть: «Кунгурский колледж промышленных технологий, управления и дизайна», реализующий программы многоуровневого образования; «Институт непрерывного образования Пермского государственного технического университета», в его программном документе «Стратегия развития университета на период до 2010 г.» выделено в качестве основного направления развития привлечение учащихся старших классов общеобразовательных учреждений (школ, лицеев) к выполнению научно-исследовательской работы для создания непрерывной многоступенчатой («школа – вуз») подготовки высококвалифицированных специалистов. Таким образом, реализация социального партнерства внутри системы образования Пермского края развивается, и в результате реализации национального проекта «Образование» такая система взаимодействия будет укореняться.

2. Социальное партнерство, в которое вступают работники системы образования, контактируя с представителями иных сфер общественного воспроизводства. Сегодня можно говорить о возрас-

тании потребностей предприятий в специалистах рабочих профессий; возрастают и требования к квалификации выпускников. Поэтомуполне логично, что перед педагогическими коллективами сегодня встали два вопроса:

- Востребованы ли выпускники ОУ на рынке труда?
- Какого специалиста, в широком понятии, должно выпускать ОУ с учетом меняющихся рыночных потребностей региона?

В результате взаимодействия в современных экономических условиях вновь актуальным стало шефство – как для работодателей, так и для ОУ. На предприятиях появились программы развития и обучения персонала. В свою очередь, образовательные учреждения «сделали шаг» к работодателям с целью трудоустройства выпускников. Результатом такого взаимодействия стало успешное проведение эксперимента по введению Министерством образования Пермского края региональных сертификатов профессионального образования. Эксперимент должен был исправить дисбаланс между спросом и предложением квалифицированных кадров на предприятиях региона (такая цель сформулирована в послании губернатора 3 законодательному собранию в 2007 году).

Модель обращения сертификата выглядит следующим образом: работодателям было необходимо разместить заказ на подготовку квалифицированных кадров в учреждениях начального и среднего профессионального образования (данные информационного портала www.rboou.ru на сегодняшний день не оформлены окончательно); Министерством образования Пермского края были выпущены сертификаты, которые работодатели в г. Пермь получили в количестве, соразмерном количеству выпускников, и это гарантировало трудоустройство в будущем; с учетом полученных сертификатов был сформирован государственный заказ на подготовку специалистов в 2008 году. В ходе реализации эксперимента отзывы в прессе были как положительными, так и отрицательными. Результаты эксперимента явились свидетельством высокого уровня социального партнерства в крае, особенно высокий результат по количеству сертификатов был получен в Пермском торгово-технологическом колледже (что также обусловлено динамичным развитием сферы торговли).

Такой механизм уменьшения дисбаланса между спросом и предложением квалифицированных кадров показал свою актуальность и возможность практического применения. Сегодня эффективность дальнейшего использования сертификатов, а, главное, их целесообразность зависит от экономических условий, сложившихся в результате мирового финансового кризиса. Изменения на рынке труда в связи с сокращением производственной деятельности

представим в виде диаграммы на рис. 1 (данные сайта агентства по занятости населения Пермского края):

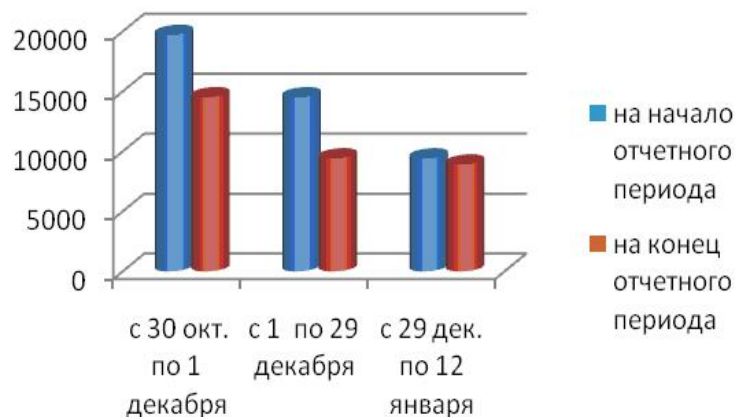

Рис. Численность безработных граждан, зарегистрированных в органах службы занятости Пермского края в периоды с 30.10.08 г. по 12.01.09 г.

Однако в некоторых городах и районах численность безработных граждан увеличилась, а предложение рабочих мест резко сократилось. Следовательно, потребность в выпускниках профессиональных образовательных учреждений снижается, а возможность дальнейшего использования Региональных сертификатов профессионального образования в крае полностью зависит от динамики изменений на рынке труда. Одним из перспективных направлений трудоустройства выпускников в сложившейся ситуации становится усиление деятельности социального партнерства.

В тоже время, целями социального партнерства, согласно закону «О социальном партнерстве в Пермской области», являются:

- создание благоприятного социального климата и обеспечение общественного согласия;
- обеспечение стабильности в обществе на основе объективного учета интересов всех слоев населения;
- содействие решению социально значимых проблем в крае и развитию человеческого потенциала;
- обеспечение социально ориентированной политики экономических преобразований;
- обеспечение эффективного механизма регулирования социально-трудовых и связанных с ними экономических отношений;
- предотвращение коллективных трудовых споров и содействие разрешению конфликтов;

- совершенствование организации и функционирования социального партнерства в Пермском крае;
- усиление роли сторон социального партнерства в решении социально-трудовых проблем на уровне края;
- обеспечение дополнительных гарантий работникам по сравнению с действующим законодательством.

На наш взгляд, реализация определенных законом целей должна быть неразрывно связана с политикой Министерства образования, но в концепции целевой программы «Развитие системы образования Пермского края на 2006–2010 годы» предусмотрено только «распространение в течение 5–7 лет на весь социум края основ социального мира, социального партнерства...», а, следовательно, *развитие социального партнерства – самостоятельная деятельность каждого образовательного учреждения.*

Руководители многих образовательных учреждений осознали перспективу открывающихся возможностей как результат социального партнерства: систематизируется информация о региональном и территориальном рынках труда; обеспечивается учет требований работодателей по содержанию подготовки в образовательных учреждениях; упрощается процедура корректировки существующих и разработки новых учебно-методических материалов и программ, отвечающих требованиям работодателей; открываются более широкие возможности для организации практики обучающихся и стажировки педагогических работников и т. д.

Подводя итог, особо отметим: *для развития социального партнерства в крае сегодня необходимо создание единой и взаимосвязанной системы «Государство – Образовательное учреждение – Работодатель – Государство». Проектирование и мотивацию деятельности данной системы должно осуществлять Министерство образования Пермского края.*

*Н. В. Майорова**

Управление высшим образованием и межкультурное взаимодействие: опыт КНР

Рассматривая современное высшее образование Китайской Народной Республики, следует отметить, что оно сегодня, да и последние 20–25 лет существует в условиях активного межкультурного взаимодействия. С одной стороны, Китай обладает тысячелетними традициями и национальной моделью высшего образования, с другой стороны, интенсивное международное сотрудничество привело к взаимопроникновению традиционной китайской и современной западной модели образования, что и является примером поликультурного развития цивилизации в мультиобразовательном пространстве.

В этой работе рассматриваются вопросы, касающиеся содержания опыта КНР в области управления высшим образованием, связанные с мультикультурным аспектом. Изучение этого опыта особенно актуально в условиях присоединения нашей страны к Болонскому процессу, суть которого продиктована отличиями от российских историко-культурными образовательными особенностями. Немаловажным является и тот факт, что многое из описанного в работе автор видела воочию, находясь в длительной командировке в г. Шанхае, который стал своеобразной мультикультурной кузницей образования в Китае.

По новейшим статистическим данным, в настоящее время в Китае в высших учебных учреждениях получают образование более 20 млн студентов, при этом только треть вузов являются государственными. Вхождение в мировое сообщество стимулируется реформированием китайской системы образования. Так, в 1999 г. на III Всекитайской конференции по работе в области образования было принято «Решение ЦК КПК и Госсовета об углублении реформы образования и всестороннем стимулировании качественных параметров образования», которое содержало следующие основные положения:

1. Корректировка стратегии, целей и структуры образовательной системы Китая к 2010 году в сторону расширения возможнос-

* *Наталья Викторовна Майорова* – канд. культурологии, ректор Московского открытого юридического ин-та (г. Москва).

тей образования в полной средней школе и в учреждениях высшего образования, а также активное развитие системы высшего профессионального образования в поле поликультурных китайских традиций.

2. Создание взаимосвязанной и взаимодействующей системы образования, ориентированной на деятельность в режиме социалистической рыночной экономики и в рамках современных мировых требований к системе образования. Преимущественное создание условий для всевозрастного и поликультурного получения образования.

3. Предоставление более широких полномочий правительствам провинций в развитии и управлении системой образования, а также в динамике единого планирования.

4. Формирование новой ступенчатой системы с двухуровневым управлением, основными характеристиками которой будут: делегирование приоритетов управления системой образования от центрального правительства к местному; предоставление больших полномочий высшим учебным учреждениям в организации, планах и программах обучения; предоставление им возможности активного соиздательного участия в социально-экономическом развитии страны.

5. Активное вовлечение неправительственных организаций в сферу образования, введение новых форм учебы и всемерное содействие широким народным массам в получении образования в поле мультикультурной традиции Китая.

6. Модернизация и дифференциация экзаменационной системы Китая, а также реформирование системы вступительных экзаменов в высшие учебные заведения.

7. Модернизация системы, структуры и содержания учебных дисциплин, предоставление более широких полномочий местным учебным учреждениям в формировании учебных программ базового образования, учитывающих как национальные, так и общемировые ценности, то есть реализация межкультурной составляющей мирового образовательного пространства.

8. Введение и распространение инновационных методов обучения, расширение материально-технической базы учебных учреждений, активное внедрение в программу обучения новых коммуникативных средств на основе информационных технологий.

9. Активное содействие взаимной интеграции образования, научных исследований, производства, экономики для перманентного повышения уровня обучения, а также внедрения инновационных технологий в городскую и сельскую систему образования в рамках общегосударственного процесса перестройки.

10. Оказание поддержки и активного содействия правительству, социуму, семье и учебному заведению в непрерывном со-

вершенствовании системы образования и формировании благоприятного социального климата для обеспечения здорового роста и развития учащихся.

Селективность системы высшего образования Китая проявляется, как считает автор, прежде всего в иерархическом разделении вузов. Результат выпускного единого государственного экзамена абитуриента является критерием допуска к вступительным экзаменам в вузы, в соответствующие набранным баллам категории. Такой подход присущ традиционной системе образования Китая и формирует высокие статусные позиции ведущих учреждений высшего образования страны.

Реформа системы высшего образования Китая в первую очередь затронула управление образованием. Государственный контроль за системой администрирования учреждений образования перестает быть полным, осуществляется перевод к смешанной форме регуляции: часть учреждений остается в ведомстве государственных органов, а управление местными университетами отдается правительствам провинций, автономных районов и муниципальным органам власти.

В дополнение к этому, следует отметить, что в настоящее время активно развивается система частных образовательных учреждений, которые занимают все более и более устойчивые позиции в реформирующейся образовательной системе Китая, хотя политические условия все еще не равны для частного и государственного высшего образования. Именно они и являются основными акторами мультикультурного взаимодействия в современном обществе Китая. Одновременно с реформой управления и трудовых отношений в вузе изменяется и система оценки выпускников для определения уровня их профессиональной подготовки. Система государственного распределения выпускников уже изменена коренным образом, и в настоящий момент лишь незначительная часть выпускников направляется на работу правительственными органами (в основном специалисты-педагоги, а также специалисты правительственного сектора – космонавтика, оборонная промышленность, фундаментальные науки и др.), остальные выпускники трудоустраиваются самостоятельно. Активно внедряется система взаимного поиска: работодатели ищут необходимых специалистов, а выпускники – вакансии.

Таким образом, выделим основные направления реформирования системы образования Китая: во-первых, расширение направлений среднего образования и широкая диверсификация учебных программ для подготовки специалистов для конкретных отраслей экономики; во-вторых, децентрализация управления образованием путем делегирования функций центрального правительства правительствам на местах и предоставление высшим учебным за-

ведениям большей автономии в определении основных направлений и содержания их деятельности; в-третьих, развитие частного сектора образования и переход к рыночной системе в сфере образования, включая привлечение в государственные учреждения образования средств из альтернативных источников (плата за обучение), а также переход к свободному трудоустройству посредством рынка квалифицированной рабочей силы; в-четвертых, ориентация на западные модели образования и глобализацию образовательного процесса, включая открытие границы для выезда китайских студентов для получения образования или проведения научных исследований в других странах.

Резюмируем: система образования Китая, имея длительную культурную историю, существенно отличается от западных культурных аналогов. Однако, необходимо отметить тот факт, что развитие и трансляция системы знаний китайской цивилизации имело решающее значение не только для становления китайского государства, но и развития мировой цивилизации в целом, привнес в нее мультикультурные элементы. На основе проведенного нами анализа историко-культурных тенденций генезиса системы образования Китая можно сказать, что она была детерминирована особенностями социокультурного развития общества, присущими конкретной эпохе. В разные исторические периоды развитие института образования характеризовалось различной интенсивностью, однако в начале XX века трансформации системы образования получили революционный характер.

Результатом реформирования системы высшего образования явились тенденции открытости, демократизации и предоставление учебным учреждениям большей автономии во всех областях их деятельности. Важнейшими характеристиками системы образования Китая в настоящий момент являются: высокий темп роста грамотности населения, увеличение квалифицированных кадров в образовательных структурах, рост числа приглашенных зарубежных специалистов, расширение перечня преподаваемых дисциплин.

Специфика системы образования Китая базируется на социалистическом курсе страны, что подразумевает ориентацию на централизованное руководство, контроль системы образования, а также идейное и морально-нравственное регулирование программ подготовки. Интеграция глобализационных поликультурных моделей образования, социальные и общественные реформы в русле строительства рыночной экономики обусловили трансформацию восприятия ценности высшего образования: от понимания престижа обладания комплексом знаний и умений к осмыслению образования как сферы долговременных инвестиций и финансового обеспечения статуса человека. Все это привело к развитию частной сферы образования и введению оплаты обучения в вузах страны, а также появлению практики свободного трудоустройства выпускников высших учебных заведений на рынке труда.

А. И. Матвеева*

Фактор организационной культуры в социальной адаптации молодых специалистов в системе образования

Проблемы личностного аспекта социальной адаптации, зависящие от адаптивного поведения молодого специалиста в системе образования, в начале XXI века резко актуализировались. Сегодня очевидно, что исследование этих проблем в отечественной науке приобретает качественно новые характеристики. Это обусловлено изменившимися объективными и субъективными факторами, из которых наиболее существенным объективным обстоятельством является, прежде всего, переходное состояние российского общества. К числу важнейших субъективных, инновационных факторов следует отнести отсутствие изначальной единой идеологической заданности научных исследований в этой области.

Процесс социальной адаптации молодых специалистов сложен и противоречив. Стремление молодого специалиста адаптироваться, интегрироваться в различные структуры своей жизнедеятельности способствует поиску собственной модели адаптационного поведения и социального, профессионального, личностного саморазвития (самообразования, саморегуляции, самореализации). Для личности молодого специалиста очень важно развить адекватное самовосприятие и понять свою роль в сфере деятельности.

В современной социологической литературе, наряду с понятием «социальная адаптация молодого специалиста», все чаще упоминается понятие адаптации в организации (или коллективе). Как правило, эта адаптация рассматривается в контексте организационной культуры. Фактор организационной культуры в процессе социальной адаптации – это процесс ознакомления педагогов с организационной культурой (средней образовательной школы) через приобретение и принятие ими знаний, манеры поведения, а также усвоение способов мышления и общения с другими субъектами педагогического процесса.

* **Алла Ивановна Матвеева** – канд. социол. наук, доцент Ин-та социологии и права, кафедры социологии УрГППУ (г. Екатеринбург).

Фактор организационной культуры – это новый феномен по отношению к адаптации. Нормальный процесс социальной адаптации молодых специалистов определяется критериями адекватности или соответствия, чаще всего связанными с характеристиками, важными для принятия человека на работу работодателем. По мнению А. Кристоф, «современная система отбора кадров стремится к оптимальному соответствию между личностью и организацией, что обуславливает подбор людей, обладающих ценностями, адекватными данной организации» [2. С. 51]. Молодые специалисты, не входящие в это единство, могут способствовать возникновению ситуаций, определяемых в социологии как недостаточность мотиваций для включения в деятельность.

В свою очередь, все упомянутое выше ведет к развитию неудовлетворенности педагогической деятельностью.

Следует отметить роль системы образования в формировании соответствующей ей организационной педагогической культуры, способствующей укреплению и распространению прогрессивных ценностей. Именно культура определяет связь между ценностями и желаниями молодых специалистов, вселяя в них чувство привязанности к профессии и вознаграждая их за это. О'Рейл утверждает, что, «отражая убеждения и ожидания, организационная культура служит контрольным механизмом и регулятором поведения» [1].

Культура может поддерживаться многими формами социальной досуговой деятельности и подчеркивать такие ценности, как межличностные связи и дружеская поддержка коллег. Кроме того, в рамках организационной культуры следует рассматривать проблемы людей, оказавшихся в определенных межличностных отношениях. В современном мире, где становится очевидным распад общественных систем и идеологий, разрушение традиций и норм, раскол и дробление отдельных социумов, обособление и разъединение народов, молодому специалисту очень тяжело найти и определить свое место в нем. Выбор той или иной ценности, ориентира или ведущей идеи предопределяет не только дальнейшее развитие его культуры, но и влияет на его профессиональную деятельность. Новые условия, изменение всего облика общественного развития требуют и новых подходов к осмыслению понятия «организационная культура», ведь именно с ней сталкивается молодой педагог, приходя каждое утро на работу. Несмотря на большие способности человеческого организма к обучению и созданию культурных элементов, ни один индивид сам по себе не в состоянии создать культурную систему. Дело в том, что главные образцы культурных систем, а особенно культуры организации, изменяются только на протяжении педагогической и профессиональной деятельности многих поколений, их всегда придерживаются относительно большие груп-

пы педагогов, в силу чего они становятся доминирующей культурой данного сообщества. Усвоение ценностей господствующей в школах организационной культуры непосредственно отражается в процессе социализации молодых специалистов, в накоплении и развитии ее духовного, интеллектуального и социального потенциала и зависят от того, какой тип педагогов (традиционный или демократический) преобладает в данной школе. Принятая во многих школах организационная культура препятствует каким-либо изменениям и не создает необходимой питательной среды для удачной адаптации молодых специалистов, опирающихся на собственные психологические ресурсы. Применительно к организационной культуре в системе образования важно учитывать адаптационное поведение педагогов (традиционное или демократическое). Разница в ролевом поведении может давать повод для межгрупповых конфликтов. Высокая комфортность в отношении ценностей в одной из групп сочетается с критическим отношением к ценностям и нормам другой. Здесь прослеживается вечный конфликт традиций и инноваций. Успех социально-психологической адаптации, как составляющей процесса социальной адаптации в системе образования, определяется социально-психологической совместимостью педагога с другими работниками – «срабатываемостью»; умением устанавливать психологический контакт в ходе принятия организационной культуры (личная совместимость, уживчивость), а также умения активизировать творческую деятельность.

Молодому специалисту в процессе социальной адаптации приходится преодолевать адаптационные барьеры. Возрастной и эмоционально-психологический – самые трудные. Они могут быть успешно пройдены, только с помощью тесного сотрудничества и взаимопонимания, при осознании молодыми специалистами себя «профессиональным педагогом». Учителю приходится принимать организационную культуру, приспосабливаться к ней, к внутренним законам, распорядкам, ученикам, поэтому и говорят, что статус учителя приобрести легко, а внутреннее принятие социальной роли педагога затягивается на годы.

Практика показывает, что наибольшая эффективность присуща тем организациям, в которых работают педагоги, представляющие оба стиля адаптивного поведения. В начале XXI века внутреннее принятие роли педагога выступает базовым звеном организационной культуры, которому необходимо уделять особое внимание в процессе социальной адаптации молодых специалистов. С резким изменением социальных условий, со сменой общественных ценностных ориентиров механизм воспроизводства ценностных ориентаций перестает быть ведущим, уступая место адаптационным механизмам. Изучение ценностных ориентаций молодых спе-

циалистов в системе образования дает возможность выявить степень их адаптации к новым социальным условиям.

Литература

1. *O'Reilly C. F. Catman J. A.* Culture as social control: Corporations, cults, and commitment // *Research in organizational behavior* / Eds. B. M. Staw, K. L. Cummings Greenwich, CT: JAI Press, 1996. V. 18. Н. 167.
2. *Kristof A. L.* Adapts and innovators at work // *adapts and innovators: Styles of creativity and problem solving* / Ed. M. J. Kirotn. – London; N.Y.: Routledge, 2000.

Д. Е. Москвин*

Неформальное и информальное образование в современном образовательном дискурсе

Тематика неформального (НФО) и информального (ИФО) образования остается в России вне общественного и профессионального дискурса, в отличие, к примеру, от проблемы формирования образования. Простое сравнение упоминаемости в сети Интернет позволяет однозначно оценить сложившуюся ситуацию: поисковая сеть Google на запрос «*информальное образование*» дает всего 184 ссылки в русскоязычном сегменте сети, в то время как в англоязычном сегменте на запрос «*informal education*» – около 919 000 ссылок (и еще около 830 000 на «*informal learning*») [1]. Это позволяет утверждать, что проблема становления, развития, внедрения и оценки результативности неформального и информального образования остается далеко на периферии обсуждения в современной России, хотя Министерство образования и науки РФ внесло эти понятия в проект «современной модели образования» до 2020 года [См.: 2], увязав их с необходимостью перехода к концепции непрерывного обучения.

Обращение к данной теме обусловлено двумя обстоятельствами:

- *объективным* – переходом российской образовательной системы к парадигме «образования в течение всей жизни» (Болонский процесс);

- *субъективным* – вовлечением автора в конструирование системы НФО и ИФО на факультете политологии и социологии УрГУ.

В настоящее время в России отсутствует специальная научная литература по поднятой проблематике, а количество публикаций в, которых она упоминается слишком незначительно, чтобы говорить о ее проработанности, изученности и отрефлексированности профессиональным сообществом. Более того, зачастую дальше фиксирования определения этих категорий исследователи не двигаются, то есть отсутствуют мониторинг, анализ, проектная деятельность в данном сегменте отечественного образования.

* *Дмитрий Евгеньевич Москвин* – канд. полит. наук, ассистент кафедры социально-политических наук, замдекана ф-та политологии и социологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Характеристики образовательного процесса НФО и ИФО были заимствованы совсем недавно из европейских деклараций, закладывающих фундамент непрерывного образования. В распространении этих понятий в России свою роль сыграли экспертные заключения, сделанные Общественной палатой РФ и ГУ-ВШЭ в 2007 году, обозначившие неформальное и информальное образование как фактор конкурентоспособности страны и значимый элемент современных образовательных систем [3. С. 33]. При этом отсутствуют официальные документы, объясняющие специфику и принципы функционирования этих форм образовательного процесса в России.

На Западе к этим феноменам обратились гораздо раньше, причем можно говорить как минимум о двух наметившихся трендах.

Во-первых, *американский*. Некоторыми утверждается, что начало дискуссиям в этой сфере в США положили философ и психолог *Джон Дьюи* (см. «Мое педагогическое кредо» [4]) и адепт андрогогики *Малкольм Ноулес* (Knowles) в конце XIX и в середине XX веков соответственно [5]. Первые работы по исследованию непосредственно неформального образования появились в 1970-х годах [6], а к концу 1980-х было окончательно внедрено понятие информального образования [7]. В последующем, в 1990–2000-е гг. в США фактически была создана инфраструктура НФО и ИФО, включающая в себя организации, делающие на этих видах образования успешный бизнес.

Во-вторых, *европейский*. В Западной Европе подошли к данной системе через внедрение парадигмы образования в течение всей жизни. В 2000 г. после Лиссабонского саммита ЕС издается «Меморандум о непрерывном образовании Европейского союза», в котором постулировалось: «Континуум непрерывного образования делает неформальное и информальное образование равноправными участниками процесса обучения». Там же провозглашался вектор на разработку высококачественной системы «Аккредитации предыдущего и неформального образования» (APEL) [8]. В последующих документах, определяющих основные параметры европейской образовательной системы, неоднократно подчеркивалась необходимость выработки общих критериев для соотнесения НФО и ИФО в разных странах, признания знаний, полученных подобным образом. Для того, чтобы эти системы пользовались доверием, Совет по Образованию ЕС в 2004 году принял определение неформального и информального обучения, а также Общие Европейские Принципы для их признания. В 2006 году был поставлен 5-летний срок для окончательной разработки и внедрения этой системы при определении профессиональных навыков человека.

Сложилось несколько подходов к разграничению формального, неформального и информального образования. Для удобства приведем ключевые черты, присущие каждому из них:

- *Формальное образование* – имеет место в организованном и иерархически структурированном контексте [См.: 9, 10], завершается выдачей общепризнанного диплома или аттестата [См.: 8], характеризуется определенной продолжительностью по времени и основывается на государственной учебной программе; оно организовано формальными, преимущественно зарегистрированными, организациями.

- *Неформальное образование* – осуществляется часто вне специального образовательного пространства, в котором четко обозначены цели, методы и результат обучения [См.: 10], в образовательных учреждениях или общественных организациях, клубах и кружках, во время индивидуальных занятий с репетитором или тренером [См.: 8], а также представляет собой различные курсы, тренинги, короткие программы, которые предлагаются на любом этапе образования или трудовой деятельности [См.: 3], обычно не сопровождается выдачей документа, чаще всего носит целенаправленный и систематический характер [См.: 9].

- *Информальное образование* – индивидуальная познавательная деятельность, сопровождающая повседневную жизнь и не обязательно носящая целенаправленный характер [См.: 8]; спонтанное образование, реализующееся за счет собственной активности индивидов в насыщенной культурно-образовательной среде [См.: 3]; общение, чтение, посещение учреждений культуры, путешествия, средства массовой информации и т. д., когда взрослый превращает образовательные потенциалы общества в действенные факторы своего развития [См.: 9], результат повседневной рабочей, семейной и досуговой деятельности [См.: 10], не имеет определенной структуры.

При анализе англоязычных источников по ИФО возникает методологическая коллизия: в большинстве случаев, особенно в американской модели, под информальными знанием и образованием подразумевается вообще любая социальная активность человека, изменяющая его сознание, расширяющая опыт, позволяющая освоить дополнительные компетенции и т. д. – все то, что приобретает спонтанно, неконтролируемо самим человеком. В данной логике становятся трудно различимыми понятия образования и социализации, что, в свою очередь, актуализирует потребность в более детальной проработке понятия ИФО. Предполагается, что дополнительным фактором, который необходимо учитывать при его категоризации, должна выступать социокультурная среда и историческая преемственность в изучаемом обществе.

О значимости НФО и ИФО для понимания современного состояния образовательного пространства и имеющих место в нем трендов могут свидетельствовать следующие данные:

- по оценке ЮНЕСКО, 85 % работающего населения приобрели необходимые для работы знания и умения за рамками формального обучения [9];
- в 2003 году почти 18 % жителей ЕС в возрасте 25–64 лет участвовали в неформальном образовании [11];
- в странах Скандинавии – Дании, Швеции, Финляндии – наибольшие показатели по уровню вовлеченности в НФО – почти 50 %, по данным на 2004 г. [11];
- данные по России отсутствуют.

Таким образом, очевидно, что в российском образовательном дискурсе недостаточность внимания к новым для отечественной системы формам образования может служить фактором сдерживания при вхождении в Болонский процесс, мешать адаптации к требованиям и вызовам постиндустриального общества, а также препятствовать формированию новой, полноценной, разветвленной системы образовательных услуг. В условиях ускоренной модернизации, а также декларируемых Президентом РФ Д. А. Медведевым приоритетов по развитию информационного общества и экономики, основанной на знаниях, не исключено, что система НФО и ИФО будет сформирована «сверху» без учета российской специфики, имеющегося опыта и успешных, но пока еще очаговых моделей.

В то же самое время, сам переход к подобной системе будет сопровождаться серьезной трансформацией привычного образовательного пространства, что всегда болезненно воспринимается профессиональным сообществом. Предполагается, что подобная система будет сопровождаться актуализацией и интенсификацией внедрения следующих элементов новой системы :

- личностноориентированное обучение;
- индивидуальная образовательная стратегия;
- индивидуальный преподавательский проект;
- деятельностная парадигма;
- преодоление иерархизированных отношений в образовании;
- рост креативности, ориентированной на инновации.

Список носит незавершенный характер, однако очерчивает проблемное пространство для дальнейших размышлений. К нему можно также отнести: необходимость мониторинга состояния систем НФО и ИФО в различных сегментах образования; выявление успешных адаптированных моделей; понимание опыта функционирования подобной системы в СССР (правда, на других основаниях и с другими декларируемыми задачами); соотнесение оте-

чественной системы с зарубежными; организация понимания востребованности и стратегической необходимости НФО и ИФО для конкурентного и успешного будущего России.

Перечисленные направления исследования в настоящее время курируются *Центром общественно-политических инноваций – ЦОПИ* (г. Екатеринбург), успешно реализующего проекты в сфере НФО и ИФО. В частности, совместно с факультетом политологии и социологии УрГУ Центр поддерживает: Молодежный Интеллектуальный Клуб Екатеринбурга (успешную коммуникативную площадку для студентов вузов города, уже отмеченную дипломом Совета Федерации ФС РФ), проведение мероприятий по проблеме продвижения территорий (совместно со СМО РАПН), фототовоуаге и т. д. Крупным мероприятием, в котором были применены наработки в исследуемой теме, стала Неделя Уральской политической науки, прошедшая в Уральском государственном университете им. А. М. Горького в ноябре 2008 г. В последующем ЦОПИ предполагает реализовать городской проект по созданию инфраструктуры неформального и информального образования, выступив медиатором и интеллектуальной основой для успешного функционирования этой системы в Екатеринбурге.

Литература

1. Поисковая система Google на 8 февраля 2009 г. – [URL: www.google.ru].
2. См.: Методические рекомендации по проведению августовских педагогических совещаний работников образования «Актуальные задачи современной модели образования» – [Электронный ресурс: Сайт Министерства образования и науки РФ. URL: <http://mon.gov.ru/dok/akt/4674/>].
3. Российское образование – 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях: к IX Междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и глобализация», Москва 1–3 апреля 2008 г. / Под ред. Я. Кузьминова, И. Фрумина; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.
4. *Дьюи Дж.* Мое педагогическое кредо. – [Электронный ресурс: URL: <http://altruism.ru/sengine.cgi/5/7/8/7/9/>].
5. Informal learning. – [Электронный ресурс: Электронная энциклопедия Wikipedia URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Informal_learning].
6. *Coombs Ph., Ahmed H.* Attacking rural Poverty. How nonformal education can help. – Baltimore, 1974.
7. *Watkins K., Marsick V.* Informal and Incidental Learning in the Workplace. – London, 1990.

8. Меморандум непрерывного образования ЕС 2000 г. – [Электронный ресурс: Общество знание России. URL: <http://www.znanie.org/docs/memorandum.html>].

9. *Вершловский С.* Непрерывное образование как фактор социализации. – [Электронный ресурс: Общество знание России. URL: http://www.znanie.org/jornal/n1_01/nepreriv_obraz.html].

10. Cedefop, Terminology of vocational training policy – A multilingual Glossary for an enlarged Europe, Tissot, P., 2004. – [Электронный ресурс: European Inventory. URL: <http://www.ecotec.com/europeaninventory/glossary.html#i>].

11. Обучение взрослых: учиться никогда не поздно // Коммюнике Комиссии Европейских Обществ, 23 октября 2006 года. КОМ (2006) 614. – [Электронный ресурс: http://www.eaeabudapest.hu/EAEA_ru/downloads/dokumenti/tanulas.doc].

Доступность высшего образования на Урале и в Ульяновской области: сравнительный анализ

В конце XX столетия в условиях реформирования российского общества наметилась тенденция распада и реорганизации единого образовательного пространства. Особенно это отразилось на сфере высшего профессионального образования. Процесс этот характерен для всей России и связан с причинами как объективного, так и субъективного характера. В каждом регионе Российской Федерации существует и постоянно развивается свое собственное образовательное пространство, отражающее особенности и специфику конкретного региона, его традиции, культуру, национальный и религиозный состав населения, уровень экономического развития.

Выделение именно региона как особой единицы образовательного пространства представляется достаточно уместным: во-первых, это соответствует традиционному принятому в отечественной социологии подходу; во-вторых, именно на уровне субъектов страны особенно выпукло проявляются различия в развитии системы образования, ее адекватности потребностям населения, культуры и экономики; в-третьих, региональный уровень системы образования формирует системообразующие связи, позволяющие рассматривать образование как сферу межкультурного взаимодействия, а не совокупность отдельных образовательных учреждений. Очевидно влияние особенностей регионального образовательного пространства на формирование и развитие соответствующей сети профессиональных образовательных учреждений разного уровня. Отраслевая специализация производства, уровень экономического развития региона, природно-географические особенности, социокультурные традиции в значительной степени влияют на выбор населением индивидуальной образовательной траектории.

* *Ирина Анатольевна Плохова* – аспирант Ульяновского государственного технического ун-та, начальник отдела Ульяновского областного государственного учреждения социальной защиты населения (г. Ульяновск).

Одним из аспектов культуры является высшее образование, получение которого в наши дни становится актуальным. Целью нашего анализа является определение отношения населения Свердловской и Ульяновской областей к доступности высшего образования и степени превращения сферы высшего образования в территорию культурного взаимодействия.

В 2006–2007 годах мы участвовали в мониторинге региональных проблем доступности высшего образования, эмпирическим объектом которого стали студенты-первокурсники разных вузов Ульяновской и Свердловской областей (общая выборка 1100 человек).

Доступность высшего образования рассматривается нами как возможность реализации различными социальными группами своих потребностей в сфере профессионального образования. Кроме того, доступность образования – это важный фактор, который может повысить или, напротив, понизить качество профессиональной подготовки. Под факторами доступности высшего образования понимаются такие условия, которые характеризуют возможности получения высшего образования. Исследование осуществлялось на основе анализа институционального, информационного, экономического, социального и индивидуально-личностного факторов. Каждый фактор включал показатели, по совокупности которых можно было судить о состоянии доступности высшего образования в указанных регионах.

Свердловская область является самым крупным субъектом Федерации, охваченным исследованием. Развитая система высшего образования в Свердловской области позволяет обеспечить абитуриентам достаточно широкие возможности выбора вуза и специальности. Но в данном регионе уровень образовательной активности населения можно признать средним. На 10 тыс. населения приходится 474 студента, что ниже показателей других регионов: к примеру, Приморского края (505) и Татарстана (590); в Ульяновской области показатель равен 402. Однако следует заметить: на территории Свердловской области действует 28 самостоятельных высших учебных заведений различных форм собственности, а в Ульяновской – только 10.

Для того и другого региона продолжает оставаться актуальной проблема чрезмерной концентрации образовательного потенциала в административном центре. Подавляющее большинство вузов расположено в Екатеринбурге (26 из 28) и в Ульяновске (10 из 10). Данное обстоятельство снижает доступность высшего образования для населения, проживающего вне областного центра.

На Урале происходит более быстрое снижение доступности бесплатного высшего образования: число бюджетных мест еже-

годно снижается на 3,2 %. В Ульяновской области тоже наблюдается сокращение образования, оплаченного государством, но на 1,5 % в год. Это при том, что удельный вес негосударственных вузов в Свердловской области составляет 46 %, в Ульяновской – 60 %.

Среди обследуемых регионов население Свердловской области имеет более высокий уровень жизни. Результаты опроса первокурсников показали, что лишь 8 % семей абитуриентов не затратили финансовых средств на поступление в вуз; в Ульяновской области доля тех, кто смог подготовиться самостоятельно, больше – 22 %. Остальные семьи тратили денежные средства на довузовскую подготовку, чаще – на репетиторов (на Урале эта категория больше). Это говорит о серьезных институциональных барьерах, которые существуют на пути получения высшего образования и в том, и в другом регионе. Снимет ли эти барьеры поступление в вуз через ЕГЭ – покажет ближайшее будущее.

Зависимость поступления в вуз от уровня дохода семей не является прямой. Существенные различия наблюдаются в доходах семей студентов, обучающихся на престижных специальностях, – как в том, так и в другом регионе. Очевидно, что поступившие на более престижные специальности, в том числе на бюджетные места, имеют более высокий доход и статус их родителей выше.

Одним из показателей влияния индивидуально-личностного фактора является степень осознанности выбора специальности. Образовательное пространство Свердловской области представляет абитуриентам достаточно широкие возможности выбора. Однако, как и в Ульяновске, часть молодых людей не смогли реализовать эти возможности и вынуждены учиться не там, где хотелось: в Свердловской области – это каждый 5-й (18–19 %), в Ульяновской – каждый 8-й (13 %).

Чаще поступали на ту специальность, на которую хотели, выходцы из областного центра и ученики гимназий, лицеев. При этом лишь около 50 % первокурсников точно знали, на какую специальность им идти. Показатель устойчив в ходе всего мониторинга, что свидетельствует о распространенности и на Урале, и на Волге явления, которое психологи называют «мораторий на выбор специальности». До самого последнего момента абитуриенты и их родители не имеют решения относительно профессионального выбора.

Жители сельской местности чаще знают, на какую специальность идти, но реже поступают на ту специальность, на которую хотели. Это объясняется их более низкими шансами поступить в высшее учебное заведение, по сравнению с выпускниками городских школ. Именно поэтому они выбирают более доступную специальность. Еще одна особенность более развитого в промыш-

ленном отношении Урала: в Свердловской области значительной части студентов учебу оплачивают предприятия (в среднем 15–16 %).

Таким образом, состояние экономической и индивидуально-личностной доступности высшего образования на Урале и в Ульяновской области характеризуется, с одной стороны, наличием больших возможностей у населения Свердловской области оплачивать услуги по получению высшего образования, с другой, – одинаковым уровнем неопределенности профессионального выбора выпускников школ того и другого региона.

Исследование подтвердило тенденцию последних лет на регионализацию высшего образования. Только 4 % выпускников школ планируют продолжить обучение в мегаполисе и еще столько же – в больших городах нашей страны. В соседние области планируют ехать учиться не более 6 % выпускников школ. В среднем 80 % выпускников школ хотят получать образование в своем регионе.

Следствием значительного увеличения спроса на высшее образование явилось, несмотря на экономические трудности, существенное расширение сферы профессионального образования в каждом регионе: развитие широкой сети филиалов, открытие новых специальностей, появление коммерческих вузов.

Это происходит и за счет интеграционных процессов, активно протекающих в различных направлениях: по вертикали – интеграция образовательных учреждений разного уровня (вуз – ссуз; вуз – лицей, вуз – колледж – гимназия) и по горизонтали – объединение усилий высших учебных заведений с научно-исследовательскими институтами и академическими центрами, с зарубежными вузами. Наиболее успешно процесс вертикальной интеграции проходит на содержательном уровне, то есть путем сопряжения профессиональных образовательных программ разных уровней.

Новые процессы существенно изменили организационную структуру высших учебных заведений. Сегодня в число их структурных подразделений входят лицеи, колледжи, научно-исследовательские институты, специализированные отделения переподготовки и повышения квалификации. Таким образом, формируется целостная многоступенчатая непрерывная система профессионального образования; это соответствует требованиям региональной экономики и созданию на базе высшего образования межкультурного пространства. Для полного взаимодействия культур не хватает постоянных связей между регионами. А всякая замкнутая система рано или поздно обречена на вымирание.

Из опыта создания системы дистанционного образования в Гуманитарном университете

Дистанционное образование как социальное явление возникло относительно недавно, но, тем не менее, претендует на достаточно заметную роль в общей системе образования. Интенсификация производства информации в промышленной и экономической сфере вызвала необходимость интенсификации образования за счет использования современных средств коммуникации, заменяющих или трансформирующих традиционное общение обучающего и обучающегося. Полученное традиционным путем базовое образование требует подпитки, которую легко организовать с помощью дистанционных форм. Следовательно, дистанционное обучение может стать условием профессионального роста индивида. Дистанционное образование ускоряет процессы получения знаний, не только за счет быстрого предоставления информации, но и за счет научения находить эти знания в информационных сетях, базах и банках информации. Новые формы образования, интенсифицированные современными информационно-сетевыми технологиями, реализуют принцип непрерывного образования – «образование не на всю жизнь, а образование в течение всей жизни».

Социальная структура информационного общества характеризуется высоким удельным весом групп, прямо связанных с процессами производства, распределения и потребления информации и знаний. На передовые рубежи производства и экономики выходят люди, способные за минимальный срок переобучиться в соответствии с изменившимися условиями, поддерживающие свой профессиональный уровень, в частности, средствами наиболее мобильной разновидности образования – его дистанционной формы. Дистанционное образование как социальная технология реорганизуется систему образования, повышает компьютерную грамотность населения, большая часть которого будет занята в информационных секторах экономики. Общество действительно станет информа-

ционным, если возрастет доля людей, подготовленных новой формой образования.

Новые информационные технологии расширяют возможности образования и межкультурного взаимодействия. С развитием всемирной сети Интернет преград на пути проникновения информации практически нет. Современные тенденции мирового развития привели к необходимости воспитания поликультурной личности, обладающей высокой профессиональной и индивидуальной культурой; личности, готовой к сотрудничеству, способной вести диалог и эффективно осуществлять межкультурную коммуникацию в профессиональной сфере. Следовательно, актуализируются проблемы интеграции личности в систему мировой и национальной культуры.

На современном этапе развития общества обозначена принципиально новая и важная задача, требующая решения в системе образования. В основных положениях Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года подчеркивается, что образовательная политика России учитывает общие тенденции мирового развития и существенные изменения системы образования: переход к постиндустриальному, информационному обществу, развитие дистанционного образования, значительное расширение масштабов межкультурного взаимодействия, для которого важны факторы коммуникабельности. Важной задачей высшего образования становится формирование межкультурной компетентности, необходимой для эффективного функционирования в глобальном пространстве.

Особое значение межкультурная компетентность имеет для современного студенчества, которому предстоит решать задачи по формированию и развитию межкультурных взаимодействий в своей будущей профессиональной деятельности. При этом необходимо соблюдать равновесие между социальным заказом общества высшей школе на подготовку высококвалифицированных специалистов, обладающих межкультурной компетентностью, и использованием для этого традиционных и дистанционных способов организации процесса обучения.

Подготовка студентов к сотрудничеству с зарубежными партнерами, интеграция в систему мировой и национальной культуры, интеллектуальное и коммуникативное развитие личности будущих специалистов как цели обучения нашли свое отражение в Государственном образовательном стандарте высшего и профессионального образования и Законе Российской Федерации «Об образовании». Декларация о создании европейской зоны высшего образования к 2010 году, принятая в рамках Болонского процесса, ориентирует на необходимость повышения готовности студентов к жизни и деятельности в информационном обществе. Министры

* Елена Павловна Пьянзина – ст. преподаватель, директор Центра мониторинга качества знаний Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

образования, подписавшие декларацию, подтверждают свое намерение приложить усилия по устранению всех препятствий на пути к обеспечению мобильности в рамках общеевропейского пространства высшего образования.

В русле этих тенденций в Гуманитарном университете была разработана Концепция создания системы дистанционного образования, основанного на использовании современных педагогических, информационных, коммуникационных технологий при территориальной разобщенности преподавателя и студента. Практическая реализация положений Концепции началась в октябре 2008 года. В ходе работы должны быть выполнены две группы задач.

Основные задачи:

- предоставление обучающимся возможности освоения основных и дополнительных образовательных программ высшего профессионального образования непосредственно по месту жительства или по месту временного пребывания;
- обеспечение доступности высшего профессионального образования для всех категорий обучающихся, включая лиц, имеющих ограниченные возможности для обучения;
- привлечение к получению высшего образования (на базе общего среднего, среднего профессионального или высшего профессионального образования) граждан РФ и других государств, не располагающих возможностями пройти обучение очно или заочно, но имеющих условия для дистанционного обучения, основанного на телекоммуникационных и компьютерных технологиях;
- реорганизация деятельности представительств Гуманитарного университета.

Дополнительные задачи:

- разработка механизма использования дистанционных образовательных технологий в процессе обучения студентов по очной, очно-заочной, заочной формам обучения по направлениям и специальностям подготовки, реализуемым в Гуманитарном университете;
- создание информационно-образовательной среды Гуманитарного университета;
- разработка инновационных методик обучения и внедрение их в учебный процесс;
- интеграция научной и образовательной деятельности;
- обеспечение интеграции Гуманитарного университета в единое образовательное пространство России, стран СНГ, в европейское и мировое образовательное пространство;
- использование передового опыта российских и иностранных учебных заведений в области создания системы открытого образования;

- активизация научных исследований в области современных педагогических, информационных, телекоммуникационных технологий;

- повышение квалификации педагогических работников, административно-управленческого и учебно-вспомогательного персонала, обучение их современным педагогическим, методическим, информационным и управленческим технологиям.

Система дистанционного образования обеспечивает академическую мобильность студентов, что предполагает возможность в любой момент изменить траекторию своего образования с минимальными потерями времени и максимальным сохранением полученных на предыдущих этапах образования академических достижений. Для этого используется механизм капитализации пройденного обучения путем учета количественных и качественных параметров выполненной учебной работы.

Идеология создаваемой системы дистанционного образования позволяет студенту реализовывать различные типы академической мобильности: внутри университета, между российскими и зарубежными учебными заведениями.

В настоящее время применение дистанционных образовательных технологий регламентируется следующими федеральными нормативными актами:

- Закон РФ «Об образовании» № 3266-1 от 10 июля 1992 г. (Ст. 32).
- Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» № 125 – ФЗ от 22 августа 1996 г. с последующими изменениями и дополнениями.
- Типовое положение об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении), утвержденное Постановлением Правительства РФ № 71 от 14 февраля 2008 г.
- Приказ Министра образования и науки РФ «Об использовании дистанционных образовательных технологий» от 6 мая 2005 г.

Нормативное регулирование процедуры лицензирования деятельности высших учебных заведений, использующих дистанционные технологии обучения, в настоящее время носит незавершенный характер. Но текущие изменения законодательства дают основания прогнозировать, что в ближайшем будущем будут введены в действие нормативные акты, устанавливающие порядок использования ВУЗаами дистанционных образовательных технологий. Таким образом, процесс институционализации дистанционного образования продолжается. Реальное функционирование дистанционного образования в Гуманитарном университете и других учебных заведениях позволит исследовать такие проблемы социального института дистанционного образования, как:

- выявление уровня актуализированности и степени сформированности образовательных потребностей учащихся, студентов и других социальных групп, получающих образование в дистанционной форме;

- определение спектра мотивов образовательной деятельности обучаемых и обучающихся;

- уровень их удовлетворенности новой формой образования;

- определение объема сегмента потенциального рынка дистанционного образования;

- выделение социально значимых групп, для которых возможны проекты дистанционного образования, финансируемые государством.

И. В. Родина*

Профессиональная коммуникативная компетентность как фактор виртуального образовательного пространства

Минимальным уровнем образования, необходимым для выживания человечества в XXI веке, становится высшее образование. С этим связано и увеличение числа студентов высших учебных заведений в нашей стране. Но обучение растущей массы студентов по очной (дневной) форме вряд ли способен выдержать российский бюджет. Поэтому рост числа студентов вечерней и заочной форм обучения, наблюдаемый в последнее десятилетие в России, следует рассматривать как положительный фактор. Можно предположить, что данная тенденция сохранится и в ближайшем будущем, с учетом развития дистанционной формы обучения, на которую во всем мире сделана огромная ставка, так как результаты общественного развития сегодня концентрируются в информационной сфере.

Обучение без отрыва от работы, независимо от временных и пространственных поясов, сегодня единственная возможность социальной стабильности индивида. Профессиональные знания стареют очень быстро, и именно дистанционное обучение, с использованием коммуникационной инфраструктуры дает возможность создать систему массового непрерывного обучения для обмена образовательной/научной информацией.

Принятие идеи построения в нашей стране европейского высшего образования ставит вопрос о развитии зоны эффективной информационно-коммуникативной компетентности, которая раскрывает широкую возможность улучшения академической мобильности студентов и преподавателей, как фактической, так и виртуальной.

Особую роль информационно-коммуникативная компетентность играет в процессе виртуального обучения. Весьма ценным в этой связи является, на наш взгляд, разработка специальных информационно-коммуникативных технологий – ядра современного

* **Ирина Владимировна Родина** – д-р социол. наук, профессор, доцент кафедры социологии социальной работы Российского государственного социального ун-та (г. Москва).

образовательного процесса, реализуемых в системе субъект-субъектных отношений как их специфики, и с этим качеством связаны соответствующие сущностные параметры.

Процедурное значение этих технологий в образовательном виртуальном процессе состоит в одновременном решении следующих задач:

- в определении эффективных для решения образовательных задач средств и способов обмена информацией между студентами/преподавателями, студентами/студентками, преподавателями/преподавательницами в зоне дистанционного обучения;
- в обеспечении релевантности этой информации (смыслового соответствия информационных запросов и полученных сообщений).
- в выборе техник межличностного взаимодействия, которые подкрепляют обмен информацией и в наибольшей степени содействуют коммуникативному сотрудничеству.

В реализации этих задач важную роль играет *профессиональная коммуникативная компетентность преподавателей*, которая предполагает наличие у них трех блоков когнитивного знания. Содержание первого блока составляют профессиональные знания. Второй блок включает систему знаний о сущности и особенностях психических процессов межличностного общения. Третий блок по своему содержанию включает знание преподавателями коммуникативных техник/приемов межличностного и личностно-группового взаимодействия. Связь этих трех блоков определяет уровень профессиональной коммуникативной компетентности преподавателей высшей школы.

Повысить профессиональную коммуникативную компетентность преподавателей высших профессиональных образовательных учреждений до необходимого и достаточного уровня возможно при следующих условиях:

- открытости внешнему влиянию и осознании необходимости саморазвития с учетом постоянно возникающих изменений в образовательной среде (участие в программах «личного роста»);
- организации собственной деятельности в построении субъект-субъектных отношений в образовательной системе;
- готовности к познанию соответствующих разделов психолингвистики для освоения навыков письменного и символического формулирования сообщений при работе в виртуальных коммуникациях.

Модернизация образовательного процесса в России вообще и развитие дистанционной формы обучения в частности, в первую очередь, повышает требования к профессионализму преподавателей в сфере информационно-коммуникативной компетентности.

О. В. Рыжкова*, Е. А. Черненко**

Музей как ресурс для развития образовательного пространства и туристической привлекательности города

Осмыслению места музея в социокультурном пространстве современной России посвящено достаточно большое количество научных работ музееведов, историков, культурологов, социологов. Они акцентируют внимание на различных аспектах деятельности музеев. Между тем работ, анализирующих деятельность музеев отдельных городов, нацеленную на развитие образовательного пространства и формирование туристической привлекательности города и региона, практически нет. Поэтому опыт такого анализа на примере Нижнего Тагила, одного из промышленных центров Урала, города с давними музейными традициями, представляется актуальным.

В Нижнем Тагиле к концу XX века сформировалась достаточно разветвленная сеть музеев, в фондах которых сосредоточено значительное количество историко-культурного наследия Уральского региона. Если в 1990 г. в городе работало 40 музеев, то сегодня – 85, в том числе 3 муниципальных, 72 учебных, 10 ведомственных [См.: 4]. Общее количество подлинных предметов хранения в музеях города составляет более 600 тысяч единиц. Ежегодно с музейными экспозициями знакомятся более 200 тысяч гостей и жителей города [См.: 2].

Зафиксирована положительная динамика численности посетителей муниципальных музеев. Если в 1990 г. их было 74 277, то в 2005 г. – 147 385. Вдвое увеличилось количество посещений взрослым населением. По-прежнему наиболее активными посетителями музеев являются учащиеся школ, училищ, студенты, дошкольники (Табл.).

Музеями города накоплен большой опыт сотрудничества с образовательными учреждениями разных типов. Однако проведенные

* **Ольга Васильевна Рыжкова** – канд. ист. наук, замдиректора по научно-методической работе Социально-гуманитарного ин-та (г. Нижний Тагил).

** **Екатерина Алексеевна Черненко** – студентка 5-го курса Социально-гуманитарного ин-та (г. Нижний Тагил).

социологические опросы студентов и школьников, беседы с учителями школ и преподавателями вузов выявили проблемы, которые препятствуют более эффективному включению музеев в образовательное пространство города. В 2007 г. были опрошены студенты 6 факультетов НТГСПА III курса дневного отделения (44 юношей и 200 девушек). Опрос выявил наиболее посещаемые музеи города: краеведческий (в нем побывали 92,6 % опрошенных), Музей изобразительных искусств (73,3 %). Респонденты указали на следующие причины редкого посещения музеев: «нехватка времени» – 69 % опрошенных, музейная скука – 61 %, дороговизна билета – 55 %, отдаленное расположение музея от местожительства – 54 %, редкое обновление экспозиции – 48 %. На вопрос о необходимости включения потенциала музеев в образовательный процесс 67 % студентов дали положительный ответ, 11,8 % – отрицательный, 20,4 % – затруднились с ответом. Для выполнения задания по культурологии в музей ходили 47,9 % опрошенных, по Отечественной истории 27 %, по истории Урала – 18,4 % [3]. Аналогичное социологическое исследование было проведено среди учеников шестых (11–12 лет) и десятых (15–16 лет) классов МОУ СОШ № 81 г. Нижнего Тагила. Все опрошенные (61 чел.) посетили краеведческий музей, Музей изобразительных искусств, музей Черепановых, «Господский дом», Музей бронетанковой техники УВЗ [См.: 1. С. 327]. Посещение музеев помогает школьникам выполнять задания по истории, литературе.

Преподаватели города считают, что оптимизировать отношения музеев с образовательными учреждениями помогут следующие меры: расширение тематического разнообразия предлагаемых музеями экскурсий; разработка новых и корректировка существующих тематических абонементов для разновозрастных групп; открытие/возобновление постоянно действующих при музеях лекториев; организация волонтерского движения.

В изучаемый период расширились информационные возможности музеев. Муниципальные музеи имеют свои сайты, ряд школьных – страницу на сайтах школы. Связь с городским сообществом музеи осуществляют также через местные СМИ. Однако ресурсы СМИ используются недостаточно, о чем свидетельствует анализ публикаций в газете «Тагильский рабочий». Контекст-анализ газеты за 1993, 1998, 2000, 2005 г. выявил 217 статей о музеях, тематически сгруппированных в 6 блоков: выставки в музеях города (62 статьи), выездные мероприятия (42), пополнение фондов музеев (29), участие в конференциях (24), издательская деятельность (35), награды музеев (25). Наблюдается положительная динамика в количестве статей: в 1993 г. – 30 статей; 1998 г. – 51; 2000 г. – 40; 2005 г. – 96. Уровень освещенности деятельности разных музеев

различен. О Музее изобразительных искусств за указанные годы опубликовано 58 статей, музей-заповеднике «Горнозаводской Урал» – 38, ведомственных – 3, школьных – 3 [См.: 5. С. 194]. Газета чаще ограничивается публикациями заметок, репортажей своих корреспондентов, редко предоставляя место руководителям, научным сотрудникам, посетителям музеев для проблемных, развернутых статей.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Музеи Нижнего Тагила можно рассматривать как значимый ресурс для развития образовательного пространства и туристической привлекательности города.

2. В динамике культурно-образовательной деятельности музеев за последние годы отмечены как положительные, так и отрицательные тенденции.

3. Социальный портрет современного посетителя музея претерпел значительные изменения, без учета которых эффективное взаимоотношение музея и городского сообщества невозможно.

4. Для привлечения посетителей музеи должны шире предлагать интерактивные формы общения, использовать современные музейные технологии.

5. Регулярный мониторинг посетителей музеев и их культурно-образовательных запросов может активизировать КОД музеев. Социологическую помощь музеям могут оказать студенты СГИ НТГСПА, обучающиеся по профилю «социология».

6. Следует разработать научную концепцию включения всех существующих в городе музеев в единое образовательное пространство.

7. Для эффективной, отвечающей современным требованиям работы необходима модернизация музейной инфраструктуры. Без финансовой поддержки муниципалитета, спонсорской помощи это осуществить невозможно.

8. Для формирования положительного имиджа музеев, их более широкой востребованности образовательными учреждениями города, привлекательности как для отечественных, так и зарубежных туристов музеям следует проводить более активную рекламную, презентационную деятельность. Для этого следует эффективнее использовать информационное пространство города, СМИ. Возможно, инициировать создание специализированной газеты, знакомящей гостей и жителей города с музейным пространством, анонсирующей новые выставки, другие события из жизни музеев.

9. Реализация мер, предусмотренных принятой в 2007 году концепцией развития сферы культуры в городе Нижний Тагил на 2007–2017 годы, позволит сформировать в городе крупный исто-

рико-технический и культурно-досуговый центр, в том числе с многообразными формами музейной работы, что будет способствовать включению города в российские и международные туристические маршруты.

Литература

1. *Иванова А. С.* Представления тагильских школьников о роли музеев в современном образовании // Шаг в историческую науку. Опыт отечественных и зарубежных модернизаций: Материалы региональной научно-практической конференции студентов и аспирантов. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 7.
2. Концепция развития сферы культуры в городе Нижний Тагил на 2007–2017 годы от 24.09.2007 № 1100. – [Режим доступа: <http://www.ntagil.ru>].
3. *Рец О. С., Черненко Е. А.* Представления студентов о роли музея в современном образовании // Шаг в историческую науку. Опыт отечественных и зарубежных модернизаций: Материалы региональной научно-практической конференции студентов и аспирантов. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 7. – С. 342–343.
4. *Рыжкова О. В.* Музей в социокультурном пространстве города (по материалам Нижнего Тагила) // III Русановские чтения: всероссийские общественно-исторические чтения им. В. Н. Русанова (22 августа 2008 г., г. Оса). Вып. 3 / Под общ. ред. Т. В. Сапожниковой; науч. ред. А. М. Белавин. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т. 2008. – С. 95–97.
5. *Худякова А. В.* Музеи Нижнего Тагила в зеркале СМИ (по материалам газеты «Тагильский рабочий») // Ученые записки Нижнетагильской социально-педагогической академии. Общественные науки / Отв. ред. О. В. Рыжкова. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2008.

Таблица

Численность посетителей муниципальных музеев г. Нижний Тагил по категориям населения с 1990 по 2005 г.

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.
Школьники	38 882	49 520	47 205	58 451
Студенты	1453	1945	4178	6609
Учащиеся СПТУ	897	1137	1100	1203
Дети дошкольного возраста	4624	6151	6352	13 938
Взрослые	32 583	71 081	36 677	67 184
Итого	74 277	129 834	93 343	147 385

Источник: [3].

А. Г. Сарбаева*

Научные кадры в Республике Башкортостан: гендерный аспект

Источником данных о гендерной динамике кадровых процессов в науке и научном обслуживании является статистика занятости, а также статистика подготовки кадров для науки в аспирантуре и докторантуре, которая ведется Госкомстатом РФ и Республики Башкортостан. В научной литературе существует две точки зрения на гендерные процессы в научной сфере. Первая – в науке интенсивно идет процесс феминизации (увеличения доли работающих в ней женщин), что является негативным процессом. Он свидетельствует о том, что наука превращается в сферу вторичной занятости, непрестижность и уровень оплаты труда в которой способны привлечь только женщин как вторичную рабочую силу. Кадровый потенциал науки вследствие этого снижается. Способности женщин к научным исследованиям и результативность их деятельности ниже, чем у мужчин. Феминизация приведет к окончательной потере тех позиций отечественной науки, которые она занимала в советские времена.

Вторая точка зрения – большая доля женщин в научных организациях есть свидетельство того, что закрытая ранее в силу ряда причин сфера занятости стала доступной для женщин, она отражает процесс выравнивания гендерных возможностей, тот факт, что юридическое равенство прав превратилось в реальное (фактическое) равенство. Нереализованный ранее, но значительный интеллектуальный потенциал женщин с приходом их в науку сможет найти достойное воплощение. Женщины внесут свой весомый вклад в науку. В рамках этого подхода увеличение доли женщин, занимающихся научными исследованиями, рассматривается как один из показателей гендерного прогресса.

Какая бы точка зрения не была принята, остается много вопросов относительно участия женщин в научных исследованиях и разработках и их профессиональных перемещений. И первый вопрос, который требует анализа – это реальная гендерная динамика кадровых процессов. Можно ли утверждать, что российская наука

* *Алсу Галиевна Сарбаева* – соискатель кафедры прикладной и отраслевой социологии Башкирского государственного ун-та (г. Уфа).

действительно является феминизированной областью или имеет тенденцию к феминизации? Под феминизацией обычно понимается существенная гендерная асимметрия в занятости в пользу женщин, то есть такое преобладание в составе работников женщин, которое выходит за рамки их процентного распределения среди занятых в экономике и в населении.

Динамика первого из показателей – численности занятых в науке и научном обслуживании, отражает кризисные процессы в науке Башкортостана, характерные для всего периода трансформации и продолжающиеся с начала 2000-х годов. С 1990 г. по 2004 г. численность работников снизилась более чем в три раза – с 36,2 тыс. до 11,4 тыс. человек. Причем наиболее сильное падение (в два раза) произошло в период наиболее глубокого кризиса всей экономической и социальной системы российского общества, до середины 1990-х гг. Во второй половине 1990-х гг. и в начале 2000-х гг. происходило более медленное сокращение численности занятых. В отдельные годы даже наблюдался рост занятости по отношению к предыдущему году (2001 г., 2003 г.) На замедление процесса снижения занятости в науке повлияли произошедшая адаптация сотрудников, распространение среди них, особенно среди тех, кто имеет ученые степени, вторичной занятости как способа адаптации, завершившийся отток наиболее активной части работников, позитивная деятельность фондов поддержки научных исследователей.

Рассматривая другой показатель – число и долю женщин и мужчин, работающих в науке, можно утверждать, что отрасль «наука и научное обслуживание» может быть отнесена к таким отраслям экономики, в которых имеется гендерный баланс занятости. Доля работающих здесь женщин и мужчин приближается к их долям в составе населения и в составе рабочей силы. При этом гендерная динамика движения рабочей силы в отрасли показывает, что за период реформ соотношение долей мужчин и женщин по сравнению с другими отраслями экономики мало изменялось. Если в 1990 г. среди работников отрасли женщины составляли 50,5 %, то в 2004 г. – 52,4 %. Несмотря на рост доли женщин, отрасль нельзя считать феминизированной.

Профессиональная структура численности работников, занятых в науке и научном обслуживании, за рассматриваемый период не претерпела кардинальных изменений. Около половины работников составляют исследователи и техники, которые непосредственно заняты в исследовательском процессе, около 30 % – вспомогательный персонал, примерно пятая часть – прочие работники. Соотношение различных групп работников науки также практически не изменилось. На каждого исследователя в 1995 г. приходилось

0,2 техника, 0,8 человек вспомогательного персонала; в 2006 г. – 0,2 чел., 0,7 чел., соответственно.

Численность исследователей весь рассматриваемый период снижалась. В 1995 г. в сфере науки и научного обслуживания было занято всего 5712 работников категории «исследователи», в 2007 г. – 3390 человек, то есть произошло сокращение на 2322 человека или на 40,7 %. Сокращениехватило как женщин (на 1425 человек, или 47,8 %), так и мужчин (на 897 человек, или на 32,9 %). Однако, как видно, сокращение женщин было более выраженным. В результате доля женщин, занятых научными исследованиями и работами, сократилась с 52,2 % в 1995 г. до 46,0 % в 2006 г., а мужчин – выросла с 47,8 % до 54,0 %.

Анализ других показателей, которые характеризуют качественный состав исследователей, а именно число и доля работников, которые имеют ученые степени кандидата и доктора наук, показал, что в рассматриваемый период качество научных сотрудников-женщин улучшилось. Выросло число исследователей женщин со степенями кандидата и доктора наук, а также их доля в составе исследователей. В 1995 г. среди кандидатов наук женщин было 30,6 %, в 2007 г. – 43,5 %, докторов наук – 11,3 % и 22,0 %, соответственно. Число докторов наук женщин росло более быстрыми темпами, их рост составил 3,3 раза, а кандидатов только 1,1 раза. Среди мужской части научных работников число докторов растет, а кандидатов падает.

В совокупности приведенные данные косвенно свидетельствуют о том, что, вероятнее всего, в мужской части исследователей притока новых сотрудников нет или он ограничен: «старые» работники со степенью кандидата защищают докторские диссертации и переходят в новую группу, а защит кандидатских из-за отсутствия притока молодежи не происходит. В женской части, наоборот, приток новых работников, вероятнее всего, существует, что и отражается в росте числа кандидатов наук. Кроме того, косвенно это свидетельствует о том, что из области научных исследований все эти годы уходили женщины, не имеющие ученых степеней, и оставались наиболее перспективные исследователи-женщины, которые уже имели ученую степень кандидата и обладали потенциалом дальнейшего профессионального роста. Потенциал реализовывался в защите докторских диссертаций.

Важным показателем гендерных особенностей профессиональных перемещений научных работников является динамика численности и доли женщин и мужчин по отраслям наук. Численность исследователей женщин сокращается во всех отраслях наук. При этом за последние 10 лет структура их распределения по отраслям наук мало изменилась. Исследователи женщины больше всего ра-

ботали и продолжают работать в технических (1996 г. – 53,9 %, в 2007 г. – 46,3 %) и естественных (в 1996 г. – 32,9 %, 2007 г. – 32,5 %) науках. Наиболее заметные изменения – снижается доля работающих женщин в технических науках и повышается – в медицинских науках.

Рассмотрим гендерные особенности показателей подготовки кадров для науки через систему аспирантуры и докторантуры. Несмотря на снижение занятости в науке и научном обслуживании, низкий престиж научной деятельности, динамика численности обучающихся в аспирантуре положительная: за период с 1995 г. по 2007 г. число аспирантов увеличилось в три раза – с 828 до 2574 человек.

Ведущую роль в подготовке аспирантов в республике играют высшие учебные заведения: численность обучающихся здесь аспирантов в несколько раз превышает численность обучающихся в аспирантуре научно-исследовательских институтов. Результативность работы аспирантуры, если судить по такому показателю, как число выпущенных аспирантов с защитой диссертации, была и остается очень низкой, хотя и имеется тенденция к повышению. Доля защитившихся в числе завершивших обучение составляла в 1995 г. – 32,6 %, а в 2007 г. – 39,5 %, что выше среднего российского показателя (около 30 %).

Гендерный состав обучающихся в аспирантуре характеризуется относительной симметрией и мало изменился за последние десять лет. Доля женщин в аспирантуре достаточно высокая (43,6 %, 2007 г.), хотя и ниже доли в составе населения. Женщины-аспирантки преобладают в большинстве общественных и гуманитарных наук. Наиболее феминизированные области наук, по которым готовятся аспиранты: социология (78,0 % для 2007 г.), филология (68,7 %), биология (62,2 %), педагогика (60,5 %), философия (57,6 %). Области наук с наибольшей асимметрией в пользу мужчин – технические (21,2 %) и физико-математические (29,9 %). Гендерная динамика по отраслям науки за период 1995–2007 гг. – противоречивая: в некоторых отраслях доля женщин растет, а в других падает.

Ведущую роль в подготовке докторантов, также как и аспирантов, играют высшие учебные заведения, в них обучалось в десятки раз больше соискателей ученой степени доктора наук, чем в научно-исследовательских институтах. Результативность докторантуры по показателю выпуска с защитой, также как и в аспирантуре, является низкой. Доля защищающихся в срок, по завершении обучения, составляла в 1995 г. 28,7 %, а в 2007 г. – 11 %, что ниже среднероссийского показателя (около 30 %). Оценить ген-

дерные различия результативности докторантуры не представляется возможным из-за отсутствия данных.

Завершая рассмотрение статистических показателей профессиональной мобильности научных кадров, подчеркнем, что имеющиеся данные не позволяют оценивать кадровое состояние науки в республике в начале 2000-х годов как феминизированное, ее динамика за 1995–2007 гг. также не дает оснований делать выводы об имеющихся тенденциях к феминизации. Скорее, показатели профессиональной мобильности показывают вытеснение из научной сферы женщин, которые непосредственно занимаются исследованиями и разработками, при этом качественный состав работающих женщин, отражаемый в числе и доле сотрудников с учеными степенями, повышается.

Литература

1. Наука и информационные технологии Республики Башкортостан: Стат. сб. – Башкортостанстат. – Уфа, 2007. – С. 160.
2. Образование, наука и культура в Республике Башкортостан: Стат. сб. Госкомстат РБ. – Уфа, 1999. – С. 180.
3. Воспроизводство кадрового потенциала науки и высшего образования. – [Режим доступа: <http://www.researcher-at.ru/index.php?option=content&task=view&id=345&Itemid>. Дата цитирования 12.01.09].

Организация аттестации педагогических кадров: теория и опыт

Для современного образования аттестация – это реалья жизни. Более того, в самой системе образования существует довольно большое число объектов аттестации: образовательное учреждение, обучающиеся с их результатами освоения образовательных стандартов, образовательные программы, руководящие и педагогические работники. Понятие «аттестация специалистов» наиболее часто употребляется в теории управления персоналом.

Актуальность методики проведения аттестации педагогических кадров образовательных учреждений не вызывает сомнения, поскольку в настоящее время аттестация становится постоянно действующей процедурой в системе образования. Вопросы аттестации педагогических кадров остаются на сегодня ключевыми, потому что главная цель аттестации – управление качеством образования и социальная защита учителя. С одной стороны, аттестация позволяет избежать уравниловки в оплате труда, дающего различный результат, а с другой – стимулировать повышение квалификации сотрудников.

Основными задачами аттестации являются:

- стимулирование целенаправленного, непрерывного повышения уровня профессиональной компетентности педагогических и руководящих работников;
- обеспечение педагогическим и руководящим работникам образовательных учреждений возможности повышения уровня оплаты труда [См.: 3. С. 9].

Аттестация педагогических кадров играет важную роль в управлении образованием. Ей отводят различное место в структуре управления. Анализируя организацию управления образовательной системой, О. Е. Лебедев выделяет в ней «организационные структуры», «организационные стандарты» и «организационные технологии». Аттестацию кадров ученый рассматривает как одно из средств организационной технологии.

Рассматривая аттестацию в структуре управления, Т. Е. Ковина определяет ее как процесс стимулирования персонала к эф-

* *Марина Владимировна Селиверстова* – ст. преподаватель Сургутского государственного педагогического ун-та (г. Сургут).

фективной профессиональной деятельности. Также автор утверждает, что благодаря аттестации наблюдаются положительные результаты, а именно: рост количества учителей с высшим педагогическим образованием, увеличение количества хороших уроков, формирование системы повышения квалификации и улучшение качества методической работы, систематичность самообразования учителей. К числу недостатков в оценке аттестации Т. Е. Ковина отнесла отсутствие ее влияния на уровень оплаты труда педагога, субъективизм оценок и общий формальный характер процедуры [См.: 1. С. 14].

Отечественные исследователи рассматривают аттестацию педагогических работников «как часть образовательной системы, системы педагогической и управленческой деятельности, системы административных отношений, межличностного профессионального общения». При этом выделяются следующие элементы внутри самой аттестации как социальной, динамичной, открытой системы: 1) аттестуемые (работники, специалисты, руководители); 2) общественно-государственные институты, обеспечивающие реализацию задач и целей аттестации: а) администрация учреждения, б) аттестационные комиссии, в) эксперты, г) научно-методические центры (кабинеты); 3) органы управления (работодатели); 4) учащиеся, родители (объекты деятельности, продукты) [См.: 2. С. 20].

Подчеркивая значение аттестации, С. Г. Молчанов связывает аттестацию с «управлением качеством образования в рамках функционирования образовательной системы или органа управления образованием», называет ее «инструментом», причем управленческим инструментом оценивания. Н. В. Эмануилова определяет аттестацию как механизм внутреннего контроля за результатами профессиональной деятельности.

Таким образом, все авторы обращают внимание на то, что целостность этой системы проявляется в том, что названные элементы приобретают новые свойства внутри нее и только все вместе составляют целое.

На сегодняшний день в контексте педагогической науки аттестация рассматривается как системное явление: а) предстает подсистемой нескольких систем – образования, образовательного учреждения, системы управления, системы оценки; б) включает в себя в качестве элементов людей, выступающих в определенных социальных ролях; в) деятельность этих людей имеет собственную системную организацию, то есть специфическую цель, объект, предмет, средства и способы [См.: 1. С. 12].

Аттестация педагогических кадров в значительной степени призвана продвинуть качественное развитие образования. В течение последних пяти лет Департаментом образования и науки г. Сур-

гута, муниципальными органами управления образованием накоплен положительный опыт проведения аттестации педагогических кадров.

Организация аттестации педагогических кадров в городе Сургуте реализуется через:

1. Информационное сопровождение аттестационных процессов, которое включает: организацию учебы руководителей образовательных учреждений в рамках совещаний; проведение консультаций для аттестующихся работников; проведение индивидуальных и групповых консультаций для различных категорий работников по вопросам организации и проведения аттестации; организацию тематических заседаний методических объединений.

2. Методическое сопровождение аттестационных процессов, которое включает: изучение нормативных требований, инструктивных писем и методических рекомендаций о порядке и процедуре проведения аттестации с руководителями ОУ, их заместителями и руководителями методических объединений учителей-предметников; анализ проблем как педагога, впервые выходящего на аттестацию, так и тех, кто подтверждает квалификационную категорию; изучение затруднений в работе заместителей директоров и руководителей методических структур, курирующих процессы аттестации.

3. Постоянно действующий семинар с заместителями директоров образовательных учреждений, вырабатывающий рекомендации, которые доводятся до сведения администрации образовательных учреждений. Участники семинаров получают пакет документов, содержащих информацию по вопросам аттестации, что позволяет вести дальнейшую работу в ОУ и МО.

4. Формирование экспертных групп при городской аттестационной комиссии и в образовательных учреждениях, так как именно на них лежит ответственность за качество оценки практической составляющей деятельности учителя [См.: 3. С. 10].

Разработан план аттестации педагогов ОУ города Сургута, имеющий три раздела:

1. Нормативно-правовые мероприятия.
2. Организационные мероприятия.

3. Мероприятия по изучению хода подготовки и аттестации работников ОУ, экспертного и аттестационного этапов.

Таким образом, аттестации постепенно отводится развивающая роль, то есть аттестующиеся в процессе оценивания их деятельности ожидают не только констатации факта выполнения или невыполнения требуемых квалификационными характеристиками педагогических задач, но и определяют дальнейший вектор своего профессионального развития.

Одновременно анализ позволил выделить проблему в самой методической деятельности, связанную с отсутствием согласованных подходов к обобщению и систематизации профессионального опыта с целью его последующей трансляции.

К наиболее трудно решаемым вопросам методического сопровождения процесса аттестации в городе можно отнести следующие:

- недостаточно эффективна деятельность методических служб и администраций образовательных учреждений по организации изучения нормативно-правовой базы аттестации, оказанию помощи в проведении объективного анализа работником своей профессиональной деятельности и ее обобщения, стимулированию и планированию аттестационных процессов;

- остаются факты не подтверждения заявленной педагогом квалификационной категории из-за сформировавшейся завышенной самооценки уровня своего профессионализма и квалификации, что, в свою очередь, является следствием слабой связи внутришкольного контроля и аттестационных процессов. И наоборот, недооценка своих профессиональных качеств, занижение оценки своей профессиональной деятельности, неумение использовать в работе свои сильные стороны, как следствие слабо организованной методической деятельности, также снижает развивающий потенциал аттестации;

- зафиксированы случаи некачественных заявлений, не раскрывающих особенности творческой деятельности и не позволяющих аттестационной комиссии оценить уровень развития педагогической деятельности в целом. Проблемой экспертного этапа является низкое качество проведения экспертизы продуктивности и профессионализма профессиональной деятельности из-за недостаточного количества подготовленных экспертов [См.: 4. С. 30].

Сегодня с уверенностью можно сказать, что аттестация педагогических и руководящих кадров в ХМАО действительно стала стимулом роста мастерства педагогов. Аттестация стимулирует учителя, дает возможность самореализации, позволяет выявить больше заинтересованных, талантливых, творческих учителей.

Таким образом, в Департаменте образования и науки организация аттестации педагогических работников вписывается в контекст гуманистической парадигмы развития регионального образования, является органичной частью муниципального управления, выступает средством интеграции методической деятельности и аттестационных процессов в образовательных системах [См.: 3. С. 3].

1. Вариативные модели аттестации педагогических работников: Научно-методические рекомендации. – Великий Новгород: НРЦРО, 2002.

2. Моделирование и экспертиза педагогического опыта: Монография / Т. А., Гусев А. Г. Каплунович, Е. А. Федорова, Л. А. Филиппова. – Великий Новгород: НРЦРО, 2001.

3. Сборник нормативных документов и методических рекомендаций по вопросам аттестации педагогических и руководящих работников образовательных учреждений ХМАО – ЮГРА (Ч. 1). – ГУИПП «Полиграфист», 2000.

4. Сборник нормативных документов и методических рекомендаций по вопросам аттестации педагогических и руководящих работников образовательных учреждений ХМАО – ЮГРА (Ч. 2). – ГУИПП «Полиграфист», 2003.

Образование как средство достижения социального согласия

В основе социального согласия лежат наличие общественно значимой цели, разделяемой участниками социального диалога, а также признание партнера по диалогу как равного. В условиях нарастания социальной напряженности в обществе, что к тому же усугубляется мировым экономическим кризисом, возрастает значимость исследований следующих проблем социологии образования: образование как условие социального диалога; образование в качестве фактора, способствующего достижению социального согласия в обществе и т. п.

В этом плане большое значение приобретает наличие соответствующих компетенций, формируемых в ходе образовательного процесса. Безусловно, одними из таких компетенций являются *коммуникативная и конфликтологическая*. Хотя эти компетенции предполагают формирование практически одинаковых качеств и свойств личности, все же имеет смысл их развести. Так, коммуникативная компетентность означает овладение знаниями и навыками общения, в том числе и в области межкультурного взаимодействия. Под конфликтологической компетентностью понимается знание основ конфликтологии, способность и умение конструктивно разрешать конфликтные ситуации, управлять конфликтами, использовать их в целях развития организационной структуры, личности, а также умение выстраивать коммуникацию в конфликтном взаимодействии.

Поэтому важным для социологии образования является вопрос: в какой мере система обучения формирует подобные качества и свойства человека? Для ответа на этот вопрос необходимо проведение соответствующих исследований, в том числе и кросс-культурных. К сожалению, в настоящее время такого рода исследования являются редкостью. Одна из причин этого – неразработанность методологических подходов к такого рода исследованиям.

В настоящее время недостаточным оказывается использование опросов, наблюдения и т. д., то есть методов, ставших тра-

* *Нина Дмитриевна Сорокина* – профессор Российского государственного технологического ун-та им. К. Э. Циолковского – «МАТИ» (г. Москва).

диционными для социологической науки. Сейчас стиль социологического мышления все в большей мере начинает находиться под влиянием «неклассической» и «постнеклассической» парадигм. Если «классический» подход акцентирует внимание главным образом на объекте познания (а субъект познания оказывается ему противостоящим), то «неклассический» – учитывает соотношенность знаний об объекте со средствами деятельности как условием познания. «Постнеклассическая» парадигма, помимо этой соотношенности, включает еще в анализ ценностно-целевых структур деятельности, что приводит к проблеме ответственности субъекта, в том числе и познающего.

Соответственно меняется роль исследователя. Так, в «классической» парадигме, например, позитивизме, происходит дистанцирование от объекта исследования. Но в последнее время появляются различные подходы, в которых роль исследователя становится *принципиально* другой. К примеру, можно назвать такую стратегию получения знаний, как «исследование действием», в основе чего лежит «инсайдерская» включенность исследователя в анализируемый процесс, а его роль характеризуется «близостью» к полученным данным.

Рассмотрение проблем достижения социального согласия требует использования социокультурного, социокоммуникативного, социолингвистического подходов, поскольку существенным в данном случае оказывается изучение языка сообщения, с помощью которого происходит коммуницирование партнеров по общению. Так, важным условием социального диалога является использование семантических оборотов, исключающих наличие конфликтной риторики, конфликтных выражений. Обнаружить их в текстовых сообщениях можно посредством разработки соответствующего инструментария, что, в свою очередь, предполагает разработку индикаторов для измерения уровня конфликтности текста (будь то письменная или устная речь). В качестве таковых индикаторов можно предложить следующие:

- степень жесткости (агрессивности) выражений;
- наделение партнера по общению негативными характеристиками, навешивание ярлыков;
- степень пренебрежительности высказываний, выраженных в сарказме и т. п.;
- степень эмоциональной насыщенности текстового сообщения и т. д.

Изучение текстовых сообщений по этим критериям позволяет выявить уровень конфликтности, препятствующий достижению социального согласия. Для изучения проблемы межкультурного вза-

имодействия важно также выявление конфликтных структур, связанных с национальными стереотипами.

Здесь надо подчеркнуть, что речь идет не о том, чтобы добиваться нулевого уровня конфликтности; нужен ее приемлемый уровень, поскольку конструктивное конфликтное взаимодействие в ряде случаев бывает полезным в социальном диалоге.

Сочетание различных подходов к исследованиям позволяет исследователю глубже проникнуть в суть изучаемого явления. Очевидно, что такого рода исследования могут способствовать расширению рамок конфликтологического обучения, которое в настоящее время находится в стадии своего скорее становления, нежели развития.

Отторжение знаний как мультикультурный феномен образования

Нежелание индивидов осваивать новые знания является сегодня мультикультурным феноменом не только в системе образования, но и во всей социетальной общности. Исследователи Йельского университета, пытаясь оценить масштабы и причины интуитивного массового отторжения научных знаний, даже ввели понятие «сопротивление науке» [7]. Ученые считают, что «сопротивление науке» в той или иной мере присуще всем народам и культурам. А проистекает оно из двух базовых особенностей, прежде всего, детской психики. Первая связана с тем, что дети знают «изначально», вторая – с тем, как они усваивают новые знания. Здесь играют роль, с одной стороны, свойственная детям убежденность в том, что все в окружающем их мире – результат чьей-то целенаправленной деятельности, а, с другой стороны, – детский интуитивный дуализм (различие между материальным и духовным по их функциональному предназначению; например, тело и душа, мозг и сознание в детском восприятии взаимодействуют как разные, невзаимосвязанные сущности).

В результате некоторые детские предрассудки оказываются настолько стойкими, что даже школьное образование не позволяет их преодолеть. Так, многие студенты американских колледжей убеждены, что шарик, выкатившийся из кривой трубки, будет двигаться по искривленной траектории.

В целом, по выводам А. В. Маркова, «сопротивление науке» зарождается из противоречий между интуитивными представлениями маленьких детей и тем, чему их учат позже. Затем это «сопротивление» переходит из детства во взрослую жизнь и укрепляется по отношению к тем научным взглядам, которые не имеют всеобщей поддержки в обществе [4]. Всеобщую же поддержку приобретают только те знания, которые репрезентируются авторитетными для индивидов людьми. Благодаря интеллектуальной власти авторитета люди принимают «на веру» и активно артикулируют даже те понятия, о сути которых не догадываются.

* *Татьяна Владимировна Филипповская* – канд. пед. наук, доцент кафедры социологии и социальной психологии УрГЭУ (г. Екатеринбург).

В результате в США уже не один год обсуждается тезис об «оглулении страны» [6]. По данным социологического опроса, проведенного в 2005 г. National Geographic и Roper, почти половина американцев в возрасте 18–24 лет не считает необходимым знать, где находится страна, в которой происходят те или иные важные события. Более трети респондентов заявили, что знать иностранные языки «совершенно незначительно», и лишь 14 % сочли это «очень важным». Особую тревогу автора используемого нами аналитического обзора вызывает даже не столько отсутствие знания как такового, сколько то, что люди кичатся своим невежеством. Он утверждает, что такой антирационализм просто опасен для его страны.

Интерес в этом ракурсе могут вызвать рассуждения А. Штейнзальца и А. Функинштейна, исследовавших проблемы «социологии невежества». Авторы отмечают, что, с одной стороны, невежество, как и знание, имеет своим источником совокупность условий, общую структуру социума, которая зависит не столько от осознанных формулировок, сколько от полубессознательных концепций руководителей общества и управляющих обществом сил. Однако, с другой стороны, существует намеренное и сознательное невежество, насаждаемое при помощи хорошо отлаженного механизма, предназначенного для того, чтобы способствовать торжеству невежества – либо посредством сокрытия информации о тех сферах бытия, о которых члены общества ничего не знают или не должны ничего знать, либо посредством хорошо организованной цензуры, скрывающей факты от населения, либо посредством социальных концепций, утверждающих, что определенные знания недоступны для всех или запретны [5. С. 7].

В российской социологии образования феномен отторжения знаний, как отдельная категория, изучен недостаточно. Однако, в педагогике и психологии глубоко исследованы такие сопутствующие отторжению знаний явления, как «нежелание учиться», «низкий уровень мотивации учебной деятельности», а в актуальных практиках – функциональная неграмотность. Эта «чума XXI века» [3] не адекватна нашему традиционному представлению о неграмотности. Она связана, прежде всего, с неумением индивида, знающего буквы, понимать и применять на практике прочитанный текст.

В современных исследованиях функциональная неграмотность рассматривается шире и в разных смыслах. С. Г. Вершловский и М. Д. Матюшкина здесь выделяют: вторичную неграмотность человека, ранее владевшего соответствующими знаниями и умениями, но утратившими их в результате «невостребованности»; неразвитость определенных умений и прикладных знаний в силу недостатков школьного образования; повышение по мере развития общества социальных требований к уровню функциональной гра-

мотности специалистов-практиков, в результате чего люди не соответствуют новым стандартам грамотности; неграмотность в выполнении новых функций в профессиональной деятельности (например, экономическая, компьютерная, правовая неграмотность) [2].

Для нас же в рамках рассуждений о феномене отторжения знаний особое значение имеют причины, связанные с нежеланием индивида осваивать знания.

Анализ эссе 102 студентов двух университетов – государственного и негосударственного, обучающихся на разных курсах (с 1 по 5) и по разным специальностям социально-гуманитарного профиля, проведенный в декабре 2008 – январе 2009 г., позволил конкретизировать ряд тенденций, которые нуждаются в дальнейшем эмпирическом подтверждении.

Студентам предлагалось в свободной форме представить свои рассуждения о причинах, из-за которых они не хотят осваивать научные знания по тем или иным предметам, готовиться к семинарским занятиям, пропускают лекционные занятия или симулируют на них учебную активность.

Первую выявленную тенденцию хотелось бы определить как «внутренняя» (психологическая, осознанная, принятая как рациональная в индивидуальной поведенческой практике) тенденция к отторжению знаний. Она связана с нежеланием «принимать» знания («записываю слова лектора, но ничего не запоминаю», «делаю вид, что веду конспект, а сама думаю о своем», «иногда я просто не могу заставить себя учиться»), и с двумя условиями: 1) жесткое дисциплинарное требование присутствия студента на занятиях (связано с личностью преподавателя и (или) отражением посещаемости занятий на итогах промежуточного рейтинга); 2) то, что студенты назвали «моя собственная лень», «не нравится преподаватель», «преподавателю самому не интересен его предмет», «меня еще со школы «тошнит» от математики», «слишком трудный материал», то есть, знание «проходит мимо», так как сформировалась внутренняя психологическая установка на отказ от его восприятия. В большинстве случаев эта установка подкреплена жестким дисциплинарным контекстом, не согласованным с внутренним мотивацией студента посещать занятия.

Вторую тенденцию можно было бы назвать «внешней тенденцией отторжения знаний». Она также связана с двумя условиями: 1) рациональная, с точки зрения индивида, оценка студентами перспективной значимости изучаемого предмета в будущей профессиональной деятельности. Описывается с помощью утверждений: «из 40 предметов, которые мы изучали, только 5–6 пригодятся на практике», «есть предметы – лишняя трата времени», «нет баланса теории и практики: одна «сухая» теория»; 2) равно-

ценное с первым по значимости в эссе студентов – личность преподавателя и его профессиональное мастерство. Причины отторжения знаний здесь описываются через утверждения «лектор читает лекцию по тексту своего (чужого) учебника, а я читаю умею», «читает лекцию, не отрывая взгляд от монитора ноутбука, не обращая внимания на студентов», «преподаватель «гонит заумь», а когда просишь объяснить, обижается: как можно не понять очевидное?», «невозможно «впихнуть» в себя такое количество информации, как требуют все преподаватели».

Третью тенденцию можно было бы определить как тенденцию подсказки: что нужно делать, чтобы знания студентами не отторгались. «Подсказки» здесь описываются через утверждения: «мне предмет интересен тогда, когда я хорошо начинаю в нем разбираться, а понимать начинаю тогда, когда понимаю процессы, следствия и причины», «не делю предметы на нужные и ненужные, а делю на интересные и неинтересные», «нужны все предметы, так как не знаешь, с чем столкнешься, когда закончишь университет, поэтому лучше знать, где потом взять информацию», «стараясь брать из разных областей знаний хотя бы минимум информации для общего развития».

Следует отметить, что эссе, в которых даны рассуждения-подсказки, были написаны студентами, владеющими правилами русской орфографии и синтаксиса. То есть, функционально грамотными людьми. Их предложения представляют интерес, прежде всего, для менеджеров образования. Например, более жестко конкретизировать значимость той или иной дисциплины в процессе подготовки специалиста-практика. Исключить из учебного плана дисциплины, которые, по сути, могут быть освоены только за 2–3 семестра, а по факту представлены объемом в 24–28 часов. Такой объем студенты определяют как формальный, а отсюда формализуется и отношение к предмету. Однако, есть дисциплины, которые представлены ничтожным количеством часов, но реально воспринимаются студентами как нужные для саморазвития. Например, психология и педагогика. И это явно связывается с симпатией к преподавателю и ощущением обиды: не дано время на то, что хочется узнать и освоить.

Но самой значимой подсказкой является высказываемое фактически во всех эссе пожелание замены большого объема лекций на семинары-дискуссии, семинары-практикумы. Речь идет об активизации применения в педагогическом процессе современных педагогических технологий, которые помогают закрепить, продумать, представить ту информацию, которая имеется в учебниках, поэтому может быть первично освоена обучаемыми самостоятельно. Студенты видят способ борьбы с отторжением знаний в

изменении вузовской методики репрезентации знаний, эффективных формах организации осмысления, анализа и оценки взаимозависимости теории и практики.

Отметим, что реальный уровень психологического, физического и навыкового развития современных студентов, современная социокультурная динамика требуют коренных перемен в организации образовательного взаимодействия в диаде «преподаватель-студент». Не случайно З. Бауман, рассуждая о «текучей современности», подчеркивает, что самая нужная компетентность в нашем мире мнимых бесконечных целей – это компетентность опытного и неутомимого покупателя. Мы «покупаем» навыки, нужные, чтобы зарабатывать на жизнь, и средства убеждения потенциальных работодателей, доказывающие, что они у нас есть; мы покупаем имидж, который нам приглянулся, и способы заставить других поверить, что мы являемся теми, кем теперь выгядим [1. С. 82]. И современный студент, как это ни неприятно признавать, в чем-то более талантливый потребитель, чем его педагоги. Но, чтобы остаться его педагогами, нам придется кое-что изменить. Прежде всего, предстоит отказаться от восприятия «мира, в котором мы живем», как «пред-данного», и сосредоточиться на анализе «мира человеческой непосредственности» (стремлений, фантазирования, сомнений, реакций на частные события), как это рекомендовал А. Шюц. А далее попытаться понять, почему мы чаще рассматриваем отторжение знаний только как социокультурный феномен. То есть, артикулируем его на уровне чувственного опыта и созерцания. И делаем это вместо того, чтобы освоить уровень ноумена – «умопостигаемой сущности».

Литература

1. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008.
2. *Ááððëíáñêêé Ñ. Á., Íáðððêèà Í. Á. Óóíéóëíáëüíàü íááðáíð-íñðü áüíóñêéèêá øêîë // Ñíóëñ. 2007. ¹ 5. Ñ. 141.*
3. Жукова Т. Д. Функциональная неграмотность – чума XXI века. – [Режим доступа: http://www.ng.ru/education/2006-03-10/8_neg_ramotnost.html].
4. Марков А. В. Общество и наука: истоки неприятия // Экология и жизнь. – 2007. – № 9. – С. 17.
5. Штейнзальц А., Функенштейн А. Социология невежества: – М.: Ин-т изучения иудаизма в СНГ: Рос. науч. центр «Курчат. ин-т»; СПб.: МОИ, 1997.
7. Paul Bloom, Deena Skolnick Weisberg. Childhood Origins of Adult Resistance to Science // Science. – 2007. – V 316. – P. 996–997.
6. Джекоби С. (Susan Jacoby). Тупеющая Америка // The Washington Post. 2008. 20 февраля. – [Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/stories/07/04/27/3511/239749.html>].

А. И. Фишелева*

Возможности межкультурного взаимодействия студентов в курсе дисциплин культурологического цикла

Одной из актуальных проблем современного российского образования является проблема межкультурного взаимодействия в рамках образовательного процесса.

Большим потенциалом в решении данной проблемы обладают дисциплины культурологического цикла, так как их содержание наполнено материалом, позволяющим узнать о многообразии культур через знакомство с историей, религиями, традициями, обычаями, нравами, художественной культурой разных народов. В курсе таких дисциплин как, «Мировая художественная культура», «Этика», «Эстетика» и др. часто сочетаются далекие по содержанию разделы, темы, проблемы. Межкультурное взаимодействие в курсе культурологических дисциплин может осуществляться как в ходе лекций, практических и лабораторных занятий, педагогических практик, так и в рамках воспитательной работы на факультете, в вузе и за его пределами.

Особую значимость в решении проблемы межкультурного взаимодействия занимает курс «Художественная культура Урала», который охватывает большой пласт материала, посвященный художественной культуре народов Урала (ханты, манси, татар, башкир, коми-пермяков, удмуртов, русских и др.). Начиная с конца XVI в., и особенно в XVIII в., на Урале, наряду с коренными народами, стали проживать русские, а также переселенцы из разных частей России и из зарубежья. В силу объективных и субъективных причин этот процесс продолжается и в настоящее время.

В рамках преподавания курса «Художественная культура Урала» в Институте педагогики и психологии детства, а также на Факультете туризма и гостиничного сервиса Уральского государственного педагогического университета на практических занятиях студентам предоставляется возможность восполнить пробел в области межкультурного взаимодействия благодаря освоению раздела, посвященного художественной культуре коренных народов

* Алла Ивановна Фишелева – канд. пед. наук, доцент, завкафедрой туризма ф-та туризма и гостиничного сервиса УрГПУ (г. Екатеринбург).

Урала – прежде всего, хантов, татар, башкир. Студенты готовят сообщения о мифологии, праздниках, народных промыслах, декоративно-прикладном искусстве, сопровождая их мультимедийными презентациями и музыкальными произведениями. Наряду с мультимедийным видеорядом, студенты демонстрируют подлинные вещи (головные уборы, одежду, бытовую утварь, посуду). Неотъемлемой частью практических занятий является выполнение заданий на основе художественной деятельности (рисование, написание эссе, создание макетов, аппликаций и др.). Это, несомненно, способствует развитию познавательного интереса и познавательной активности, стимулирует к общению с носителями национальной культуры, посещению выставок, поиску информации в разных источниках (книгах, газетах, журналах, Интернет-ресурсах и т. п.). Все задания нацелены на будущую педагогическую деятельность. Так, студентам Института педагогики и психологии детства было предложено разработать рабочую тетрадь для дошкольников и младших школьников, которая бы отражала следующие особенности из жизни коренных народов Урала: жилище, посуда, предметы быта, костюм, орнамент, праздники. Работа над подбором иллюстраций, составлением заданий позволила будущим педагогам открыть много нового для себя, пережить эстетические эмоции от соприкосновения с прекрасным.

Студенты факультета туризма и гостиничного сервиса УрГПУ систематически в рамках разных видов практик и практических занятий по дисциплинам культурологического цикла посещают Уральский центр народных промыслов и ремесел г. Екатеринбурга. В центре постоянно проводятся разнообразные выставки, которые не только знакомят с носителями народной культуры, но и позволяют посетить мастер-классы по тому или иному направлению народного промысла, узнать о том, как готовились и проводили те или иные праздники.

Одним из важных аспектов межкультурного взаимодействия является посещение национальных праздников, концертов, встреч с носителями культуры. Так, в 2007–2008 гг. в Екатеринбургской музыкальной гостиной «Лея» (в одном из залов Музея истории Екатеринбурга) Л. В. Хацкелевич совместно с Советом по толерантности Свердловской области, Обществом грузинской культуры «Руставели», Обществом осетинской культуры имени Аслана-Гирея Галати, Свердловским обществом еврейской культуры «Атиква» был реализован проект «Музыка и кухня – язык толерантности». Проект состоял из трех отдельных вечеров, посвященных осетинской, грузинской, еврейской культуре. В 2009 году планируются вечера, посвященные армянской, украинской и татарской культурам.

Таким образом, организация межкультурного взаимодействия в ходе освоения дисциплин культурологического цикла в рамках аудиторных и внеаудиторных занятий не только расширяет кругозор, но и воспитывает такое важное личностное качество будущих специалистов образовательных учреждений, как толерантность, без которого, как показывает анализ социологической литературы и практики, полноценное продуктивное межкультурное взаимодействие невозможно.

Традиции и инновации в подготовке инженерных кадров

В современной России идет становление двухуровневой системы образования, ориентированной на вхождение в мировое образовательное пространство. Этот процесс сопровождается изменениями, как в педагогической теории, так и в практике учебно-воспитательного процесса высшей школы. Последняя должна ориентироваться на рынок труда, обогащаясь новыми компонентами, формируя профессиональные компетенции. Цель современного образования – подготовить мобильную, конкурентоспособную личность, и в этом существенная роль отводится инженерным вузам.

Важным этапом в развитии российского инженерного образования явилось создание системы технических университетов. Технический университет – та форма высшего технического учебного заведения, которая на современном этапе призвана готовить специалистов для научно-производственной, инженерно-экологической и управленческой сфер общественной деятельности. Современный технический университет представляет собой элитарное учебное заведение, в котором наряду с глубокими профессиональными знаниями студенты получают фундаментальную подготовку в естественнонаучных, общинженерных, социально-экономических и гуманитарных областях знания.

Студенты сегодня ориентируются скорее на получение социального статуса, а не конкретных знаний и умений. Об этом говорит тот факт, что примерно две трети выпускников вузов идут работать не по полученной специальности и, как правило, устраиваются на рабочие места, где не требуется высшего образования, а нужна просто общая культурная подготовка.

Ярким примером такого положения дела являются педагогические вузы, которые дают своим выпускникам хорошую общекультурную подготовку, гарантирующую получение высокооплачиваемой работы. Не каждый выпускник любого другого вуза готов к работе с людьми, владеет ораторскими, коммуникативными и управленческими навыками.

* *Татьяна Анатольевна Фугелова* – канд. пед. наук, доцент Тюменского государственного нефтегазового ун-та (г. Тюмень).

Именно фундаментальная подготовка создает основу для усвоения последующего профессионально-прикладного учебного материала, развивает творческие способности и системное мышление, вооружает методами получения знаний, способствует становлению и совершенствованию научного мировоззрения, повышает уровень профессиональной и общей культуры будущего специалиста.

Но при этом не следует ограничивать объем профессиональных дисциплин. Современные образцы техники, высокие технологии могут создавать только специалисты, хорошо подготовленные как инженеры. Такая подготовка ведется на старших курсах университета, когда специальные дисциплины изучаются с опорой на те фундаментальные знания, которые были усвоены студентами на предыдущих курсах.

Возрастающая сложность современных технических систем и устройств, рост функциональных возможностей повышает их надежность, упрощает управление, требует при их разработке развитого нестандартного мышления.

В связи с этим происходит изменение функций инженерной деятельности, меняются требования к профессиональным и личностным качествам выпускника высшего технического учебного заведения. Труд современного инженера становится все более творческим, по характеру своей деятельности приближаясь к деятельности ученого, менеджера, педагога.

Все это дает возможность говорить о целесообразности выделения в структуре инженерной деятельности самостоятельной педагогической функции, поскольку решения инженера носят не только производственный характер, но и выполняют социальные, воспитательные задачи.

Эффективное управление производственным коллективом возможно лишь при постоянном осуществлении руководителем педагогических функций на всех стадиях управленческой деятельности (от постановки цели, задач, планирования, непосредственного руководства до оценки работы).

Существующий в Государственном образовательном стандарте курс «Психология и педагогика» не обеспечивает должной подготовки инженеров в плане формирования тех компетенций, которыми должен обладать современный инженер как педагог, воспитатель, управленец. Это, прежде всего, умения: устанавливать доброжелательные взаимоотношения со всеми участниками производственного процесса, индивидуально воздействовать на работников, влиять на формирование трудового коллектива, применять социально-психологические и психолого-педагогические технологии и методы воздействия на работников, анализировать педагогические ситуации и грамотно определять содержание своих действий, изучать социально-психологические особенности работников

и коллектива, учить работников постановке цели личностного и профессионального развития, разрабатывать личностную и профессиональную «Я-концепцию» и составлять «программу творческого саморазвития», проектировать собственную педагогическую деятельность, отбирать формы организации и методы воспитания, управлять психическим состоянием подчиненных, диагностировать и оценивать воспитанность членов трудового коллектива, использовать психологические механизмы стимулирования профессиональной деятельности, формировать у членов трудового коллектива ценностное отношение к знаниям.

Для овладения этими умениями современный инженер должен знать закономерности и механизмы социального и профессионального становления личности в профессиональной деятельности, соотношение социализации, воспитания и развития личности, показатели воспитанности членов трудового коллектива, закономерности и принципы воспитания, основные направления и конкретное содержание воспитания, основы воспитательной деятельности наставника молодежи, основные методы построения личностного и профессионального имиджа специалиста, основы производственно-педагогической инноватики.

Переход на уровневую систему высшего профессионального образования в свете Болонского соглашения обеспечивает бакалавру полноценное высшее образование за счет формирования базовых основ профессиональной культуры и основных деятельностных компетенций (коммуникативных, навыков поиска и анализа информации, самообразования, коллективной работы и пр.).

Квалификация, которую получает бакалавр, должна позволить ему быть мобильным, а значит и успешным на рынке труда. Но никакое самое лучшее базовое образование в современных условиях не способно обеспечить успешную карьеру больше, чем на 5–7 лет. В США установлена единица измерения устаревания знаний – «период полураспада компетентности», когда в результате появления новой информации компетентность специалиста снижается на 50 %. Этот период за последние десятилетия сократился. Например, в 1940 г. устаревание знаний наступало через 12 лет, в 1960 г. – через 8–10 лет, для современного выпускника – через 2–3 года. Человеку приходится менять профессии и получать образование на протяжении всей жизни.

Особенно остро вопрос сохранения традиционной системы высшего образования звучит для технических вузов. Можно ли подготовить настоящего инженера за 4 года? Ответ один – переход на уровневую систему должен осуществляться одновременно с внедрением новых образовательных технологий, направленных на развитие самостоятельности, активности, самодетерминации, саморегуляции, саморазвития, самосовершенствования, то есть тех качеств, которые характеризуют мобильную личность выпускника.

Ю. С. Хлызова*

Неформальное обучение

Сегодня все чаще исследователи из разных областей науки обращаются к проблеме неформального обучения. Данный вопрос уже давно был поднят в странах Европы и Америки. Так, обратившись к Интернету, мы обнаружили, что ссылок на неформальное обучение за рубежом в сотни раз больше, чем у нас. При этом проблема неформального обучения в современном обществе невероятно значима.

Во-первых, сейчас мы говорим о необходимости непрерывного образования, которое может быть достигнуто лишь через неформальное обучение. В последней четверти XX столетия специалисты в сфере гуманитарного знания констатировали, что человечество постиг кризис социальной и профессиональной компетентности, суть которого состоит в стремительном отставании способности человека справляться с изменениями, происходящими в окружающем его мире. Не миновал этот кризис и Россию, которая переживает на рубеже веков мощные и стремительные трансформационные процессы. Это обусловило возрастание потребности в обучении у громадного числа людей. Движение экономики к рыночным отношениям, изменение функций государства – новые вызовы отечественной системе образования. Кризисное состояние общества, большое число кризисных ситуаций и состояний, которые приходится преодолевать человеку на протяжении всего жизненного пути, делают актуальным непрерывное образование. Общество XXI века, века информатизации и большой социальной динамики, требует адекватного уровня образования. Этим обусловлено усиленное внимание всех ведущих стран мира к своим образовательным системам, их реформированию и модернизации с целью достижения большей эффективности. На смену традиционной базовой модели образования пришла установка на непрерывное образование в течение жизни. Именно неформальное обучение может эффективно решать задачу восполнения дефицита социальной компетентности человека.

Во-вторых, неформальное обучение дает необходимые практические знания, умения и навыки, которые наиболее оптимально

* **Юлия Семеновна Хлызова** – студентка 4-го курса социологического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

будут применены в дальнейшей деятельности человека. Особая ценность неформального обучения состоит в самостоятельном поисковом размышлении, в свободном усвоении свободно избранной области знания.

В-третьих, неформальное обучение – это некий путь к самореализации личности, который позволяет искать себя и наиболее эффективно реализовывать свой потенциал.

Таким образом, неформальное обучение – необходимое, постоянное слагаемое жизни культурного, просвещенного человека, занятие, которое сопутствует ему всегда. В современной культурной ситуации оно может предопределять социокультурную независимость и самостоятельность личности. При этом в ситуации кризиса мировой образовательной системы неформальное обучение прокладывает путь к выходу из тупика.

Под неформальным обучением мы будем понимать сравнительно новый тип обучения, который выходит за рамки формального процесса образования (например, обучения в школах или на вечерних общеобразовательных курсах). К сфере неформального профессионального обучения относится посещение отраслевых ярмарок и конгрессов, участие в кратковременных мероприятиях (например, в лекциях или однодневных семинарах), самостоятельное обучение путем наблюдения и испытания новых навыков на работе или в свободное время, самостоятельное обучение с помощью компьютерных программ, специальных аудио- и видеокассет, которые предлагаются в Интернете.

Стоит отметить, что среди исследователей нет единого мнения о том, что именно следует понимать под неформальным обучением. Существует бесконечное множество различных определений и толкований данного термина. В целом, термин «неформальное обучение» обозначает все процессы самостоятельного обучения, которые протекают вне рамок формальной системы образования.

С нашей точки зрения, неформальное обучение является аналогом самообразования. Так, самообразование рассматривают как вид свободной деятельности личности (социальной группы), характеризующийся ее свободным выбором и направленный на удовлетворение потребностей в социализации, самореализации, повышении культурного, образовательного, профессионального и научного уровней, получения удовлетворения от реализации личностью ее духовных потребностей [Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Самообразование как социологическая проблема // Социологические исследования. 1997. № 10].

Говоря о неформальном обучении, нельзя не отделить его от формального. Неформальное образование представляется гораздо

более интересным, ведь формальное сегодня, как правило, – обязательное, а неформальное – добровольное. Характеризуя особенности формального образования, прежде всего, указывают на то, что оно обладает более жесткими, стандартизированными организационными формами. Формальное образование – это школьное образование; неформальное же обучение протекает вне школы, когда ученик сам работает над собой, своими навыками и знаниями. Среди важных различий называют обязательный характер формального образования и добровольный – неформального обучения. Самообразованием мы занимаемся не по обязанности, а потому, что хочется и нравится изучать то, что сами выбрали. Формальное же обучение зачастую рассматривается как «лишенное души». Однако и такое обучение преследует свои определенные цели: сформировать у детей систему базовых знаний и умений, обучать детей грамотности, помочь вхождению в общественную жизнь. Вопрос, конечно, заключается в том, насколько учреждения формального образования справляются с поставленными задачами.

Анализируя сложившуюся ситуацию с быстрым развитием неформального обучения, мы не можем не коснуться проблемы признания и сертификации результатов неформального обучения. Порой знания, полученные в ходе самостоятельного обучения, имеют большую значимость для жизнедеятельности человека, чем знания из школьной (вузовской) программы. Однако, не получив нужной «бумажки», мы останемся все теми же «букашками», которые не смогут воспользоваться этими знаниями в профессиональной деятельности. В странах Европы уже используются специальные сертификаты. В качестве примера процесса сертификации, с помощью которого можно подтвердить свои знания и способности, приобретенные путем неформального обучения, на официальном централизованном экзамене и получить соответствующий сертификат, можно привести Европейские компьютерные права (ECDL).

В некоторых странах уже несколько десятков лет ведутся научные дискуссии, и многие из этих стран обладают уже многолетним опытом в сфере подтверждения результатов неформального обучения. В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии сравнительно рано были приняты законодательные нормы с целью признания неформального обучения; тем самым правительство своей политикой в сфере образования отреагировало на проблемы дезинтегрированной системы профессионального образования. В 1989 г. была введена «Национальная система профессиональных квалификаций» (NVQ): речь идет о гибкой модульной системе, ориентированной на конечный результат и открытой для всех форм и мест проведения обучения; она предлагает реальную

альтернативу школьному образованию и обучению в ВУЗах и уделяет особое внимание практическому обучению на рабочем месте.

В России, насколько нам известно, пока и речи не идет о признании и сертификации результатов неформального обучения. Несмотря на это, мы все чаще обращаемся именно к неформальному обучению. Видимо, в ближайшее время ему будет уделяться все большее внимание со стороны как исследователей данной проблемы, так и государственных органов системы образования.

Л. В. Хохлова*

Развитие мышления как стратегия философского образования

Современная философия образования, систематизируя многочисленные инновационные подходы и технологии педагогической деятельности, выделяет две альтернативные стратегии. Первая – информационная. Она связана с компьютеризацией обучения и с практикой технологического переоснащения производства. Парадигма традиционного образования, определяющая целью обучения овладение информацией, дополняется инновационными технологиями, позволяющими добывать еще больше информации и манипулировать с ее источниками. Из данных посылок логически вытекает вывод: каждый человек, используя технологию поиска информации, может ею овладеть.

Манипулируя словом «информация», современное образование сталкивается с невероятными трудностями. С одной стороны, обучаемый получает бесконечное разнообразие доступной информации. С другой же стороны, востребованным оказывается минимум информации (алгоритм, формула), часто выбранный случайно, противоречащий научным и практическим выводам. Студент, как правило, не способен проанализировать информацию, сравнить, обосновать свою точку зрения на основе свободного выбора информации. Отсутствие навыков мыслительной деятельности указывает на определенные качества мышления.

Измерение указанных выше навыков мышления студентов гуманитарных факультетов на протяжении последних пяти лет подтверждает тенденцию к алгоритмизации мышления. Измерялись навыки сравнительного и критического анализа, обобщения (навыки мышления первого порядка), диалога, проблемного мышления (навыки второго порядка). В разных группах, изученных в 2003–2005 гг., навыками сравнительного, критического анализа и обобщения владели от 68 до 85 % студентов, а навыками диалога, требующего использования информации для обоснования точки зрения, и проблемного мышления – от 35 до 58 % студентов. В группах,

* **Людмила Васильевна Хохлова** – канд. пед. наук, доцент кафедры философских наук Нижнетагильской социально-педагогической академии (г. Н. Тагил).

наблюдавшихся в 2006–2008 гг., только 30 % и меньше студентов владели навыками первого порядка, а более сложные навыки второго порядка отсутствовали вообще.

Таким образом, отметим явно просматриваемую потребность в альтернативной стратегии образования. В современном образовании она робко обозначается в установке на воспитательную работу в школе, на гуманизацию и гуманитаризацию образования. Реформа образования, декларирующая переход от информационного обучения к рефлексивному, должна опираться на соответствующие технологии, развивающие мышление. В этом смысле востребованной представляется стратегия критического мышления, которая теоретически широко интерпретируется, как в зарубежной, так и в отечественной литературе. В практике же отечественной школы она остается на уровне экспериментов.

В отечественной литературе критическое мышление определяется как совокупность определенных навыков мышления (Брюшинкин, Калинин, Сорокина, Федотовская). Продуктивным определением представляется концепция Р. Пола, рассматривающая критическое мышление как совокупность качеств мышления. Исходя из нее, мы определяем критическое мышление как рациональное (в смысле правильное), рефлексивное, основанное на позитивном сомнении и диалоге, конструктивное мышление. Понимание критического мышления в совокупности указанных качеств позволило предложить обучение философии как технологию развития критического мышления. В западной педагогической практике данный опыт наиболее широко известен в широко реализуемом проекте М. Липмана «Философия для детей». Изучение в школе текстов, обучающих не только решению, но и постановке философских проблем, применяется во все мире. В отечественной философии образования данный подход развит в работах Юлиной, Дудиной, Беляевой.

Следуя данной концепции, нужно подчеркнуть особую роль философии в развитии указанных качеств критического мышления. Основания для определения особого методологического статуса философии в высшей школе, на наш взгляд, более чем достаточно.

Этому способствует большое количество философских дисциплин, предусмотренных программой, и актуальность мировоззренческих вопросов для студентов. При всем разнообразии философских наук нерешенной сегодня остается проблема содержания философского знания. В концепции Кармина А. С. предлагается два варианта содержания непрофессионального философского образования, в основу которых будет положено:

- 1). Изложение истории философии.
- 2). Анализ содержания философских проблем.

А. С. Кармин отмечает недостатки обоих вариантов. В первом варианте центральное место занимает информация о философах, научных трудах, их содержании. Проблемы, идеи, школы входят на второй план. «Философия предстает не как совокупность взаимосвязанных между собой проблем, а как множество сосуществующих и сменяющих друг друга теорий, и анализу больше подвергается внутренняя логика последних, их достоинства и недостатки, чем логика разработки «сквозной» тематики, образующей непреходящее содержание философского знания» [1]. Второй путь знакомит с течениями и школами, но в ущерб фактологическим знаниям, что, добавим, не готовит студентов к тестированию как универсальной форме контроля знаний. Вслед за Карминым мы утверждаем, что при краткости учебного курса логико-систематический вариант его построения предпочтительней исторического. Однако лучше всего было бы сочетать оба эти подхода по принципу «и-и»: Соглашаясь с выводом Лосского о том, что «наиболее надежный способ встать на уровень понимания современной философии состоит в том, чтобы познакомиться и с Введением в философию, и с Историей философии» [2], отметим возможность и третьего варианта. Он состоит как раз в обозначении цели обучения философии непрофессиональных философов как развитие навыков философского мышления. Это и будет означать вышеобозначенный подход «и-и», так как выбор информации будет определяться методической целесообразностью. В то же время при такой постановке цели преподавания необходимы специальные программы курса и учебные пособия, предлагающие варианты технологий и методик развития критического мышления. В них должны отражаться степень доступной популяризации философии, минимум знаний по истории философии, возможности самостоятельной работы студентов, в том числе указание доступных философских текстов и наличие аналитического аппарата для их изучения. В своей практической деятельности автор применяет технологии проблемного мышления, диалогического мышления, критического анализа.

Таким образом, анализ стратегической альтернативы образования позволяет предположить возможность синтеза двух подходов. С одной стороны, это инновационные технологии, ведущее место среди которых занимают информационные. Новые информационные возможности раздвигают границы возможностей обучения, проверки знаний. С другой стороны, это качества мышления, характеризующие его как свободное мышление: открытость для инноваций, диалогичность, стремление не только услышать другого, но и быть услышанным, рефлексивность и конструктивность. Данные характеристики мышления представляются как необходимые предпосылки инноватики в образовании. Особую значимость стра-

тегия развития мышления приобретает в условиях социальной динамики. Изменяющаяся реальность требует быстрой адаптации сознания, сохранения нравственных ценностей и личной свободы.

Литература

1. Кармин А. С. Философское образование: Сборник материалов конференции. – СПб., 2002.
2. Юлина Н. С. Педагогическая стратегия философии для детей. – [wwwPHLka. RU].
3. Paul R. W. Critical Thinking: What Every Person Needs to Survive in a Rapidly Changing World. Rohnert Park, CA: Center for Critical Thinking and Moral Critique, Sonoma State. 1990.

С. Н. Чечулина*

Институт образования: роль в создании межкультурного пространства

Каким будет общество и как будут решаться социальные и экономические проблемы, определяется тем социально-культурным потенциалом, который закладывается институтом образования у молодого поколения. Социальные реалии изменились, на смену устойчивому обществу с единой системой норм и ценностей пришло общество поликультурное, динамичное. Результативность и управляемость процессов формирования будущего определяется, во-первых, наличием качеств субъектности, то есть акторов, обладающих ресурсностью и целеполаганием в решении социальных вопросов, во-вторых, – условиями совместного конструирования будущего общества. Иными словами, важно определить: кто выходит на социальную сцену, какими они обладают возможностями, в том числе и социально-культурными, каков будет процесс взаимодействия данных участников и его результат. Одной из актуальнейших проблем, определяющих будущее нашего общества в социальном, экономическом и политическом аспектах, является проблема создания единого межкультурного пространства, в котором предстоит выстраивать экономическое, социальное и культурное взаимодействие для дальнейшего развития нашего общества.

Источник развития конфликта в образовательном пространстве заключен не в национально-культурных различиях учащихся, а в тех условиях, в которых они находятся в образовательном учреждении. Конфликт (социальный, и в том числе межнациональный) в зависимости от условий приобретает различное значение. Приведет ли конфликт к разрушительным последствиям или будет источником взаимообогащения культур, зависит от этапа развития конфликта и уровня решения противоречий. Если мы решаем вопрос о благоприятном развитии детей различных национальностей, создаем условия для освоения знаний, совместно формируем общие ценности и решаем общие задачи, но не уважаем своеобразие, то тогда культурные различия сохранятся. В данном случае мы имеем

* **Светлана Николаевна Чечулина** – завкафедрой философии, образования и андрагогики Ин-та развития регионального образования (ИРРО) (г. Екатеринбург).

дело с институционализированным разрешением конфликта через создание общего для различных культур пространства межкультурной коммуникации. Если различия детей не учитываются, развиваются стихийно или усугубляются, условия обучения для детей не становятся положительным фактором освоения знаний, культуры, проявление себя. В данном случае совместная среда не выступает общим культурным пространством по отношению к национально-культурным различиям; все негативные факторы социальной среды усиливаются в детской среде, не происходит взаимная адаптация культур. Конфликт предстает как борьба, противостояние, если пространство взаимодействия групп не регулируется, отсутствуют институциональные, ценностные основания для объединения и сосуществования в едином пространстве.

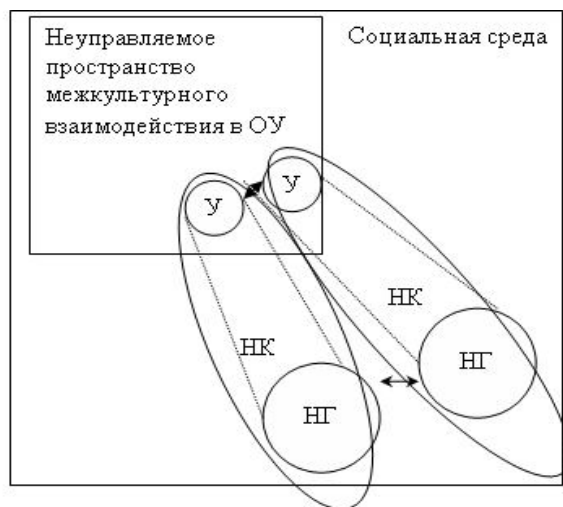

Рис. 1. Трансляция национального конфликта в социальном пространстве (НГ – национальные группы, НК – национальная культура) в пространство взаимодействия на уровне образовательного учреждения (У – учащиеся) при отсутствии целенаправленно формируемого межкультурного пространства

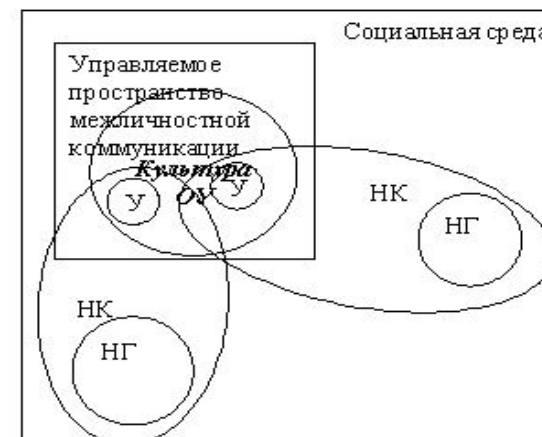

Рис. 2. Пространство межкультурной среды как основа преобразования межэтнического конфликта. Культура образовательного учреждения (общие ценности, цели, нормативная система) выступает способом создания благоприятной среды, способствующей культурному взаимодействию и адаптации культур и в дальнейшем влияет и на развитие межэтнических отношений в общесоциальном контексте

Внешняя социальная среда оказывает влияние, но национально-культурные различия перерастают в национальное противостояние в определенных социально-культурных условиях. Эта среда определяется (регулируется) конкретными людьми, создающими условия межкультурной коммуникации. Конкретные личности в отношении национального конфликта выступают как носители социально-культурной субъектности.

В настоящее время в России отсутствует единый культурный стандарт, существует множество субкультур. В этих условиях целью формирования культурных ценностей подрастающего поколения должна стать культура, дающая возможность проявить индивидуальность и соответствующая динамике и неопределенности внешней социальной среды. Одним из проявлений общего кризиса является кризис ценностей или фундаментальных норм, позволяющих человеку осуществлять выбор своего поведения и составляющих одно из оснований целостности социальных систем. Статус субъектов социальной жизни становится неопределенным, они теряют свою идентификацию. Сегодня индивид оказывается лишенным структуры защиты, которая была у старших поколений, он начинает испытывать чувство хрупкости точки бытия. Семья в этих условиях не может быть эффективной в процессе подготовки

подрастающего поколения так как не способна в полной мере стать альтернативой влияния СМИ, среды сверстников. Такой системой может стать образовательное учреждение, способное реализовать важнейшие функции процесса социализации, создать микросреду, альтернативную хаотичному влиянию макросоциальной среды.

Устойчивый тип отношений в рамках микросреды в образовательном учреждении закладывает определенную систему ценностей, которая определяет в дальнейшем успешность в макросоциальной среде. В такой ситуации микросреда, частью которой является человек, может предоставить индивиду защиту против тревог и преследования. Создание и утверждение культуры в рамках микросреды содействует процессу идентификации личности и дает возможность заполнить индивидуальную и социальную пустоту, отчужденность нынешнего периода.

Ключевым понятием для определения культуры микросреды является человеческая среда. Свойства ее базируются на таких существенных признаках как всеобщность, неформальность и устойчивость. Культура является продуктом взаимодействия отдельных индивидов-членов организации, обладающих целым спектром индивидуальных интересов и потребностей, преподавателей, учащихся, групп, сформировавшихся в пределах внешней социальной среды, предъявляющей свои требования к способам ее жизнедеятельности.

Социально-культурная субъектность педагога и руководителя в создании среды межкультурной коммуникации предполагает следующие аспекты измерения:

- личность (педагога, руководителя и учащегося) выступает носителем определенных ценностей, социальных установок, отражающих социальный опыт индивида. То есть в конкретных условиях взаимодействия и создания межкультурной коммуникации в образовательной среде педагог выступает не только как индивидуальность, но и как носитель национально культурной идентичности, социальных ценностей, установок по отношению к представителям различных национальностей. Данные установки (осознанно или неосознанно) влияют на отношение к учащимся, стратегические результаты межкультурной коммуникации (адаптация или противостояние групп не только в рамках обучения, но и по завершению обучения);

- личность выступает носителем «обобщенной» субъектности, то есть ценностей, отношений, принципов, норм, существующих в рамках пространства взаимодействия. Например, в рамках конкретного образовательного учреждения существуют формальные и неформальные нормы, регулирующие отношения в педагогическом коллективе, отношение к учащимся, определяющие органи-

зацию учебного процесса, ценностную модель выпускника и т. д. Для создания межкультурного пространства важным является то, насколько конкретный педагог учитывает «обобщенную позицию» педагогического коллектива, осознает собственную позицию в создании единого культурного пространства. Степень влияния единого пространства определяется количеством носителей ценностей (масштаб) и глубиной (сила), а также проявлением во всех видах деятельности (не только по отношению к учащимся, но в первую очередь в самой педагогической среде). Если влияние «культуры образовательного учреждения» является незначительным, то каждый педагог выступает по отношению к национальным различиям, исходя из самостоятельно сформированной социальной позиции;

- личность выступает носителем определенного отношения и действия в реальном взаимодействии. Ценности построения межкультурного пространства должны определять выбор стратегических действий в конкретных ситуациях (в том числе и конфликтных). Культурная обусловленность выбора стратегий управления взаимодействием позволяет реализовать позитивные функции конфликта. Решение конфликтных ситуаций ориентировано на выявление глубинных причин межнационального конфликта (потребность реализовать различия в определенных условиях). Если поведенческий уровень вступает в противоречие с ценностным (например, направлен на подавление; конфронтационная стратегия), то, соответственно, цель построения межкультурного пространства, ориентированного на долговременные результаты, – создание благоприятных условий взаимодействия – не реализуется.

Таким образом, роль педагога и руководителя в создании среды межкультурной коммуникации – это роль влияния конкретной личности на условия взаимодействия в поликультурных условиях, обусловленная социально-культурной позицией (то есть ценностями, стереотипами, личным опытом), позиционированием себя по отношению к ценностям культурной среды педагогического коллектива, сообщества, определением стратегий взаимодействия в условиях межкультурных различий и конфликтов.

Основания создания среды межкультурной коммуникации, на наш взгляд, определяются следующими положениями:

- Действия, имеющие отношение к культурным различиям, опосредованы социальным контекстом. Так, конфликт на национальной почве опосредован сложившейся социальной средой, семейным воспитанием. Национальные различия обусловлены в большей степени социальными факторами, чем биологическими и наследственностью. Национальная идентичность и позиционирование личности могут быть изменены, так как формируются в процессе совместной опосредованной деятельности.

- Развитие конфликтного взаимодействия имеет специфику, обусловленную возрастными особенностями учащихся. В отличие от взрослых, конфликт в детской среде, в том числе и на национальной почве, имеет более локальный характер, определяется в большей степени актуальными условиями взаимодействия. Проблематика конфликта в детском возрасте не имеет глубинные национально-культурные корни и при формировании благоприятной среды взаимодействия является управляемой. Управление национальными взаимоотношениями и в том числе конфликтами в детской среде, требует активного участия со стороны педагогов, единых культурных ориентиров среды взаимодействия, вовлечения учащихся в активные формы взаимодействия, совместной деятельности.

- Успешность формирования позитивной межкультурной коммуникации не может быть определена причинно-следственными связями. То есть национальные различия, условия воспитания не предопределяют неизбежность национального конфликта. Во многом пространство национальности – это «психическое пространство», которое формируется совместно с другими участниками через пространство «общности судьбы» (К. Левин). Позитивность межкультурной коммуникации определяется создаваемой «атмосферой» процесса обучения. Положительными факторами формирования межкультурного пространства являются условия, способствующие демократической ориентации и проявлению индивидуальных различий личности. И наоборот, условия, подавляющие индивидуальность, создающие видимость отсутствия национально-культурных различий, ведут к возрастанию обособленности, замкнутости в пределах национальных групп, противостоянию и внутренней конкуренции. «Культурная атмосфера» конкретного образовательного учреждения – ценности, их глубина, единство в понимании и реализации – имеет важнейшее значение для формирования пространства межкультурной коммуникации.

Н. В. Шеляхина*

Институционализация мультикультурного дискурса в образовательном пространстве Урала

В настоящее время под усиливающимся влиянием глобализационных процессов все более интенсифицируются процессы слияния различных культур в образовательной среде. Безусловно, данные процессы отражаются на конструировании символического пространства в образовании. В молодежных вузовских сообществах представлены различные культуры, которые приносят свою национальную, региональную и культурную специфику в построение семантического пространства вуза. Как следствие наблюдается интенсификация трансформационных процессов языкового сознания общества в целом.

Представляется необходимым поставить вопрос об институционализации символического пространства в вузе с учетом мультикультурализма дискурсивных практик коммуникантов, всегда обусловленных национальными ценностями и традициями [См.: 1. С. 110]. При изучении сложного, пестрого полотна дискурса в образовании необходимо учитывать территориальный фактор, поскольку в отдельно взятом вузовском сообществе собраны представители различных регионов, территориально отдаленных друг от друга, воспитанные в урбанистическом и сельском пространствах, с разными бытовыми укладами, культурными традициями, говорящие на разнообразных диалектах.

Данная проблема происходит из того факта, что зачастую после окончания вуза выпускники, родившиеся в другом регионе, трудоустраиваются и остаются на постоянное проживание в городе, где находится вуз. И таким образом символическое пространство данного города и в целом в стране постоянно качественно обновляется, обогащается и пополняется за счет специфики дискурсов, характерных для различных регионов и отражающих все языковое многообразие различных географических территорий. Мы наблюдаем появление своеобразного коммуникативного синтеза культур.

* **Наталья Владимировна Шеляхина** – канд. социол. наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Саратовского государственного технического ун-та (г. Саратов).

Анализ коммуникативных взаимодействий необходимо осуществлять через призму личности, включенной в этническую или территориальную группу, зависящую от культурных традиций, речевых норм, речевого этикета. Изучая человека как личность, можно узнать социально-перцептивные образы и другие реалии, характеризующие межэтнические взаимодействия [См.: 2. С. 188]. Будучи воспитанными в иной культуре, с иными традициями, укладом, в межкультурной среде студенты сталкиваются с необходимостью интеграции в новую среду с ее ценностными установками, включая коммуникативные стандарты. Возникает, например, необходимость адаптации и усвоения новых языковых норм, образцов поведения, избавления от акцента, совершенствования билингвальных навыков и т. д.

Значительные социальные и культурные изменения, происшедшие на протяжении последнего десятилетия на бывшем советском пространстве, повлияли на общественное сознание и культуру населения. Эти изменения, естественно, отразились в языковом сознании, в речевом поведении носителей языка, повлияли на язык художественной литературы и культуры, средств массовой информации. Процессы глобализации мировой культуры и тенденция интеграции национальных культур и языков, включение постперестроечной России в мировую экономику и культуру, а также развитие национального самосознания и, как следствие этого, возрождение культур народов на постсоветском пространстве, изменение статуса национальных языков привели к трансформации ситуации билингвизма в многонациональных регионах Российской Федерации. К числу таких регионов относится, в частности, Урал, где проживают представители разных народов, и языковых групп.

Уральский регион с его ярко выраженным многоязычием имеет многовековой опыт успешного межнационального и межкультурного общения. Народы, проживающие на территории Урала, на протяжении многих столетий тесно взаимодействовали и выработали такие способы межкультурных контактов, которые позволяли сохранять национальные языки и своеобразие культуры. Приобретенный опыт межкультурного взаимодействия позволил избежать конфликтов на национальной почве в 1980–1990-е гг. – период обострения национальных противоречий на всей территории СССР.

Изучение заявленной проблематики позволит осмыслить процессы, происходящие в языке и культуре, в образовании на современном этапе, понять изменения в статусе и функционировании английского, русского и национальных языков в РФ в целом и на Урале, в частности. В данной связи мы обращаем внимание на необходимость изучения сохранения языковой идентичности представителей разных национальностей в вузе, поскольку современное

образовательное учреждение, несомненно, является многонациональным и многокультурным.

Важно остановиться на проблемах интеграции разных культур в отдельных регионах, в частности, на языковой политике на постсоветском пространстве, поскольку проблема использования родного и официального языка, и как следствие, образование на родном или официальном языке остается острой во многих регионах. Проблеме институционализации мультикультурного дискурса в образовательном пространстве необходимо рассматривать в контексте изучения конструирования языковой реальности на территории Российской Федерации в целом, с учетом языковой политики в разных регионах, где нормой является двуязычие либо притеснение национального или русского языка на различных уровнях, в различных средах, а также в контексте формирования качественно нового российского дискурса.

Стоит остановиться на понятии билингвизма или двуязычия, поскольку это явление имеет важное значение для нашего исследования. В образовательной системе РФ имеется большой опыт по формированию искусственного билингвизма, он накоплен средними школами с углубленным изучением иностранных языков, национальными школами, существует опыт контактов с носителями западной культуры. В результате такой образовательной политики у учащихся происходит форсирование билингвальной компетенции.

Мы должны также принимать во внимание дифференциацию языка по территориальному признаку, то есть диалекты. Как уже отмечалось ранее, смена места проживания с целью обучения, трудоустройства, по личным целям вновь вызывает коллизии языковых норм на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях в пределах одной страны с одним официальным языком. Здесь также нужно помнить о взаимопроникновении двух и более разновидностей языка, о языковой адаптации при стремлении интегрироваться в «иную» языковую среду, что обуславливает непрерывное обновление, развитие одного языка.

Структурировать дискурсивные практики в образовательном пространстве, нужно с учетом того факта, что символическое пространство университета, академии имеет особую коммуникативную среду. В рамках одного вуза студенты разных направлений погружаются в особую коммуникативную среду, присущую конкретной специальности, для коммуникативных процессов, при которых важно научиться оперировать специальными терминами, то есть овладеть специфическим профессиональным тезаурусом. Изучение любой дисциплины начинается с ознакомления учащихся с терминологией их будущей профессии, с курса по введению в специальность. В дальнейшем будущие специалисты коммуници-

руют посредством своих профессиональных терминов на профессиональном языке.

Немецкие ученые В. Эрнст, Е. Ецковиц и другие отмечают, что в каждом университете, вузе существует свой особый микроклимат, микрокосмос, и дают первокурсникам практические рекомендации по адаптации в новой для них коммуникативной среде [3. С. 176]. Первоначально может возникнуть ощущение, что старшекурсники, преподавательский состав разговаривают на незнакомом языке, которым необходимо овладеть для успешной коммуникации в новом пространстве. По мнению социологов, коммуникативные повседневные студенческие практики также дифференцируются по направлениям их специализаций во всех вышеперечисленных сферах. Для достижения успехов в определенной области, безусловно, необходимо овладение конкретным тезаурусом, профессиональным языком, все это происходит посредством участия в коммуникативных процессах в рамках какой-то дисциплины, то есть во всех видах аудиторных работ [3. С. 19]. Во время регулярных коммуникативных процессов на аудиторных занятиях студенты все более уверенно оперируют профессиональной терминологией по мере продвижения в обучении. В конце концов, учащимися постигается профессиональная система понятий, обозначений. Таким образом, происходит институционализация профессиональной коммуникативной культуры в данной области.

Литература

1. Алиев М. А. Проблема национального языка и религия // Тезисы докладов III Международной научной конференции «Язык и культура». – М., 2005.
2. Дробижнева Л. М. Социально-психологические проблемы этничности // Методические материалы. Сессия «Этносоциология», Национальный фонд переподготовки кадров. ИС РАН, РУДН. – М., 2004.
3. W. Ernst, J. Jetzkowitz, M. Koenig, J. Schneider. Wissenschaftliches Arbeiten fuer Soziologen // Lehr-und Handbuecher der Kultur und Sozialwissenschaften. – Muenchen, Wien: Oldenbourg, 2002.

Т. Ф. Шитова*

Социологический анализ культуры взаимодействия субъектов высшей школы

Культура взаимодействия субъектов высшей школы раскрывается в социальном контексте культуры общности преподавателей (профессорско-преподавательский состав высшего учебного заведения) и культуры студентов вузов. Социологический анализ этого феномена позволяет понять, каким образом культура взаимодействия ориентирует и регулирует действия преподавателей и студентов вузов, интегрирует их в общности, образуя единые социально-культурные пространства.

Субъекты высшей школы придают социально-культурному пространству особую структуру в соответствии со своим опытом конструирования социальных практик, восприятием мира и системой предпочтений. Их деятельность по отношению друг к другу формирует культурные образцы поведения и связана с удовлетворением потребностей, с накопленными знаниями, умениями, навыками, с сохранением и распространением идей, ценностей и культурных норм.

Социально-культурные ресурсы преподавателей вузов определяются их культурным и образовательным потенциалом, уровнем профессиональной подготовки, приоритетами, интересом к преподавательской деятельности, потребностями в самореализации и самообразовании. «Культурный капитал» студентов формируется уровнем общей культуры, уровнем образования и воспитания, знанием общепринятых культурных образцов поведения, установленных правил поведения студентов.

Теоретическое осмысление этого феномена показывает, что культура взаимодействия субъектов высшей школы может рассматриваться на трех уровнях: институциональном, общественном и межличностном. На институциональном уровне культура взаимодействия включает в себя: социально-культурные нормы и ценности, принятые в обществе и в системе высшего профессиональ-

* Татьяна Фёдоровна Шитова – аспирант кафедры социологии, ст. преподаватель кафедры экономики ф-та компьютерных технологий Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

ного образования, образцы и правила поведения, санкции, применяемые при их нарушении, совокупность условий деятельности и др.

На общностном уровне культура взаимодействия включает в себя социальные связи и отношения субъектов высшего образования, социальное партнерство и солидарность, стереотипы деятельности ориентации преподавателей и студентов, их социальные установки, профессиональные приоритеты преподавателей, сценарии взаимодействия преподавателей и студентов вузов и т. д.

На межличностном уровне культура взаимодействия – это образ жизни преподавателей и студентов, идентификация социальных ролей в рамках установленных правил их взаимодействия; потребности преподавателей в самореализации, профессиональном росте, общественной оценке труда, получении удовольствия от работы; потребности студентов в самореализации, образовании, общении, поощрении и поддержке стремления к обучению и саморазвитию, качестве образования; культурный и образовательный потенциал преподавателей и студентов; их интересы, ценностные ориентации; взаимные ожидания и взаимное уважение и т. д.

Изучение культуры взаимодействия субъектов высшей школы¹ на эмпирическом уровне позволило нам подтвердить выводы, полученные при теоретическом осмыслении проблемы. Опираясь на данные опроса преподавателей и студентов, мы создали типологию культуры их взаимодействия на основе выявления сочетания таких признаков, как уровень общей и профессиональной культуры субъектов высшего образования; взаимоотношения между преподавателями и студентами; их поведенческие черты; стремление к установлению взаимопонимания и созданию гармоничных отношений друг с другом и т. д. Типы культуры взаимодействия, полученные в этом случае, образовали следующие кластеры:

1. Высокий уровень культуры взаимодействия преподавателей и студентов. Представители этой группы характеризуются интеллигентностью, дружелюбием, уважительным отношением к друг к другу, тактичностью, терпеливостью, гуманным отношением, порядочностью и правдивостью. Они имеют высокий уровень общей и профессиональной культуры, стремятся к установлению полного взаимопонимания с окружающими и стараются

¹ В апреле–мае 2008 г. мы провели социологическое исследование среди преподавателей и студентов г. Екатеринбурга. В выборке представлено три государственных вуза: УрГУ им. А. М. Горького, УрГТУ, УрГЭУ и три негосударственных вуза: Гуманитарный ун-т, Ин-т международных связей и Уральский ин-т коммерции и права. Опрашивались студенты I–IV курсов дневного отделения и преподаватели. Общий объем выборки студентов составил 658 человек, преподавателей – 102 человека.

создать устойчивые благоприятные отношения не только с ближайшим окружением, но и с другими людьми. Взаимодействие представителей этой категории имеет демократическую структуру и построено на стили равных партнеров, взаимно уважающих друг друга. Преподаватели и студенты, входящие в эту группу, обладают высоким культурным потенциалом. Судя по результатам опроса, высокий уровень культуры взаимодействия характеризует 14 % преподавателей, 9,8 % студентов государственных вузов и 11,3 % студентов негосударственных вузов².

2. Средний уровень культуры взаимодействия преподавателей и студентов. Субъекты, отнесенные к этой категории, как и представители первой группы, обладают перечисленными выше положительными характеристиками, но время от времени «забывают» о некоторых из них и демонстрируют противоположные качества. Они уважительно относятся к окружающим, но иногда теряют самообладание, проявляя при этом отсутствие терпения и бестактность. Стремясь к установлению благоприятных взаимоотношений с другими индивидами, иногда пытаются понять их поступки и намерения. Субъекты высшего образования, представляющие эту категорию, имеют средний уровень общей культуры и не очень высокий культурный потенциал. К этой группе может быть отнесена большая часть наших респондентов: 76,3 % преподавателей, 78,2 % студентов государственных вузов и 76 % студентов негосударственных вузов.

3. Низкий уровень культуры взаимодействия преподавателей и студентов. Преподаватели и студенты, являющиеся представителями данной группы, нередко при взаимодействии с окружающими демонстрируют к ним неуважение, бестактность, отсутствие терпения, враждебность, злость, негуманное отношение, ложь, непорядочность. Преподаватели, имеющие низкий уровень культуры, при взаимодействии со студентами проявляют авторитарный стиль взаимоотношений. Представители этой категории (и преподаватели, и студенты), как правило, проявляют незначительный интерес друг к другу, редко считаются с намерениями других людей и не прилагают каких-либо заметных усилий к установлению устойчивых положительных взаимоотношений с окружающими. К этой группе может быть отнесено 9,7 % преподава-

² Первоначально расчеты были проведены отдельно по группе преподавателей и группе студентов, основанием являлись ответы преподавателей. Затем аналогичные расчеты были проведены на основании данных, полученных из анкет студентов. После чего были найдены усредненные оценки уровней культуры (высокого, среднего, низкого) студенчества и общности преподавателей.

телей, 12,1 % студентов государственных вузов и 12,7 % студентов негосударственных вузов.

В заключение отметим, что благодаря широким возможностям социологического анализа изучаемая нами проблема была рассмотрена в различных ракурсах. Мы имели возможность взглянуть на нее как с точки зрения студентов, так и с точки зрения преподавателей, проанализировать мнения респондентов, работающих и обучающихся в государственных и негосударственных вузах.

*Е. А. Шуклина**, *Е. А. Широкова***

Балльно-рейтинговая система: проблемы адаптации преподавателей к западным образовательным технологиям

Процесс тотального, ускоренного и добровольно-принудительного освоения балльно-рейтинговой системы (БРС) образовательными учреждениями России, реализуемый в рамках Болонских соглашений, представляет собой столкновение с вершиной айсберга образовательной технологии иного типа, адаптация и освоение которой потребует значительных усилий и достаточно длительного времени. Поскольку тема различия западного и российского образования в литературе стала традиционной, то комплексность данной проблемы и ее острота понятны. Любая образовательная технология имеет свои теоретико-методологические, технологические, организационно-управленческие составляющие. БРС – лишь одна из составляющих организационно-управленческого типа, поэтому процесс встраивания ее в живой организм традиций, сложившихся в российском образовании, не может быть безболезненным. Более того, внедряясь и действуя часто в отрыве от иных элементов образовательной технологии, БРС как одно из звеньев цепи неизменно «вытаскивает» за собой и всю остальную проблематику, связанную с несопоставимостью российской и западной образовательных систем. Это отчетливо проявляется при оценке эффективности ее применения.

Эффективность балльно-рейтинговой системы и способы ее измерения по большому счету представляют собой оценку степени адекватности БРС как инструмента воздействия на всех, прямых и косвенных участников образовательного процесса (студентов, преподавателей, менеджмента образовательного учреждения, руководителей предприятий и фирм, предоставляющих рабочие места выпускникам). Исследования эффективности проводятся, их ре-

* *Елена Анатольевна Шуклина* – д-р социол. наук, профессор кафедры социологии Гуманитарного ун-та, директор Центра социологических и маркетинговых исследований (г. Екатеринбург).

** *Елизавета Александровна Широкова* – канд. социол. наук, ст. преподаватель кафедры социологии, сотрудник Центра социологических и маркетинговых исследований (г. Екатеринбург).

зультаты широко представлены в литературе и, особенно, в Интернете, на сайтах образовательных учреждений.

Реализовав аналогичное исследование в негосударственном вузе, мы попытались выявить различия в проблематике и специфику, характерную для негосударственного образования¹. Объектом исследования стали преподаватели, основные задачи были сформулированы следующим образом: 1) получение информации о личном опыте применения преподавателями балльно-рейтинговой системы к конкретным дисциплинам; 2) выявление непредвзятых мнений преподавателей об эффективности реализации основных функций балльно-рейтинговой системы, ее целей и задач; 3) изучение представлений преподавателей о позитивных и негативных сторонах, потенциале, перспективах и ограничениях балльно-рейтинговой системы, динамике изменений характера взаимодействия преподавателей со студентами и администрацией факультетов в ходе ее внедрения.

Характеризуя результаты, полученные в ходе опроса мнений преподавателей по разным аспектам процесса внедрения балльно-рейтинговой системы в образовательный процесс, отметим, что противников у нее больше, чем сторонников. К последним относятся преподаватели, применяющие ее давно, чаще всего по собственной инициативе, считающие ее соответствующей их профессиональному опыту, личным пристрастиям, характеру преподаваемых дисциплин.

Среди базовых проблем внедрения БРС преподаватели указывают на 1) категоричное отрицание ее как элемента болонских соглашений; 2) неясность общих целей, специфики, преимуществ БРС; 3) неэффективность, ее несоответствие заявленным целям; 4) нетехнологичность и чрезмерную усложненность; 5) невозможность унификации для всех дисциплин, преподавателей, специальностей; 6) несоответствие БРС современной ситуации, сложившейся в образовательной сфере; 7) неактуальность в условиях кризиса; 8) неадекватность специфике негосударственного вуза;

¹ Исследование отношения преподавателей Гуманитарного университета к балльно-рейтинговой системе проводилось в январе 2009г. методом глубинного интервью. Были опрошены преподаватели, непосредственно включенные в эксперимент по внедрению балльно-рейтинговой системы в учебный процесс, ведущие занятия у студентов, обучающихся по специальностям «юриспруденция», «конструирование швейных изделий», «управление персоналом», «регионоведение», «прикладная информатика в экономике», «журналистика». Среди них были представлены как штатные, так и внештатные преподаватели. Всего в опросе приняло участие 35 респондентов.

9) изменение (при применении БРС) социальной роли преподавателя, превращенного либо в школьного учителя, либо в лаборанта, либо практически устраненного из образовательного процесса; 10) формальное применение БРС как преподавателем, так и студентом, который лишь демонстрирует активность; 11) отсутствие влияния на посещаемость студента, успеваемость, самостоятельную работу, мотивацию образовательной деятельности; 12) усложнение процедуры оценивания студента; 13) перегрузка преподавателя, трудовые затраты которого не возмещаются, излишняя интенсификация труда, моральные и материальные издержки; 14) порождение псевдоучастия и «пофигизма» со стороны студентов по отношению к образовательной деятельности; 15) отсутствие стимула для профессионального роста преподавателя; 16) отсутствие реальной пользы для управленческой деятельности менеджмента; 17) общая неотлаженность механизма функционирования БРС и т. д.

Говоря об итогах исследования в целом, необходимо отметить, что в случае с балльно-рейтинговой системой мы столкнулись с парадоксальной ситуацией внедрения в систему высшего профессионального образования новой образовательной технологии, которая не технологична применительно к нашим условиям. Под условиями здесь имеется ввиду комплекс макро-, мезо- и микрофакторов образовательной сферы и сферы негосударственного образования, которые не позволяют ей оптимально функционировать. Это факторы объективные, связанные, в первую очередь, с устоявшимися социокультурными нормами и традициями российского образования, а также субъективные, определяемые степенью готовности основных субъектов образовательного процесса к инновациям подобного рода. Все это приводит к невозможности простроить ее достижимые и реальные дальние/ближние цели, определить этапы ее внедрения, обозначить основные показатели эффективности.

Сама по себе балльно-рейтинговая система как образовательная технология ни хороша и ни плоха. Выступая как составная часть, элемент программы качества образования, она призвана быть одним из инструментов организационной культуры, организационных усилий менеджмента. Нецелесообразно предъявлять к ней требования, превышающие ее инструментальные возможности. Вместе с тем, необходимо четко определить ее функциональное предназначение. Ее внедрение должно сопровождаться выстраиванием организационных, материальных условий, совокупностью методических действий, выраженной обратной связью управленческих структур с преподавателями и студентами. Необходимо не только тестировать ее основные идеи, степень приемлемости

их для преподавателей и студентов, но и наладить систему мониторинга оценки эффективности их освоения.

Исследование показало, что пока организационные усилия менеджмента университета и деканатов по внедрению балльно-рейтинговой системы не достигли ощутимых результатов. Это и понятно, уровень понимания ее целей, задач невысок. Потребность в ее применении не сформирована. Преподаватели, студенты, управленческие структуры не видят необходимости в ее освоении, а главное, востребованности ее результатов.

В этой ситуации, как нам кажется, надо задать широкие рамочные условия внедрения балльно-рейтинговой системы, которые предоставляли бы свободу определения «правил игры» для всех участников образовательного процесса. Поскольку алгоритмизация образовательного процесса не чужда его сути, внедрение балльно-рейтинговой системы может быть успешно осуществлено в рамках каждого организационного подразделения системы образования. Низовым звеном организационной структуры, отвечающим за внедрение балльно-рейтинговой системы, может быть кафедра. И ей должна быть предоставлена свобода в определении целей, средств и результата внедрения этой технологии. Содержание данной технологии кафедра определяет сама, в зависимости от состава студентов, потребностей преподавателей, особенностей специальности, характера читаемых дисциплин и т. д.

Качество внедрения балльно-рейтинговой системы в этом случае может определяться качеством триады «цель – средства – результат». В зависимости от уровня развития организационной культуры каждое подразделение определяет для себя:

- цели, которые являются для нее актуальными и достижимыми;
- средства, являющиеся эффективными как экономически, так и социально;
- результат, который выступает как итог и степень целедостижения.

Кафедра в зависимости от актуальности той или иной проблемы может алгоритмизировать для себя одну или несколько целей, связанных с повышением качества образовательного процесса (например, активизация самостоятельной работы студента и/или внедрение гибких форм текущего учета успеваемости и т. д.). Для этого она использует балльно-рейтинговую систему как нейтральный инструмент, наполняя его собственным методологическим, методическим содержанием, организационными усилиями, оснащая техническими возможностями.

Целесообразна постановка стратегических и тактических целей. Последние должны быть локальными, поскольку в любом слу-

чае «нельзя объять необъятное» и разработка каждой цели потребует длительных усилий, которые призваны завершиться формированием определенных стереотипов поведения участников образовательного процесса, что само по себе не может быть ни мгновенным, ни даже достаточно быстрым. В связи с этим ректорату необходимо определить место балльно-рейтинговой системы в стратегии развития качества образования, опять же применительно к тем условиям, в которых находится вуз, оценить целесообразность предпринимаемых усилий применительно к особенностям негосударственного вуза, учесть эту специфику.

Как показало исследование, административное давление, как правило, не приносит результатов, пока сам преподаватель не поймет необходимости использования подобных алгоритмизированных технологий и не отнесется к ним творчески. Забота о качестве образования не может быть авторитарной. Тотальное применение балльно-рейтинговой системы чревато такой формой приспособления, как формальное ее использование. Вместе с тем, преподаватели должны чувствовать результат, сказывающийся на изменении поведения студентов, и возникающие стимулы для собственной работы. Балльно-рейтинговая система должна облегчать взаимодействие со студентами, их излишняя формализация вряд ли даст такую возможность.

Без сомнения, балльно-рейтинговая система должна быть экономически эффективна. В условиях кризиса это особенно важно. Стремление к быстрому внедрению балльно-рейтинговой системы, связанному с решением широкого спектра задач, потребует неоправданно больших экономических вложений. В этом случае финансовые стимулы покажут лишь «формально-бумажную» сторону ее применения. Более того, нельзя забывать и о социальной эффективности, поскольку порой ради достижения не вполне реальных целей мы утрачиваем значимые социальные ценности.

Внедрение любой социальной технологии – это процесс. Пройденный первый этап эксперимента показал тот широкий спектр задач, связанных с совершенствованием качества образования, который стоит перед вузом. На этом этапе целесообразно снова вернуться к проблеме цели внедрения балльно-рейтинговой системы и анализу соотношения применяемых усилий и прогнозируемого результата.

Раздел шестой

Индустрия одежды Урала: этнокультурные традиции и современность

О. А. Бакеркина*

Изучение региональной культуры – путь к развитию Уральской школы дизайна одежды

Недавнее прошлое Екатеринбурга (Свердловска) – научно-промышленный центр, очень крупный и закрытый для внешнего мира город. Сегодня, территориально, экономически и культурно, – это, скорее, торгово-развлекательный миллионник «новой» России. Огромное количество глянцево-гламурной информации обрушивается на девственно-наивную голову неискушенного жителя Уральского региона и его столицы.

Общий невысокий уровень внутренней культуры приводит к неспособности осуществления самостоятельного и правильного стилевого отбора. Нельзя забывать и наследственную «советскую» самоуверенность, когда считалось, что «кухарка может управлять государством». Сложившаяся ситуация приводит к возникновению типично новорусского внешнего облика как окружающей среды, так и конкретного уральского индивида.

Особенно ярко это проявляется в миллионниках, подобных Екатеринбургу. Только здесь можно наблюдать стихийную эклектику в архитектуре, интерьере, системе визуальных коммуникаций, в поведении и внешнем облике большинства жителей. Далеко ходить не надо, за 30 минут все это можно отследить в сердце столицы Урала – в пешеходной зоне по ул. Вайнера или же в популярных торговых центрах «Мега», «Парк Хаус», «Мегаполис».

Мужчины: успешный бизнесмен в давно нечищенных туфлях, классический костюм в сочетании с мокасинами, клетчатая джинсовая рубашка под офисным пиджаком... список наблюдений можно продолжить, хотя в России мужчинам всегда многое прощалось. А вот как же быть с русскими красавицами? Сегодня они способны сочетать в своем гардеробе валенки, норковый берет и белоснежный лаковый ридикюль, гламурные сапожки в стразах и на шпильках с горнолыжным пуховиком!

* **Оксана Артуровна Бакеркина** – преподаватель кафедры моделирования и дизайна одежды ф-та конструирования и моделирования одежды Гуманитарного ун-та, ст. преподаватель кафедры дизайна одежды Художественно-педагогического ин-та РГППУ, член Союза дизайнеров России (г. Екатеринбург).

Конечно, в творчестве мировых дизайнеров часто используется китч, возведенный в ранг искусства (Вивьен Вествуд, Джон Гальяно). Но, согласитесь, для того, чтобы сделать это (китчевый гардероб) самостоятельно, необходимо разбираться в искусстве.

Рынок одежды заполнен низкокачественными, якобы брендовыми вещами – очень легко обмануть, ввести в заблуждение покупателя, не евшего ничего слаще моркови. Незамысловатая по исполнению и замыслу, но глянцевая по форме подачи реклама подогревает спрос, абсолютно не учитывая ментальное настроение покупателя, а тем более – его дремлющие национально-культурные традиции или же особенности природно-климатические.

Российские дизайнеры, особенно молодые, пытаются заявить о себе на мировых подиумах. Но основная ошибка многих из них состоит в потугах «поиграть на чужом поле», догнать западных коллег (как всегда происходило в истории России) в некой космополитической стилистике. Для сравнения – если рассмотреть развивающийся модный бизнес стран Азии и Латинской Америки, то можно увидеть в предлагаемых ими коллекциях неповторимый национальный колорит. И это позволяет им быть замеченными, не потеряв собственную индивидуальность.

Может быть, путь молодых российских дизайнеров на мировой подиум – это обращение к своим корням? Можно, например, ввести обязательное и глубокое изучение региональных национально-культурных особенностей в профессиональную подготовку будущих дизайнеров одежды. Ошибочно полагать, что легкая промышленность России, практически уничтоженная в крупном масштабе, способна повлиять на мировой рынок производства одежды. При этом никто не мешает молодым дизайнерам изменить обстановку, «сменить одежду» для начала внутри страны. Может, прежде чем передельывать мир, стоит «переставить мебель в собственном доме»?

Если говорить о существовании Уральской школы дизайнеров одежды, необходимо позаботиться о создании ее неповторимых особенностей. И прежде всего необходимо учесть влияние культур народов (а их более сотни), населяющих наш регион, на формирование вкусов людей. мода, как известно, создается на улице, а дизайнеры лишь подчиняют идеи улицы законам композиции, цвета и стиля.

В современных условиях нельзя не учитывать и влияние национальных миграций. Кроме коренных народов (русские, татары, башкиры, мордва, марийцы) на Урале присутствуют многочисленные диаспоры армян, греков, немцев, таджиков, китайцев и многих других. Представители всех этих народов так или иначе влияют на общее культурное мировоззрение и привносят в наш быт свою

национальную культуру: национальные кухни и их обустройство, экзотические танцы, обряды и культовые направления, многочисленные публичные праздники и т. д.

Внешний вид уральцев во многом определяется природно-климатическими условиями, широким спектром социальных слоев и уровнем культурно-интеллектуального потенциала.

Согласитесь, огромное непаханое поле возможностей для зарождения собственного модного бизнеса. Направлений для развития, как минимум, два: первое – создание собственного производства для внутреннего наполнения рынка, с учетом требований местного потребителя и повышением его вкусовой эстетики; второе – организация поставки уральской экзотики за рубеж, что позволит в привычной шеренге «Москва-Питер-Сибирь» выделить новую позицию – Урал.

Для этого и необходимы свои, собственно выращенные дизайнерские кадры, способные понимать и любить жителя Среднего Урала.

Т. С. Безденежных*

Традиционный костюм народов Урала

Подлинные произведения народного искусства обладают непреходящей ценностью, поскольку являются важными культурно-историческими свидетельствами, они сообщают нам о правилах бережного отношения к природе, указывают на нормы социальной жизни, сообщают нравственные и эстетические координаты человеческой жизни.

Костюм – часть народной души. Поистине огромно историческое и художественное значение народного костюма, который в своих классических, веками сложившихся формах сконцентрировал многовековой опыт народа. Традиционная одежда, обувь, головные уборы, украшения и декоративное убранство костюма, создававшиеся на протяжении многих веков, являются неотъемлемой частью материальной культуры. С глубокой древности костюм отвечал не только материальным, но и духовным потребностям человека, выполняя необходимые бытовые, социальные и обрядовые функции. Его высокий художественный уровень, эмоциональная насыщенность отражают мировоззрение, эстетические предпочтения, саму психологию народа. Традиционный костюм – самобытное явление, которое занимает значительное место не только в национальной, но и в мировой культуре.

Развитие костюма каждого народа всегда происходит в тесной связи с культурным опытом соседних народов. Традиционная уральская одежда раскрывает глубокие корни истории взаимодействия народов, населяющих Урал. Уникальное географическое расположение Урала создало условия для возникновения на его территории различных культурно-хозяйственных комплексов и заселения его представителями общностей, различающихся по вере, языку, эстетическим предпочтениям и нормам. Народы Урала пребывали в постоянном общении как друг с другом, так и с цивилизациями Запада и Востока. Это сыграло значительную роль в развитии культурных традиций уральцев, включая и культуру одежды.

Необычайно самобытен и оригинален костюм народов, населяющих Урал. Его характеризуют разнообразие форм и цветовая

* *Татьяна Сергеевна Безденежных* – студентка 5-го курса ф-та конструирования и моделирования одежды Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

насыщенность, самобытные фактурные и объемные членения, своеобразии украшений и техник декоративной отделки, разные технологии и приемы изготовления. В каждой этноконфессиональной группе населения были выработаны и сохранялись виды и формы костюма, в наибольшей степени соответствующие характеру занятий людей, быту, географическим и климатическим условиям, отвечавшие представлениям народа о красоте. Ведь формы одежды, их конструктивное и декоративное решение зависят от климатических условий и уровня развития производительных сил, от специфики труда, религиозно-магических практик и сложившихся исторических реалий.

Народный костюм – это, прежде всего, традиционный комплекс одежды, характерный для определенной местности. Он отличается особенностями кроя, композиционно-пластических решений, фактурой и колоритом тканей, характером декора (мотивами и техникой выполнения орнамента), а также составом костюма и способом ношения различных его частей.

Все многообразие традиционной одежды на территории Уральского региона можно разделить на четыре комплекса.

Женская одежда русских, коми-зырян и коми-пермяков включала пошивную рубашу из белой ткани, пестряди или шелка, поверх которой надевался сарафан из «набойки», пестряди, окрашенного холста, шелка. Костюм обычно дополнялся поясом и передником. Пошивная рубаша имела приставные детали «пошивки», располагавшиеся в области плеча, и традиционный прямолинейный крой. Сарафаны шили из различных тканей, состав которых определял название этого вида одежды: «ситник», «кашемирник», «гарусник», «китайник», «кумачник», «выбойчатник» (бухарская хлопчатобумажная ткань). Разные типы сарафанов последовательно сменяли друг друга и существовали одновременно у разных групп населения. Фартук (запон) был принадлежностью не только женского, но и мужского костюма. Женские фартуки украшались вышивкой по боковым сторонам и низу.

В костюмах удмуртов, марийцев, чувашей широко применялась пестрядь. Женщины носили комплекс одежды, состоящий из холстяной туникообразной рубахи, украшенной вышивкой (шелковыми или шерстяными нитками), и штанов. Поверх рубахи надевали распашной халат из неокрашенного льняного или конопляного полотна, украшенный в верхней части, манжетах и нижней части вышивкой и аппликацией. Украшения выполнялись из монет, бисера, раковин каури, шерстяных ниток, пуговиц. Женщины носили составные головные уборы на жесткой основе, покрытые узорными полотнищами.

Тюркоязычные народы, татары и башкиры носили широкие штаны, приталенную плечевую одежду и безрукавки. Женщины носили платья с передником, штаны и распашной халат. Их головные уборы – колпачки и шапочки расшивались бисером, перламутром, металлической нитью и монетами. Женщины, выходя на улицу, покрывали голову платком. В костюме татар и башкир гораздо активнее, чем в других комплексах, использовались восточные ткани, валяная шерсть и овчина, стеганая ткань. Костюм выделялся обилием металлических украшений, применяемых для декорированной отделки одежды, а также в виде ювелирных изделий – серег, колец, браслетов.

Народы северной части региона вели кочевой образ жизни. На их облик и одежду оказали большое влияние природно-климатические условия. Женские платья-рубахи украшались бисером и расшивались цветными шерстяными нитями, поверх платья носили халат из хлопчатобумажной ткани, украшенный аппликацией. Женская шуба была распашной и украшалась мозаикой из различных материалов. Обувь изготавливалась из кожи и меха, ее украшали аппликацией.

В народной одежде региона сохранились древнейшие черты, воплотились доисторические верования и мифоритуальные практики. Способы изготовления и манера ношения, названия элементов декора и украшений напоминают нам о глубокой и тесной связи одежды с народной магией, с верой в то, что магически-преобразующее воздействие ремесленника и художника на материю природы наполнено сверхъестественной силой, способной исцелить и защитить человека. В орнаментальных композициях можно увидеть изображения солнца, цветов, фигурки людей и животных. Такой символический орнамент связывал человека с окружающей природой, с чудесным миром легенд и мифов.

Наряду с сохранением архаичных образов и практик, костюм Урала отражает социальную динамику, экономические реалии, изменения в общественной психологии. Развитие торговых связей с Персией и Средней Азией, при посредничестве представителей

мусульманских народов Поволжья, обогащает арсенал средств художественной выразительности уральского костюма восточными мотивами. Так, в нарядных костюмах русского населения появляются восточные декоративные ткани, придающие одежде яркие и динамичные акценты. Появление стойких искусственных красителей приводит к обогащению цветовой гаммы одежды и аксессуаров, а развитие товарно-денежных отношений влечет за собой расширение ассортимента текстильных материалов. Изменяется покрой костюма, в нем уменьшается доля домотканых материалов, украшений и деталей одежды. Традиционный «сарафанный» комплекс уступает место «юбочному». Вместо традиционной рубахи появляются кофты.

Народный костюм – одно из самых ярких проявлений культуры этноса, где отражаются представления о красоте и целесообразности. У костюма народов Урала многовековая история, о ней можно говорить бесконечно. Мы представили здесь лишь отдельные ее фрагменты, которые касались, в основном, женского костюма.

К сожалению, сегодня можно увидеть подделки под уральский народный костюм. Они грубо искажают истинный образ народной одежды, прививая не только дурной вкус, но и дезориентируя представления об эстетических и духовных ценностях культуры Урала. Вот почему так важно изучать подлинную информацию, проникаясь неподдельным интересом к народному искусству, испытывая при этом чувство гордости за талант своего народа, который дарит нам познание красоты и добра, уважение к традициям и обычаям родного региона.

М. С. Виноградова*

Индустрия молодежной одежды Урала в контексте современности

В социально дифференцированном обществе с его многослойной культурой неизбежно формирование особых самостоятельных социально-культурных образований, обладающих маргинальностью статуса. Так произошло и с молодежной субкультурой, когда стало очевидным, что молодежь оказывает огромное влияние на общественные процессы.

Сегодня молодежь – это социальная группа, которой присущ дух максимализма и даже авантюры. Желание соперничать и экспериментировать побуждает молодых людей заниматься экстремальными видами спорта, создавать новые музыкальные направления, демонстрировать особые стилевые пристрастия в одежде.

Молодежную моду диктует мода улиц, которая сама формируется под влиянием «околоспортивных» молодежных течений и маргинальных субкультурных традиций. Примеряя на себя пацифизм Европы с дзен-буддизмом, растафарианством и отечественные этнические мотивы, молодежная мода становится мультикультуральной по своей сути. Внешне подражательная и заимствованная, она осталась независимым объектом определенных культурных отношений. Одежда – самый подходящий и доступный способ для самовыражения и создания собственного неповторимого стиля.

Современным уральцам есть чем гордиться в области производства модной современной одежды. Само географическое расположение уральского региона способствует уникальному синтезу европейских передовых технологий и азиатских этнокультурных традиций. Уральская индустрия одежды предоставляет огромные возможности каждому индивиду творить собственный облик в соответствии со своими представлениями.

Яркий, бушующий, проникнутый идеей космополитизма ритм жизни уральского мегаполиса – это та атмосфера, в которой развивается молодежная мода. Проявлениями мультикультурализма здесь являются отсутствие ксенофобии, свобода заимствования

* *Марианна Сергеевна Виноградова* – директор ООО «УралТекс-Тим», преподаватель ф-та конструирования и моделирования одежды Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

из различных культур, необходимость и потребность учиться у них. мода молодежной субкультуры основана на толерантности, готовности воспринять необычное. Ее особенность – в осознании своей внутренней свободы и открытости чужой культуре.

Уральский рынок заинтересован в присутствии альтернативной одежды. Если она удобна, нестандартна и отвечает вкусам не только особой субкультурной группы, значит интересна и приемлема для более широкого круга потребителей. К тому же такая одежда должна отличаться хорошим качеством и доступной ценой, а это фундамент любой торговой марки.

Так, сообщества молодых, увлеченных экстремальным спортом, формируют особый «streetstyle», в основе которого сумасшедшие стилевые идеи и новейшие текстильные технологии. Для молодых людей, увлекающихся современными танцевальными направлениями: брейк-дансом и хип-хопом, не составит труда обрести модную вещь и в специализированном бутике, и в спортивном магазине. Такие субкультурные сообщества не политизированы, их цель – сохранить свою индивидуальность в условиях экспансии брендового глобализма.

Успешная адаптация западных субкультур в молодежной среде проявляется в существовании, например, байкеров или готов.

Но и целиком принять все модные веяния молодой потребитель не может. Экономические возможности, да и социо-культурные традиции не позволяют ему жить по законам европейского цикла смены одежды. Поэтому ассортиментная политика производителей уральского региона построена с учетом экономических условий, понимания своего места в индустрии моды и культурного разнообразия.

Культурное разнообразие не есть только этническое разнообразие. Это разнообразие жизненных стилей, культурных ориентаций и культурных тенденций. Культурный плюрализм состоит не в параллельном существовании автономных «идентичностей», а в их взаимодействии, что предполагает как их взаимное проникновение, так и взаимную трансформацию.

У молодежного сообщества, как и у всякой субкультурной группы, есть два исключаящих варианта поведения: обособиться, замкнуться в себе, или открыться, войти в контакт с другими.

В формировании современной молодежной моды особую значимость имеет массовая культура, ориентированная на «западный образ жизни». Не малую роль здесь играет телевидение и кино. Образцами для подражания становятся любимые герои американских сериалов и мультфильмов.

Уральские модельеры и производственники, ориентируясь на современный рынок, предлагают огромный выбор одежды в стиле героев экрана. Они отлично понимают, что изделия, представляющие такую культуру, могут стать действительно массовыми, завоевать всеобщее внимание, только если очень профессионально выполнены и еще более профессионально запущены в оборот с использованием широкого арсенала современных технологий производства. Поэтому очень разнообразны технологии изготовления и декорирования одежды. Яркие принты футболок, вышивки, шевроны, сочетание в одной вещи нескольких, казалось бы, совершенно несовместимых материалов – вот далеко не полный перечень средств уральских производителей молодежной одежды.

Тому пример наличие в уральской индустрии одежды весьма успешного создателя и производителя молодежной моды бренда «Партизан». Сегодня это успешно развивающееся предприятие «западного образца», отлично сориентированное на современные экономические условия и ситуацию в отечественной легкой промышленности. Продукция пользуется огромным спросом и продается как в мультибрендовых магазинах, так и собственных фирменных бутиках. Фирменный стиль от «Партизан» – это современные мировые тенденции молодежной моды и моды улиц.

мода молодежных субкультур не бывает ни хорошей, ни плохой. Задача такой моды – раскрыть индивидуальность молодого человека, что требует терпения в восприятии чужих и даже чуждых проявлений индивидуальности. Здесь, как нигде, присутствует межкультурный обмен и взаимное обогащение творческими идеями.

Большинство уральских производителей модной молодежной одежды ориентируются на создание таких групп товара, которые идут в ногу с современными стилевыми направлениями. Уральские бренды чувствительны к веянию модных мировых тенденций, чему особенно способствует проведение евроазиатских форумов моды.

М. Е. Горбунова*, К. А. Карлина**

Уральская школа дизайна: Лариса Селянина

«...я не следую трендам,
я делаю консервативную классику,
я стояла и стою на позициях этнохудожника,
я сама создаю направление, задаю тему
и настроение своих коллекций»

Лариса Селянина

«Королева трикотажа» – такой титул Лариса Селянина носит уже много лет. Ее Дом трикотажа с собственным производством, творческой лабораторией и шоу-румом известен не только на Урале и в Западной Сибири. Трикотаж «от Селяниной» узнаваем и любим в творческой и деловой среде России, США, Европы и Австралии.

Уникальные трикотажные жаккардовые полотна стали основой творчества и своеобразным почерком дизайнера. Она живет и создает рядом с нами, ее модные идеи «витают в воздухе» нашего города. Природно-климатические условия региона обусловили направление ее деятельности в дизайне одежды. Снежная зима на Урале длится долго, поэтому идея о тепле, красоте и функциональности женского гардероба стала ключевой концепцией творчества этого необычайно талантливого, тонко чувствующего красота художника.

Ей, живущей на границе Европы и Азии, этнические мотивы близки и понятны. Летящие драконы, цветочные орнаменты и тотемные знаки поселились на создаваемых ею же самой классических жакетах, пальто, юбках и брюках. Ларисой Селяниной разработано более 300 рисунков и видов переплетений для трикотажа. Трикотажное полотно «живое», оно живет в единстве с нами, подчеркивает достоинства нашей фигуры, «подстраивается» под нее. Каждая петелька трикотажа контактирует с определенным участком нашего тела, деформируясь сообразно его рельефу. Трикотаж существует для нас, он бережно заботится и помогает нам, не

* *Марина Евгеньевна Горбунова* – студентка 4-го курса ф-та конструирования и моделирования одежды Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

** *Ксения Анатольевна Карлина* – студентка 4-го курса ф-та конструирования и моделирования одежды Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

требуя внимания к себе. Мягкие двухсторонние трикотажные полотна позволяют создавать многофункциональные вещи-трансформеры, которые, находясь вне моды, всегда востребованы в гардеробе любой женщины.

Дизайнер работает со стилем, который вечен, а не с модой, которая быстротечна. Ее стиль – это современный городской костюм в широком смысле. Внутри заданного стиля вещи всегда сочетаемы. Видимо в этом как раз и кроется один из секретов популярности одежды «от Селяниной». Созданная ею одежда живет гораздо дольше других марок, поскольку существует вне моды и конвейера трендов.

«Я не следую трендам, я делаю консервативную классику, я стояла и стою на позициях этнохудожника, я сама создаю направление, задаю тему и настроение своих коллекций. И оказалось, что я со своим этносом и со своей классикой привожу в восторг представителей магазинов, именно из-за моей непохожести на остальных. Я, как дизайнер, редко смотрю модные журналы. Для меня очевидно, что, только будучи самим собой, можно быть замеченным другими...», – так выразила Лариса Алексеевна свою профессиональную позицию.

Следуя своей идее, она определяет авторский подход к формированию женского гардероба. По мнению Ларисы Алексеевны, он должен состоять из трех компонентов: базовая одежда, остромодные вещи и аксессуары. База – это незаменимые вещи-невидимки: однотонные юбки, брюки, платья, жакеты, которые, как правило, легко комбинируются. Главное требование к ним – качество, поскольку они могут служить не один сезон. А вот остромодных вещей должно быть немного. Непременное условие их выбора – акцент на достоинства фигуры, иначе окружающие будут видеть всего лишь модную вещь, а не ее обладательницу. Ну а аксессуары – это те мелочи, которые создают образ (головные уборы, пояса, шарфы, съемные воротники, бижутерия и др.), с их помощью можно каждый день выглядеть по-новому.

Так родилась марка «Сомато», цель которой – создать базовый гардероб. Великолепная по качеству посадки на фигуре, поражающая технологичностью и товарным видом, такая одежда прекрасно сочетается между собой и одеждой других трендов. Имея 3–4 вещи марки «Сомато», можно создавать неповторимый образ «на каждый день», интерпретируя и комплектуя одежду по своему усмотрению, на свой собственный вкус, включаясь в творческий поиск новой образности и стилевой направленности.

Коллекции Селяниной создаются в первую очередь для российского потребителя. Они построены с учетом нашего стиля и образа жизни, поэтому в такой одежде чувствуешь себя уверенно

и комфортно. Сейчас Модный дом Ларисы Селяниной выпускает несколько линий одежды, основные из них:

- «Larisa Selyania» – базовая линия. Это одежда класса pret-a-porte с легендарными «селянинскими» жаккардами; коллекции этой линии дважды в год представляются на выставках.

- «Selyanina Collection» – креативная линия. Это тематические коллекции художника, которые представляются на подиуме и чаще всего существуют в единственном экземпляре.

Как видим, дизайнер не ищет компромисса между творчеством и практичностью. Она просто создает две разные коллекции. Креативные коллекции построены на абстрактных формах, сложном крое и крупных рисунках. С их помощью автор стремится донести до зрителя свое видение будущего, свой замысел, идею. Но в повседневной жизни, как правило, такая одежда непрактична. Адаптируя творческие коллекции к повседневности, Лариса Алексеевна создает сезонную коллекцию, но в каждом изделии всегда остается отголосок творческой темы!

В поисках новых орнаментов, рисунков, цветовых гамм и нестандартных конструкторских решений Лариса Селянина много времени проводит в экспедициях. Каждая коллекция дизайнера – это впечатление от путешествия в другую страну, это результат соприкосновения с другой культурой.

Так, в сезонной коллекции «весна–лето 2009» переплелись мечты о двух поездках, в Австралию и в Японию. Пыльные терракотовые прерии далекого континента подарили вещам натуральные цвета. Аборигены поделились примитивными орнаментами с наскальных рисунков и татуировок. Слоеные формы японского костюма раскрыли дизайнеру секреты простого прямолинейного кроя. А итальянский лен и трикотаж позволили материализовать общую концепцию. Их мягкая фактура как нельзя лучше подходит заядлому путешественнику – неприхотливые вещи из летней коллекции Селяниной почти невесомы, не займут много места в чемодане и не потребуют ухода. Это ли не мастерство удивительного художника, сумевшего объединить в одной коллекции такие специфические по своей сути этнокультуры Австралии, Японии, Италии и России.

Лариса Селянина относится к числу профессионалов высокого уровня, воплощающих в своем творчестве традиции отечественной культуры. Ее ставят в один ряд с такими известными дизайнерами, как Зайцев и Юдашкин. Если посмотреть ее коллекции за последние 20 лет, то можно увидеть, что почти треть из них построена на традиционном крое или русских орнаментах. Дизайнер обладает талантом искусно вплести традиции в современную жизнь.

Нам приятно осознавать, что такие личности живут и создают свои шедевры на нашей уральской земле. Она одна из ярких представительниц Уральской школы дизайна, член Союза дизайнеров России. Ее творчество способствует сохранению и развитию традиций отечественной и прежде всего уральской школы дизайна, внося свой авторский вклад в культуру нашего региона. Лариса Алексеевна – лауреат многих премий, обладательница золотых медалей международных выставок и фестивалей. Но за этими блестящими победами упорный каждодневный труд, повседневные заботы и тревоги, творческие поиски и находки. Изучая созданные ею уникальные орнаментальные композиции, любясь великолепием форм и роскошью цветовой гаммы ее коллекций, удивляясь их потрясающей целостности и самобытности, приходишь к пониманию ценности своей будущей профессии конструктора-дизайнера одежды, проникаешься чувством сопричастности к уникальной творческой деятельности людей этой сферы.

Мониторинг рынка современной одежды через призму национальной культуры народностей Урала

Уральский регион вообще и Свердловская область в частности являются уникальными с геополитической точки зрения. Поскольку уральский хребет разделяет два крупнейших мировых материка Европу и Азию, то исторические события, происходящие в мире с незапамятных времен, существенно влияли на развитие этого региона, а природа, климат, постоянная миграция народностей с Запада и Востока создали уникальную специфику региона, которая предопределила возникновение неповторимых черт, таких как евразийство, общинность, духовность.

Наряду с традиционными народными промыслами (оленоводство и рыболовство на севере Урала, скотоводство и сельское хозяйство на Среднем и Южном Урале) с петровских времен начала широко развиваться промышленность: железорудное производство, добыча и переработка цветных металлов и т. п. За счет процессов урбанизации и экономических реформ, происходивших с конца XIX – начала XX вв. в России, сотни тысяч крестьян стали рабочими, утратив связь с общиной и православным приходом. Поэтому в национальной одежде уральцев постепенно появлялись элементы городского стиля.

Политические события, произошедшие в России после Октябрьской революции, также значительно повлияли на экономическое и культурное развитие Уральского региона, сопровождающееся глобальным переселением целых народностей с Юго-запада страны. Особенно сильно оно проявилось со времен II мировой войны: эвакуация промышленных предприятий из оккупированных немцами регионов страны, большие комсомольские стройки.

В последние десятилетия прошлого века началась интенсивная добыча нефти и газа на севере области. Все это привело к активному поселению на Урале украинцев, белорусов и других народностей. Поэтому интеграция народностей Урала, значительно

* *Татьяна Васильевна Захарова* – д-р хим. наук, профессор кафедры конструирования и дизайна одежды ф-та конструирования и моделирования одежды Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

усилившаяся при произошедшей в последние 20 лет глобализации мирового сообщества, способствовала интенсивному восприятию ценностей других культур.

Известно [См.: 1], что в Свердловской области сейчас проживает около 70 национальностей. Причем первые 5 мест по численности (около 95,5 %) занимают русские, татары, украинцы, башкиры и немцы. А первую десятку (около 2,44 %) составляют, в основном, белорусы и коренные жители Урала (марийцы, удмурты, чуваша и мордва), соответственно занимая с 6-го по 10-е места. Такой тесный контакт различных народностей с самобытной культурой не мог не сказаться на образе жизни, народных обычаях и культуре одежды. На протяжении многих веков жители Урала усвоили совокупность материальных и духовных ценностей, присущих разным этническим группам и в итоге создали «свою культуру», ориентируясь на нее в своей повседневной жизни.

Если объединить этнические особенности коренных народностей Урала, то можно сказать, что традиционным костюмом женщин Уральского региона вплоть до XVIII века был сарафан, отличающийся по крою, расцветке и ткани у различных национальностей. Сарафанный комплекс [См.: 2] дополнялся рубахой, которая в конце XIX века с приходом городского стиля была заменена «кофточкой в талию». В качестве верхней одежды в русском костюме уральцев с конца XVIII века нередко использовалась «епанечка (коротена)», имеющая гладкий перед, а сзади украшенная крупными складками.

Еще одной особенностью национального костюма жителей Урала является многослойность ансамбля, состоящего из нескольких, надеваемых одна поверх другой одежд: например, южные башкиры несколько халатов надевают один поверх другого.

Немаловажную роль в народном костюме играли способы украшения самой одежды. Гармоничное сочетание контрастных цветовых соотношений декора и ткани образовывали единое целое народной одежды.

Однако этнокультурный комплекс не оставался неизменным во времени, он изменялся в ходе взаимодействия и адаптации этноса к условиям социокультурной и природной среды, что часто приводило к смешению стилей в национальных костюмах уральцев. А в зависимости от территории проживания различались и обычаи в манере ношения вещей, в их сочетании, в комплектности.

Национальные традиции в одежде в настоящее время, в основном, проявляются только на праздниках и, реже, в различных обрядах и используются, как правило, в отдельных, чаще сельских, районах региона, удаленных от транспортных развязок и промышленных городов. Сегодня сарафанный комплекс, несколько видоизменяясь и упрощаясь, остается основой праздничной и обрядовой

одежды прежде всего для женщин и пожилых людей и чаще всего его можно встретить на выступлениях фольклорных коллективов.

До 90-х годов XX века, когда Россия была изолирована от мирового сообщества, отечественная швейная промышленность в основном использовала разработки Домов моделей, которые существовали во многих крупных городах и республиканских центрах. Со времен Н. Ламановой отечественные художники-модельеры, равно как и дизайнеры всего мира, нередко в качестве источника вдохновения при создании современного костюма выбирали национальные костюмы, используя цвет, крой, пропорции, силуэт, аксессуары, их конструктивное и композиционное решение. Как правило, обращение к богатому опыту народного творчества делает современную одежду удобнее, рациональнее, более соответствующей своему назначению. Таким образом, в индустрии современной моды разработка новых направлений часто базируется на поговорке: «Всякое новое – это хорошо забытое старое». А «старый» в сознании россиян идентифицируется с преимущественной ориентацией их культуры на традицию. Поэтому создание моделей для широкого круга потребителей, как правило, базируется на современности и этничности.

Сейчас, в период интеграции общества, мода интернациональна. Идеалы, нравственные нормы, традиции и обычаи различных народов, а также приемы народного искусства, заимствованные из творческого наследия и все чаще встречающиеся во внешнем облике и костюме, являются неперенным условием сохранения общества как интегрированного целого.

Конечно же, современная действительность, характеризующаяся динамичностью жизни, развитием мегаполисов, уходом на второй план сельской жизни, накладывает отпечаток на современный костюм. Современный костюм отличают новые подходы к использованию традиций в решении колористической гаммы, широко используются контрастные цветовые сочетания. Народные формы одежды применяются лишь как базовые силуэтные формы. В качестве отделки часто предлагаются аппликация, вышивка, бахромы, узорная строчка, окантовка, обшивка сукном, кожей, мехом. Чем удачнее, тоньше синтез национального и модного направлений, тем более приемлема и жизненна одежда.

Для исследования использования этнокультурных традиций в современном гардеробе жителей Урала составили анкету. В ней попытались выявить отношение респондентов к культуре своего народа, из каких источников получают потребители одежды информацию о национальном костюме, основные привлекательные для них черты национального костюма и использование их в личном гардеробе.

Анкетирование было проведено среди респондентов наиболее активного с точки зрения потребительских предпочтений в одежде возраста – 19–30 лет. В опросе принимали участие студенты заочной формы обучения старших курсов некоторых вузов г. Екатеринбурга, обучающиеся по специализациям дизайн и конструирование одежды. Эта группа респондентов хорошо разбирается в истории костюма и современной моде.

Среди опрошиваемых респондентов оказалось русских 81,6 %, метисов 9,2 %, татар 4,6 %, украинцев 2,3 %, марийцев и башкир по 1,15 %. Таким образом, каждый десятый респондент генетически унаследовал, как минимум, две национальности.

Большинство респондентов назвали своим постоянным местом жительства города и областные центры (87,7 %). В районных центрах и сельской местности живет по 5,6 и 6,7 % соответственно.

На вопрос «Как Вы относитесь к культуре своего народа?» 53,2 % респондентов ответили, что осознают культуру своего народа своей, 39,5 % – затруднились с ответом, и 7,3 % – не осознают культуру своего народа своей.

Знания о народном костюме в основном получены респондентами из литературы – 32,6 %, в учебных заведениях – 19,5 %, в музеях – 14,2 %, и только 9,4 % – в семье. Остальные 24,3 % респондентов получают эту информацию при просмотре театральных постановок, кинофильмов и телепередач, а также при посещении выставок и ярмарок.

Причем информацию о национальном костюме получают по двум источникам из перечисленных в анкете 26,4 %, по трем – 18,4 %, а по четырем – 12,6 % респондентов.

На вопрос «Что Вы знаете о народном костюме Вашей национальности?» 29,1 % ответили, что имеют полное представление о национальном костюме. По 17,4 % респондентов ответили, что имеют представление либо только о повседневном, либо о повседневном и праздничном национальном костюме, 10,5 % – только о праздничной одежде. По 7,0 % респондентов ответили, что имеют представление либо только об обрядовой одежде, либо об обрядовой и праздничной одежде, а по 5,8 % либо ничего не знают о национальном костюме, либо имеют представление об обрядовой и повседневной одежде.

85,1 % опрошенных никогда не надевают национальный костюм, 4,6 % – только на народных праздниках, столько же (4,6 %) на семейных торжествах и 5,7 % только иногда надевают национальный костюм. Таким образом, исследуемая группа респондентов, в основном, предпочитает костюм городского стиля, пришедший на Урал еще в позапрошлом веке, и национальные костюмы в повседневной жизни, как правило, не носит.

Примерно каждый седьмой респондент носит одежду прямого (6,7 %) или свободного (7,5 %) силуэтов, характерных для сарафанного комплекса коренных жителей Урала, большинство же молодых женщин (85,8 %) предпочитают полуприлегающий и прилегающий силуэты одежды.

В основном, потребители одежды правильно оценивают цветовую гамму национальных костюмов жителей Урала. 61,9 % респондентов назвали преобладающим в их национальном костюме «красный» цвет, 22,1 % назвали белый, 3,2 % – черный, 12,8 % указали другие цвета. Никто не назвал «клетку», часто используемую в повседневных национальных костюмах.

При ответе на вопрос «Придерживаетесь ли Вы при составлении своего гардероба цветовой гаммы Вашего национального костюма?» выявлено, что 60,9 % – не придерживаются цветовой гаммы, 34,5 % – не задумывались над этим вопросом, и только 4,6 % – придерживаются. То есть потребители одежды при выборе цветовой гаммы своего гардероба в основном опираются на психофизиологическое восприятие.

Больше всего в национальном костюме потребителей одежды привлекает художественное оформление – 39,6 % и нарядность – 21,5 %. Использование экологических материалов – 19,5 % и удобство – 10,6 % занимают соответственно 3-е и 4-е места, практичность – 3,4 % (5-е место). По 2,7 % респондентам либо нравится функциональность национальной одежды, либо их ничего не привлекает в национальном костюме.

Из элементов национального костюма 29,7 % респондентов хотели бы использовать в собственном гардеробе вышивку, 24,7 % – кружева, 18,2 % – аксессуары. Примерно по 10 % респондентов хотят иметь в своем гардеробе изделия из натуральных тканей и с расцветкой в национальных традициях. В настоящее время эти элементы широко используются модельерами при создании одежды нарядно-повседневного значения. Кроме того, в молодежной одежде стиля «casual» также часто используется вышивка, обработка кантами, кружева, аппликации и различные аксессуары (бусы, пряжки, декорированные пояса и проч.).

Только каждый девятый (8,8 %) считает, что современная мода отражает национальные интересы. Примерно каждый третий респондент (30,8 %) считает, что современная мода только частично отражает национальные интересы. Каждый пятый (18,7 %) считает, что современная мода вообще не отражает национальные интересы, а 31,9 % респондентов вообще не задумываются над этим вопросом. 9,8 % респондентов утверждают, что современная мода отражает национальные интересы только в декоре.

При необходимости национальный костюм шьют сами 42,4 % респондентов, 25,9 % – шьют в ателье, 20 % – берут на прокат, нигде не приобретают – 8,2 %, и только 3,5 % респондентов его покупают. Поэтому 44,2 % респондентов считают, что специализированные магазины национального костюма не нужны. 37,2 % считают целесообразным открытие таких магазинов, 11,6 % респондентов утверждают, что такие магазины в городах области уже есть, 7 % – не задумывались над этим вопросом.

Таким образом, проведенный опрос показал удовлетворительные знания потребителей одежды Свердловской области об этнических особенностях национального костюма и пониженный интерес к национальным традициям в современном костюме.

Кроме того, для выявления использования потребителями одежды национальных традиций в современном костюме старшекурсникам факультета конструирования и моделирования одежды Гуманитарного университета было предложено составить личный гардероб хотя бы на месяц. Основным требованием при составлении гардероба была его неповторяемость в течение всего месяца. При этом учитывались предпочтения в выборе ассортимента и цветовой гаммы в соответствии с личным цветотипом и направлением моды на текущий сезон, а также силуэт и предпочитаемый стиль (классический, романтический, авангардный, спортивный и т. п.).

Проведенный анализ гардероба студенток факультета КМО показал его демократичность и хорошую взаимозаменяемость комплектующих изделий. Он сильно отличается по количеству изделий (от 16 до 52 единиц) в зависимости от фантазии, дохода семьи, места работы. Это позволяет девушкам выглядеть современно, стильно и разнообразно.

Студентки, как правило, подбирают свой гардероб в соответствии с направлением моды на текущий сезон. В частности, в сезоне осень-зима 2008–2009 в гардеробе студенток модные юбки-карандаши составляют 7,7 %, брюки классические – 13,1 % (классика всегда в моде), блузки (рубашки) – 11 % (всегда в моде), джемпер с V-образной горловиной – 8,5 %, топ с воротником-стойкой – 9,8 % (модный воротник текущего сезона), костюм брючный – 4,5 %, платье-костюм деловой – 1,9 %, нарядное платье – 7,7 % (должно быть у любой девушки), футболки – 6,6 %, жилет (вязанный) с V-образным вырезом – 2,2 %, жакет удлиненный – 6,6 %, кардиган – 6,4 %, шорты – 1,2 %, водолазка – 8,8 %, сарафан – 2 %, туника – 2 %.

Причем молодежь предпочитает в своем гардеробе готовые импортные вещи из джинсовой ткани и трикотажа (джемпера, топы, платья, футболки, водолазки, кардиганы) как наиболее функцио-

нальные, ориентируясь в первую очередь на цену (29,6 %), качество (23,2 %) и удобство (15,1 %).

В гардеробе использованы разнообразные цвета (рис. 1). Их выбор связан с направлением моды, практичностью и личным предпочтением.

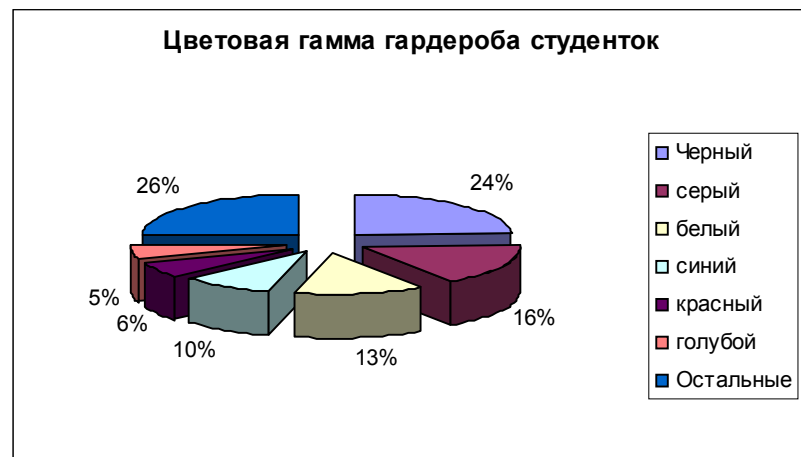

Рис. 1

Как видно, среди всего предложенного ассортимента одежды в гардеробе черный и серый цвета набрали по 24 и 16 % соответственно. Третье и четвертое места в обобщенном гардеробе студенток разделили белый (13 %) и синий (10 %) цвета. За ними – красный (6 %) и голубой (5 %) цвета.

Преобладание изделий черного и серого цветов связано, во-первых, с тем, что они наиболее модны в текущем сезоне, во-вторых, они очень практичны и хорошо сочетаются с другими цветами. Но все-таки студентки в первую очередь при выборе цвета руководствовались практичностью, а не модой, так как другие цвета (розовый, фиолетовый, темно-лиловый и бордовый), которые набрали мало процентов, сейчас также на пике моды.

Среди трикотажных изделий водолазки, топы и футболки (рис. 2) белого цвета занимают в гардеробе первое место (27 %), на втором месте – изделия черного цвета (20 %), на третьем – коричневых оттенков (10 %).

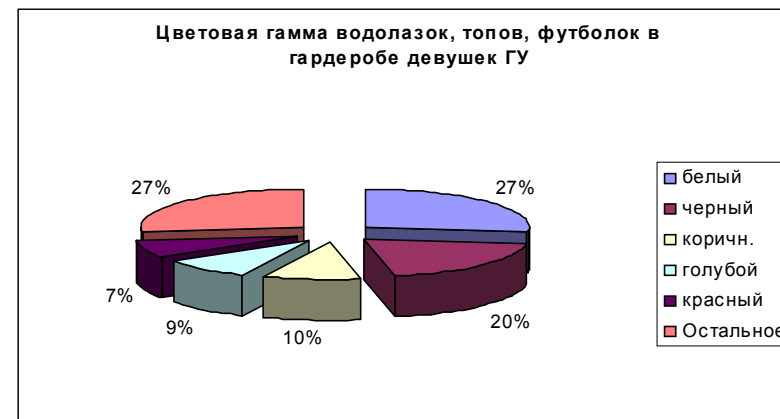

Рис. 2

На пятом месте в гардеробе студенток находятся джемпера. Среди них джемпера белого цвета занимают первое место (28 %), за ними предпочтение отдается черному (21 %) и голубому (15 %) цветам.

Кроме того, было проанализировано, из какого количества вещей состоят комплекты одежды студентов ГУ. Хотя в сезоне осень-зима 2008–2009 очень популярна многослойность, которая является также неизменным атрибутом национальной одежды уральцев, студентки используют многослойность, как правило, только в нарядной одежде. А их повседневный костюм очень лаконичен: только каждый третий студент ГУ применяет в своем гардеробе комплекты из трех вещей. Гардероб 70 % респондентов состоит в основном из 2-х изделий. Очевидно, это проще, экономичнее и удобнее.

Кроме того, для выявления удовлетворенности национальных интересов покупателей и их предпочтений был проведен мониторинг рынка одежды на примере некоторых торговых центров г. Екатеринбург. В исследованиях принимали участие студенты 5-го курса факультета КМО Гуманитарного университета.

Например, в ТЦ «CORTEO», представляющем одежду ведущих модельеров Америки, Италии (Armani, D&G и др.) для потребителей бизнес-класса, предлагаются коллекции последних тенденций моды.

Для представленных коллекций характерен минимализм. Как правило, длина изделий выше колена, примерно, на 10 см. В основном, это комплекты, состоящие из юбок и блузок. Часто встречаются маленькие прямые или полуприлегающего силуэта платья. В некоторых моделях применяется очень глубокая пройма без ру-

кавов. Низ изделий оформляется либо одноцветной полоской другого цвета, либо рядом отделочных параллельных строчек. Изредка в юбках «клевш» встречаются оборки на подъюбниках.

Многослойность костюма при гармоничном соединении элементов в комплект обеспечивает его практичность и функциональность. Например, легкие из натурального шелка платья, как правило, дополняются либо жакетами классического стиля, либо укороченными жакетами, напоминающими по силуэту русские распашные душегреи. В широком ассортименте трикотажные удлиненные джемпера и кардиганы с геометрическим орнаментом.

Основная черно-серая цветовая гамма коллекций разбавлена фиолетовыми, красными и розовыми оттенками. Ткани однотонные, очень редко набивные с мелким цветочным рисунком, чаще с металлическим блеском.

Armani предлагает верхнюю одежду трапециевидного силуэта с расклешенными рукавами. Линия плеча чаще заниженная (близка к рубашечному крою) или, наоборот, завышенная.

Силуэты легкой и верхней одежды, предлагаемой Dolce & Gabbana и другими итальянскими и американскими дизайнерами, в отличие от одежды Армани, приближены к национальным русским рубашкам, только выше колен. Широко используются ткани в «клетку». Употребляются различные виды и способы комбинирования тканей самых разнообразных рисунков и структур.

Горловина многих моделей либо глухая, либо немного открытая и собрана под «кулиску», как в национальных русских костюмах. Для придания приталенного силуэта в основном используются широкие пояса. Многие воротники выкроены наподобие пелерины и различными способами задрапированы или застегнуты с помощью молний, пуговиц или пряжек. Часто в изделиях используется либо завышенная, либо заниженная кокетка. В ассортименте коллекций широко представлены сарафаны выше колен с различно оформленной горловиной (глухой, с глубоким V-образным или круглым вырезом).

Таким образом, народные традиции в современном костюме как бы приспособляются к современному направлению моды, подчиняясь ее форме, силуэту, пропорциям, деталям.

И, наконец, опрос потребителей одежды в возрасте от 18 до 50 лет на местах продаж показал, что для молодежи сейчас актуален городской стиль, а также стиль «casual». 50 % респондентов (это в основном потребители средней возрастной группы) предпочитают деловой или классический стиль. Нарядную одежду покупает каждый третий потребитель, а романтический стиль свойственен потребителям в возрасте 19–25 лет (17 % респондентов).

Около 80 % респондентов предпочитают одежду из натуральных тканей: (хлопка – 56 %, натурального шелка – 16 %, льна – 7 %).

А для потребителей старшего возраста модельеры трудятся не очень активно. Поэтому эта возрастная группа, как правило, подбирает для себя хорошо скрывающую формы трикотажную одежду, нередко преемственную из национального костюма.

Из всего ассортимента трикотажной женской одежды исследовались только платья и джемпера как наиболее востребованные в гардеробе молодых женщин в осенне-зимнем сезоне. Выявлено, что примерно половина трикотажных изделий, представленных на рынке одежды г. Екатеринбурга, черного цвета, четвертую часть занимают изделия серого цвета (рис. 3), хотя эти цвета не отражают цветовую гамму национального костюма уральцев.

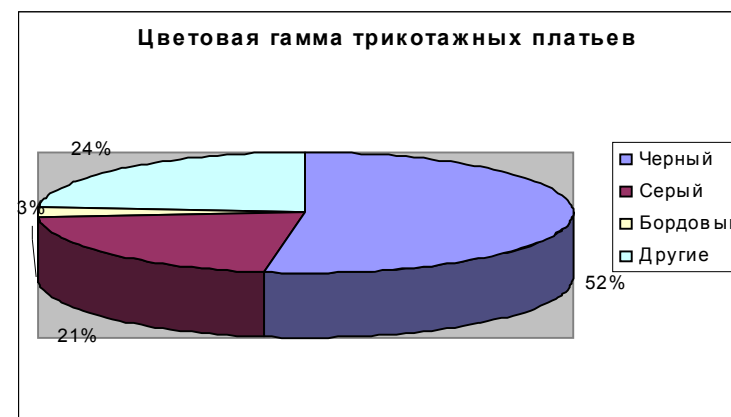

Рис. 3

Поскольку десятую часть гардероба девушек составляют блузки, то также исследовали насыщение рынка Екатеринбурга этой ассортиментной группой.

На основе проведенных исследований на местах продаж был выявлен различный ассортимент блузок, от повседневных до нарядных, как для молодых девушек в возрасте 14–30 лет, так и для женщин среднего и старшего возраста. Большую часть рынка занимают такие страны-производители, как Китай (23 %), Турция (19 %), совместное производство (14 %), Италия (9 %). Российских блузок на рынке представлено всего 9 %. Около 50 % предлагаемых в продаже блузок сшиты из натуральных тканей: хлопка (35 %), шелка (13 %), остальные из смесовых или синтетических тканей. Таким образом, потребители одежды без особого труда могут

укомплектовать гардероб блузками в соответствии со своими предпочтениями и национальными традициями.

В заключение можно сделать несколько выводов. Глобализация мирового сообщества на современном этапе и интеграционные процессы, интенсивно происходящие во всей России и в частности на Урале, существенно отразились на менталитете соотечественников, что сказалось на их отношении к использованию национальных традиций в современном костюме. Имея генетическую память своего народа, потребители одежды при составлении своего гардероба все же полагаются на направление моды текущего сезона, лишь в некоторых случаях отдавая предпочтение национальным традициям в крое, декоре, функциональности, практичности, приверженности к натуральным тканям.

Хотя модельеры мира в текущем сезоне предлагают в легкой и верхней одежде прямой силуэт с завышенной талией и сравнительно много сарафанов, что характерно для сарафанного комплекса жителей Урала, молодежь все-таки отдает предпочтение прилегающему и полуприлегающему силуэтам, используя в своем гардеробе сарафаны только в 2 % случаев.

Хотя красный и белый цвета являются преобладающими в национальной одежде уральцев, хитом сезона 2008–2009 гг. в повседневной одежде является черно-серая гамма, разбавляемая другими теплыми цветами, как правило, путем использования либо аксессуаров, либо различно выполненной отделки. Отрадно, что вторым в расцветке хитом текущего сезона является «клетка», которая наиболее часто использовалась в повседневном национальном костюме уральцев.

Таким образом, современные люди могут сейчас одеваться лучше, красочнее, разнообразнее, в соответствии с индивидуальными особенностями, этнической средой, обеспечивая высокий уровень культуры одежды. Поэтому на российском рынке одежды, где одновременно присутствуют различные европейские и азиатские производители, можно встретить и ультрамодную одежду, пришедшую с подиумов мира, и одежду, вобравшую в себя как элементы направления моды текущего сезона, так и фольклорные мотивы различных наций. Эта одежда демократична и может удовлетворять любые вкусы потребителей.

Литература

1. Национальный состав населения Свердловской области. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. – Екатеринбург, 1992.
2. Народное искусство Урала. – Екатеринбург: Свердловский областной дом Фольклора, 2006.

В. А. Мальцева*

Народный костюм как источник творчества в современном дизайне одежды

Традиционная культура России всегда характеризовалась внимательным отношением к произведениям народного искусства и обращением к его богатым традициям. Народный костюм – это бесценное неотъемлемое достояние культуры народа, наполненное могучей животворной силой. Его наиболее типичные черты: форма, крой, приемы декора, способ ношения и др. в последние годы определили одно из перспективных направлений в индустрии моды – этно-стиль.

Кафедра «Дизайн» Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, выпускающая специалистов в области дизайна костюма, в качестве приоритетного направления выбрала решение задач по популяризации, сохранению, реконструкции и творческой трансформации компонентов народного и ритуального костюма.

Богатый этнографический материал Липецкой области, юга России и стран ближнего зарубежья служит источником творчества для будущих дизайнеров в процессе создания коллекций одежды.

Положение Елецкого уезда, входившего до середины XX века в состав Орловской губернии, было исключительно благоприятным для промышленного и культурного развития и обмена. Железнодорожное сообщение по пяти направлениям способствовало активизации торговли и широте экономических связей. В костюме крестьян Елецкого уезда в XIX веке наряду с домотканым полотном использовались фабричные декоративные узорные ткани, а также декоративная отделка, изготовленная промышленным способом.

Традиционная одежда Елецкого уезда, сочетавшая в себе черты как южного комплекса одежды, так и костюма донского казачества, сохраняла отработанные веками устойчивые формы, определяющие ее своеобразие, вплоть до начала XX века.

В костюме крестьянки Елецкого уезда, состоящем из рубахи, поневы и запона, в качестве декора использованы полосы кумача, белые ажурные прошвы ручного и машинного кружева, вышивка

* **Виктория Алексеевна Мальцева** – канд. пед. наук, доцент, кафедра дизайна Елецкого государственного ун-та им. И. А. Бунина (г. Елец).

разноцветными нитями по канве, строчевые вставки, аппликации, оборки, рюши. Костюм характеризует прямой крой со свободно падающими линиями, конструктивность и рациональность: модулем здесь является ширина полотнища домотканой или покупной фабричной ткани. Основные детали одежды кроили, перегибая полотнище вдвое по утку или основе. Рубаха, которую носили в Елецком уезде, с прямыми полками, короткая, с пришитым воротником, украшенная вышивкой хлопчатобумажной нитью, с дополнениями в виде прямоугольных или косых вставок (поликов, ластовиц), сохранила архаичные черты. Для поневы традиционно использовались ткани двух видов (домотканая шерсть и хлопчатобумажная ткань), близкие по цветовой гамме. Элементы кроя соединялись в техники лоскутного шитья. По краю понева украшалась полосой узорного ткачества. Передник-«занавеска» прямоугольной формы выполнялся из домотканого красноузорного холста, с пришитыми полосками строчевой вышивки, вышивки крестом, кружевных прошив и кумача. По подолу передник декорировался оборками из хлопчатобумажной ткани красного и белого цвета.

Большой интерес для будущих дизайнеров представляла работа по реконструкции костюма Елецкого уезда. Были точно скопированы не только элементы кроя, материал, фурнитура, но и орнаменты архаичной вышивки, богато декорирующей ворот, плечье и подол рубахи. Двухцветная вышивка (нити черного и красного цвета) несет в элементах орнамента и вышитых знаках основы языческого мировоззрения древних славян, характеризующие антропоморфизмом, сакрализацией природных стихий и социальных явлений. Так, элемент вышивки «мировое дерево» – это не только образ, с помощью которого осуществляется моделирование мира, но и символ единства человека и природы, связывающий человека с космосом.

В работе над проектированием коллекций «Россошаночка», «Полосатый аЖЖиогаж – ажур и трикотаж», «Кубелек», «Донские напевы», «Роза деним» и др. (дипломанты и призеры конкурсов «Губернский стиль», «Экзерсис», «Кремлевские звездочки») студенты факультета дизайна Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина активно использовали богатый этнографический материал Центрально-Черноземного региона России. В моделях гармонично сочетаются этнографические мотивы и авторские стилистические находки. Использована традиционная для южного комплекса цветовая гамма (красный, желтый, белый, черный), в декоре просматриваются архаические языческие символы, характерные для восточнославянских племен (бык – плодородие, конь – солнце и др.), техника лоскутного шитья, сочетание трикотажного полотна и кружева и др.

Славу города по праву составляют елецкие кружева – самобытные, орнаментально сложные, с тонким коклюшечным плетением по художественно выполненным сколкам. Кружева дополняли ансамбли одежды всех социальных слоев Елецкого уезда.

В своих проектах студенты и преподаватели факультета дизайна популяризируют этот промысел, предлагая использовать его эстетические особенности в современном костюме. Сотрудничество факультета и ЗАО «Елецкие кружева» плодотворно и взаимовыгодно: студенты-дизайнеры разрабатывают модели одежды из кружевного полотна или с элементами кружевоплетения для серийного выпуска, а фирма предоставляет им возможность в ходе производственной практики постигать основы мастерства под руководством ведущих специалистов.

Миграционные процессы на постсоветском пространстве внесли определенные изменения в национальную составляющую региона. Переселенцы из Средней Азии, Закавказья, с Севера России, из бывших союзных республик, как носители иной самобытной культуры, добавили в местный колорит свежие краски. В 2007 году на факультете появились коллекции «Абр» («Облако») и «Таране» («Неспешный разговор») на основе традиционного узбекского костюма. В одном случае автора вдохновила цветовая палитра восточных тканей, в другом – элементы костюма.

Это стало возможным, поскольку пластические формы народного творчества не теряют эстетической ценности, несут коренные идеи народного переживания в любой точке мира, создают основу для художественных традиций, что позволяет запечатлеть в современном костюме процесс развития образного освоения мира.

В современном мире существует убеждение, что любой народ может существовать и развиваться в том случае, если он сохраняет свою культурную идентичность, свое своеобразие. Народы России сумели в сложных исторических и природных условиях создать свою самобытную оригинальную культуру, которая не только заимствовала у западных и восточных стран, но и оказывала влияние на другие культуры. Поэтому одной из первостепенных задач на сегодня является защита и сохранение подлинных ценностей национальной культуры, опирающейся на многовековые духовно-нравственные и эстетические начала, одним из которых является народный костюм.

Л. В. Мержиевская *

Преимственность уральского этнокультурного наследия в современном костюме

Этапы формирования уральского костюма, начиная с XVI века, повторяют периоды становления горнозаводской культуры. Первоначально по мере заселения русскими Среднего Урала одежда напоминала северорусский традиционный костюм. Целый ряд признаков, таких как «руйская» рубаха, связывали его с одеждой народов северорусских регионов. Позднее в основном в окрестности Нижнего Тагила переселилась крупная группа туляков и новгородцев. Это обстоятельство, безусловно, оказало влияние на модернизацию костюмного комплекса Урала (к примеру, однорогий новгородский кокошник, повязки-«ленты» в девичьем обрядовом костюме). От потомков жителей южных российских регионов с XVII века остались рубахи с косыми поликами и сороки с круглыми сарафанами. Таким образом, на протяжении XVI–XVII веков костюм уральцев *русифицировался* и отличался самобытным соединением в костюмном комплексе элементов северорусского, центрально-русского и южнорусского костюмов.

Специфику уральского костюма диктовала и пестрая этническая ситуация в регионе. На вид традиционной русской одежды повлияли особенности костюма коренных народов *Северного Прикамья и верхней Печоры* (к примеру, совики из оленьего меха с капюшоном). Оставило свой отпечаток на горнозаводском костюме влияние *старообрядческой* культуры. Это выжалось в сохранении традиционных форм в обрядовом костюме, распространении косоклинного сарафана и т. д.

К концу XVIII века незаметно терялись региональные черты и добавлялись отдельные элементы или характеристики как переселенческого, так и местного финно-угорского костюма. Трансформировались детали, затем видоизменился традиционный крой, в последнюю очередь модифицировался декор. При этом сокращалась доля домотканых (особенно конопляных) тканей, появля-

лось изобилие «мануфактуры». Интерпретируется орнамент, сохраняя все же архаичные пласты культуры: упрощенные геометрические мотивы сменяются растительными, монохромная и красно-черная гамма перерождается в полихромную. В результате складываются собственные орнаментальные традиции, зарождается самобытное искусство вышивки на ткани.

Постепенно уральский костюм приобретает стилистическую однородность и стабильность. По описанию Д. Н. Мамина-Сибиряка в очерке «От Урала до Москвы», «по внешнему виду с непривычки не отличить хохла от туляка или от кержака: те же кафтаны, ... шубы и полушубки», женщины «щеголяют в русских сарафанах, подвязывают длинный передник под самые мышки и носят на головах платки».

К началу XIX века влияние двух разнонаправленных процессов – *старообрядческого быта и европейской моды* царских чиновников – сформировало модернизированный костюм, который становится зеркальным отражением уральской культуры на этом историческом этапе. Европеизация в уральском костюме дворянства, купечества I и II гильдии, богатого населения городов-заводов превратилась в «фольклорную трактовку» новых европейских форм. Во второй половине XIX века складывается особый тип горнозаводского мужского костюма. Европейская основа русифицируется благодаря рубашке-косоворотке, распространившейся в качестве модного костюма среди интеллигенции, а позднее – в рабочей-крестьянской среде. На Урале меньше, чем в целом по стране, используют «домотканину», в женской одежде раньше заменяют сарафан на комплект из кофты и юбки, отказываются от головных уборов в бытовой одежде.

В настоящее время среди устойчивых стилей в одежде «кантри» не является доминирующим, но кантри-стиль обособленно занимает свою нишу в международном русле моды. Механическое воспроизведение фольклорного материала в современной одежде без переосмысления их с позиций XXI века обрекает модельера на неудачу. В последнее десятилетие изменился *этнокультурный подход* профессионалов индустрии российской одежды к грамотному сочетанию национальной самобытности и модного направления. Особую роль в проектировании одежды играет образное моделирование и, как неотъемлемые инновационные его компоненты, семиотические, смыслообразующие факторы.

Представляем некоторые выводы краткого семиотического анализа двух устоявшихся структур уральского костюма: сарафанного комплекса северного типа и более позднего ансамбля с поневой южного типа (с членением на линии талии или бедер). Вертикальные линии дают ощущение основательности, прочности, стройности. Разноуровневые горизонтальные линии создают пред-

* *Любовь Владимировна Мержиевская* – ст. преподаватель кафедры художественного проектирования и теории творчества УГГУ (г. Екатеринбург).

ставление о спокойствии, ширине, просторе, имитируя русский пейзаж. Преобладание горизонталей в южнорусских и вертикалей в севернорусских образах, а также их сопряжения с постоянным радиусом кривизны свидетельствуют о стабильности, величии, монументальности.

Вертикально-горизонтальные пересечения образуют прямоугольник – модульный формообразующий элемент уральского костюма в целом и его элементов в частности. Статичный прямоугольник обладает той же семиотической информацией, что и образующие его линии. Прямоугольные и, реже, слегка трапецевидные формы деталей костюма продиктованы их конструктивными, функциональными и эргономическими характеристиками.

Комбинаторика прямоугольных фигур выводит на крестообразные формы, обладающие полны спектром семиотики креста. Эта форма характерна для *конструкции рубахи* (сороки), которая служит основой любого костюма, как этнического, так и современного. Тип рубахи является своего рода кроеным женским платьем в сегодняшнем понимании ансамбля, которое впоследствии было преобразовано в платье-костюм (кофту с юбкой или сарафаном).

Наиболее характерной особенностью уральского костюмного комплекса является ансамблевое решение: рубаха – сарафан – полушубок, рубаха – понева – наверхник. *Многослойность* необычайно модна и востребована в индустрии современной одежды модных направлений, таких как гранж, casual.

Согласованность и соподчинение наслаиваемых элементов ярко выражают тектонические принципы, диктуют модульную систему пропорционирования. Вариативность деталей ансамбля обеспечивает многочисленные комбинации формосложения и формочитания.

Архитектоника костюмного комплекса в основном подчеркивалась *подпясыванием*. Поясное деление (в сарафане – под грудью, в костюме с поневой – на талии, с акцентом на бедрах) определяло визуальное распределение масс, четко выявляло организацию пропорционирования. В современной индустрии молодежной одежды чрезвычайно востребованы поясные аксессуары как доминирующие элементы либо как композиционные центры всего ансамбля.

Особой популярностью, в основном в молодежной одежде, пользуются *капюшоны*, пришедшие в свое время в уральский костюм от прикамских и печорских народов. Капюшон, безусловно, стал неотъемлемым атрибутом и смысловой доминантой мужской, женской и детской, домашней, спортивной и верхней одежды. Конструктивная вариативность его кроя, кажется, не знает предела: капюшон, переходящий в воротник-апах; разъемный капюшон на молнии, трансформирующийся в пластичный воротник, прикрывающий плечевой пояс, и пр.

К специфике модного кроя относится акцентирование линии бедер или завышенной талии. В последнем сезоне популярны, как преобразованные разновидности косоклинного старообрядческого сарафана, *расклешенные вставки* в изделия прямого кроя, причем лишь в заднее полотнище, что дает возможность нетрадиционного совмещения двух силуэтов. Как винтажный вариант, вновь заявил о себе крой по косой – годэ. И, как всегда, привлекает изредка встречающаяся, но всегда оригинальная *асимметрия* воротника, заимствованная от модной в конце XIX века косоворотки.

Перечисленные композиционные и морфологические средства значительно усиливают образно-выразительные качества костюма. Все это в полной мере относится и к этническому костюмному комплексу, и к современному ансамблю.

Необыкновенно популярно *интегрирование* в ансамбле (реже – в одной вещи) казалось бы *несочетаемых* фактур, которое частично заимствовано из русского и регионального костюма. Особенно стильно и элегантно выглядят многофактурные монохромные модели, а также одежда из тканей, имитирующих определенную фольклорную фактуру. Эксклюзивность уральского орнамента выигрышно смотрится в трикотажных изделиях. Весьма смело, к примеру, соединение трикотажа со льном, декорированное в духе уральского костюма.

В этнокультурном контексте хочется выделить высокий уровень мастерства екатеринбургского Модного дома Л. Селяниной, представленного «фирменным» трикотажем Ларисы Селяниной и креативной молодежной линией Анны Селяниной. Неповторимые сочетания объемов контрастных геометрий, метроритмических декоративных решений, пластических и фактурных характеристик, присущие уральскому национальному ансамблю, служат неиссякаемым источником фонтанирования в их коллекциях («Русь светлая», «Касли»). Авторский стиль ярко выражен в ахроматических моделях с геометризированным орнаментом, стилизованным под каслинское литье, в который врезаются ажурные клинья ручной работы. Так неподражаемо вплетают в узоры собственное ощущение ритма жизни талантливые интерпретаторы региональной культуры, благодаря которым расцветчиваются серые улицы промышленного города и стандартные «евроремонты» офисов.

Авторская трансформация российских и региональных народных мотивов способствует обогащению и обновлению современного костюма. При этом национальный уральский колорит не акцентируется, а лишь угадывается. Дивергентная трактовка этнических традиций в сегодняшней индустрии одежды поднялась на качественно иной уровень. Этот неоспоримый факт заслуженно признан в российской и международной индустрии одежды.

К вопросу о декорировании традиционного костюма обских угров последней трети XX века (на материале музейных коллекций)

В традиционном костюме обских угров были установлены традиции, регламентирующие его конструктивные и декоративные аспекты. Однако последняя треть XX века для коренных народов Севера стала периодом индустриального вмешательства в традиционную культуру этноса. Адаптационные процессы затронули все сферы жизнедеятельности этноса, в том числе и костюмный комплекс. Изменения коснулись традиционных технологий и средств производства костюма, в том числе системы его декорирования.

Исследование декора костюма проведено на материале музейных коллекций женского платья-рубahi из фондов Сургутского краеведческого музея, музея Природы и Человека г. Ханты-Мансийска. Хронологические рамки коллекций представляют последнюю треть XX века – период 1970–1990 гг.

В исследуемой коллекции платьев декор представлен техниками аппликации из ткани и вышивки бисером.

Расположение декора на платьях-рубахах традиционно для костюма обских угров:

- по периметру кокетки, в среднем от 1 до 5 см шириной;
- на манжете, от 8 до 10 см шириной;
- на планке застежки, в среднем 4–5 см шириной, до 20 см длиной;
- вкруговую по средней полосе платья, от 8 до 21 см шириной;
- вкруговую по нижнему краю платья, от 4 до 21 см шириной.

Традиционное платье восточных ханты декорировалось по данному принципу.

Система декорирования платья традиционна: расположение того или иного типа декора регламентируется в четко обозначенной зоне платья. Например: аппликация из ткани в форме чередующихся горизонтальных полос обычно располагается в области кокетки, манжет рукавов, низа изделия и средней линии платья. По-

* *Юлия Леонидовна Неривенько* – аспирант Сургутского государственного педагогического ун-та (г. Сургут).

добная система расположения декора обусловлена защитной функцией орнамента, который интерпретируется как орнамент-оберег [См.: 3. С. 47].

Таким образом, мифологические представления обских угров находили отражение в системе декорирования костюма. В исследуемой коллекции более 80 % платьев декорировано по традиционному принципу. Исследования этнографов подтверждают факт использования мастерицей традиционной схемы в расположении орнаментального мотива неосознанно, без акцента на религиозное значение орнамента.

К примеру, традиционно платье-рубahi украшаются контрастными нашивными полосками (от 3 до 10), которые располагаются горизонтально и подчеркивают конструктивные швы платья. Традиции строгого чередования по цвету утрачены, поэтому мастерица располагает полосы свободно, соблюдая лишь традиционную технику нашивания полос вручную.

Аппликация из ткани может представлять собой и простейший сюжет, построенный на сочетании горизонтальной полосы и треугольников, геометрических узоров и ромбических мотивов. Цветовая гамма в последней трети XX века более яркая, насыщенная, чем в традиционном костюме более раннего периода, что обусловлено богатым ассортиментом покупных тканей. Встречаются традиционные белые, желтые, синие, красные цвета, а также голубые, розовые, сиреневые, оранжевые полосы, в том числе и ткани с набивным рисунком.

Современная технология диктует и выбор техники: встречается аппликация, выполненная машинной строчкой. Допускают мастерицы в костюме нашивание декоративной тесьмы, заменяющей зигзагообразный декор. Подобное новаторство в декорировании костюма является следствием адаптивных процессов в культурной среде.

Широко применяется в исследуемой коллекции бисерная мозаика. Традиционно, широкая полоска бисера пришивается к подолу платья с небольшим отступом от края, более узкая полоска бисера проходит по средней линии платья. Узкие бисерные полосы украшают манжет рукавов, планку застежки.

Для большинства платьев характерно соединение бисерной вышивки и аппликации из ткани: в одном случае бисер располагается только по низу платья, в другом – украшает все детали костюма, в третьем – в орнаментальной полосе соединяются бисер и тканевые полосы в единую композицию.

Сопоставительный анализ применения в декоре исследуемой коллекции платьев вышивки бисером и аппликации из ткани показывает:

- аппликация из ткани – 90 %;
- вышивка бисером – 54 %;

• соединение в декоре платья-рубahi аппликации из ткани и вышивки бисером – 45 %.

Данные показывают преимущественное использование в декоре платья аппликации из ткани, что свидетельствует об устойчивом влиянии традиционных технологий. Реже в декоре применяется вышивка бисером (в 50 % от общего количества исследуемых источников), возможно, по причине отсутствия материала или недостаточно сформированных технологических навыков бисероплетения.

Исследование показало, что в последней трети XX века в декоре платья применяются и нетрадиционные материалы: стеклярус, металлические бусины. Вливание новых материалов в декор традиционного платья-рубahi связано с адаптивными процессами внутри этнической группы.

Технологические особенности бисероплетения традиционны, цветовые соотношения бисера в декоре платьев представлены монокромными и полихромными сочетаниями.

Цветовые сочетания декора обычно не гармонируют с общим цветом платья, а ярко выделяются на нем. Это признак традиционного подхода к изготовлению костюма, в котором проявляется духовная культура ханты – элемент защиты человека от негативного воздействия извне [См.: 3. С. 49].

Мотивы декора традиционны для культуры обских угров: полоса, зигзагообразная полоса, узоры на основе ромба, растительные, зооморфные мотивы, и отличаются универсальностью для всех технологий.

Соотношение декоративных мотивов в технологии аппликации из ткани и вышивки бисером

Исследование показывает, что определенные мотивы (например, горизонтальные декоративные полосы) характерны для аппликации из ткани, другие (например, ромбический узор и растительный орнамент) чаще применяются в технике вышивки бисером. Преобладание того или иного вида декора находится в прямой зависимости от технологических особенностей выполнения орнамента.

Результаты исследования свидетельствуют о заметных изменениях в декоративных традициях изготовления костюма комплекса обских угров. Система орнаментации платья адаптирует традиционную технику к современным декоративным средствам и материалам. Таким образом, орнамент является отражением исторически сложившихся художественных традиций и способен модифицироваться под влиянием окружающей среды. Развитие форм орнамента, мотивов и технологий декорирования – результат процесса адаптации традиционной художественной культуры к социально-экономическим преобразованиям в этническом сообществе.

Литература

1. *Богордаева А. А.* Традиционный костюм обских угров. – Новосибирск: Наука, 2006.
2. *Лукина Н. В.* Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). – Томск, 1985.
3. *Лукина Н. В.* Альбом Хантыйских орнаментов (восточная группа). – Томск, 1979.
4. *Молданова Т. А.* Орнамент народов Западной Сибири: Сб. статей / Под ред. Н. В. Лукиной. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992.
5. *Митлянская Т. Б.* Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока. – М.: Просвещение, 1983.
6. *Кошаев В. Б.* Орнамент как источник и форма художественной традиции в прикладном искусстве. Ханты-Мансийский окружной центр культуры и ремесел. – Ханты-Мансийск, 2004.
7. *Кулемзин В. М.* Человек и природа в верованиях ханты. – Томск, 1984.
8. *Сязи А. М.* Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000.

*Е. М. Пичугова**

Промышленное искусство и художественные промыслы Урала как элемент этнокультурного наследия региона

В настоящее время интерес к исследованию народной художественной культуры проявляется во всех аспектах: историческом, культурологическом, искусствоведческом. В стремительном темпе развития начала третьего тысячелетия – времени активной технологизации и компьютеризации – актуален вопрос взаимоотношения человека с окружающей средой, другим человеком и, наконец, с самим собой. Нарушенное единство человека с природой, землей настоятельно заставляет обратиться к народной мудрости – памяти рода человеческого. А значит, возникает потребность восстановления истории народа, его образа жизни и творчества. Этими мотивами самосохранения объясняется тяга общества к таким традиционным и современным художественным проявлениям, как фольклор и ремесло, к их истории.

В центре нашего внимания будут памятники художественных промыслов Урала, среди которых хочется, прежде всего, отметить *каслинское литье*.

В XVIII веке Каслинский завод прославился отличным железом, в XIX веке большую известность ему принесло чугунное художественное литье. Первые отливки из каслинского чугуна появились в 50-х годах XIX века. Это были крупные изделия. Среди них плиты, решетки, садовые скамейки, надгробные барельефы. В 1860–1890 годах чугунное художественное литье достигает своего наивысшего расцвета. В это время Каслинский чугунолитейный завод получает дипломы и медали выставок в С.-Петербурге, Париже, Вене, Филадельфии, Стокгольме... Большую известность и славу каслинскому литью принесла Всемирная выставка в Париже в 1900 году, где была представлена интереснейшая работа – чугунный павильон.

* *Елена Михайловна Пичугова* – преподаватель кафедры конструирования и дизайна одежды ф-та конструирования и моделирования одежды Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Каслинское художественное литье представляет собой целый мир разнообразных тем и сюжетов: от крестьянина-пахаря до Венеры Милосской, от массивных торжественно печальных надгробий до тончайшей цепочки для карманных часов, от монументальных скульптурных фигур до миниатюрных статуэток нежных балерин, от решеток для грандиозных сооружений до изящной садовой мебели, от простой формы посуды до ажурных настенных и настольных тарелок, ваз, подсвечников, шкатулок, коробочек, пепельниц. Напоенные живописными соками русской природы, понимая ее красоты, каслинские мастера сумели разгадать сложный узор морщин коры старых деревьев, приветливо подставляющих свои ветви пернатым гостям, прекрасных цветов, различных плодов, радующих своей сочностью. Они сумели сохранить в тяжелом чугуне мягкую грусть опавшей листвы и старой хвои. Предметы каслинского художественного чугунного литья поражают ощущением долголетия и прочности, если не сказать вечности, несмотря на всю хрупкость и ажурность некоторых отливок.

История *каслинского литья* начинается в том же XVIII веке, когда купец Мосолов купил у местных жителей землю под металлургическое производство, и в 1789 году Куслинский железодельный завод начал выпускать первую продукцию: скобы, гвозди, обручи. В середине XIX века завод освоил производство посудного и печного литья, которое, несмотря на простоту своих форм, требовало немалого умения и опыта. Начало производства художественных отливок на заводе относится к 1883 году. В Кусе выпускали монументально-декоративную и чугунную станковую скульптуру. Одно из центральных мест в продукции завода занимала мемориальная пластика.

Нельзя обойти вниманием *златоустовский оружейный промысел*. В начале XIX века под началом Вильгельма Шафа азы оружейного искусства постигали талантливые уральские мастера – Иван Бушуев и Иван Бояршинов, вошедшие в последствии в Историю отечественного оружейного дела как самые выдающиеся художники-граверы России. Они создали свой неповторимый стиль декорирования оружия, который впоследствии стали называть «златоустовским».

Современный Златоуст известен и как центр художественной промышленности, специализирующейся на выпуске разнообразных утилитарных предметов, в украшении которых ведущая роль принадлежит *златоустовской гравюре*. В 1920–1930-е годы златоустовская гравюра приобрела статус народного искусства и стала одним из видов художественной промышленности страны. Одним из наиболее интересных результатов этой творческой деятельности стало появление нового вида златоустовской гравюры – «живописи

на металле», воспроизводящей с помощью светотеневой моделировки цветными никелевыми полутонами живописные эффекты пейзажей известных художников.

Особое место в этнокультурном наследии Урала занимает *камнерезное и ювелирное искусство*. Драгоценные камни, добытые на приисках, отправлялись в кладовые Екатеринбургской гранильной фабрики, которая уже в 1774 году выросла в мощное для своего времени предприятие по переработке самоцветов. Здесь, на фабрике, постепенно складывается, развивается искусство гранильщиков, чьи заветы сохранились в памяти веков как фольклор, как сказы и легенды, питающие творчество современных уральских художников-ювелиров. Фабричные мастерские быстро освоили секреты и тонкости гранения самоцветов в «звездочку», «розой», в ленточную и бриллиантовую грань. Развиваясь, гранильный промысел создал множество ответвлений, отраслей изготовления вещей из поделочного камня: малахитового, яшмового, селенитового.

А сколько узких специализаций было в промысле! В одном доме семья делала брелки, в другом – пасхальные яйца, а в третьем – пепельницы, в четвертом – спичечницы в виде башмака – всего не перечесать. И что самое интересное – кустари стали использовать поделочные камни для украшений: изготавливали малахитовые браслеты и ожерелья, бусы из хрусталя, аметиста, реже топаза, использовали сургучную и калканскую яшмы в брошах, браслетах, сережках, запонках.

Изделия из меди выпускались на уральских заводах в огромном количестве начиная с 1730-х годов. Это, прежде всего, разнообразных форм столовая, дорожная и кухонная посуда: чайники, чайницы, кофейники, кружки различных форм (цилиндрической формы, усеченно-конической формы, усеченного конуса с вогнутыми стенками и т. д.), а также другая домашняя утварь.

Знаменитые тагильские подносы олицетворяют собой еще один вид декоративно-прикладного творчества – *урало-сибирскую роспись по металлу*. Неповторимы по красоте подносы – картины, где в центре зеркала подноса располагалось цветочное, пейзажное изображение, а края зеркала обрамлялись широкой полосой геометрического или стилизованного растительного орнамента. Поражало разнообразие форм: круглые, прямоугольные, фигурные и овальные, с ажурной решеткой, с просечными ручками – подносы были шедеврами народного искусства. Тагильскую роспись невозможно спутать ни с какой другой. Ей присущи богатство красок, повышенная декоративность, чистота и изящество в обработке цветов, главная из которых красавица-роза. Законченность композиции, утонченная вязь орнаментов – вот те черты и особенности,

что сложились за 250-летний период существования этого вида искусства.

Сегодня мы с гордостью говорим, что руками тагильских мастеров-художников восстановлена цветочная и ягодная роспись, трафаретные орнаменты, совершенствуется сюжетная роспись. Выросла плеяда молодых талантливых мастеров – гордость предприятия.

Издавна Урал славен своими мастерами. По всей России славились не только каслинское литье, златоустовские гравюры на стали, шкатулки из зеленого уральского малахита, но и другие виды декоративно-прикладного творчества и традиционных ремесел.

Художественнаяковка металла известна с XVIII века. В наше время ручная художественная ковка возродилась – кузнечное дело с годами не только не стареет, но и становится востребованным, развивает свойственную металлу изящную стилистику.

Гончарное дело существует на Урале с конца XIX века. Это не поточное производство, с применением гончарного круга создаются разные по форме и размеру изделия. Для широких вазонов и горшков нужен круг с небольшим скоростным механизмом. Мелкие изделия удаются на так называемом «быстром» круге.

Возрождается *ручное ткачество*. Сейчас востребованы дорожки, декоративные коврики, актуальны плетеные пояса.

Первые сведения о *бисероплетении* относятся к IX–XII векам. Для многих народов, населяющих Урал, элементы одежды, отделанные бисером, стали неотъемлемой частью национального костюма. Сегодня этот вид рукоделия активно развивается благодаря доступности и разнообразию бисера, стекляруса, бусин.

Лозоплетение, плетение из рогоза, соломки и бересты – все эти виды ремесел издавна используют при изготовлении различных хозяйственных поделок (шкатулки, подставки для горячего, короба и блюда, декоративные панно, емкости для хранения зерна, корзинки для грибов и ягод, столы и диваны, женские сумки и др. Эти предметы не только утилитарны, они радуют глаз четкостью ритмов плетения, умелым подбором цвета, богатством фактур. Из соломки плели всевозможных размеров скульптуры, а на бересте выполняли тиснение узора.

Лоскутное шитье является одним из наиболее развитых видов декоративно-прикладного искусства Урала. Это веселое, почти детское ремесло появилось давно. Живет оно и сейчас: лоскутное панно, одеяла, жилеты, покрывала, шторы, аксессуары. Для них характерны нарядность и практичность.

Резьба и роспись по дереву относится к числу наиболее древних видов декоративного искусства. На Урале, славящемся лесными богатствами, она получили развитие с незапамятных времен.

Жизнь в лесах, использование леса для строительства жилища и изготовления бытовых предметов способствовали развитию художественной обработки дерева. Под воздействием резца дерево превращается в произведения скульптуры, живописи и прикладного декоративного искусства. В этой технике выполняют и маленькую детскую деревянную игрушку и крупную – выше человеческого роста станковую или декоративную скульптуру.

Ручной вышивкой в старину богато украшали полотенца, мужские и женские рубахи, передники, подзоры, рукавицы, косынки, платки. Все узоры многозначны, неповторимы, поражают высокой техникой исполнения. В настоящее время вышивка тоже популярна, и орнаменты ее не менее разнообразны и красочны, чем раньше: пейзажный, геометрический, растительный и др.

Творческая энергия народа сохраняется для будущего поколения, воплотившись в промышленном искусстве и народных промыслах Урала. Их продукция – это не что иное, как квинтэссенция культуры, традиций, быта, менталитета людей, ее создающих. Это результат творчества многих мастеров, единый в своей художественной структуре и необычайно разнообразный во всем, начиная с материала и кончая трактовкой изобразительных форм.

Изучение «корней» своего народа, культуры своих предков жизненно необходимо для формирования личности, деятельность которой связана со сферой индустрии одежды. Через осмысление приемов обработки природных материалов, приемов формообразования, образности продуктов народного творчества приходит понимание самобытности и эстетической значимости одежды, умение использовать естественные природные формы и материалы, понимание образно-смысловой сущности одежды.

Л. В. Росновская*

Этнокультурная компонента подготовки конструкторов-дизайнеров одежды: региональный аспект

Мультiculturalность – характерное проявление современной мировой культурной динамики, связанной с усилением и усложнением межкультурных взаимодействий, с активным переосмыслением понятия и роли «другого». До недавнего времени воспроизводство культурных форм все еще могло осуществляться в условиях относительной изоляции. Но интенсификация миграционных и демографических процессов привела к значительному расширению границ межэтнических взаимодействий. Характерной особенностью социальной среды становится полиэтничность.

Возвращение к этничности, определенная переоценка роли и значения отдельных национальных культур и влияния этих процессов на самосознание людей является общей закономерностью и для системы образования. Связующим звеном, призванным помочь человеку осознать себя одним из составляющих целостного множества особенных, специфических и одновременно равноценных и паритетных единиц, становится полиэтничное образование, которое в содержании высшего профессионального образования может быть представлено этнокультурным компонентом.

В рамках компетентного подхода результатом этнокультурной подготовки будет этнокультурная компетенция/компетентность, рассматриваемая большинством исследователей как неотъемлемая часть социальной компетенции. Словарь-справочник по социальной психологии определяет этнокультурную компетентность как «степень проявления человеком знаний, навыков и умений, позволяющих ему правильно оценивать специфику и условия взаимодействия, взаимоотношений с представителями других этнических общностей, находить адекватные формы сотрудничества с ними с целью поддержания атмосферы согласия и взаимного доверия»¹.

* **Людмила Валентиновна Росновская** – канд. пед. наук, завкафедрой конструирования и дизайна одежды ф-та конструирования и моделирования одежды Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ *Крысько В. Г.* Словарь-справочник по социальной психологии. СПб.: Изд. дом «Питер», 2003. С. 387.

В дизайн-образовании это качество специалистов имеет особое значение в виду актуальности не только в социальном, но и в профессиональном аспекте. Знания о той или иной этнической культуре способствуют не только эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию. Понимание специфики, закономерностей сохранения и развития этнокультур, интерес к мировому и региональному этнокультурному наследию стимулируют и, в конечном итоге, обеспечивают поиск путей вариативности конструктивного формообразования и художественной образности в одежде. Ведь осмысление настоящего и его дальнейшее развитие в дизайне одежды, как впрочем и в любой другой сфере деятельности, невозможно без обращения к пройденным цивилизационным ступеням. Надо справедливо отметить, что обращение к этнокультурному наследию как источнику идей не является новацией. Этническая культура – наиболее древний слой национальной культуры. Ей свойственны некоторый консерватизм, уходящая в далекое прошлое преемственность, ориентация на сохранение «корней». Отдельные ее элементы становятся символами самобытности народа, привязанности к историческому прошлому. Этнокультура – источник особого народного языка. Из нее заимствуют сюжеты и образы, музыкальные мелодии, стили и приемы оформления. Почти каждый дизайнер на определенном витке своей деятельности ищет вдохновение в исторических и народных традициях, обращаясь к этническим мотивам.

Под этнокультурной компетенцией конструктора-дизайнера одежды мы понимаем качество личности, выражающееся в наличии знаний и представлений о той или иной этнической культуре, реализующееся через умения интерпретировать этнокультурное наследие в создаваемых высокохудожественных образцах моделей одежды, а также через модели поведения, способствующие эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию.

Этнокультурная компетенция конструктора-дизайнера одежды частично объединяет группы социально-личностных, общекультурных и профессиональных компетенций и является важной составляющей общей профессиональной культуры. Она значительно расширяет возможности личностного и профессионального развития, позволяет успешно осуществлять профессиональную деятельность в межкультурном контексте.

Формирование такого свойства личности в условиях образовательной среды требует соблюдения, по крайней мере, трех позиций:

- углубленного изучения и освоения дисциплин этнологического профиля;
- ориентации на достаточно глубокую этнокультурную специальную подготовку студентов для успешной деятельности в сфере

индустрии одежды по созданию интеллектуально-художественных моделей, интерпретирующих наследие народов многонациональной России;

- ориентации на приобретение студентами необходимого социального опыта, способностей и готовности к повседневной практической деятельности среди различных национально-этнических общностей.

Системе профессиональной подготовки конструкторов-дизайнеров одежды необходимо максимально внимательно строить отношения с той накопленной в соответствующей культуре традицией, которая определяется этническим и национальным контекстом. Тема культурных реминисценций, доминирующая на современном этапе развития, обязывает по-новому осмыслить культуру того или иного национального региона, понять его особый стиль, сформированный на основе генетического этнохудожественного кода, отразить эту информацию в содержании образования.

Географическое расположение Урала обусловило проживание на его территории представителей различных общностей (русские, татары, башкиры, марийцы и др.), различающихся по физическому типу людей, религии, языку, культурно-хозяйственным признакам. Поистине велик познавательный и образовательный потенциал культурного наследия этого исключительно полиэтнического региона, ресурс которого до сих пор полностью не реализован. Можно с уверенностью сказать, что интегрируя этнически разные элементы, культура Урала обеспечивает возможность межкультурного и межэтнического взаимодействия, реализуя модель полиэтнического единства.

Произведенные в культурных рамках региона артефакты переходят в статус предметов-символов, становясь атрибутами современной региональной культуры Урала. Так, камнерезное искусство по праву считается «визитной карточкой» Урала. А оригинальный и самобытный характер произведений уральского декоративно-прикладного творчества (художественные изделия из меди, художественная роспись металлических изделий, художественная обработка камня, уральский фарфор и фаянс, бисероплетение, ручное ткачество и др.) позволил многим из них стать ценнейшими памятниками культуры всего человечества.

Традиционный костюм народов, населяющих Урал, отличается богатством форм, насыщенностью цветовой гаммы, своеобразием техник кроя и декоративной отделки, приемов обработки материалов. Конструктивные и технологические приемы изготовления традиционного костюма – это, прежде всего, этно-художественно-технологическая информация. С точки зрения социального артефакта она обуславливает воспитание профессиональной этики в исполь-

зовании отдельных фрагментов при проектировании современного костюма.

Аккумулируя и передавая социально-культурный опыт, сложившийся на территории региона, образовательные учреждения Урала призваны воспитывать ценностное отношение к родной культуре, формировать чувство причастности к ней.

Проблема этнокультурного контекста в учебном процессе на уровне общего образования отражена во многих педагогических исследованиях (Л. В. Кузнецовой, Д. И. Латыпова, В. К. Шаповалова и др.). Известны пять моделей введения национально-регионального и этнокультурного компонентов в содержание общего образования: межпредметная, модульная, монопредметная, комплексная и дополняющая. Т.В. Поштарева дополняет данную типологию специальной и практико-ориентированной моделью. Заслуживают внимания разработанные ею этноориентированные педагогические технологии, формирующие восприятие многообразия культур как норму жизнедеятельности; развивающие устойчивые представления о взаимосвязи этнокультур; вырабатывающие умения эффективно функционировать в условиях поликультурной среды². Но этот методический материал нуждается в адаптации к условиям высшей профессиональной школы и непосредственно к специфике подготовки конструкторов-дизайнеров одежды.

К сожалению, специальная литература и научные исследования по данному вопросу в большинстве своем не предлагают конкретных методологий и подходов к непосредственному изучению региональной традиции, ограничиваясь общими рекомендациями и замечаниями. Следует отметить крайне скромное освещение и проработку проблемы этнокультурных особенностей региональной дизайн-практикой. Вместо детального исследования национальной традиционной культуры как ядра этнокультурного контекста региона, она активно эксплуатирует уже наработанные эстетические решения и копирует известные проектные стилистики.

Конструктивный материал по вопросам разработки и практического использования этнокультурных образовательных технологий в процессе подготовки специалистов художественно-творческого профиля отчасти содержится в работах Ю. П. Азарова, А. Д. Жаркова, А. С. Каргина, Т. Г. Киселевой и др.

² См.: Поштарева Т. В. Этнокультурная компетентность как социально-педагогическое явление // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: Материалы Международной научной конференции: В 2 т. / Отв. ред. В. В. Гриценко. Смоленск: Универсум, 2008. Т. 2.

Что же касается непосредственно сферы подготовки проектировщиков одежды, то следует отметить исследования С. К. Ткалича, посвященные специфике проектирования региональной художественной константы в дизайн-образовании³. Автор предпринял попытку сопряжения знаний о культурном наследии полиэтнического региона с исследованиями Е. В. Жердева (концепция художественной информативности объекта)⁴. В результате были определены научно-методические подходы к организации изучения региональной специфики и разработана педагогическая технология, позволяющая выявлять знаково-символьные особенности наследия народов многонациональной России. Следуя концепции С. К. Ткалича, мы выделяем три блока визуальной информации для изучения этнокультурного наследия Уральского региона:

- графическая культура;
- технические приемы декорирования изделий;
- предметы-символы современной региональной культуры.

Среди элементов графической культуры Урала наибольший интерес для конструктора-дизайнера одежды будут представлять тагильская роспись по металлу (цветочная, ягодная, пейзажная), трафаретные орнаменты, роспись по дереву. К техническим приемам декорирования изделий можно отнести бисероплетение, лозоплетение, лоскутное шитье, ручную вышивку, ручное ткачество. Предметы-символы кодируют специфику уральских школ. К ним мы относим каслинское литье, произведения камнерезного и ювелирного искусства, златоустовскую гравюру на стали.

Наиболее эффективной формой организации деятельности студентов по освоению этнокультурного содержания с точки зрения глубины познания и степени осмысления будет самостоятельная исследовательская деятельность студентов, направленная на сбор, изучение, анализ и использование в учебном и внеучебном процессе материалов, раскрывающих особенности культуры, истории, традиций, быта, образа жизни, психологии народов, проживающих в регионе. Исследовательские проекты представляют собой самостоятельный творческий поиск, который мотивирует и актуализирует познание, желание проникнуть в богатство культуры. Необходимой составляющей проектов является обоснование авторской концепции к выборке и интерпретации регионального наследия. Визуальными атрибутами такой концепции являются художествен-

³ См.: Ткалич С. К. Региональная художественная константа в дизайн-образовании: Монография. М., 2006.

⁴ См.: Жердев Е. В. Особенности взаимодействия композиции и метафорической образности в контексте семиотики дизайна // Вестник ОГУ. 2005. № 1. С. 73–82.

но-графические, конструкторские и технологические акценты проектируемых моделей. Данный подход позволит создавать принципиально новые формы одежды с уникальной художественно-смысловой образностью. Несомненно, это обогащает методологический базис дизайн-образования в целом и Уральской школы в частности.

Разумеется, изложенные позиции не бесспорны, допускают другие точки зрения, нуждаются в активном обсуждении как в педагогической, так и в профессиональной среде. Бесспорной остается необходимость этнокультурной компоненты в подготовке конструктора-дизайнера одежды, которая будет способствовать: приобщению студентов к культуре региона; усвоению знаний о культурах других этнических групп и их представителях; осмыслению общего, особенного и единичного в традициях, образе жизни, культурных ценностях народов; восприятию этнохудожественной информации для поиска новых конструктивно-технологических решений и художественно-смысловой образности одежды; воспитанию профессиональной этики в интерпретации этнокультурного наследия; формированию готовности и умения жить в полиэтнической среде.

Т. М. Селивёрстова*, М. В. Снегирёва**

Визуальная коммуникация: уральская этнокультурная традиция и современность

Современный костюм, являясь атрибутом моды, представляет собой социальное явление. Через него люди обмениваются информацией, самовыражаются, оставляют память о себе. Визуальная коммуникация, зрительные образы помогают лучше понять внутренний мир человека, его скрытые желания, обнаружить психологические комплексы, позволяют отнести его к какой-либо группе (яппи, метросексуалы, эмо, рэпперы и др.). Детали, аксессуары (портфель, очки, телефон, часы, ремень и пр.) говорят о взрослости человека или его нарочитой инфантильности (рюкзак, кеды с разноцветными шнурками, мягкие игрушки на сумке, вышивка на брюках и юбках, бантики, заколки, значки на бейсболках, бисерные «фенечки» и пр.).

Проблема идентификации человека соотносится с формированием и культурой той страны, в которой происходит его самосознание, а позднее и самопознание. Человек соотносит себя с близкой ему по духу культурой, воспринимает, анализирует ее, осмысливая богатство культур других народов. «Культура – сложная, саморазвивающаяся система, синтез деятельности личности и коллективно выработанных установок, где уровень тождества в то же время является и уровнем противоположности. Поиск идентичности – попытка установить, чем реально является тот или иной человек, та или иная культура» [1. С. 407]. В индустрии моды поиски идентичности особенно заметны и выразительны.

На развитие творческого потенциала современного студенчества оказывают влияние различные факторы: экономические, социокультурные, этнические и др. Немаловажное значение имеют благоприятные условия для развития талантливой молодежи. Их

* *Татьяна Михайловна Селивёрстова* – ст. преподаватель кафедры дизайна интерьера Художественно-педагогического ин-та РГППУ (г. Екатеринбург).

** *Мария Васильевна Снегирёва* – ст. преподаватель кафедры правового и документационного обеспечения управления Ин-та социологии и права РГППУ (г. Екатеринбург).

может создать образовательное учреждение, преподаватели, нацеленные на передачу студентам обновляющихся знаний. Они способны, во-первых, эффективно передавать профессионально значимую информацию, во-вторых, стремятся сформировать самостоятельную творческую личность, в-третьих, следуют традиционному русскому национальному костюму, учитывая при этом региональные особенности в одежде, в-пятых, помогают воспринять и осмыслить тенденции современной зарубежной моды и пр.

Роль педагога-дизайнера заключается в формировании основ знаний этнокультурных традиций, в создании современной системы эстетических категорий для развития художественного и интеллектуального творчества молодежи, что является важной и актуальной педагогической проблемой.

Эстетическое и художественное воспитание молодежи должно соответствовать времени, помогать в познании гармонии внешнего и внутреннего мира, постигаемых во всех аспектах жизни, а также преобразования ее многообразных эстетических форм. Студенты разных курсов ХПИ РГПИУ (г. Екатеринбург), в основном, демократичны по своему поведению и проявлению себя в социуме, лояльны как по отношению к эстетическим вкусам других, так и к стилям одежды. Здесь обучается молодежь не только города Екатеринбурга, но и области. Демократичность студентов отражается в стиле одежды, в которой реализуется творческая природа интеллектуальности молодежи, ее романтизм и наивность, в межличностных отношениях. В эстетическом аспекте молодой человек или девушка раскрываются как субъекты социальной жизни. Эстетические аспекты нужно умело направить в русло художественного творчества и дизайна одежды.

Общие педагогические принципы и практика художественной деятельности вуза помогают перевести категории эстетики в конкретные приемы, в неповторимые образы, учат умению определять проблему и доводить ее до определенной меры конкретности. Задача педагога дизайн-образования состоит в том, чтобы воспитать эстетический вкус и помочь учащейся молодежи эстетически освоить как этнокультурные традиции моды, так и современные направления моделирования и конструирования одежды. Романтизм, некоторая наивность стиля (в одежде некоторых провинциальных студенток) навеяны миром моды, поражают наличием бантов, лент, шнуровок, оборок и цветов. Освоив начальные навыки моделирования и конструирования одежды, они не боятся применять самые различные материалы: вельвет, шелк, сатин, шерсть, бархат и др. При более внимательном рассмотрении становится ясно, что все это копируется и перекликается с богатыми традициями развитой и добротной индустрии одежды Урала. Модные вещицы, выпол-

ненные своими руками (бусы, браслеты и др.), натуральные материалы, кружева, большие пуговицы на одежде, фактурность, декоративность, сочетание разных стилей, контрастность, прозрачность студенческой одежды перекликаются с этнокультурными традициями. Аксессуары: сумочки, перчатки, бусы, вещи «из бабушкиного сундука», которые казались вышедшими из моды еще совсем недавно, – выглядят «прикольно», что замечается и высоко оценивается сверстниками.

Именно сейчас реализуется такой принцип. Можешь? Считаешь себя творцом? Делай! Твори! Выражай свои идеи! Покажи, что такое традиции и настоящий дизайн в одежде, твой стиль мышления, твой визуальный язык. Одежда защищает студентов от агрессивности окружающей действительности, создает настроение, дает радость, помогает творческой самореализации, презентации себя во внешней среде, снимает некоторые психологические комплексы. Ткани разных расцветок в одежде, аксессуары подбираются в соответствии с творческим характером. Возможности будущих специалистов по моделированию и конструированию одежды наглядно демонстрируются на моделях в выпускных дипломных работах, на творческих выставках и экспозициях, которые в рамках учебной программы проводятся под руководством опытных педагогов, наставников.

Визуальная коммуникация, сочетающая уральскую этнокультурную традицию и современность, поможет молодым вписаться в профессиональный круг и утвердиться в нем. Но при этом необходимо привлекать законодателей моды Урала для проведения «мастер-классов» по последнему слову дизайнера в одежде, учить новым технологиям обработки синтетических и натуральных материалов, работать по уральским и европейским модным тенденциям. Должны создаваться экспозиционные и учебные центры, музеи моды, где можно посмотреть все лучшее, что создано руками студентов в моделировании и конструировании одежды; следует организовывать дискуссии профессионалов и начинающих дизайнеров, обмениваться мнениями по поводу различных направлений проектной деятельности в модной индустрии, проводить студенческие мини-конференции по вопросам дизайна одежды, получать навыки создания одежды от идеи до реального воплощения. Это эффективный путь взаимобмена информацией и идеями, делового и творческого общения, появление возможности продемонстрировать ценные творческие находки, поучиться друг у друга и вписать модные тенденции в свой стиль одежды.

По мнению специалистов, «современная индустрия моды в России не должна замыкаться внутри себя, она существует в рамках общеевропейской культурной традиции (несмотря на засилие

«азиатского» рынка). И это ни в коей мере не противоречит поискам собственно российской идентичности. Отечественная культура всегда носила открытый характер» [1. С. 411]. Усваивая европейское, студенческая молодежь сегодня занята поиском новой эстетики, собственной интонации, при этом опираясь на этнокультурные уральские традиции.

«Во всей этой неразберихе современной модной индустрии Россия обречена искать свой стиль, свои ткани, свои цвета и т. д. Причем, в зависимости от региона, творческие решения будут различны, что обусловлено климатом и состоянием экологии, социальными и экономическими условиями, особенностями национального восприятия, менталитетом, типами строения фигур конкретных групп людей» [2. С. 417]. Образовательные учреждения, утверждая учебные планы, готовя специалистов, могут учитывать региональную специфику и предлагать к творческой реализации соответствующие проекты. Некоторые шаги в этом направлении уже делаются.

Главной целью творческой молодежи является индивидуальность, присутствие «изюминки» в одежде, и в то же время соответствие современной моде. Именно они диктуют наиболее актуальные стили и тенденции развития индустрии одежды Урала, основные направления: уход от безликости, отражение индивидуальности владельца, качество, модный дизайн, доступность, удобство, комфортность, функциональность и пр. Многообразие стилей в студенческой одежде не выходит из моды: эклектика, популярный ранее минимализм, классика, в которой присутствует дизайн одежды прошлого времени. Студенты не боятся оригинальных русских орнаментных узоров, черно-белой классики, использования инкрустаций и аксессуаров из натуральных и искусственных материалов, наличия множества ненужных вещей или очень больших, объемных и громоздких аксессуаров.

Покупка дорогой современной, качественной, стильной одежды порой не под силу учащейся молодежи, а «секонд-хенд» не всем по вкусу, в ход идут технологии нанесения на одежду собственных трафаретов, своими руками шьется одежда, применяется окраска ткани вручную, покрытия лаком или воском, золочение, старение и др. Порой удивительные комбинации материалов, неожиданно соединенных друг с другом, ломают все сложившиеся стереотипы внешнего облика студента. Но сегодня таким многообразием стилей в одежде студентов преподавателей уже не удивишь, они требуют более тонких подходов в создании образов, эстетических решений, соблюдения этических норм, которые отрицают пошлость и вульгарность. «Необходимо подчеркнуть, что становлением гражданской культуры студенчества должен стать

стиль одежды молодых, при его помощи создается положительный имидж образовательного учреждения. Имидж выступает как составная часть культуры современного делового человека» [3. С. 203]. Креативность должна, безусловно, проявляться на занятиях, во время представления конкурсных, курсовых и дипломных работ, но в учебных аудиториях предпочтительнее деловой стиль одежды.

Участвуя в городских, межрегиональных, международных творческих конкурсах дизайнеров одежды, постигая секреты профессионального мастерства в образовательных учреждениях Среднего Урала, креативно мыслящие студенты могут реально продвинуть отечественную индустрию одежды. Таким образом, будут актуальными в обозримом будущем и национальная идентичность, и этнокультурная традиция, и современные технологии в индустрии моды. Будет востребован и творческий потенциал молодых.

Литература

1. *Субботина Н. М.* Идентичность и формирование имиджа // Современная Россия: путь к миру – путь к себе: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета (10–20 апреля 2008 года): В 2 т. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2008. – Т. 2.
2. *Бакеркина О. А.* Размышления о национальной гордости // Там же.
3. *Селивёрстова Т. М., Снегирёва М. В.* К вопросу о формировании гражданской культуры современного студенчества. Гражданская культура современного студенчества // Материалы Международной конференции, посвященной 50-летию ОСА-РОС (Екатеринбург, 14 ноября 2007 г.) – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007.

Индустрия одежды Урала в условиях возрождения христианской культуры

Религия, история Церкви составляют важнейшую часть исторического наследия общества. В разные исторические эпохи выдающиеся общественно-политические и церковные деятели, лучшие представители культуры, литературы, искусства посвящали свои произведения истории Церкви, сюжетам ее жизни. В Русской православной церкви (РПЦ) храмы и монастыри занимают особое место. Со времени введения христианства в России они служили центром духовно-нравственного учения для народа.

Христианство в России имеет более чем тысячелетнюю историю. Самые первые известия о проникновении христианства на Русь относятся еще к первым векам н. э. В IX веке Русь дважды принимала христианство: первый раз при Ольге – 957 г.; второй – при Владимире – 988 г. Летопись рассказывает о выборе веры князем Владимиром, к которому приходили представители всех религий. Подлинная причина перехода именно в христианство, причем в его восточном (православном) варианте, заключается в существовании прочных связей Руси с Византией, особенно в связи с торговлей по пути «Из Варяг в Греки». Еще в середине X века (при Игоре, и особенно при Ольге) в Киеве жили христиане, построившие даже свою церковь.

Крещение остальной Руси заняло длительное время. На Северо-востоке обращение населения в христианство завершилось лишь к концу XI века. Крещение не раз встречало сопротивление.

На Урал христианство начинает проникать с XI–XII веков. Однако целенаправленное движение его в крае начинается с конца XIV века с деятельности миссионера Стефана Пермского. Широко распространение христианства на Урале связано с процессом укрепления Московского централизованного государства и с его освоением Урала и Сибири в течение XVI века. Наиболее активно этот процесс начался с похода Ермака. В каждом поселке, крепости строились церкви, часовни, в XVI–XVII веках возникли монастыри.

* Людмила Васильевна Степанченко – доцент кафедры конструирования и дизайна одежды ф-та конструирования и моделирования одежды Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

В интерьере древнего храма большое значение имели богослужебные предметы из текстильных материалов. Они являлись составной частью богослужения, неся в себе христианскую символику, и одновременно выполняли эстетические функции, придавая особую торжественность интерьеру. Назначение их разнообразное: завесы царских врат, икон, воздухи, плащаницы, облачения духовенства. Перечисленные предметы выполнялись в большинстве своем из ярких дорогих тканей, привозимых из восточных и западных стран, – тафты, камки, атласа, бархата, парчи, алтабаса, аксамита, украшались драгоценными камнями, жемчугом, орнаментальным и изобразительным шитьем. Использование текстильных материалов в церковном обиходе, их назначение, формы предметов, украшения, орнаментальные мотивы и изобразительные сюжеты – все это появилось на Руси вместе с христианством и византийским православным богослужением. На протяжении веков они претерпевали изменения, следуя принятым требованиям канонов, символики и традиций Русской православной церкви.

В настоящее время наблюдается возрождение Русской православной церкви, происходит восстановление старых, открытие новых приходов, увеличивается численность священнослужителей. В связи с возрождением исторического наследия нашего общества вопрос разработки и производства обрядовой одежды является актуальным. В связи с этим остро встает вопрос об увеличении объема производства обрядовой одежды. Одежды православного духовенства установились еще в XVI–XVII веках и с тех пор остаются практически без изменений.

Одежда духовенства имеет несколько названий: одеяния, облачения, ризы. Облачения ветхозаветных священнослужителей оказали большое значение на состав, форму, символику одеяний христианского духовенства. Вид одежды зависит от ее назначения. В зависимости от места в церковной иерархии каждому духовному лицу свойственно ношение определенных одеяний. Костюм духовного лица является носителем информации о сане или звании человека, его носящего.

Одеяния православного духовенства отличаются от светской одежды. Одной из особенностей обрядовой одежды является обязательное наличие отделочных элементов, выдержанных в цветовой гамме, обусловленной символикой. В богослужебных облачениях используются обязательные отделочные элементы и элементы дополнительного декора. Для изготовления отделочных элементов и декора используют как готовые текстильные изделия, так и шелковые, металлизированные, серебряные и золотые нити в сочетании с жемчугом, драгоценными металлами и камнями.

Кроме того, декор выполняется в определенной, установленной веками цветовой гамме.

Обязательные отделочные элементы содержат определенный символический смысл. К ним относятся отделочные кресты, кустодии, бахромы, кисти, галуны, пуговицы, позвонцы. Эти элементы выполняются на большинстве предметов одежды духовенства.

Дополнительная отделка выполняется с применением материалов-компаньонов, а также в виде ювелирных изделий, дробниц, орнаментальной вышивки или «лицевого шитья».

Шитье – один из древнейших видов творчества. Лицевое шитье французский исследователь Г. Милле называет «живопись иглой». Ткани с шитыми изображениями (лицами) ценились особо. Лицевое шитье всегда следовало за традиционной иконописью. Оно развивалось на основе уже сложившихся традиций, преумножая и во многом обогащая их. Лицевое шитье заняло важное и строго определенное место в общем контексте церковного богослужения и церковного искусства. Предназначенное изображать святых и их жития, евангельские и библейские сюжеты, христианские символы, лицевое шитье подчинялось тем же канонам и правилам, что и икона и другие средневековые изобразительные искусства. Шитые знамена, хоругви, иконы брали в военные походы. Существовали даже целые шитые иконостасы. С помощью специальных швов имитируются драгоценные оклады икон. На Руси знали до ста художественных швов, вышиванием занимались женщины. Шитье церковных пелен, покровов, риз, одеяний считалось делом богоугодным, и не только в крестьянской среде, но и в высших слоях населения женщину с детства приучали к рукоделию.

Вышивальные мастерские, или «светлицы», с XII века известны в женских монастырях. Роль хозяйки светлицы была значительна: она подбирала и обучала мастериц, выбирала материал, художественные и технологические приемы, художника и сам сюжет. Каждая светлица имела свой «почерк». Светлицы были почти в каждом богатом доме. До наших дней дошли церковные предметы из дорогих материалов, поступавшие в монастыри и церкви в качестве вкладов от богатых людей. Это произведения мастерской первой жены царя Ивана Грозного Анастасии Романовны, мастерская тетки царя Ивана Грозного княгини Евфросинии Старицкой (середина XVI века); светлица, возглавлявшаяся женой Феодора Иоанновича Ириной Феодоровной Годуновой (вторая половина и конец XVI века) и боярина Д. И. Годунова.

Новая династия Романовых, стремясь восстановить разграбленные храмы Кремля и его мастерские, предприняла изготовление новых покровов, пелен, воздухов, перекидок и церковных завес.

Особое место в истории древнерусского шитья принадлежит «именитым людям Урала», богатым купцам и промышленникам Строгановым, воздвигшим и украсившим немало храмов. В их вотчине среди художественных мастерских были и вышивальные светлицы. Исследователи насчитывают более 150 произведений, вышедших отсюда с конца XVI по начало XVIII века, разделяя их работу на пять периодов, связанных с разными хозяйками светлиц. В этот период был выработан особый стиль строгановского шитья. Произведения Строгановых оказали влияние на многие мастерские XVII века. Петровские реформы и вторжение в русский быт западного искусства сказались и на церковном шитье, но в монастырских мастерских продолжали существовать старые школы шитья.

Искусство шитья церковных предметов начало возрождаться в 80–90-е годы XX века. Таким центром возрождения древнерусских ремесел на Урале является Ново-Тихвинский женский монастырь. (В 1994 году Святейший Патриарх и Священный Синод приняли решение о восстановлении в Екатеринбурге Ново-Тихвинского женского монастыря).

К сожалению в теоретических исследованиях и специальной литературе отсутствуют какие-либо систематизированные сведения о методах подбора материалов для облачений с учетом их свойств, методах обработки этого вида одежды, отделки и способах соединения декоративных элементов с основным материалом. Кроме того, разработка всех вышеуказанных методов и способов должна осуществляться во взаимосвязи с изделием в целом, с обязательным соблюдением требований канонов, символики и традиций Русской Православной Церкви.

В настоящее время для изготовления церковной одежды используются новые виды основных, подкладочных и прокладочных материалов, применение которых позволяет повысить формоустойчивость и качество изделий. При этом пакет изделия представляет собой сложную систему материалов, различных по физико-механическим и технологическим свойствам. Подбор пакетов изделия должен осуществляться на основе оптимизации физико-механических и технологических свойств материалов в процессе технологической подготовки производства. При этом особое внимание при проектировании и производстве одежды для священнослужителей Русской православной церкви необходимо уделить правильному подбору всех компонентов комплекта пакета материалов с учетом таких свойств, как усадка, волокнистый состав, прочность, жесткость швов, крутка ниток, возможность использования клеевого способа соединений слоев одежды, которые во многом определяют качество изделия.

Индустрии одежды Урала вполне по силам такая актуальная на сегодняшний день задача, как разработка промышленных методов изготовления обрядовой одежды с использованием новейших технологий и компьютеризации методов обработки.

В заключении хочется отметить, что возрождение и дальнейшее развитие церковного шитья находится в нераздельной связи с молитвой и духовным возрастанием тех, кто занимается этим видом церковного искусства, создает атмосферу духовности и нравственности, повышает культурный уровень работающих и привлекает их к более глубокому изучению основ православия.

Н. М. Субботина*

Этнокультурные традиции и мода

Культура создается человеком в такой же мере, в какой человек формируется культурой. Мерилом уровня культуры является степень свободы самовыражения личности, проявляющаяся в творческой деятельности. Но любое творчество невозможно вне постижения опыта предшествующих поколений, то есть вне культурной традиции. В общефилософском плане традиция представляет собой определенный тип отношения между последовательными стадиями развивающегося объекта, в том числе и культуры, когда старое переходит в новое и продуктивно работает в нем (А. Г. Спиркин). Диалектика развития культуры такова, что плодотворные традиции преобразуются в новой социокультурной реальности, способствуют ее развитию, тем самым приобретая устойчивость, другие традиции постепенно отмирают, на их место приходят новые, осуществляется закон преемственности. Традиция – механизм обеспечения упорядоченности и стабильности культуры.

Этнические культуры относятся к так называемым локальным историческим типам культур. Этнос, как устойчивая межпоколенная общность, выступает носителем культуры. К этнообразующим чертам относятся язык, семейный и бытовой уклад, костюм, этническое самосознание, традиции и ценности данного народа. Понятие «этническая культура» отражает определенный способ взаимосвязи элементов культуры данного народа, его индивидуальную целостность. В этой связи традиция выполняет этноинтегрирующие и этнодифференцирующие функции, являясь механизмом самосохранения и воспроизводства этнической общности.

Анализ индустрии одежды включает ряд аспектов, в том числе – феноменальный мир, реальное существование одежды и мир собственно моды, функционирующий как семиотико-социальная система. Как известно, мода отличается от простого дизайна костюма прежде всего своей семиотической природой. Исходя из этого исследователи делают вывод, что реальная одежда вовлечена в сферу «искусства технологий», тогда как мода – это «искусство воображения»: «...мода не конструируется на основе реальной одежды

* **Наталья Михайловна Субботина** – канд. филос. наук, доцент кафедры конструирования и дизайна одежды ф-та конструирования и моделирования одежды Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

как более высокая в семантическом аспекте система, а изначально создается в качестве идеального знаково-символического пространства. Это пространство отнюдь не является слепком с реальности, а само структурирует, конструирует реальность и совокупность реальных смыслов в совершенно различных частях социальной жизни» (*Шаров К.* Женская мода и гендерные мифологии // *Человек.* 2008. № 4. С. 89). Таким образом, мода как социокультурный феномен не дедуцируется только из одежды как утилитарного, а, напротив, активно влияет на формирование дизайна костюма, создавая такую реальность, которая зачастую вступает в противоречие с прагматикой и логикой «здравого смысла». Мода включается в процесс формирования «семиотики реальности», осуществляя как бы «светскую сакрализацию социума». Этнокультурная традиция, сталкиваясь с модой, также функционирует в семиотико-социальной системе, то есть на «стратегическом» и «тактическом» уровнях индустрии одежды.

В этом поле «знаково-символических игр» нельзя обойтись без обращения к опыту культурных традиций, так как именно они позволяют моде в определенной мере противостоять бесконечной изменчивости реального времени, стать «атемпоральной», «остановить мгновение». В такой интерпретации моды само время «превращается в семиотическую структуру: оно начинает обозначать нечто, а не являться чем-то» (Там же. С. 100). Мода не существует вне проблемы новаторства. Современная мода изменяется настолько стремительно, что получила определение «империи эфемерности» (*Ж. Липовецкий*). Однако никакая новизна не может рассматриваться вне теснейшим образом связанной с ней проблемы традиции. «В отличие от обычая мода ориентирована на современность, однако традиция составляет важный источник модных инноваций» (*Гофман А. Б.* Мода // *Культурология.* XX век. СПб., 1997. С. 290). И здесь мы можем вспомнить, что *А. С. Пушкин*, говоря о традиции, называл ее «умной стариной», сопрягая со словом «вкус»: «Во вкусе умной старины» («*Евгений Онегин*). Рассматривая моду, мы имеем в виду именно такую – «умную» – традицию, выходящую за узковременные пределы; не просто «сопутствующую», а содействующую культурному развитию современности.

Этника в костюме относится к традиционному народному искусству. Обращение к этническим элементам в современной одежде – это в том числе и знак толерантности, знак понимания и уважения к чужой культуре, и знак преемственности в развитии современной культуры. «Что касается одежды, например, то в последние десятилетия городской гардероб пополнился взятой у эскимосов курткой с капюшоном, пляжными сандалиями с ремеш-

ком между пальцев, идея которых перенята у японцев, русскими женскими зимними сапожками и южноамериканскими пончо... Сколько культурных ценностей, больших и малых, возникает на основе такого сотворчества разных народов!» (*Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г.* Культура народов мира глазами этнографов // *Глазами этнографов.* М.: Наука, 1982. С. 22–23). В этнической традиции ярче всего проявляется «звучание жизни», ее «трепет»: в стилистике линий, цветовой гамме, орнаментике; она как бы несет в себе «сокрытое молчание» тишины тысячелетий.

Если взять историю мировой культуры, то интерес к этническим элементам не только в одежде, но и в других сферах существовал с древнейших времен (восточные мотивы в античной культуре, «тотальное» увлечение этническим в эпоху Средневековья и Ренессанса, рококо и постимпрессионизма, и т. д.). Можно сказать, что «мода на этнику» могла усиливаться или ослабевать, но никогда не исчезала. При этом этническое, перенесенное на почву другой культуры, существует уже не как традиционное, а как «экзотическое», то есть новое, неожиданное и, следовательно, модное. С вниманием европейцев к японской и крито-микенской культурной традиции связано, например, появление, такого стиля, как модерн, влияние которого на современный дизайн трудно переоценить. Нельзя не вспомнить и так называемый «национальный романтизм», «неорусский стиль» начала XX века, «китайщину» и ориентализм, интерес к африканской этнике. И в наше время «экзотизм живет и побеждает, и этническое, как всегда, доставляет много радости дизайнерам и их счастливым клиентам...» (*Васильев А.* Этюды о моде и стиле. М.: Глагол, 2008. С. 358).

Тенденции современной моды впитали в себя множество цветочных, декоративных решений и пластических форм различных этнических традиций. Однако существует и то, что принято называть «игрой в этнический стиль», – следование лишь внешним признакам этнопринадлежности. К ним относят, в частности, «татуировки, рисунки хной на руках и ногах... и индийские бинди, которые наклеивают вдоль бровей, как делают Мадонна или Гвен Стефани» (*Шарм и Шик.* М.: Слово, 2006. С. 206), а также отдельные детали костюма, основанные на стереотипах существующих представлений об этнокультурных традициях того или иного региона. О последней с иронией пишет *А. Васильев*, говоря, что современных молодых дизайнеров России очень волнует тема «Одалиски в гареме»: «Они используют чаще всего ткани с блеском или люрексом, шьют шаровары, юбки-abajury в манере Поля Пуаре 1913 года, тюрбаны с эгретами, закрывают лицо вуалью и, разумеется, открывают живогик», из-за чего модели выглядят «нарочито театрально» и «старомодно по меньшей мере» (*Васильев А.* Указ. соч. С. 138).

Рассматривая культуру Урала, следует прежде всего отметить ее полиэтничный характер: в ней теснейшим образом переплетены традиции русского, татарского, мордовского, чувашского, башкирского, коми-пермяцкого, удмуртского народов. Кроме того, существуют также субэтносы, например, нагайбаки и другие этнические группы. Еще в эпоху Средневековья Епифаний Премудрый отмечал, что Урал – восточная окраина России – своеобразный многонациональный «котел», и будет ли соединение различных культур «живительно» для людей, или окажется «губительно» в противостоянии – зависит от того, как будут готовы народы к общению, что будет преобладать в их восприятии друг друга (См.: Образ Урала в документах и литературных произведениях. Екатеринбург: Сократ, 2007. С. 30). У П. Бажова уральское – значит «пестро собранное», то есть многообразное, многоцветное русское (Там же. С. 376).

Вот как описывал Д. Мамин-Сибиряк один из традиционных образов пожилой женщины начала прошлого столетия: она «ходила всегда степенно и на ходу слегка покачивалась, потому что носила всегда ботинки на высоких каблуках с узенькими носочками... Костюм бабушки неизменно состоял из старого покроя косоклинного сарафана, с глухими проймами назад; а в будни она носила шерстяной, а в праздники шелковый или даже парчовый. Из-под сарафана выставлялась в будни белая, а в праздники шелковая сорочка со старомодными рукавами: от плеча до локтя они представляли широкий буф, а от локтя облегали руку совсем плотно, образуя у самой кисти небольшую розетку. Сорочка застегивалась наперед дорогими застежками – серебряными и золотыми, иногда с дорогими камнями и даже бриллиантами. По будням на голове бабушки была надета неизменная «сорока», то есть что-то вроде тех косынок, которыми купчихи завертывают себе голову, как кокон, – и эта сорока делалась из одной материи с сарафаном и наперед имела вышитую жемчугом повязку. По праздникам она носила богатый кокошник, а на шее монисто и бусы» (*Мамин-Сибиряк Д. От Урала до Москвы // Образ Урала... С. 285–286*).

В культуре Уральского региона взаимодействуют христианские и мусульманские культурные традиции, издавна отражающиеся и в одежде. «Влияние Екатеринбурга одинаково отзывается как на интересах народов угро-финского племени, как вогулы, так и на народах тюрко-татарского, как башкиры, киргизы и мещеряки... Нужно было видеть эту пеструю толпу., и никто бы не поверил, что он за две тысячи верст от столицы, где-то в Югорской земле, в пределах бывшего татарского царства Кучума» (*Мамин-Сибиряк Д. С Урала // Образ Урала... С. 272–273*). Интересно, что сегодня исследователи все чаще отмечают влияние именно мусуль-

манского Востока на формирование современных модных тенденций: «Первой и самой мощной тенденцией следует назвать, конечно, Восток. Причем Восток не столько японский или китайский, сколько главным образом мусульманский» (*Васильев А. Указ. соч. С. 138*). Отметим, что в области художественного ремесла христианский Восток традиционно имел много общего с мусульманским, также как влияние мусульманского Востока проникало в глубь христианского Запада и России.

Современная социокультурная реальность в значительной мере опровергает слова Р. Киплинга «Восток есть Восток, Запад есть Запад и вместе им не сойтись». Этнокультурные традиции могут быть как средством разобщения, так и общения. Взаимное «притяжение» есть факт сложившейся, а не становящейся культуры. «Прошли долгие тысячелетия, прежде чем впервые пробудилась мысль, что «мы» может совпадать со всем человечеством» (*Антипов Г. А. и др. Текст как явление культуры. Новосибирск: Наука, 1989. С. 73*). Идея культурного универсализма сегодня пронизывает все сферы, в том числе индустрию одежды. Будучи знаково-символическим пространством, мода носит «экстерриториальный» характер. Но в то же время она не может существовать вне связи с общими и локальными историческими традициями. Традиционные элементы в моде образуют синтез, сливаясь в новый образный ряд: с одной стороны – аккумуляция и актуализация индивидуальной специфики данной этнической культуры, с другой – общая культурная традиция как выражение универсальных, общих культурных черт и признаков, формирующихся в процессе взаимовлияния и взаимообогащения различных этнических культур. Возрождение и сохранение этнокультурных традиций должно «уберечь» моду от тотальной унификации, равносильной ее самоуничтожению, поскольку в ее двойственной природе заложено, как известно, стремление людей не только «быть похожим» на других, но и «отличаться».

Традиционная одежда башкир: функции, материалы, способы изготовления

Многовековой опыт повседневной практической деятельности башкирского народа выработал виды одежды, где гармонично сочетаются покрой, материалы, характерные для данной местности и приспособленные к данным климатическим условиям, декоративная отделка, несущая ритуальную и информационную функцию. При этом конструкция и технология изготовления одежды были продиктованы функциями одежды и свойствами материала, которые в свою очередь обусловлены средой обитания этноса.

Многие формы одежды башкир были обусловлены суровыми климатическими условиями. Например, мужской меховой головной убор малахай, который представлял собой островерхую шапку с небольшим козырьком впереди, очень длинными ушами и задней частью, прикрывающей затылок, плечи, предназначался для ношения зимой. Если при ветреной холодной погоде, степных буранах шапку носили, подвязывая ушки под подбородком, то в хорошую погоду уши завязывались назад. Шубы шили без воротников, так как малахай достаточно защищал зимой от холодных степных ветров.

Функция магической защиты присутствует во многих видах традиционной одежды башкир. Это украшение сложной вышивкой или аппликацией в основном красного цвета по краям и вырезу горловины, внизу рукавов, по подолу рубаш, чекменей и елянов, применение шумящих украшений, пришивание кусочков меха к детской одежде, ношение амулетов-оберегов, применение раковин-каури, кораллов в качестве оберегов на женских головных уборах. Красный цвет является одним из самых распространенных средств от сглаза, поэтому применение его башкирами при отделке одежды, обуви, головных уборов не случайно. При этом нужно отметить обильное украшение наряда невесты, что объясняется желанием оберегать молодую женщину после ее переезда в дом жениха от сглаза, всяческих бед.

* *Гульнара Фарвазовна Тажитдинова* – канд. культурологии, доцент кафедры теории и методики обучения технологии Сибайского ин-та (филиала) Башкирского государственного ун-та (г. Сибай).

Функции повседневной одежды менялись в соответствии с изменениями образа жизни башкир. Так, для башкир, ведущих кочевой и полукочевой образ жизни, была характерна многослойная повседневная одежда, кроме того, она была удобна для верховой езды. Суконная одежда чекмень, которую носили и мужчины, и женщины, как раз была предназначена для дальних путешествий, и для удобства верховой езды по боковым швам у нее делали разрезы. С переходом к оседлому образу жизни суконная одежда начинает выполнять функцию только сезонной одежды или вообще выходит из употребления. Очень часто новая одежда носилась как праздничная, потом она становилась будничной. Или какой-то элемент одежды, наоборот, становится праздничным, например, из рабочей одежды фартук превращается в праздничную, обрядовую одежду, богато украшенную вышивкой или узорным ткачеством, то же самое можно сказать о женских платьях: из повседневной одежды они превратились в праздничную одежду.

История одежды как вещи во все времена начиналась с ее изготовления, так как именно во время шитья закладывались многочисленные функции одежды. При этом изготовителю одежды отводилась большая роль, особенно в условиях натурального хозяйства, когда вся одежда изготавливалась в домашних условиях. Эту роль изначально выполняла женщина. Делать одежду девочек учили с самого раннего детства, знания передавались естественным путем в ходе практической деятельности повседневной жизни. Ручное изготовление одежды требовало много времени и терпения, было занятием очень кропотливым. Но особенностью его являлось то, что каждая вещь, созданная руками мастериц, была уникальной, так как невозможно было добиться точного сходства вещей, выполненных разными исполнителями. При этом, создавая традиционную одежду, женщины могли проявить всю свою творческую фантазию.

Для изготовления одежды применялись в основном материалы домашнего производства. С древнейших времен, наряду с домашними, башкиры использовали и привозные ткани. Сначала это были среднеазиатские ткани – шелка, полшелка, парча, атлас, бархат и др. Из таких материалов шили легкие мужские и верхние одежды – бешметы, еляны, крыли женские праздничные шубы.

Особый интерес в плане нашего исследования представляют способы создания традиционной одежды в повседневной жизни башкир. Но изучение этой стороны культуры повседневности затруднено, так как в настоящее время подлинники народной одежды хранятся в основном в музеях. Поэтому источниками по изучению особенностей технологии изготовления одежды башкир стали музейные коллекции. Материал собирался в фондах Музея антропо-

логии и этнографии им. Петра I (Санкт-Петербург), Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), Национального музея РБ (Уфа), Музея археологии и этнографии (Уфа), Башкирского художественного музея им. Нестерова (Уфа), Музея республиканской гимназии-интерната № 1 им. Р. Гарипова (Уфа), Учалинского историко-краеведческого музея (Учалы), Сибайского историко-краеведческого музея (Сибай). Коллекции одежды, хранящиеся в этих музеях, позволяют проследить эволюцию технологии изготовления традиционной одежды башкир конца XVIII – середины XX вв., кроме того отражают особенности одежды башкир, проживающих на разных территориях, и в них представлены почти все элементы одежды, характерные для башкир.

Особенности технологии изготовления одежды зависели от применяемых материалов, покроя, вида одежды и ее назначения. Так, отличались по способу изготовления верхняя и нательная одежда, суконная и холщовая одежда, повседневная и праздничная одежда, одежда из домотканых и привозных тканей. Для определенного вида одежды использовали только привозные ткани, например, для шитья елянов, впоследствии и для камзолов, бешмет, – бархат, плюш, темные однотонные ткани типа нанки, китайки. Кроме этого их всегда шили с подкладкой из дешевых фабричных хлопчатобумажных тканей. Это, возможно, вызвано стремлением предохранять привозные ткани от быстрого износа и бережливым отношением к более дорогим, оттого и более престижным тканям.

При изготовлении одежды из домотканых материалов конструкция деталей определялась шириной ткани, при этом правила кроя передавались из поколения в поколение. Основным принципом раскроя было максимальное и рациональное использование ткани. Для этого пользовались простыми расчетами, которые были доступны каждой женщине. То, что ширина ткани влияет на конструкцию деталей, подтверждается и тем, что из широких покупных тканей уже могли кроить одежду с цельнокроеными рукавами, надставляя лишь длину рукавов. Но, просмотрев большое количество подлинников одежды, можно заметить, что не встречается абсолютно одинаковых по конструкции деталей одежды. Это, возможно, объясняется тем, что домашнее изготовление одежды каждый раз становилось творческим актом, когда каждая мастерица исходила из своих возможностей и старалась лишь придерживаться общепринятых традиционных форм одежды.

Анализ и реконструкция традиций в повседневной жизни башкир, связанных с изготовлением одежды, позволил выявить следующие характерные черты:

- существование безотходной технологии кроя и наиболее рациональных приемов шитья, при этом рациональный покрой одежды обеспечивал удобство надевания и снятия одежды;
- бережливое отношение к материалам, в том числе применение швов с минимальными припусками;
- безотходная технология изготовления одежды, не наносящая вред природной среде;
- преобразование конструкций одежды в связи с заменой первоначально узких домотканых тканей привозными;
- избирательное, целесообразное применение материалов для изготовления одежды в соответствии с ее назначением, а также выбор способов декорирования одежды в зависимости от вида материалов и назначения одежды;
- соответствие форм и видов одежды среде обитания, в том числе и климатическим условиям, изменение форм традиционной одежды происходило в соответствии с изменениями среды обитания этноса;
- разумное потребление одежды, изготовление вещей длительного пользования;
- возможность проявить творческие способности при создании одежды, которая исчезла с потреблением готовой одежды.

Таким образом, изготовление традиционной одежды является целенаправленной деятельностью в повседневной жизни башкир, исторически выработавших определенные навыки и способы ведения хозяйства, которые передавались из поколения в поколение.

В условиях современного экологического кризиса, когда во всем мире наблюдается увеличение все новых потребностей и их удовлетворение в ущерб природным системам, также все больше увеличение производства синтетических материалов, влияющее на здоровье человека и окружающую среду, назрела необходимость изучить и применить тот положительный опыт создания и потребления одежды, который существовал веками. Это создание современной одежды, соответствующей климатическим и природным условиям данного региона, возрождение традиционных типов формообразования и отношения к материалам, тем самым воссоздание регионального и национального своеобразия среды, сохранение и дальнейшее развитие этнической самобытности.

Народный костюм как выражение интеграции культур

В настоящее время взаимодействие культур происходит на фоне глобализации. Глобализацию в полной мере можно обозначить как мощный интеграционный процесс, охвативший современный мир и приведший к осознанию его целостности и взаимосвязанности. Мультикультурность является одной из специфических сторон глобализации, ее можно определить как множественность культур. Мультикультуралистические тенденции в России обусловлены многонациональным составом населения.

«Панорама этнических культур Западной Сибири богата и разнообразна – только на территории Тюменской области проживают представители 125 народов общей численностью 3,1 миллиона человек. Наиболее многочисленными являются: русские – 2,2 миллиона, татары – 227 тысяч, и т. д. Культуры различных этносов сохраняются в традициях, обычаях, ритуалах, праздниках» [4. С. 337].

Мультикультуралистический комплекс проблем актуален для России, пишет А. А. Борисов, в связи с иммиграцией из стран СНГ, и приобретает особое значение в контексте переживаемого Россией демографического спада. Вместе с тем российская социально-экономическая ситуация (в том числе безработица) создает не очень благоприятную атмосферу для развития этнокультурных отношений. Проблемы мультикультурализма связаны также и с процессом построения в России гражданского общества, которое немыслимо без толерантного отношения друг к другу отдельных граждан и всевозможных групп, их умения приходить к согласию и учитывать взаимные интересы [См.: 3. С. 16].

В. А. Тишков пишет, что в России разделение на этнокультурные группы прослеживается достаточно четко, и большое значение отводится межэтническим отношениям в рамках конкретного государства, а не противостоянию идентичности с идентичностями меньшинств [См.: 5].

* *Флера Давлятишевна Фахрутдинова* – ст. преподаватель Тюменской государственной академии культуры и искусств (г. Тюмень).

В связи с этим идея диалога выходит на первый план. По мнению М. М. Бахтина, вся человеческая деятельность, во всех формах являющаяся отношением, является и непрерывным диалогом.

Диалогичность понимается М. М. Бахтиным диалектически: человеку необходимо осознание своего внутреннего мира, дающего ему возможность и основу идентификации с самим собой, и в то же время необходимо сознание причастности себя к некоему единству, внутри которого осуществляется диалог с другими внутренними мирами, с миром в целом. Содержательность и продуктивность такого диалога возможна только на основе осознания своей идентичности с самим собой, но не замыкается на ней, и сама эта идентичность осознается внутри в рамках единства с многоликим культурным целым.

«Я не могу обойтись без другого, не могу стать самим собою без другого, – пишет М. М. Бахтин, – я должен найти себя в другом, найдя другого в себе (во взаимоотношении, во взаимодействии). ... Мое имя я получаю от другого...». Другой выступает как необходимое средство самопознания, самостановления через «уточнение» себя в диалоге (явном или скрытом, подразумеваемом или объективном) с другим. Категория другого не только онтологическая, но и гносеологическая, и аксиологическая, и психологическая. Само отношение «я» – «другой» выступает у М. М. Бахтина как методологическое правило. «Понять произведение, – говорит М. М. Бахтин, – значит, понять мир другого, чужого сознания: «поэтому при объяснении – только одно сознание, один субъект, при понимании – два сознания, два субъекта» [1. С. 306].

Диалог русской и татарской культур в Западной Сибири происходил и происходит посредством многих артефактов – языка, предметов быта, одежды, костюма. Важным «определителем» любого этноса является народный костюм. Под костюмом подразумевается определенная образно-художественная система, характеризующая индивидуума, костюм дает представление об образно-психологической характеристике носителя, являясь тем знаком, который отличает и позволяет узнать в нем представителя определенной этнической культуры.

Межкультурное взаимодействие характеризуется глубинным влиянием систем друг на друга, оно порождает новые образы, ценности, формы культуры. Взаимодействие культур является источником и основой их сохранения и развития.

Результаты взаимодействия могут иметь различные тенденции. Взаимное усвоение элементов культуры может способствовать интеграционным процессам.

На основе развития принесенного русскими из западных районов России кичкообразного комплекса женских головных уборов,

в Сибири был создан самостоятельный головной убор – стеганец. В европейской части страны стеганец как отдельный головной убор не встречался. Такое название носила деталь (прямоугольник из простеганного холста, привязываемый спереди котелки) в комплекте кичкообразной кички, известной в Брянской губернии. Стеганец можно считать локальным вариантом головного убора, появившимся в результате творчества западносибирских крестьян на основе принесенного на территорию сибирского региона из европейской части страны кичкообразного комплекса. Преобладающая роль головных уборов из фабричных привозных материалов (близость Средней Азии), употребление наиболее зажиточными слоями населения самых дорогих тканей, мехов, способ их ношения свидетельствуют о преобладании интеграционных процессов, то есть на новой территории проживания появляются новые элементы костюма, адекватные местным климатическим условиям.

Зимняя обувь пимы в Западной Сибири появилась уже в первой половине XVIII века, а в европейской части России только в начале XIX века. Слово «пимы» языковеды считают сибиризмом, заимствованным из самодийских говоров. Более приемлемыми для мужчин оказались «ишимы» – комбинированная обувь с кожаной основой (коты, чарки) и тканевым голенищем, разработанная городскими ремесленниками на основе заимствованных у татар ичигов. Со второй половины XVIII века такая обувь получает большое распространение. Валяная обувь, которую этнографы относят к сравнительно поздним «изобретениям великорусов», была известна в Западной Сибири как универсальная почти на век раньше, чем в Европейской части России. По мнению О. Н. Шелегиной, такое явление следует рассматривать как результат приспособления к новым климатическим условиям при наличии сырьевой базы и специалистов по переработке шерсти [См.: 5. С. 222].

Успешная адаптация русского населения в экологических, этнических и хозяйственных условиях Западной Сибири привела к образованию новых элементов в костюме, в наибольшей степени соответствующих природно-климатическим и ландшафтным особенностям региона, в контексте процесса взаимовлияния традиционного костюма и одежды европейского типа.

«Уже в 1950-е гг. наметилась тенденция отхода от этнографизма в решении моделей бытовой одежды. ... специфика традиционного костюма народов России продолжала сохраняться в целом либо в измененном виде и в XX в., что было обусловлено средой обитания, климатом и хозяйственно-культурным типом деятельности того или иного этноса. При этом наибольшую стабильность сохраняли ритуальные костюмы и праздничная одежда» [2. С. 279, 284].

В результате взаимодействия русской и татарской культур (в частности, изменений в костюме на протяжении XIX–XX веков) наблюдается интеграция данных культур.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – 445 с.
2. *Калашикова Л. М.* Народный костюм (семиотические функции): Учеб. пособие. – М.: Изд-во «Сварог и К», 2002. – 374 с.
3. Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире: Исследовательские подходы и интерпретации / Под ред. Г. И. Зверевой. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 188 с.
4. Реальность этноса. Глобализация и национальные традиции образования в контексте Болонского процесса // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Реальность этноса» (Санкт-Петербург, 22–25 марта 2005 г.) / Под науч. ред. И. Л. Набока. – СПб.: Астерион, 2005. – 536 с.
5. *Тишков В. А.* После многонациональности: Культурная мозаика и этническая политика России (2003). – [Режим доступа: <http://www.magazines.russ.ru>].
6. *Шелегина О. Н.* Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири XVIII – первой половины XIX века. Община и семья в Сибирской деревне XVIII – начало XX века: Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1989. – С. 222.

Раздел седьмой

Управление персоналом в условиях мультикультурального общества: риски и возможности взаимодействия

Критерии оценки предприимчивости работника

В настоящее время наряду с изучением трудового потенциала работника, мотивации и стимулирования трудовой деятельности, трудовой карьеры не менее значимо выявление уровня его предприимчивости. Предприимчивость выступает неким «двигателем» развития трудового процесса, влияет на его эффективность и временные затраты.

Предприимчивость проявляется на двух уровнях:

Микроуровень – предприимчивость на уровне отдельного социального субъекта (личности, организации), имеет целью изменение условий существования (жизни человека, его семьи, организации).

Макроуровень – предприимчивость, направленная на построение отношений между субъектами рыночной экономики. В подобные отношения вступают фирмы, предприятия, другие субъекты рыночной экономики.

На макроуровне, в свою очередь, выделяются «субуровни»:

- горизонтальных рыночных связей, то есть отношений между организацией (предпринимателем) и партнерами, клиентами (покупателями), конкурентами;

- вертикальных рыночных связей, то есть отношений между организацией (предпринимателем) и государством, обществом в целом (или его частью).

Предприимчивость – это сложный многоступенчатый процесс, складывающийся из двух условных, относительно самостоятельных стадий:

- стремление к участию в деятельности;
- само участие в деятельности.

Каждая из этих стадий имеет собственные ступени.

Стремление к участию в деятельности формируется в такой последовательности: информация о разнообразии и самой возможности участия в деятельности ⇌ интерес к деятельности ⇌ сознание необходимости деятельности ⇌ потребность в деятельности.

* *Мария Евгеньевна Базунова* – канд. социол. наук, ст. преподаватель кафедры управления персоналом и социологии УрГУПС (г. Екатеринбург).

В зависимости от степени развития качеств, которые присущи предприимчивому человеку, а также от накопленного опыта определяется его участие в предпринимательской деятельности. Как правило, личность с развитым набором необходимых качеств способна «эволюционировать» и пройти все стадии активизации предпринимательского поведения личности.

Критериями оценки предприимчивости выступают следующие показатели:

- фактическое участие в деятельности (потребление информации, выработка и принятие решений в практической деятельности, реализация принятых решений);
- количество и характер предпринятых действий;
- ценностное отношение к деятельности (положительное, безразличное, отрицательное);
- осознание необходимости дел и заинтересованность в них;
- инициативность поведения в сфере этих отношений;
- обнаружение возможности получения дохода, не замеченной другими.

Выделяются субъективные критерии предприимчивости (личное мнение человека о себе как о предприимчивом человеке, которое формируется на основе присущих конкретному человеку оценок того, что является предприимчивостью) и объективные критерии (включают в себя оценку личности окружающими людьми).

Отнесение человека к категориям «предприимчивый/непредприимчивый» строится по следующим оценкам личности.

Характерологические особенности личности – некоторый набор черт, в соответствии с которым человека можно считать предприимчивым.

Перечень самых общих особенностей предприимчивых людей:

- последовательность в суждениях;
- большая сила убеждения;
- эстетический рационализм;
- отсутствие боязни трудных проблем;
- легкость установления контактов с людьми (партнерами, заказчиками, руководителями разных уровней, подчиненными);
- гибкость в мышлении и поведении;
- осторожность в обязательствах;
- принципиальность в решениях;
- готовность к риску;
- самостоятельность в принятии решений;
- восприимчивость к новому, нацеленность на результаты;
- любовь к быстрому развитию и нововведениям;
- требовательность к себе и своим партнерам;

• при успешной реализации дела чувствует себя как рыба в воде¹.

Управленческие способности – особенности, которые помогают человеку добиваться поставленных целей. Вследствие того, что зачастую предприимчивые люди объединяются в команды (современные предприниматели), образуют фирмы, эти способности стоят на одной ступени с характерологическими. Но управленческие способности не тождественны характерологическим, так как могут быть получены вместе с образованием и развиты в процессе обретения опыта управленческой деятельности.

К таким способностям относятся:

- стратегическое мышление;
- творческое мышление;
- умение работать с людьми;
- умение «заразить» идеей, довести ее до людей;
- умение координировать действия других людей;
- умение «распознать» человека и отвести ему соответствующую в общей работе функцию.

Восприятие денег. Предприимчивых людей характеризует активная жизненная позиция. Своеобразный девиз предприимчивых людей: «Мне нужно!», «Я могу!». Как правило, подобное поведение, направленное на преобразование окружающей среды, поиск эффективных решений, создание нового продукта, вознаграждается. Но деньги не всегда самоцель такого поведения. Носителями предприимчивого поведения являются предприниматели, которых отличает неумная энергия, направленная, прежде всего, на повышение своего материального положения.

Непредприимчивые люди руководствуются другими установками по отношению к деньгам: «Не жили богато – нечего и начинать». У них превалирует мотив «не потерять то, что есть», а не «приумножить имеющееся».

Одна из главных целей любого нового предприятия – приумножение капитала, повышение статуса. Если предприимчивым людям удастся совместить моральное и материальное удовлетворение от своей идеи, она превращается для него в способ зарабатывания денег. Причем азарт приумножения имеющегося со временем нарастает. О предприимчивых людях часто говорят, что они «хронически» зарабатывают деньги.

Восприятие окружающего мира. Непредприимчивые люди склонны соглашаться с условиями, предъявляемыми окружающей реальностью, им свойственна социальная пассивность, повышен-

¹ См.: Карлофф Б. Деловая стратегия. Концепция, содержание, символы. М., 1991.

ный конформизм, ритуализм, в некоторых случаях наблюдается такая форма девиантного поведения, как ретритизм. Они не ломают стереотипы, а соглашаются с ними. Это не всегда хорошо, так как нет процесса саморазвития, самосовершенствования, самореализации. В итоге такие люди не способны создавать, они только потребляют.

Для предприимчивого человека, который зачастую является новатором в какой-то сфере деятельности, характерно желание переломить, изменить окружающую реальность под свои потребности, создать новые стереотипы.

В разные исторические времена, в зависимости от отношения к предпринимательству, деньгам, инициативе, у предприимчивых людей отношения с окружающим миром, обществом складывались по-разному.

При благоприятных для развития товарно-денежных отношений условиях (эпоха Петра I, Александра I, современный период истории) отношения предприимчивых людей с обществом характеризуются как легитимные и легальные. Можно официально быть предприимчивым. Сама окружающая среда предоставляет такую возможность. Предприимчивые люди навязывают свои стереотипы поведения, отношения к деньгам, образ жизни. Предприимчивый человек в такие времена – «рыба, плывущая по течению».

Во времена, неблагоприятные для проявления предприимчивой инициативы (эпоха Ивана III, Ивана Грозного, советский период истории), предприимчивые люди воспринимались как инакомыслящие, подвергались гонению со стороны государства. Предприимчивость становилась нелегитимной формой поведения, которая осуждалась народом и не поощрялась официальными лицами. В советское время предприимчивым людям приклеивались такие ярлыки, как «диссидент», «фарца», «спекулянт»; позднее – «кооператор»; в недавние времена – «барыга» и «хапуга». Предприимчивый человек советского времени был «рыбой, плывущей против течения».

Восприятие работы. Российского предприимчивого человека отличает стремление найти возможности дополнительного заработка, или вторичная занятость. Имея официальное место работы, как правило, государственное или другое постоянное, предприимчивые люди обычно имеют дополнительный вид заработка, который и приносит им дополнительный, часто основной доход.

Этот объясняется следующими причинами.

Во-первых, желание застраховать себя от возможной потери заработка (основная работа выступает неким гарантом, который дает хоть минимальный, но постоянный доход).

Во-вторых, в силу неопределенности окружающей среды вторичная работа представляется достаточно зыбкой, есть вероятность потерять ее.

В-третьих, основная работа для личности, как правило, выступает статусообразующей.

В-четвертых, за счет деловых контактов на основном месте работы предприимчивый человек заводит связи, которые потом может использовать для повышения эффективности дополнительной работы, то есть основная работа выступает для предприимчивого человека способом создания «социальных сетей».

Е. А. Бекелева*

Роль корпоративной культуры в повышении производительности труда персонала турфирм

В последнее время интерес к феномену корпоративной культуры возрос как со стороны ученых-теоретиков, так и практиков. Понимание значимости вопроса корпоративной культуры, перспектив ее изучения позволяет оценить практическую значимость этого феномена не только для крупных, но и для малых организаций, в частности туристских. Это актуализировало потребность разобраться в сущности и содержании корпоративной культуры организаций малого бизнеса и определить ее влияние на производительность труда персонала.

Для большинства современных туристских организаций характерна высокая мотивация «человеческих ресурсов», обеспечивающих рост производительности труда как основы их конкурентоспособности и выживания. При этом корпоративное управление в них должно быть ориентировано на соучастие работников в делах организации, гармонизацию отношений с общественностью. Корпоративная система современного (постиндустриального) общества является средой для взращивания корпоративной культуры, суть которой заключается в переносе акцентов с радикальных общественных отношений на приоритет сотрудничества групп интересов и социального партнерства.

С целью изучения корпоративной культуры в турфирмах в 2008 году было проведено исследование. В качестве объекта нами были выбраны работники туристских компаний Ярославской, Костромской, Ивановской и Вологодской областей. В основу методологии по изучению корпоративизма легла модель корпоративной культуры А. Э. Капитонова. Автор предлагает следующие компоненты корпоративной культуры: декларация корпоративной миссии, корпоративная философия, корпоративный дух, стиль руководства и лидерства, корпоративное управление, корпоративная этика, управление «человеческими ресурсами», корпоративные имидж и репутация, культура качества.

* *Екатерина Александровна Бекелева* – аспирант, ассистент кафедры социологии Рыбинской государственной авиационной технологической академии им. П. А. Соловьева (г. Рыбинск).

Сбор первичной информации осуществлялся в форме анкетирования руководителей и работников турфирм. Всего в турфирмах Ярославской, Костромской, Ивановской и Вологодской областей работает 1728 человек. Выборочная совокупность нашего опроса составила 309 человек, из которых 56 – руководители и 253 – работники турфирм, что является достаточно представительным, поскольку среднее число сотрудников в туристских фирмах исследуемых областей составляет 3–4 человека. Вопросы анкеты были объединены в группы, соответствующие основным элементам корпоративной культуры.

Проводя анализ уровня развития корпоративизма на основе выделенных критериев, остановимся лишь на некоторых из них, а именно на корпоративном духе организации, корпоративном управлении и управлении «человеческими ресурсами».

Основным смыслом корпоративного духа является объединение сотрудников организации вокруг миссии. Корпоративный дух является одним из основных управленческих инструментов, позволяющих повысить качество и производительность труда. Только обладая корпоративным духом, компания может добиться устойчивой позиции на рынке и делового успеха.

Говоря о корпоративном духе как необходимом условии успешности организации, следует особо отметить наличие командного духа. Команда – это качественно новая форма интерперсонального взаимодействия профессионалов, представляющих собой группу единомышленников, работающих не только за вознаграждение, но и за идею и разделяющих ответственность за достижение результатов. Наличие общих целей в команде является одной из важнейших черт, отличающих ее от рабочей группы.

Учитывая специфику туристских организаций, необходимо отметить, что именно командная работа способствует возрастанию синергетического эффекта, то есть «прибавочному продукту», превышающему простую сумму результатов работы отдельных членов. Каждый из ее членов вносит вклад в команду частью своей индивидуальной энергии. Результат этой индивидуальной энергии и есть синергия.

На формирование корпоративного духа существенно влияет микроклимат коллектива, который складывается как из формальных, так и из неформальных элементов. В результате нашего исследования удалось выявить, что практически во всех обследуемых организациях есть свои легенды, ритуалы: в Ярославской области – в 79 % организаций, в Костромской – в 62,2 %, в Ивановской – в 70,8 %, в Вологодской – в 65,6 % из общего числа обследуемых компаний. Во всех туристских фирмах регионов, попавших в выборочную совокупность, есть традиции празднования

знаменательных событий (юбилеев, значимых достижений в деятельности фирмы и пр.), причем средний по областям процент респондентов, ответивших положительно, составляет 84,3 %. Безусловно, это является положительным показателем сплоченности коллектива. К тому же, как известно из теории кадрового менеджмента, один из путей формирования и укрепления корпоративной культуры в организации – это проведение корпоративных мероприятий. Более того, в современных условиях – это практически самый простой метод, который обычно встречает понимание и поддержку со стороны сотрудников. Однако инициаторами корпоративных мероприятий в туристских фирмах Костромской и Вологодской областях являются подчиненные (процент ответивших от общего числа опрашиваемых – 73,4 % и 67,7 % соответственно). Руководство турфирм в этих областях не видит в общекорпоративных мероприятиях необходимости, что свидетельствует о недооценке значимости данного фактора в управлении. Хотя создание и развитие корпоративной культуры компании – не только обязанность руководителя, но и одно из самых используемых во всем мире средств повышения эффективности бизнеса.

В целях обеспечения связи работников в процессе выполнения ими своих задач, синхронизации деятельности руководители придерживаются определенного стиля управления. Управленец должен не только набрать штат сотрудников, наделить их полномочиями и платить зарплату, а управлять ценностными установками, ориентациями тех, кем он руководит.

В результате исследования мы пришли к выводу, что в более чем 50 % турфирм всех обследуемых регионов существует демократический стиль управления. В 64,4 % обследуемых организациях процесс принятия решений происходит коллегиально, детально рассматриваются предлагаемые альтернативы за исключением простых и рутинных решений. Эти особенности поведения соответствуют демократическому стилю управления. Из общего числа респондентов 26,8 % отметили, что решения в их фирмах принимаются единолично руководителем. Подчиненным делегируются лишь те решения, которые принимаются в случае повторяющихся, традиционных ситуаций.

Одной из основных целей деятельности турфирмы в современных условиях рынка является получение прибыли. Ее увеличение напрямую связано с человеческими ресурсами, а именно с эффективным использованием производительности труда. Управление человеческими ресурсами напрямую связано с корпоративной культурой, которая способствует объединению персонала организации, определяет ее рыночную активность.

Анализируя современное корпоративное управление в турфирмах в постиндустриальном пространстве, остановимся на основных его аспектах: системе мотивации и оценке организации труда.

Как показывают результаты опроса, основными стимулирующими факторами в организации руководители Ярославской (69,6%), Ивановской (40%), Вологодской (57,9%) областей выбирают материальное стимулирование, а 44,4% руководителей Костромской области лучшим стимулирующим фактором считают туристские поездки. Однако в контексте управления человеческими ресурсами при анализе мотивации персонала необходимо отметить, что современный подход к управлению в качестве мотивации подчиненных к труду основывается на использовании групповых и индивидуальных экономических и морально-психологических стимулов, в основе которых лежит выявление мотивов трудового поведения. По результатам исследования отмечено, что нематериальное стимулирование в дополнение к материальному предпочитает лишь незначительная часть руководителей: в Ярославской области – 8,7% респондентов-руководителей проголосовали за моральное стимулирование в форме похвалы, ободрения, в Ивановской области – 30% руководителей предпочитают также моральное стимулирование, а в Вологодской области аналогичный ответ предпочли 26,3% респондентов-руководителей.

Анализируя организацию труда, обратим внимание на то, что при современном менеджменте она должна быть более гибкая, чем при классическом подходе, следует учитывать индивидуальные профессиональные и личные качества, потенциал и особенности группового взаимодействия. Это предполагает обеспечение работников всеми необходимыми для деятельности ресурсами, включая коммуникационные технологии, которые позволяют выполнять трудовую деятельность. Как отметило большинство респондентов, материально-технически организации, в которых они работают, полностью оснащены необходимыми ресурсами. Процентное отношение распределения утвердительных ответов по областям выглядит следующим образом: в Ярославской области – 79%, в Костромской – 93,3%, в Ивановской – 95,4%, в Вологодской – 60,6%. Безусловно, это обстоятельство является положительной чертой в деятельности турфирм, поскольку позволяет работникам трудиться в приемлемых условиях, что может сказываться на качестве работы.

Подведем некоторые итоги. Выявленные в результате проведенного анализа закономерности и особенности корпоративной культуры туристских фирм Ярославской, Костромской, Ивановской и Вологодской областей по модели А. Э. Капитонова дают основание утверждать, что отличительными чертами туристских фирм яв-

ляется ориентация культуры на отношения, а не на результат. Существующая корпоративная культура туристских фирм обследуемых регионов содержит принципиальное противоречие между трактовкой руководителями и работниками основополагающих понятий в управлении, таких как мотивация, лидерство, взаимоотношения между начальником и подчиненным, контроль, что также препятствует формированию монолитной культуры предприятий. Следует особо отметить, что для руководителей фирм характерно использование малодейственных управленческих методик, недооценка роли микроклимата в коллективе, процедуры аттестации и обучения персонала. Все это говорит об отсутствии единой и сильной корпоративной культуры, сплачивающей сотрудников вокруг общей цели и помогающей компании достигать максимальных результатов.

Регулирование социальных последствий ресурсного кризиса

С переходом российского общества к рыночной экономике разработка проблем предотвращения кризиса и его последствий стала одной из актуальных. В такой ситуации особое значение приобретает познание природы кризиса как явления, причин его возникновения, особенностей проявления, путей и способов преодоления последствий на таком уровне общественной организации, как предприятие. Особую важность представляет тщательное изучение сущности кризисных явлений, затрагивающих предприятия горнодобывающей отрасли по той простой причине, что данная отрасль на сегодняшний день обеспечивает львиную часть бюджетов всех уровней (предприятия, ориентирующиеся на добычу нефти, газа, цветных металлов и др.)

Особенностью функционирования и развития горнодобывающего предприятия является то, что оно подвержено ресурсному кризису. Возникновение ресурсного кризиса связано с истощением запасов полезных ископаемых, и последнее является его (кризиса) основной причиной. Ресурсный кризис горнодобывающего предприятия вызывает системный кризис. Истощение минеральных ресурсов является источником снижения и приостановки производства, расстройств экономических связей и отношений, роста безработицы, ухудшения условий и качества жизни людей, усиления социальной напряженности в городе и в целом регионе.

Ресурсный кризис горнодобывающего предприятия ставит под угрозу существование и развитие всей системы социальных образований, которые возникли в процессе освоения месторождения полезных ископаемых. С истощением запасов минеральных месторождений предприятие лишается возможности реализовывать свое целевое назначение, то есть теряет смысл его существования, населенный пункт и регион – опорной базы социально-экономического развития.

**Рамиль Шамилович Бикметов* – канд. социол. наук, ст. преподаватель Стерлитамакской государственной педагогической академии (г. Стерлитамак).

Для теории и практики обеспечения устойчивого развития горнодобывающего предприятия большой интерес представляет, вызван ли истощением природных ресурсов кризисом, вызванным истощением управленческой деятельности и кризиса, вызванного истощением управленческой деятельности. Можно ли в процессе управленческой деятельности реализовывать усилия, направленные на смягчение социальных последствий такого кризиса? Прояснению этого вопроса может послужить анализ практики управленческой деятельности, осуществляемой на Башкирском медно-серном комбинате (БМСК) в г. Сибай Республики Башкортостан.

Управленческая деятельность на БМСК была сосредоточена на формировании такой структуры социальной организации, которая обеспечивала бы реализацию поставленных вышестоящими органами управления производственных, экономических задач (внедрение научной организации труда, обновление техники, технологии, обучение кадров, обмен опытом, удовлетворение материальных и духовных потребностей работников, формирование особой корпоративной культуры). В этом она преуспевала. Центр интересовал главным образом выпуск продукции предприятием, и чем больше, тем лучше. На это были направлены практически все организационные меры – внедрение новой техники и технологии, социалистическое соревнование, обмен опытом и его распространение и т. д.

В процессе производственно-хозяйственной деятельности БМСК складывалась противоречивая ситуация – чем быстрее осваивались запасы минеральных ресурсов, тем быстрее приближался конец хозяйственной деятельности предприятия, создавая этим самым угрозу устойчивому социальному развитию регионального сообщества, возникшего на основе освоения залежей природных ресурсов.

В сложившейся ситуации со всей остротой давали о себе знать социальные проблемы. Задачей управления становится не только обеспечение решения производственных задач, как было на начальном этапе, а нахождение путей выхода из кризиса. Границы объекта управления расширились (в кризисном состоянии оказался не только БМСК, но и город), проблемы усложнились (не только обеспечение выполнения производственных задач, но и решение социальных задач).

В это время руководством БМСК рассматривается вопрос закрытия комбината как мера выхода из создавшегося положения. Исключение из сырьевого баланса цветной металлургии России Башкирского медно-серного комбината означало бы потерю собственного сырья для уральских металлургических заводов по меди на 17 %, по цинку на 11 %, в денежном эквиваленте ежегодную потерю в товарной продукции порядка 70 млн долларов. Произошла

бы потеря как минимум 3500 рабочих мест¹, а это судьбы сотен семей города, который все еще очень сильно зависит от работы главного предприятия.

Истоки рудной базы комбината, неподготовленность к этому событию органов власти всех уровней свидетельствуют о том, что процесс производственно-хозяйственной деятельности предприятия осуществлялся на основе оперативных и среднесрочных целей. В стратегическом, долгосрочном периоде деятельность комбината не рассматривалась на протяжении всей деятельности БМСК, что привело к истощению имеющейся рудной базы комбината.

История возникновения, становления, развития, скатывания в кризисное состояние БМСК свидетельствует, что весь этот процесс весьма противоречив по своим последствиям. Процесс достижения экономического результата сопряжен с нарастанием социальной угрозы, обострением проблемы обеспечения устойчивого социального развития сообщества, возникшего на основе освоения залежей природных ресурсов, сохранения и улучшения социального благополучия людей (не только работников самого комбината, но и жителей города, региона). Поэтому вопросы обеспечения социального благополучия горнодобывающего предприятия должны быть в центре внимания органов управления всех уровней социальной организации – предприятия, муниципального, регионального, социального.

Обладание более полной информацией об особенностях и проявлениях ресурсного кризиса, как нам представляется, дает возможность обозначить ряд направлений, принятие мер по которым позволит оздоровить социальную обстановку как на самом БМСК, так и в городе.

1. Восстановление работоспособности БМСК как горнодобывающего предприятия. Это может быть достигнуто за счет следующих источников:

а) расширение рудной базы БМСК за счет местных источников. По оценке экспертов Территориального агентства по недропользованию по Республике Башкортостан, около пятидесяти миллионов имеется на окрестных мелких месторождениях;

б) доленое участие БМСК в разработке новых месторождений. Такой проект предлагался при разработке руд Хайбуллинских месторождений, однако впоследствии был отклонен;

в) организация силами БМСК комплексного извлечения из руды ценных элементов. Руды зауральских месторождений содержат чуть ли не все элементы таблицы Менделеева, а извлекается их ничтожное количество.

¹ Из текущего архива БМСК.

Таким образом, в ситуации, которая сложилась в данный момент вокруг БМСК, наиболее приемлемыми для комбината являются следующие меры – разведка, переработка давальческих руд, углубленная переработка руд, доленое участие в разработке месторождений.

2. Несмотря на все меры по восполнению рудной базы, рудные запасы небесконечны, поэтому заблаговременно, уже на стадиях создания предприятия и последующего развития, изначально должно было присутствовать намерение каким-то образом перепрофилировать работу предприятия, диверсифицировать ее.

3. Реорганизация предприятия – вариант, согласно которому Башкирский медно-серный комбинат вошел в состав Уральской горно-металлургической компании. Разработана программа мероприятий до 2015 года, включающая обеспечение комбината рудной базой. Вместе с тем объем добычи руды в 2–3 раза меньше проектного уровня (1,5–2 млн т. руды)², происходит постоянное сокращение рабочих мест. Тем не менее ситуация на предприятии и в городе в связи с реорганизацией комбината улучшается.

4. Оздоровлению социальной ситуации, снятию напряженности в городе помогло бы развитие малого предпринимательства. Экономика города плавно переориентируется на малое предпринимательство и торговлю. Малый бизнес способен обеспечить решение целого ряда социальных и экономических проблем, таких как насыщение рынка отечественными товарами и услугами, создание рабочих мест, способствовать повышению благосостояния горожан.

5. Для преодоления сильной зависимости города от комбината, для создания новых «точек роста», которые бы дали городу новую энергию для развития в Сибая, важно было уже при проявлении первых признаков кризиса разместить новые, перспективные производства. Такие попытки предпринимались с 1976 по 1991 год. Выбирались площадки для строительства заводов: тяжелых башенных кранов, нефтепромыслового оборудования, по выпуску искусственных алмазов, по ремонту подвижного состава Министерства цветной металлургии СССР, объекты стройиндустрии в комплексе – кирпичный завод большой мощности, керамзитогравийное производство, домостроительный комбинат, перо-пуховая фабрика.

6. Еще один возможный путь нивелирования социально-экономических последствий ресурсного кризиса Сибая – его новая целевая функция: существование города как своеобразного сырьевого поставщика трудовых, информационных, технико-технологических ресурсов для новых «точек роста» регионального сообщества, разнообразных холдингов и альянсов, масштабных стро-

² Из текущего архива БМСК.

ек, покорения малозастроенных и труднопроходимых территорий Башкирского Зауралья.

Значительную помощь в осуществлении разработанной антикризисной стратегии может оказать привлечение специалистов со стороны, с предприятий похожих форм деятельности. Ими могут быть внешние консультанты, новые управляющие, ранее работавшие на других предприятиях, или управляющие из самой компании, имя которых не ассоциируется с прошлой стратегией. Существует достаточно примеров того, что проведение стратегических изменений является в высшей степени ответственной и трудной задачей.

Итак, функционирование и развитие горнодобывающего предприятия с необходимостью предполагает разработку и реализацию антикризисной стратегии в управленческой деятельности. Такая стратегия включает в себя направления по обеспечению жизнедеятельности горнодобывающего предприятия и образованного им города.

А. А. Бицутина*, М. В. Селиверстова**

Сбалансированная система показателей как инструмент измерения эффективности деятельности организации

В ходе процессов глобализации, сопровождающихся появлением технических новшеств, стремительно сокращается доля некоторых отраслей на рынке, меняются потребности организаций, становится очевидной необходимость в более качественной информации и умении оперативно реагировать на изменения рынка. В свете данных проблем для управления корпоративной стратегией открываются новые возможности в виде сбалансированной системы показателей¹ (далее ССП), являющейся ответом на потребность в механизмах опережающего, оперативно-стратегического управления. ССП – это новый инструмент, нацеливающий организацию на стратегию долгосрочного успеха, переводящий миссию организации и ее стратегии в набор взаимосвязанных сбалансированных показателей, оценивающих критические факторы не только текущего, но и будущего развития организации [См.: 1. С. 230].

Основоположниками ССП являются Дейвид Нортон и Роберт Каплан. История создания концепции ССП берет начало в конце 1980-х – начале 1990-х гг. XX века, когда исследовательский центр всемирно известной аудиторско-консалтинговой организации KPMG (Kleiveld Peat Marwick Goerddeler) приступил к изучению вопроса качества управления, а также поиску инструментов, обеспечивающих его повышение. Данное исследование получило название «Измерение эффективности организации будущего», целью которого являлся поиск новых альтернативных методов измерения нефинансовых показателей управления [См.: 2. С. 115].

* *Анна Александровна Бицутина* – студентка 5-го курса Сургутского государственного педагогического ун-та (г. Сургут).

** *Марина Владимировна Селиверстова* – ст. преподаватель СурГПУ (г. Сургут).

¹ В российской литературе встречаются различные варианты перевода термина *balanced scorecard*: сбалансированная система показателей, система сбалансированных показателей, сбалансированная оценочная ведомость, карта балльных оценок, сбалансированные счетные карты, система взаимосвязанных показателей и др.

В рамках исследования было обнаружено, что организации слишком сильно ориентируются на финансовые показатели. В целях их улучшения производилось снижение расходов на обучение, маркетинг и обслуживание клиентов, а это в дальнейшем пагубно сказывалось на общем финансовом состоянии. Каплан и Нортон пришли к выводу, что сотрудники организаций часто не понимают своей роли в процессе реализации стратегии и не имеют мотивации повышать эффективность внедрения в жизнь долгосрочных корпоративных планов.

Роберт Каплан и Дэйвид Нортон доказали, что традиционные финансовые учетные показатели, такие как окупаемость вложений и период окупаемости, давали незаконченную и устаревшую картину результатов деятельности бизнеса, которая мешала созданию долгосрочной пользы для бизнеса. Выявив слабые места и неопределенности в предшествующих управленческих подходах, основоположники предложили четкое описание того, что нужно измерять, чтобы сбалансировать финансовую деятельность организации.

Каплан и Нортон описывают новые идеи ССП следующим образом: «ССП поддерживает традиционные финансовые показатели. Однако финансовые параметры лишь отражают ход предшествующих событий, они дают адекватное описание для компаний эпохи промышленного производства, для которых инвестиции в долговременные программы и в развитие взаимоотношений с клиентами не были существенны. Но эти финансовые показатели неадекватны для управления деятельностью организаций эпохи информационных технологий, организаций, которые добиваются будущих результатов, вкладывая средства в клиентов, поставщиков, сотрудников, бизнес-процессы, технологию и инновации» [Цит. по: 1. С. 191].

В результате Каплан и Нортон предложили дополнить финансовые показатели данными, отражающими удовлетворенность клиентов, внутренние бизнес-процессы и способность организации расти и развиваться.

ССП представляет основные факторы деятельности организации, такие как обслуживание клиентов, операционная и финансовая эффективность, в виде набора определенных показателей. Организация фиксирует и анализирует эти показатели, чтобы понять, достигаются ли стратегические цели. Полностью реализованная система подразумевает последовательное рассмотрение деятельности организации на всех уровнях (тактическом, оперативном, стратегическом).

ССП – это система измерения эффективности деятельности всей организации, основанная на миссии и стратегии, которая отражает наиболее важные аспекты бизнеса. ССП поддерживает стратегическое планирование, реализацию и дальнейшую коррек-

тировку стратегии, путем объединения усилий всех подразделений организации [См.: 3. С. 37].

Таким образом, ССП обеспечивает целенаправленный мониторинг деятельности организации, позволяет прогнозировать и предупреждать появление проблем, органично сочетает все уровни управления, контролирует наиболее существенные финансовые и нефинансовые показатели деятельности организации.

Большинство авторов предлагают рассматривать организацию с точки зрения четырех составляющих ССП: финансовой, клиентской, составляющей внутренних бизнес-процессов, составляющей обучения и развития. Между составляющими существуют четкие причинно-следственные связи.

После анализа литературы необходимо отметить, что у каждого автора (Р. Каплан, Д. Нортон, А. Гершун, М. Горский, Ю. Нефедьева, М. В. Беленков, А. В. Бондаренко) свои представления особенностей ССП.

За последнее десятилетие ССП стала очень притягательной. Тысячи менеджеров по всему миру в той или иной форме взялись за ее реализацию. Однако ССП имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

Основные достоинства и недостатки ССП

Достоинства	Недостатки
1. В ССП эффективно сочетаются финансовые и нефинансовые показатели. 2. ССП помогает согласовать интересы сотрудников на различных уровнях внутри организации, направляя их внимание на один и тот же набор индикаторов. 3. ССП показывает, есть ли в организации подготовленные и заинтересованные сотрудники, эффективны ли стратегические и операционные процессы, довольны ли клиенты. 4. ССП пронизывает всю структуру организации. 5. Вся информация, связанная со стратегическими целями, доступна сотрудникам всех уровней. 6. ССП помогает руководителям быстро получать ценную обобщенную информацию о деятельности организации для улучшения качества процесса принятия решений. 7. ССП помогает организации в оптимизации собственных бизнес-процессов и выравнивает эти бизнес-процессы со стратегией. 8. ССП позволяет организации определить ключевые области своей деятельности и назначить ответственных за эти области людей.	1. Нет универсальной модели ССП, она должна быть адаптирована к конкретным условиям. 2. Трудности при сборе данных по внутренним процессам, так как не вся информация формализована или задокументирована. 3. Неправильное использование ССП может спровоцировать скандал с внешней средой, который может принести ущерб собственной организации. 4. Разрыв между долгосрочным видением организации и текущими действиями сотрудников.

Проанализировав данную таблицу, можно сделать вывод, что ССП имеет гораздо больше положительных сторон, нежели отрицательных. Причем последние не имеют, на наш взгляд, существенного значения, они в той или иной мере проявляются в каждой организации.

В качестве наиболее значимых преимуществ ССП можно назвать: эффективное сочетание финансовых и нефинансовых показателей, охват всей структуры организации, отделов и персонала, а также получение руководством ценной обобщенной информации о деятельности организации.

Для успешного внедрения ССП рекомендуется придерживаться определенного алгоритма действий, который предусматривает прохождение 7 этапов, которые взаимосвязаны и одновременно поддерживают друг друга:

1. Определить Миссию и Стратегию организации.
2. Определить область охвата (подразделения организации, в которых внедряется ССП).
3. Определить стратегические цели.
4. Определить показатели для оценки достижения целей и способы получения данных для показателей.
5. Определить инициативы для достижения стратегических целей (конкретные мероприятия).
6. Внедрить управление процессами.
7. Оценить эффективность организации за определенные периоды.

Только при условии получения результата на одном этапе появляется возможность плавно перейти к достижению целей следующего этапа.

Если строго придерживаться выше приведенного алгоритма, то внедрение ССП дает возможность:

- достижения лояльности клиентов, способности организации их удерживать;
- обеспечения прогрессивности технологии и отлаженности бизнес-процессов;
- приобретения опережающих конкурентных преимуществ;
- создания мощного и высококвалифицированного кадрового состава;
- гибкого реагирования организации на внешние и внутренние «возмущения»;
- перевода миссии и общей стратегии организации в систему четко поставленных целей и задач, а также показателей, определяющих степень достижения данных установок в рамках четырех основных составляющих.

ССП – это система управления, которая позволяет организации четко сформулировать планы на будущее и стратегию и воплотить их в реальные действия. Она обеспечивает обратную связь между внутренними бизнес-процессами и внешними пока-

зателями, необходимую для повышения стратегической эффективности и достижения результатов [См.: 2. С. 278].

Всегда нужно помнить, что нельзя управлять ни результатами, ни процессами. Управлять можно людьми, которые решают соответствующие задачи.

Подводя итог всему вышесказанному, можно смело утверждать, что ССП – это одновременно система управления, механизм и новый инструмент измерения эффективности деятельности организации.

Литература

1. Гершун А., Горский М. Технологии сбалансированного управления. – 2-е изд., перераб. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2006. – 416 с.
2. Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию: Пер. с англ. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005. – 320 с.
3. Разработка сбалансированной системы показателей: Практическое руководство с примерами / Под ред. А. М. Гершуна, Ю. С. Нефедьевой. – 2-е изд., расшир. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005. – 128 с.
4. Беленков М. В. Некоторые особенности внедрения сбалансированной системы показателей // Бухгалтерский учет. – 2007. – № 2. – С. 73–75.
5. Бондаренко А. В. Оценка эффективности деятельности предприятия // Нефть, Газ и Бизнес. – 2006. – № 11. – С. 43–49.

Особенности мотивации персонала в условиях мультикультурного общества

Социальное развитие приобретает различные формы в зависимости от конкретного социального организма. На наш взгляд, общество – это система социальных групп, слоев, классов, связанных одной культурой, отличающихся от других групп определенным пространственным и географическим положением, имеющих чувство принадлежности к данной системе и признающих себя определенной социальной реальностью. Следует особо подчеркнуть, что социальные группы – это, как правило, носители различающихся между собой культур или культурных типов. Это в свою очередь обуславливает особые формы оценки этими группами социальной действительности. В этом случае очевидно, что иерархии ценностей и потребностей будут заметно отличаться от группы к группе. То, что служит стимулом и мотивом для одной группы, может быть депримирующим или фрустрирующим фактором для других. Примерно такой механизм функционирует в любом обществе. Что же касается конкретной социальной организации или социального института, где происходит экономическое взаимодействие и деятельность людей, то здесь этот механизм реально воплощается в жизнь, персонифицируется и институционализируется.

Решая важнейшие проблемы управления, руководство или менеджеры должны знать, какие культурные ценности сформировали личности сотрудников (подчиненных) и какие образцы организационного поведения будут модифицированы под влиянием этих ценностей. В противном случае мотивация, как побуждение, предрасполагающее сотрудника действовать определенным, целенаправленным образом при выполнении производственных заданий, сильно модифицируется и неизбежно превратится в деструктивную по отношению к организации силу.

Эту проблематику отчасти объясняет двухфакторная теория мотивации Ф. Герцберга, в которой он указывает на две группы факторов, составляющих мотивацию. Первая группа – это гигие-

* *Иван Иванович Богут* – профессор, завкафедрой социологии и социальных технологий Московского государственного ун-та пищевых производств (г. Москва).

нические факторы, внешние по отношению к работе, снимающие неудовлетворенность работой. Вторую группу составляют собственно мотивационные факторы, которые Герцберг определяет как внутренние, то есть присущие самой работе (производственной деятельности) персонала.

Напомним, что к первой группе относятся: хорошие, то есть соответствующие действующим законам, условия труда; достойная заработная плата, выплачиваемая в соответствие с законодательством; соответствующие действующему законодательству и корпоративным нормам отношения менеджмента к сотрудникам предприятия (организации); наличие социального пакета, который давал бы возможность поддерживать физическое здоровье на нормальном уровне, и т. д. Мы согласны с Ф. Герцбергом в том, что эти факторы, хотя и являются очень важными, однако автоматически не могут сформировать мотивацию работников.

Вторая же группа факторов предполагает, что каждый сотрудник, и, видимо, персонал в целом, сможет мотивированно работать в интересах предприятия (организации), когда он не только видит цели, но и участвует в их формировании. И более того, считает, что данная цель или цели достижимы в результате как его личных усилий, так и корпоративных.

Мы напомним, что сама культура, как бы мы ее ни определяли, а существует более 800 определений культуры, на наш взгляд, является совокупностью нормативных систем. Эта совокупность и каждая нормативная система в отдельности во многих случаях определяют поведение представителей той или иной культуры. Говоря по другому, люди часто действуют независимо от обстоятельств, на основании тех образцов поведения, которые предлагает та или иная культура. Поэтому мотивация в условиях мультикультурного общества приобретает еще более вероятностный характер, что во много раз усиливает организационные риски.

Каким образом можно эти риски уменьшить? Очевидно, после того как установки и ценности персонала будут изучены именно в контексте тех культур, в которых они формировались как личности. Это в свою очередь даст возможность оптимально выстроить взаимодействия сотрудников в рамках организации и направить их усилия на достижение социально значимых целей, как в рамках отдельной организации, так и в рамках целого общества.

Особое значение проблема мотивации приобретает в условиях мультикультурного общества, испытывающего значительное или большое давление со стороны трудовых мигрантов, которые не имеют таких целей, как адаптация и интеграция к принимающему обществу. Их ценности и образцы поведения могут нести деструктивное начало для культуры принимающего общества, и первым

страдает такой сложный и ранимый элемент культуры, как язык. Спрашивается, какие производственные и социальные задачи может выполнить человек, не владеющий языком? С другой стороны, как можно выяснить его ценности и установки, о которых он не может рассказать? Естественно, что отечественная литература дает нам указания на то, что человек, на первых порах не владеющий языком, может активно интегрироваться в общество, но это относится к реалиям позапрошлого века.

Ю. А. Борисова*

Молодые квалифицированные специалисты как «группа риска» на региональном рынке труда

Рынок труда в современном мире представляет собой систему общественных взаимодействий по согласованию интересов работодателей и наемной рабочей силы. Функционирование рынка труда сопряжено сегодня с многочисленными проблемами, среди которых безработица, низкая заработная плата и ее несвоевременные выплаты, отсутствие эффективной системы взаимодействия предприятий с учебными заведениями, сокращение производственных кадров, отток молодых специалистов. На региональном уровне многие из этих проблем обостряются в силу специфики каждого отдельного региона.

Одной из наиболее насущных проблем региона является неэффективное в отношении молодых специалистов (и реально задействованных в трудовом процессе, и тех, кто потенциально может быть трудоустроен в компании, то есть выпускников вузов) управление персоналом на предприятиях. Региональные организации в сложный период нуждаются в молодых адаптивных специалистах, но в то же время не спешат устраивать их на работу, считая недостаточно квалифицированными.

В данном контексте нами проведено социологическое исследование, которое позволило выявить проблемы и тенденции развития регионального рынка труда Ульяновской области в период экономического спада, определить механизмы взаимодействия выпускников вузов и работодателей по вопросам профессиональных отношений, а также описать взаимные ожидания молодых специалистов и работодателей по отношению друг к другу (в рамках исследования проведены: анкетный опрос студентов выпускных курсов вузов – выборка 510 респондентов; экспертные интервью с потенциальными работодателями разных предприятий малого, среднего и крупного бизнеса, госструктур, банков и корпораций – выборка 100 человек).

* **Юлия Александровна Борисова** – аспирант Ульяновского государственного технического ун-та (г. Ульяновск).

В связи со сложной финансово-экономической ситуацией, сложившейся в стране в последнее время, уровень безработицы снова начал возрастать. Особо остро в этих условиях проявляются и региональные причины. Эксперты объясняют это преждевременным сокращением численности персонала и ликвидацией предприятий. Изменилась структура имеющихся вакансий: в массе своей региональный работодатель предлагает малоквалифицированный и низкооплачиваемый труд. Естественно, эти изменения, в первую очередь, ударят по трудоустройству выпускников вузов. В то же время молодежь уже перестает довольствоваться тем что есть, ищет работу, максимально устраивающую ее по всем параметрам.

Отличительной особенностью регионального рынка труда является более частое открытие вакансий на предприятиях в связи с заменой уволившихся (67 %). Лишь 12 % вакансий появляется за счет расширения объемов производства. Такие темпы свидетельствуют о медленных переменах в экономике области по сравнению с другими регионами России.

Наблюдается разбалансированность структуры работников предприятий по возрастным категориям: низкая доля высококвалифицированных работников моложе 30 лет. Это нарушает процесс равномерности замещения выбывающих работников и передачи опыта молодым, а также свидетельствует о нежелании местных работодателей брать на работу молодых неопытных специалистов; о неумении выпускников вузов эффективно доказывать свою конкурентоспособность. Данное обстоятельство увеличивает долю риска при выходе молодых соискателей на рынок труда по окончании учебных заведений.

Стабилизация промышленного производства в последние годы в регионе обеспечила возрастание спроса на рабочие профессии в сфере машиностроения, строительства, авиастроения. Общий спрос на выпускников вузов этих технических специальностей в целом соответствует их выпуску. Однако анализ свидетельствует, что не все технические направления и специальности высоко востребованы. Также в стороне от спроса остаются гуманитарные специалисты, что говорит о пока слабом экономическом и профессиональном развитии региона. От этого страдают молодые специалисты экономического, социально-гуманитарного профиля, которые не могут найти работу по специальности.

Однако причина неравномерного спроса на специалистов с высшим образованием не только в состоянии региональной экономики. Дестабилизирующим фактором на рынке труда выступает несогласованность количества выпускаемых вузами специалистов и показателей спроса в организациях – то есть дисбаланс между

спросом и предложением, а еще точнее отсутствие единых стратегий развития рынка образовательных услуг и рынка труда.

На большинстве предприятий региона отсутствуют прогнозы и перспективные программы удовлетворения потребностей в квалифицированной рабочей силе. Перспективное планирование потребности в кадрах на срок более 3 лет имеют только 26 % организаций, от года до трех лет – 24 %. *Работодатели продолжают придерживаться такого подхода в удовлетворении потребности в кадрах, при котором персонал рассматривается в качестве одного из видов низкокзатратных материальных ресурсов, имеющих в избытке на региональном рынке труда.*

На промышленных предприятиях региона наблюдается значительная текучесть кадров. Выскажем неоднозначное мнение: высокая текучесть кадров, при всех негативных последствиях для предприятий, является позитивным фактором для выпускников вузов, впервые вступающих на рынок труда, – возрастают их шансы на трудоустройство.

Кадровые агентства Ульяновска говорят о значительном снижении спроса на экономистов, юристов и социологов в коммерческих организациях. Перенасыщен рынок бухгалтеров и аудиторов, вскоре региональный рынок ощутит избыток журналистов. По количеству заявок от предприятий наиболее востребованы выпускники факультетов трансфертных специальностей, информационных и телекоммуникационных технологий, медицинского факультета. Стабильно растет рынок маркетологов-аналитиков.

При этом в некоторых организациях региона существует явный кадровый дефицит по таким профессиям, как преподаватель, юрист, инженер, врач, экономист. На эти 5 профессий приходится 68 % вакансий. Основная причина, по которой существует дефицит, – низкая заработная плата. Юристы и экономисты требуются в бюджетных организациях, а заработная плата там обычно предлагается низкая, поэтому они не являются привлекательными для молодых специалистов. И хотя у большинства предприятий имеются определенные резервы для роста заработной платы и улучшения социально-бытовых условий сотрудников, они не всегда используются по прямому назначению.

С позиции самих работодателей, основной причиной низкой привлекательности региональных предприятий для молодых специалистов является низкая заработная плата. Однако наряду с этой причиной, по мнению выпускников вузов, имеют вес и такие факторы, как отсутствие перспектив профессионального и личностного роста, отсутствие возможности трудоустроиться по специальности, отсутствие социальных гарантий, возможности получения жилплощади.

Надо признать, что региональный рынок труда сегодня значительно перекошен. Так, инженерные специальности, с одной стороны, востребованы, с другой, не очень конъюнктурны. Например, конкурс на специальность «Машиностроение» сегодня составляет 2–3 человека на место, а заявка на инженеров-механиков с нескольких крупных предприятий превысила количество выпускников.

Все это говорит о том, что *молодежь при выборе специальности и профессии больше ориентируется на стереотипы в ближайшем окружении, конкурсы в высших заведениях, а не на реальную ситуацию на рынке труда и собственные способности*. Это усугубляет дисбаланс на региональном рынке труда и затрудняет построение эффективных программ управления набором персонала на предприятия.

Подобная ориентация на стереотипы проявляется и при попытке выпускников устроиться на работу. Почти 90 % выпускников вузов, впервые вышедших на рынок труда, нуждаются в помощи, чтобы устроиться на работу, удовлетворяющую их квалификации и потребностям. При этом треть молодых специалистов больше доверяют неформальным каналам в процессе поиска работы. Формализованные же пути поиска работы не пользуются популярностью у выпускников вузов. И тенденция эта только усугубляется с ухудшением экономической обстановки в регионе и следующим за этим высвобождением рабочей массы.

Итак, региональный рынок труда отличается разбалансированностью, которая усиливается под воздействием финансово-экономического кризиса. Отсутствие на предприятиях региона продуманного управления персоналом в рамках удовлетворения потребности в квалифицированных, способных и адаптивных кадрах создает трудности для молодых специалистов, выходящих на рынок труда. Выпускники вузов попадают в «группу риска», сталкиваясь с опасностью оказаться без работы. Слабое взаимодействие региональных предприятий с институтами образования, отсутствие прогнозирования потребности организаций в кадрах приводит к диспропорции спроса и предложения на рынке труда: вузы выпускают невостребованных специалистов. Таким образом, необходимо тесное взаимодействие потенциальных работодателей, региональных кадровых служб, служб занятости и образовательных учреждений в рамках разработки программ управления персоналом на предприятиях, что позволит снизить риски для молодых квалифицированных специалистов на рынке труда.

И. С. Бусыгина*

Социально-коммуникативные аспекты организационной безопасности

Современная организация – это открытая система, состояние и стабильность функционирования которой зависит от влияния внешних и внутренних факторов. Динамическое равновесие между этими факторами обеспечивает условно-нормальную деятельность организации, а нарушение этого равновесия создает угрозы для безопасности организации. В наиболее общем виде под организационной безопасностью можно понимать систему мер, защищающих бизнес от агрессивных воздействий, создающих платформу для принятия компанией важных управленческих решений, связанных с новыми партнерами и дорогостоящими проектами, обеспечивающих руководство конфиденциальной информацией, формирующих бизнес-процессы таким образом, чтобы полностью защититься от утечки информации, обеспечивая безопасное развитие компании.

Социальные коммуникации в организации представляют собой динамичную, гибкую систему, внутренне коммуникативно структурированную и подверженную управлению, а следовательно, манипуляциям. И это те «мягкие зоны», уязвимость которых для организационной безопасности весьма значительна.

Взаимосвязь организационной безопасности и социальных коммуникаций вполне очевидна; ее спровоцировал переворот структуры и характера общественных отношений. От элементов организационной системы требуется, с одной стороны, самостоятельность и конкурентоспособность, а с другой – вовлечение в деятельность организации с целью эффективной реализации общей цели. Адаптивности и жизнеспособности организации в ситуации неопределенности обеспечивается адекватным социально-психологическим климатом в коллективе сотрудников, что ведет за собой согласованность во взаимодействии персонала менеджмента. Сплоченность, как интегративный эффект самосознания персонала, повышает осознанность своей трудовой позиции, формирование «сильного МЫ» компании и вызывает ощущение коллективной от-

* **Инна Сергеевна Бусыгина** – канд. пед. наук, доцент, завкафедрой управления персоналом ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

ветственности. И, следовательно, наоборот: наиболее явные угрозы организационной безопасности также сконцентрированы в зоне коммуникативного поля при взаимодействии сотрудников.

Современные организации внутренне дифференцированы, что увеличивает потенциальную эффективность, но и усложняет взаимодействие между структурными единицами, снижает контролируемость циркуляции корпоративной информации и соблюдения организационной безопасности. Перспектива внутренней разобщенности и неуправляемости, верховенства групповых целей над организационными, преобладания неформальных образцов группового поведения над формально заданными становится реальной. Следовательно, управление современной компанией – это не только непосредственное управление, это мониторинг и регламентирование межличностного и межгруппового поведения, формирование деловых контактов. Организация эффективного взаимодействия создает групповому субъекту условия для выполнения предписанных функций и эффективного реагирования на динамичные требования внешней и внутренней среды. Выявление социально-психологических механизмов регулирования межличностных и межгрупповых отношений и взаимодействий в организации позволит обеспечивать наращивание организационной безопасности в современных условиях.

С помощью коммуникационных средств в единое целое объединяется организованная деятельность, модифицируется поведение, осуществляются изменения, информация приобретает эффективность, реализуются цели.

Организации пользуются разнообразными средствами для коммуникаций с составляющими своего внешнего окружения. Именно соблюдение стандартов этих коммуникаций позволяет обеспечивать корпоративную безопасность. С имеющимися потенциальными потребителями они общаются с помощью рекламы, прямых продаж, других программ продвижения товаров на рынок. В сфере отношения с общественностью первостепенное внимание уделяется созданию позитивного образа, имиджа организации на рынке и в сознании потребителя. Эти примеры реагирования организации на коммуникативные послылы из внешней среды демонстрируют возможности для манипуляции с информацией. В отечественном менталитете до сих пор сильна вера в слово, а потому любая информация, выводимая во внешнюю среду, обязательно отфильтровывается, упаковывается и подается в привлекательном виде. Неслучайно возникшие в последние годы должности PR-директоров, организационных консультантов-имиджмейкеров выросли в цене и очень востребованы.

Функционал социальных коммуникаций в организации двояк: с одной стороны, это информационные транзиты, с другой, взаи-

модействие сотрудников, типов личностей – перцепции и интеракции. Эти две функции тесным образом связаны друг с другом. Восприятие и взаимодействие личностей в значительной степени осуществляются благодаря движению информации, но полностью к информационным процессам не сводятся, потому что коммуникация строится не только по факту передачи и получения информации, но и по личностным ее оценкам и индивидуальным интерпретациям.

С точки зрения факторов организационной безопасности заслуживают пристального внимания неформальные коммуникации в организации; они возникают в процессе человеческого общения по различным интересам: житейским, психологическим, ситуационным. Это коммуникации, не зафиксированные в организационных документах или официальных требованиях. Такие коммуникации существуют в любой организации, они играют важную роль в деятельности человека, определяют социально-психологическую атмосферу работы. Достоинство подобных устных коммуникаций состоит в возможности быстрого и полного обмена информацией. Говорящие вовлечены в непосредственный контакт со слушающими и должны добиться того, чтобы их поняли.

К каналу неформальных коммуникаций можно отнести канал распространения слухов. Поскольку по каналам слухов информация передается много быстрее, чем по каналам формального сообщения, руководители пользуются первыми для запланированной утечки и распространения определенной информации или сведений типа «только между нами». Общепринято приписывать слухам репутацию неточной информации. Тем не менее, исследования показывают, что информация, передаваемая по каналам неформального сообщения, то есть слухи, чаще оказывается точной, а не искаженной: 80–99 % слухов точны в отношении непротиворечивой информации о самой компании. Люди склонны считать слухи менее точной информацией, поскольку реальные ее погрешности имеют более драматический характер и потому глубже впечатываются в память, чем каждодневная рутинная точность.

Слухи являются маркерами, свидетельствующими о состоянии социально-психологического климата коллектива, социальном самочувствии персонала организации. По слухам можно диагностировать организацию, маркировать уровень ощущения и восприятия корпоративной безопасности.

Угроза безопасности может гнездиться в актах общения. Угрожающее воздействие могут оказывать такие приемы, как ложь, обман, полуправда, «утечка информации», сплетня, неполная или частично искаженная информация, «утка», тенденциозный культурологический контекст сообщений (в том числе правдивых или

нейтральных по содержанию), дезинформация, слухи, провокационные или манипулятивные сообщения, попытки «рефлексивного управления» (термин В. А. Лефевра) случайно (или неслучайно) отобранными группами людей, неадекватно выбранный источник сведений, создание «дутых» авторитетов и т. д. При этом психологический анализ морально-этических представлений о правде, истине, лжи показывает, что они обнаруживают явную зависимость от возраста, пола, культурных барьеров и особенностей национального самосознания (В. В. Знаков, П. Экман), от «манипулятивной природы социума» (Е. Л. Доценко) и др.

Эффективность информационного воздействия на коллектив сотрудников зависит от установок аудитории и, в частности, от сложившейся степени доверия к информации, распространяемой внутренними источниками информирования, посредством слухов и т. д. Мы можем выделить внушаемых и критичных субъектов информационного воздействия. Первые, в отличие от вторых, легко поддаются воздействию, с доверием относятся к разнообразным информационным сообщениям. При этом определенное значение имеет источник внушающего воздействия: к примеру, многие субъекты доверчивы к слухам и одновременно весьма критичны к передаваемой посредством массмедиа информации, или наоборот. Внушаемые субъекты для формирования нужных установок могут быть использованы при манипуляциях, запуске вирусного маркетинга, в практике информационной войны.

Проблема коммуникаций между элементами организационной структуры обусловлена неопределенностью во взаимоотношениях между отдельными структурными единицами организации. При этом распоряжения и директивы руководящего органа организации не соответствуют ситуации, не понимаются подчиненными, дублируются, последующее сообщение может противоречить ранее посланным. Кроме того, в случае неопределенности ситуации горизонтальные связи между отдельными подразделениями или членами организации становятся ненадежными, информация к подразделениям поступает хаотично, что вызывает информационный голод или, наоборот, избыток противоречивой информации. Поле доверия в этом случае оказывается искаженным, и корпоративная безопасность оказывается под угрозой.

Для управления социально-коммуникативными аспектами организационной безопасности организации необходимы:

1) постоянное регулирование информационных потоков путем создания банка информационных данных, внутреннего рынка информации, пунктов отслеживания и сортировки получаемой извне информации, отслеживания мест информационных перегрузок;

2) контроль за процессами обмена информацией, информационными каналами. Для этого можно проводить такие мероприятия, как разработка плана-графика, периодическая отчетность, регулярные встречи с подчиненными для обсуждения возможных перемен в организации, и т. д.;

3) организация системы сбора информации от исполнителей путем создания действующих каналов от подчиненных к руководству, исключающих фильтрацию информации в ходе ее прохождения по структурным уровням. Это возможно с помощью ящиков для предложений, частной телефонной связи и т. д.;

4) создание дополнительных каналов для исключения искажения информации или двойственного понимания информационных сообщений путем повторения распоряжений или приказов в специально выпускаемых бюллетенях, информационных листках, регулярных обсуждений или собраний, доски объявлений, демонстрационных витрин, местных средств радио или телевидения и т. д. Кроме того, полезно вовлекать самих пользователей информации в разработку систем и процедур сбора данных (например, упрощение документооборота, самоконтроль и др.);

5) использование современных информационных технологий, что позволит руководству организации создать качественную систему коммуникаций. В частности, к таким мероприятиям относится внедрение персональных компьютеров на рабочих местах, электронной почты, выхода в Интернет, связи с другими организациями и т. д.;

6) планирование рабочих мест с учетом функциональных особенностей и способностей работников. При этом возможно создание коммуникационных сетей у работников, функционально связанных между собой в процессе работы. К таким мероприятиям можно отнести пространственное сближение рабочих мест по принципу технологических линий или цепочек;

7) предотвращение возникновения барьеров между различными подразделениями и должностными статусами в организации, «снятие функциональных и иерархических перегородок». Действительно, снятие различий между «мы» и «они» и понимание организации как единого организма в значительной степени уменьшают трудности в процессе коммуникации.

Эффективная коммуникативная социализация является условием сохранения безопасности организации и темпов развития бизнеса, которые могут замедляться каждый раз, когда организация нанимает нового сотрудника. Это значит, что повышение эффективности социализации сотрудников, в том числе коммуникативной интеграции, является важной стратегической задачей.

Как сказал Т. А. Мерфи, бывший председатель правления General Motors: «Одним и тем же общим знаменателем в бизнесе и в менеджменте являются люди и отношения с людьми... в конечном итоге, коммуникации важнее всего <...> эффективные коммуникации могут обеспечить успех и провал организации или, по крайней мере, определить степень успеха» (Т. А. Мерфи, 1989).

Литература

1. *Доблаев В. Л.* Власть и коммуникация в организациях // Социологические исследования. – 1995. – № 6. – С. 145–146.
2. *Жуков Ю. М., Болотова А. К., Петровская Л. А.* Социальные коммуникации: Учеб. пособие для вузов. – М.: Гардарики, 2008. – 279 с.
3. *Лэйхифф Дж. М., Пенроуз Д. М.* Бизнес-коммуникации: стратегии и навыки. – СПб.: Питер, 2001. – 688 с.
4. *Матиашвили В. М.* Организационные системы: сущность и типы. – Н. Новгород: НРИ АПК, 1998. – 220 с.
5. *Моргунов Е. Б.* Коммуникативное поведение в организации. – М.: Инфра-М, 2004. – 260 с.
6. *Почепцов Г. Г.* Теория и практика коммуникации. – М.: Центра, 1998. – 352 с.
7. *Снетков И. В.* Психология коммуникаций в организации. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. – 192 с.

И. С. Бусыгина*, Н. В. Евстифеева**

Социальный интеллект как основа профессионального успеха руководителя

В современных социально-экономических условиях России проблема успешности профессиональной деятельности руководителя представляется весьма актуальной. Одним из важнейших факторов эффективности управления является социальный интеллект как способность правильной интерпретации своего социального окружения.

Данный феномен описывался в теориях Э. Торндайка, Г. Айзенка, Дж. Гилфорда, В. Н. Куницыной, Е. Н. Емельянова.

Первым надежным тестом для измерения социального интеллекта стала методика Дж. Гилфорда и М. Салливена, которая позволила не только измерить общий уровень развития социального интеллекта, но и оценить частные способности к пониманию поведения людей.

На основании проведенного в 2008 году пилотажного исследования среди руководителей высшего и среднего звена г. Екатеринбурга (выборка 120 чел.) можно предположить следующее:

- женщине-руководителю необходим больший социальный интеллект, чем мужчине, для того, чтобы занять высокий статус (это подтверждают более высокие значения оценок среди женщин);
- у руководителей среднего звена социальный интеллект ниже, чем у руководителей высшего звена, что говорит о зависимости занимаемого статуса от уровня социального интеллекта;
- феномен имеет компенсаторную природу, которая при высоком уровне социального интеллекта проявляется в снижении ролевой пластичности и повышении рефлексивности.

Таким образом, социальный интеллект – это способность, которая необходима для эффективного межличностного взаимодействия и социальной адаптации. Именно эта способность сегодня обеспечивает успешность профессиональной деятельности руководителя.

* **Инна Сергеевна Бусыгина** – канд. пед. наук, доцент, завкафедрой управления персоналом ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

** **Наталья Владимировна Евстифеева** – студентка 4-го курса специальности «Управление персоналом» ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Литература

1. Куницина В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. – М.: ПИТЕР, 2003.
2. Лунёва О. В. Социальный интеллект: основные подходы. – М.: Аспект пресс, 2006.
3. Шепель В. М. Управленческая психология. – М.: Экономика, 2004.

А. С. Вартанян*

Проблемы трудовой мотивации и стимулирования труда в мультикультурных организациях

Любая деятельность организации направлена на удовлетворение потребностей не только общества как целого, но и отдельных его элементов, и формируется на основе ценностных ориентаций. В общем, действие человека: основано на различных мотивах, направляется на определенную цель, разрешает ту или иную задачу, выражает то или иное отношение человека к окружающему миру.

- Цель человеческой деятельности формируется на основе ценностных ориентаций личности и направлена на удовлетворение ее потребностей.

- Потребности – это объективно и субъективно необходимое требование личности к условиям ее существования и развития.

- Мотив – это побуждение к совершению действия, порожденное системой потребностей человека с различной степенью осознанности, или субъективная причина той или иной активности человека. Значимость, которую человек при этом приписывает следствиям, определяется присущими ему ценностными ориентациями.

- Мотивация – совокупность побуждений, вызывающих и определяющих активность индивида.

- Социальная ценность – это явление либо свойство какого-то явления, удовлетворяющее человеческие потребности и играющее заметную роль в жизни человека.

Для достижения целей организации руководству необходимо обеспечить эффективные действия социальных групп и отдельных работников. Для этого нужно не только обеспечить функциональную загрузку групп и работников, но и создать им необходимые условия, а также вызвать у них желание совершать именно те действия, которые приближают организацию к достижению поставленных целей. В связи с этим руководство организации должно

* *Армен Самвелович Вартанян* – доцент кафедры социологии и социальных технологий Московского государственного ун-та пищевых производств (г. Москва).

выполнять весьма важную функцию – создавать условия для мотивации работников и осуществлять ее на практике.

Представляется, что мотивацию в организации можно трактовать как побуждение членов организации к действию. При этом мотивация представляет собой, с одной стороны, побуждение, навязанное индивидам извне, а с другой – это внутреннее или самопобуждение. Двойственная природа мотивации заключается в том, что поведение групп и человека в трудовом процессе определяется взаимодействием различных внешних и внутренних побудительных сил, среди которых следует, прежде всего, выделить стимулы и мотивы. Стимул понимается как внешняя причина, побуждающая людей к деятельности, а мотив выступает как внутренняя побудительная сила. Если стимул замечен, его можно заранее спланировать или отменить, то мотив скрыт, его действие часто бывает неожиданным для наблюдателей, так как он зависит от инстинктивных импульсов, влечений, потребностей.

Вместе с тем стимулы и мотивы самым тесным образом связаны между собой. Процесс стимулирования деятельности члена организации – это такое воздействие на его поведение, которое включает в свою сферу все потребности, интересы, цели, стремления, мотивы. Следовательно, основу стимулирования составляет взаимодействие внешних условий и внутренней структуры личности члена организации. Стимулирование реализуется через создание условий, изменяющих трудовую ситуацию, чтобы у работника возникало желание, стремление к эффективной деятельности.

Главными рычагами побуждения людей к труду, или мотиваторами, выступают значимые факторы социального и предметного окружения (стимулы) либо устойчивые потребности, интересы, ценностные и другие установки, убеждения и т. д., являющиеся основой побудительных мотивов человека трудиться.

Стимулирование труда (от лат. stimulus – стрекало, остроконечная палка, которой подгоняли животных) – система морального и материального поощрения, вознаграждение за трудовое усилие. Стимулы – это внешние факторы к труду, главными из которых до сих пор остаются деньги. Они относятся к форме косвенного воздействия на поведение человека, в отличие от прямых – приказа, распоряжения, задания, норм, которые относятся к элементам принудительного управления трудом. Однако труд в коллективе трудно разделить на подобные факторы, тем более что нормируемое задание обычно связано с начислением денежной заработной платы, которая является материальным стимулом.

Мотивация труда (от франц. motif – побуждение) – побуждение к активной трудовой деятельности, основанное на удовлетворении важных для человека потребностей, таких как признание,

самореализация, принадлежность к социально значимой группе, карьерный рост и т. п. Мотивы – это внутренние факторы, тесно связанные с ценностями, они как бы вырастают на их почве.

Процесс формирования мотива (или мотивации) к активному труду есть очень сложный и пока еще не изученный до конца ни психологами, ни социологами феномен. Но это не мешает строить вполне работоспособные системы мотивации, исходящие из упрощенного понимания сути этого процесса. Упрощенный, точнее, абстрагированный от других признаков «экономический человек» и «социальный человек» лежит в основе западных концепций мотивации, хотя сегодня подобная абстракция вызывает уже сомнение и у теоретиков и у практиков управления.

Большинство авторов, рассматривая проблему содержания и источников (оснований) формирования мотивов, включают в их число потребности, установки, функциональные состояния личности, то есть тот потенциал как физико-энергетического, так и интеллектуального плана, которым она обладает, а также внешние побуждения (стимулы).

Потребности в самом общем виде определяются как забота индивида об обеспечении необходимых средств и условий для собственного существования и самосохранения, стремление к устойчивому сохранению равновесия со средой обитания, как жизненной, так и социальной.

Существует множество классификаций человеческих потребностей, основанием которых выступают: специфический объект (предмет) человеческих потребностей, их функциональное назначение, вид реализуемой деятельности и т. п.

Можно выделить три уровня мотивации (материальные, культурные, социальные) в зависимости от того, какие виды потребностей являются приоритетными на той или иной фазе жизненного и трудового поведения. В их основе лежат потребности, установки и ценности, связанные с социально-экономическим воспроизводством человека и его семьи. Сюда входят следующие мотивы:

1) мотивы по обеспечению жизненно важных благ, посредством которых удовлетворяются первоочередные и наиболее важные социальные потребности; они связаны с материальной заинтересованностью, с ориентацией на заработок;

2) мотивы призвания, отражающие стремление человека соединить свою трудовую деятельность с определенным родом занятий; эта ориентация связана в наибольшей степени с интересом и удовлетворенностью трудовой деятельностью;

3) мотивы престижа выражают стремление работника реализовать свою социальную роль, занять достойный социальный статус.

Вторая группа мотивов связана с реализацией предписанных и усвоенных личностью социальных норм. Это могут быть социально значимые ценности, которые задаются, во-первых, социально-экономической системой и культурно-исторической средой в целом, во-вторых, конкретным коллективом или организацией, в-третьих, конкретной профессиональной группой. Среди мотивов трудового поведения в этой связи выделяют гражданские, морально-патриотические, идейно-политические мотивы. В последние годы под влиянием достижений японских специалистов большое внимание стали уделять национально-культурным и даже религиозным ценностям, реализуемым в различных культурных средах и составляющим основу для очень эффективного мотивационного управления трудом.

Третья группа мотивов относится к выбору индивидом широкого круга социальных и профессиональных целей, оптимизации жизненного цикла в качестве работника. Это мотивы социальной и профессиональной мобильности, возрастной приспособляемости, и т. д.

Все перечисленные мотивы и потребности так или иначе отражаются, систематизируются и изучаются в различных теоретических концепциях трудовой мотивации, главной задачей которых, в конечном счете, является создание эффективных систем мотивации и стимулирования труда на предприятиях и организациях в целях привлечения работников в организацию, увлечения их трудом, высокими зарплатами, убеждения в значимости для организации и для общества, защиты от обезличенной общественной системы.

Н. М. Глухенькая*

Личность руководителя, менеджера, преподавателя

«Личность в психологии – системное социальное качество человека, главная целостная характеристика его внутреннего мира, мера его развития как носителя сознания, интеллекта, культуры, морали, защитника и творца человеческих ценностей» (А. М. Столяренко).

Личность руководителя формируется, развивается в обществе и зависит как от самого человека, так и от людей, окружающих его. Задачей менеджера является создание эффективного производства, преподавателя – воспитание специалиста, руководителя – управление персоналом, подразделением, организацией. На наш взгляд, этих людей объединяет наличие характера личности, то есть отношение к людям, труду и самому себе. В условиях мультикультурального общества руководителю необходимо найти возможность взаимодействия непосредственно или косвенно с подавляющим большинством участников учебного или производственного процесса, для этого необходимо обладать профессиональными знаниями, целым рядом человеческих качеств, знаниями, способностями, опытом, воспитанием, интуицией, интеллектом и др.

Влияние личности преподавателя, менеджера и руководителя объективно задано его положением в коллективе, как в учебном, так и в производственном. Для того чтобы построить качественный учебный и производственный процесс, необходимо постоянно развиваться самому, учиться и учить, не допускать личной деформации и вседозволенности, проявлять «психологическое и педагогическое влияние стиля управления».

Педагогу, менеджеру, руководителю необходимо создать благоприятные социально-психологические условия в руководимом коллективе, поддержание эффективного контакта с сотрудниками, коллегами, обучающимися, определить оптимальную дистанцию для общения и сотрудничества, создать атмосферу ответственности и взаимного уважения.

* **Нина Максимовна Глухенькая** – канд. пед. наук, доцент кафедры социальной антропологии и психологии УГТУ-УПИ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Для получения эффективного результата необходимо опираться на базовые принципы, учитывая мультикультуральные особенности современного общества, просчитывать на несколько шагов вперед риски и возможности взаимодействия с руководимым коллективом. Руководитель должен овладеть определенным «стилем руководства». На современном этапе выделено четыре направления: авторитарный (директивный), демократический (коллегиальный), либеральный (попустительский), смешанный (гибкий, комбинированный).

Необходимо отметить, что выбор оптимального стиля руководства в классическом, гибком диапазоне «авторитарность – демократизм» – задача совсем не простая, поскольку в ее исходных условиях заложено противоречие. «Будить» инициативу, создать творческую атмосферу можно только демократическими средствами, а воспитать ответственность, укрепить дисциплину, обеспечить четкость в работе – авторитарными, административными методами. К. Левиным была разработана трехчастная модель руководства «концепция континуума», Р. Лайкертом – авторитарно-демократический континуум, в дальнейшем стали разрабатываться «многомерные» модели стилей руководства.

Руководителю, менеджеру, преподавателю необходимо определить собственный стиль руководства коллективом, комфортный для себя и эффективный для производства.

Э. В. Данилова*

Подходы к управлению человеческими ресурсами в мультикультурных организациях

Одной из тенденций развития управленческой мысли является усиление международного характера управления. Происходит все более тесная взаимосвязь глобальной и локальной национальной систем. В теории и практике менеджмента появились такие понятия, как «мультинациональная компания», «мультикультурная команда», «мультикультурализация», «мультикультурная рабочая сила» и прочие, так или иначе характеризующие новые формы социально-экономических объединений в условиях глобализации мировой экономики, которые предполагают объединения работников, принадлежащих к двум или более культурам, взаимодействующих друг с другом на постоянной основе.

Свидетельством формирования глобального рынка труда, капитала и рабочей силы являются, например, следующие данные Территориального округа федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю (некоторые данные имеют косвенное свидетельство, но тем не менее позволяют обнаружить выделенную тенденцию).

На 1 октября 2008 года на территории Красноярского края выпуск товаров и оказание услуг осуществляли 99 организаций с участием иностранного капитала [См.: 1].

Таблица 1
**Характеристика демографии организаций
Красноярского края по формам собственности в 2008 году**

	Коэффициент рождаемости организаций на 1000 организаций		Коэффициент официальной ликвидации организаций на 1000 организаций		Коэффициент прироста, снижения (-) на 1000 организаций	
	декабрь	2008 г.	декабрь	2008 г.	декабрь	2008 г.
Всего	11,0	133,2	3,7	34,2	7,3	99,0
в том числе по формам собственности:						

Окончание табл. см. на след. стр.

* **Элла Владимировна Данилова** – канд. филос. наук, доцент кафедры управления социальными процессами Сибирского федерального ун-та (г. Красноярск).

Окончание таблицы

российская	11,0	132,9	3,7	34,2	7,3	98,7
иностранная	11,1	151,2	5,6	52,3	5,5	98,9
совместная российская и иностранная	18,2	166,7	-	19,4	18,2	147,3

Источник: [2].

Таблица 2

Показатели международной миграции (человек)

	Январь - ноябрь 2008 г.			Справочно Январь - ноябрь 2007 г.		
	число прибывших	число выбывших	миграционный прирост, снижение (-)	число прибывших	число выбывших	миграционный прирост, снижение (-)
Международная миграция	6345	784	5561	5959	1076	4883
в том числе:						
с государствами-участниками СНГ	6016	618	5398	5619	773	4846
со странами вне СНГ	329	166	163	340	303	37

Источник: [3].

Можно выделить три группы экспатриантов:

1) иностранцы, привлекаемые на позиции в высшем руководстве компании. Многие иностранные компании приглашают на ключевые позиции в российские представительства своих сотрудников из головных офисов Европы, Америки и Азии;

2) иностранцы, привлекаемые на должности линейных специалистов, которые могли бы занимать граждане России, но по каким-то причинам не занявшие их, в том числе и вследствие нехватки на рынке труда квалифицированной рабочей силы;

3) иностранцы, привлекаемые на рабочие, низкоквалифицированные, низкооплачиваемые специальности.

Исследователи, занимающиеся вопросами экономического поведения в мультикультурных организациях, выделяют различные подходы к управлению в целом и управлению человеческими ресурсами в частности. Во-первых, в зависимости от того, какое значение менеджмент уделяет социокультурным составляющим. Так, в частности, М. И. Соколова, обобщив опыт зарубежных фирм, выделила три основные стратегии управления межкультурными различиями: игнорирование, минимизацию и максимальное использование. Когда компания выбирает стратегию игнорирования различий в культуре, она исходит из принципа универсальности бизнеса, менеджмента, которые ничем не отличаются, в какой бы части

мира они ни находились. Минимизация различий состоит в попытках привести все культуры к одному общему типу или, наоборот, прибегнуть к их сегрегации с целью предотвращения возможного конфликта. Стратегия максимального использования межкультурных различий выражается в ускорении интеграции национальных компаний при максимальном использовании местной культуры [См.: 4].

Н. И. Гусева также выделяет три подхода в зависимости от выделенного основания. В соответствии с первым подходом организации в основном «не стеснены рамками культуры», современные технологии, стратегическая ориентация перевешивают различия в национальном контексте, ведя к глобальной стандартизации практики менеджмента в целом и экономического поведения в частности. В соответствии с другим – организации «связаны культурой», экономическое поведение зависит от коллективно-разделяемых ценностей и системы верований. Представители данного направления считают, что экономическое поведение социально-экономических групп и структур определяется особенностями национальной культуры. Третий подход сочетает определенные элементы первых двух подходов. Его сторонники доказывают, что взаимодействие между рыночной необходимостью и национальными социально-экономическими институтами, такими как профсоюзы, системы образования, законодательство и модели индустриальных отношений, влияют как на способ управления организациями в целом, так и на экономическое поведение в частности [См.: 5].

Во-вторых, в зависимости от характера отношений между головной компанией и дочерними организациями М. И. Соколова выделяет четыре подхода к управлению человеческими ресурсами в различных транснациональных подразделениях:

1. Этноцентрический подход. Преобладает свойственный данной стране подход, и подразделения компании ориентируются на стандартизированные методы управления человеческими ресурсами.

2. Полицентрический подход. Каждое подразделение имеет возможность разрабатывать свою собственную модель управления человеческими ресурсами с учетом местных условий.

3. Региоцентрический подход. Схож с полицентрическим, однако в данном случае подразделения действуют на региональной основе, и специфика управления человеческими ресурсами едина для всего региона.

4. Геоцентрический подход. Реализуется стратегия управления людьми на глобальной основе. Стратегия и политика разрабатывается штаб-квартирой (головным офисом) и подразделениями совместно. Геоцентрические транснациональные корпорации отличаются интернациональной культурой, что отвечает современным тенденциям глобализации бизнеса [См.: 6].

Большинство исследователей, занимающихся проблемами управления человеческими ресурсами в мультикультурных организациях, выделяют в качестве задачи транснациональных корпораций максимальное использование, а не минимизацию культурных различий, выступают за мультикультурализацию, то есть формирование мультинациональной культуры в организациях. При этом выделяются многочисленные факторы, противодействующие культурной адаптации, среди которых: индивидуальные особенности, узость взглядов, этноцентризм, культурные различия, культурный шок и факторы, поддерживающие культурную адаптацию: тщательный отбор, назначение на должность с учетом совместимости наций, предварительное обучение, ориентация и поддержка [См.: 7]. Кроме того, на организационное поведение и организационную культуру мультинациональной компании оказывают влияние национальные, социальные, экономические, политические, юридические, этические особенности.

Среди моделей, используемых для анализа межкультурных различий, наибольшую известность получили: модель ценностных ориентаций А. Кluckхона и Ф. Стродтбека, модель изучения культурных ценностей Г. Хофстеде, выделение групп стран по признаку сходства культурных ценностей (наиболее известна группировка, разработанная С. Роненом и О. Шенкаром) [8].

Источники

1. Режим доступа: <http://www.statist.krs.ru/public/Doclad12/1590240R.htm>.
2. Режим доступа: <http://www.statist.krs.ru/public/Doclad12/1590230R.htm>.
3. Режим доступа: <http://www.statist.krs.ru>.
4. Соколова М. И. Управление человеческими ресурсами в международных компаниях // Управление развитием персонала. – 2006. – № 4. – С. 240–243.
5. Гусева Н. И. Экономическое поведение мультикультурных групп в условиях глобализации: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.03 СПб., 2006 391 с. РГБ ОД, 71:06-22/53. – [Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/vved/162227.html>].
6. Соколова М. И. Управление человеческими ресурсами в международных компаниях // Управление развитием персонала. – 2006. – № 4. – С. 240.
7. Ньюстром Дж.В., Дэвис К. Организационное поведение: Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2000. – С. 400.
8. Организационное поведение: Учебник для вузов / Под ред. Г. Р. Латфуллина, О. Н. Громовой. – СПб.: Питер, 2004. – С. 390–397.

В. В. Запарий*, Е. В. Зайцева**

Основные тенденции формирования трудовых ресурсов в последней трети XX века

1970–1980-е годы характеризовались крупнейшими переменами в экономическом развитии страны. В эти же годы впервые в послевоенный период появился дефицит трудовых ресурсов, обусловленный сокращением количества молодежи, вступающей в трудоспособный возраст. На повестку дня встал вопрос о росте производительности труда не за счет увеличения числа работающих, расширения географии строительства промышленных предприятий, а на основе рационального использования резервов и количественного совершенствования рабочей силы. От того, насколько высок профессиональный уровень трудящихся, в какой степени мобильны рабочие в овладении техникой и технологическими процессами и в усвоении и применении теоретических и практических знаний и навыков, зависело решение вопросов интенсификации, эффективности общественного производства, роста производительности труда.

К факторам, сдерживавшим развитие промышленности края и замедлявшим темпы роста производительности труда, относился дефицит рабочих кадров, проявившийся уже в 60-е годы. В условиях НТП, увеличения производственных мощностей уральской промышленности потребность в рабочей силе росла быстрее, чем увеличивались трудовые ресурсы. За 1960–1970 годы трудовые ресурсы возросли всего на 10 %, а численность рабочих и служащих – на 30 %¹. Наиболее отчетливо негативная динамика наблюдалась во всех областях Урала, особенно она выразилась в снижении численности рабочих. Три четверти дефицита трудовых ресурсов приходилось на наиболее индустриальные области: Пермскую – 33 %, Свердловскую – 25 % и Челябинскую – 17 %².

* **Владимир Васильевич Запарий** – д-р ист. наук, профессор, декан ф-та гуманитарного образования УГТУ-УПИ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Екатерина Васильевна Зайцева – канд. социол. наук, доцент, УГТУ-УПИ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

¹ См.: Некоторые проблемы развития экономики Урала. Свердловск, 1975. С. 99.

² См.: Архив Челяб. обл. стат. управления Ф. 4НТ, Оп. 43П, Д. 1671. Л. 19.

Сокращение темпов роста численности рабочих промышленных предприятий объяснялось рядом причин. Во-первых, низким уровнем рождаемости в военные и послевоенные годы, что привело в 70-е и, особенно, 80-е годы к резкому сокращению резерва молодежи, вступающей в трудоспособный возраст. Во-вторых, высоким уровнем миграционного оттока населения с территории Урала. В-третьих, влиянием НТП с его механизацией и автоматизацией производственных процессов, высвобождавших часть рабочих, перестройкой хозяйственного комплекса Урала на интенсивный путь развития, при котором прирост объемов промышленного производства происходил не за счет дополнительного увеличения численности рабочих, а на основе роста производительности труда и выявления внутренних резервов.

Постоянный отток населения с Урала происходил по целому ряду причин, связанных, во-первых, с крупными изменениями в структуре народного хозяйства края, его ролью в общем развитии производительных сил страны, во-вторых, с отставанием социальной инфраструктуры и всего жизненного комплекса по сравнению с другими регионами страны.

Проблема трудовых ресурсов, возникшая на Урале в 70–80-е годы, в условиях существования административно-командной системы, выдвинула ряд сложных вопросов, от решения которых в определенной степени зависело дальнейшее развитие промышленности региона. Одним из них стал вопрос поиска новых источников пополнения рядов рабочего класса. В эти годы на Урале отмечалась высокая степень занятости населения, что исключало дополнительные или свободные источники роста рабочих кадров. В общественном производстве и учебе было занято более 90 % трудоспособного населения, в том числе более 80 % – в сфере материального производства³.

Если еще в 50-е годы главным источником пополнения рабочего класса на Урале, как и в целом по стране, являлось крестьянство, то в 70–80-е годы этот ресурс был исчерпан. К концу 70-х удельный вес крестьянства в населении региона составлял 8 % к общему числу населения, в том числе по Пермской области – 8,7 %, Свердловской – 2,5 %, Челябинской – 2,4 %. Таким образом, если в 1961–1970 годах за счет колхозников или прибывших из села численность рабочих на заводах возросла на 13 %, то в 1971–1980 – только на 7 %⁴. Отличавшееся ранее высоким уровнем рождае-

³ См.: Формирование и закрепление квалифицированных рабочих кадров в промышленности Урала: Научный отчет Института экономики УНЦ АН СССР. 1981. С. 32.

⁴ См.: Формирование и закрепление квалифицированных рабочих кадров в промышленности Урала. С. 21–22. Основные сдвиги в демографи-

мости и естественного прироста сельское население в те годы заметно сократилось, резко снизилась рождаемость.

Отрицательная демографическая ситуация, выразившаяся в сокращении доли молодежи, вступающей в трудовую жизнь, вела к ограничению этого источника. Растущее промышленное производство выдвигало более высокие требования к рабочим кадрам, нежели могла обеспечить социально-демографическая группа молодежи. Поэтому в народном хозяйстве Урала создалось несоответствие между продолжавшим расти производством, возрастающими потребностями в рабочей силе и уменьшением возможностей удовлетворения его рабочими кадрами. Центральные государственные органы указывали на то, что главным источником дополнительной рабочей силы должны стать внутрипроизводственные резервы, имевшиеся на каждом предприятии⁵. Этот курс активно реализовывался в Уральском экономическом районе. Главными внутрипроизводственными резервами в регионе стали нерезервизованные возможности экономии живого труда. Это – высвобождение и перераспределение рабочих кадров, сокращение их текучести, повышение квалификации. На Урале получило распространение высвобождение рабочих и их перераспределение. Перераспределение рабочих внутри и между предприятиями способствовало применению достижений НТП и внедрению НОТ (научной организации труда), нашедших широкое распространение.

Обеспечение промышленности рабочей силой происходило также за счет перераспределения работников как внутри предприятия, так и за его пределами. Этот контингент составлял в 70-е годы 55–70 % ежегодно принимаемых на работу⁶. Чрезвычайно важным внутрипроизводственным резервом являлись укрепление трудовой и технологической дисциплины, работа по сокращению текучести кадров. В течение года отток и приток рабочей силы происходил неравномерно. Определенную роль играл фактор сезонности. Наибольшее число увольняющихся наблюдалось весной, когда молодые рабочие направлялись на учебу и в армию. Большой приток рабочей силы наблюдался летом в связи с завершением обучения в школах и техникумах, училищах и в результате демобилизации из армии.

Какие же факторы обуславливали снижение численности, экономики трудовых ресурсов. Это, в первую очередь, повышение тех-

ческих процессах на Урале (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Научный отчет Института экономики УНЦ АН СССР. Свердловск, 1982. С. 15.

⁵ См.: КПСС в резолюциях... Т. 10. 1972. С. 202, 316; Т. 12. 1978. С. 371.

⁶ См.: Гвоздкова Л. И. К вопросу о рабочем классе Урала в период развитого социализма (1966–1975 гг.). Свердловск, 1984. С. 15.

нического уровня всего производства, внедрение агрегатов максимальной единичной мощности, с высоким уровнем механизации и автоматизации производственных процессов, с поточной непрерывной системой предметов труда, таких как крупные доменные печи, большегрузные конвертера, электросталеплавильные печи с мощными трансформаторами, непрерывные прокатные и трубопрокатные станы, поточные линии непрерывной разливки стали, отделки, травления и термообработки. Во-вторых, коренное изменение всего производственного цикла, освоение новых технологических процессов. В-третьих, техническое перевооружение действующего производства и изобретательство и рационализация, внедрение механизации и автоматизации отдельных мест и целых комплексов, особенно отстававших в этом отношении вспомогательных цехов и участков, повышение уровня промышленной санитарии, промышленной гигиены, улучшение техники безопасности и охраны труда. Определенную роль сыграли вывод из эксплуатации окончательно устаревшего оборудования, агрегатов, участков и цехов и связанное с этим высвобождение рабочих, а также сокращение фронта работ, вплоть до полного закрытия отдельных рудников и шахт, карьеров ввиду выработки запасов. В-четвертых, дальнейшее улучшение организации труда и структуры управления, совмещение рабочих мест и профессий, повышение квалификации кадров, развитие соревнования, распространение творческих починов, составление планов НОТ, совершенствование форм зарплаты, оздоровление социального климата, поддержка новаторов, что также способствовало сокращению числа работающих.

Одним из возможных путей сокращения дефицита рабочих кадров было совмещение профессий.

В 90-е годы, в связи с резким снижением производства в ведущих отраслях региона, снизилась потребность в кадрах. В связи с развитием коммерческих структур все большее количество трудящихся перешли в рыночный сектор экономики. В результате сложилась негативная ситуация в использовании промышленного потенциала на ряде предприятий отрасли. Невыплаты зарплаты, неопределенность экономического положения, предприятий, желание улучшить свое материальное положение привели к большому оттоку с предприятий отрасли квалифицированных и молодых работников. Новые тенденции придали процессам движения рабочей силы неуправляемый характер.

Новым явлением, присущим 1990-м годам, стало не только появление безработицы и рынка труда, но и определенный дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы в профессиональном смысле. Так, две трети вакансий предназначены для рабочих, тогда как среди ищущих работу половина – лица с высшим

и среднетехническим образованием, претендующие не на рабочие, а на инженерно-технические должности.

В этих условиях самоустранение государства от этих проблем создавало серьезную экономическую, социальную и в конечном итоге политическую ситуацию. Тем более, что в современных условиях паллиативом в укомплектовании кадрами стали мигранты и иностранные граждане. Этот источник не может быть постоянным. Кроме того, он создает многие политические и экономические проблемы. Поэтому нужна серьезная национальная и региональная программа по формированию трудовых ресурсов.

А. О. Захарова*

Управление организационной культурой

Организационная культура компании в современном мире является залогом успеха бизнеса, основой преуспевания компании на рынке. Все процветающие компании мира, без исключения, создали и поддерживают ярко выраженные организационные культуры, наиболее соответствующие их целям и ценностям.

Организационная культура выполняет целый ряд важнейших функций, в том числе:

- создает имидж компании, отличающий ее от любой другой, и влияет на ее репутацию;
- определяет степень сплочения сотрудников, создает условия возникновения чувства общности всех членов организации, обеспечивает присущие ей стандарты поведения, влияет на уровень вовлеченности работников в дела фирмы и лояльности ей;
- формирует у сотрудников чувство уверенности и гордости за фирму, влияет на уровень текучести кадров;
- является важным источником стабильности и преемственности, формируя у сотрудников чувство безопасности.

Истоки формирования организационной культуры компании лежат в истории организации – традиции и обычаи, стиль работы и имидж отдельных профессиональных групп и подразделений формируются на основе предыдущего опыта. Один из важнейших источников формирования таких традиций – это представления основателей фирмы. Осуществляя и воплощая свою мечту, основатели фирмы пытаются создать идеальный образ организации.

Управление организационной культурой компании – это процесс сложный, требующий внимания со стороны руководителей компании и в первую очередь – ответа на вопрос: *Какова организационная культура компании сейчас?*

Для этого необходимо изучить и проанализировать все, что составляет культуру компании сегодня – так называемый язык артефактов: Что рассказывает нам архитектура зданий, планировка помещений, рабочие места? О чем говорит одежда сотрудников? Как сотрудники обращаются друг к другу – по имени-отчеству и

* Анастасия Олеговна Захарова – слушатель программы дополнительного образования «Актуальный менеджмент: управление персоналом» Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

только на Вы или демократично, и есть ли свой особый сленг? Как встречают клиентов и случайно зашедших посетителей? Как приветствуют по телефону и приветствуют ли? Что говорят о руководителях, какие истории, байки передаются от «стареньких» «новеньким» и как они рассказываются – укладкой с сарказмом или открыто с добрым юмором? Любят ли «старожилов», авторитетами какого рода они являются – обращаются ли к ним за помощью, уважают ли их мнение, или стараются избегать? Делятся ли в организации информацией, идеями или нет? Верят ли в развитие, конкурентоспособность компании?

Так, с ответами на вопросы постепенно вырисовываются характеристики культуры: гибкость или стабильность, динамизм или порядок и контроль, единство или соперничество, интеграция и объединение или дифференциация и разделение.

Далее образ культуры компании дополняем результатами диагностического исследования. Среди многообразия типов организационных культур выделяются несколько основных (по Киму Камерону и Роберту Куинну):

- иерархический тип – культура, ориентированная на системность, порядок;
- клановый тип – культура, фокусирующая внимание на качестве отношений;
- адхократический тип – культура, ориентированная на предпринимательство и творчество;
- рыночный тип – культура, в первую очередь ориентированная на результат и выполнение задачи любой ценой.

Как правило, в организационной культуре компании проявляются несколько основных типов культуры.

В таком исследовании обязательно участвуют все руководители компании, а также авторитетные сотрудники, сотрудники со стажем и вновь пришедшие, со «свежим взглядом» на компанию. Если компания уже заявила о себе на рынке, спрашиваем мнение клиентов – «взгляд со стороны»: Какой они видят компанию? Какой бы они хотели ее видеть?

Следующим важным дополнением к определению организационной культуры является выявление основных ценностей компании, то есть того, что лежит в области базовых представлений и установок: отношение сотрудников к компании, мотивация к работе, клиентоориентированность, стиль управления и взаимоотношений.

Следующий вопрос эффективного управления организационной культурой компании: *Что и как будем менять?*

Отвечая на предыдущий вопрос, мы определяли положительное в существующей организационной культуре компании – те ценности, которые есть сейчас и будут нужны в будущем; отрица-

тельное – что есть сейчас, мешающее развитию; необходимое – чего нет сейчас, но что необходимо в будущем. Теперь, когда все участники процесса однозначно понимают, что предполагает и что не предполагает изменение культуры компании, и определено, какие именно ценности должны быть закреплены, делаем следующий шаг, цель которого – выбор действий и поведения, необходимых для внедрения изменений. При этом перемены должны затрагивать все важные составляющие организационной культуры: стиль лидерства, стиль менеджмента, стратегические цели и задачи развития, характер отношений к внутренним и внешним клиентам, кадровую политику.

Заключительный шаг этого этапа состоит в разработке плана реализации, он и станет началом процесса изменений культуры.

Вопрос третий: *Как закрепить проведенные преобразования?*

Вся работа по изменению организационной культуры будет эффективной только в том случае, если будут приняты во внимание такие важные принципы организационных изменений, как:

- создание позитивного эмоционального фона идущих перемен – начать с малого и отпраздновать победу;
- создание общественной поддержки изменений – вовлечь авторитетных и конструктивных сотрудников;
- построение системы контроля и учета результатов – поддерживать уверенность людей: «цели достижимы!»;
- предоставление информации – организовать регулярную обратную связь о ходе изменений, информировать об успехах;
- реализация не только вещественных, но и символических изменений – формировать новую ментальность;
- фокусирование внимания на процессах – готовность к перестройке бизнес-процессов, если это будет необходимо.

Вопрос четвертый: *Что дальше?*

Ответ звучит философски: процесс формирования организационной культуры, как и любой процесс развития, не имеет ограничений и пределов совершенства. Поэтому для успешного управления организационной культурой компании необходимо регулярно отслеживать все изменения и вовремя на них реагировать.

Литература

1. Агаев А., Грачев М. Организационная культура современной корпорации // МЭМО. – 1990. – № 6. – С. 53.
2. Бачуров В. Победа без борьбы, корпоративная культура как еще одно конкурентное преимущество // TopManager. – 2001. – № 11. – С. 6.

3. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс: Учебник. – 2-е изд. – М.: Гардарики, 1996. – 416 с.

4. Галкина Т. П. Социология управления: от группы к команде: Учеб. пособие. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 224 с.

5. Гибсон Дж. Л., Доннелли Д. Х. мл., Иванцевич Д. М. Организации: поведение, структура, процессы. – М.: Инфра-М, 2000. – 660 с.

6. Катков В. М. Формирование организационной культуры на промышленном предприятии // Управление персоналом. – 2000. – № 11. – С. 35–38.

7. Клейменов К. О. Организационная культура с позицией цепочки фирмы // Экономика. Управление. Культура: Сб. науч. раб. – М., 1999.

8. Кузнецова Н. Идеология возвращается? // Служба кадров. – 2001. – № 8. – С. 8–12.

9. Магура М. И., Курбатова М. Б. Современные персонал технологии. – М.: ЗАО Бизнес школа «Интел Синтез», 2001. – 376 с.

10. Марковский В., Зуйкова И. Камень преткновения или точка опоры? // Top-Manager. – 2001. – № 11. – С. 817.

11. Мезенцева А. Справедливо оценить труд чиновника // Служба кадров. – 2002. – № 1. – С. 67–73.

12. Мордовин С. Человеческие ресурсы или сотрудничество // Top-Manager. – 2001. – № 11. – С. 30–33.

13. Ракитова О. Психотерапевтический взгляд // Top-Manager. – 2001. – № 11. – С. 18–24.

14. Сухорукова М. Ценности как ключевой элемент организационной культуры // Управление персоналом. – 2000. – № 11. – С. 39.

Организационная культура предприятия в системе управления персоналом организации

Человек составляет основу любой организации, которая и сама создается для человека. Спектр организационной культуры, которую приносит человек в организацию, весьма широк и определяется уникальностью каждого человека. Особенности организационной культуры человека в том, что это функция от индивидуальности личности и окружающей среды. Кроме того, поведение, личность и окружающая среда оказывают взаимное влияние друг на друга. Рассмотрение организаций как сообществ, имеющих единообразное понимание своих целей, значения и места, ценностей и поведения, породило понятие организационной культуры. Организация формирует собственный облик, в основе которого лежат специфические качества производимой продукции и оказываемых услуг, правила поведения и нравственные принципы работников, репутация в деловом мире и т. п. Это система общепринятых в организации представлений и подходов к постановке дела, к формам отношений и к достижению результатов деятельности, которые отличают данную организацию от всех других.

Таким образом, организационная культура – область знаний, входящая в серию управленческих наук. Она выделилась из сравнительно новой области знаний – организационного поведения, которая изучает общие подходы, принципы, законы и закономерности развития в организации.

Организационная культура – это система общественно прогрессивных формальных и неформальных правил и норм деятельности, обычаев и традиций, индивидуальных и групповых интересов, особенностей поведения персонала данной организационной структуры, стиля руководства, показателей удовлетворенности работников условиями труда, уровня взаимного сотрудничества и совместимости работников между собой и с организацией, перспектив развития.

* *Татьяна Алексеевна Иванычева* – канд. социол. наук, доцент кафедры национальной экономики и менеджмента, декан экономического ф-та Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права (г. Тюмень).

В работе с персоналом организации при формировании организационной культуры используют следующие принципы:

- создание со стороны администрации приоритета доверия и поддержки специалистов над контролем их деятельности;
- разделение организационной схемы управления на ячейки, функционирование каждой из которых может автономно обеспечиваться одним человеком;
- проведение постоянных структурных изменений;
- проведение политики гарантированной занятости, умелое маневрирование кадровыми ресурсами (посредством постоянной переподготовки кадров и перераспределения рабочей силы между разными подразделениями, чтобы избежать необходимости увольнения);
- стимулирование личной инициативы работников при решении общих задач и постоянство правил поведения в фирме;
- доверие к отдельному работнику компании со стороны менеджеров;
- развитие коллективных методов разрешения проблем, разделение успеха между работниками, интересными с точки зрения создания организационной среды, привлекающей в корпорацию лучших в своей профессии людей;
- формирование предпринимательского климата через использование проектных групп в качестве основной структурной единицы компании;
- субсидирование фоновых обслуживающих подразделений – собственных и внешних (спортивные залы, дискотеки и др.).

На возможность изменения культуры компании влияют многие факторы: организационный кризис; смена руководства; стадии жизненного цикла организации, ее возраст, размер, уровень культуры; наличие субкультур, а также отсутствие стратегии формирования организационной культуры, ценностей организации. Ценности – это руководство к действиям и жизненным принципам, по которым люди сверяют, что действительно для них важно и значимо, а что несущественно, и, исходя из этого, по-разному формируют свое поведение и отношение в определенных ситуациях.

Ценности организации – совокупность культивируемых и декларируемых менеджментом ценностей, проявляющаяся в течение времени в виде результата, состоящего из спонтанной трансформации общих ценностей на основе коммуникационного опыта работников и осознанных целенаправленных воздействий со стороны менеджеров, реализующих социально-экономическую политику развития фирмы.

Ценности организации проявляются во внутрифирменной культуре, правилах, нормах и традициях, жестко и мягко регламентирующих поведение ее работников при выполнении ими должностных обязанностей, разовых и постоянных поручений, делового взаимо-

действия и межличностного общения. Постоянно совершенствуя правила и нормы, способствующие результативной работе персонала, менеджмент одновременно культивирует определенные ценности, выражающиеся в стимулировании дисциплины и персональной ответственности, введении санкций за нарушение внутреннего распорядка на все категории работников без исключения, норм, регулирующих конструктивную вербальную коммуникацию работников на основе уважения достоинства сотрудников и клиентов. Отметим, что приверженность работника ценностям организации проявляется в отношении к ее целям, стратегии и тактике, политике и стилю управления, личностям ее менеджеров. Психологи, например, выявили различия в отношениях людей к каким-либо объектам, событиям, явлениям по степени понимания, признания и реализации поведения. Личностное отношение к чему-либо непосредственно связано с возможностью удовлетворения интересов. Если цели и политика противоречат интересам работника, он склонен сопротивляться и уклоняться от активного участия, а если совпадают, то он будет лоялен к ней и организация сможет рассчитывать на его преданность.

Приверженность работника конкретной организации как форме проявления организационной культуры проявляется в оптимистической оценке перспектив, самоконтроле, внутренней мотивации к трудовой активности и гордости за принадлежность к данной организации.

В то же время личностные ценности сильно влияют на мотивацию и поведение человека. Люди, имеющие разные ценности, выбирают и разные способы реализации схожих мотивов: желание добросовестно выполнить должностные обязанности в ситуации неопределенности одного сотрудника побудит ждать ясных распоряжений от руководителя, другого – проявить инициативу и предпринимчивость.

Наиболее эффективные методы и приемы воздействия менеджмента на формирование ценностей организации и отдельных ее работников в рамках формирования организационной культуры:

1) разъясняющее «что такое хорошо и плохо» (категории «хорошее» и «плохое» относительно: что хорошо для одной организации (человека, условий), то может быть плохо для другой фирмы, людей, условий, и наоборот). Эффективность применения данного метода зависит от возможности ссылок на действующие авторитеты для подкрепления слов. Следовательно, профессионализм управления ценностями зависит от этики и способностей менеджера деликатно напоминать персоналу о моральных устоях своей организации и разъяснять действующие в ней правила и нормы;

2) личный пример менеджера, являющийся наиболее эффективным методом управления ценностями. Именно поэтому многие организации-лидеры культивируют корпоративные организационные

ценности на личных примерах своих менеджеров, последовательности усилий менеджмента, адекватности слов и поступков топ-менеджеров, действенности политики менеджмента с исключением двояких стандартов в отношении круга «неприкасаемых»;

3) создание доброжелательной социально-психологической атмосферы, основанной на толерантности к инакомыслию и различиям работников (социокультурным, гендерным, физическим и др.), способствующей утверждению общечеловеческих ценностей, успешной деятельности организаций в современных условиях. При этом учитывается успешный опыт управления ценностями зарубежных компаний, принципиально отказывающихся от давления и излишней регламентации менеджментом поведения персонала (менеджерам, по возможности, следует позволять работникам вести себя так, как они этого хотят);

4) совершенствование внутрифирменных коммуникаций, способствующих совершенствованию возможностей управления ценностями организации. Расширение диалоговых коммуникаций между менеджментом и персоналом, совершенствование обратных связей позволяют менеджменту прояснять личностные ценности работников и культивировать ценности организации. Демократизм в обмене информацией также способствует выявлению альтернативных ценностей, приемлемых в качестве целей и условий функционирования организации.

Отсутствие внимания менеджмента к проблеме ценностей в рамках формирования организационной культуры закономерно приводит к последствиям, существенно ограничивающим конкурентные возможности организации:

сотрудники не имеют ясного представления о корпоративных ценностях, что отражается на степени удовлетворенности персонала условиями труда и его стимулирования, ведет к развитию завышенных ожиданий и сильным разочарованиям в работе;

отсутствие единства в понимании ценностей организации ведет к усилению индивидуалистических мотивов деятельности, не всегда адекватных корпоративным интересам, а усиление их развития – к падению авторитета руководства и нерациональному использованию человеческого потенциала организации.

Таким образом, ценности организации – мощный регулятор индивидуального и группового поведения персонала, отображающий жизненные принципы, цели организации и выбор личностью способов их реализации. Степень ясности и корректности индивидуальных ценностей проявляется в силе жизненной позиции личности, ее активности, инициативности, творчестве и внутренней мотивации к достижениям. Следовательно, внимание к личностным ценностям работников целесообразно с точки зрения совершенствования деятельности организации, проявляющейся, на наш взгляд, в формировании и развитии организационной культуры.

Корпоративный имидж телеканала

Различные аспекты формирования корпоративного имиджа изучены пока недостаточно подробно. Хотя существует множество работ на данную тему, не все практики и руководители организаций осознали значение имиджа в деле презентации себя, своих фирм общественности и конкурентам. Забота об имидже – признак гармонично развивающейся организации, для которой финансовые показатели и корпоративный имидж являются одинаково важными.

Рыночная трансформация экономики России, насыщение рынка товаров и услуг, создание конкурентной среды актуализируют необходимость использования фирмами маркетинговых технологий, одним из элементов которых является формирование и укрепление корпоративного имиджа. Особое значение он приобретает для сферы услуг, ибо в силу специфики самих услуг (в частности, нераздельности процессов их производства и потребления, непостоянства качества и т. п.) потребители при выборе их производителя все больше опираются на его имидж, деловую репутацию. Корпоративный имидж как элемент маркетинга играет в реализации функций последнего всевозрастающую роль. Ключевая роль в формировании позитивного имиджа предприятия сферы услуг как маркетингового инструмента повышения конкурентоспособности принадлежит качеству информационных потоков, исходящих от внешней и внутренней среды фирмы¹.

Работа по формированию, поддержке и оптимизации имиджа ведется сегодня не только для организаций и персон, но и для государств, а также регионов стран и мира. Глобализация рынков и методов деловой активности, развитие глобальных информационных коммуникаций, мощных систем поддержки решений обусловили резкий рост значимости работы все большего числа структур и организаций по созданию имиджа. Деятельность по созданию,

* Юлия Сергеевна Квашнина – аспирант 2-го курса кафедры психологического обеспечения профессиональной деятельности СПбГУ (г. Санкт-Петербург).

¹ См.: Текучева С. Н. Корпоративный имидж как маркетинговый инструмент повышения конкурентоспособности предприятия на рынке услуг. Ростов н/Д, 2004.

конструированию и формированию имиджа называется имиджмейкингом.

Условно объекты имиджмейкинга можно разделить на три категории²:

1. Объекты, рейтинг которых зависит исключительно от созданного ими или для них имиджа.
2. Объекты, рейтинг которых в равной степени зависит как от имиджа, так и от качества произведенных ими товаров или услуг.
3. Объекты, для которых колебания имиджа не являются решающим фактором преуспевания.

Специфика имиджа телеканала

Телеканалы как объекты имиджмейкинга относятся именно к первой группе. Они не продают товары или услуги, их положение определяется отношением к ним общественности. Целью этих объектов можно назвать возможность влияния на настроения в обществе. Таким образом, высвечивается яркая необходимость создания, оптимизации и повышения эффективности корпоративного имиджа телеканала.

В. Г. Немировский в процессе социологического анализа влияния региональных СМИ на массовое сознание населения Красноярского края выделяет следующие *характеристики имиджа телеканала*: важной характеристикой имиджа телеканала, как впрочем и любого другого имиджа, является *информативность*: он сообщает о некоторой совокупности признаков, присущих оцениваемому субъекту. Причем эти признаки могут существовать объективно или же произвольно приписываться субъекту создателями имиджа. Другая существенная особенность имиджа – его *активность*. Имидж способен воздействовать на сознание, эмоции, поведение как отдельных людей, так и целых групп населения. Имидж является знаковой, *символической структурой*. Ее можно представить как своего рода библиотеку различных значений, из которой в соответствии с ситуацией выделяются определенные значения. Имидж представляет собой «полуфабрикат», поскольку он задает направления для домысливания в соответствии с опытом целевой аудитории или воспринимающего человека. Имидж телеканала имеет *ценностный характер*, ибо выражает определенные социальные ценности. Это прямо связано со спецификой ценностной направленности каждого канала. В массовом сознании имидж телеканала представлен совокупностью оценочных отношений и может быть эффективно изучен с помощью методики «Семантический дифференциал», разработанной Ч. Осгудом.

² См.: Шарков Ф. И. Имидж фирмы: технологии управления: Учеб. пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2006.

Опираясь на предложенную Г. М. Андреевой³ схему социальных перцептивных процессов, типологию имиджа организаций, которую дают Е. Н. Богданов и В. Г. Зазыкин⁴, Е. Б. Перельгина⁵, Е. Ю. Огородова⁶, Г. В. Довжик⁷ и другие авторы, корпоративный имидж следует разделять по критерию субъекта восприятия на внешний, сформированный у граждан, не входящих в число сотрудников, и внутренний, аудиторию которого представляют сами сотрудники предприятия (организации). Эффективный внешний имидж, однако, должен иметь высокую степень согласованности с внутренним имиджем. Проблема внутреннего имиджа в современной психологии находит свое разрешение в исследованиях различных социально-психологических явлений в коллективе, корпоративной (организационной) культуры и др.

В рамках первичного исследования нами был изучен один из региональных телеканалов Амурской области. Был подобран комплекс методик, направленный на исследование как внешней, так и внутренней составляющей корпоративного имиджа, который включает разработанную нами анкету, метод семантического дифференциала, анкета Д. А. Леонтьева на определение ценностных составляющих образа, методика «Изучение социально-психологического климата трудового коллектива» О. С. Михалюка, А. Ю. Шалыто, а также тест «Уровень организационной культуры». В процессе практического исследования корпоративного имиджа ООО «Редакция телекомпании «Альфа-канал» нами были исследованы не только его психологические характеристики, но и комплекс других характеристик (экономические, социальные и др.) Данные показали, что по некоторым параметрам, а именно визуальному имиджу персонала, бизнес-имиджу, визуальному и социальному имиджу телеканала, внешний корпоративный имидж Альфа-канала недостаточно детализирован и имеет позитивные характеристики. Анализ представлений о внешней составляющей корпоративного

имиджа у сотрудников телеканала и зрителей показал, что он имеет лишь среднюю степень совпадения. Также необходимо сказать о том, что в ходе исследования зрители более позитивно оценивают образ телеканала, чем сами сотрудники. Если говорить об изучении внутренней составляющей корпоративного имиджа данного телеканала, то с помощью методов математической обработки было доказано отсутствие связи между уровнем социально-психологического климата и уровнем организационной культуры. Следовательно, можно предположить, что в данной организации нет единства корпоративной культуры и социально-психологического климата. Таким образом, можно говорить, что неопределенность социально-психологического климата в результате влечет за собой невозможность формирования высокой корпоративной культуры, либо средний уровень развития организационной культуры вызывает недостаточно определенный эмоциональный окрас психологических связей членов коллектива.

Делая вывод, можно сказать, что несформированность внутренней составляющей корпоративного имиджа Альфа-канала влечет за собой недостаточную детализацию и позитивную окраску со стороны сотрудников внешней составляющей корпоративного имиджа данного телеканала.

В данном первичном исследовании, несомненно, проявился динамический характер такого сложного явления, как имидж организации. Таким образом, данные теории и практики показывают, что исследование имиджа организации должно быть основано непременно на обобщенном характере концепций, предложенных различными авторами, что даст возможность более детально и полно его изучать.

³ Андреева Г. М. Социальная психология. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.

⁴ Богданов Е. И. Психологические основы «Паблик рилейшенз» / Е. И. Богданов, В. Г. Зазыкин. СПб.: Питер, 2004.

⁵ Перельгина Е. Б. Психология имиджа: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2002.

⁶ Огородова Е. Ю. Структура и социально-психологические механизмы формирования внутреннего имиджа организации: Автореферат дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.

⁷ Довжик Г. В. Социально-психологические механизмы формирования внешнего имиджа организации: Автореферат дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.

Корпоративный тренинг на предприятии гостеприимства: от индивидуального до стратегического уровня

В зависимости от характера проблем и потребностей организации: обучение конкретных сотрудников или менеджеров организации; взаимодействие внутри компании; развитие организации, ее положение в социально-экономической среде – тренинговые программы подразделяются на уровни: индивидуальный; системный; стратегический.

В данной статье рассмотрен опыт разработки и реализации программ многоуровневого тренинга гостиничного комплекса «Югорск» в 2005–2008 годах. Все программы разрабатывались и прошли апробацию при активном участии директора данного предприятия, который проводил мониторинг результатов, по возможности посещал тренинги и совместно с тренерами проводил «разбор полетов».

Обращение к услугам тренеров произошло в трудный для предприятия период. Гостиница «Югорск», структурное подразделение ОАО «Тюментрансгаз», прошла с 1992 по 2004 годы все стадии жизненного цикла и к концу 2004 года находилась на стадии упадка. Вновь назначенный директор с начала 2005 года взял курс на изменение стратегии, реорганизацию и профессиональное развитие работников.

В первую очередь обучение было организовано для персонала службы размещения и сервиса, так как администратор является ключевой представительской фигурой гостиницы. Тренинг прошли все администраторы. Две группы обучаемых поочередно менялись местами: одна проходила обучение, другая в это время работала в интенсивном режиме. В программу были включены четыре блока продолжительностью по 35 академических часов каждый. Перерывы между блоками продолжительностью 2–3 месяца отводились для закрепления полученных знаний и навыков на практике. После неоднократной переработки программа тренинга «Эффективная служба размещения и сервиса» включила в себя следующие блоки:

- развитие навыков приема и размещения гостей;
- личные качества персонала службы приема и размещения;
- организация работы;
- сервис класса люкс.

Структура и содержание программы, способ организации продолжительного тренинга (от начала до завершения программы прошло около 9 месяцев) привели к достижению цели программы: обучаемые приобрели и освоили новые эффективные модели деятельности, а самое главное – удалось сформировать у администраторов положительное отношение к проводимым преобразованиям.

К 2008 году гостиница «Югорск» в соответствии со стратегическим планом развития преобразовалась в гостиничный комплекс: 4 отеля различных категорий, ресторан, кафе, 2 бара, сауны, бильярдные и компьютерные залы, салон красоты.

С целью создания положительного имиджа и восприятия у клиентов гостиничного комплекса как единого целого официанты, метрдотели, мастера и управляющие салона красоты прошли тренинг «Качественное обслуживание клиентов». Главные задачи этого тренинга: освоение современной технологии обслуживания клиентов, техники работы с претензиями и возражениями, получение навыков выгодного представления качественных характеристик услуг и преимуществ предприятия, эффективного поведения с клиентами.

Структурные изменения, прием новых сотрудников во все подразделения определили содержание новых тренинговых программ, направляющих коллектив гостиничного комплекса к согласованной работе на результат для полного удовлетворения потребностей клиентов. Разработка и реализация программ тренингов велась в двух направлениях: тренинги для персонала контактной зоны и тренинги для руководителей линейных подразделений и функциональных служб.

Программа «Эффективная служба размещения и сервиса» была модифицирована с учетом профессионального и личностного уровня «новых» администраторов. Многие из них уже имели опыт работы с людьми, более высокий уровень образования по сравнению с ветеранами гостиницы, в 2008 году в службу размещения и сервиса поступили специалисты с профильным высшим образованием. Целевая установка программы сместилась на выявление и осознание проблем сервисного обслуживания в гостиничном комплексе, на отработку методики формирования клиентоориентированного коллектива; уменьшилось количество часов тренинга на индивидуальном уровне, для перехода на системный уровень в программу тренинга был включен блок «Развитие навыков работы в коллективе».

* *Галина Радковна Корнова* – канд. экон. наук, доцент, завкафедрой социально-культурного сервиса и туризма УрГЭУ (г. Екатеринбург).

Тренинг «Сервис класса люкс», предназначенный для администраторов, метрдотелей и управляющих, это тренинг стратегического уровня, позволяющий перейти от ориентации на продукт к ориентации на клиента. Ключевая идея тренинга – формирование навыков акцентирования на мелочах в сервисной деятельности, учет которых влияет на уровень конкурентоспособности. Дополнением к продолжительным тренингам были одно- и двухдневные тренинги по формированию и развитию навыков командной работы, наставничества, оказанию помощи новым сотрудникам при вхождении в коллектив. Наряду с повышением продуктивности взаимодействия в коллективе, эти методы обучения позволили выявить кандидатов на руководящие должности.

Все руководители линейных подразделений ГК «Югорск» были выдвинуты из состава администраторов службы размещения и сервиса. Зарекомендовав себя как отличных работников контактной зоны, они в то же время имели поверхностное представление о руководящей работе, некомфортно чувствовали себя в новой роли. Для преодоления преград во взаимодействии с подчиненными, бывшими коллегами, приобретения навыков руководства была проведена серия тренингов «Профессия – руководитель», «Менеджер современного сервисного предприятия». Первый тренинг был направлен на отработку навыков по выполнению управленческих функций и поддержание обратной связи, второй – на эффективное вхождение в роль менеджера сервисного предприятия, который одновременно должен быть не только контролером, но и тренером и вдохновителем.

Четыре года работы гостиничного комплекса в рыночных условиях, а также прохождение тренингов привели директора и руководителей подразделений и служб к осознанию необходимости формирования управленческой команды. Частично эта потребность удовлетворялась на проводимых тренингах. Однако логическим завершением системы тренингов можно считать программу «Управленческая команда сервисного предприятия», участниками которой являются не только линейные руководители, но и руководители всех служб гостиничного комплекса. Этот тренинг позволяет взглянуть на деятельность служб и подразделений глазами коллег, отладить механизм взаимодействия, осознать роль каждого руководителя в создании клиентоориентированного предприятия и достижении высоких экономических показателей.

Системное обучение персонала повлекло за собой благоприятные перемены: у людей появилось желание обмениваться опытом с коллегами, вносить предложения по развитию дополнительных услуг, укрепилась традиция преемственности и наставничества, при участии работников всех подразделений был разработан и при-

нят на собрании трудового коллектива корпоративный кодекс. Гостиничный комплекс стал привлекательным как для деловых гостей, так и для организаторов спортивных, культурных и других мероприятий; дополнительными услугами пользуются не только проживающие в гостинице, но и жители города.

Сравнивая подход к организации обучения персонала в ГК «Югорск» с опытом обучения в других отелях, можно с уверенностью сказать, что наибольший эффект приносят не отдельные тренинговые курсы, а многоуровневые программы развития персонала, адаптированные для потребностей конкретной организации.

В. П. Лимушин*

Мультикультуральность как системообразующий фактор управления творческим союзом

На протяжении всей своей истории общество, даже буржуазное, не может держаться на одних рыночных отношениях, на одной конкуренции. Ради собственного развития капитализм нуждался в существовании *некоммерческой сферы, во внешних, моральных и идеологических, стабилизаторах*. Макс Вебер, рассуждая о протестантизме и духе капитализма, напоминал не только о том, что новая религия дала моральные оправдания рынку и бизнесу, но и о том, что она стремилась наложить на них определенные ограничения, тем самым способствуя более эффективному росту системы¹.

Как бы подтверждая ход рассуждения М. Вебера, культура как человекотворческий, созидательный, гуманистический и ценностно-ориентированный процесс в сегодняшнем мире все более смещается в эпицентр человеческого бытия, становится основным вектором направленности всех сфер жизни, формируя личность в «социуме культуры» и как «человека культуры».

Востребованность существования и функционирования десяти творческих союзов Свердловской области, объединяющих более двух тысяч профессиональных творцов – деятелей искусства и культуры, предопределяется, с одной стороны, структурой рыночной инфраструктуры, априори включающей в себя социальный блок, и мультикультуральностью реализуемых ими функций, с другой:

- в условиях современных социально-экономических и политических вызовов (интеграция деятельности творческих союзов в сферу экономики и политики) продуктивная адаптируемость творческих союзов в социуме объективно зависит от уровня развития их собственной культуры как средства (формы, способа) удовлетворения главной потребности системы, в том числе и общества: потребности в выживании, существовании, самосохранении. Само-

* **Виктор Павлович Лимушин** – доцент кафедры гуманитарного образования СУНЦ УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ См.: Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма: Избранные произведения. М., 1990. С. 290.

сохранение системы в заявленном контексте понимается нами как процесс постоянного воспроизводства всех тенденций, свойственных открытым системам, включая тенденции к совершенствованию, экспансиям, созданию все новых и новых средств самосохранения как постоянного взаимодействия со средой и самосовершенствования;

- на фоне вестернизации мышления поколения 20–30-летних, развитых массовых коммуникаций, увеличения влияния СМИ и массовой культуры *роль творческих союзов как основы и своеобразных центров создания и формирования упорядоченной и качественной «культурной массы», центров стабильного существования культуры в ее традиционном, актуальном и новаторских видах, необходимой для формирования стабильной социокультурной среды*, актуализируется эстетико-креативная функция культуры. Функция, реализация которой позволяет творческим союзам активно, интенсивно и эффективно вторгаться в общую социальную сферу страны/региона, противопоставляя образцы подлинного, духовно и эстетически богатого искусства рыночному, практически ангажированному рублем «искусству», шоу-бизнесу, развлекательному телевидению, радио и т. п.;

- в ситуации пропаганды «свободомыслия», инвариантности суждений, отвержения в науке принципа моничности, универсальности творческие союзы остаются чуть ли не единственным организованным, системным воспитателем-формирователем общественного оценочного сознания.

Первым (среди равных) необходимым условием реализации мультикультурности функций творческих союзов является *культура как сквозной параметр или аспект деятельности*, так как существование культурного аспекта созданных человеческой деятельностью систем реализуется как функционирование, действие, активность, регуляция, управление². Другими словами, включенная в востребованную для реализации уставных целей и задач творческих союзов управленческую, коммуникационную/информационную, научно-методическую, финансово-хозяйственную, предпринимательскую, нормотворческую (правовую) деятельность, *культура способствует достижению задач развития, модернизации*.

Например:

- целенаправленная работа по привитию *управленческой культуры* – сочетания аналитических, координационных и организаторских способностей субъектов управляющей подсистемы – спо-

² См.: Энциклопедический словарь по культурологии. М.: Изд-во «Центр», 1997. С. 209–214.

собствовала в Свердловском региональном Отделении «Союза театральных деятелей РФ (Всероссийское театральное общество)» формированию системы выработки, принятия, исполнения и снятия с контроля принимаемых Правлением и Председателем решений, установлению долгосрочных отношений с областным архивом общественных организаций Свердловской области, приведению в соответствие с ГОСТ Р 6.30-2003 делопроизводства Отделения как у штатных, так и руководителей общественных подразделений и творческих объединений (Совета ветеранов сцены, секции театральных критиков, социально-бытовой комиссии, секции театральных художников, контрольно-ревизионной комиссии и др.). Как следствие, Отделение без замечаний прошло (в 2008 г.) востребованную законом РФ «О некоммерческих организациях» проверку Федеральной регистрационной службы Министерства юстиции РФ на предмет подтверждения соответствия деятельности уставным целям;

- овладение познавательными, нравственно-оценочными и поведенческими элементами *политической культуры*³ дает возможность СРО СТД РФ (ВТО):

- а) иметь беспрецедентную долгосрочную (29 лет!) форму взаимодействия (в том числе и финансового характера) с Министерством культуры Свердловской области и Управлением культуры Администрации Екатеринбурга – организацию и проведение конкурса «Театральная работа года» и фестиваль «Браво!»;

- б) руководствоваться интеллектуальной конкретностью, предполагающей политическую ответственность коллективных поступков;

- в) «нарабатывать опыт участия в законотворческой деятельности, значение которого в реализации уставных целей и задач СТД невозможно переоценить»⁴;

³ «**Политическая культура** – представляет собой совокупность ценностей, установок, убеждений, ориентаций и выражающих их символов, которые являются общепринятыми и служат упорядочению политического опыта и регулированию политического поведения всех членов общества.

П. К. имеет особую структуру. В ней выделяются познавательный, нравственно-оценочный и поведенческий элементы:

- 1) познавательный элемент, включающий в себя: политические знания, политическую образованность и способы политического мышления;

- 2) нравственно-оценочный элемент, состоящий из: политических чувств, традиций, ценностей, идеалов, убеждений и конкретных целей;

- 3) поведенческий элемент: политические установки, типы, формы, стили, образцы общественно-поведенческой деятельности, политическое поведение». Цит. по: Большая юридическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2007. С. 429–430.

⁴ *Мишарин В. В.* Отчет о деятельности Свердловского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз театральных деятелей Российской Федерации (Всероссийское театральное общест-

- перевод из режима функционирования в режим развития как необходимого условия самосохранения организации актуализировал в Свердловском Отделении СТД востребованность и *инновационной культуры*, призванной создать атмосферу активности, экспериментаторства, закрепляющей творчество и новаторство в качестве базовых идеалов для аппаратных работников, характеризующейся готовностью к риску, способностью к решению новых амбициозных задач. Одним из результатов своевременности и продуктивности реализации принятой в 2008 году «Комплексной программы инновационного развития аппаратных и штатных работников, активистов-общественников и волонтеров СО СТД РФ (ВТО)» можно считать запланированные в бюджете на 2009 год доходы в сумме двадцати одного миллиона двухсот двадцати двух тысяч пятидесяти рублей, в том числе от предпринимательской деятельности – 57,3 %, от фандрейзинга (привлеченных средств) – 22,9 %.

Сказанное позволяет констатировать, что условиями успешности (продуктивности) деятельности творческих союзов в современных социально-экономических условиях можно считать как минимум три специфических фактора:

- мультикультуральность должна быть системообразующим компонентом системы жизнедеятельности и управления;

- в отличие от традиционного технического разделения труда (распределение функций и операций) в них должно доминировать социальное разделение труда – распределение обязанностей между людьми и возникающая на базе такого распределения соответствующая структура статусов и ролей;

- модернизация союзов должна иметь органический вид – являться этапом собственного развития, предшествующей эволюции, то есть начинаться «снизу».

во)» в 2008 году // Материалы к новогоднему открытому заседанию Правления (22 декабря 2008 г.). Екатеринбург: Дом актера, 2008. С. 12.

Процесс развития культуры есть процесс преодоления трудностей

Корпоративная культура существовала всегда и использовалась на многих предприятиях как рычаг управления и в советский период, и ранее. Там, где оказываются вместе люди, по истечении определенного времени возникает определенная культура.

Каждая культура предполагает развитие, принятие большинством членов группы и установление каких-либо норм и правил поведения в социуме. Причем эти нормы и ожидания могут быть нигде не сформулированы, могут быть негласными, но тем не менее они способны оказывать сильнейшее влияние на поведение людей. Такое влияние может быть как позитивным, так и негативным, может значительно ухудшить работоспособность коллектива в целом, а значит руководитель не вправе игнорировать вопросы формирования культуры и климата внутри своей организации. Ибо именно люди и создаваемая ими атмосфера могут стать причиной позорного провала или блестящего процветания компании в конкурентной борьбе за место на современном рынке.

Конечно, легче управлять процессом, который четко отлажен, имеет определенную структуру и систематизирован. Следовательно, к изучению, формированию и стабилизации корпоративной культуры необходимо подходить не с формальным отношением «у других есть, пусть и у нас будет», а принятием культуры как одного из инструментов управления успехом компании.

Слово «культура» пришло к нам от латинского «colere», что означает возделывать, обрабатывать почву. Значит, и управленцу необходимо посеять здоровые зерна и организовать грамотный уход за всходами. Очагом распространения возникающей культуры осознанно или бессознательно является сам руководитель.

Успех – не результат случайного возгорания. Ты сам должен разжечь огонь и броситься в него (Реджи Лич)

* **Наталья Николаевна Мечева** – слушатель программы профессиональной подготовки «Актуальный менеджмент: управление персоналом» Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Решающим фактором в становлении корпоративной культуры является миссия компании, кроме того, руководитель, четко определивший желаемые ценности, принципы и цели, транслирует эти идеи в стиле своего поведения и речи, в рекламных материалах и информационных документах. В результате у сотрудников формируется определенный имидж компании, представляющий собой, с одной стороны, внутренний корпоративный образ (отношения в коллективе, внутренний распорядок и т. д.), а с другой стороны – внешний образ, предназначенный для клиентов, конкурентов, партнеров и других внешних наблюдателей. Необходимо учитывать также и тип управления, принятый в компании. Очевидно, что бюрократический или авторитарный стиль руководства неприемлем в творческом коллективе либо при выполнении работ, требующих постоянного коммуникативного взаимодействия сотрудников.

Таким образом, вначале необходимо четко сформулировать корпоративную культуру – систему материальных и духовных ценностей, убеждений, гласных и негласных соглашений, норм и правил, присущих именно данной организации и разделяемой большинством ее членов. Все элементы системы удобно и целесообразно описать в документе таким образом, чтобы им легко, четко и просто было пользоваться при приеме на работу новых сотрудников или в период их адаптации.

Несомненно, работу по созданию корпоративной культуры нельзя полностью переложить на плечи сотрудников среднего звена, минуя руководство, изолируя его от этого процесса. Главная функция руководителя заключается в том, что он умеет организовать не столько свою личную работу, но и работу всего коллектива в целом.

Помоги людям обрести вдохновение, показав им источник собственной силы (Дж. Томас)

Для того чтобы новая позитивная корпоративная культура сформировалась и прижилась, необходимо объединить работников, учитывая их личные ценности, зная, в чем заключается их интерес к работе именно в данной компании. На данном этапе необходим сбор информации посредством анкетирования, бесед, анализа документов с последующим выявлением проблемных зон, препятствующих реализации задач компании. Требуется учитывать все особенности кадрового состава (возраст, уровень образования, приверженность национальным и религиозным группам и т. д.), иначе весь энтузиазм лидера может разбиться о колоссальное внутреннее сопротивление. Чтобы этого не произошло, в сознании людей должно быть четкое понимание того, зачем они собрались вместе и как надо оптимально взаимодействовать, чтобы выжить, принести прибыль, реализовать поставленные цели и приспособиться

к глобальным изменениям, происходящим в сегодняшнем мире, особенно во время экономического кризиса. Люди сильны, пока они живут сильной идеей.

Умение руководить означает способность заставлять людей делать то, чего им не хочется, с радостью (Гарри Трумэн)

Основная задача при создании корпоративной культуры на начальном ее этапе – «расположить» персонал к методам и ценностям руководства, сформировать командное чувство («мы») и гордость за свою компанию.

Большинство из нас хочет в жизни сделать нечто важное, чувствовать сопричастность чему-то нужному, достойному уважения, когда человек хочет знать, что его работа помогает компании развиваться. А для этого он должен быть в курсе всех событий и знать о результатах деятельности компании.

По теории мотивации Маслоу, одной из основных потребностей человека является принадлежность к группе или социальная потребность. Эффективному менеджеру по персоналу следует учитывать потребность человека в признании коллективом и целенаправленно усиливать мотивацию сотрудников за счет воздействия группы. Влияние ценностей и норм корпоративной культуры тем будет сильнее, чем больше совпадают ценности и мотиваторы сотрудников с ценностями компании в целом. На этом фоне публичное поощрение в ситуации публичности воспринимается гораздо серьезнее и сильнее, а тем более публичное порицание. Принципы построения системы мотивации должны быть выстроены таким образом, чтобы они наиболее полно выражали содержание и основную направленность корпоративной культуры, выражаемую руководством.

Проведение в определенное время (например, еженедельно) планерок руководителями подразделений либо самим руководством компании, создание корпоративной газеты или сайта способны предотвратить появление слухов, снизить уровень тревожности персонала в период введения изменений, который неизбежно возникает.

Если все идеологические установки по взаимодействию и принятые ценности подкрепляются объективной мотивацией персонала, то корпоративная культура становится мощным инструментом для современного менеджмента и позволяет помочь адаптироваться к современному суровому внешнему климату.

Хороший руководитель заботится не о собственной карьере, а о карьере своих служащих (Г. С. М. Бернс)

В целях повышения профессионального уровня сотрудников очень позитивно включать корпоративное обучение как элемент

формирования культуры. Даже если сотрудники не проявляют должного рвения к получению знаний и скептически настроены, все равно необходимо помнить, что обучение может быть важным инструментом формирования позитивного отношения к делу, к компании. Тем более, в период обучения легче декларировать цели и задачи организации, объяснить, чего ожидают от работников их работодатели.

Одним из положительных факторов корпоративной культуры является помощь новым сотрудникам быстро адаптироваться к жизни в компании. Здесь хорошо действуют системы наставничества, буклеты корпоративных заповедей, ценностей и правил. Но сильнее всего действуют негласные групповые нормы и ценности типа «так принято». Хотя идеальный вариант возникает при совпадении личных ценностей вновь принятого человека с общими ценностями компании и из них вытекают нормы поведения.

Если здесь (в искусстве взаимоотношений между людьми) и есть какой-то секрет успеха, то он заключается в умении понять точку зрения другого человека и смотреть на вещи и с его, и со своей точки зрения (Генри Форд)

Берегите традиции. Они позволяют поддерживать дух единства и подчеркивают значимость коллектива в глазах руководства. Формированию корпоративного духа способствуют и корпоративные мероприятия, но в реалиях современности праздники часто оборачиваются банальным застольем. Так ли оно необходимо сотрудникам? Как это связано с миссией компании? Чтобы не доводить ситуацию до абсурда, лучше узнать (можно в форме анкетирования), чего на самом деле хотят подчиненные, учесть их интересы и истинные потребности. Наверное, неуместным является организация праздника с шашлыками, тортами и спиртным в шумном баре, если компания занимается выпуском и продажей спортивного инвентаря и пропагандирует здоровый активный отдых и образ жизни.

Идею возможно осуществить, только если она четко сформулирована (Лью Саретт)

Анализируя документы компании (приказы, внутренние распоряжения, инструкции и т. д.), можно увидеть реальное представление руководящего состава организации об управлении коллективом, и этот взгляд может кардинально отличаться от формально составленных красивых заповедей. Составляя документы, необходимо помнить, что грамотно составленный и оформленный приказ или иное распоряжение – показатель высокой культуры руководства

и организации. Еще очень бы хотелось, чтобы документы, особенно положения разного рода и должностные инструкции, действительно помогали в работе, а не превращались в тяжелые тома ненужной макулатуры.

Не менее важная составляющая корпоративной культуры – корпоративная символика. Она формирует образ фирмы во внешней среде, тем самым позволяя ощущать чувство гордости за свою компанию и единство ее членов. К внешним атрибутам можно отнести одежду, эмблему компании на предметах, которыми пользуются сотрудники, сувениры, которые получают в подарок клиенты, элементы оформления интерьера.

Мы либо найдем дорогу, либо проложим ее (Ганнибал)

Существует множество подходов, чтобы определить, насколько сформирована культура в организации. Так, Ф. Харрис и Г. Морган предлагают рассматривать конкретную корпоративную культуру на основе 10 характеристик:

- осознание себя и своего места в организации;
- коммуникационная система и язык общения;
- внешний вид, одежда и презентация себя на работе;
- что и как едят люди, привычки и традиции в этой области;
- осознание времени, отношение к нему и его использование;
- взаимоотношения между людьми;
- ценности и нормы;
- вера во что-то и отношение или расположение к чему-то;
- процесс развития работника и научение;
- трудовая этика и мотивирование.

Процесс формирования корпоративной культуры длительный и трудоемкий, но все же необходимый в современном мире. Чтобы дойти до цели, надо прежде всего идти (Оноре де Бальзак).

Литература

1. *Базаров Т. Ю., Еремин Б. Л.* Управление персоналом: Учебник для вузов. – М.: Банки и биржи: ЮНИТИ, 1998.
2. *Виханский О. С., Наумов А. И.* Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс. – М.: Изд-во МГУ, 1995.
3. *Иванов И. Н.* Менеджмент корпорации. – М.: Инфа, 2002.
4. Журнал «Управление персоналом».
5. *Риба Л. М.* Вперед – к успеху. – М.: Центрполиграф, 2006.

О. В. Полянок*

Проявление разных видов обмана в деловых отношениях

Манипуляция в деловых отношениях в настоящее время является если не нормой, то реальным фактом. С одной стороны, это объясняется тем, что манипуляция занимает все большее место в человеческих отношениях: манипулятивные технологии менее жестки и не вызывают явного сопротивления человека (в силу скрытого характера манипулятивного воздействия), поэтому внедрение нововведений и инноваций легче реализовать через технологии скрытого воздействия. С другой стороны, количество общепринятых этических норм, интериоризированных и соблюдаемых в современном обществе, становится меньше. Поэтому манипуляция, входя в жизнь человека, постепенно становится нормой.

Личностная структура человека, если он достаточно часто подвергается такого рода воздействию, уплощается и упрощается. В результате человек искусственно задерживается в своем личностном и духовном развитии. Даже оказавшись жертвой манипуляции, человек обходится минимальными изменениями, так как эффект уплощения личностной структуры наступает лишь в результате весьма большого количества однонаправленных воздействий. То есть роботизация личности (регулярное использование одних и тех же механизмов воздействия) ведет к стереотипизации поведенческого репертуара личности. Создается «колея» как минимальная психологическая установка, а при подходящих обстоятельствах (глубокое эмоциональное впечатление, тотальность или пролонгированность воздействия) формируется черта характера манипулятивности. Данную динамику изменений предусматривает подавляющее большинство воспитательных систем, берущихся «сформировать», «привить», «обучить». При таких обстоятельствах использовать и реализовать манипулятивные технологии проще, они не вызывают категорического и жесткого осуждения.

Этические нормы деловых отношений основываются на общечеловеческих нормах и правилах поведения. Геллерман в статье «Почему хорошие менеджеры принимают плохие этические ре-

* *Ольга Васильевна Полянок* – доцент кафедры социальной антропологии и психологии УГТУ-УПИ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

шения», исследуя неэтичное поведение сотрудников в организации, выделил четыре основные причины данного поведения [Излаг. по: 3], обусловленные уверенностью в том, что подобная деятельность:

1) не выходит за рамки этических и юридических норм, то есть не является нелегальной или аморальной;

2) отвечает интересам человека или организации, и от сотрудника ожидают именно таких действий;

3) «безопасна», так как никогда не будет обнаружена и обнаружена;

4) помогает компании, и поэтому компания отнесется снисходительно и даже защитит человека.

Форм и способов нарушения этики и деловых отношений достаточно много и они разнообразны. Но, наверное, наиболее встречаемая и социально приемлемая – неправда.

С конца XX века в гуманитарных науках возрастает интерес к проблемам понимания сущности правды и ее психологических антитипов – лжи, обмана и неправды. При этом зарубежные исследователи (К. Мелитан, О. Липман, В. Штерн, П. Экман, Ж. Дюпра и др.) рассматривают ложь, обман и неправду как синонимичные понятия, ориентируясь на морально-правовой аспект лжи. Такая оценка лжи связана с философской традицией Запада, согласно которой намеренно неистинное утверждение считается ложью только в том случае, если оно вступает в конфликт с правом личности, к которой обращено.

В отечественном подходе разводят все три антитипа правды.

1. Ложь (Ю. Щербатых [См.: 4]) – сознательное искажение известной субъекту истины, осуществляемое с целью введения собеседника в заблуждение; таким образом ложь имеет прагматический характер, она наносит ущерб другим и социально осуждена.

2. Обман (Д. И. Дубровский [См.: 2]) – сообщение, способное ввести в заблуждение того, кому оно адресовано. Обман, по мнению В. В. Знакова, основан на осознанном стремлении одного из участников коммуникации создать у партнера ложные представления о предмете обсуждения, но обманывающий не искажает факт. Обман является более широкой категорией, чем неправда и ложь. Отличительным признаком обмана является полное отсутствие в нем ложных сведений, прямых искажений истины. Основное отличие обмана от лжи заключается в том, что ложь всегда основана на вербальном или невербальном намеренно неистинном, ложном утверждении. Существуют две разновидности обмана: полуправда и обман с помощью правды.

а) Полуправда сообщается партнеру с расчетом, что он сделает из нее ошибочные, не соответствующие намерениям обманывающего выводы. Успешный обман основывается на эффекте

обманутого ожидания: мы прогнозируем развитие событий в наиболее вероятном направлении, а обманщик нарушает ожидания и поступает не так, как мы ожидали. Цель обмана состоит в том, чтобы направить мышление собеседника по пути актуализации наиболее часто встречающихся знакомых ситуаций. Таким образом, обман – это диалогичный феномен, суть которого составляет взаимодействие одного субъекта с другим. Не всякую полуправду можно назвать обманом. Иногда человек честно говорит, что не может открыто высказать все, что знает о чем-либо. В данном случае речь идет о неполной правде. Мы можем говорить о «честной полуправде», если имеет место скрытность как черта личности.

б) Обман с помощью правды, произносимый таким образом, чтобы в нее нельзя было поверить, осуществляется в двух формах: обманывающий точно знает, что партнер не верит ему, ожидает от него лжи: обманщик считает, что именно правда покажется собеседнику наиболее невероятной. Обман может быть не только вербальным, не менее распространен «обман действием».

Таким образом, вышеизложенное подтверждает концепцию В. В. Знакова о так называемом субъективно-нравственном русском понимании лжи. Согласно данной концепции, в русской культурно-исторической традиции смыслообразительными признаками, позволяющими констатировать наличие или отсутствие лжи в ситуации общения, являются ее референтные и интенциональные аспекты: искажена ли истина и сделано ли это намеренно или нет. Коммуникативный аспект лжи (воздействие несоответствующего фактам утверждения на другого человека) подразумевается, но остается на втором плане.

3. Неправда. Отличительным признаком неправды является отсутствие у субъекта намерения исказить факты, в частности передать ложные сведения о другом человеке. Для подтверждения или отрицания наличия неправды прежде всего необходимо определить, в какой степени мысли испытуемого в действительности соответствуют самой действительности, и изучить целевые компоненты поведения общающихся людей.

В. В. Знаков выделяет три разновидности неправды [См.: 1, 3]:

1) неправда как вербальный эквивалент заблуждения: человек верит в существование чего-то, но ошибается – в результате он говорит неправду, сам того не сознавая;

2) неправда в различных формах иносказания (аллегии, иронии, шутки и т. п.), то есть в словах и выражениях, которые приобретают в определенном контексте смысл, противоположный их буквальному значению;

3) вранье – типичное порождение русской культуры, отсутствующее в массовых проявлениях на Западе; слово «вранье» в рус-

ской культуре употребляется для выражения социально и морально более нейтрального явления, чем умышленная ложь, враньем иногда называют тривиальный, незначительный, безобидный, безвредный, простибельный обман. Выделяют следующие признаки вранья:

- вранье – не дезинформативный феномен, а коммуникативный: это один из способов установления контактов и сближения людей;
- вранье не рассчитано на то, чтобы ему поверили, в этом акте отсутствует намерение обмануть слушателя, в русской культуре вранье имеет характер конвекционального соглашения о принятии к сведению сообщения партнера в тех случаях, когда правда нежелательна для одного или всех собеседников;
- вранье не предполагает унижения слушателя и получения за его счет какой-то личной выгоды;
- классическое вранье характеризуется тем, что враль получает нескрываемое удовольствие, наслаждение от самого процесса изложения небылиц; во вранье есть элемент самолюбования и самовозвеличивания, главное, чего хочет враль, – восторженное внимание публики;
- вранье как внешнее проявление защитных механизмов личности, направленных на устранение чувства тревоги, дискомфорта, вызванного неудовлетворенностью субъекта своими взаимоотношениями с окружающими.

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить кросскультурные различия понимания и оценивания лжи, обмана, неправды. Если зарубежному подходу свойственны категоричность и сужение критериев оценки лжи, то отечественные исследователи выявили гибкое отношение к антиподам правды в российском обществе.

Таким образом, не имея жестких и четких критериев нравственной оценки такого поведения, человек постепенно привыкает к смещению аксиологического аспекта оценивания своих поступков. Поэтому нарушение человеком этического аспекта деловых отношений не воспринимается и не оценивается как аморальное. Однако, подвергаясь нарушению этических норм по отношению к себе, человек чувствует себя ущемленным, что вызывает его возмущение и протест. Двойственное отношение к обману (недопустимое по отношению к себе и значимым людям и приемлемое по отношению к другим) способствует появлению хронических и вялотекущих конфликтов в коллективе, проявляется в сплетнях, различных техниках манипулятивного воздействия и т. д.

Следовательно, до тех пор, пока не будет интериоризировано деонтологическое отношение ко всем видам обмана и неправды, нарушение этики деловых отношений будет приемлемым фактом.

Литература

1. *Доценко Я. Л.* Психология манипулирования. – М., 2005.
2. *Дубровский Д. И.* Обман как социальный феномен // Реклама: внушение и манипуляция. – Самара, 2002.
3. *Ермолаева С. Г.* Этика деловых отношений. – Екатеринбург, 2006.
4. *Знаков В. В.* Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 9–16.

Сложности управления персоналом в организациях малого бизнеса

Важной составляющей рыночной экономики является малое предпринимательство, которое в значительной мере способствует созданию конкурентной среды на потребительском рынке. В мировой практике малый бизнес влияет на темпы экономического роста, структуру и качество валового национального продукта. В условиях переходной экономики и становления малого бизнеса возрастает роль его поддержки государством. Россия в этом смысле не является исключением, и поддержка малого бизнеса возводится сегодня в ранг государственной политики.

Проблема управления персоналом в малом бизнесе на сегодняшний день является одной из ключевых и волнует многих руководителей. Если еще совсем недавно эта проблема считалась актуальной в крупных компаниях, то в настоящее время она остро коснулась и малых предприятий. Персонал – наиболее ценный актив малого предприятия. Человеческие ресурсы рассматриваются как важнейший внутренний ресурс повышения доходности малых фирм. Поэтому формирование коллектива предприятия малого бизнеса и эффективное управление им имеет ключевое значение для успешного развития бизнеса¹. В условиях скромного бюджета небольшим фирмам приходится решать те же проблемы, что и крупными организациями: подбор, мотивация, адаптация персонала. Между тем, руководитель малого предприятия в области управления персоналом сталкивается с серьезными проблемами, обусловленными взаимосвязанными между собой факторами.

Во-первых, объективными факторами макроусловий функционирования малых предприятий и его собственной спецификой, как то:

- качество и конкурентоспособность рабочей силы на рынке труда;
- уровень мотивации на занятость в малом бизнесе рабочей силы, особенно квалифицированных работников;
- ограниченность в средствах руководителей малого бизнеса, невозможность выплачивать высокую заработную плату работникам;

* *Светлана Алексеевна Поспелова* – аспирант кафедры социологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ См.: *Семенчук А. К.* Риски в управлении бизнесом. Киев, 2004.

- невысокие социальные гарантии работников малого предприятия (в том числе ограниченные возможности социальной политики руководства в отношении своих работников: субсидии на жилье, детские сады, дополнительные льготы и т. д.);

- невысокая гарантия занятости, связанная с относительно высокими рисками в малом бизнесе;

- ограниченные возможности для работников в плане служебной карьеры.

Во-вторых, проблемы малого предприятия в области управления персоналом обусловлены субъективными факторами, или профессиональными и личностными качествами руководителя, его знаниями и умениями в области управления коллективом в малом бизнесе. Руководитель малого предприятия должен быть компетентен в той сфере деятельности, в которой осуществляется его бизнес. Это означает, что он должен хорошо знать отрасль и ее структуру, достаточно ясно представлять основные этапы развития организации и необходимые действия на каждом из них. Современному руководителю ОМБ не обойтись и без знаний в области менеджмента, так как построить эффективную управленческую деятельность без учета закономерностей организационного развития практически невозможно. Это одни из основных требований компетентности руководителя, которые лежат в основе успеха деятельности малого предприятия.

Особое внимание стоит уделить проблеме подбора квалифицированных кадров для малого бизнеса. По существу, проблема подбора кадров обусловлена, прежде всего, объективными факторами – состоянием качества рабочей силы на рынке труда и спецификой работы на малом предприятии. В этом отношении возможности руководителя в решении данной проблемы отчасти ограничены. Тем не менее, у руководителя существуют внутренние социальные, организационные и экономические резервы, с помощью которых можно улучшить качество работы персонала на базе существующего кадрового состава. Работа с кадрами включает в себя ряд этапов, на которых могут возникнуть проблемы эффективного управления персоналом:

- подбор и прием на работу на основе оценки собственных потребностей и определения критериев подбора кадров;
- обучение кадров;
- руководство кадрами;
- оценка качества работы персонала.

Меньшее значение руководство малых предприятий уделяет проблемам обучения и повышения квалификации персонала, разработке системы стимулирования труда на предприятии, созданию благоприятного социально-психологического климата в коллективе

и др. Между тем, значимость этих направлений в работе с персоналом довольно высока².

Таким образом, в сфере управления персоналом еще достаточно нерешенных проблем. Каждая из них является важной, от их решения зависит дальнейшее существование и развитие малого бизнеса, достижение долговременных положительных успехов.

² См.: Статистический ежегодник НИСИПП. М., 2005.

Т. В. Прикуль*

Особенности трудоустройства персонала в условиях кризиса

Экономическое развитие, международные связи, рост ВВП, занятость, стабильность, уверенность в завтрашнем дне – совсем недавно эти понятия имели положительный оттенок и не вызывали сомнения у многих граждан.

Вне всякого сомнения, ситуация, которая имеет место как на мировом, так и на российском рынке в данный момент, называется кризисом. Причем кризис этот имеет как минимум две проекции – экономическую и личностную. И если экономическая составляющая происходящих в настоящее время процессов относительно понятна и прогнозируема, то психологическая составляющая процесса еще требует понимания. Резкое снижение объемов производства, кризис банковской системы, массовые сокращения персонала, свертывание бизнеса и банкротство предприятий – все это подогревается многочисленными сообщениями в СМИ и долгим молчанием со стороны правительства, создавая впечатление невероятной неустойчивости всей системы, которое в сумме провоцирует панику.

Рассматривая деятельность предприятий, отметим, что именно персонал, трудовой ресурс попал под наиболее сильный удар. Долго и сложно формировавшиеся на российском рынке ростки менеджмента, подхода к персоналу как к главному капиталу рухнули в считанные недели. Многие руководители в момент резкого обострения экономической ситуации в первую очередь принялись «чистить» ряды своих сотрудников.

Так, если на конец прошлого года безработица в России превысила отметку в 1,5 млн человек, то прогнозы на грядущий год еще менее утешительны. По разным данным, к концу 2009 года от 2 до 7 млн россиян останутся без работы, при этом прогноз по официальной безработице составляет 2,2 млн человек. Десять тысяч предприятий объявили о планируемом в начале 2009 года высвобождении более 270 тысяч работников, во временных отпусках по инициативе администраций находятся порядка 310 тысяч человек. На сегодняшний день 330 градообразующих предприятий заявили

* **Татьяна Владимировна Прикуль** – ст. преподаватель кафедры экономики и права ИППК УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

о своих планах по высвобождению более 27 тысяч человек. В Свердловской области число безработных увеличилось в 2 раза и составило 1,04 %.

Данные условия существенно видоизменили рынок трудовых ресурсов и подход к подбору персонала. Произошел качественный переход от рынка «соискателя» к рынку «работодателя».

Долгое время, в условиях практически полной занятости, господствовал рынок «соискателя», который характеризовался именно поиском и заманиванием ценных специалистов работодателем (спрос на труд превышал предложение). Недостаточным было предложить только высокий оклад, чтобы заполучить интересующего фирму специалиста, так как в сознании современного работника закрепились такие понятия, как: карьерный рост, дополнительные льготы и бонусы, социальное страхование, возможность развивать свои способности, ответственность, хороший климат в коллективе, признание достижений, престиж компании и многие другие. Деньги перестали быть единственным мотивационным фактором. В данных условиях именно соискатель делал выбор в пользу того или иного работодателя, тем самым диктуя рынку свои условия. Рынок «соискателя» повлек за собой рост заработных плат (не всегда обоснованный), расширение пакета бонусов, льгот, предлагаемых работодателем, который вынужден был принимать условия игры.

Разразившийся кризис откатнул маятник в противоположную сторону, передав бразды правления работодателю. Рынок «работодателя» – это рынок, на котором предложение труда существенно выше спроса на труд. Сейчас, на переполненном рынке труда, работодатель имеет обширные возможности выбора кандидата, «приобретая» для своих компаний высококвалифицированных специалистов с опытом и образованием, причем за существенно более низкие цены и с минимальным пакетом дополнительных «пряников». Соискатель вынужден идти на условия работодателя вследствие отсутствия альтернативного выбора.

В целом изменилось и отношение к набираемому персоналу. Как отмечают руководители кадровых агентств и видно из анализа сайтов по поиску персонала, многие работодатели повышают требования к кандидатам, требуя от них уже не только привычные профессиональные качества, но и многофункциональность, готовность выполнять обязанности, не предусмотренные специализацией и занимаемой должностью. Это вызвано высоким уровнем смещений должностей, но при относительно низком изменении в заработной плате. Так, например, уровень предлагаемых заработных плат в целом по городу Екатеринбургу упал на 20–30 %. И если ценные кандидаты с хорошим послужным списком еще имеют шанс найти работу, то выпускники и молодые специалисты оказа-

лись в тупиковой ситуации. Работодателю просто нет смысла вкладывать в развитие, обучение, становление молодого специалиста, когда он с легкостью может позволить себе нанять профессионала за те же деньги.

Кроме того, интересна и структура сфер безработицы. Большинство сфер оказались в кризисной ситуации, среди которых лидируют: строительство, лизинг, работа с персоналом, реклама и маркетинг, бухучет. Что удивительно, кризис почти не коснулся IT-специалистов и фармацевтов. Самой популярной остается вакансия менеджера по продажам.

Повлиял кризис и на методы поиска как работы, так и кандидатов. Так, работодателю больше нет необходимости выделять существенные статьи бюджета на привлечение персонала. Достаточно элементарно разместить вакансию на одном из бесплатных сайтов в Интернете. Этого вполне достаточно для получения сотни резюме. При этом нет необходимости лично осуществлять прямой поиск.

Соискателям в свою очередь приходится искать новые и новые каналы поиска работы. Размещения резюме на сайте недостаточно, необходимо обзванивать работодателей, покупать газеты по трудоустройству, посещать ярмарки вакансий. Но наиболее действенный способ трудоустройства – это рекомендации, либо трудоустройство «по знакомству», так как каждый старается в первую очередь помочь в кризисной ситуации именно «своим».

Отметим в целом, что кризис нужно воспринимать не только негативно, как разрушающий фактор, но и позитивно, как дающий возможность дальнейшего развития. В этот период хорошие и ценные специалисты проявят себя, а те, кто создавал видимость работы, – окажутся за бортом. Это укрепит компанию с помощью качественного улучшения своего персонала.

Безусловно, сложившаяся ситуация является весьма сложной и напряженной. Однако, как отмечают эксперты, самые массовые сокращения штатов в крупных и средних компаниях уже позади. Психологический порог кризиса преодолен. От панического периода мы переходим к периоду рационализации, в связи с чем компании частично возвращают ценных сотрудников, уволенных в эмоциональном порыве в начале ноября, понимая, что выполняемые ими функции необходимо осуществлять.

Любой рынок колеблется вокруг точки оптимума, рынок труда – из состояния дефицита персонала до безработицы, время от времени приближаясь к точке оптимальной полной занятости. Поэтому в скором времени, пускай и не легким путем, будет достигнута определенная стабилизация как экономики в целом, так и рынка труда в частности.

*О. С. Проскурякова**

Как адаптировать в трудовом коллективе компании другой трудовой коллектив: к постановке проблемы

В каких ситуациях компания сталкивается с необходимостью адаптации группы в коллективе (поглощение или покупка конкурента, выход в другие регионы с покупкой местного игрока и т. п.).

Адаптацию следует рассматривать как процесс взаимного приспособления компании и нового персонала. Таким образом, адаптация – это двухсторонний процесс, связанный не только с приспособлением новых сотрудников к корпоративной культуре, ценностям и нормам организации, но и с соответствующими взаимосвязанными изменениями внутри самой компании.

В связи с экономическим кризисом во многих сферах бизнеса наблюдаются тенденции к слиянию и поглощению. Все чаще фирмы прибегают к лизингу или аутстаффингу персонала. Также компании, желая снизить возможные риски, развивают новые направления бизнеса. Это, в свою очередь, сопровождается открытием новых отделов, служб, подразделений. Такие изменения отражаются на внутренней среде компании, в том числе и на персонале: либо подбирают новый персонал, либо происходит объединение специалистов одной компании с коллективом другой. И прежде всего в таких случаях возникает необходимость адаптации нового персонала.

Например, случай прихода на региональный рынок какой-либо федеральной компании, которая перекупила местную фирму. В данном случае степень сопротивления местной компании максимальна, существует угроза возникновения внутренних конфликтов. Поэтому недопустимо пренебрегать работой по адаптации персонала, потому что это чревато серьезными последствиями для компании.

С какими проблемами сталкиваются компании при адаптации группы новых сотрудников в своем коллективе? Какие существуют риски такой адаптации?

Многие компании тратят много времени и сил на разработку программ адаптации, но, к сожалению, эти программы так и остаются в проектах, и никаких практических мероприятий не проводится.

При адаптации новой группы следует также учитывать и необходимость разработки программ по дополнительной адаптации «старичков» компании. Им также придется приспособливаться к произошедшим в организации изменениям. Скорее всего, их сопротивление новшествам будет достаточно высоким. Также не исключено наличие враждебности к новым сотрудникам, отделу или подразделению. Если этому не уделять должного внимания, компания рискует потерять хороших специалистов, как со стороны новичков, так и стороны старожилов.

Как сократить эти риски? Какие ресурсы потребуются для этого, что нужно сделать заранее?

Прежде всего, программа адаптации должна быть максимально встроена в систему HR-менеджмента компании. Эта программа должна совершенствоваться при каждом изменении стратегических направлений деятельности компании, изменении в корпоративной культуре. Необходимо четко структурировать весь процесс адаптации. Для каждого этапа нужно разработать систему конкретных мероприятий, также должна быть введена система отчетности, которая позволила бы отслеживать результаты и определять степень эффективности адаптационного процесса.

Как использовать потенциал такого коллектива?

Энергия новых сотрудников может быть направлена на решение старых проблем организации. Они могут добавить какие-либо новшества, внести предложения по совершенствованию компании, генерировать новые идеи.

* *Ольга Сергеевна Проскурякова* – слушатель программы дополнительного образования «Актуальный менеджмент: управление персоналом» Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Мотивационная стратегия как возможность взаимодействия во внутриорганизационной среде

В условиях мирового кризиса труд перестал быть для многих людей смыслом жизни и превратился в средство выживания. Это объясняется коренными изменениями в социальной и экономической жизни, когда управление персоналом возможно только при использовании экономических, социальных и нравственно-психологических стимулов в комплексе.

В данных условиях мотивация становится одним из важнейших факторов менеджмента. Она подразумевает определенную систему побудительных сил, способствующих выполнению определенной задачи, направленной на достижение целей предприятия. Будучи функциональной стратегией предприятия (наряду с маркетинговой, производственной, финансовой и др.), мотивационная стратегия является одним из основополагающих элементов управления, инструментом достижения глобальных корпоративных целей. Поэтому вопрос о мотивации персонала – в числе самых приоритетных для любого руководителя компании.

Также следует отметить, что вследствие изменения содержания труда в условиях научно-технического прогресса, широкой автоматизации и информатизации производства, в результате повышения уровня образования и социальных ожиданий сотрудников значение мотивации в управлении персоналом еще более возросло, усложнилось содержание этого рода управленческой деятельности. Мотивационная стратегия направлена, прежде всего, на волевою сторону поведения сотрудника, то есть такая стратегия неразрывно связана с волей человека. Можно сказать, что мотивация – это импульс и причина человеческой активности. Она представляет собой преимущественно осознанное побуждение. Несмотря на то, что многие мотивы зарождаются в подсознании, тем не менее они становятся движущей силой, детерминантой поведения, лишь будучи в большей или меньшей степени осознаны. Мотив, в свою

* Людмила Николаевна Решетникова – аспирант Сибирской Академии права, экономики и управления, библиотекарь (г. Ангарск).

очередь, порождается определенной потребностью, выступающей конечной причиной человеческих действий.

На современном этапе система мотивации или стимулирования труда работника должна учитывать многообразные элементы. Значит, становится очевидным, что любые действия по мотивации должны включать материальное (экономическое) и нематериальное (моральное) стимулирование, обогащая, таким образом, содержание труда и создавая условия для проявления творческого потенциала работников и их саморазвития.

Процедуры материального вознаграждения в своей основе имеют конкурентную, рыночную природу. Все то, что выполняется сотрудниками, отражает те вознаграждения, которые сопровождают работу в данное время от эпизода к эпизоду. Если качество работы не улучшается, значит, недостаточно и неэффективно действует подкрепление (вознаграждение), которое работники получают. Каждая качественная работа должна быть вознаграждена:

1) соответствующей заработной платой;

2) официальными дополнительными надбавками к зарплате по стажу работы;

3) индивидуальными бонусами.

При любом рассмотрении отношения персонала к уровню заработной платы и вознаграждениям, руководителю всегда необходимо учитывать возможные утверждения сотрудников о несоответствии рыночным значениям реального положения дел. Абсолютная удовлетворенность размером заработной платы вряд ли возможна. Скорее состояние удовлетворенности определяется блоком измерения удовлетворенности уровнем жизни. Это хорошо характеризует мотивационную структуру персонала организации.

Конечно, в эпоху выживания, деньги имеют большое значение для большинства служащих, как из-за их покупательной способности, так и из-за статуса, который имеет их владелец. Однако руководители оказывают себе и своим организациям плохую услугу, когда воспринимают деньги как совершенное средство для удовлетворения всех потребностей, которые могут возникнуть у служащих. Большинство работников расценивают получаемые ими за работу деньги (неважно, получают они их в виде зарплаты или премии) как справедливый обмен на труд, который они отдают своей организации. Можно определить так, что деньги лишь предотвращают неудовлетворение и не являются мотиватором.

Современные предприятия используют в своей мотивационной стратегии такие действенные методы нематериальной мотивации, как предоставление работникам безопасного и удобного офиса, применение демократичного дресс-кода, несколько возможных графиков работы, возможность пользоваться корпоративной биб-

блиотекой профессиональной литературы, также игровые и спортивные комнаты для отдыха. Здесь важно помнить, что люди работают не только ради хлеба насущного. Перспектива получения одобрения многими людьми также воспринимается как стимулятор проявления усилий и оказывается даже важнее денег. Все хотя бы услышать слова одобрения за добросовестный труд. Даже в отсутствие выдающихся достижений или заметного вклада в общее дело каждый работник заслуживает похвалы – просто как эффективный член коллектива.

Иногда надо благодарить работника или весь коллектив просто за то, что они пришли на работу. Важно помнить, что похвалить сотрудников за прогресс, достигнутый ими в продвижении к цели, важнее, чем похвалить их, когда цель будет, в конце концов, достигнута.

Здесь мотивационная стратегия будет выступать уже как процесс побуждения человека при помощи внутриличностных и внешних факторов к определенной деятельности, направленной на достижение индивидуальных и общих целей организации. То есть, с одной стороны, такая стратегия представляет собой внешнее по отношению к индивиду побуждение, а с другой – используются внутренние «толчки». Кроме того, мотивация выступает как одна из функций управления и как побудительная сила.

Таким образом, сегодня при мотивировании сотрудников компании применяются не только материальные, но и нематериальные методы вознаграждения. Материальная мотивация персонала организации имеет стабилизирующее действие, помогая закрепить в компании наиболее ценных сотрудников, а на основе нематериальной мотивации происходит стимулирование людей к активной работе с полной отдачей сил. Мотивационная стратегия выступает как важнейший фактор результативности работы, и в этом качестве она составляет основу трудового потенциала работника, то есть всей совокупности свойств, влияющих на производственную деятельность. Трудовой потенциал служащих состоит из психофизиологического потенциала (способности и склонности человека, состояния его здоровья, работоспособности, выносливости, типа нервной системы) и личностного (мотивационного) потенциала. В этом единстве способностей и возможностей личности мотивационный потенциал играет роль пускового механизма, определяющего, какие способности и в какой степени работник будет развивать и использовать в процессе трудовой деятельности.

И. В. Сабирова*

Значение и роль корпоративной одежды в современной организации

Ушли в прошлое времена, когда в России лучшей спецодеждой считались бесформенный ватник и «роба» безликих цветов. Первыми «ласточками», с кардинально-противоположным отношением к спецодежде, оказались западные компании, появившиеся на российском рынке в начале 90-х. Сотрудники этих компаний были одеты в элегантные комбинезоны, функционально-профессиональные куртки, головные уборы с фирменной символикой. Спецодежда была ярких цветов, выполненная в единой стилистике. Не заметить новый подход в ведении бизнеса на фоне рабочих российских компаний в грязно-серых спецовках было просто невозможно. Многие начинающие российские предприниматели, видя эти коренные отличия, отзывались тогда о западных компаниях пренебрежительно, называя их «буржуями». И совершенно не догадывались о том, что за всем этим скрывается целый пакет маркетинговых решений под общим названием «корпоративный стиль». Но с развитием экономики перед российскими компаниями невольно встал вопрос: «Как выделиться в условиях жесткой рыночной конкуренции, как привлечь к себе внимание потенциальных клиентов?» И понятие корпоративного стиля постепенно становится важной компонентой российского бизнеса. Сейчас уже никого не удивишь костюмами, комбинезонами, куртками, головными уборами, выполненными в единой цветовой гамме и несущими на себе фирменную символику.

Когда говорится о корпоративном стиле компании, ее имидже, подразумеваются не только внешние составляющие визуального образа: фирменные цвета, логотип. Не только вербальное воздействие: слоган, девиз, гимн. Но и философия компании, выраженная в определенной манере общения с клиентами и партнерами, во внутренних коммуникативных взаимодействиях сотрудников, в сложившихся традициях совместного проведения праздников и знаменательных дат компании. Каким образом корпоративная одежда может отображать философию компании?

* **Ирина Владимировна Сабирова** – слушатель программы дополнительного образования «Актуальный менеджмент: управление персоналом» Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

В первую очередь – это цветовое решение.

Представим динамично развивающуюся компанию, такую как «их» McDonald's или «наша» «Евросеть», стремительно завоевавшая рынок. Штат компании составляют молодые, энергичные люди. В форменной одежде сотрудников яркие цвета работают на усиление восприятия, запоминание, даже на эпатаж. Обычно такие компании придерживаются стратегии низких издержек, поэтому ограничиваются малыми средствами. В случае с McDonald's – это красная рубашка-поло и козырек, а в «Евросети» – желтая рубашка-поло. Но с обязательным нанесением фирменной символики. При большой текучести персонала расширять ассортимент корпоративной одежды нецелесообразно. Восприятие созданного образа потребителем полностью соответствует политике компаний – доступность, мобильность, дешевизна.

На визуальную атаку и запоминание также рассчитана промо-одежда, предназначенная для участия в выставках и других PR-акциях.

По-другому выглядят сотрудники, когда компания позиционирует себя на рынке как стабильную, солидную фирму, с высокопрофессиональными специалистами, для которой важен не захват новых территорий, а поддержание наработанного статуса. Цвета и формы фирменной одежды более консервативные. Для примера – автоцентры мировых брендов: Toyota, BMW, Mercedes... В корпоративной одежде присутствует весь ассортиментный ряд: полукombineзоны, куртки, футболки, бейсболки, утепленная одежда и даже классическая одежда (сорочки, галстуки) для продавцов-консультантов. Все это выдержано в фирменной стилистике и соответствует сезонности. О чем говорит потребителю такой внешний вид сотрудников? О надежности компании, марки и того автомобиля, на котором он уедет из автосалона.

И совсем другая ситуация с корпоративной одеждой у крупных производственных концернов. Пример – Газпром, УГМК. Четко проработанный стиль, внимание к деталям. Модели отличаются по функциональности, иерархической принадлежности. Существует даже гостевая одежда. Когда делегация важных гостей посещает производственные площадки, их тоже облачают в одежду фирмы. Для безопасности. Корпоративная одежда для управленцев высшего звена может решаться таким образом, когда фирменное обозначение компаний присутствует в виде вышивки логотипа на привязной, казалось бы, одежде CASUAL. Этот знак указывает на сопричастность к деятельности предприятия. Одно из последних веяний в корпоративной одежде топ-менеджеров, являющихся, как правило, публичным лицом крупных компаний, – это VIP-комплект. В одной сумке собран комплекс функционально необходимых топ-менеджеру в командировке или на отдыхе предметов одежды с фирменной символикой от одного производителя.

В создании корпоративной одежды помогают знания эмоционального воздействия цвета и его психологического восприятия. Это особенно важно в профессиональной одежде, когда человек большую часть жизни занят трудовой деятельностью и зачастую целый день одет в форменную одежду определенного цвета. Важны даже оттенки. Как например: желтый теплый – стимулирует и бодрит, а желтый холодный – может вызвать плохое самочувствие. Если оранжевый цвет активизирует и радует, то фиолетовый лишает воли и наводит грусть. Удивительно, но при помощи цвета можно ускорять или замедлять рабочие процессы. Таким образом, даже если в фирменной колористике компании присутствуют цвета с неблагоприятным психологическим воздействием, следует их избегать применительно к профессиональной одежде. А вот яркие элементы корпоративной колористики незаменимы в отделке одежды, становясь штрихом, узнаваемым акцентом.

Вопросы стилистики, цвета решаются совместно с рекламной или маркетинговой службой компании-заказчика и дизайн-бюро компании-изготовителя корпоративной одежды.

Попытаемся разобраться, каковы основные функции корпоративной одежды?

Безусловно, главная функция корпоративной профессиональной одежды – защита работника от вредных факторов производственной среды и неблагоприятных климатических условий. Это достигается использованием при производстве одежды специальных материалов с защитными характеристиками, соответствующими условиям эксплуатации. Требования к одежде определяются службой по охране труда или службой по персоналу. Большинству этих требований удовлетворяет серийная спецодежда, изготавливаемая многотысячными тиражами и реализуемая компаниями-производителями или их дистрибьюторами.

Корпоративная профессиональная одежда помимо защитной функции несет нагрузку организационной культуры любой компании.

Если заглянуть в историю, то можно отследить, что впервые воспользовались понятием единая форма (униформа) военные. С образованием регулярных армий возникла необходимость визуального отличия «своих» от врагов, идентификации родов войск, принадлежности армии к государству.

В наши дни форменная одежда распространилась практически на все виды деятельности. Она выполняет визуальные функции корпоративной идентичности. Некоторые из этих функций направлены на внешнее воздействие.

Компания, сотрудники которой одеты в корпоративную одежду, подсознательно воспринимается потребителем как дисциплинированная, надежная, состоявшаяся. А значит, к такой компании больше доверия.

Следующая весьма важная функция корпоративной одежды – дополнительный рекламоноситель для компании. Причем рекламоноситель динамичный, перемещающийся во времени и в пространстве. Ведь не секрет, что в наше время переизбытка информации наглядная демонстрация более действенна, чем текст с пояснением. Кроме того, фирменная одежда подчеркивает индивидуальность компании и способствует укреплению имиджа в глазах партнеров и клиентов, повышению ее статуса на рынке. Корпоративный стиль в одежде говорит сам за себя: «Вы можете довериться нам, здесь работают профессионалы, для которых в первую очередь важна деятельность и репутация компании».

У форменной одежды есть еще внутренняя функция, формирующая единый командный дух. Это можно считать управленческими рычагами руководства компании.

Сотрудники, одетые в корпоративном стиле, полностью отождествляют себя со своей компанией. Они получают «защитную оболочку», чувствуют себя под крылом фирмы. Легче проходит адаптация новых сотрудников. Корпоративная одежда воспитывает корпоративную культуру, повышает лояльность сотрудников к собственной компании.

В зависимости от стратегии предприятия, корпоративная одежда у различных подразделений может отличаться по цвету, моделям, материалам. Эти отличия могут указывать на виды деятельности, структуру подразделений, гигиенические требования к профессиональной одежде. Очень показательным в этом отношении является пример, как главный врач одной больницы решил вопрос с обеспечением медицинского персонала халатами. Каждому сотруднику был выдан комплект из семи халатов, отличающихся друг от друга цветом воротника. И по больнице был издан приказ главного врача, регламентирующий порядок ношения халатов. За каждым днем недели был закреплен строго определенный цвет воротника. Тем самым был установлен контроль за своевременной сдачей халатов в стирку.

В заключение хотелось бы вспомнить слова японского предпринимателя, основателя мирового бренда SONY – Акио Морита: «Предложение рождает спрос». Актуально в наше время, когда предложение порой превышает спрос? Напрашивается вывод – как компания себя предложит, так потребитель и отреагирует. И немаловажную роль здесь играет корпоративная одежда. Красиво «упакованная» компания может рассчитывать на большой спрос. А девиз SONY «Как никто другой» наилучшим образом раскрывает предназначение корпоративной одежды – индивидуализация компании.

С. Н. Скокова*

Риски персонала в сфере труда

Общеправовое значение риска заключается в том, что лицо, действующее в определенных условиях дозволенного правом, не подлежит какой-либо юридической ответственности. Под риском понимается объективное состояние возникновения опасности причинения вреда, при которой неизвестно, наступит этот вред или нет.

Наиболее распространена категория риска в гражданском праве (ст. 344, 382, 459, 595, 705, 933 ГК РФ).

В уголовном праве (ст. 41 УК РФ) обоснованный риск относится к обстоятельствам, исключающим преступность деяния...

Однако легального понятия риска ни гражданское, ни уголовное законодательство не содержат. Нет легального понятия риска и в трудовом праве. Категория риска в трудовом праве, по сравнению с гражданским, представлена и исследована явно недостаточно, несмотря на широкую распространенность рисков в сфере профессиональной трудовой деятельности.

Характерной особенностью современного производства является применение на одном предприятии самых разнообразных технологических процессов. На большинстве предприятий широко применяются высокотоксичные, легковоспламеняющиеся вещества, различного рода излучения, технологические процессы зачастую сопровождаются значительным уровнем шума, вибрации, ультра- и инфразвука, жесткими и стабильными параметрами микроклимата, большинство операций производится в условиях высокого зрительного напряжения, запыленности и загазованности.

В связи с этим увеличивается потенциальная опасность возникновения травмоопасных ситуаций, степень риска возникновения профессионального заболевания, негативного воздействия условий труда на состояние здоровья работников.

Широкое распространение профессиональных рисков объясняется высоким уровнем развития индустриального труда, когда применение техники и технологии, химических и биологических веществ, различных видов энергии и проникающего излучения приводит к тому, что практически все сферы жизнедеятельности лю-

* **Светлана Николаевна Скокова** – ст. преподаватель кафедры права УГТУ-УПИ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

дей (включая и непроизводственные) буквально пронизаны рисками. Многие ученые глубоко убеждены, что полностью избежать рисков ситуаций в процессе труда в сфере материального производства сегодня уже практически невозможно.

Профессиональный риск тесно связан с проявлением сложного комплекса условий труда и трудового процесса (воздействие технических устройств на человека), биологического состояния человека и его здоровья (восприятие рисков), развитости организационных механизмов защиты от рисков (охрана и медицина труда, социальное страхование и реабилитационное обеспечение). Каждую из сфер риска, формирующую профессиональный риск, важно изучать как по отдельности, так и в комплексе.

С позиций медицины труда (гигиены труда и профессиональной заболеваемости) профессиональный риск рассматривается в аспекте установления количественных закономерностей возникновения профессиональной заболеваемости работников и разработки механизмов ее предупреждения.

С позиции техники безопасности и охраны труда профессиональный риск рассматривается в аспекте выявления факторов риска (техника, технология и вид производства, организация труда, профессиональная подготовка персонала и проведение профилактической работы по охране труда), влияющих на уровень производственного травматизма, разработки технических и организационных мер по его снижению.

Таким образом, с позиции медицины, охраны труда и техники безопасности оценка профессионального риска представляет собой анализ причин его возникновения и масштабов влияния на профессиональные группы работающих в отдельных отраслях экономики.

В процессе трудовой деятельности на работника воздействуют факторы производственной среды и трудового процесса, которые могут оказать негативное влияние на здоровье. Не представляет сомнений и тот факт, что полное исключение из производственной среды неблагоприятных факторов невозможно. Здоровье человека, его жизнь и профессиональная способность к труду – ключевые вопросы социальной справедливости в любой стране, служащие центральной установкой страховой защиты работников от рисков профессионального труда.

Профессиональный риск – это вероятность повреждения (утраты) здоровья или смерти, связанная с исполнением обязанностей по трудовому договору и в иных установленных законом случаях.

В связи с этим риск можно определить как риск жизни или здоровью, связанный с трудовой деятельностью. Он включает риск: травмы, связанной с производством; профессионального заболевания, как любого ненормального состояния или нарушения, вы-

званного воздействием факторов, связанных с трудовой деятельностью; производственно-обусловленного заболевания, имеющего тенденцию к прогрессированию по мере увеличения стажа работы в неблагоприятных условиях труда; смерти, если установлена связь с профессией.

Проблемы трудовых рисков были всегда актуальными при любых формах организации труда, начиная от ремесленного и крестьянского индивидуального труда, при котором забота о безопасности труда ложилась на плечи самого работника. Они остались такими же актуальными и в условиях современного производства, которое основано преимущественно на использовании труда наемных работников, заключивших трудовой договор с работодателем о выполнении работы по обусловленной трудовой функции в общем процессе труда, определенной кооперации труда выступающей в качестве работодателя, будь то физическое или юридическое лицо.

В трудовом праве риск почти не исследован, что можно рассматривать как пробелы в праве. Потребность же в устранении пробелов более чем очевидна, ибо пробелы в трудовом праве вызывают много негативных последствий, например, препятствуют стабильной всесторонней защите прав работников, мешают последовательной охране законных интересов работодателей, и т. д.

Следует подчеркнуть, что риски и связанная с ними неопределенность постоянно окружают нас в реальной действительности. Выбор профессии и места работы для каждого лица связан с рисками. Каждый гражданин, используя право на труд, рискует. Среди рисков, связанных с трудовой деятельностью человека, можно назвать риски выбора места работы, увольнения с работы, опасных и вредных условий труда, заболеваемости, смертности, подверженности риску, а также производственные, профессиональные риски. Как показывает практика, особо выделяются риски, связанные с несоблюдением (нарушением) правил охраны труда и безопасности. При этом риск выполнения работ в связи с нарушением правил охраны труда представляет опасность не только для самого нарушителя, но часто и для тех, кто трудится рядом или находится на территории работодателя в момент возникновения аварийной ситуации.

В трудовых отношениях, на наш взгляд, имеют место быть и риски работодателя: риск персонала, риск потерь, связанный с возможными ошибками персонала, мошенничеством, недостаточной квалификацией, неустойчивостью штата работодателя, возможностью неблагоприятных изменений в трудовом законодательстве, риск некачественного выполнения работ, риск неквалифицированного подбора персонала, риск аварий, ошибки персонала, финансовые риски и т. д.

По нашему мнению, при правовом регулировании трудовых отношений наряду с «риском работника» было бы целесообразным ввести в трудовое законодательство термин «риск работодателя».

Риск именно в том и состоит, что реальные результаты могут не соответствовать с определенной степенью вероятности предварительно рассчитанным показателям.

Итак, можно обозначить следующую классификацию реально существующих рисков в трудовом праве:

1) **риски работников:** производственный, профессиональный риск, связанный с определенной сферой деятельности, риск, связанный с утратой работы, риск тяжелых, опасных и вредных условий труда, риск заболеваемости, смерти, риск правильного выбора работы, риск с исполнением обязанностей по трудовому договору и т. д.

2) **риски работодателя:** в соответствии со сферами трудовой деятельности производственный, профессиональный, страховой риск, организационный, риск неправильного подбора персонала, риск ошибок персонала, риск текучести кадров, риск инвестирования в работников, финансовые риски, связанные с выплатой заработной платы, риск аварий, риск выполнения обязательств по охране труда, возможность неблагоприятных изменений в трудовом законодательстве и т. д.

Актуальность проблемы рисков в трудовом праве обусловлена существенными изменениями в научно-технической базе современного производства, в составе которой значительно возросла доля опасных производств, особенно в энергетике, где на смену тепловым электростанциям пришли атомные, о чем свидетельствуют последствия аварии на Чернобыльской АЭС, которые сделали опасной для жизни значительные территории в ряде государств, включая Украину и Россию, в связи с чем проблема рисков в сфере труда, безопасность труда имеет и международный аспект. Неслучайно в 90-е годы XX века МОТ приняла ряд специальных конвенций и рекомендаций по вопросам безопасности труда. Среди них особо стоит выделить Конвенцию № 174 «О предотвращении крупных промышленных аварий», Конвенцию № 176 «О безопасности и гигиене труда на шахтах», Конвенцию № 167 «О безопасности и гигиене труда в строительстве».

Однако рисков не следует бояться и избегать, а необходимо их грамотно учитывать и умело ими управлять. Так, например, для того чтобы избежать риска подбора кадров, работодателю необходимо чаще применять нормы ст. 70 ТК РФ (об установлении испытательного срока); при нарушении трудовой дисциплины, несоответствия работника занимаемой должности, совершения виновных действий работником и др. смелее применять нормы ст. 81 ТК РФ. А также проводить анализ профессиональных рисков,

используя «Руководство по оценке профессионального риска для здоровья работников» (№ Р2.2.1756-03), которое определяет организационные основы и обязательные санитарно-эпидемиологические требования по оценке профессионального риска.

С ростом промышленного производства естественно увеличивается количество рабочих мест с тяжелыми, вредными и опасными условиями труда. Поэтому, конечно, необходимы современные подходы к охране труда, а также необходимы знания других важных аспектов, связанных с рисками для здоровья работников. Грамотное управление рисками снижает их цену и величину возможных потерь.

Многообразие рисков, существующих в сфере труда, требуют наиболее совершенного механизма правовой защиты, как для работников, так и для работодателей.

Компетентностный подход в развитии менеджеров мультинациональных организаций

В настоящее время все в большей степени возникает потребность в обучении менеджеров работе в различных культурных контекстах. Опыт мультинациональных организаций заставляет признать, что существуют различия в национальных культурах с соответствующими различиями в требуемых стилях и типах поведения менеджеров. Система отбора и обучения менеджеров, развития менеджмента, работающая в одной стране, может не работать совсем или не работать с точки зрения определенных аспектов в другой.

Во многих организациях все чаще и чаще используется термин «компетенция». Однако, несмотря на возрастающую популярность данного понятия, все еще не существует его общепринятого определения, оценивающего различные подходы. Наиболее часто компетенцию определяют как набор характеристик, необходимых для успешной деятельности. То есть каждая компетенция представляет собой сочетание профессиональных знаний, навыков, установок. В соответствии с разработанными моделями компетенций в организациях осуществляется не только отбор основного персонала и менеджерского состава, но и их развитие. В условиях существования и все большего распространения мультикультурных организаций, одной из основных менеджерских компетенций становится межкультурная чувствительность и непредубежденность.

В проведенном нами исследовании было выявлено, что одной из наиболее значимых компетенций менеджеров малого бизнеса является психологическая гибкость и такт. По своему смыслу данная компетенция близка к компетенции, упомянутой выше.

Для исследования нами использовались методики:

- диагностики личностных и деловых качеств высшего управленческого персонала Л. П. Калининского (ЛДК МБК);
- Кларка Л. Вилсона «Цикл управленческих умений» (адаптированный вариант методики Т. А. Степановой, Ю. Г. Гиммель-

* Людмила Владимировна Тарасова – аспирант кафедры социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

штейн); и тестовые программы HR-Лаборатории Human Technologies:

- методика «Индивидуальный деловой стиль»;
- тест «Структура трудовой мотивации»;
- тест Интеллектуального потенциала стандартизированный;
- Имитационный тест управления персоналом;
- Тест устойчивой работоспособности.

Объектом исследования выступили 123 менеджера предприятий малого бизнеса г. Екатеринбурга.

Для нахождения взаимосвязей между компетенциями менеджеров малого бизнеса, выявленных на основе полустандартизованного интервью с учредителями предприятий малого бизнеса и менеджерами, нами был проведен корреляционный анализ. Прокомментируем полученные данные.

С ростом направленности менеджеров малого бизнеса на взаимодействие с другими людьми, эффективное самовыражение своего «я» повышается выраженность деловых качеств, обеспечивающих профессиональное мастерство менеджеров малого бизнеса: уверенность в своем деле, ответственность за свои решения, управленческая смелость в условиях повышенного риска, растет предприимчивость, профессиональная активность. Чем более выражена направленность менеджера на взаимодействие с людьми, на самовыражение, тем большее значение он придает разъяснению подчиненным стоящих перед ними целей, тем сильнее дает почувствовать им значимость задания. Кроме того, чем более явно выражена направленность менеджера, тем более тщательно он планирует рабочий процесс и организывает его. Однако, как было обнаружено, выраженная направленность менеджера на взаимодействие с людьми и самовыражение связана с низкой способностью менеджера обеспечивать подчиненных необходимыми условиями работы. Менеджеры малого бизнеса с выраженной направленностью редко поддерживают своих подчиненных: не предоставляют возможности обучения, дополнительных инструкций, советов и пр. С ростом направленности увеличиваются усилия менеджера по сплочению коллектива, делаются чаще попытки сориентировать подчиненных на групповую работу, менеджер интенсивнее старается развить сотрудничество между членами группы.

Повышение деловитости приводит к увеличению предприимчивости, направленности на взаимодействие с людьми, уверенности в себе, ответственности за свое дело, самоуважения. С ростом предприимчивости менеджеров малого бизнеса, профессиональной активности, организованной более рационально, становится более развитым абстрактное мышление, лежащее в основе стратегического мышления. Кроме того, возрастает психологическая го-

товность к управленческой деятельности: уверенность в своем деле, ответственность за свои решения, управленческая смелость в условиях повышенного риска, ориентация на взаимодействие с другими людьми, эффективное самовыражение, возрастает инициативность, доминирование, стремление к лидерству, значимости, желание иметь успех и распоряжаться, повышается уверенность в себе.

Усиление тенденции к доминированию приводит к росту предприимчивости, требовательности, жесткости и, как ни странно, уступчивости и психологической гибкости. Возможно, с ростом стремления к лидерству менеджеры малого бизнеса становятся хитрее и, когда это приносит успех, уступчивее, отходя от прямолинейных методов наступления, хотя они ситуативно тоже присутствуют.

С ростом уверенности в себе, уверенности в своих силах усиливается эмоциональная стабильность менеджеров малого бизнеса. Также повышается ориентация на людей, то есть чем более менеджер малого бизнеса уверен в себе, тем в большей степени он проявляет открытость и дружелюбие в отношениях с подчиненными. Это касается не только непосредственного общения, но и самого типа взаимодействия с подчиненными: менеджер интересуется и выслушивает мнения, предложения подчиненных, поощряет их участие в процессе планирования и принятия решений. Кроме того, отмечено возрастание таких показателей, как деловитость, управленческая смелость в условиях повышенного риска, предприимчивость, установка во всем искать, находить и использовать нужное и полезное для дела. Упрямство, негативизм и требовательность у уверенных в себе менеджеров малого бизнеса проявляется чаще, чем уступчивость и психологическая гибкость, дипломатичность.

Рост требовательности говорит о наличии четкого плана действий, который менеджер готов реализовать вопреки любым препятствиям. С усилением требовательности у менеджеров малого бизнеса усиливается тенденция к контролю, ориентация на управленческий стиль, предполагающий умение жестко требовать от подчиненных выполнения обязательств. С ростом требовательности сохраняется отзывчивость и возрастает доминирование, инициативность, желание иметь вес, значение в глазах других, упрямство, скептически недоверчивое отношение, мнительность. Но вместе с тем повышается уступчивость и психологический такт, что еще раз подтверждает гипотезу о том, что лобовой, таранный тип взаимодействия меняется на более гибкий, тактически хитрый, с проявлением явлений уступчивости и зависимости, если это дает нужный результат. С усилением упрямства, которое проявляется как защитная реакция, как способ выхода из создавшейся ситуации,

чтобы самоутвердиться, возрастает уверенность в себе и своих силах, ответственность и обязательность, а также, с одной стороны – требовательность, жесткость, с другой стороны – отзывчивость.

Становясь более уступчивым, менеджер реже использует давление как метод побуждения подчиненных к действиям, перестает подталкивать подчиненных к быстрому решению, избегает наказания подчиненных.

Показатель психологической гибкости тесно связан с показателем дипломатии, то есть с умением менеджера изучать ситуацию, принимать продуманные неспешные решения. Менеджер с выраженной психологической гибкостью реже использует давление как метод побуждения подчиненных к действиям и чаще прибегает к делегированию полномочий, он старается создать дружескую атмосферу в коллективе, гуманно относится к сотрудникам, при этом увеличивается его способность определять психическое состояние подчиненных по внешнему облику. Такой менеджер вызывает большее доверие у своих подчиненных, и в управляемом им коллективе ниже уровень напряженности.

Отзывчивость менеджеров малого бизнеса коррелирует с плеядой характеристик: требовательность, жесткость; упрямство, негативизм; уступчивость; зависимость; психологический такт. Отзывчивость менеджера связана с тем, как менеджер наблюдает за работой подчиненных, фиксирует любой прогресс в работе и сообщает об этом рабочей группе: чем выше отзывчивость менеджера малого бизнеса, тем интенсивнее он предоставляет подчиненным обратную связь. Кроме того, отзывчивость менеджеров связана с показателем удовлетворенности подчиненных своей работой в организации: в организациях с более отзывчивыми менеджерами подчиненные испытывают большее удовлетворение от своей работы, и атмосфера в коллективе более позитивная.

По количеству разнородных связей между компетенциями менеджеров малого бизнеса лидируют показатели «психологическая гибкость» и «уверенность в себе», то есть чувство меры, такта во взаимоотношениях с людьми, способность быстро устанавливать меру воздействия и контакт с другими людьми, исходя из их индивидуальных особенностей. Таким образом, психологическая гибкость и уверенность менеджеров в себе задействованы наиболее часто и представляют наиболее востребованные компетенции менеджера малого бизнеса.

Показатели «второго» уровня – это отзывчивость, направленность, уступчивость, требовательность и предприимчивость, то есть группа весьма активных в социальном контексте свойств. Направленность на взаимодействие с другими людьми, отзывчивость в отношениях с ними и способность идти на компромисс

сочетаются с требовательностью, проявлением сильной воли во взаимоотношениях с окружающими. И лишь третий уровень составляют доминирование, деловитость и упрямство, являющиеся некоторым основанием профессиональной активности менеджеров малого бизнеса, психологический смысл которого – активное наступление.

В завершение необходимо отметить, что недостаточная разработка систем развития менеджмента в мультинациональных организациях порождает культурный шок, поскольку представления о том, как правильно организовать рабочую деятельность, отличаются у представителей различных культур.

И. В. Тесленко*

Бизнес-культура современной России как мультикультурного государства

Тенденции в отношении к кадровому менеджменту в российских компаниях за последние десятилетия значительно изменились. Повсеместное использование таких понятий, как управление персоналом, кадровый менеджмент, управление человеческими ресурсами, показывает, что управление персоналом тесно вошло в систему организационного управления, связано с целым комплексом управленческих элементов, таких как постановка целей предприятия, выработка стратегии, планирование, организация, контроллинг и др. Сегодня очевидно, что производительность, мотивация, творческий потенциал персонала компании являются важнейшими характеристиками, во многом определяющими успех предприятия, ее стабильное существование, в том числе и в условиях экономического кризиса.

Одной из ярких особенностей России является ее геополитическое положение при мультинациональном составе населения и его приверженности к различным религиям. В эпоху СССР многонациональность и принцип дружбы народов выдвигались в качестве одного из основных принципов социалистического управления, но и сегодня этнокультурные особенности регионов России не могут не оказывать влияния на принципы управления в целом, и в том числе на управление персоналом предприятия. В ряде регионов России наблюдается сильный контраст языковых, культурных, религиозных, мировоззренческих особенностей наций, соседствуют западная и восточная культуры. В современных зарубежных исследованиях вопросы мультикультурализма поднимаются в рамках изучения процессов и принципов организационной культуры многонациональных компаний. Для России в целом проблема мультикультурализма актуальна для каждой организации с точки зрения теории организации и организационного управления: руководители предприятия, выстраивая систему работы с персоналом, всегда должны учитывать тот факт, что ментальность влияет на ценностно-мотивационные характеристики индивидов, учет этнокультурного аспекта при организации управленческой деятельности и вы-

* **Ирина Владимировна Тесленко** – канд. социол. наук, доцент УГТУ-УПИ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

бора управленческого воздействия является одним из ключевых моментов. Безусловно, данные тенденции находят сегодня отражение в специфике организационной культуры российских предприятий, влияя на процессы формирования бизнес-культуры современной России.

Традиционно организационная культура определяется как система общепринятых в организации представлений и подходов к постановке дела, формам отношений и достижению результатов деятельности, которые отличают данную организацию от всех других. В нашей стране интерес к корпоративной культуре резко усилился в начале 90-х годов XX века. Часто корпоративная культура воспринимается как идеология, философия управления, основу которой формируют ценностные ориентации, верования и нормы поведения работников. Элементами корпоративной культуры являются: система ценностей; герои – люди, воплощающие культурные ценности и служащие примером для подражания; церемонии и ритуалы как символические мероприятия, включенные в спланированную повседневную жизнь организации; культурная сеть организации или скрытая иерархия власти в организации, независимая от титулов и должностей и состоящая из ролей, выполняемых сотрудниками организации. Корпоративная или организационная культура относится к факторам внутренней среды организации: это образ жизни, мышления, действия и существования.

При анализе национальной бизнес-культуры в первую очередь внимание обращают на культивируемые в национальной среде ценности, являющиеся основой для жизни в целом, в том числе и для ведения дел в бизнесе. Традиционно в менеджменте, организационном консультировании анализируют специфику восточной и западной культуры, японской и американской, в последнее время привлекает внимание китайская культура.

История России дает нам многочисленные примеры того, как высшее руководство страны, ведущие консультанты, анализируя зарубежный опыт, пытались определить стратегию дальнейшего развития страны. Богатая традициями Россия, национальный опыт требуют сегодня повышенного внимания к себе в свете организационного развития, становления национальной бизнес-культуры. Однако зачастую российская компания сталкивается с ситуацией, когда на базовые особенности русского менталитета накладываются специфические черты других культур России как многонационального государства.

По своей сути восточная культура является синтетической, созданной на основе не столько взаимодействия, сколько сосуществования различных религиозных и философских систем, которые с точки зрения их носителей отражают взгляды на мир с разных

позиций. Жители Востока более склонны признать право других людей на иной образ мысли, что позволяет легче понимать другие культуры.

Западная культура возникла на основе одной, причем монотеистической, христианской идеологии. Европейцы и американцы стремятся в своем сознании и управленческой практике найти единственно верный универсальный образ действий, который определяется путем аналитического подхода. Они более склонны признать свой образ жизни если не единственно правильным, то, по крайней мере, лучшим. Для западной культуры характерно только одно решение проблемы – однозначная победа над соперником или средой.

Для Востока характерна традиционная установка общественного сознания на коллективизм (принадлежность к какой-либо социальной группе). Западная культура по своей сущности индивидуалистична, ориентирована на личность, лучшим современным свидетельством чего является исключительное внимание к правам человека.

Вместе с тем, в рамках восточной и западной культур существуют национальные различия, отражающие специфические черты их истории. Так, например, американский индивидуализм возник в американском обществе в XVIII–XIX веках, когда в страну прибывали сотни тысяч переселенцев. В процессе освоения вновь прибывшие рассчитывали на себя, предпочитали получать новые земли исключительно в виде частной собственности, изымая ее у коренного населения. Этот индивидуализм, имеющий эгоистические корни, по мере роста могущества страны и богатства ее граждан, превратился в крайний индивидуализм, который на основе признания своей культуры высшей, объявил весь мир сферой национальных интересов и потребовал от всех следования американской политике.

На японский менеджмент накладывает отпечаток самобытная культура Японии и то, что на мировой рынок она вышла только после Второй мировой войны. Япония переняла у Европы и США положительные аспекты опыта, прежде всего – ориентацию на новые технологии и психологические методы менеджмента. В Японии более высоко ценят опыт работы, чем образование. Японцы очень внимательно относятся к связям между людьми, а также к личностным особенностям работников, склонны подбирать должность под человека, а не человека под должность; они избегают индивидуализма в своих действиях, не склонны к навязыванию персональной ответственности, практически не контролируют эффективность действий отдельного работника; гораздо более важной для них является коллективная (групповая) ответственность. Еще одна особенность японского менеджмента состоит в том, что

руководящие работники особое внимание уделяют технологическим нововведениям. С этой точки зрения Япония превосходит все страны мира.

Интересно, что при большом значении коллективистских позиций в Японии и Китае в своих базовых ценностных установках данные культуры значительно расходятся. Так, для японцев характерна мания тотального качества с безупречной верностью и преданностью своему предприятию, тогда как китайский продукт в первую очередь вызывает ассоциацию с плохим, некачественным товаром. У китайцев нет такого религиозного отношения к качеству, часто бывает так, что китайцы отказываются от ранее принятых на себя обязательств, даже письменно зафиксированных, просто потому что «обстоятельства изменились».

С другой стороны, у китайцев культивируется жажда быть хорошим и правильным, любовь к начальству, с большим удивлением воспринимаемая россиянами. В качестве других отличительных особенностей китайской бизнес-культуры можно отметить гибкость, быструю приспособляемость к меняющимся условиям, а также бескомпромиссный патриотизм. «Ну и что, что мы мало получаем и не ездим отдыхать в другие страны, зато Китай развивается», – на полном серьезе говорит китаец, он не шутит.

Особенности национальных культур накладывают отпечаток на все стороны существования общества, в том числе являются базовыми характеристиками, основой для формирования национальной бизнес-культуры. Очевидно, что национальные особенности управления организацией важны для менеджера в связи со следующими мотивами:

- в настоящее время многие организации активно взаимодействуют с зарубежными фирмами и компаниями, и в процессе взаимодействия могут возникать проблемы, связанные с тем, что его участники действуют в соответствии с традициями, принятыми в их культуре;

- опыт зарубежных компаний может быть полезным в других культурах, особенно это важно в связи с формированием мировой экономики и усложнением связей между экономиками отдельных стран;

- при трудоустройстве за границей менеджеру (как и любому другому работнику) потребуются хотя бы некоторые знания о том, как принято управлять деятельностью людей в данной стране; эта же позиция распространяется на взаимодействие организаций разных стран.

Индивидуалистическая по своей основе западноевропейская культура в процессе длительной эволюции познала периоды расцвета и упадка национальных ценностей и их влияния, как в своем

регионе, так и в мире в целом. Практически все сравнительно большие народы Западной Европы знают периоды доминирования в какой-либо период истории. Стремление временных центров распространить свое влияние, как правило, наталкивалось на совместное противостояние такой культурной экспансии менее сильных государств. Тем не менее, путем проб и ошибок Западная Европа нашла компромисс между индивидуализмом и коллективизмом, что сегодня весьма наглядно проявляется в создании Объединенной Европы. Бизнес-культура современной России, по всей видимости, тоже должна отражать специфику мультикультурального общества, логично соединив не только отличительные черты русской нации, но и других культур.

*Н. А. Тимошкина**

Система мотивации и стимулирования как одна из стратегий управления персоналом в организации

Система управления персоналом обеспечивает в современном мире непрерывное совершенствование методов работы с кадрами, позволяет использовать достижения науки и производственный опыт. Кадровая политика, подбор персонала и его мотивация создают условия для принятия решений, удовлетворяющих как руководство предприятия, так и его работников.

Менеджер по работе с персоналом должен проводить определенную работу по мотивированию и стимулированию работников, использовать потенциальные возможности людей. Под мотивированием понимается создание внутренних психологических побуждений к деятельности. Мотивация труда является психологическим источником, определяющим уровень профессиональных достижений и уровень совершенствования личности.

Система мотивации и стимулирования работников является одной из основных стратегий управления персоналом в организации. Такое положение мотивационной политики связано с тем, что самые эффективные технологии и разработки в области развития и продвижения организации могут быть малозначительными, если сотрудники не будут стремиться к достижению организационных целей. Создавая систему мотивации и стимулирования, необходимо помнить, что она существует для возникновения у работника желания и готовности работать эффективно именно в этой организации.

Мотивация труда – сложный социальный процесс, который имеет две стороны: внешнюю (стимулирование) и внутреннюю (мотивы работника). Структура и сила мотивации зависят от структуры, сочетания потребностей и ценностей социальной группы индивида. Мотивация основывается на вознаграждениях, удовлетворяющих потребности человека.

На внутреннюю мотивацию труда положительно влияет экономическая и общая культура работников, их духовный и нравст-

венный уровень. Внутреннюю мотивацию дает сама работа, прежде всего ее содержание (например, чувство достижения результата, содержательности, значимости выполняемой работы, самоуважения). Для обеспечения внутренней мотивации необходимо создавать соответствующие условия работы и точную постановку задачи.

Внешнее вознаграждение дается организацией (зарплата, продвижение по службе, символы служебного статуса и престижа, дополнительные выплаты). При описании системы внешнего вознаграждения часто используют понятие компенсационного пакета, который документально представляет собой ряд положений об оплате труда и премировании (материальном стимулировании), а также перечень льгот для сотрудников компании, разрабатываемый организацией самостоятельно на основе ее социально-экономического положения [См.: 2].

Основное значение системы компенсаций, по мнению исследователей, заключается в том, чтобы стимулировать эффективное производственное поведение сотрудников, направив его на достижение стоящих перед ней стратегических задач, соединить материальные интересы работника со стратегическими целями организации. Это определяет и цели системы компенсации:

1. Привлечение персонала в организацию.
2. Стимулирование производительного поведения.
3. Контроль за издержками труда работников.
4. Административная эффективность и простота.
5. Соответствие требованиям законодательства и др.

Чтобы определить, как и в каких пропорциях нужно применять внутренние и внешние вознаграждения в целях мотивации, администрация должна установить, каковы потребности ее работников [См.: 1].

В современных экономических условиях возрастает роль руководства в процессе мотивации труда. Преобладающие методы руководства во многом определяют уровень мотивации работников на выполнение той или иной задачи. Так, консультативный стиль руководства формирует у подчиненных чувство сопричастности, возможности саморазвития и самореализации, что повышает трудовую мотивацию работников.

Вместе с тем, уже имеющийся уровень мотивации подчиненных должен служить для руководителей определенным индикатором, позволяющим выбирать те или иные методы руководства. Поэтому для руководителей очень важно знать уровень и особенности мотивации работников российских предприятий и организаций в целом и своих подчиненных в частности. Активная роль руководителя в этом процессе способна переломить ситуацию, повысить мотивацию подчиненных [См.: 3].

* *Надежда Александровна Тимошкина* – канд. пед. наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом Российского государственного технологического ун-та им. К. Э. Циолковского (г. Москва).

Развитие современного общества и повышение уровня благосостояния населения часто приводит к тому, что на первое место в решении задачи мотивирования персонала выходят нематериальные стимулы. Для осуществления нематериального стимулирования руководители и менеджеры по работе с персоналом должны хорошо разбираться в мотивации каждого сотрудника, поскольку эффективность использования нематериальных стимулов напрямую зависит от степени индивидуализации подхода.

Для реализации и удовлетворения потребностей сотрудников организации руководство может использовать определенные действия. Так, удовлетворению социальных потребностей работников будут способствовать: предоставление работы, позволяющей членам коллектива общаться друг с другом; создание на рабочих местах духа единой команды, а также условий для социальной активности членов организации вне ее рамок. Удовлетворению потребности в уважении во многом способствуют содержательная работа, высокая оценка и поощрение достигнутых подчиненными результатов, продвижение подчиненных по служебной лестнице. Одним из наиболее распространенных методов улучшения мотивации и достижения результативности является участие (партисипативность), вовлечение работников в управление организацией. Для человека важным моментом является удовлетворение его потребности в самовыражении. Этому будут способствовать обеспечение возможности для обучения и развития, поощрение и развитие у подчиненных творческих способностей.

Таким образом, современному руководителю необходимо осознать себя специалистом по формированию мотивации, предоставить человеку возможность извлекать из своей работы максимум положительных эмоций. А чтобы создавать высокую мотивацию, нужно создать условия для реализации потребностей работников.

Мотивы трудовой деятельности крайне разнообразны: от прагматических (необходимость в материальном самообеспечении) до получения удовольствия от своего занятия. В. А. Ядов среди основных мотивов трудовой деятельности выделял: престиж профессии; содержание труда; возможность продвижения по службе и повышения квалификации; установку благоприятных взаимоотношений с руководством и коллегами по работе; степень гарантированности работы и др. [См.: 4]. Сила мотива зависит от степени напряженности и актуальности потребности, и поэтому данный перечень представляет собой не иерархию мотивов трудовой деятельности, а комплекс мотивации к труду.

На основании вышеизложенного можно сказать, что профессиональная мотивация является действенным стимулом для эффективной работы персонала. Каждому человеку свойственна оп-

ределенная мотивационная структура, которая в конкретной ситуации приводит к вполне определенным действиям. Таким образом, мотивация ориентирована на процесс и имеет отношение к выбору поведения, направлению усилий, целям и вознаграждению, на которое рассчитывают в результате выполнения работы. Эффективный руководитель должен выявить мотивы сотрудников, изучить мотивационную структуру человеческого поведения. Понимание и применение на практике системы мотивации работников приведет не только к общему повышению эффективности организации, но и к удовлетворенности самих сотрудников работой, улучшению психологического климата, а в конечном итоге – к повышению производительности труда.

Литература

1. Психология менеджмента / Под ред. Г. С. Никифорова. – 3-е изд. – Харьков, 2007.
2. Суходольский Г. В. Основы психологической теории деятельности. – СПб., 1998.
3. Шекина С. В. Управление персоналом современной организации. – М., 1997.
4. Ядов В. А., Здравомыслов А. Г. Человек и его работа. – М., 1967.

Социальное управление организаций как механизм снижения рисков

Рассматривая управление персоналом как особый вид управленческой деятельности, можно отметить ряд проблем, требующих более глубокого изучения. Оной из таких проблем является принятие управленческих решений в условиях неопределенности и риска. Любая управленческая деятельность связана с неопределенностью ситуации, и современные технологии управления должны учитывать влияние рисков на деятельность организации; первостепенной задачей руководителя является анализ риска, включающий исследование всех сторон деятельности организации; определение факторов, влияющих на планируемый результат. Выполнив анализ рисков, необходимо помнить, что значительная доля рисков детерминирована деятельностью персонала.

Человек является основным элементом организации как социальной системы и оказывает огромное влияние на ее функционирование. Недооценка роли человеческого капитала и игнорирование современных теоретических разработок ведет к недоиспользованию имеющихся возможностей организации и управления, а следовательно, к возникновению рисков. Так, например, коллектив, заинтересованный в развитии организации, вкладывает все свои знания, физические и духовные силы в ее развитие. Но работник готов изучать и применять новые приемы труда, технологии, если он убежден, что его дополнительные затраты энергии будут не только компенсированы, но и восполнены сторицей, только в этом случае организация будет развиваться [См.: 1]. Таким образом, влияние отдельного элемента (в данном случае как отдельного человека, так и коллектива в целом) на систему может быть как отрицательным, так и положительным.

В условиях мультикультурального общества все большее значение приобретает анализ социальной структуры организации и ее влияния на возникновение рисков. Социальная структура организации включает профессиональные, квалификационные, демографические и этнические группы. Этнические группы в структуре

* *Ольга Николаевна Чечеткина* – канд. социол. наук, ст. преподаватель кафедры социологии и социальных технологий Московского государственного ун-та пищевых производств (г. Москва).

организации представляют собой результат взаимодействия организации и региона и являются носителями более общей этнической субкультуры, объективные характеристики которой составляют язык, традиции, обычаи и т.п., производными от которых являются ролевые отношения, ценности, стереотипы поведения и восприятия своей и других наций [См.: 2]. Следовательно, этнические группы в социальной структуре организации могут выступать как субъектом, так и объектом риска.

Здесь необходимо отметить, что отношение к риску очень индивидуально и расплывчато и включает не только рациональное видение ситуации, но и иррациональные компоненты, формирующиеся на подсознательном уровне. Поэтому каждый субъект рассматривает одну и ту же ситуацию под своим специфическим углом зрения, в результате чего она, например, может ассоциироваться с риском, хотя слабо связана или вовсе не связана с ним с точки зрения других людей. Так, национальная культура, традиции и психология оказывают достаточно сильное воздействие на готовность к риску [См.: 3]. В частности, проводились исследования зависимости восприятия риска от социокультурных, социально-демографических, психологических и ситуативных факторов [См.: 4], а также связь восприятия риска с культурными нормами, стереотипами, мировоззренческими установками [См.: 5]. В результате исследований был сделан вывод, что риск социально конструируем.

В этой связи одним из направлений снижения риска выступает совершенствование управления персоналом и его социальная направленность. Социальное управление предполагает повышение конкурентоспособности за счет кадрового потенциала организации: развития количественной и качественной структуры персонала, формирования оптимальной системы мотивации и создания благоприятной социально-психологической атмосферы.

Важным этапом в социальном управлении является стратегическое планирование персонала, включающее развитие личного потенциала работника. *Развитие личного потенциала работника* состоит из трудовой адаптации и обучения, переподготовки и повышения квалификации. Довольно часто руководители не придают должного значения процессу адаптации новых сотрудников, а между тем это сложный процесс, протекающий в несколько этапов. Заключительный этап трудовой адаптации (идентификация) приходится на конец второго года работы, характерным признаком этого этапа является то, что человек сливается с работой, отождествляя личные интересы и цели организации. Следовательно, наиболее эффективным будет труд сотрудников, трудовой стаж которых превышает два года. Обучение персонала важно как для сотрудников, так и для организации. Выбор программы обучения,

целевые установки и формы реализации программ подготовки могут существенно различаться в зависимости от их ориентации.

Социальное управление как механизм снижения риска содержит еще один элемент – улучшение качества трудовой жизни. Качество трудовой жизни вбирает в себя множество организационных факторов, среди которых особо можно выделить *условия труда*. Социальное управление как механизм снижения риска должно включать мероприятия, направленные на улучшение санитарно-гигиенических, психофизиологических и эстетических условий труда. Необходимо учитывать, что в процессе работы человек испытывает не только физическое и умственное напряжение от выполнения собственно трудового процесса, но и ощущает на себе влияние окружающей среды, оказывающей определенное воздействие на организм, психику, работоспособность, производительность труда. Улучшение условий труда позволит снизить риск профессиональных заболеваний, несчастных случаев и аварий.

Особое внимание в условиях мультикультурального общества необходимо уделять созданию благоприятного социально-психологического климата в организации и формированию организационной культуры. Формирование организационной культуры может осуществляться на трех уровнях: символическом, который включает дизайн помещений, форму одежды, кодекс поведения сотрудников и т. д., ценностном – формирование системы ценностей, пронизывающих все сферы деятельности организации, и глубинном – формирование философии организации. В процессе формирования организационной культуры необходимо обратить внимание на социокультурные нормы построения взаимоотношений между сотрудниками организации.

Правильно ориентированные и согласованные как с приоритетами организации, так и с интересами работников социально-управленческие воздействия позволят в значительной степени снизить риски, возникающие в процессе деятельности многонациональной организации. Подводя итог, отметим, что главной задачей социального управления как механизма снижения риска является обеспечение такого положения организации на рынке, чтобы она не только не оказалась в кризисной ситуации, но и смогла преодолеть временные трудности, в том числе и финансовые, посредством использования всех возможностей современного менеджмента, разработки и практической реализации специальной программы, имеющей стратегический характер.

Литература

1. *Живетин В. Б.* Человеческий риск. – Жуковский, 2001. – С. 289.
2. Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов. – М., 2005. – С. 374–378.
3. *Зубков В. И.* Социологическая теория риска. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – С. 97–98.
4. *Slovic P.* The Perception of Risk. – L.; Sterling, VA., 2000.
5. *Douglas M.* Risk and blame: Essays in cultural theory. – L.; N.Y., 1992.

Управление субъектом деятельности как механизм реализации кадровой политики

Гуманизация современных экономических процессов, направленная на максимальное увеличение внутренней свободы личности, опосредует специфику в сфере управления трудовыми ресурсами, проявляющуюся в том, что важнейшим ресурсом каждой компании становятся, прежде всего, люди и рыночная стоимость предприятия напрямую зависит от качественного состояния трудового персонала и совокупности приемов и методов воздействия на него. Данная совокупность составляет основу концепции управления субъектом деятельности, которая, по мнению профессора А. Я. Кибанова, представляет «систему теоретико-методологических взглядов на понимание и определение сущности, содержания, целей, задач, критериев, принципов и методов управления персоналом, а также организационно-практических подходов к формированию механизма ее реализации в конкретных условиях функционирования организаций. Она включает разработку методологии управления персоналом, формирование системы управления персоналом и разработку технологии управления персоналом».

Управление субъектом деятельности можно рассматривать как один из механизмов реализации кадровой политики субъекта управления, систему организационных, социально-экономических, психологических, нравственных и иных имеющих нормативно-правовую основу мероприятий, обеспечивающих рациональное использование способностей человека как в его собственных интересах, так и в интересах организации. Можно выделить основные закономерности системы управления субъектом деятельности: соответствие системы управления субъектом целям, особенностям, состоянию и тенденциям развития производственной системы; системное формирование управления субъектом (подразумевает необходимость учета возможных взаимосвязей внутри системы управления, между ее подсистемами и элементами, между систе-

* *Марина Федоровна Шведова* – канд. социол. наук, доцент кафедры маркетинга и регионоведения, декан ф-та управления Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права (г. Тюмень).

мой управления субъектом и системой управления организацией в целом, а также производственной системой и внешней средой); оптимальное сочетание централизации и децентрализации управления субъектом (означает определение степени централизации функций управления субъектом в сочетании с децентрализацией части функций; уровень централизации меняется с развитием производства и изменением его форм, при этом важно установить, на каком уровне иерархии принимается решение: чем выше уровень, на котором принимается решение, и ниже ступень, для которой оно предназначено, тем выше уровень централизации управления); пропорциональное сочетание совокупности подсистем и элементов системы управления субъектом (подразумевает, что совершенствование одной подсистемы или элемента системы управления может привести к диспропорциям в целостной системе управления, поэтому необходимо пропорционально совершенствовать все подсистемы и элементы данной системы); пропорциональность производства и управления (в контексте управления субъектом деятельности означает оптимальность соотношения численности работников системы управления и производственной системы); идентичность системы управления по отношению к производственной системе; изменение состава и содержания функций управления в связи с развитием организации; минимизация числа ступеней управления субъектом; единство действий закономерностей управления субъектом (закономерности непосредственно взаимодействуют, влияя друг на друга своими свойствами, образуя интегрированную, результирующую силу).

Помимо закономерностей при изучении системы управления субъектом деятельности важны принципы и функции данной системы. Принципы системы управления можно обозначить как правила, основные положения и нормы, которым должны следовать руководители и специалисты подразделений управления человеческими ресурсами при формировании системы управления субъектом деятельности. Исследователи в области управления (А. Г. Гладышев, В. Н. Иванов, В. И. Патрушев и др.) классифицируют эти принципы в два основных блока: 1) принципы, характеризующие требования к формированию собственно системы управления (обусловленность целями производства, первичность функций управления персоналом, экономичность, оперативность, оптимальность и др.); 2) принципы, определяющие направления развития системы управления (специализация, разделение труда в системе управления, адаптивность, преемственность, непрерывность трудового процесса и др.). Согласно принципам выделяют функции управления субъектом, которые представляют собой основные направления управленческой деятельности, ориентированные на удовлетворение

определенных потребностей предприятия. Профессор В. И. Герчиков структуру функций классифицирует по семи основным блокам: разработка политики управления персоналом; формирование кадрового резерва; организация труда; обучение и развитие персонала; мотивация и стимулирование труда; условия и охрана труда; удовлетворение социально-бытовых нужд работников; обеспечение взаимных коммуникаций между работниками и руководством; информационно-аналитическая работа по кадрам; методическое и организационное обеспечение работы с персоналом.

В целом, вопросы управления человеческими ресурсами носят интегративный характер и взаимосвязаны со стратегией организации и ее различными функциональными составляющими.

*И. Г. Шевелева**

Особенности трудовой мотивации персонала в условиях мультикультурального общества

Существующие сегодня в российском обществе тенденции мультикультуральности увеличивают число проблем в сфере управления персоналом и порожденных ими задач, работать над которыми приходится современным руководителям.

Многие из задач принципиально новы и не могут быть решены на основе прежнего опыта, что усложняет управленческую деятельность.

Анализ теории и практики управления показывает, что в современных условиях руководители в состоянии оказывать все большее влияние на человеческие ресурсы. Однако, несмотря на высокую степень разработанности вопросов мотивации труда в отечественных и зарубежных исследованиях управления, руководители часто используют такие приемы стимулирования, которые не приводят к повышению производительности и качества труда. Тем более что в сложившихся условиях, тенденций мультикультуральности, когда появляются работники из других стран и регионов, с присущими им иными, нежели у российских (или местных) граждан, системой ценностей, религиозными убеждениями, менталитетом и актуальными потребностями, перед руководителями ряда предприятий встает вопрос, как и каким образом управлять «смешанным» коллективом, какие методы стимулирования применять к «новым» сотрудникам и какие окажутся наиболее действенными?

В связи с этим для руководителей особенно значимым становится умение переосмысливать свой управленческий опыт, преодолевать собственные стереотипные представления о мотивации трудового поведения подчиненных, а также знание о тех внутренних механизмах личности, которые формируют у человека мотивацию к труду.

* *Ирина Геннадьевна Шевелева* – психолог Государственного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Екатеринбургский учебный центр ФПС», аспирант кафедры социологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

На наш взгляд, основные составляющие мотивации труда могут быть полезными каждому руководителю.

Впервые термин «мотивация» применил А. Шопенгауэр в статье «Четыре принципа достаточной причины», после чего он стал использоваться для объяснения причин поведения, в том числе и в процессе труда. На сегодняшний день одно из наиболее полных определений процесса мотивации труда предлагают О. С. Виханский и А. И. Наумов, которые определяют его как совокупность внутренних и внешних движущих сил, побуждающих человека к деятельности, задающих ее границы и формы, придающие этой деятельности определенную направленность. Таким образом, источником мотивации труда работников выступают как внутренние, так и внешние побудительные силы¹.

В основе мотивации труда лежит процесс удовлетворения потребностей работника. Отсюда следует рассматривать потребности как причины социального, так и трудового поведения человека, которые не только побуждают к действию, но и некоторым образом влияют на системы его ценностей, убеждений и мировоззрения.

Следует отметить, что потребности не являются стабильными на протяжении всей жизни, они развиваются в процессе жизнедеятельности человека, изменяются под влиянием различных факторов.

Многообразные внутренние и внешние побуждения актуализируют действие потребностей, которые побуждают «мотивы». Под понятием «мотив» понимается всякое побуждение человека к действию, возникающее вследствие актуализации его потребностей.

Потребности и мотивы профессиональной деятельности также формируются под воздействием внутренних и внешних факторов. Первые представляют собой систему ценностей человека, в которую входят его идеалы, влечения, склонности, мечты и другие компоненты, характеризующие его внутренний мир, вторые – влияние окружающей среды, близкого окружения, других социальных сообществ, ситуации в обществе в целом.

Необходимо заметить, что ценности отличаются малой динамикой, хотя под давлением жизненного опыта, успехов в профессиональной деятельности, изменений в семье, трудовом коллективе, месте жительства, обществе в целом и других факторов они могут изменяться.

Внешними побудительными факторами, влияющими на возникновение потребностей, являются стимулы. В их качестве могут выступать отдельные предметы, действия других людей, возмож-

ности, предоставляемые работнику по результатам его определенных действий. В общем смысле стимулы можно разделить на две большие группы: материальные и моральные. Кроме того, стимулы могут классифицироваться по направленности эмоционального воздействия на человека: позитивные и негативные, по объекту воздействия – индивидуальные и коллективные.

При этом во многом выбор конкретных стимулов зависит от особенностей организации, организационной культуры и климата и, конечно же, индивидуальных особенностей, например, потребностей, самих членов коллектива.

Стимулирование труда вполне можно рассматривать как способ управления поведением работников, однако здесь следует отметить, что реакция людей на те или иные стимулы бывает как осознанной, так и неосознанной. Более того, на отдельные стимулы человек может вообще не реагировать. Это зависит от многих факторов, например, от особенностей социализации, актуальных потребностей человека, конкретной ситуации в коллективе, на производстве и в обществе в целом. Данный факт определяет необходимость изучения индивидуальных особенностей людей, их отношения к различного рода стимулам, выявления рассогласованности между представлениями руководителя о применяемых стимулах и их реальной значимостью для подчиненных с иными культурными и ценностными личностными компонентами.

Таким образом, в обществе, где присутствуют признаки мультикультуральности, на наш взгляд, руководители предприятий, которым приходится управлять «разнокультурным» персоналом, должны, в первую очередь, применять гибкий, индивидуальный подход в мотивации труда подчиненных с учетом системы ценностей, актуальных потребностей, особенностей предшествующей социализации того или иного рабочего контингента, выявлять несоответствие собственных представлений о факторах, влияющих на трудовое поведение подчиненных в реальной ситуации, а также уделять внимание современным исследованиям мотивации труда, чем повышать свою компетентность в сфере управления персоналом.

¹ Виханский О. С., Наумов А. М. Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс. М.: Изд-во МГУ, 1995.

Competency Assessment: типичные ошибки

Вот уже несколько лет как оценка персонала остается популярной темой обсуждения и одной из наиболее востребованных услуг на консультационном рынке. В настоящее время существует огромное количество выступлений, публикаций, проводятся семинары, на которых практикующие HR-специалисты, руководители, эксперты консультационного бизнеса стараются поделиться своими представлениями, мнениями на тему оценки персонала.

При проведении оценочных процедур многими компаниями совершаются типичные ошибки. Компании тратят большое количество времени, вовлекая высших и линейных руководителей, собирая «аттестационные комиссии», сотрудниками заполняется множество оценочных форм, выделяются серьезные бюджеты на создание оценочных отделов оценки персонала, создание процедур оценки. И все это ради долгожданного результата – точной и надежной информации, на основании которой будут приняты серьезные управленческие решения. И так, с одной стороны, компании намерены делать важные выводы по итогам оценки персонала, с другой, очень часто реальные последствия проведенных оценочных процедур и принятых на их основании решений не только не приводят к долгожданному результату, но сильно осложняют жизнь компаний в дальнейшем, либо и вовсе не дают ожидаемой информации.

Наиболее распространенные ошибки, которые компании допускают, занимаясь оценкой персонала, можно условно разделить на несколько групп.

1. Ошибки терминологические. Одна из основных причин их возникновения – трудности перевода. В HR-терминологии есть несколько терминов: Assessment, Appraisal и Evaluation, которые означают процедуры, совершенно различные как по сути, так и по содержанию. Но на русский язык все это переводится одним единственным термином «оценка». В мировой практике сложилось так, что термин Assessment используется для обозначения процедуры, связанной с оценкой собственно сотрудника, его характеристик,

* *Екатерина Владимировна Щанина* – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом Пензенского государственного ун-та (г. Пенза).

знаний, навыков, умений, способностей, то есть того, что собирательно называют термином «компетенции». Таким образом, более корректным представляется использовать в качестве термина не одно слово, а словосочетание Competencies Assessment, то есть «оценка компетенций». Термин Appraisal используется для обозначения процедуры, предполагающей оценку результатов деятельности сотрудника, которая является одной из составных частей процедуры Performance Management, то есть управления эффективностью деятельности. Performance Appraisal (оценка эффективности деятельности) представляет собой подведение итогов работы сотрудника за определенный период времени, не затрагивая, в силу различных причин, его личные характеристики. Меньше проблем возникает с пониманием процедуры Job Evaluation, то есть «оценка должности», предназначенной для определения относительной ценности конкретной должности для компании, с последующим определением ее рыночной стоимости. Прежде всего, следует понимать, что Assessment, Appraisal и Evaluation – это разные типы оценки. А Competencies Assessment, Performance Appraisal и Job Evaluation – это разные оценочные процедуры, преследующие разные цели, которые достигаются совершенно отличными друг от друга методами. Далее остановимся подробно на рассмотрении процедуры «оценки компетенций» (Competency Assessment).

2. Ошибки смысловые. Выбор подхода и инструментария оценки компетенций зависит, прежде всего, от целей, которые должны быть с помощью этой оценки достигнуты. Поскольку речь идет об оценке компетенций, то есть таких характеристик, как знания, навыки, способности, интересы и т. п., то целью использования полученных результатов может являться решение двух достаточно разноплановых задач.

Во-первых, понимание того, какими компетенциями обладает сотрудник, может быть использовано для назначения его на соответствующую должность, когда говорится о ситуации внешнего отбора (берем сотрудника извне на должность в компании) или внутреннего отбора (принимаем решение о назначении действующего сотрудника на другую, например вышестоящую, должность в компании). В конечном итоге речь идет об оценке потенциала для выполнения определенной работы.

Во-вторых, оценив уровень компетенций, необходимый для выполнения текущей деятельности сотрудника, следует определить, в каких знаниях и навыках он испытывает определенный дефицит. Такая оценка необходима, чтобы определить, чему необходимо научить сотрудника в первую очередь, чтобы он был в состоянии успешно справляться с поставленными перед ним задачами, то есть речь идет об оценке потребностей в обучении.

Вполне очевидно, что для оценки потенциала (предполагаем зачисление в кадровый резерв или работу на другой должности) необходимо использовать специальные инструменты, такие как тесты способностей, личностные опросники, разработанные для профессиональной сферы, интервью по компетенциям, упражнения на сновании рабочих ситуаций. Однако если используется тот же специальный инструмент для определения потребностей в обучении, это приводит к возникновению ряда очень серьезных проблем, таких как сопротивление сотрудников, страх и чувство неуверенности, снижение мотивации.

3. Ошибки инструментальные. Одной из основных является отсутствие модели компетенций соответствующей должности или группы должностей. Инструменты, с помощью которых проводится оценка, работают нормально. Используя даже специально предназначенные для подобной оценки методы, мы получим описание поведенческих проявлений человека. А вот дать ответ на вопрос: хорошо это или плохо для данной должности – увы, не можем, поскольку нет шкалы, критериев, с которыми можно было бы сопоставить результат. Вторая ошибка – несоответствие инструмента оценки тем компетенциям, которые необходимо оценить в рамках соответствующей должности. Третья ошибка данной группы заключается в некорректности самих инструментов, с помощью которых проводится оценка. Следует отметить некорректность использования многих популярных психометрических инструментов, таких как опросники, взятые непосредственно из западных источников. Такой инструмент, как опросник, должен быть приспособлен под специфику страны, языка и культуры. Просто перевода недостаточно.

С использованием опросников и аналогичных инструментов связана также следующая группа ошибок. При проведении подобных опросников в качестве результата мы получаем информацию об индивидуально-психологических особенностях человека, свойствах личности, но у нас нет информации о том, КАК сотрудник будет действовать при решении непосредственных профессиональных задач. И нельзя на основании только данной информации о свойствах личности сказать, как проявит сотрудник требуемые для должности компетенции.

4. Ошибки легитимности. Речь идет о ситуациях, когда для целей, связанных с профессиональной деятельностью в рамках обычной коммерческой компании, используются инструменты, непригодные для этого, поскольку они запрещены во многих странах для использования в целях отбора. Например, можно говорить о неправомерности использования проективных методик типа «несуществующее животное» или «пятна Роршаха». У этой проблемы

есть несколько аспектов. Первый. Безусловно, грамотный психолог может получить ответы на многие вопросы, связанные с текущим состоянием психики человека (заметим, не с уровнем развития компетенций). Тем не менее, когда речь идет о выборе кандидата на вакантную должность, вполне очевидно, что такой подход к оценке легко может быть подвергнут сомнению не только со стороны самого кандидата (отказано в приеме на работу на основании результатов клинического опросника), но и со стороны судебных инстанций. Вторая проблема, связанная с легитимностью инструментов, используемых для оценки компетенций, связана с повальным нарушением авторских и смежных прав компаниями, которые используют соответствующие методики.

5. Ошибки технологические. Если компании удалось избежать всех перечисленных выше ошибок (а именно компания в первую очередь несет ответственность за их допущение), то есть компания понимает, что она оценивает, зачем она это делает, как это делать корректно, и позаботилась о юридической стороне вопроса, все же остается еще целый класс ошибок. Эти ошибки связаны с претворением процедуры оценки компетенций в жизнь, в том числе с проведением Центра Оценки (Assessment Center). Ответственность за эти ошибки компания разделяет с теми, кто осуществляет данную процедуру, поскольку компания может помочь овладеть соответствующими навыками, но их техническое исполнение остается в руках вполне определенных людей.

Если рассматривать эти ошибки в логической последовательности, то первыми имеет смысл упомянуть ошибки, допускаемые в процесс администрирования оценочных процедур. Ошибки, связанные с реализацией самой процедуры (отсутствие достаточного количества подготовленных наблюдателей). Другая группа ошибок – ошибки наблюдения (быстрый переход к выводам, суждение по внешнему впечатлению, следование различным стереотипам и другое). Существуют ошибки обработки данных (смешивание поведенческих индикаторов и компетенций в целом, самостоятельная оценка без обсуждения с другими наблюдателями и другие). И еще одна группа ошибок связана с подведением итогов – выставлением оценок как таковых (эффект фона или «отличника», эффект усреднения оценок или избегания краев, эффект сравнения с собой, эффект строгости или доброты и другие).

Снизить влияние этих ошибок на эффективность процедуры оценки компетенций можно, только постоянно совершенствуя у наблюдателей различные навыки, необходимые для этого. Преодолеть технологическую группу ошибок поможет специализированное обучение на тему организации и проведения Центров Оценки и других оценочных процедур. А это требует и больших временных

издержек, и достаточно солидных финансовых затрат. Эти затраты будут оправданы, только если компания собирается использовать оценку компетенций сотрудников в качестве регулярной процедуры. Если же оценка компетенций носит разовый характер, компании будет дешевле пригласить внешних консультантов.

Отметим условия правильно организованной процедуры оценки персонала, с помощью которой компания сможет принять корректные управленческие решения:

- ясность целей, которых собирается достичь компания оценкой персонала;

- соответствие выбранной процедуры оценки целям компании;

- проведение оценки компетенций сотрудников при наличии в компании модели компетенций для соответствующих должностей;

- наличие у компании инструментов и методов, предназначенных специально для проведения оценки компетенций;

- оценка выбранными инструментами именно тех компетенций, которые необходимы, а не каких-либо других качеств;

- четкое юридическое сопровождение процедуры оценки персонала;

- наличие квалифицированных специалистов, внешних или внутренних, обученных использованию соответствующих инструментов оценки (например, проведению Центров Оценки).

С. А. Юшкова*

Категория «социальное управление». Управление персоналом в условиях мультикультурного общества

Феномен управления известен еще с античных времен и изучался многими общественными науками (философией, правоведением, социологией, политологией и др.). В настоящее время можно выделить несколько подходов к содержанию категории «управление».

Американские исследователи М. Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури так определяют управление: «Управление – это процесс планирования, организации, мотивации и контроля необходимый для того, чтобы сформулировать и достичь цели организации»¹.

Питер Ф. Друкер, которого в мире многие считают ведущим теоретиком в области управления и организации, предлагает другое определение: «Управление – это особый вид деятельности, превращающий неорганизованную толпу в эффективную целенаправленную и производительную группу. Управление как таковое является и стимулирующим элементом социальных изменений, и примером значительных социальных перемен»².

Автор «организационной модели» управления предприятиями и учреждениями Добрынин В.В. считает, что управление есть «деятельность, направленная на комбинацию определенных сил для проявления ими желательного действия»³.

Управление, по мнению русского экономиста 20–30-х гг. XX века Н. А. Витке, «состоит в целесообразном сочетании людских волей (отнюдь не интеллектов) и через их посредство различных орудий для достижения определенных, свойственных данной организации целей»⁴.

* **Светлана Александровна Юшкова** – доцент кафедры социологии и социальных технологий Московского государственного ун-та пищевых производств, Dr. Habilitatus (г. Москва).

¹ Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 1992. С. 38.

² Там же. С. 39.

³ Добрынин В. В. Основы научного управления предприятиями и учреждениями. Л.: Сеятель, 1926. С. 55.

⁴ Советская управленческая мысль 20-х годов: Краткий именной справочник. М.: Экономика, 1990. С. 46–47.

Выделим еще один подход к категории «управление»⁵, авторы которого связывают управление с тремя составляющими окружающего нас мира: неживая природа, живая природа и человеческое общество.

В каждой из этих составляющих протекают процессы развития, осуществляемые под воздействием определенных факторов и условий. Некоторые из этих факторов можно рассматривать как управление в неживой природе, или технических системах, управление в живой природе, или биологических системах, управление в человеческом обществе, или социальных системах. Управление техническими системами (производственно-техническими процессами, механизмами, системами машин) изучается в основном техническими науками; биологическими – объект изучения естественных наук; социальными (воздействие на социальные процессы, коллективы, классы – социальное управление) – общественных (социальных) наук.

Наиболее общие законы и принципы управления рассматривает наука кибернетика. В соответствии с делением окружающего нас мира на неживую природу, живую природу и человеческое общество кибернетика разделяется на техническую, биологическую и социальную⁶.

Понятие «социальное управление» рассматривается в узком и широком значении слова⁷.

В узком значении социальное управление определяется как процесс воздействия на социальные процессы для достижения поставленных целей. В широком смысле слова «социальное управление» рассматривается как сфера деятельности людей.

Если в области техники и технологии управление дает ощутимые результаты по параметрам, приближающимся к определенным заранее результатам, то управление в обществе, его элементами, управление социальными процессами приносит весьма приблизительные результаты. Особенности любой живой системы заключаются в вероятностном характере достижения цели, что всегда связано с риском. Если же социальная система находится в пограничной ситуации, или в состоянии кризиса, то она становится очень чувствительной ко всем воздействиям, в том числе и случайным. Можно сказать, что это положение является закономер-

⁵ См.: Основы социального управления / Под ред. В. Н. Иванова. М.: Высшая школа, 2001.

⁶ См.: История политических и правовых учений: Учебник для вузов. 2-е изд. М., 1988. С. 232–233.

⁷ См.: Радченко А. И. Основы государственного и муниципального управления: системный подход. М., 1997. С. 17 и др.

ностью, которая проявляется во всех разновидностях систем, включая социальные системы, где она проявляется особенно ярко.

На наш взгляд, социальное управление – это взаимодействие индивидов, социальных групп и институтов, социальных слоев, в результате которого энергоинформационный импульс управляющей системы усваивается сознанием представителей управляемой системы, преобразуется в образцы поведения, становится социальным действием, направленным на реализацию той ценности, которая выступает в качестве содержания энергоинформационного импульса управляющей системы.

Социальное управление в условиях мультикультурного общества имеет ряд общих проблем, для выявления которых проанализируем представленное определение. Во-первых, социальное взаимодействие – это взаимное влияние людей на поведение друг друга. Взаимодействие осуществляется через обмен информацией. Основная цель коммуникационного процесса – обеспечение понимания информации, являющейся предметом обмена, то есть сообщений. Если же взаимодействие осуществляется в условиях мультикультурного общества, то необходимо, чтобы все участники как минимум говорили на одном языке, а как максимум понимали и разделяли цели и ценности, а также предлагаемые способы их достижения.

Во-вторых, как известно, социальные ценности тесно связаны с социальными действиями индивида или группы, которые направлены на их достижение и формируются обществом. Отношение к ценностям формирует систему ориентации человека в социальной реальности и личной жизни, человек же усваивает эти ценности в процессе социализации. Проблема заключается в том, что в условиях мультикультурного общества процесс социализации происходит в различных условиях и культурах. Следовательно, социальные ценности персонала могут существенно различаться, как, впрочем, могут отличаться и их представления о способах достижения ценностей. И данные различия, на наш взгляд, необходимо учитывать при разработке и использовании методов управления персоналом.

Раздел восьмой

Информационные технологии – инструмент межкультурных коммуникаций

Экспертные системы (ЭС) и представление знаний

При представлении знаний определяют состав знаний (что?) и способ представления (как?). В свою очередь способ представления требует структуризации знаний и выбора алгоритма представления.

В круг проблем представления знаний включают:

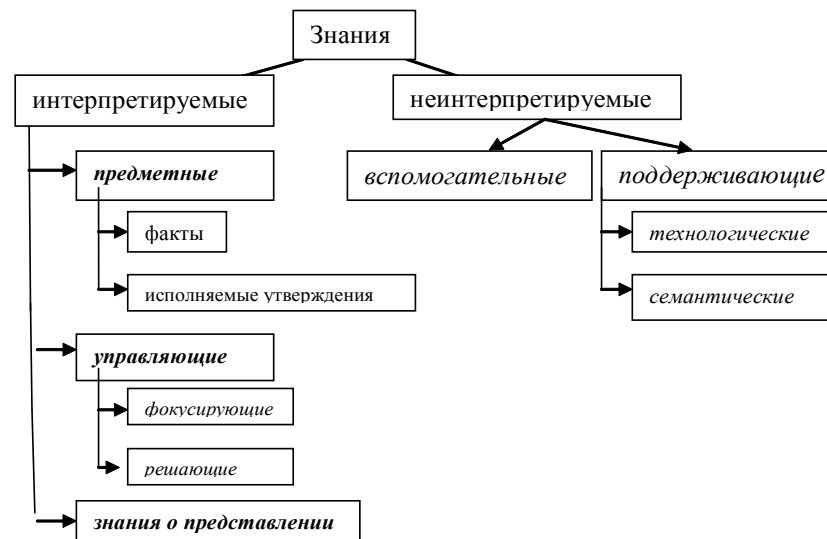
- определение состава представляемых знаний;
- организацию знаний;
- определение модели представления знаний.

Состав знаний ЭС определяется проблемной средой, архитектурой экспертной системы, потребностями и целями пользователей, языком общения.

Для функционирования экспертной системы требуются следующие знания:

- о процессе решения задачи – управляющие знания;
- о языке общения и способах организации диалога;
- о способах представления и модификации знаний;
- структурные и управляющие знания;
- о методах взаимодействия с внешним окружением;
- о модели внешнего мира.

Состав знаний. С учетом архитектуры экспертной системы знания целесообразно делить на *интерпретируемые* и *неинтерпретируемые* (рис. 1).

Интерпретируемые знания способен интерпретировать решатель (интерпретатор). *Предметные* знания содержат данные о предметной области и способах преобразования этих данных при решении поставленных задач. Отметим, что по отношению к предметным знаниям знания о представлении и знания об управлении являются *метазнаниями*. В предметных знаниях можно выделить описатели и собственно предметные знания. Описатели содержат определенную информацию о предметных знаниях, такую как коэффициент определенности правил и данных, меры важности и сложности. *Факты* определяют возможные значения сущностей и характеристик предметной области. *Исполняемые утверждения* содержат информацию о том, как можно изменять описание предметной области в ходе решения задач, и задают процедуры обработки.

Управляющие знания можно разделить на *фокусирующие* и *решающие*. Фокусирующие знания описывают, какие знания следует использовать в той или иной ситуации. Обычно фокусирующие знания содержат сведения о наиболее перспективных объектах или правилах, которые целесообразно использовать при проверке соответствующих гипотез. В первом случае внимание фокусируется на элементах рабочей памяти, во втором – на правилах базы знаний. Решающие знания содержат информацию, используемую для выбора способа интерпретации знаний, подходящего к текущей ситуации. Эти знания применяются для выбора стратегий или эвристик, наиболее эффективных для решения данной задачи.

* Александр Васильевич Агеносов – канд. техн. наук, декан ф-та компьютерных технологий Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Знания о представлении содержат информацию о том, каким образом в системе представлены интерпретируемые знания.

При работе с *неинтерпретируемыми знаниями* решатель не знает их структуры и содержания. Если эти знания используются каким-либо компонентом системы, то он не «осознает» этих знаний. *Вспомогательные* знания хранят информацию о лексике и грамматике языка общения, информацию о структуре диалога. Эти знания обрабатываются естественно-языковой компонентой, но ход этой обработки решатель не осознает, так как этот этап обработки входных сообщений является вспомогательным для проведения экспертизы. *Поддерживающие* знания используются при создании системы и при формулировании объяснений. Поддерживающие знания исполняют роль описаний (обоснований) как интерпретируемых знаний, так и действий системы. *Технологические* знания содержат сведения о времени создания описываемых ими знаний, об авторе знаний и т. п. *Семантические* знания содержат смысловое описание этих знаний. Они содержат информацию о причинах ввода знаний, о назначении знаний, описывают способ использования знаний и получаемый эффект. Все поддерживающие знания имеют описательный характер.

Качественные и количественные показатели экспертной системы могут быть значительно улучшены за счет использования *метазнаний*, то есть знаний о знаниях. Метазнания не представляют собой некоторую единую сущность, они могут применяться для достижения различных целей, например для выбора релевантных правил, для обоснования целесообразности применения правил из области экспертизы, для обнаружения синтаксических и семантических ошибок в предметных правилах, и т. д.

Организация знаний структурируется

- по уровням представления и по уровням детальности;
- в рабочей памяти;
- в базе знаний.

Уровни представления и уровни детальности. Для того чтобы экспертная система могла управлять процессом поиска, она должна обладать знаниями о том, как представлены ее знания о проблемной среде. Это знания *нулевого* уровня представления. Первый уровень представления содержит метазнания, то есть знания о том, как представлены во внутреннем мире системы знания нулевого уровня. *Первый* уровень содержит знания о том, какие средства используются для представления знаний нулевого уровня. Знания первого уровня играют существенную роль при управлении процессом решения, при приобретении и объяснении действий системы. В связи с тем, что знания первого уровня не содержат ссылок на знания нулевого уровня, знания первого уровня независимы от проблемной среды.

Число уровней представления может быть больше двух. *Второй* уровень представления содержит сведения о знаниях первого уровня, то есть знания о представлении базовых понятий первого уровня. Разделение знаний по уровням представления обеспечивает расширение области применимости системы и позволяет рассматривать знания с различной степенью подробности.

Как правило, выделяется не менее трех уровней детальности, отражающих соответственно общую, логическую и физическую организацию знаний. Это обеспечивает дополнительную степень гибкости системы, так как позволяет производить изменения на одном уровне, не затрагивая других. Изменения на одном уровне детальности могут приводить к дополнительным изменениям на этом же уровне, что оказывается необходимым для обеспечения согласованности структур данных и программ. Однако наличие различных уровней препятствует распространению изменений с одного уровня на другие.

Организация знаний в рабочей системе. Рабочая память экспертных систем предназначена для хранения данных, которые могут быть однородны или разделены на уровни по типам данных. На каждом уровне рабочей памяти хранятся данные соответствующего типа. Выделение уровней усложняет структуру, но делает систему более эффективной. Например, можно выделить уровень планов, уровень агенды (упорядоченного списка правил, готовых к выполнению) и уровень данных предметной области (уровень решений).

Данные в рабочей памяти рассматриваются как изолированные или как связанные. В первом случае рабочая память состоит из множества простых элементов, а во втором – из одного или нескольких сложных элементов. Сложный элемент соответствует множеству простых, объединенных в единую сущность. Теоретически оба подхода обеспечивают полноту, но использование изолированных элементов в сложных предметных областях приводит к потере эффективности. Данные в рабочей памяти в простейшем случае являются *константами* и (или) *переменными*. При этом переменные могут трактоваться как характеристики некоторого объекта, а константы – как значения соответствующих характеристик. Если же рабочая память состоит из сложных элементов, то связь между отдельными объектами указывается явно, например заданием семантических отношений. При этом каждый объект может иметь свою внутреннюю структуру.

Организация знаний в базе данных. Показателем интеллектуальности системы считается способность системы использовать в нужный момент необходимые (*релевантные*) знания. В проблеме доступа к знаниям можно выделить *связность знаний и данных, механизм доступа к знаниям и способ сопоставления.*

Связность (агрегация) знаний является основным способом, обеспечивающим ускорение поиска релевантных знаний. Знания организуют вокруг наиболее важных объектов (сущностей) предметной области. Если системе потребовалась информация о некоторой сущности, то она ищет объект, описывающий эту сущность, а затем уже внутри объекта отыскивает информацию о данной сущности. В объектах выделяют два типа связей между элементами: *внешние* и *внутренние*. Внутренние связи объединяют элементы в единый объект и предназначены для выражения структуры объекта. Внешние связи отражают взаимозависимости, существующие между объектами в области экспертизы. Многие исследователи подразделяют внешние связи на *логические* (семантические отношения) и *ассоциативные*, предназначенные для обеспечения взаимосвязей в процессе поиска релевантных знаний.

Основной проблемой при работе с большой базой знаний является поиск знаний, релевантных решаемой задаче. На первом этапе, соответствующем процессу выбора по ассоциативным связкам, совершается предварительный выбор в базе знаний потенциальных кандидатов на роль желаемых объектов. На втором этапе путем выполнения операции сопоставления потенциальных кандидатов с описаниями кандидатов осуществляется окончательный выбор искомым объектов.

Операция сопоставления может быть использована для классификации, подтверждения, декомпозиции и коррекции. Для идентификации неизвестного объекта он может быть сопоставлен с некоторыми известными образцами. Это позволит классифицировать неизвестный объект как такой известный образец, при сопоставлении с которым были получены лучшие результаты. При поиске сопоставление используется для подтверждения некоторых кандидатов из множества возможных. Если осуществлять сопоставление некоторого известного объекта с неизвестным описанием, то в случае успешного сопоставления будет осуществлена частичная декомпозиция описания.

Операции сопоставления весьма разнообразны. Обычно выделяют следующие их формы: *синтаксическое*, *параметрическое*, *семантическое* и *принуждаемое сопоставления*. В случае *синтаксического сопоставления* соотносят формы (образцы), а не содержание объектов. Успешным является сопоставление, в результате которого образцы оказываются идентичными. Обычно считается, что переменная одного образца может быть идентична любой константе (или выражению) другого образца. Иногда на переменные, входящие в образец, накладывают требования, определяющие тип констант, с которыми они могут сопоставляться. Результат синтаксического сопоставления является бинарным: об-

разцы сопоставляются или не сопоставляются. При *параметрическом сопоставлении* вводится параметр, определяющий степень сопоставления. В случае *семантического сопоставления* соотносятся не образцы объектов, а их функции. В случае *принуждаемого сопоставления* один сопоставляемый образец рассматривается с точки зрения другого. В отличие от других типов сопоставления здесь всегда может быть получен положительный результат. Все зависит от силы принуждения. Принуждение может выполнять специальные процедуры, связываемые с объектами. Если эти процедуры не в состоянии осуществить сопоставление, то система сообщает, что успех может быть достигнут только в том случае, если определенные части рассматриваемых сущностей можно считать сопоставимыми.

Модели представления знаний. Существуют два типа методов представления знаний: формальные модели и неформальные (семантические, реляционные) модели.

Отличительными особенностями *логических моделей* являются: жесткая структура, набор правильных и единственных решений, простота программирования. Но при этом система работает неэффективно по причине перебора правил.

Сетевые модели (семантическая сеть). Семантическая сеть – это ориентированный граф, вершины которого – понятия, а дуги – отношения между ними. Положительные стороны: образное мышление, возможно несколько решений, более подробно описана проблемная область. Но при этом она чаще всего слабо формализована, сильно зависит от эксперта, неудобна при хранении и программировании.

Фреймовые модели. *Фрейм* (англ. frame – каркас, или рамка) предложен как структура знаний для восприятия пространственных сцен. Структура модели представлена в виде наборов шаблонов – базовых фреймов, связанных между собой, описывающих классы объектов. Такая модель наиболее близко стыкуется с базами данных, удобна для программирования, ситуационно управляема, архив может храниться бессрочно. При этом она требует дополнительных согласований больших объемов памяти. Во фреймовых моделях фиксируется жесткая структура информационных единиц, которая называется *протофреймом*. Протофрейм состоит из *слотов*. Значение *слота* может предоставлять любую информацию (числа или математические соотношения, тексты на естественном языке или программы, правила вывода или ссылки на другие слоты данного фрейма или других фреймов). В качестве значения слота может выступать набор слотов более низкого уровня, что позволяет во фреймовых представлениях реализовать «принцип матрешки».

При конкретизации фрейма ему и слотам присваиваются конкретные имена и происходит заполнение слотов. Таким образом из протофреймов получаются *фреймы – экземпляры*. Переход от исходного протофрейма к фрейму – экземпляру может быть многошаговым, путем постепенного уточнения значений слотов. Модель фрейма вполне универсальна, поскольку позволяет отобразить все многообразие знаний о мире.

Основное преимущество фреймов как модели представления знаний заключается в способности отражать концептуальную основу организации памяти человека, а также гибкость и наглядность.

Е. В. Гарник*

Общественная организация: от заповедника искусства к информационной среде

Все предложенные размышления на тему «вспахивания» информационного поля вокруг театрального искусства основываются на опыте, полученном исключительно эмпирическим путем. В вопросе применения Интернет-технологий где бы то ни было, а особенно – в сфере культуры и искусства, на нашем материале пока трудно заниматься апологетикой: результаты слишком динамичны. Поэтому обратимся к *процессу* «вспахивания» информационного поля, а также промежуточным результатам и новым завоеваниям.

При этом необходимость особого внимания к максимально широкому распространению «культурной информации», а следовательно – обращению все к новым методам, по-настоящему актуально. Обозначим хотя бы тот очевидный факт, что именно искусство (и шире – культура) обеспечивает общность фоновых знаний участников любой коммуникации. Стремительность распространения информации через Интернет создает ощущение отсутствия не только пространственных границ, но и культурных. Но информационные потоки во всемирной сети (а большинство потоков сейчас проходит именно там) нуждаются в управлении – тогда они будут работать на позитивный результат.

Поскольку нас в первую очередь интересует региональный аспект проблемы, можно говорить о маркетинге территории – активно обсуждаемом явлении в свете курса на информационное общество. Пользуясь прежними активами «Урал – опорный край державы» и «Каменный пояс, связавший Европу и Азию», не привнося в них нового содержания, Свердловская область и весь Урал рискует стратегическими *маркетинговыми* позициями. В этой гуманитарной сфере проблем все больше, и на фоне не только экономического, но и гуманитарного кризиса маркетинг в Интернете оказывается на службе у глобальных задач.

* *Екатерина Владимировна Гарник* – магистр филол. наук, редактор Свердловского отделения Союза театральных деятелей России (г. Екатеринбург).

Организованная структура, осознающая себя таковой – неважно, будь то общественная организация, корпорация, власть – вынуждена либо становиться частью горизонтального информационного мира и, таким образом, играть по общим правилам, либо выстраивать собственную вертикаль, задавая «повестку дня» и генерируя вокруг себя собственное информационное поле. Тезис «Кто владеет информацией – владеет миром» преобразовался в духе 2.0: «Кто создает информацию – владеет миром». Информация, которую генерирует пользователь, значит даже больше, чем опубликованная на официальном носителе (типа газеты или журнала). Уместен пример с тем, как известный драматург пишет в своем живом журнале, что заложил квартиру для проведения международного фестиваля. В конце недели об этом пишет «Российская газета».

Одной из задач, поставленных перед Свердловским отделением СТД РФ на новом этапе, было преодоление информационной разобщенности, а также активность, привлекающая внимание к деятельности крупного отделения старейшего творческого союза.

Основная информационная активность и PR в сети Интернет Свердловского отделения имеет несколько направлений. Информация, поступающая по каждому из них, имеет собственного потребителя. Важно отметить, что результат достижим только при комплексном использовании всех возможностей, которые Интернет предоставляет.

Информационная среда, существующая вокруг театра, с большим опозданием осваивает те технологии, которые уже используются во многих других сферах. Смею предположить, что искусство в целом медленнее разрабатывает имеющиеся ресурсы: таково представление об отношении конечного получателя информации. Искусство, и театральное – в частности, порой кажется чем-то безусловным, тем, что должно а priori интересовать каждого человека. Но значительный сегмент людей просто не знает о том, что ему это интересно.

Если укрупнить и обобщить наработанный в последние годы опыт, мы обнаружим, что основными инструментами являются социальные сети, блоги и сайты и порталы. При этом сайт – это информационная база, а всевозможные сети – операторы ее распространения. В сфере культуры пользователи с удовольствиями становятся агентами, транслирующими информацию и способствующими ее распространению.

Активно используются возможности корпоративного Интернет-ресурса (сайт Союза театральных деятелей России – stdrf.ru). В феврале 2007 г. на популярном LiveJournal.com было запущено блог-сообщество (on-line дневник, в котором может участвовать

неограниченное число пользователей). Со второй половины 2007 года началась работа над созданием и организацией web-ресурса Отделения – Официального театрального портала Свердловской области www.domaktera.ru. За несколько месяцев мы поделили большую работу. Официально портал был презентован в День театра, 27 марта, и сейчас развивается в рабочем порядке.

Чуть подробнее о каждом ресурсе.

- Блог обладает важнейшим свойством: информацию производят сами пользователи. В нашем случае ЖЖ-сообщество «Театральная жизнь Екатеринбурга» задумывалось в 2007 году как прообраз новостной ленты. Пользователь, сознательно подписавшийся на ленту сообщества, ежедневно обнаруживающий новые и новые сообщения, автоматически составляет свое впечатление. В то же время контент блога уникален, благодаря авторской подаче, прелесть которой в ее непрофессионализме. Это повышает градус доверия к написанному слову. Преимущество театрального блога в том, что продвижение театра еще длительное время *не* будет восприниматься как чистый PR, но – скорее, как «клуб по интересам». Отсюда один важный акцент: это сообщество не равно корпоративному блогу в классическом представлении.

- Социальные сети отличаются фрагментарностью. Транслировать в них некую целостную идею весьма сложно. Чаще всего (предполагаются исключения) основной единицей информации здесь будет Событие. Обратим внимание, что владельцем информации в социальных сетях одномоментно становятся тысячи человек, значительный процент из которых готов транслировать эту информацию дальше. Так, неоднократно мы собирали полные залы в Доме актера без всяких затрат на полиграфию – только распространяя информацию через социальные сети. Сложно назвать это и рекламной кампанией! Социальные сети, максимально индивидуализируя каждого пользователя, предоставляют возможность вовлечения все новых людей в жизнь организации и театральный процесс на Урале.

- Отделение активно использует возможности корпоративного Интернет-ресурса (сайт Союза театральных деятелей России – stdrf.ru). На персональной странице Отделения была размещена информация о руководстве Отделения, в новостной ленте систематически размещается информация о деятельности Отделения и новости театральной жизни города. По нашим наблюдениям политика «ни дня без новости», которой придерживается Отделение в работе с этим ресурсом, активизирует и другие региональные отделения. Этот сайт, созданный на базе крупнейшего федерального театрального проекта theatre.ru при непосредственном участии Судии Лебедева, имеет нерушимый авторитет в профессиональ-

ной среде и среди медиа-сообщества. Присутствие на столь официальном ресурсе, как минимум, статусно.

- Мысль о создании полноценного театрального информационного портала витала в воздухе давно, хронологически мы едва не опоздали с его запуском. Опыт, наработанный сообществом и сайтом СТД, стал основой для идеологии Официального театрального портала Свердловской области domaktera.ru. У каждой первичной организации, у каждого театра есть собственная учетная запись с именем пользователя и паролем. По этому паролю театр может редактировать свою общую информацию, карточки спектаклей своего театра, вывод спектаклей в репертуар, может добавлять новости. После простой модерации эта информация добавляется на портал с соответствующим тэгом, по тэгам же формируются новостные ленты театров. Таким образом, каждому театру дается возможность не только стать производителем информации, но и транслировать ее именно в том виде, в каком она будет полезна театру, а не в интерпретации журналиста. В общей же ленте оказываются и областные театры, которые, как правило, для СМИ Екатеринбурга как будто невидимы. Одним из прямых следствий ежедневной обновляемости является хорошая «видимость» ресурса в поисковых машинах.

Проработаны различные способы подачи и доставки информации ее потребителю: это и информационное новостное агентство, и полная афиша театральной жизни области, и место общения, и база данных по фестивалям с наиболее полными афишами и иллюстрациями, и мнения экспертов в одноименной рубрике, и каталог документов, и постоянно пополняемая база артистов области. Портал нацелен на максимально полную театральную панораму и является средством донесения информации сразу нескольким целевым группам – журналисты, профессиональное театральное сообщество (многие представители которого активные пользователи и Интернета, и портала), зрители-театралы. Тогда так же все эти информационные агенты транслируют информацию друг другу.

В качестве хорошего примера, когда все эти инструменты сработали одновременно, можно привести организацию общественного резонанса по поводу имущественного конфликта вокруг Дома актера. Через несколько дней после вынесения решения в суде в пользу Министерства по управлению областным гос. имуществом на портале был открыт сбор подписей в поддержку Дома актера и запущена акция «Защитим Дом актера вместе!». Эта информация мгновенно получила статус вирусной, то есть ее начали распространять сами пользователи сети Интернет. Одновременно с этим в Живом журнале были выложены записи, ссылающиеся на страницу сбора подписей. И это сообщение на 5 дней попало в top30 самых

обсуждаемых тем блогов, оно было продублировано более 500 раз, а это значит, что об этом *прочитали* более 50 000 человек по всему рунету. И уже сами пользователи в социальной сети ВКонтакте запустили волну призывов, публикуя ссылку на сбор подписей и запущенный нами вирусный текст. Очевидно, что эти подписи сочувствующих людей не имеют особого юридического веса, но это и не входило в наши задачи. Основной функцией акции «Защитим Дом актера вместе!» было распространение информации в максимально широкой аудитории, причем, заметим, с минимальными затратами!

С точки зрения распространения информации, маркетинга, успешного PR среди общественности Интернет – самый удобный и малозатратный инструмент продвижения. А значит – и создания общего культурного фона. Само использование технологий делает искусство более привлекательным, освобождает потенциальных зрителей от страха перед известным консерватизмом. В современном консолидирующемся обществе преодоление межкультурных границ – это уже резонирующий информационный повод.

О. С. Гилязова*

Виртуальная реальность в современном мире: проблемы специфики и взаимодействия

Можно отметить, что в современную эпоху меняется направление освоения пространства человеком (по крайней мере в идеологическом плане): бывший в 60-х (и позже) энтузиазм по поводу возможностей освоения космических просторов уже не может конкурировать с привлекательностью киберпространства, где человеку значительно проще репрезентировать свое всемогущество. Компьютерная техника расширяет возможности традиционных медиа, усиливая их функцию «производителя чудес», столь важную для массового сознания, особенно в критические эпохи. Показательным в этом смысле является процесс все увеличивающейся популярности таких жанров, как фэнтези (в кино и литературе), сопровождаемый резким уменьшением внимания к жанру научной фантастики.

Киберпространство – это в определенном роде пространство фантазии, человеческого творчества, «объективация» внутреннего мира воображения человека в образный, доступный для восприятия множества пользователей мир. В этом обнаруживают сходство виртуальных компьютерных реальностей с художественными, так как и те и другие отличаются способностью к «миропорождению» за счет, соответственно, «технообразов» и художественных образов. Большинство компьютерных игр своей графикой, но главное – «чистой» текстуальностью, иконичностью напоминают мультипликационные фильмы. Но реалистичность компьютерной графики соперничает не только с откровенно «рисованными» мультфильмами, но и с фотографичностью игровых и документальных фильмов и съемок. Это тот случай, когда реалистичность превышает своей яркостью саму реальность и именно этой чрезмерной яркостью и «гиперреализмом» выдает свою сделанность.

* *Ольга Сергеевна Гилязова* – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления ф-та гуманитарного образования УГТУ-УПИ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Следующее отличие виртуальной реальности, нередко придающее ей преимущество перед художественным миром, созданным обычными средствами, состоит в том, что могущество художественных реальностей литературных произведений, театральных постановок, картин и кинематографа зиждется на одно- двухканальном (зрении и слухе) чувственном восприятии, а эффективность большинства VR-технологий построена на многоканальности восприятия. Более важная особенность (и парадоксальность) компьютерной виртуальной реальности состоит в том, что она, не прибегая к сложным формам идентичности, позволяет одновременное осознанное присутствие и участие до прямого вмешательства в *двух онтологически разделенных реальностях*. Участие, не гарантирующее себе иллюзии, выдающей себя за действительность: иллюзия в виртуальных реальностях – не условие, а следствие соучастия происходящему, и притом, в отличие от сновидения, она не затмевает и не скрывает собой онтологическую условность виртуальной реальности. Эта интерактивность отменяет различие между зрителем и участником, автором-демиургом и его персонажем. Эта особенность виртуальной реальности заставляет видеть и в психических реальностях *осознанного* сновидения, фантазии, воображения специфический вид виртуальных реальностей. Однако как бы ни были схожи (интерактивностью и зависимостью от т. н. «константной» реальности) данные реальности, они отличаются хотя бы тем, что психическая сфера является крайне интимной и приватной сферой до тех пор, пока не вербализуется и не визуализируется своим носителем в общедоступную форму жестов, мимики (в т. ч. произвольной), слов, а также в тот же художественный или виртуальный компьютерный мир.

Именно виртуальная реальность как *реальность, порождаемая компьютерной техникой, обеспечивающей возможность интерактивного влияния на нее со стороны пользователя*, предоставляет ему право на прямое вмешательство в ход и развитие событий при сохранении им своей отстраненной позиции. Эта позиция позволяет пользователю полноценно жить и действовать в виртуальной реальности, не боясь, что его на самом деле убьют в имитационном сражении или что ему придется отвечать за последствия своих поступков в виртуальном мире. Это чувство неуязвимости, крайне полезное имитационным виртуальным реальностям тем, что позволяет им служить тренажерами действительной реальности, защищая пользователя онтологической границей от воспроизводимых ими опасностей, тем не менее открывает обширное поле для вполне безответственного произвола. Да, параметры виртуального мира заданы изначально, но его становление не закончено, а зависит от его пользователей. Воспи-

тывается чувство господства, которое существенней, чем у обычного кукловода, который волен руководить марионетками, но не волен (и в импровизации) полностью предопределять это руководство. Наш мир тоже задан в своих основных параметрах, как физических, так и социальных; его правила и законы придуманы не нами, но остается возможность и свобода действовать в рамках этих правил – точно в виртуальном мире, но без его простоты и прямолинейности. Обычный мир отличается хотя бы тем, что в нем нередко преуспевают отнюдь не самые «правильные» и законопослушные «пользователи».

Возможности (еще только предполагаемые) иммерсионной реальности, конституируемой VR-технологиями, представляются настолько впечатляющими и пугающими, что актуализируют на новых основаниях «эпистемологическое сомнение» Декарта, который существование объективной реальности обосновывал существованием Бога, который не может обманывать. Не является ли реальность действительностью некоего рода иммерсионной реальностью, с которой пока безуспешно пытаются конкурировать ее многочисленные дигитальные двойники? Эту тему любят обыгрывать фантасты. Но даже если признать основательность «глобального скептицизма» относительно объективного существования внешнего мира, то все же условия нашего существования, как физические, так и социальные, делают этот скептицизм несовместимым с ежедневным опытом нашей жизни. С действительностью вынуждены считаться не столько как с реальностью, чей объективный статус не может подлежать сомнению, а как с реальностью, которой приходится жить для того, чтобы иметь возможность выжить, конечно не только в физическом смысле, но и в социальном. Таким образом, главное превосходство действительности обусловлено ее давлением – физическим (материальным) и социальным, чье «императивное присутствие» (по выражению П. Бергера и Т. Лукмана) невозможно игнорировать или ослабить, можно лишь попытаться сбежать – в болезнь или даже смерть. Или, что менее радикально, – в ту же виртуальную реальность, приятную тем, что она и обычному «простому смертному» предоставляет преимущества власть имущих: власть и свободу действий, мало корректных ответственных за эти действия.

В этом смысле справедливо суждение Г. И. Могилевской, что виртуальная реальность определенным образом выполняет в наше время ту же функцию «перевертывания социальных ролей», которую в Средневековье выполнял карнавал. «Как и карнавал для средневекового человека, виртуальная реальность воплощает в себе те степени свободы, где исчезает страх перед смертью, где господствует абсолютная демократичность, в которой снимаются

все социальные, имущественные, иерархические, семейные, половые и возрастные различия. Находясь в вечном становлении, всегда незамкнутая и незаконченная, компьютерная виртуальность открыта как для свободы творчества и самовыражения, так и для насилия и авторитаризма»¹.

Действительность, пока ее социально-нормативное давление императивно и безусловно, может конкурировать с виртуальными реальностями, которые, впрочем, за счет своей интерактивности получают механизм для такого воздействия на нее, что становится неоправданным говорить о двух автономных мирах. Именно интерактивность как определяющая черта любой виртуальной реальности не только помогает «втягивать» в нее пользователя, замыкая его в компьютерном гиперпространстве, но и, наоборот, способствует выведению виртуального мира во «внешний мир». Это чревато глобальными последствиями, в том числе и для людей, весьма далеких от любых информационных технологий.

Проблема не ограничивается тем, что пребывание в виртуальном компьютерном мире может превратиться в наркотического рода зависимость. Это обратная сторона функции замещения обычной жизни средой, в которой могут удовлетворяться неудовлетворимые в реальной жизни потребности. Следствием этого нередко выступает гипертрофия виртуальной реальности за счет обычной повседневной жизни, так как, по замечанию Гюнтера Андерса, «когда призрак становится действительностью, действительность становится призраком»². И не является ли одной из причин нынешнего кризиса то, что т. н. «виртуальной экономике» придали неадекватно большое место? Странно было бы безгранично раздувать мыльный пузырь фикций и не ждать, что он просто обжарит лопнуть.

Реализация принципа обратной связи, преодолевающей (но не отменяющей) онтологическую границу между миром пользователей и киберпространством виртуальной компьютерной реальности, не дает оснований, вопреки общераспространенному мнению, для их противопоставления. Нет двух разных миров, есть действительность, в повседневность которой широко вошли компьютеры, определяющие фактически все сферы жизни: связь, автоматическое управление производством, транспортом, газо-, нефте-, водоснабжением и т. п. Лишний раз убеждаются в неразрывности повсе-

¹ Могилевская Г. И. Карнавальная природа компьютерной виртуальности // II Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему»: Программа. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2008. С. 238.

² Андерс Г. Мир как фантом и матрица // Искусство кино. 2005. № 2.

дневной и виртуальной реальностей, когда сталкиваются с тем, что киберпреступники (хакеры) – это отнюдь не виртуальные преступники и последствия их действий в виртуальной реальности имеют далеко не иллюзорный характер для их жертв в реальном мире. Проблема не ограничивается компьютерным хулиганством, повсеместно дестабилизирующим работу программного обеспечения. Значительно серьезнее преступления, выходящие за рамки виртуальной реальности, хоть и производимые на ее поле. Так, в нынешнее время отмечается всплеск экономических преступлений, совершаемых с использованием реквизитов пластиковых платежных карточек. Еще более опасна возможность совершения террористического акта через несанкционированный доступ в компьютерную систему, ответственную за экологическую или энергетическую безопасность.

Да, возможности киберпространства значительно облегчают жизнь, и не только, как и подобает развитым и широко распространенным технологиям, в техническом или информационном плане, а становятся образом жизни и для тех, кто им совсем не живет. Но и без самых катастрофических последствий нам приходится переживать со всей тяжестью уже не только приятные и положительные стороны этой взаимосвязи виртуальной компьютерной реальности с повседневной жизнью, но и отрицательные. И вряд ли это последний предел.

В. Г. Григорьев*

Использование современных Internet-технологий в качестве инструмента межкультурных коммуникаций

Среди основных тенденций развития человечества ведущей является расширение сферы творческой деятельности человека, ее распространение на социальные структуры и процессы. Социальное творчество проявляется в умении увидеть проблему, определить пути ее решения, найти новые решения и создать новые культурные ценности. Современное социальное творчество является основой новой парадигмы образования, в которой саморазвитие личности является высшей ценностью, самоцелью и главным условием развития общества [См.: 8. С. 478].

Одним из методов отражения коммуникаций, установок, отношений и позиций людей в микро- и малых социальных группах, статуса различных групп и взаимоотношений между ними, способов представления данных, полученных с помощью социометрических методов, служит социоматрица. Все разновидности социоматриц ориентированы на применение современных математических и статистических методов и методик обработки информации, использование компьютерной техники [См.: 8. С. 568].

В современных условиях целью изучения информационных технологий является формирование информационно-коммуникативной компетентности (ИКК) индивидов, без которой невозможны эффективные межкультурные коммуникации [См.: 2, 3]. ИКК включает в себя целостное миропонимание и научное мировоззрение, которые основаны на понимании единства основных информационных законов в природе и в обществе, возможности их формального, математического описания [См.: 1, 4]. Компетентность предполагает правильные представления об информационных объектах и их преобразовании в человеческой практике, в том числе с помощью средств информационно-коммуникационных технологий

* **Вячеслав Геннадиевич Григорьев** – доцент кафедры информационных технологий и программирования Чебоксарского политехнического института Московского государственного открытого университета, действительный член Академии социальных наук (г. Чебоксары).

(ИКТ), технических и программных средств, реализующих эти технологии. Наконец, ИКК – это совокупность общеобразовательных и профессиональных знаний и умений, социальных и этических норм поведения людей в информационной среде XXI века.

Наиболее стремительными темпами в последние годы развиваются Internet-технологии, которые могут быть эффективно использованы в качестве инструмента межкультурных коммуникаций.

E-Social Science – стремительно развивающееся направление системной социологии [См.: 6], сегодня занимается изучением таких новых объектов в сети Интернет, как блоги (blogs) или веблоги (weblogs). Блог – это персональный веб-сайт, содержащий, главным образом, заметки и новости. Он ведется в форме «личного дневника», доступного для комментариев другим пользователем Internet, он регулярно обновляется, основная часть материалов блога разделена по рубрикам. Блог включает комментарии и так называемый RSS-канал (really simple syndication). Заметки блога (blog posts), как правило, представляют собой относительно короткий текст, включающий внешние ссылки, иногда изображения (Visual Blogs). В последнее время все чаще используются звуковые и видеофайлы (Vlog, videoblog). С технической и организационной точки зрения блог легче создать и поддерживать, чем традиционные персональные веб-страницы, поэтому его можно чаще обновлять. Блоггеры объединены в блог-сообщества, множество блогов называют блогосферой [См.: 7], «социальным Вебом» (Social Web), «живым Вебо» (Live Web). Блогосфера является е-социальной динамической системой. В ней одновременно присутствуют блог-сообщества, в которых блоггеры реально взаимодействуют (социальные сети) и «изолированные» блоггеры (которые потенциально могут взаимодействовать с другими блоггерами). С точки зрения математической методологической парадигмы (частная парадигма системной социологии [См.: 6]), блогосфера обладает свойством линейной связности, то есть любые два блоггера потенциально могут быть соединены в сети Internet. В анализе блогосферы могут быть использованы традиционные методы опросов общественного мнения и методы E-Social Science, а конкретнее – анализ е-поведения блоггеров в режиме реального времени, on-line-опросы, причем традиционные методы опросов и методы E-Social Science взаимно дополняют друг друга. Для этого могут быть использованы [См.: 7] автоматические компьютерные системы «извлечения знаний», основанные на распределенных параллельных вычислениях (Grid computing), включающие в себя подсистемы контент-анализа мультимедийных данных (текст, графические объекты, аудио- и видеофайлы). В них реализованы раз-

нообразные методы анализа, например, Data Blog Statistical Methods, методы Internet-математики (в частности, Web-метрики), методы искусственного интеллекта (Artificial Intelligence), методы когнитивной психологии и др.

Новым поколением современных Internet-технологий является интеллектуальный on-line Internet-сервис Twine, об официальном запуске которого в октябре 2008 года объявила компания Radar Networks Twine (<http://www.twine.com>). Twine – это Internet-сервис, который позволяет с помощью искусственного интеллекта создавать социальные взаимодействия между людьми. Twine предназначен для создания и функционирования социальных сетей, где люди могут находить других пользователей, взаимодействовать с ними, оперативно обмениваться необходимой информацией, сообщать, упорядочивать информацию, генерировать новую информацию, создавать с помощью системы искусственного интеллекта новые социальные взаимодействия. Поскольку социальные взаимодействия являются фундаментальным объектом социологии, изучение Twine представляет большой научный и практический интерес. Использование Twine, благодаря искусственному интеллекту, позволяет значительно расширить представления исследователя, касающиеся принципов и законов возникновения и функционирования социальных взаимодействий в Internet-сообществах, их самоорганизации.

Основное отличие Twine от других Internet-сервисов социальных сетей состоит в практической реализации технологий Semantic Web и искусственного интеллекта. Технология Semantic Web – это специальная семантическая разметка информации в Internet, призванная сделать информацию не только доступной для понимания людьми, но и быть «понятной» компьютерам. Эта цель достигается путем использования стандарта для кодирования знаний, информации и метайнформации Resource Description Framework (RDF), который позволяет «разложить» текст на фрагменты, приписать им семантическую содержательную метку и установить отношения между метками. Semantic Web дает возможность поисковым системам производить поиск по распределенным в Internet знаниям, интегрировать их и представлять в удобном для пользователя виде.

Известно [См.: 8], что взаимоотношения людей в группе отображаются в общем виде в многоурядной таблице – социоматрице. Поскольку определение социоматрицы фактически совпадает с определением матрицы смежности вершин графа, то при их анализе могут быть использованы теория графов и матричный анализ. Аналогично, распределенные в Internet знания могут быть представлены с помощью графа знаний. Используя Web Ontology Language (OWL) и алгоритмы Natural Language Processing (NLP), схо-

жие с человеческими алгоритмами восприятия и понимания [См.: 9], Semantic Web «понимает» запрос пользователя и мультимедийную информацию в Internet, сразу же выдает полные результаты по запросу пользователя (<http://www.w3.org/2001/sw>).

С помощью визуализации текстовой информации возможно решение задач выявления законов строения и динамики структур сетей знаний, смыслов в тексте, текстовых базах данных, блогосфере, интерпретации текстов, изучения потоков текстовой информации в Collaborative Document Spaces [См.: 9] и др. Визуальная аналитика текстовой информации, Visual Text Analytics, – одно из современных направлений визуальной аналитики [См.: 5], которая реализована в компьютерных интеллектуальных системах «добычи знаний» (Text Mining and Knowledge Discovery, Collaborative Tagging Systems и др.), находит все более широкое применение в системной социологии.

Из анализа рассмотренных Internet-технологий видно, что они имеют общие точки соприкосновения и могут стать эффективным инструментом в исследовании коммуникаций, в создании новых культурных образований и неизвестных ранее алгоритмов творческой деятельности.

Литература

1. Андреев В. В., Григорьев В. Г. Исследование математических моделей социально-экономических систем // 11-я международная конференция «Математика. Компьютер. Образование». Дубна, 26–31 января 2004 г. Вып. 11. Тез. докладов / Под ред. Г. Ю. Ризниченко. – М., 2004. – С. 247.

2. Григорьев В. Г. Проблемы информатизации социальной сферы // Социальное развитие Чувашии: тенденции, перспективы, проекты. Вып. 5. Сб. материалов итоговой научно-практической конференции преподавателей и сотрудников филиала РГСУ в г. Чебоксары. – Чебоксары: Типография ООО «Фирма Атолл», 2006. – С. 133–134.

3. Григорьев В. Г. Социальная информатика как междисциплинарный комплекс проблем // Вестник филиала РГСУ в г. Чебоксары. Научно-теоретический журнал. – 2007. – №2(17). – С. 165–173.

4. Григорьев В. Г. Социально-экономический аспект применения синергетического подхода: модели, информационное взаимодействие, компьютерные технологии // Вестник Чебоксарского филиала МГСУ. – 2001. – № 1(4). – С. 122–127.

5. Давыдов А. А. Развитие Интернет-технологий – вызов современной российской социологии. – М.: ИСАН, 2008.

6. Давыдов А. А. Системная социология: введение в анализ динамики социума. – М.: ЛКИ, 2007.

7. Давыдов А. А. Социология изучает блогосферу // Социологические исследования. – № 11, ноябрь 2008. – С. 92–101.

8. Социологическая энциклопедия: В 2 т. – Т. 2: Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин; Гл. редактор В. Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003.

9. Marchetti A., Tesconi M., Ronzano F. SemKey: A Semantic Collaborative Tagging System. WWW2007, Banff, Canada, 2007. (http://www2007.org/workshops/paper_45.pdf).

*М. И. Демиденко**, *Н. В. Хмелькова***

Интернет-реклама как инструмент маркетинговых коммуникаций (по материалам студенческого исследования)

В современных условиях IT-технологии становятся одной из важнейших форм глобальных коммуникаций. В этой связи, нельзя не оценить маркетинговый потенциал Интернета как эффективного средства продвижения товара.

Согласно данным статистики, порядка 20 миллионов россиян на сегодняшний день являются пользователями глобальной Сети. Согласно существующим оптимистическим прогнозам к 2012 году эта аудитория должна практически утроиться, приблизившись к 60 миллионам человек. Речь идет о мощной армии потенциальных потребителей товара, которых можно информировать о продукции фирмы, а также побуждать к ее приобретению, используя возможности Web-сайта, а также других форм рекламы в Интернете. Вместе с тем, эффективность маркетинговой активности фирмы в Интернете в определяющей степени зависит от того, как ее целевая аудитория относится к Интернет-рекламе, а также готова ли она покупать ее товары в формате виртуальных, а не более привычных реальных каналах сбыта.

Для уточнения восприятия потребителями рекламы в Интернете было проведено маркетинговое исследование на выборке респондентов, включающей в себя студентов ВУЗа (60 % от выборки), школьников средних и старших классов (30 %) и взрослых (10 %). Как видно, подавляющая часть участников исследования можно отнести к категории активных пользователей Интернета.

На вопрос анкеты, касающийся выявления отношения респондентов к Интернет-рекламе, лишь 20 % отметили, что относятся к ней положительно, 25 % – высказали отрицательное отношение и подавляющая часть – 55 %, сказали, что к ней равнодушны.

* *Марина Игоревна Демиденко* – студентка 1-го курса ф-та компьютерных технологий Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

** *Наталья Владимировна Хмелькова* – канд. экон. наук, доцент, завкафедрой экономики ф-та компьютерных технологий Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Вместе с тем, 45 % отметили, что обращают внимание на рекламу в Интернете, еще 20 % – реагируют на нее изредка и лишь 35 % – не обращают на нее внимание.

45 % вспомнили, что рекламируется на просматриваемых ими сайтах, 55 % – нет. В качестве примеров рекламируемых товаров были названы: новогодние сувениры, зимние шины, туристические услуги, фото- и видео-аппаратура, сотовые телефоны, Интернет-аукционы.

Весьма показательным является тот факт, что лишь 15 % опрошенных респондентов когда-либо совершали покупки товаров под влиянием Интернет-рекламы, соответственно 85 % – нет. Более конкретно речь шла о приобретении сотового телефона, а также фильма в формате DVD.

Очевидно, что реклама в Интернете не является единственным каналом, посредством которого фирма может установить коммуникационное взаимодействие со своей целевой аудиторией. В связи с этим в ходе исследования выяснялось, какую рекламу в целом респонденты считают наиболее полезной. Полученные результаты отражены к гистограмме, представленной на рисунке.

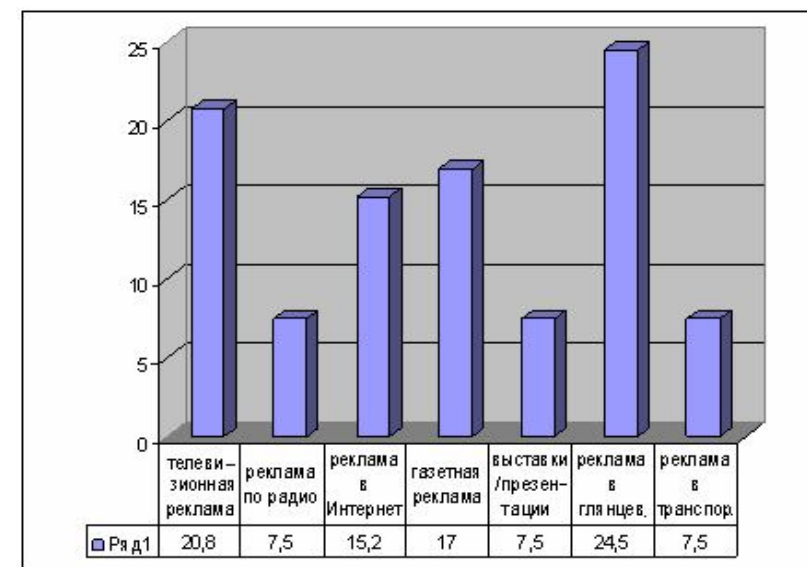

Рис. Структура предпочтений по видам рекламы

Как видно, первое место отдано рекламе в глянцевах журналах (24,5 % от общего числа респондентов), второе место – рекламе на телевидении (20,8 %). Третье место остается за газетной рекламой (17 %), и лишь четвертое место отдано рекламе в Интернете (15,2 %).

Подобные результаты оказались неожиданными и заставили задуматься о том, что пользователи Интернета вероятно по большей части используют глобальную сеть для нахождения интересующей их информации или общения и навязчивая реклама их только отвлекает. Вместе с тем, она может заинтересовать тех людей, которые ищут определенный товар. В целом, на нее обращают внимание, и она обеспечивает достаточно высокий уровень запоминаемости товара. В настоящее время подавляющая часть исследованной аудитории нейтрально относится к данному виду рекламы, и, следовательно, при ее умелом использовании, а также должном качестве рекламных материалов, возможно формирование положительного отношения к Интернету как удобному и эффективному каналу получения информации о товаре и способу его приобретения.

Г. Л. Емельянов*, С. Ф. Молодецкая**

Информационные технологии на промышленном рынке

Кто владеет информацией,
тот владеет миром.

У. Черчилль

Информационные технологии все глубже проникают в нашу жизнь. В любой сфере человеческой деятельности существует возможность с помощью ЭВМ обрабатывать информацию, ее анализировать и принимать на ее основе решение по выполнению какого-либо действия. Современный уровень развития информационных технологий не только предлагает решение однотипных задач для различных фирм, но и позволяет удовлетворить информационные потребности сотрудников отдельно взятой фирмы, то есть адаптировать технологию обработки данных для фирмы. Остановимся на конкретной отрасли – строительной. Фирмы, работающие в этом направлении, используют, как правило, такие программные продукты для обработки данных, как AutoCAD, ArchiCAD, Компас, Гранд Смета, 1С. Но наряду с обработкой информации, необходимо полученные данные хранить в одном источнике. Таким источником может выступать база данных (БД), которая обеспечит связь с данными, полученными из AutoCAD, ArchiCAD, Excel, Компас, web-сайта. Обработанную информацию можно вывести в Гранд Смету, Excel, 1С.

* **Георгий Леонидович Емельянов** – студент 5-го курса ф-та компьютерных технологий Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

** **Светлана Федоровна Молодецкая** – преподаватель кафедры прикладной информатики ф-та компьютерных технологий Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

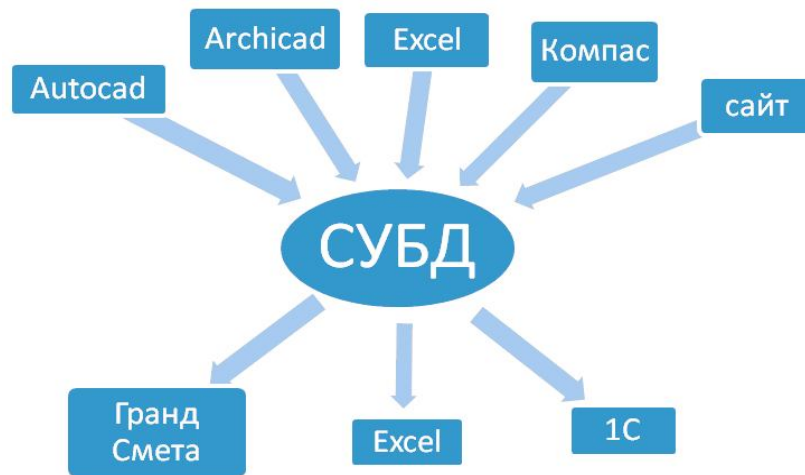

Рис. 1. Взаимодействие БД с программными продуктами

При этом существует возможность просматривать и редактировать таблицы баз данных, выполнять запросы на языке структурированных запросов (SQL) и связывать записи таблиц с графическими объектами.

Работа такой базы может выглядеть следующим образом: потребитель желает заштукатурить стену, проектировщик вводит параметры стены в БД, где проводится расчет по количеству необходимых материалов и принадлежностей для обработки этой стены, программа рассчитывает стоимость и в конечном итоге показывает потребителю стоимость всех материалов.

Для того чтобы определиться, нужна ли база данных, необходимо провести маркетинговое исследование. Информация может анализироваться с помощью процедур: дисперсионный анализ, корреляционный анализ, регрессионный анализ. В результате проведенного исследования необходимо выявить:

- программные продукты, которые желали бы использовать в своей работе специалисты;
- необходимость в базе данных: взаимодействие между базами (выгрузка, обработка), удобный интерфейс, установка на любой компьютер, проведение расчетов.

На одном из промышленных предприятий г. Екатеринбурга проводилось подобное исследование. Результаты, которые были получены, говорят о необходимости в создании автоматизированной системы обработки данных. В ходе исследования получено, что сильное влияние на возникновение потребности в создании базы данных оказывают:

- используемые программные продукты;
- физические лица, которые будут пользоваться этой базой;
- разрозненность предприятия (когда у предприятия много филиалов, то при отсутствии базы данных возникают сложности в обеспечении клиентов информацией);
 - возраст (молодые люди в возрасте 20–39 лет желают использовать базу данных);
 - образование (люди с высшим образованием предпочитают работать с систематизированными данными).

Работу по проектированию базы данных следует начинать с бизнес-процессов. Рассмотрим один из них:

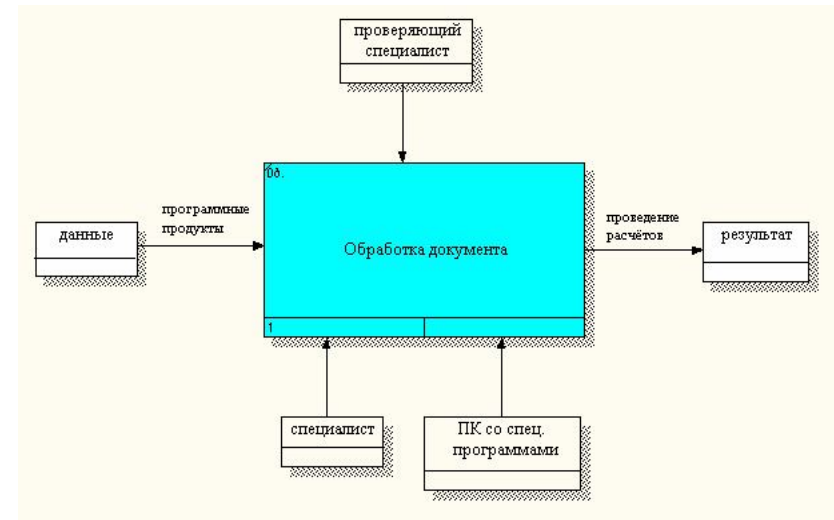

Рис. 2. Запрос специалиста

Специалист, работающий на предприятии, формирует запрос со своего. По результатам исследования стало известно, что человек в среднем обрабатывает до 10 документов в день. Если эта база данных позволит предприятию обрабатывать на 1 документ больше, то она улучшит его работу специалиста в среднем на 10 %.

Основными процессами предприятия являются: производство, складирование и продажа продукции:

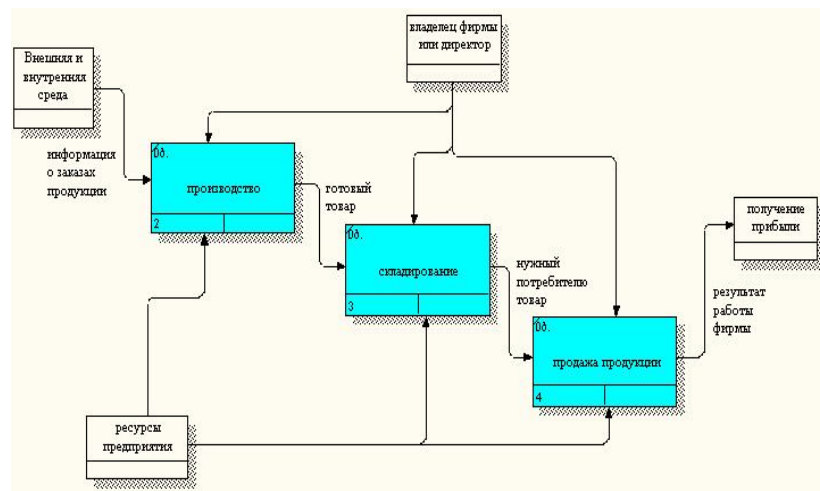

Рис. 3. Функции предприятия

Базу с ее спецификой можно было бы использовать для учета производства, продажи продукции и для учета складирования.

Данная технология наиболее отвечает интересам заказчика. Написать базу можно с помощью языка SQL, который встроен в Microsoft Access. Это стандартное приложение Microsoft Office, существующее на любом компьютере, где установлен Windows, что позволит работать с БД любому пользователю ОС Windows.

Представленная автоматизированная система обработки данных промышленного предприятия, включающая в себя комплексную систему информационного и технологического обслуживания бизнес-процессов позволит на базе единой технологии автоматизировать деятельность как самого предприятия, так и всех его филиалов и зависимых подразделений. Программное обеспечение позволит осуществлять многокритериальные запросы, выводить информацию на экран, в текстовые, графические файлы, на принтер, а также упростить работу пользователя в получении информации.

Использование базы данных поможет обеспечить информационную поддержку бизнеса. Она будет обладать большой гибкостью и легко адаптироваться к любым программам.

Е. Д. Завьялова*

Социокогнитивные/интегративные подходы к разработке компьютерных средств обучения иностранным языкам

Хотя компьютерные программы, соответствующие когнитивистскому и конструктивистскому подходам, воспринимались как шаг вперед по сравнению с бихевиористскими, к концу 1980-х годов они также стали объектом критики. Основным объектом критических публикаций было бессистемное, случайное использование компьютера при таких подходах, и эта критика справедлива.

Примерно в то же время, когда были распространены когнитивно-ориентированные подходы к усвоению языка, вновь в центре внимания оказались представления о том, что язык – это не только индивидуальное явление, но и социально конструируемый феномен. Язык стали рассматривать как совокупность способов передачи значений в соответствии с конвенциями, принятыми в тех или иных речевых сообществах. При этом владение лингвистическими структурами неотделимо от знания социальных конвенций их употребления, равно как коммуникация неотделима от познания.

В рамках социокогнитивного подхода научение рассматривается не только с точки зрения изменений индивидуальных когнитивных структур, но и через призму социальных структур дискурса и деятельности обучаемых. При таком подходе когнитивные и социальные аспекты переплетаются в диалектической, дополняющей друг друга взаимозависимости. Обучение языку рассматривается главным образом как обеспечение вхождения студента в дискурсивные сообщества, с которыми ему предстоит встретиться за пределами аудитории. В качестве способов обучения иностранному языку предлагаются разнообразные проблемные задачи и проекты с участием студентов, а также обучение в контексте. Последний подход в более широкой формулировке, касающейся профессиональной подготовки выпускников вузов по различным дисциплинам, в отечественной психолого-педагогической науке был подробно

* Елена Дмитриевна Завьялова – ст. преподаватель кафедры иностранных языков УГТУ-УПИ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

разработан А. А. Вербицким. В настоящее время продолжается перенос акцента и переход от когнитивных теорий обучения к социальным или социокогнитивным. Это предполагает использование языка в аутентичных социальных контекстах, проектные задания, упор на содержание, интеграцию студентов в аутентичную среду общения, интеграцию разных умений изучения и использования языка, интеграцию разных видов речевой деятельности, более широкое и системное (интегративное) применение дидактического потенциала компьютерной техники.

В зарубежной литературе интеграция трактуется в несколько ином аспекте: как включение (integration) компьютерных средств обучения в существующий процесс обучения иностранным языкам.

В развитии компьютеризации отечественного образования в целом выделяют три этапа:

- начальный/адаптационный, когда компьютер рассматривается как объект изучения;
- современный, характеризующийся использованием компьютера в качестве средств обучения;
- будущий, предполагающий формирование единой образовательной среды на основе применения компьютерных средств обучения и общения.

Эта образовательная среда базируется на объединении информационного, коммуникационного и физического пространства образовательных учреждений отечественной и мировой системы образования. Педагогическое взаимодействие в такой среде характеризуется равным доступом к информации, новыми задачами преподавателя становятся развитие интеллектуальных и коммуникативных умений учащихся, их самостоятельности в обучении, новой ролью преподавателя является наставничество.

Состояние и перспективы развития образовательной среды рассматриваются с позиций современной теории коммуникации, в становлении которой выделяют три этапа, привнесших свои особенности в понимание феномена коммуникации, – информационный, психологический и современный социальный этап.

Информационная среда, созданная средствами новых информационных технологий, рассматривается как составная часть среды обучения и выступает как сложное, многоаспектное образование, своеобразная результирующая всех информационно-знаниевых и коммуникационных потоков, на пересечении которых находится человек. Концепция информационно-обучающей среды находит практическое воплощение, в частности, в разработке так называемых учебных порталов, цель которых – обеспечить самостоятельный доступ студента к широкому спектру имеющихся в наличии средств обучения и учебных материалов.

В целом роль компьютера в рамках различных подходов к его применению в обучении иностранным языкам зарубежные авторы сводят к трем подходам, а именно: компьютер как учитель (tutor), компьютер инструмент (tool) и компьютер как обучаемый (tutee).

В рамках первого подхода эксперт должен запрограммировать в компьютере знания определенной предметной области.

В рамках второго подхода компьютер должен располагать рядом общих возможностей, не связанных, вообще говоря, непосредственно с задачами обучения. К таким возможностям относятся, например, статистический анализ, лингвистический редактор и пр. Студент может использовать их для решения различных задач, связанных с обучением.

Третий подход связан с идеологией искусственного интеллекта и предполагает непрерывное пополнение базы знаний компьютера, «обучение» компьютера на основе естественно-языкового диалога. Наиболее перспективной представляется опора на два первых подхода и их сочетание.

Литература

1. *Вербицкий А. А.* Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. – М.: Высшая школа, 1991.
2. *Вербицкий А. А.* Новая образовательная парадигма и контекстное обучение: Монография. – М.: Министерство образования, 1999.
3. *Гальскова Н. Д.* Современная методика обучения иностранным языкам. – М.: АРКТИ, 2000.
4. *Евдокимова М. Г.* Проблемы теории и практики информационно-коммуникационных технологий обучения иностранным языкам: Монография. – М.: Министерство образования, 2004.

СМИ и новые ИКТ: сотрудничество или соперничество?

Развитие информационно-коммуникативных процессов в современном обществе привело не только к усложнению социально-политического, экономического и социокультурного устройства, но и к возрастанию роли средств массовой информации (далее СМИ) в социуме. Последние выступают сегодня как связующий элемент в процессах реализации коммуникации во всех основных сферах жизни человека, а также как активный субъект, воздействующий на социум. Стремительное появление новейших информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) привело к значительному усложнению социального существования человека: возникло огромное количество информационных потоков, в которых человеку стало сложно ориентироваться. Поэтому роль всех коммуникативных средств и каналов резко возросла; для получения необходимых сведений теперь уже не нужно обращаться к коллективному опыту, передающемуся от поколения к поколению – достаточно развернуть газету или включить телевизор. Принцип «кто владеет информацией, тот владеет миром» также изменился: сегодня информационной властью обладает только тот, кто освоил и научился использовать средства коммуникации, в первую очередь – СМИ.

Именно благодаря масс-медиа индивиды, социальные общности, группы, классы сегодня могут представлять и защищать свои интересы, получать необходимую информацию о всех основных элементах социальной жизни, выступать в качестве равноправных сторон в процессах информационных обменов. Становление основ гражданского общества на территории постсоветских стран предполагает также, что СМИ выступают в качестве пространства, в котором взаимодействуют представители различных культур. СМИ являются инструментом реализации прав и свобод человека, его активного и свободного становления и развития. Тем самым масс-медиа служат усилению межкультурной коммуника-

* *Лилия Николаевна Змий* – аспирант 2-го года обучения социологического ф-та Харьковского национального ун-та им. В. Н. Каразина, руководитель Центра связей с общественностью и прессой Харьковского национального ун-та им. В. Н. Каразина (Украина, г. Харьков).

ции на всех уровнях – от глобального к региональному, на основе которого возможно мирное и плодотворное сотрудничество как внутри страны, так и между различными государствами.

Однако современные исследования отмечают появление новых тенденций в функционировании института масс-медиа. К ним можно отнести увеличение влияния СМИ на процессы, происходящие в политике, экономике, культуре, возрастание роли такого фактора, как новейшие ИКТ. Последние сегодня вызывают перемены в деятельности масс-медиа, выполнении ими важнейших социальных функций, таких как информационная, регулирующая функция социализации и т. д. [См.: 2. С. 465–466]. Становление основ так называемого информационного общества привело к усилению роли информации и знаний, а также к попыткам традиционных видов и средств создания, трансляции и распространения массовой информации приспособиться к новым реалиям существования и использовать их в своей работе. Быстрое развитие современных информационных технологий, их активное внедрение в повседневную реальность сделало привычным практически моментальные обмены любой информацией, нивелировало географические и временные границы, на преодоление которых ранее у человечества уходило немало усилий. Внедрение информационных технологий, с одной стороны, позволяет облегчить доступ гораздо большего количества пользователей к информации, которую создают СМИ, предоставляет широчайшие возможности создания, трансляции, сохранения и трансформации социальной информации (возможности ИКТ сегодня широко используются журналистами в профессиональной деятельности для оперативного поиска информации, профессионального общения и т. д.). Но с другой стороны, рассмотрение внедрения ИКТ в сферу массовой коммуникации нельзя рассматривать только лишь с инструментальной точки зрения. Активное развитие сети Интернет, помимо указанных особенностей, приводит и к трансформации роли в общественно-политической жизни традиционных СМИ – прессы, радио, телевидения.

Появление новых информационных рынков требует от СМИ более гибкой стратегии выживания. Особое значение в этом процессе имеет и усиление значимости мнения аудитории по поводу качества и форм деятельности масс-медиа. Новые ИКТ позволяют аудитории утвердить свою позицию в роли активного субъекта массовой информации и в то же время больше не зависеть от СМИ. Аудитория начинает выступать в роли полноправного участника производства, распространения, сохранения информации. Сами того не желая, традиционные СМИ могут остаться в стороне от информационных супермагистралей [См.: 1. С. 278]. Именно поэтому мас-медиа должны приспособливаться к новым условиям окру-

жающей среды, воспринимая изменения, «предлагаемые» Интернетом как мультинациональным поликультурным пространством [См.: 3. С. 124]. Пример СМИ Харьковского региона показывает, что на данном этапе они стреляться активно внедрять в свою деятельность все преимущества новейших ИКТ. Так, большинство масс-медиа уже создали собственные электронные веб-сайты, которые позволяют в режиме он-лайн публиковать в Интернете сюжеты, статьи, заметки и оперативно получать отклик от аудитории на них. Опыт использования СМИ Интернета, который по своей социальной природе также является средством коммуникации, пока еще обладает рядом достоинств: возможность создания и трансляции большого количества информации, высочайшая скорость ее распространения среди аудитории и т. д.

Однако, несмотря на все вышесказанное, традиционные СМИ продолжают оставаться одним из важнейших элементов общества. Роль СМИ как социального института сегодня не ограничивается только лишь исполнением функции информирования граждан о тех или иных событиях. В современном мире СМИ предстают в качестве сложного социотехнического комплекса, функциональные характеристики которого могут существенно воздействовать на протекание процессов коммуникативного и межкультурного взаимодействия. Благодаря своей способности многостороннего воздействия на массовую аудиторию, СМИ могут выражать мнение социальных групп, политических партий, финансово-экономических кланов. При этом СМИ пытаются балансировать между разнонаправленными интересами, что им не всегда удается. В большинстве случаев СМИ репрезентируют взгляды и интересы доминирующих социальных групп, правящей элиты. Последняя постепенно осознает роль традиционных СМИ, деятельность которых все больше основывается на использовании новейших ИКТ. Внимание политиков теперь сосредоточено не на том, что или как сказать в масс-медиа, но на том, чтобы постоянно *присутствовать* в них. При этом традиционные СМИ для выживания в сложных условиях трансформирующегося общества должны выбрать тот путь, который приведет их к дальнейшему развитию, а не наоборот. В качестве подобного пути некоторые ученые видят стимулирование развития общественного вещания, направленного на удовлетворение запросов большинства населения страны, как качественно нового по характеру электронного средства информации.

При этом информационное пространство, которое создают СМИ в совокупности с иными агентами, такими как органы местной власти, политические партии и их лидеры, общественные организации, представители различных социальных групп, насыщено материалами, которые именно СМИ считают (либо их заставляют

так считать) актуальными, интересными, объективными. С приходом и развитием сети Интернет, новых коммуникативных технологий, СМИ не могут продолжать контролировать поток информации, поскольку аудитория теперь сама вольна выбирать *любую* актуальную для нее информацию. Преимуществом и одновременно недостатком вступления в новую эру, лозунгом которой стало выражение М. Маклюэна «the medium is message» («средство есть сообщение») стало также усиление скорости обмена информацией в обществе. Но в отличие от более развитых стран, гражданам Украины, которая находится в состоянии трансформирующегося общества, пока еще не приходится использовать блага новейших масс-медиа в полной мере. В определенной степени это обусловлено экономическими, территориальными и иными ограничениями в доступе к сети Интернет.

Повышение эффективности деятельности социальных институтов также в достаточно большой степени зависит от роста эффективности СМИ, особенно в масштабах больших регионов, государства. СМИ как распространитель управленческой информации для большой рассредоточенной общности пока все еще незаменимы [См.: 1. С. 289].

СМИ сегодня становятся ответственными не только за свою деятельность. Опираясь на теорию демократического общества, можно подчеркнуть, что масс-медиа являются инструментом контроля общества за властью. Это приводит к повышению ответственности СМИ за реализацию информационной политики, основанной на принципах толерантности, равенства доступа к информации, а также за полноценное представление и трансляцию интересов и проблем национальных меньшинств, проживающих на территории страны.

Становление сети Интернет как нового средства массовой информации привело к значительным изменениям в деятельности масс-медиа. Пока еще не известно, к чему приведет подобное «сотрудничество». Возможно Интернет когда-либо объединит в себе все традиционные СМИ, вберет в себя все их основные свойства и станет для общества единым глобальным информационным пространством. Но все же сегодня традиционные СМИ сохраняют за собой ведущую позицию в общественной жизни и продолжают требовать к себе пристального внимания исследователей различных научных направлений, поскольку понимание роли СМИ во многом может облегчить разрешение сложнейших социальных, политических и иных задач, стоящих перед современным социумом.

Литература

1. *Грабельников А. А.* Русская журналистика на рубеже тысячелетий. Итоги и перспективы: Монография. – М.: Изд. РИП-Холдинг, 2000.
2. Основы теории коммуникации: Учебник / Под ред. проф. М. А. Василика. – М.: Гардарики, 2003.
3. *Сідоров М., Табаков М.* Інтернет як засіб комунікації та соціального впливу // Політичний менеджмент. – № 4. – 2008. – С. 119–125.

Г. Я. Коднер*

Информационные системы и менеджеры

Информационная система может быть определена технически как набор взаимосвязанных компонентов, которые производят сбор, обработку, хранение и распределение информации, чтобы поддержать принятие решений, координацию и управление в организации. Кроме того, информационные системы способны также помогать менеджерам анализировать проблемы, моделировать комплексные объекты и создавать новые изделия.

Хотя компьютерные информационные системы используют компьютерные технологии, чтобы переработать непроверенные сведения в значимую информацию, существует осязаемое различие между компьютером и компьютерной программой, с одной стороны, и информационной системой, с другой. Электронно-вычислительные машины с программным обеспечением – это техническая база, инструментальные средства и материалы современных информационных систем. Компьютеры представляют собой оборудование для хранения и производства информации; программы или программное обеспечение являются наборами руководств по управлению и обслуживанию компьютеров. Рассмотрим изменение роли информационных систем в организации. Аналогично существованию в больших организациях финансовых отделов и отделов кадров для управления финансовыми и людскими ресурсами, отдел информационных технологий обычно заведует информационными ресурсами фирмы. В связи с огромными изменениями в информационных технологиях, способах их использования и новыми методами конкурентной борьбы с их помощью, роль отделов ИТ также радикально изменилась.

Весь период использования информационных технологий в управлении предстает в виде пяти эпох: четыре эпохи в XX веке, пятая эпоха – в XXI. Рассмотрим только пятую эпоху. Эта эпоха характеризует собой глобальное взаимосвязанное общество, в котором фирмы могут использовать ИТ, чтобы работать с транснациональными деловыми партнерами без всяких языковых барьеров. В некоторых компаниях некоторые интегрированные системы

* *Галина Яковлевна Коднер* – ст. преподаватель кафедры информационных технологий ф-та компьютерных технологий Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

обеспечивают перевод языков и валюты и выполняют это на глобальной основе для глобальных клиентов. Организации теперь не могут обходиться без Интернета в связи с необходимостью управления командной работой в любое время/в любом месте, а также с целью непосредственного общения с клиентами в мировом масштабе. Возникла сетевая экономика, и успех предприятия теперь определяет бизнес «со скоростью мысли».

Сегодня благодаря новым системам работы знания, приложениям, обеспечивающим доступ к данным, и системам глобальных коммуникаций ИС помогают создавать и распространять знания и информацию [См.: 3].

Положение и роль специалистов информационных систем также изменились. Формально специальная организационная структура до сих пор называется отделом или группой информационных систем. Раньше такая группа состояла обычно из программистов, высоко обученных технических специалистов, которые разрабатывали программное обеспечение для компьютера. Сегодня основная доля сотрудников – системные аналитики или те, кто осуществляет взаимодействие с остальными подразделениями организации. Их задача – преобразовать деловые проблемы и требования в информационные требования, в данные для ИС. В отделе информационных систем есть также менеджеры ИС, которые являются лидерами групп программистов и аналитиков, руководителей проекта, менеджеров физических средств, менеджеров передачи данных и групп автоматизации делопроизводства. Кроме того, они также управляют работой компьютеров и штатом специалистов по вводу данных. Все остальные сотрудники организации – это конечные пользователи, для которых и создаются соответствующие информационные системы. В настоящее время именно конечные пользователи играют все большую и большую роль в создании и развитии информационных систем.

Предприятие существует не бесцельно – оно предназначено для удовлетворения определенных потребностей общества, то есть организация взаимодействует с окружающей средой и работает по определенному плану.

В течение столетий и даже тысячелетий сложилась иерархическая структура управления, и она представляется совершенно естественной. В соответствии с наличием разных направлений деятельности организации, особенностей и уровней структуры различают определенные виды информационных систем. Существуют уровни управления организации: стратегический, управленческий, уровень знания и эксплуатационный и функциональные области: продажа и маркетинг, производство, финансы, бухгалтерский учет и человеческие ресурсы.

Организационные уровни обслуживают четыре главных типа информационных систем: системы эксплуатационного уровня, системы уровня знаний, системы уровня управления и системы стратегического уровня.

Информационные системы можно также дифференцировать функционально. Главные функциональные области, такие как продажа и маркетинг, производство, финансы, бухгалтерский учет и человеческие ресурсы, обслуживаются собственными информационными системами. В больших организациях при выполнении разных функций внутри одной области используются специальные информационные системы.

Различают исполнительные системы поддержки выполнения – Executive Support Systems (ESS) на стратегическом уровне; управляющие информационные системы – Management Information Systems (MIS) и системы поддержки принятия решений – Decision Support Systems (DSS) на управленческом уровне; системы работы знания – Knowledge Work System (KWS) и системы автоматизации делопроизводства – Office Automation Systems (OAS) на уровне знаний; а также системы диалоговой обработки запросов – Transaction Processing Systems (TPS) на эксплуатационном уровне. Все эти системы в организациях предназначены для того, чтобы помочь работникам или менеджерам каждого уровня обслуживать функциональные области продажи и маркетинга, производства, финансов, бухгалтерского учета и человеческих ресурсов.

Компоненты каждой системы могут использоваться различными организационными уровнями, причем несколькими одновременно. Например, секретарь ищет информацию в MIS, средний менеджер запрашивает данные анализа из TPS.

Различные типы систем в организациях связаны друг с другом. TPS – обычно главный источник данных для других систем, в то время как ESS – прежде всего получатель информации из систем низшего уровня. Другие системы также обмениваются данными друг с другом.

Не следует рассматривать описанные информационные системы как нечто застывшее. По мере развития компьютеризации, информатизации и методов менеджмента меняются и информационные системы, их структура, возможности и функции. Например, из управляющих систем MIS по мере наращивания интеллектуальных способностей появились системы поддержки принятия решений DSS. В настоящее время MIS преобразуются в системы планирования ресурсов предприятия, или корпоративные информационные системы – Enterprise Resource Planning (ERP). Кроме того, на трансформацию ИС влияют и изменения в методах менеджмента. Продолжается и процесс преобразования методов менед-

жмента: вместо пооперационного управления, берущего начало еще от А. Смита, сейчас производится реинтеграция операций и знаний – появились методы всеобщего управления качеством – Total Quality Management, и их радикальное преобразование – реинжиниринг бизнес-процессов – Business Process Reengineering (BPR). Соответственно изменяются и информационные системы. В последние годы стало интенсивно развиваться новое направление менеджмента – управление знаниями, в связи с чем системы знания KWS приобретают вид систем управления знаниями и электронной нервной системы предприятия.

Огромную роль в управлении играет современная классификация ИТ-специалистов: среди специалистов информационных систем различают ИС-менеджеров и ИС-профессионалов; среди неспециалистов выделяют менеджеров-пользователей и конечных пользователей.

ИС-менеджер – руководитель информационной структуры. В 1980-е годы возникла потребность в управленцах высокого уровня, которые владели бы технологией и имели деловой опыт лидерства, соответствующий роли ИС-руководителя. В то время как в 1970-е годы фирмы нуждались больше в технической квалификации ИС-руководителей, сегодняшним ИС-менеджерам скорее не хватает общей квалификации управления. При стратегической роли ИТ в организации большее значение имеет формальное и неформальное общение старших и средних менеджеров.

Достижение двустороннего стратегического сотрудничества и развития эффективных связей со средним звеном на производстве также является одной из восьми главнейших задач для ИС-организации.

Старший ИС-руководитель является лидером команды, поэтому обычно в нее включают ИС-менеджеров по базам данных, телефонным линиям и человеческим ресурсам с применением новых информационных технологий. ИС-менеджеры и ИС-профессионалы отвечают за планирование, поставку и выполнение, поэтому стратегические системы часто физически расположены рядом с менеджерами, которых они поддерживают. В некоторых фирмах ИС включают функции планирования, доставки и подготовки отчетов непосредственно для менеджера в федеральном проекте организации. И большие, и маленькие организации теперь все сильнее склоняются в сторону внешних поставщиков ИТ (внешних источников) для обеспечения соответствующих услуг.

ИС-профессионалы – это программисты, системные аналитики, проектировщики интерфейса, сетевые администраторы и Web-разработчики.

Менеджер-пользователь – это внутренний клиент организации, использующей ИС. В сегодняшнем глобальном взаимосвязанном обществе стратегического применения ИТ требуют не только ИС-профессионалы, но и ИТ-бизнес-менеджеры.

Обязанности менеджера-пользователя включают и работу в совете директоров, который одобряет большие инвестиции в ИТ. В множестве корпораций старшие бизнес-менеджеры несут ответственность за свои бригады ИС-профессионалов, которые развивают приложения для информационного подразделения.

Конечные пользователи – это практически все пользователи ИТ. Они также должны достаточно хорошо разбираться в ИТ. Кроме того, они ближе всех к клиентам и могут лучше всех осветить вопросы улучшения процесса или удовлетворения потребностей клиента. Роль конечного пользователя является основной при эффективном внедрении новой компьютерной системы.

Стратегические информационные системы – это такие системы, которые являются мощными инструментальными средствами для повышения конкурентоспособности фирмы. Они изменяют цели, деятельность, изделия, услуги или внешние связи организаций, а также способ ведения бизнеса фирмы для того, чтобы получить конкурентное преимущество; они могут изменить и сам бизнес.

Информационные технологии не только изменили способ работы людей, но и изменили способы конкуренции. Сегодняшние фирмы не только автоматизируют, но активно разрабатывают новые способы применения ИТ для достижения конкурентного преимущества.

По определению Б. Гейтса, можно выделить следующие основные изменения бизнеса под влиянием информационных технологий: электронные транзакции непосредственно между участниками сделок без посредников, обслуживание клиентов как определяющая функция во всех областях бизнеса, необходимость перевода внутренних процессов компании на электронную основу для повышения скорости сделок [См.: 1, 2].

С помощью информационных систем можно изменить любую организацию, сделав ее более динамичной за счет совершенствования трех основных составляющих всякой деятельности – отношений с клиентами, партнерами и сотрудниками. Согласно этим компонентам Б. Гейтс выделяет три корпоративные функции: это коммерция, управленческая деятельность, деловые или бизнес-операции.

Использование информационных технологий для повышения эффективности работы предприятия можно разделить на внешнее

и внутреннее направления, к которым относятся электронный бизнес и управление знаниями.

«Управление знаниями – это дисциплина, которая обеспечивает интегрированный подход к созданию, сбору, организации, доступу и использованию информационных ресурсов организации. Эти ресурсы включают структурированные БД, текстовую информацию, такую, как документы, описывающие правила и процедуры, и, что наиболее важно, неявные знания и экспертную информацию в «головах» сотрудников» [4].

«Электронный бизнес – это непрерывная оптимизация продуктов и услуг организации, а также производственных связей посредством применения цифровых технологий и использования Интернета в качестве первичного средства коммуникации» [Там же].

Бурное развитие информационных технологий привело к изменению роли информационных систем в организации. В течение относительно короткого промежутка времени компьютеры превратились из помощников по ведению простейших расчетов в незаменимое средство обеспечения процветания организации в сетевой экономике.

Для крупной компании с несколькими уровнями управления необходимы различные информационные системы на каждом уровне. По мере интеллектуализации компьютеров меняются их взаимоотношения с людьми в процессе принятия решений, соответственно меняются и роли менеджеров, а значит и информационные системы.

Литература

1. *Гейтс Б.* Бизнес со скоростью мысли. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
2. *Железко Б. А., Морозевич А. Н.* Теория и практика построения информационно-аналитических систем поддержки принятия решений. – Минск: Армата-Маркетинг, Менеджмент, 1999.
3. *Martin E. Wainright.* Management Information Technology[^] What Managers Need to Know. – New Jersey: Prentice-Hall, 1999.
4. Словарь терминов Microsoft. – [Режим доступа: <http://www.microsoft.com/Rus/Government/newsletters/issue20/20.mspx>].

В. О. Лобовиков*

Информационные технологии и дискретные математические модели естественного права как системы: конкретный пример (образец и метод) работы естественно-правового суда при разрешении межкультурных конфликтов в сфере права

Данная статья – продолжение и развитие (конкретизация) доклада, представленного на *правовой* секции настоящей конференции. На *правовой* секции идея принципиальной возможности и целесообразности создания естественно-правового суда рассматривается на уровне чисто *естественного* языка существующей теории права. На этом уровне добиться значительного продвижения вперед невозможно из-за принципиальной ограниченности выразительных возможностей естественного языка (любого): его принципиальной неадекватности для эффективного обсуждения морально-правовых ценностных *переменных* и *функций* в самом общем виде. Поэтому на секции информационных технологий (той же самой конференции) уместно и необходимо перейти к систематическому использованию более точных (собственно математических) понятий, методов и искусственных языков, создающему предпосылки для плодотворного применения математического моделирования и информационных технологий в межкультурных коммуникациях, в сфере права. На первый взгляд, очень трудную (казалось бы, неразрешимую) проблему для предлагаемого подхода – математического моделирования системы естественного права, лежащего в основе деятельности гипотетического естественно-правового суда, представляют факты (1) *культурного плюрализма* и (2) *объективной относительности* морально-правовых оценок. По мнению подавляющего большинства юристов-позитивистов, в условиях культурного плюрализма и объективного релятивизма цен-

* *Владимир Олегович Лобовиков* – д-р филос. наук, профессор, гл. научный сотрудник отдела права Ин-та философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

ностей точно (строго) определить понятие «закон естественного права» невозможно.

Данная работа оспаривает это мнение, предлагая формулировку такого определения, использующую дискретную математику как язык и метод *релятивистской* теории нравственных ценностей; определяя универсальные законы естественного права как *тождественно-хорошие морально-правовые ценностные функции-константы* в двузначной алгебре естественного права. Эта алгебра строится на множестве поступков. По определению, поступками называются любые свободные действия, являющиеся либо хорошими (добром), либо плохими (злом). На множестве поступков определяются унарные и бинарные алгебраические операции, представляющие собой морально-правовые ценностные функции. Областью допустимых значений переменных этих функций является двухэлементное множество $\{g, b\}$. Оно же является областью изменения значений этих функций. Символы «g» и «b» обозначают морально-правовые значения поступков, соответственно, «хорошо (добро)» и «плохо (зло)». Буквы x, y, z , обозначают морально-правовые формы (поступков). Простые морально-правовые формы – независимые нравственные переменные, а сложные формы – морально-правовые ценностные функции от этих переменных. С чисто математической точки зрения, в двузначной алгебре поступков существует 16 математически различных бинарных операций. Переходя на прикладную точку зрения, на наш взгляд, естественно принять следующую ценностную таблицу.

Таблица № 1 (часть 1)

x	y	Kxy	Sxy	Axy	Wxy	Uxy	Txy	Hxy	Dxy
g	g	g	b	g	b	b	g	b	g
g	b	b	g	g	b	g	b	b	g
b	g	b	g	g	b	g	b	g	b
b	b	b	g	b	g	b	g	b	g

Таблица № 1 (часть 2)

x	y	Cxy	Vxy	Lxy	Qxy	Fxy	Ixy	Gxy	Zxy
g	g	g	b	g	g	b	b	g	b
g	b	b	g	g	b	b	g	g	b
b	g	g	b	b	g	g	b	g	b
b	b	g	b	b	b	g	g	g	b

В части 1 (таблицы № 1) символ Kxy обозначает морально-правовую операцию «*объединение* (поступков) x и y (в линию поведения)». Символ Sxy – морально-правовую операцию «*разделение* (разъединение) x и y ». Axy – «*неисключающий выбор* (и совершение) наилучшего из поступков, могущих быть образованными из x и y ». Wxy – «*воздержание от обоих (поступков)*: как от совершения x , так и от совершения y ». Uxy – «*исключающий выбор* (и совершение) наилучшего из поступков x и y ». Txy – «*морально-правовое отождествление* (то есть отождествление в морально-правовом отношении) поступков x и y ». Hxy – «*наступление, нападение (атака) у на x* ». Dxy – «*защита (оборона) x от y* ».

В части 2 (таблицы № 1) символ Cxy обозначает морально-правовую операцию «*совершение* (поступка) y в ответ на (поступок) x ». Символ Vxy – морально-правовую операцию «*контрнаступление* (контратака) x на (против) y ». Lxy – «*независимость* (самостоятельность, свобода) x от y ». Qxy – «*независимость* от y разрушения (уничтожения) x ». Fxy – «*независимость* от x разрушения (уничтожения) y ». Ixy – «*независимость* от x разрушения (уничтожения) y ». Gxy – «*тождественно хорошая* морально-правовая форма, у которой постоянно положительное нравственное значение не зависит ни от x , ни от y ». Такие и только такие морально-правовые формы суть универсальные для всех времен и народов законы морали и права. Zxy – «*тождественно плохая* морально-правовая форма, у которой постоянно отрицательное нравственное значение не зависит ни от x , ни от y ». Такие и только такие морально-правовые формы суть универсальные для всех времен и народов проявления нравственной патологии, нарушения морально-правовых законов.

Рассмотрим теперь некоторые *унарные* морально-правовые операции. Пусть символ E_x обозначает «свобода для (чего, кого) x ». Символ O_x обозначает «определение, ограничение x ». B_x – «власть (чего, кого) x ». R_x – «власть над (чем, кем) x ». Y_x – «исполнение, осуществление (чего, кого) x ». J_x – «суд над (чем, кем) x ». X_x – «закон для (чего, кого) x ». P_x – «производство (творчество), создание (чего, кого) x ». N_x – «безразличие, равнодушие (морально-правовое) к x , то есть беспринципность при осуществлении x ». Ma – «принципиальность, то есть безразличие, равнодушие (морально-правовое), при осуществлении x ». Ценностно-функциональный смысл этих операций определяется таблицей № 2.

Таблица № 2

x	Ex	Ox	Bx	Yx	Jx	Xx	Px	Nx	Mx
g	g	b	g	g	b	b	g	b	g
b	b	g	b	b	g	g	b	b	g

Конкретными примерами законов естественного права в двузначной алгебре поступков являются морально-правовые формы: $SBYxBJx$; $SBPXxBYx$; $SBPXxBJPx$; $SBJxBPXJx$. Это можно проверить табличным способом: путем «вычисления» соответствующих ценностных таблиц в порядке упражнения. Причем, проверку эту могут самостоятельно осуществить не только «продвинутые» студенты-юристы, но даже и типичные (среднестатистические) студенты-«чайники» (дневного отделения) юридического факультета любого хорошего университета. Пример – Гуманитарный университет г. Екатеринбурга. Кроме того, у меня это очень быстро делали очень многие школьники старших классов обычной средней школы г. Челябинска. Значительно более зрелые студенты-заочники юридического факультета одного из вузов г. Кургана делали это менее быстро и не столь массово. А вот еще более зрелый (около 70 лет от роду) юрист-теоретик (главный научный сотрудник одного из научно-исследовательских юридических институтов г. Москвы) из принципа отказался даже попытаться сделать это, заявив, что это невозможно в принципе, так как судья – человек, а человек – не машина. Вообще говоря, в каком-то конкретном отношении он прав, но в данном конкретном отношении он не прав, так как упомянутая выше проверочная процедура вполне алгоритмична: существует алгоритм ее реализации. И даже существует программное обеспечение (в математической логике) для осуществления таких проверок с помощью компьютера.

Это значит, во-первых, что преподавание информатики и математики юристам можно естественным образом связать с их профессиональными интересами, задачами, знаниями и навыками в сфере права. Во-вторых, это значит, что, в принципе, возможна и целесообразна *частичная* алгоритмизация и машинизация *отдельных (простейших) фрагментов* юридической деятельности, в частности, законотворческой и судебной. В рассмотренном выше конкретном примере (образце применения метода) деятельности гипотетического естественного-правового суда, задача этого суда состояла в установлении соответствия (или несоответствия) системе естественного права того набора позитивно-правовых норм конституционного права, который известен как «принцип разделения властей (исполнительной, законодательной и судебной)». Консервативные юристы старшего поколения, наверное, удивятся, узнав, что эти нормы реально действующего позитивного конституцион-

ного права (России, США и ряда других стран) успешно прошли проверку в естественно-правовом суде. Решение этого суда гласит: рассмотренные нормы позитивного права соответствуют (не противоречат) системе естественного права. Но такой счастливый исход судебного разбирательства обусловлен содержанием данного конкретного дела. В принципе, при каком-то другом конкретном содержании исследуемого дела исход проверки некой действующей нормы позитивного права (или законопроекта) в естественно-правовом суде может оказаться ее «провалом (как на экзамене)». Но и отрицательный результат тоже ценен: он информирует законодателя о том, что нужно еще раз хорошенько подумать и выправить дефект: это даст экономию материальных ресурсов и уменьшит моральный вред.

Особенности организации информационной системы управления производством по индивидуальным заказам

Увеличение глобальной конкуренции, движение к более эффективным, гибким и открытым организациям выдвигает необходимость в новом подходе к управлению предприятием. Одна из современных тенденций – это индивидуальная направленность заказов. Если в недавнем прошлом промышленность выпускала продукцию большими и однородными партиями, то сейчас речь идет о производстве, направленном на конкретного клиента. Рынок индивидуальных заказов предполагает производство изделий с учетом потребностей, поэтому при заключении договора возникает необходимость в формировании параметров изделия, а именно цены, сроков изготовления, при отсутствии достоверных статистических данных. Решению этой задачи способствует развитие корпоративных информационных систем, которые делают возможным накапливать и оперативно анализировать большие объемы производственной и финансовой документации.

На основании принципов и последовательно-параллельной организации производства предлагается в рамках одного заказа – проектное управление, а в рамках предприятия – сочетание проектного и функционального управления. В этом случае проектная составляющая будет охватывать вспомогательные функции: Планирование, Финансы и Персонал для основных функций: Сбыт, НИОКР и Разработка продукции. Далее для функций Закупка и Производство реализуется функциональное управление, и вспомогательные функции подчинены линейно данным подразделениям (рис. 1).

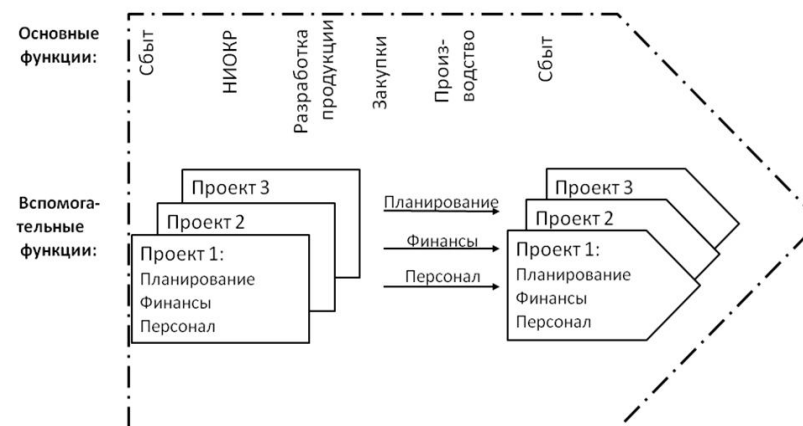

Рис. 1. Проектно-функциональная система управления

На рисунке 2 представлена схема обслуживания заказа на уровне создаваемой документации. Все действия предполагают передачу информации в информационную базу. При получении заказа на уникальную продукцию предлагается параллельное формирование цены и разработки технического задания. На основании заказа формируется договор и техническое задание, где в договоре определяются требования и предварительная цена, а в техническом задании – цели и условия эксплуатации. Далее создается конструкторская документация в виде состава деталей и функций уникальной продукции, и особенностей конструкции. Последним разрабатывается технологическая документация в виде описания технологий и ограничений на выполнение процессов. После создается приложение к договору, целью которого является уточнение цены и условий оплаты. На основании разработанных документов из информационной базы формируется план выпуска уникальной продукции.

* Татьяна Анатольевна Минеева – ст. преподаватель информатики кафедры экономики ф-та компьютерных технологий Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

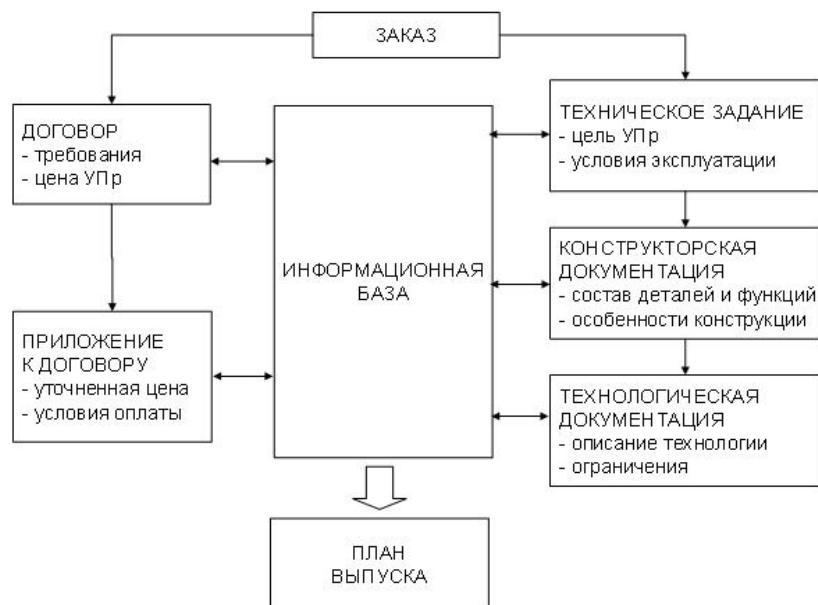

Рис. 2. Информационные коммуникации при обслуживании заказа

В таблице 1 показано описание документов применительно к подразделениям. Подразделения предприятия участвуют в двух процессах – создание документа, прием и использование. Дополнительно приведено соответствие задач, результатами которых являются данные документы.

Таблица
Описание документов для создания уникальной продукции

Название документа	Цели	Подразделение – источник документа	Задача	Подразделение – приемник документа
Заказ	Определение условий и ограничений от клиента	Сбыт	Создание прототипа	НИОКР, Разработка продукции
Договор	Формирование требований, предварительная цена	Сбыт, Закупки	Создание прототипа, Расчет себестоимости	Планирование, Разработка продукции

Окончание табл. см. на след. стр.

Окончание таблицы

Приложение к договору	Уточнение цены и условий оплаты	Закупки, Финансы, Разработка продукции	Расчет цены	Закупки, Финансы, Разработка продукции
Техническое задание	Определение цели, условий эксплуатации	НИОКР, Разработка продукции	Создание прототипа	Закупки, Финансы
Конструкторская документация	Определение состава деталей и функций. Разработка особенностей конструкции	НИОКР, Разработка продукции	Разработка технологии	Производство
Технологическая документация	Описание технологии. Выработка ограничений	НИОКР, Разработка продукции	Разработка технологии	Производство
План выпуска	Формирование сроков, потребностей в ресурсах и регламент производства	Производство	Разработка технологии, Расчет себестоимости	Сбыт

При распределении ответственности за документы в качестве Подразделения – источника документа в идеале допускается только одно. Но в частных случаях, если информацию документа можно разделить на части, – ответственных несколько. На основании таблицы получено, что максимальная ответственность ложится на подразделение Разработка продукции (три документа), так как в рамках подразделения создаются основные документы, описывающие саму уникальную продукцию и процесс ее производства. По два документа создают Сбыт, Закупки. По одному – Производство и Финансы. Относительно исходящих документов сохраняется аналогичное распределение ответственности.

Предлагаемый подход к организации системы управления позволит организовать не только учет выполнения конкретного заказа, но и согласование пакета заказов на предприятии.

Литература

- ГОСТ 14.201-83. Обеспечение технологичности конструкции изделий.
- Егорова Т. А. Организация производства на предприятиях машиностроения. – СПб.: Питер, 2004.
- Новицкий Н. И., Пауто В. П. Организация, планирование и управление производством: Учеб.-метод. пособие / Под ред. Н. И. Новицкого. – М.: Финансы и статистика, 2007.
- Теория систем и системный анализ в управлении организациями: Справочник: Учеб. пособие / Под ред. В. Н. Волковой, А. А. Емельянова. – М.: Финансы и статистика, 2006.

Технологии искусственного интеллекта как средство интенсификации образовательной практики

Технические средства являются важнейшим инструментом освоения человеком окружающего мира. Они играют огромную роль в научном познании, способствуют совершенствованию методов обучения. Технические приборы и устройства усиливают физические, психологические и интеллектуальные свойства человека. Простейшие ручные инструменты увеличивают возможности естественных органов человека, станки и механизмы имитируют сложные человеческие действия, моделируя комплексные усилия человека по преобразованию внешней среды. Новейшие информационные технологии выполняют отдельные операции, многократно превышающие возможности человеческого мозга: обрабатывают огромные массивы информации, находят оптимальное логическое решение, выполняют управленческие функции.

Развитие компьютерной техники, усиливающей интеллектуальные возможности человека, открывает новые горизонты познания окружающего мира, производства и распространения информации, научно-технического и социального прогнозирования. Качественно меняются возможности образования. Современные интеллектуальные системы помогают визуализировать, сделать наглядными для зрительного восприятия многие скрытые в действительности свойства предметов. Компьютерная графика делает возможным пространственное воспроизведение объектов, что позволяет вовлекать в активную работу мышления образное (правое) полушарие головного мозга. Таким образом, научное познание приобретает новые перспективы своего развития через синергетическое взаимодействие образного и логического мышления. Полученные знания, даже весьма абстрактные и формализованные, благодаря интерактивной компьютерной графике становятся наглядными и удобными для восприятия, что повышает доступность и эффективность их использования в образовательной практике.

* *Галина Владимировна Панина* – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н. Э. Баумана (г. Москва).

Компьютерные системы управления сложными объектами появляются в 60-е годы XX века в условиях необходимости координации действий многосложных технических устройств, благодаря чему человек осваивает возможность переработки и хранения больших массивов информации вне своей головы. Сама эта возможность, копирующая деятельность человеческого интеллекта, казалась захватывающей и открывала новую область исследований – проектирование «искусственного интеллекта», технических устройств, по своим действиям и результатам напоминающих человеческих мозг. Работы шли не по принципу копирования работы мозга (это слишком сложно и практически невыполнимо), а по принципу технического моделирования интеллектуальных функций, которые внешне напоминали такую деятельность человека, как хранение и переработка информации, управление объектами принятия решений, поиск наилучших процедур действия. Копирование функций человеческого интеллекта привело к лучшему пониманию закономерностей мышления. Однако простая имитация функций человеческого мышления превращала «искусственный интеллект» в «накопительную корзину» полезных программ и совершенно не могла воспроизвести главного качественного свойства мышления – рождения новых подходов к решению задач, творческого полета мысли.

На втором этапе к работе над искусственным интеллектом наряду с программистами подключились математики и логики, создавшие программы обобщающего класса, которые могли быстро перебирать множество альтернативных возможностей и оставлять максимально приближенные к конечной задаче («общий решатель задач Ньюэлла-Саймана»). В случае, если поиск нужного решения заходил в тупик, программа «блуждания по лабиринту» возвращалась назад, к исходному положению и начинала новую цепочку выводов, основанных на законах логики. Многие задачи оказались доступны для компьютера – управление сложными технологическими процессами, нахождение оптимального варианта в условиях неопределенности и другие. Однако процедуры мышления, которые не определяются «чистой логикой» (обобщение понятий, появление нового сложного знания из простого старого, мышление и понимание с помощью образов, ассоциаций, метафор и т. п.) казались принципиально недоступными для машинного моделирования.

Третий этап работ по искусственному интеллекту был связан с ростом интереса к лингвистике и семиотике как наукам о знаковых формах выражения и передачи информации. Работы в области моделирования технических средств распространения информации сделали наглядным факт, что главным в человеческом мышлении является не способность к простому перебору вариантов, а умение

типологизировать – обобщать сходные классы объектов и строить типологические модели решения данного класса задач. Важным также является умение «подвести» конкретный случай под имеющийся тип задач и увидеть типичный способ работы с ним. Подобная процедура называется пониманием: происходит наименование (типизация) конкретного объекта и определяется порядок действий, характерный для данного типа объектов (понимание, что надо делать). Естественный человеческий язык представляет собой идеальный случай обобщения, обработки, планирования и представления знаний. Для того чтобы широко использоваться в человеческой практике, искусственный интеллект должен научиться имитировать обработку (прием, понимание, передачу) информации на естественном языке.

Изучение функционирования естественного языка как средства циркуляции информации привело к новым открытиям в понимании сущности человеческого мышления. Стало очевидным, что кодировка и раскодировка информации в естественном языке не является замкнутой процедурой, а вписана в социокультурный контекст. Понимание смысла сообщения обусловлено не столько анализом знаков текста, сколько соотношением этого текста со знанием действительности, с опытом познающего субъекта, то есть с общекультурным контекстом. Для систем искусственной обработки информации необходимо наличие базы знаний, к которой система обращалась бы для получения информации о том или ином объекте. Но знание не есть только текст, а есть система взаимодействия текста с элементами общекультурного пространства. Следовательно, проблема представления знания в электронной форме не может быть решена только средствами лингвистики, логики, математики и программирования, а требует использования в значительной мере данных психологии, культурологии, социологии, философии, других социогуманитарных наук. Один из ведущих специалистов по созданию искусственного интеллекта в России Г. С. Поспелов заметил, что «за спинами создателей искусственного интеллекта стоят тени великих философов».

Для совершенствования технологий искусственного интеллекта необходимо уяснить логику его развития.

В современной социогуманитаристике понятие техники рассматривается как в узком, так и в широком смысле слова. В узком смысле она обозначает машины, механизмы, устройства, создаваемые человеком с целью воздействия на окружающий мир и изменения его в интересах человека. В широком же значении техника подразумевает способ существования человека на Земле, стиль преобразующей активности, *органопроекцию человеческой сущности* на окружающий мир. Понимая технику в широком

смысле слова, можно говорить о нескольких этапах развития техники как стадиях развертывания сущностных сил человека.

Ранний этап знаменуется появлением орудий труда, являющихся продолжением естественных органов человеческого тела – усилением возможностей его рук, ногтей, зубов. Как древние топоры, скребки, копыя, так и современные инструменты (пила, долото, рубанок и т. п.) используются человеком для распространения и усиления своего преобразующего воздействия на окружающий мир. Это – своего рода *органопроекция человеческого тела*.

Следующий этап развития техники можно назвать *органопроекцией человеческого поведения*. Человек создает составные орудия, которые имитируют сложные человеческие действия, моделируют вонне комплексные усилия людей по трансформации внешней среды. Человек приводит в действие эти устройства, активизируя в качестве источника движения силы природы: сначала силу тяжести (наклонная плоскость и рычаг), потом пара (паровая машина), а затем природных энергоносителей, электричества, атомного ядра (машины, механизмы, приборы, средства транспорта и связи).

В условиях все ускоряющегося роста количества и сложности технических устройств, образующих *техносферу*, перед человеком встает грандиозная задача управления мощнейшими техносистемами. Функции, прежде выполнявшиеся исключительно человеческим мозгом – мышление, обработка информации, анализ ситуации, принятие решения – выносятся вонне и моделируются с помощью современных информационных технологий. Речь идет уже об *органопроекции мышления*.

Усилия по созданию органопроекции человеческого мышления (искусственного интеллекта) демонстрируют возможности человека эффективно управлять окружающими процессами и выявляют *пределы искусственного разума*.

Моделируя с помощью компьютерной программы какое-либо мыслительное действие, программист воспроизводит (пусть многократно ускоренно) известные, отработанные человеком алгоритмы деятельности, будь то анализ информации, поиск решения через блуждание в лабиринте возможных ситуаций и стремление выйти к оптимально желаемому результату, или даже игра в шахматы и сочинение музыки и стихов. Только человеческое мышление не просто реализует хранящиеся в памяти программы, а генерирует их. Человеческий интеллект не является простым исполнителем формально-логических цепочек рассуждений. Он порождает совершенно новые направления размышлений, различные в зависимости от решаемых задач и появляющихся проблем. Процесс мышления не есть чисто информационное явление, это сложный

процесс взаимодействия организма с внешним миром. Причем с реальностью взаимодействует не просто организм, а человеческая личность с ее знаниями, умениями, опытом, притом не только индивидуальным, но общекультурным. Формально-логические выводы составляют весьма незначительную часть человеческого мышления. Человеческий интеллект пользуется контекстной логикой, логикой веры, догадками, интуицией, озарениями и т. п. Мышление человека глубже, сложнее, неопределеннее, чем его рационально-логическая модель.

Е. А. Свалов*, Г. В. Курляндская**

Некоторые аспекты информационных технологий как инструмента межкультурной коммуникации

Термин «информационные технологии», аббревиатура «ИТ» в русский язык перешел из английского как прямой перевод словосочетания «*information technology*», *IT*. Под информационными технологиями принято понимать широкий круг областей деятельности и соответствующие им группы дисциплин, относящихся к технологиям управления и обработки данных, в том числе, с применением математических моделей и вычислительной техники. В последнее время появилась тенденция отождествлять термины информационные и компьютерные технологии, подчеркивая особую роль компьютеризации в современных средствах обучения. В частности, в информационных технологиях компьютеры, их программное обеспечение и сетевой доступ используются для получения, обработки, передачи, хранения, преобразования и защиты информации. Появление и распространение первых информационных систем стимулировало начало развития ИТ в 60-х годах прошлого века. Однако бурный рост сферы ИТ стал очевиден в конце 90-х годов XX века. Основой этого роста послужили коммерческие и государственные инвестиции в инфраструктуру и сервисы глобальной информационной сети Интернет. Информационные технологии развиваются по следующим основным направлениям: информатика, программирование, Интернет (включая веб-разработки), управление данными (включая их обработку, радиочастотную идентификацию, получение данных), хранение данных (включая базы данных и архитектуру информационных блоков), информационная безопасность, криптография, системная интеграция и искусственный интеллект. Хотя перечисленные области ИТ очень по-разному связаны с проблемами межкультурной коммуникации, у всех этих областей есть общие аспекты, которые и рассматриваются в данной

* **Евгений Андреевич Свалов** – аспирант кафедры педагогики УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

** **Галина Владимировна Курляндская** – д-р физ-мат. наук, ст. научный сотрудник кафедры магнетизма и магнитных наноматериалов УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

работе – это необходимость профессионального владения не только специальными вопросами (например, знаниями в области информационных и коммуникационных технологий), но и достаточная общегуманитарная подготовка в сочетании с владением иностранными языками [См.: 2, 3].

Огромное значение, как в научной работе, так и преподавании междисциплинарных курсов, а именно таковыми и является подавляющее большинство вновь создаваемых курсов, приобретает унификация языкового пространства. Результаты Интернет-поиска или запросов в электронные базы данных первоначально отбираются на одном или нескольких языках оригинала. Далее встает вопрос о возможности их перевода на один язык, которым пользуется конкретная исследовательская группа или группа педагогов. Наиболее остро проблемы унификации языкового пространства возникают в группах, где объект исследования не является объектом гуманитарной ориентации [См.: 1]. Несмотря на то, что основная часть научных работ по негуманитарной тематике, как правило, публикуется на английском языке, исследователи таких стран, как Германия, Франция, Испания, Россия, Япония и др. публикуют многие из своих оригинальных результатов на родных языках (например, в быстроразвивающейся в настоящее время сфере нанотехнологий). Хотя эту ситуацию никак нельзя считать новой, принципиально новым стал уровень требований даже не столько к скорости квалифицированного перевода, сколько к скорости и качеству поиска новой тематической информации через специализированные электронные базы данных. Встал, например вопрос о введении и использовании новых терминов и путях их перевода с одного языка на другие.

Многие технические термины в современных европейских языках не имеют адекватных аналогов для всех языков, зачастую это связано с быстротой обмена научно-технической информацией. Например, в русском языке для обозначения потерь на магнитный гистерезис и вихревые токи используются термины «гистерезисные» и «вихревые» потери. Английский вариант в точности соответствует русскоязычному переводу «hysteresis» и «eddy current» (вихревые токи), но, к примеру, в испанском языке установилась традиция для слова «ток» использовать испанский перевод английского слова «current», а для слова «вихревой» использовать английский термин без перевода – «corrientes “eddy”». Еще менее упорядочен вопрос об использовании слова «маркер». В русском языке синонимами служат не только слова «лейбл» и «метка», но и «бусина», «сфера», «частица». Хотя есть тенденция употреблять термины «бусина» и «сфера» для крупных маркеров (размер которых близок к нескольким микрометрам), с другой стороны, употребление именно этих терминов дополнительно фокусирует вни-

мание читателя на близкой к сферической форме маркеров. Использование терминов «лейбл», «маркер» или «метка» несет дополнительную смысловую нагрузку, указывающую на основную функцию этих частиц – «отметить» определенную биологическую молекулу или определенный тип клеток. Казалось бы, в русскоязычном варианте использование термина «метка» более предпочтительно. Однако в стилистическом отношении слово «метка» скорее относится к разговорной лексике, и его перенесение в область научной терминологии вызывает обоснованные сомнения. В научной литературе упомянутые выше термины употребляются в настолько разных областях (физике, химии, биологии, медицине, материаловедении, нанотехнологиях и т. д.), что упорядочить их употребление в данный момент не представляется возможным.

На первом этапе введения нового термина, как правило, пользуются тем вариантом, который предложила группа исследователей или отдельный исследователь, обнаруживший данный эффект или явление. Часто различные группы предлагают разные термины, и в таком случае наблюдается определенный период их «сосуществования». При этом далеко не всегда закрепляется тот термин, который был введен первым. Приведем пример таких языковых процессов: в мае 2003-го года на английском языке была опубликована первая работа [См.: 1] по биодетектированию магнитных маркеров с помощью магнитоимпедансного эффекта. В данном случае в качестве чувствительного элемента ГМИ датчика использовался однородный материал в виде ленты. Спустя несколько месяцев появилась работа по МИ биодетектированию, в деталях опубликованная только на немецком языке [См.: 4]. Группа из университета Дюссельдорфа использовала пленочные материалы в разной конфигурации как чувствительные элементы МИ биодетекторов. Работа была опубликована в сборнике, доступном за пределами Германии только через Интернет. Существует три разновидности пленочных магнитоимпедансных элементов: однородная пленка, трехслойная пленочная структура с одинаковой геометрией слоев и трехслойная пленочная структура с зауженным центральным слоем. Второй тип структуры еще до публикаций группы из Дюссельдорфа в научной литературе иногда называли структурой типа «сэндвич». Немецкая группа в работе [4] использовала термин «хот дог» для описания МИ структуры третьего типа. Несмотря на неоднократные попытки его закрепления (например, использование термина во время презентаций и в других публикациях), поддержки других исследований этот термин не получил. В русском языке вместо термина «хот дог» используется хотя и более громоздкая («трехслойная пленочная структура с зауженным центральным слоем»), но менее жаргонная конструкция.

Современные тенденции и изменения в системе образования Европейских университетов в рамках Болонского процесса также требуют особого внимания к проблеме создания единого языкового пространства. Например, защита диссертации на соискание степени кандидата философии «Philosophy Doctor», эквивалентной степени кандидата наук, при условии выполнения евростандарта предполагает: стажировку в одной из стран Европы продолжительностью не менее трех месяцев; написание части работы и защиту ее части на английском языке; участие экспертов из других стран в совете по защите диссертации. Как минимум это ведет к созданию унифицированного языкового пространства, способствующего гуманизации образовательного процесса. Полные тексты диссертационных работ становятся все более и более доступными посредством Интернет-технологий. Приведем пример: в немецком университете города Билефельда была выполнена и в 2004 году успешно защищена диссертация Георга Шоттера «Создание биодатчика на основе магниторезистивного эффекта для детектирования биомолекул». Данная работа, представленная к защите на английском языке, доступна в полнотекстовом режиме без ограничений через сеть Интернет. Из десяти оригинальных публикаций автора восемь выполнены на английском и две на немецком языках.

ИТ сложным образом связаны с проблемами межкультурной коммуникации. В настоящей работе были кратко рассмотрены некоторые вопросы унификации языкового пространства, предъявляющие к участникам образовательного процесса требования профессионального владения не только специальными знаниями, но достаточной общегуманитарной подготовкой.

Литература

1. Свалов Е. А., Спиридонов Д. В. Классическое гуманитарное образование: проблемы мотивации и возможные пути их преодоления // Качество жизни в социокультурном контексте России и Запада: методология, опыт эмпирического исследования: Материалы IX международной конференции памяти проф. Л. Н. Когана. – Ч. 2. – Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2006. – С. 127–129.
2. Энциклопедия информационных технологий. [Электронный ресурс]. – [Режим доступа: <http://www.ithistory.info/>].
3. Юдковский Э. Искусственный интеллект как позитивный и негативный фактор глобального риска // Риски глобальной катастрофы. – Оксфорд, 2007.
4. Bethke C., Yakabchuk H., Taracenko V., Hammer H., Kisker E. Detection of superparamagnetic markers with MGI-sensors, *Technisches Messen* 70 (2003) 574–576.

Н. В. Хмелькова*

Предпринимательство в сфере Интернет-технологий (опыт исследования школьников)

По данным исследований, опубликованных компанией «Левада-Центр» летом 2008 года, в России заявляют о своем «знании и умении пользоваться Интернетом» приблизительно треть населения (33 % на ноябрь 2007 года). Пользование Интернетом зависит от многих социально демографических признаков (образование, социальное положение, пол, место жительства и другое), главным из которых является возраст. Молодые люди умеют пользоваться Интернетом почти в 14 раз чаще, чем пожилые (в возрастной группе 18–24 лет пользователей порядка 69 %, в группе старше 55 лет – около 5 %). При этом доля активных Интернет-пользователей (тех, кто выходит в сеть ежедневно или несколько раз в неделю) составила в январе 2008 года порядка 12 % населения России, причем, за восемь лет эта цифра выросла в 6 раз. Согласно полученным данным, чаще других пользуются Интернетом руководящие работники, учащиеся и служащие. Около двух пятых населения России декларируют готовность «использовать компьютер/Интернет для получения информации, приобретения товаров и услуг и повышения своего образования. В первую очередь пользователи посещают в Интернете новостные, справочные, образовательные и музыкальные сайты, смотрят прогноз погоды¹.

Насколько, в связи с этим, Интернет интересен в качестве возможной сферы для осуществления предпринимательских проектов?

Учитывая, что в аудитории пользователей Интернета преобладает молодежь, не вызывает удивления тот факт, что к Интернет-технологиям как объекту предпринимательской деятельности интерес, в первую очередь, проявляют молодые люди. Как показывают результаты международных и российских исследований, год от года число молодых предпринимателей в мире возрастает, а

* *Наталья Владимировна Хмелькова* – канд. экон. наук, доцент, завкафедрой экономики ф-та компьютерных технологий Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Данные получены с сайта «Левада-Центра»//www.levada.ru

одним из основных объектов их интереса является новая экономика. Как показало проведенное в 2006 году исследование предпринимательских предпочтений российских школьников, Интернет-технологии были обозначены ими как третья возможная сфера организации бизнеса после сферы услуг и торговли и производства товаров народного потребления. За них высказались 12 % от общего числа опрошенных школьников.

Вызывает интерес и то обстоятельство, что российская молодежь задумывается о перспективах и возможных направлениях предпринимательской деятельности уже в юном возрасте, отдавая приоритет бизнесу, связанному с Интернетом и IT-технологиями.

В январе 2009 года было проведено исследование (анкетирование) учеников третьего класса одной из гимназий г. Екатеринбурга для выявления их отношения к предпринимателям и предпринимательству и их представлений об этих экономических явлениях. Возраст опрошенных – 9–10 лет. В структуре выборки 52 % составили мальчики, 48 % – девочки. У 44 % опрошенных учеников родители (мама и/или папа) занимаются бизнесом, у 56 % – нет.

На вопрос о том, предполагают ли они сейчас или в будущем создать собственный бизнес, 48 % третьеклассников ответили положительно, еще 48 % – сказали, что пока не приняли окончательного решения по этому вопросу, и лишь 4 % (1 человек из выборки) – отметили, что не хотели бы заниматься предпринимательством (см. рис. 1).

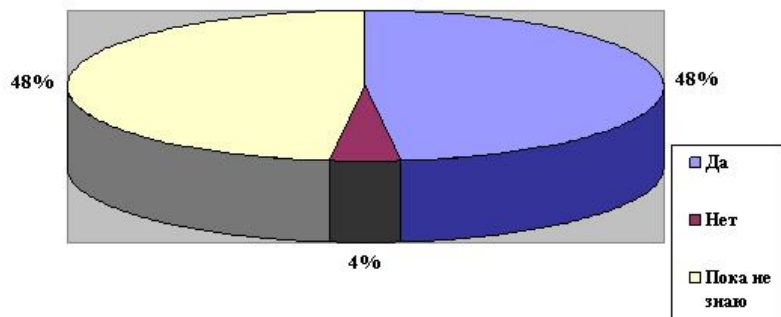

Рис. 1. Предпочтения относительно желания заниматься предпринимательством

При этом показательно, что из числа респондентов, которые хотели бы создать собственный бизнес, 23 % проголосовали за бизнес в Интернете, 15 % учеников отметили, что хотели бы заниматься производством компьютеров или сотовых телефонов, 1 % респондентов выбрали бизнес в сфере компьютерного программирования (см. рис. 2).

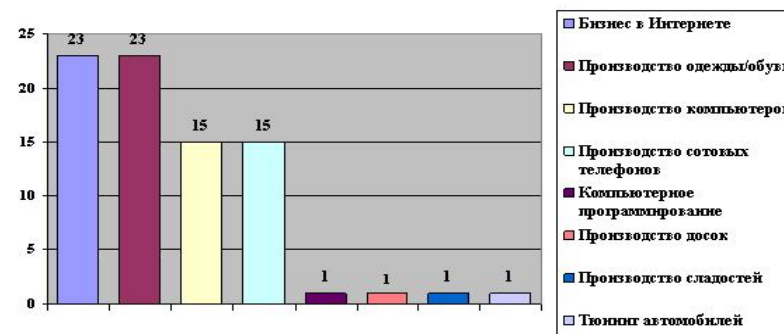

Рис. 2. Предпочтения по возможным направлениям предпринимательской деятельности

При этом, если отдельно рассмотреть результат, полученный по выборке мальчиков, отметивших, что они хотели бы заниматься предпринимательской деятельностью (30 % от всех опрошенных третьеклассников), число респондентов, обозначивших Интернет как привлекательную сферу бизнеса, возрастает до 38 %. Число респондентов, интересующихся производством сотовых телефонов, увеличивается до 25 %.

По сей день, не известна «формула», благодаря которой человек становится успешным и состоятельным. Однако очевидно, что на рынке побеждают те, кто быстро реагируют на изменения, действуют без страха и не боятся новых перспектив. Поэтому не удивительно, что число молодых предпринимателей растет. Как показывают исследования, одним из основных объектов интереса для значительного числа юных бизнесменов являются Интернет и IT-технологии. Вероятно, им представляется, что именно они станут для них наилучшим инструментом воплощения их самых дерзких и оригинальных бизнес-идей.

Социальные сети современности: анализ и оценка

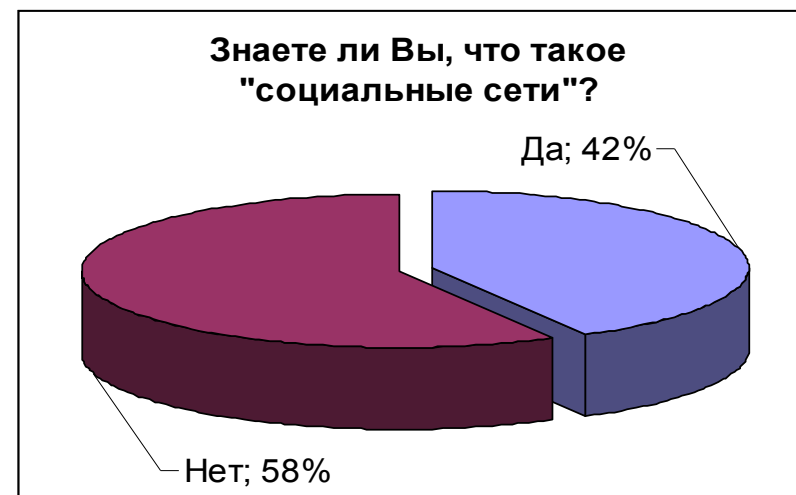
Популярность социальных сетей растет не по дням, а по часам. Это подтверждают многочисленные исследования, проводимые различными компаниями. В этой статье мы бы хотели рассмотреть социальные сети именно со стороны цифр и проверенных фактов. Но для начала...

Что же такое сетевые сервисы, сервисы Web 2.0, и социальная сеть? Для начала, это слова синонимы. Социальные сети, или, как их еще называют, сообщества, появились во всемирной паутине относительно недавно. Точного определения социальных сетей пока никто дать не может. И так, социальные сети, это сообщества для поиска и общения людей по общим интересам. Появление социальных сетей в Интернете закономерно. Сначала было общение в виде пересылок по электронной почте, потом пользователи сети перешли на он-лайн общение в программах-менеджерах сообщений, таких как ICQ, Skype. В дальнейшем начали появляться различные сайты для общения и выражения своих мыслей – форумы, блоги. Следующим шагом на пути развития всемирной паутины стали социальные сети. Сообщества не только предоставляют место для общения и встречи со знакомыми людьми, но и помогают реализовать свой собственный творческий потенциал. Действительно, у каждого пользователя есть своя страничка, можно на ней делать все что угодно. Можно менять фотографии, аватары хоть по несколько раз в день; можно выкладывать свои фотографии или любимые картинки в различных альбомах; можно прикреплять и смотреть видео файлы; можно создавать свои собственные группы друзей и т. д.

На сегодняшний день популярность социальных сетей очень высока. Тоже самое отмечают исследовательские компании. Так, например, по результатам исследования, проведенного компанией «Synovate», в июне 2008 года, 42 % всех опрошенных респондентов знают, что такое «социальные сети». Во время исследования было опрошено более чем 13 000 человек в Бразилии, Болгарии, Канаде,

* Елена Андреевна Шабельникова – магистр маркетинга, специалист по обработке и анализу данных компании ЦИОМ (Центр изучения общественного мнения) (г. Алматы).

Франции, Германии, Индии, Индонезии, Японии, Нидерландах, Польше, России, Сербии, Словакии, Южной Африке, Тайване, Объединенных Арабских Эмиратах и США в возрасте от 18 до 65 лет.

В другом исследовании, проведенном в США компанией «eMarketer», было выяснено, что 37 % взрослого населения в течение 2007 года хотя бы раз в месяц пользовались той или иной социальной сетью. Исследователи предсказывают, что 44,3 % пользователей Интернета в США будут принадлежать социальным сетям к концу 2008 года, а к 2011 году это количество возрастет до 49 %. Результаты исследования социальных сетей, проведенного компанией «comScore» показали, что наиболее популярные сообщества (по числу пользователей) за год выросли от 100 % до 800 %.

Вот что говорит по поводу развития социальных сетей директор алматинской компании «Grafica», которая на данный момент занимается разработкой особой казахстанской социальной сети, Дмитрий Рохлин: «Развиваться сообщества будут, разумеется. Сейчас наблюдаются две ярко выраженные тенденции: популярность тематических сетей и ослабевание интереса у пользователей нетематических сетей (таких как «В Контакте»). Социальные сети очень похожи на моду, а моду сложно прогнозировать».

Далее хотелось бы привести интересные факты, выявленные по результатам исследования и касающиеся пользователей социальных сетей:

- Наибольшее количество пользователей было отмечено в Голландии (49 %), в ОАЭ (46 %), в Канаде (44 %) и в США (40 %). Эти данные были получены компанией «Synovate», в результате исследования, о котором говорилось ранее.

Ниже приведены данные, полученные в результате исследования 49,3 миллионов человек компанией «Rapleaf» в июне 2008 года:

- Женщины в возрасте от 14 до 24 лет намного активнее ведут себя в социальных сетях, чем мужчины этого же возраста. А так же имеют большее количество друзей.
- Но в возрасте старше 35 лет мужчины оказались активнее, чем женщины той же возрастной категории.
- В среднем пользователи социальных сетей имеют от 2 до 25 друзей.

Отдельно хотелось бы рассмотреть, какие бывают социальные сети по тематикам. Кроме основных тематик, касающихся поиска друзей, одноклассников и однокурсников, бывают сообщества по интересам и сообщества специалистов. В последних собираются профессионалы-практики, сотрудничающие, применяющие свои практические знания. Хотелось бы отметить несколько интересных направлений социальных сетей:

- Сети с направленностью на изучение языков (www.livemocha.com, www.soziety.com).
- Детские социальные сети (www.Tipo.co.il, www.disney.ru).
- Ресурс общения профессионалов (www.WebMD.com).
- Корпоративные социальные сети, общение среди сотрудников одной компании (www.hrm.de).
- Национальные сообщества (www.tatarland.ru).
- Сообщества по организации и проведению выставок.
- Сообщества любителей книг (www.knigivruki.ru).
- Антисоциальные социальные сети, созданные для выплеска негативных эмоций (www.hatebook.org).
- Сети любителей животных (www.dogster.ru).

Тематики и направленности социальных сетей настолько разные, что участвовать можно сразу в нескольких, получая как общение и выплеск эмоций, так и информацию по профессиональным вопросам.

Глядя на этот далеко не полный список, вспоминаешь форумы, которые были так популярны до появления социальных сетей. Скорее всего, спад популярности форумов связан с формой представления участников социальной сети: в сообществах каждый человек регистрируется как реально существующая личность, имеет свою страничку, на которой выкладывает всю информацию о себе. А уже обсуждать различные темы можно либо в созданных группах, либо у себя на странице. В форумах участники указывают вымышленные имена и практически не выкладывают данных о себе. Социальные сети похожи на сайты знакомств. В различных сообществах можно найти не только друзей и знакомых, но и партнеров по бизнесу или свою половинку.

И все-таки, какие же социальные сети можно назвать самыми популярными и с какой скоростью они растут? По результатам исследования, проведенного в 2006–2007 году компанией «comScore», среди Интернет-пользователей старше 15 лет, количество регистрирующихся членов сообществ растет очень быстро. Результаты исследования можно увидеть в таблице ниже.

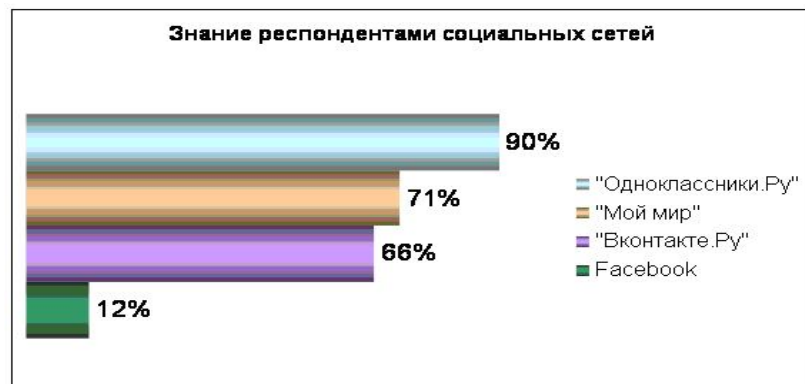
Социальные сети	Общее количество уникальных пользователей, млн		
	Июнь-06	Июнь-07	% рост
"MySpace"	66,401	114,147	72
"Facebook"	14,083	52,167	270
"Hi5"	18,098	28,174	56
"Friendster"	14,917	24,675	65
"Orkut"	13,588	24,120	78
"Bebo"	6,694	18,200	172
"Tagged"	1,506	13,167	774

Как мы видим из таблицы, общее количество уникальных пользователей растет очень стремительно. Лидирующими сообществами по количеству зарегистрированных человек можно назвать «MySpace» и «Facebook». Общий процент роста самый большой у компании «Tagged». За год количество пользователей выросло на 774 %.

Что касается данных о лидерстве сообществ, представленных этой же компанией за май 2008 года, можно сказать следующее: теперь лидирует социальная сеть «Facebook», оставив на втором месте своего конкурента – «MySpace». «Facebook» посетили 123,9 млн человек (больше на 6 % по сравнению с апрелем), тогда как «MySpace» посетили 114,6 млн (на 1 % меньше).

Далее, по последним данным следует «Hi5» (49,6 млн пользователей), «Friendster» (38,1 млн), «Orkut» (32,2 млн) и «Bebo» (25,1 млн).

К сожалению подобных данных о социальных сетях Казахстана пока нет, но рейтинг российских сообществ измерял исследовательский холдинг «Ромир». В ходе исследования было опрошено 1300 респондентов, в возрасте старше 18 лет. Самыми известными респондентам сообществами оказались следующие сайты: «Одноклассники.Ру», его знают 90 % опрошенных. Проект портала mail.ru «Мой мир», знают этот сайт 71 % респондентов. «В контакте» знают 66 % пользователей. А самую популярную англоязычную социальную сеть «Facebook» назвали только 12 % респондентов, тем самым сделав ее наименее известной по результатам данного исследования.

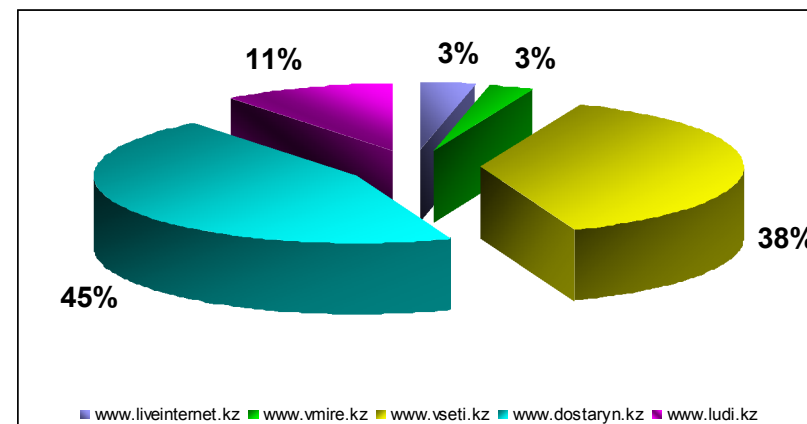

Среди сообществ по количеству зарегистрированных пользователей так же лидирует сайт «Одноклассники.Ру» – 72 % опрошенных. 44 % респондентов имеют свою страничку на сайте «В Контакте.Ру»

А есть ли вообще социальные сети в Казахстане? На сегодняшний момент мы хотели затронуть именно казахстанские социальные сети, как часть культуры данного вида информационных сервисов. В результате нашего поиска было найдено несколько социальных сетей зарегистрированных в зоне .kz. Итак, Казахские сетевые сервисы: www.liveinternet.kz, www.vmire.kz, www.vseti.kz, www.dostaryn.kz, www.beseda.kz, www.birge.kz, www.ludi.kz.

Всего в исследуемых социальных сетях Казахстана зарегистрировано 5036 человек. Больше всего участников было выявлено на сайте www.dostaryn.kz (45 %), на втором месте сайт www.vseti.kz (38 %), третьим по числу зарегистрированных пользователей является сайт www.ludi.kz (11 %), одинаковые доли имеют сайт www.liveinternet.kz и www.vmire.kz.

Ниже хотелось бы привести рейтинг казахстанских социальных сетей по количеству зарегистрированных на 15 сентября 2008 года.

Как мы видим, в современном мире очень популярны социальные сети. Они развиваются по всему миру, набирая все большую популярность. Социальные сети можно назвать инструментом межкультурных коммуникаций, так как в разных сетях могут общаться люди разной национальности и культуры. Отдельно хотелось бы дать определение, приведенное в Википедии: «Межкультурная коммуникация – общение между представителями различных человеческих культур (личные контакты между людьми, реже – опосредованные формы коммуникации (такие, как письмо) и массовая коммуникация)». Данное определение подтверждает вышесказанное об общении в социальных сетях, так как каждый пользователь сети Интернет может быть зарегистрирован не в одной сети, а сразу в нескольких. Это могут быть как иностранные сети, российские, так и местные. А так же это могут быть общества объединенные одной тематикой, сообщества по определенным интересам, в которых и происходит обмен культурами в процессе общения.

Использование механизмов «1С:Предприятие» для автоматизации рабочего места работника учебной части

Современные информационные технологии находят самое широкое применение во всех сферах жизнедеятельности. Благодаря их активному использованию у работников различных отраслей экономики появилась возможность выполнять операции, связанные с обработкой данных, значительно быстрее и качественнее.

Сегодня существует разнообразное программное обеспечение, позволяющее осуществлять сбор, обработку и хранение различной информации. Фирмы-производители программных продуктов стремятся максимально автоматизировать рабочее место любого специалиста.

Современные предприятия и организации активно используют стандартное программное обеспечение в своей деятельности. Однако, как показывает практика, наряду с его использованием возникает необходимость разработки новых модулей или даже приложений для более полной автоматизации работы сотрудников предприятия. Нередко для решения этой задачи программисты используют среду разработки системы «1С:Предприятие», так как она имеет открытую архитектуру и удобный интерфейс, позволяющий изменять типовые конфигурации, созданные Фирмой «1С», или разрабатывать собственные прикладные решения для той или иной предметной области. Используя систему «1С:Предприятие», специалисты-разработчики получают практически неограниченные возможности для полного удовлетворения запросов пользователей.

В настоящее время на базе платформы «1С:Предприятие 8» созданы прикладные решения, предназначенные для автоматизации деятельности различных служб предприятия: бухгалтерии, отдела кадров, отделов продаж и маркетинга, и т. д. Разрабатываются специальные конфигурации для строительных организаций, туристического бизнеса, учебных заведений и др. Для нас,

* *Татьяна Федоровна Шитова* – ст. преподаватель информатики кафедры экономики ф-та компьютерных технологий Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

работников сферы высшего профессионального образования, наибольший интерес представляют прикладные решения, созданные для образовательных учреждений.

К настоящему времени в этой предметной области автоматизирована деятельность работников бухгалтерии, отдела кадров, библиотеки, комбината питания и др. Существуют и прикладные решения для учебной части, позволяющие облегчить работу по составлению расписания, отслеживанию учебной нагрузки преподавателей и т. д. И в то же время некоторые отдельные участки работы приходится выполнять с помощью стандартных программ, это уже не очень эффективно. Так, например, не автоматизирована работа, связанная с учетом документов строгой отчетности (бланков дипломов о высшем образовании).

Как показывает практика, учет таких документов является довольно трудоемкой задачей, включающей в себя:

- учет поступлений бланков дипломов в учебную часть вуза;
- подготовку документации для передачи бланков на факультеты с указанием их номеров, вида (с отличием или без отличия) и количества;
- регистрацию выданных документов;
- учет оставшихся и испорченных бланков.

Кроме того, для отчета перед вышестоящими органами требуется заполнение большого количества различных отчетных форм. Все процедуры, связанные с движением подобного рода документов, как правило, оформляются с помощью пакета программ Microsoft Office. В результате одну и ту же информацию (например, № или вид диплома) приходится вводить неоднократно.

Для автоматизации процедуры учета таких документов было принято решение разработать в системе «1С:Предприятие 8» новую конфигурацию «Учет документов строгой отчетности», включающую справочники для хранения подробной информации о дипломах, документы, отражающие поступление и передачу на факультеты дипломов, а также сведения о том, какие дипломы были выданы, испорчены, возвращены в учебную часть. Для документов предусмотрены механизмы «ввода на основании» и проведение. Информация, хранящаяся в регистрах может быть выведена в различных разрезах: количество бланков полученных, выданных, испорченных и оставшихся; на какой факультет или кому из выпускников был выдан тот или иной бланк диплома. Также можно получить сведения о количестве выданных дипломов для разных форм обучения (дневной, заочной, очно-заочной и т. д.), информацию о том, сколько студентов получило диплом бакалавра, инженера, магистра и сколько было выдано дипломов с отличием и без отличия, и т. д.

Предусмотрено формирование печатных форм, являющихся сопроводительными документами при передаче дипломов на факультеты; загрузка и выгрузка данных в программу Microsoft Excel, что позволяет избежать ввода учебной частью и деканатами одной и той же информации.

Принимая во внимание тот факт, что среднестатистический вуз за год выпускает несколько сотен или даже тысяч дипломированных специалистов, автоматизация данного участка работы может существенно сэкономить трудозатраты работников учебной части и деканатов факультетов.

*Е. Ю. Щербина**, *Г. В. Цуба***

Интернет – инструмент межкультурных коммуникаций

Ключевая тенденция развития современного общества – переход от сырьевой и индустриальной экономики к информационной экономике, экономике знаний, базирующейся на интеллектуальных ресурсах, наукоемких и информационных технологиях. Информационные технологии оказывают мощное влияние и на сферу коммуникаций во всем мире. Взрывное развитие цифровых технологий и средств Интернета привело к тому, что знание перестало быть собственностью конкретного профессора или вуза. Интернет стал одним из самых значительных демократических достижений конца XX века. Благодаря ему общение между людьми, независимо от географических расстояний, стало намного проще.

Развитию межкультурной коммуникации способствует использование ресурсов глобальной компьютерной сети, что существенно помогает людям в поиске необходимой информации. Однако в настоящий момент объем литературы, в которой бы давалось описание оптимальных алгоритмов процесса поиска информации с использованием поисковых серверов недостаточен, в курсе информационных технологий данная проблема рассматривается неглубоко.

Объем информации, которой владеет наша цивилизация, удваивается каждые пять лет. Поэтому кроме освоения знаний, не менее важно освоение новых информационных технологий, с помощью которых можно находить, структурировать и использовать новую информацию.

Процесс интеграции России в международное экономическое и политическое сообщество выявил проблемы информационно-технологического и культурного плана. В условиях создания и использования межкультурных коммуникаций важно решить стратегическую задачу: наряду с базовыми лингвистическими знаниями обеспечить вхождение в чужую культуру и информатизированную практическую деятельность. В понятие межкультурной коммуни-

* *Елена Юрьевна Щербина* – ст. преподаватель кафедры прикладной информатики замдекана ф-та компьютерных технологий Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

** *Галина Валентиновна Цуба* – студентка 3-го курса ф-та компьютерных технологий Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

кации заложена идея равноправного культурного взаимодействия представителей различных общностей с учетом их самобытности и своеобразия, что обуславливает необходимость выявления общечеловеческого на основе сравнения иноязычной и собственной культур. Интернет не сводится к набору технических решений, это не просто компьютерные сети, это – сообщество связанных компьютерными сетями людей, активно действующих в новой Интернет-среде. Данное сообщество может и должно восприниматься как некое единое целое, хотя необходим психологический анализ определенных групп и подгрупп внутри сообщества пользователей Интернета, классификация этого сообщества по всевозможным параметрам.

Успех конкурентной борьбы в условиях «новой» информационной экономики зависит не только от возможностей и ресурсов компании, но и от умения развивать эффективные коммуникации. Для этого необходимо повседневное использование Интернета, который стал не только частью жизни каждого человека как члена современного общества, но и одним из важнейших инструментов конкурентоспособности фирмы. Востребовано умение обмениваться письменными или устными сообщениями без посредника и свободно, то есть спонтанно. Ведение спонтанной профессиональной беседы с носителем другого языка устно или, что еще более сложно, письменно предполагает высокий уровень знания языка, близкий к уровню носителя языка, активное владение им. Также желателен не только высокий уровень знания языка собеседника, но и традиций, присущих его национальной культуре.

Интернет – не только превосходный посредник между потребителями и поставщиками информации, но и одно из наиболее эффективных медиа-средств. К примеру, только московская аудитория Яндекса и Мэйла с 10 до 18 часов сопоставима с лидирующими телеканалами. Практически все значимые в мире газеты, радио и телеканалы имеют свои web-страницы. Все, о чем можно прочитать в газете, видно на первой странице: она представляет собой комбинацию рекламной афиши и содержания. Здесь анонсированы наиболее важные статьи с выдержками из них, которые, по мнению авторов, должны привлечь внимание читателей.

Таким образом, Интернет – средство межкультурных коммуникаций, представляющее собой коммуникационную модель «многие – многим», гипермедийный инструмент предоставления информации, отличающийся от традиционных СМИ интерактивной природой, высокой гибкостью и разносторонностью. Благодаря интерактивности, пользователь Интернета не обезличенный получатель информации, а активный участник, способный влиять как на контент, так и на коммуникативный процесс в целом. Интернет

воспитывает человека более инициативного и свободного. При этом затраты на коммуникации в глобальной сети невелики.

Важным преимуществом этого инструмента коммуникаций является оперативность, которая позволяет практически мгновенно распространять информацию, и глобальность – коммуникативный охват всего земного шара.

Принимая во внимания все вышесказанное, можно попытаться одним словом определить суть Интернета: это общение, общение между отдельными людьми и целыми нациями без вмешательства правительственных функционеров. Эта новая технология с огромной скоростью преобразует облик цивилизации, коренным образом меняя представление человечества о мире и самом себе. Опыт Интернета исчисляется всего лишь десятилетиями, сеть строится практически у нас на глазах. Нововведения Интернета (социальные сети, блоги, вики и т. д.) часто неожиданны и непредсказуемы, меняют само представление о коммуникациях. Тот, кто не использует его коммуникативные возможности, проигрывает уже сегодня.

Литература

1. Интернет – новое медиа 11.01.2006 <http://www.pr-internet.ru/>
2. <http://rating.rbc.shtm>

Использование музыкально-компьютерных технологий на уроках в общеобразовательной школе как фактор, влияющий на мотивацию к обучению и развитие личностных качеств школьников

Распространение новых информационных технологий обостряет ощущение мирового кризиса традиционного образования. Выход из такого кризиса – модернизация школьной образовательной системы, что предполагает не кардинальное изменение системы образования и полный пересмотр методической стороны, а изменение средств и форм познавательной деятельности учащихся, рождение и утверждение новых современных моделей образования, соединение с практикой, ориентированной на расширение интересов подростка.

На сегодняшний день можно уверенно утверждать, что возникло противоречие между системой образования и постоянно увеличивающимся потоком новых знаний. Отставание в использовании возможностей информационных компьютерных технологий в образовании и разработка различных моделей их использования является актуальной проблемой.

В Законе Российской Федерации «Об образовании» сказано, что образование – целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов).

Изложенное выше заставило многих музыкантов-исследователей и преподавателей-новаторов (И. М. Красильникова, А. О. Бороздина, И. Айдарову, П. Л. Живакина, Т. А. Зятямину, Э. В. Заурову, Е. В. Орлову, О. Тарачеву и других) разрабатывать теорию применения и внедрения компьютерных технологий в системе об-

* *Дилара Марсовна Юланова* – аспирант, ст. лаборант кафедры культурологии социально-гуманитарного ф-та Башкирского государственного педагогического ун-та им. М. Акмуллы (г. Уфа).

щего музыкального образования, как один из факторов стимулирования творческой и познавательной деятельности.

Как известно, целенаправленное и систематическое музыкальное воспитание осуществляется на уроках музыки. Учащиеся XXI века существенно отличаются от детей даже начала второй половины XX века. По мнению учителя музыки г. Санкт-Петербурга Б. С. Рачиной, заслуженного учителя России, одним из объективных факторов, которые определяют существенные возрастные особенности современных школьников, является научно-технический и информационный прогресс. На детей обрушивается огромный массив самой разной, в том числе и музыкальной информации [См.: 1]. Поэтому в сфере музыкальной педагогики главной тенденцией становится ознакомление учащихся с информационно-компьютерными технологиями, что значительно усиливает мотивацию детей к обучению, усвоению материала (применение мультимедиа технологий и игровых компонентов, включенных в мультимедиа программы, игру на музыкально-компьютерных инструментах).

Так как нахождение способов повышения мотивации учения является важной задачей, и вся деятельность учителя музыки должна быть направлена на личность ребенка, на его воспитание и обучение, то разнообразные формы и методы с участием музыкально-компьютерных технологий на уроках музыки, разовьют в школьниках:

- современное видение и осознание окружающего мира и себя в нем;
- убеждения, музыкальные вкусы, потребности, воображение, эмоциональную отзывчивость, музыкальное мышление, которые будут соответствовать информационному обществу XXI века;
- знания, умения, навыки, направленные на нестандартные решения и иное освоение музыкального искусства;
- совокупность способностей, творческих возможностей, определяющих успех музыкальной деятельности (слушание музыки, пение, игра на музыкально-компьютерных инструментах);
- совокупность реакций на внешние воздействия.

На современном этапе развития педагогической науки и практики актуальными являются проблемы формирования личности. Только самостоятельная, творческая, социально ответственная, конструктивно вооруженная личность способна оказывать позитивное воздействие на свою жизнь и окружающий мир.

К. К. Платонов разделил все качества личности на четыре иерархических уровня-подструктуры: уровень темперамента, связанный с особенностями нервной системы; уровень особенностей психических процессов, который образует качества, характеризую-

ющие индивидуальный характер ощущений, восприятия, воображения, внимания, памяти, мышления, чувств, воли; уровень опыта личности – такие качества, как знания, умения, навыки, привычки; уровень направленности личности, объединяющий социальные по содержанию качества, определяющие отношение человека к окружающему миру (интересы, взгляды, убеждения, социальные установки, ценностные ориентации), морально-эстетические принципы) [См.: 4].

Применение на уроке технических и наглядных средств обучения должно быть глубоко продуманным и не превращаться в самоцель. Их разумное использование, соответствующая дозировка и качество обеспечивают успешное решение задач музыкального воспитания и развития школьников.

Музыкальная культура школьников формируется в процессе активной музыкальной деятельности. Так, в пении, во время слушания музыки и игры на музыкальных инструментах, учащиеся знакомятся с произведениями, учатся понимать их, усваивают знания, приобретают навыки и умения, необходимые для их эмоционально-осознанного восприятия и выразительного исполнения. Поэтому чем разнообразнее и активнее деятельность детей на уроке, тем успешнее может осуществляться развитие их музыкальных и творческих способностей, формирование интересов, вкусов, потребностей.

Авторы Л. Г. Дмитриев и Н. М. Черноиваненко в учебном пособии «Методика музыкального воспитания в школе» предлагают следующие методы и приемы для развития звуковысотного, ладового, ритмического слуха: игровые ситуации с использованием приемов наглядного изображения, которые, на наш взгляд, очень удобно воспроизводить с помощью мультимедиа или интерактивной доски – прогрессивного способа представления информации. Например, показ ритмического рисунка с помощью фигурок. Большие фигурки обозначаются долгие звуки («та»), соответственно, маленькие – короткие («ти») [См.: 2]. Мультимедийные технологии – особый вид компьютерных технологий, объединяющие в себе как визуальную информацию (текст, графика), так и динамическую – речь, музыку, видеофрагменты, анимацию. Такие технологии позволяют на традиционных уроках музыки активизировать образовательный процесс за счет усиления наглядности и сочетания логического и образного способов освоения информации (визуальной, текстовой и аудиальной).

Если оборудовать целый компьютерный музыкальный класс в общеобразовательной школе, возможно обучение учащихся игре на музыкально-компьютерных инструментах (MIDI) и формирование музыкально-творческого мышления. Игра на таких компь-

ютерных инструментах может сопровождаться наглядными приемами с помощью мультимедиа-технологии. Задания и мелодии для исполнения могут быть различными (от простых мелодий до более сложных). Большую роль в развитии музыкального воображения и мышления учащегося, формировании его художественного вкуса имеет правильно подобранный репертуар. Методическую игру «Музыкальная лестница», направленную на слуховое запоминание, анализ высотных соотношений и формирование музыкально-слуховых представлений, лучше всего использовать на начальном этапе обучения игре на музыкально-компьютерных инструментах.

Применение синтезатора на уроках музыки значительно повысит эффективность работы по развитию полифонического и тембрового слуха, ладового и метроритмического восприятия. Синтезатор может быть использован для изучения музыкальной грамоты, поскольку клавиатура инструмента, аналогична фортепианной, представляет собой наглядную модель лада.

Синтезатор – электронный инструмент, который расширяет кругозор школьника, приближает его слуховые навыки к новым достижениям современной подобранной музыки и удерживает интерес к музыкальным занятиям. Технические возможности клавишного синтезатора позволяют разработать нетрадиционную методику развития музыкальных способностей и творческих навыков детей. Например, учитель музыки может познакомить школьников со звучанием инструментов с помощью игр «Угадай-ка», «Эхо»; с разнообразными музыкальными стилями – старинной, классической, современной академической, популярной, народной музыкой. Также можно использовать различные формы организации при обучении на компьютерных музыкальных инструментах: коллективные, индивидуальные (с использованием наушников), соревновательные, в виде ансамбля.

Таким образом, приведенные выше примеры использования компьютерных технологий на уроках музыки в общеобразовательной школе показывают усложнение, качественное изменение педагогических методик, в которых мы видим попытку направленную на формирование человека новой формации. Возможно, благодаря творческому подходу и овладению компьютерными технологиями как клавиатурой фортепиано, учителя преобразят уроки музыки.

Литература

1. *Абдуллин Э. Б.* Теория музыкального образования: Учебник для студентов высших педагогических учебных заведений / Э. Б. Абдуллин, Е. В. Николаева. – М.: Изд. центр «Академия», 2004.

2. *Дмитриева Л. Г.* Методика музыкального воспитания в школе: Учебник для студ. средних пед. уч. заведений / Л. Г. Дмитриева, Н. М. Черноиваненко. – М.: Изд. центр «Академия», 2000.

3. Закон Российской Федерации «Об образовании» [Электронный ресурс]. – [Режим доступа: <http://www.znania.ru/zakon/index.htm>, свободный].

4. *Селевко Г. К.* Энциклопедия образовательных технологий. – М.: НИИ школьных технологий, 2006. – Т. 1.

Научное издание

**Мультикультуральная современность:
Урал-Россия-Мир**
(в рамках проекта «Урал – перекресток культур
и народов: проблема мультикультуральности»)

**Материалы XII Всероссийской научно-практической
конференции (с международным участием)
Гуманитарного университета
2–3 апреля 2009 года**

Том второй

Редакторы:

А. В. Гоштейн, С. В. Фельдман, Е. А. Цепелева

Компьютерная верстка:

Т. В. Архипова, В. В. Курьянович

Подписано в печать 11.03.2009. Формат 60х90/16.
Бумага для множит. аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 48,13. Тираж 500 экз. Заказ №

Гуманитарный университет

620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19

Лицензия № 8966 от 18.06.2007

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «ИРА УТК»

г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42.

